

**Руководство к изучению Священного
Писания Нового Завета. Апостол
Аверкий (Таушев), архиепископ
Сиракузский и Троицкий**

О книге Деяний Святых Апостолов

Предварительные сведения

Писатель книги и цель её написания

Книга Деяний святых апостолов, как это видно из первых же слов её, является прямым продолжением Евангелий. Автор её поставил себе целью описать события, происшедшие вслед за Вознесением Господа Иисуса Христа, и дать очерк первоначального устройства Церкви Христовой на земле трудами святых апостолов, по преимуществу святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Святой Иоанн Златоуст в первой своей беседе на книгу Деяний апостольских пространно разъясняет великое значение для христианства этой книги как подтверждающей фактами из жизни апостолов истину евангельского учения. «Настоящая книга, – по словам св. Златоуста, – содержит в себе по преимуществу доказательства воскресения... Итак, вот в чём состоит содержание и главная цель этой книги». Этим и объясняется, почему в пасхальную ночь до наступления часа прославления события Воскресения Христова верующие подготавливают себя к празднованию этого великого и радостного события чтением в храме книги Деяний. По этой же причине книга Деяний Апостольских прочитывается вся в период Пятидесятницы за Божественной литургией, совершаемой ежедневно.

Книга Деяний апостольских, по указанию самого писателя её (см. 1:1–2), является второй его книгой, написанной для некоего Феофила. Из этого несомненно, что книга Деяний написана как продолжение третьего Евангелия и, следовательно, автором её является то же самое лицо, которое было автором третьего Евангелия, то есть святой апостол и евангелист Лука, бывший спутником и сотрудником св. апостола Павла. О принадлежности книги Деяний св. Луке мы находим сведения уже во второй половине II века – у св. Ириния Лионского, в послании Лионской и Виеннской церкви к церквам Асийским и Фригийским, у Климента Александрийского, у Тертуллиана, в древнем так называемом Мураториевом каноне, у Оригена, в древнем сирском Пешито, а также и у многих позднейших христианских писателей. Намёки на существование

этой книги и даже ссылки на неё мы находим и у более ранних писателей, как, например, у св. Игнатия Богоносца, еп. Антиохийского, у св. Поликарпа, еп. Смирнского, у св. Иустина Мученика.

На то, что писателем этой книги был св. Лука, мы находим достаточно ясные указания и в самом её содержании. Писатель её нередко представляется в ней, как спутник и сотрудник святого апостола Павла. Таковы, например, места 16:10–17; 20:5–15; 21:1–17; 27:1; 28:16. Этим и объясняется, почему книга Деяний повествует больше всего, а во второй своей половине почти исключительно, об апостольской деятельности св. апостола Павла. Даже самый тон повествования и стиль книги напоминают нам тон и стиль Евангелия от Луки.

Время и место написания книги Деяний Святых Апостолов

Повествование книги Деяний заканчивается указанием на то, что святой апостол Павел прожил в Риме два года и невозбранно проповедовал там учение Христово (28:30–31). О мученической смерти апостола, которая последовала в Риме при императоре Нероне 29 июня 67 года, здесь ничего не упоминается. Из предания же церковного известно, что апостол Павел, оправданный на суде кесаря, после двухлетнего пребывания в Риме вновь возвратился в Иерусалим и совершил ещё одно, четвёртое, миссионерское путешествие. Из этого можно заключить, что книга Деяний написана св. Лукой около 63 или 64 года по Р. Х. в городе Риме. В посланиях своих к Колоссянам (4:14) и к Филимону (ст. 24), писанных, как известно, святым Павлом из Рима, он упоминает о Луке как о находящемся с ним в Риме. О том же, что книга Деяний написана в Риме, имеется свидетельство и западного отца Церкви блаженного Иеронима. Только еретики маркиониты, манихеи, евионеи и североариане пытались отрицать подлинность книги Деяний, так как содержание её слишком резко опровергает их лжеучения, почему эта книга и была для них крайне неприятна и неприемлема.

Содержание книги Деяний Святых Апостолов

Книга Деяний содержит описание событий от Вознесения Господа Иисуса Христа до прибытия св. апостола Павла в Рим и, таким образом, охватывает период времени около 30 лет.

В первой половине её – с 1 по 12 главу – повествуется по преимуществу об апостольской деятельности святого апостола Петра среди иудеев в самой Палестине, во второй половине – с 13 по 28 главу – о деятельности святого апостола Павла среди язычников и о распространении им учения Христова уже за пределами Палестины. Таким образом, книга Деяний рисует нам картину, как Церковь Христова, утвердившись среди иудеев в Палестине, согласно с предречениями Самого Господа, при упорном неверии главной массы иудейского народа перешла потом в мир языческий и постепенно распространилась в передней Азии и южной Европе. Содержание книги Деяний по главам следующее:

Глава 1-я: Первая книга писателя. Наставления и обетования Господа апостолам перед Вознесением и Вознесение Господне. Речь св. апостола Петра о необходимости избрания нового апостола на место отпавшего Иуды Искарота и избрание Матфия.

Глава 2-я: Сошествие Св. Духа на апостолов в день Пятидесятницы. Речь апостола Петра и её могущественное действие. Характер жизни и религиозно-нравственного состояния первой христианской общины в Иерусалиме.

Глава 3-я: Чудесное исцеление св. апостолом Петром хромого от рождения. Речь св. апостола Петра в связи с этим к народу с призывом к покаянию.

Глава 4-я: Заключение свв. апостолов Петра и Иоанна в темницу. Допрос апостолов в синагогине, запрещение им проповедовать об имени Иисусове и отпуск их на свободу. Молитва апостолов и ниспослание верующим благодати Св. Духа. Взаимная любовь членов первой христианской общины.

Глава 5-я: История Анании и Сапфиры, утаивших часть денег за проданное имение. Чудеса, совершавшиеся свв.

апостолами. Новое гонение синагги на апостолов, заключение их в темницу, освобождение их Ангелом, проповедь в храме и ответ перед синаггой. Совет Гамалиила и отпуск апостолов на свободу после нанесённого им бесчестия, которое они приняли с радостью.

Глава 6-я: Избрание 7 диаконов. Проповедь архидиакона Стефана и обвинение его перед синаггой в хуле на закон Моисеев.

Глава 7-я: Защитительная речь архидиакона Стефана перед синаггой и его мученическая кончина.

Глава 8-я: Великое гонение на Церковь в Иерусалиме после убийства Стефана. Насаждение Церкви в Самарии диаконом Филиппом. Низведение Духа Святого на верующих в Самарии свв. апостолами Петром и Иоанном. История Симона Волхва. Благовестие Филиппа евнуху эфиопской царицы.

Глава 9-я: Обращение Савла ко Христу на пути в Дамаск. Крещение его Ананией. Проповедь Савла в Дамаске. Бегство его от иудеев, замышлявших убить его. Пребывание новообращённого Савла в Иерусалиме. Св. апостол Пётр в Лидде и исцеление им Энея. Пребывание св. апостола Петра в Иоппии и воскрешение им Тавифы.

Глава 10-я: Обращение ко Христу первого язычника – Корнилия сотника после вразумительного видения, бывшего св. ап. Петру.

Глава 11-я: Упрёки святому апостолу Петру со стороны обрезанных за общение его с необрезанными и объяснения Петра. Проповедь христианства вне Палестины, особенно в Антиохии. Варнава и Савл в Антиохии. Пророчество о голоде и милостыня, посланная христианам в Иудею.

Глава 12-я: Гонение на Церковь со стороны Ирода, убийство Иакова, заключение в темницу Петра и чудесное освобождение его оттуда Ангелом по молитвам Церкви. Смерть Ирода, изъеденного червями. Возвращение Варнавы и Савла из Иерусалима в Антиохию.

Глава 13-я: Путешествие Варнавы и Савла в Кипр и обращение проконсула Сергия Павла. Проповедь их в Пергии и Антиохии Писидийской. Речь св. апостола Павла в синагоге,

упорное неверие иудеев и обращение его вследствие этого к язычникам. Гонение на Варнаву и Павла.

Глава 14-я: Проповедь Павла и Варнавы в Икони, Листре и Дервии. Исцеление хромого в Листре и попытка тамошних язычников принести им жертву. Гонение на апостолов, побиевание Павла камнями. Обратный путь апостолов в Антиохию через города с ново-основанными ими христианскими общинами.

Глава 15-я: Смущение в церкви Антиохийской относительно необходимости для христиан из язычников соблюдать закон Моисеев. Апостольский собор в Иерусалиме по этому поводу. Несогласие между Павлом и Варнавой. Отправление Павла с Силой во второе апостольское путешествие.

Глава 16-я: Павел в Листре и Дервии и обрезание Тимофея. Путешествие до Троады. Видение мужа-македонянина и путешествие в Македонию. Павел в Филиппах: обращение Лидии, изгнание прорицательного духа, заключение Павла и Силы в темницу, чудесное освобождение из темницы и обращение ко Христу темничного стража.

Глава 17-я: Павел и Сила проповедуют в Фессалонике, а затем в Верии. Павел в Афинах и речь его в ареопаге.

Глава 18-я: Павел проповедует в Коринфе: Господь ободряет его в видении. Обвиняемый перед проконсулом Галлионом, Павел освобождается и отправляется в Ефес, посещает различные города и утверждает учеников. Проповедь Аполлоса, наставленного Акилой и Прискиллой.

Глава 19-я: Третье апостольское путешествие Павла: прибытие его в Ефес. Крещение учеников Иоанновых и низведение на них Св. Духа. Чудеса Павла в Ефесе и их действие. Иудейские заклинатели, избитые злым духом. Сожжение волшебных книг. Возмущение против Павла и христиан, произведённое Димитрием серебряником.

Глава 20-я: Путешествие Павла в Македонию, Грецию и обратно до Троады. Воскрешение Павлом Евтиха в Троаде. Дальнейшее путешествие до Милита. Прощальная речь Павла пресвитерам ефесским.

Глава 21-я: Павла убеждают не ходить в Иерусалим, но безуспешно. Путешествие его от Милита до Кесарии. Павел в

Кесарии и пророчество Агава о предстоящих ему узах. Прибытие Павла в Иерусалим, возмущение против него иудеев и его узы.

Глава 22-я: Речь Павла к народу о своём обращении и призвании к апостольству. Крик народа, распоряжение о бичевании Павла и отмена его. Павел перед синедрионом.

Глава 23-я: Распоряжение первосвященника Анании бить Павла по устам. Распря между обвинителями Павла фарисеями и саддукеями. Господь ободряет Павла. Решительное намерение иудеев убить Павла. Отправление Павла под сильной стражей к правителю Феликсу в Кесарию.

Глава 24-я: Апостол Павел перед судом прокуратора Феликса. Обвинение его иудеями и защитительная речь его. Отсрочка решения. Проповедь Павла о Христе Феликсу и жене его. Смена Феликса новым прокуратором Фестом: оставление Павла в узах.

Глава 25-я: Прокуратор Фест в Иерусалиме и жалобы ему на Павла со стороны иудеев. Павел на суде перед Фестом: обвинение против него иудеев. Павел требует суда кесарева. Прибытие в Кесарию царя Агриппы и Вереники: Павел в судебной палате перед Агриппой.

Глава 26-я: Защитительная речь Павла перед Агриппой, Фестом и другими с изложением обстоятельств своей жизни и обращения ко Христу. Признание Павла невинным.

Глава 27-я: Отправка Павла в Рим на суд кесаря. Предостережение Павла, которое не было принято во внимание, и сильная буря. Корабль сел на мель: находившиеся на корабле спаслись вплавь на берег.

Глава 28-я: Гостеприимство иноплеменников на острове Мелит. Ехидна, не причинившая Павлу вреда. Исцеление Павлом многих больных на острове. Дальнейшее путешествие, прибытие в Рим и проповедь в Риме.

Значение книги Деяний Святых Апостолов

Это значение выразительно подчёркивает св. Иоанн Златоуст в своей первой беседе на эту книгу. В ней мы видим исполнение тех пророчеств, которые Господь изрёк Своим апостолам в Евангелиях, в ней мы видим торжество веры Христовой над миром сим, во зле лежащим, несмотря на человеческую слабость апостолов, не обладавших никакими внешними материальными средствами и данными для распространения и утверждения евангельского учения, в ней мы видим, как сами апостолы сделались словно другими людьми после сошествия на них Святого Духа; безбоязненно и с великим мужеством и самоотвержением, несмотря на все постигавшие их гонения и преследования, проповедовали они учение Христово по всем концам тогдашнего культурного греко-римского мира и в короткий срок основали повсюду множество христианских общин, в жизни своей осуществлявших заветы Евангелия. Книга Деяний ярко свидетельствует, что проповедь апостолов – это дело не человеческое, но дело Божие (вспомним слова мудрого Гамалиила, давшего совет иудеям не преследовать учеников Христовых – Деян. 5:38–39). Особенно поучительно описание жизни первых христиан, имевших «одно сердце и одну душу» (Деян. 4:32), что было полной противоположностью жизни всего остального тогдашнего мира, утопавшего в эгоизме и всевозможных грехах и пороках. Для пастырей Христовой Церкви книга Деяний важна тем, что даёт им образец церковного благочиния и управления Церковью, основанного на так называемой «соборности» (пример – первый апостольский собор в Иерусалиме – Деян. гл. 15), и излагает существенные обязанности пастыря Церкви (беседа апостола Павла с пресвитерами ефесскими – Деян. 20:18–35).

Но самое важное в этой книге, конечно, то, что она, как никакая другая книга, свидетельствует о величайшей истине христианства – Воскресении Христовом. Наилучшим доказательством истины Воскресения Христова служат чудеса,

совершённые апостолами, а книга Деяний есть не что иное, как повествование о чудесах апостольских прежде всего.

Часть I. Церковь Христова из иудеев (главы 1–12)

Глава первая

Предисловие к книге Деяний (стихи 1–3). Наставления и обетования Господа пред Вознесением и Вознесение Его (стихи 4–11). Речь св. апостола Петра об избрании нового апостола на место Иуды и избрание Матфия (стихи 12–26)

Предисловие к книге Деяний

(стихи 1–3)

В предисловии автор обращается к некоему Феофилу и при этом указывает на свою «первую книгу», в которой он описал всё, «что Иисус делал и чему учил от начала». Слишком очевидно, что здесь речь идёт о третьем нашем каноническом Евангелии, которое написано Лукой для того же «державного Феофила». Св. Лука указывает на внутреннюю органическую связь между своим Евангелием и этой второй книгой, которая должна служить как бы продолжением первой. «О всех», или о «всём», конечно, только относительно, ибо св. Иоанн считает даже невозможным описать всё (Ин. 21:25). «Всё» здесь сказано в смысле «всё необходимое» для того, чтобы можно было познакомиться с жизнью, деятельностью и учением Господа Иисуса Христа и уверовать в Него как Сына Божия. «Что начал делать и чему начал учить Иисус». Дееписатель хотел этим выразить то, что в Своей земной жизни Господь только начал творить и учить, а будет это продолжать через свв. апостолов (деяния коих в предлагаемой им книге будут описываться) и, само собой разумеется, через их преемников до скончания века (Мф. 28:20). «До того дня, в который Он вознёсся». – Вознесение Господне указывается здесь как поворотный пункт: это – конец евангельской и начало апостольской истории. До этого момента имела место видимая деятельность Господа на земле, с сего же момента начинается Его невидимая деятельность. «Заповедав Апостолом Духом Святым» – важность этого поворотного пункта истории спасения человечества в том, что Господь вознёсся, оставив Своим ученикам заповедь – завещание как выражение Его последней воли о распространении и утверждении Его учения во всём мире. «Духом Святым» – Господь Иисус Христос всё творил «Духом Святым», ибо, по выражению блж. Феофилакта, «где творит Сын, содействует и соприсутствует Дух, как единосущный». Это завещание дано не всем, а только тем, которых Он избрал на это великое дело. «Которым и явил Себя

живым» – для того чтобы апостолы могли свидетельствовать о Нём во всём мире. Господь явил им Себя живым после страданий и смерти Своей и уверил их в истине Своего воскресения, в продолжение сорока дней являясь им. Книга Деяний, таким образом, дополняет Евангелие, указывая, что хотя Господь и не пребывал со Своими учениками непрестанно после Воскресения Своего, но многократно являлся им и лишь через сорок дней вознёсся от них на небо. В течение этого срока Он учил их тайнам Царствия Божия, надо полагать, устройению этого Царствия, или Церкви Христовой, на земле, дабы подготовить их к предстоящей им апостольской деятельности.

Наставления и обетования Господа перед вознесением Господа и вознесение Его

(стихи 4–12)

«С ними же и ядый», по другому толкованию греческого слова: «И собрав их, Он повелел им: не отлучайтесь от Иерусалима» – это требовало от учеников немалого самоотвержения, ибо им, конечно, не хотелось бы оставаться в этом враждебном их Учителю и им самим городе. Но такова была воля Божия: от Сиона должен был произойти закон, и Слово Господа от Иерусалима (Исаия 2:2 и далее) – именно там, где вражда против Бога и Христа Его достигла своего наивысшего выражения, должно было явиться преизбыточество благодати Божией и начаться распространение Евангелия по всей вселенной. С этим тяжёлым повелением оставаться во враждебном городе Господь сейчас же соединил радостное обетование о ниспослании апостолам всемогущего Покровителя и Руководителя от Всемогущего Отца – Духа Святого: несомненно, что под «обетованием Отчим» разумеется именно Дух Святой, ниспослать Которого было обещано Богом Отцом ещё в Ветхом Завете через пророков (например, Ис. 44:3; Иоил. 2:28). «...О чём вы слышали от Меня» – о Духе Святом Господь говорил апостолам многократно, а особенно в Своей последней прощальной беседе, называя Его «иным Утешителем» (Лк. 12:11; Мф. 10:20; Ин. 14:15–17, 26; 15:26; 16:7, 12–15). «Ибо Иоанн крестил водою» – об этом сошествии Св. Духа говорил сам величайший из пророков св. Иоанн, который противопоставлял своему водному, как только приуготовительному, крещению крещение Духом Святым (Мф. 3:4; Лк. 3:16; Ин. 1:33). Выражение «будете крещены Духом Святым» образно указывает на полноту и обилие даров Духа Святого – апостолы как бы погружаются в эту всеочищающую и оживотворяющую силу Св. Духа. «Через несколько дней» – Господь не указывает точно дня сошествия Св. Духа, дабы ожидание поддерживало в апостолах непрестанное духовное бодрствование и радостное желание исполнения этого великого

обетования, возгревая тем самым и их веру. Исполнилось же это через десять дней по Вознесении Господа, в день иудейской того года и первой христианской Пятидесятницы.

«Не в сие ли время, Господи, постановляешь Ты царство Израилю?» – вопрос этот указывает на то, что апостолы всё ещё не расстались с общими для всех иудеев чувственными представлениями о Царстве Мессии. Только по сошествии на них Св. Духа они окончательно переродились духовно. Вопрос этот ученики Господа задали Ему потому, что им известно было предсказание пророка Иоиля об обильном излиянии даров Св. Духа в Царстве Мессии (2:28). Господь премудро устраняет этот неуместный вопрос, говоря: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти». Через несколько дней, когда сойдёт на них Дух Святой, они уже не будут задаваться таким вопросом: их дело – быть свидетелями Господа, то есть проповедниками Его Евангелия, а для этого они получают необходимую им силу, нашедшему Святому Духу на них. «Во Иерусалиме же и во всей Иудее и Самарии и даже до последних земли» – Иерусалим, как город, в котором Господь был предан распятию, должен первым услышать проповедь о Мессии распятом и воскресшем; затем Слово Божие должно быть в первую очередь проповедано всему избранному народу Божию во Иудее, потом самарянам, как ближайшим соседям, и затем уже язычникам по всему миру. «Сказав сие. Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их» – здесь указаны два момента: сначала Господь поднялся в глазах учеников, отделился от земли так, что ученики взором своим могли следить за Ним, парящим по воздуху, а потом скрылся за облаком. Быть может, это облако было символом присутствия славы Божией, каковая ещё в Ветхом Завете являлась под видом светлого облака (ср. Мф. 17:5). Поражённые величием зрелища, ученики, вероятно, долго смотрели, вперив свой взор в небеса, когда Господь уже скрылся от них, пока не явились им «два мужа» в белой одежде – несомненно, Ангелы. Белая одежда – символ их небесной чистоты и святости: только Ангелы могли принести ученикам весть о втором пришествии Христовом. «Мужи галилейские! что

вы стоите и смотрите на небо?» – в этом вопросе кроткий упрёк ученикам: незачем им оставаться так долго в таком бездеятельном положении; надо готовиться к предстоящему им ответственному делу, на которое они призваны вознёсшимся Господом. Все мысли учеников, как и всех, конечно, искренних последователей Христовых, должны быть направлены отныне на ожидание Его второго славного пришествия на землю, и вся жизнь должна быть подготовкой к нему. «Приидет таким же образом» – второе пришествие Господа будет подобно Его Вознесению, то есть Господь явится опять в Своем прославленном теле и видимым для всех образом. Значит, нельзя понимать второе пришествие только иносказательно, символически, как некоторые рационалисты его понимают. Сам Господь в Евангелии (Мф. 24:30) говорил, что Он явится «на облаках небесных с силою и славою великою». Это же подтверждают теперь и Ангелы. Итак, второе славное пришествие Господа – телесное, видимое – будет так же несомненно, как было Его телесное вознесение.

«Тогда они возвратились во Иерусалим, от горы, называемой Елеон». Из этого видно, что вознёсся Господь с горы Елеонской, которая находилась к востоку от Иерусалима. Так как Феофил не знал, видимо, Палестины, св. Лука поясняет, что гора Елеонская находилась в расстоянии субботнего пути: по учению раввинов, в субботу разрешалось пройти не более 2000 шагов, то есть около версты. Таковое расстояние было во время странствования евреев по пустыне от крайних палаток еврейского лагеря до скинии. Иосиф Флавий так же определяет расстояние Елеона от Иерусалима, указывая то 5, то 6 стадий, что как раз составляет около нашей версты. Гора Елеонская, которая была свидетельницей величайшего унижения Господа (Гефсиманский сад находился на западном склоне её), сделалась теперь свидетельницей Его высочайшего прославления – восхода на небеса, как Сына Божия, к Небесному Своему Отцу.

Речь св. Апостола Петра об избрании нового Апостола и избрание Матфия

(стихи 13–26)

По возвращении с Елеона все одиннадцать апостолов, которых Деяпистатель полностью перечисляет по именам, пребывали, по заповеди Господа, вместе в горнице, то есть в верхней комнате, где, удалённые от уличного шума, они беспрепятственно могли предаваться молитве, готовясь к принятию Св. Духа. Может быть, это была та же самая горница, где была совершена Тайная Вечеря. «Все они единоклассно пребывали в молитве и молении» – эти слова указывают на особый религиозный подъём, в котором находились ученики Господа по Его Вознесении. По словам Евангелия Луки 24:50, возвратились они в Иерусалим «с радостью великою». Эта радость и выражалась ими в усиленных единоклассных молитвах. Находясь в Иерусалиме, как овцы посреди волков, они, конечно, особенно нуждались в укреплении себя от всяких искушений такой молитвой. Вместе с апостолами находились и жёны во главе с «Мариею, Материю Иисуса». Это, конечно, были жёны-мироносицы, свидетельницы погребения и Воскресения Господа. Были здесь и названные братья Господа, которые ещё недавно не веровали в Него (Ин. 7:5), а теперь были уже в числе верующих. Были здесь и другие верующие, общим числом около 120 душ. Св. апостол Пётр, «уста апостолов, всегда пламенный и верховный в лице апостолов», по выражению св. Златоуста, став посреди учеников «в те дни», то есть в период времени между Вознесением Господа и Пятидесятницей, произнёс речь, в которой предложил собранию избрать нового апостола на место отпавшего Иуды Искарота. Здесь характерно, что «Пётр всё делает с общего согласия и не распоряжается ничем самовластно и как начальник» (св. Златоуст). Глубокое падение Иуды св. Пётр объясняет предопределением Божиим, которое отнюдь не уничтожает, однако, свободной воли человека, ибо это предопределение Божие, выражающееся в пророчестве, основывается лишь на

Божественном предведении: Бог знает, как употребит человек свою свободную волю, и в зависимости от этого предопределяет. Устраняя соблазн страшного падения Иуды для других, св. Пётр приводит пророчества, дабы показать, что в этом событии нет ничего необыкновенного, ибо оно уже было предсказано, а потому должно было совершиться. Выражение, что Иуда «получил жребий служения сего», нельзя понимать так, что он был избран Господом по жребию: это только образное выражение, означающее избрание, которое нередко производилось через метание жребия. Выражение «жребий служения», по-гречески «клирос тис диакониас», послужило основанием для наименования впоследствии лиц духовного сословия «клиром». Из речи св. Петра мы узнаём подробности страшной смерти предателя, о которых не говорят Евангелия. Выражение же: «приобрёл землю неправедною мздою», конечно, только особый оборот речи, указывающий на то, что на деньги, за которые Иуда предал Христа, была куплена потом земля для погребения странников, прозванная жителями Иерусалима «Акелдама», что значит «земля крови». Св. Лука поясняет это слово Феофилу, не знавшему еврейского языка; в этом пояснении не нуждались, конечно, слушатели Петра, а потому нельзя думать, что Пётр выразился в своей речи буквально так, как пишет Деятели. Пророческие слова об Иуде приведены из двух псалмов – [Пс. 68:26](#), и [Пс. 108:8](#). Первое из этих мест приведено с небольшим изменением, второе – буквально. В обоих этих псалмах изображается праведник, невинно страждущий от своих врагов, и содержатся прошения против врагов его в форме молитвы, главным образом против одного из этих врагов. Несомненно, что этот страждущий, кто бы он ни был в исторической действительности, сам ли царь Давид, или кто другой, был прообразом Мессии – Господа нашего Иисуса Христа, а враги его прообразовали врагов Господа, предавших Его на крестную смерть. Главный из этих врагов – совершитель предательства Иуда, почему апостол Пётр и меняет в первом изречении множественное число на единственное и прошение против врагов представляет как прошение против одного врага –

Искарриота. «Да будет двор его пуст» – это символ гнева Божия на обитавших в этом месте жительства. В применении к Иуде это означает: апостольское место его да будет праздно. Вместо недостойного оно должно быть замещено достойным, что и выражено в псалме: «Достоинство его да примет другой». Так как пророчество об извержении Иуды из сонма апостолов исполнилось, надо, чтобы исполнилось и другое – о замещении опустевшего места: надо избрать на место предателя другого и таким образом восполнить установленное Господом число 12 апостолов Его. Вероятно, на это восполнение было дано повеление Самого Господа, не записанное в Евангелии. Необходимым и единственным условием избрания нового апостола св. Пётр поставляет то, чтобы избираемый был свидетелем-очевидцем всей земной жизни и деятельности Господа Иисуса Христа. Это потому, что апостолы – прежде всего «свидетели», как их Сам назвал Господь (Лк. 24:48). Они должны свидетельствовать перед всем миром о том, что они сами видели и слышали (Деян. 4:20) – в этом особенная сила и убедительность их проповеди. С другой стороны, постоянное пребывание с Господом в течение трёх с половиною лет Его служения – достаточное речательство его веры, любви и преданности Господу: такому человеку можно доверить исполнение апостольского служения. «Начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознёсся от нас» – здесь как раз указывается начало и конец общественного служения Господа на земле, свидетелем которого должен быть избираемый. «Свидетель воскресения» – второе весьма важное условие избрания; главный предмет апостольского свидетельства – это свидетельство об истине Воскресения Христова, основной истины спасающей веры христианской. Необходимо, чтобы избираемый апостол был свидетелем действительности воскресения распятого и умершего Мессии.

Удовлетворявших этим условиям оказалось двое: Иосиф, называемый Варсавой, который прозван Иустом, и Матфий. Оба они неизвестны в евангельской истории. Есть предположение, что они были из числа 70-ти учеников Господа. Окончательное избрание из числа этих двух одного апостола предоставили

Самому Господу через жребий после усердной молитвы о том, чтобы Сам Господь показал, кого Он избирает. Таким образом, в избрании нового апостола совершилось двоякое действие – человеческое и Божественное: апостолы со всем обществом верующих избирают двух. Господь, по молитве их, указывает одного. «Ты Господи, Сердцеведец всех...» – так обратились они в молитве к Господу: Господь Сердцеведец, знающий душу каждого человека, знал, кто из двух более способен понести возлагаемое на него служение. Определение по жребию есть установление ветхозаветное, и в решении дел по жребию видели действие Самого Бога (см. Лев. 16:8 и далее; Числ. 17:1 и далее; Числ. 34:13; Нав. 14:2; 1Цар. 10:20). Писали обычно имена на листках; листки вкладывали в сосуд, встряхивали, и чей жребий первым вынимался из сосуда, тот и считался избранным. «И выпал жребий Матфию» – в этом увидели волю Божию, и «и он сопричтён к одиннадцати апостолам». Св. Матфий проповедовал потом Евангелие во Иудее и Эфиопии, и был побит камнями в Иерусалиме по приговору первосвященника Анана, особенного ненавистника христиан. Память его празднуется 9 августа. Другой кандидат, Иосиф, он же Иуст, был после епископом Елевферополя в Иудее и тоже окончил свою жизнь мученической смертью. Память его 30 октября.

Глава вторая

Сошествие Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы и недоумение народа (стихи 1–13). Речь апостола Петра и её действие на слушателей (стихи 14–42). Религиозно-нравственное состояние первой христианской общины в Иерусалиме (стихи 43–47)

Сошествие Святого Духа на Апостолов в день Пятидесятницы и недоумение народа

(стихи 1–13)

Великое событие сошествия Св. Духа на апостолов некоторые по всей справедливости называют «днём рождения Церкви Христовой». Это событие было вместе с тем и завершением всего дела домостроительства Божия – дела спасения рода человеческого. «Чему быть благоволил Бог Отец, что исполнил в Себе Сын Божий, – то присвоить верующим снисшел ныне Дух Святой» (еп. Феофан Вышенский). Просвещённые Духом Святым, апостолы мужественно и безбоязненно, с великим дерзновением начали проповедь о Христе, распятом и воскресшем из мёртвых, и Церковь Христова начала расти и множиться сначала среди иудеев в Палестине, а затем и среди язычников во всём мире – «даже до края земли» (Деян. 1:8).

Произошло это при наступлении дня праздника иудейской Пятидесятницы. Законом Моисеевым было постановлено праздновать 50-й день после наутрия субботы Пасхи, отсчитав от неё семь полных седмиц. Пасха иудейская в год смерти Христовой приходилась на вечер пятницы; первый день Пасхи приходился, следовательно, в субботу, наутрие субботы было, по-нашему, воскресение (в которое и воскрес Христос). От него нужно было отсчитать 7 полных недель. Таким образом, праздник иудейской Пятидесятницы приходился в тот год в воскресение и совпадал, таким образом, с днём первой христианской Пятидесятницы. Иудейская Пятидесятница установлена была в освящение жатвы или первых плодов, так как к этому дню оканчивалась жатва, начинавшаяся сразу после Пасхи. С этим праздником соединялось также у евреев воспоминание Синайского законодательства. Это был один из трёх важнейших праздников (Пасха, Пятидесятница, Кущи), на которые весь мужеский пол обязан был собираться для празднования в Иерусалим. Совпадение дня сошествия Святого

Духа с днём иудейской Пятидесятницы, конечно, не случайно и весьма символично.

К этому дню ученики Господа созрели и возросли духовно: тогда и снизошла на них полнота дарований Духа Святого, и они сами явились первыми плодами искупительного дела Христова. Кроме них, первыми плодами этого же дела Христова явились и крестившиеся в тот день три тысячи душ. Как христианская Пасха заменила собой иудейскую Пасху, так христианская Пятидесятница заменила собой в этот день Пятидесятницу ветхозаветную: «В какой день дан закон (ветхозаветный), в тот же нужно было даровать и благодать Духа, потому что как Спаситель, имея понести святое страдание, благоволил предать Себя на это страдание не в иное время, а в то, в которое закалили агнца, чтобы связать истину с самим образом, так и сошествие Святого Духа, по благоизволению свыше, даровано не в иное время, но в то, в которое дан закон, чтобы показать, что и тогда законополагал, и теперь законополагает Дух Святой... Так как в день Пятидесятницы сносили снопы новых плодов и разные лица сходились под одно небо в Иерусалиме, то в этот же день имело быть и то, чтобы начатки от всякого народа всех живущих под небом народов собирались в один сноп благочестия и по слову апостольскому приводились к Богу (блж. Феофилакт).

«Все они были единодушно вместе». Собраны были вместе, конечно, не только 12 Апостолов, как это можно заключить из дальнейшего повествования, но все верующие, может быть даже в большем числе, чем те 120 человек, о которых говорится в 1-й главе. В 14 ст. 12 апостолов довольно ясно различаются от других участников этого великого события. Собрание это, как можно предположить, происходило всё в той же горнице, где, видимо, постоянно собирались ученики после совершенной в ней Тайной Вечери. И «внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнился весь дом, где они находились...» Они ожидали сошествия Св. Духа, но, конечно, не знали, когда именно должно исполниться данное им о сем обетование, не знали и как это произойдёт, а потому и сказано, что это было внезапно, неожиданно для них, тем более что это

был час утренней молитвы и, вероятно, они собирались идти в храм. Выражение: «шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра» показывает, что это не был собственно ветер, а только один шум, напоминающий бурный ветер, но без самого ветра. Этот шум шёл сверху вниз, наполнил весь дом и был так силен, что привлёк к себе внимание многочисленного народа, собравшегося на праздник в Иерусалим.

«И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них» – языки были только подобны огненным, но без огня, как и шум был подобен ветру, но без ветра. Шум был, таким образом, знаком сошествия Св. Духа для слуха, языки – для зрения. Слышанный сильный шум был образом могучей силы, какую сообщал апостолам и всем верующим Дух Святой, огненные языки – образ того, что все бывшие тут получили дар речи пламенной, пожигающей, как огонь, всё нечистое, всё неправое и противящееся истине (см. Григорий Богослов, 4:17).

Непосредственно за этими внешними явлениями последовало внутреннее: «И исполнились все Духа Святого, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещавать». И прежде апостолы сподоблялись некоторых духовных дарований – теперь они исполнились Духа Святого: на них снизошла вся полнота благодатных духовных дарований – они преобразились, очистились, освятились и просветились действием Духа Божия, стали как бы совершенно другими, новыми людьми, а Дух Святой стал их постоянным вдохновителем и руководителем. Внешнее проявление этого благодатного преображения апостолов выразилось в том, что они «начали говорить на других языках, как Дух давал им провещавать». Это было предсказано Господом (см. Мк. 16:17). Как только в душах их возгорелся этот Божественный огонь, они, в естественном порыве священного восторга, начали возносить Богу слова хвалы и благодарения, прославляя величие Божие (Деян. 2:11). Это благодарение Богу они начали выражать громко вслух на разных языках, что и привлекло к ним особенное внимание собравшегося на шум многочисленного народа, пришедшего в Иерусалим на праздник из разных

близких и отдалённых стран. Дееписатель нарочно перечисляет все эти страны для того, чтобы показать, на сколь различных и многочисленных языках стали говорить ученики Христовы после сошествия на них Святого Духа. Здесь были жители и восточной Азии и западной, и Африки и Европы, и все они слышали между говорившими свой язык, понятную для себя речь. Это тоже было символичным. Здесь мы видим прообраз Церкви Христовой, в которую должны были войти все племена и народы, чтобы единым сердцем и едиными устами возносить хвалу Богу. Понятно значение этого дара языков: он должен был сделаться средством распространения веры Христовой на земле. При этом невольно припоминается, как этот дар Божий некогда был в руках Божиих орудием для наказания человеческой гордыни. Было некогда время, когда «на всей земле был один язык и одно наречие» (Быт. 11:1). Но человек, по гордости своей, задумал безумное предприятие, которое наказано было Богом через ниспослание гордецам различных языков, что заставило их, оставив работу, разойтись в разные стороны. Теперь же разделение языков явилось средством, чрез которое разделённые народности соединяются в единое целое – единую Церковь Христову. Прекрасно выражено это в дивном песнопении – кондаке праздника Пятидесятницы: «Егда снисшѣд, язѣки слия, разделяше язѣки Вышній; егда же ѡгненные язѣки раздаяше, в соединѣние вся призвѣ, и согласно славим Всесвятѣго Дѹха».

«В Иерусалиме же находились иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами...». Здесь идёт речь как об иудеях, живших прежде в разных странах и переселившихся на постоянное жительство в Иерусалим по религиозным побуждениям, так и о тех, которые временно пребывали в Иерусалиме, собравшись туда из разных мест на праздник Пятидесятницы. Иудеи около времени земной жизни Христа Спасителя действительно были уже во множестве рассеяны по разным странам – частью поневоле, как военнопленные, частью по своей воле, в интересах торговли и промышленности.

«Когда сделался этот шум, собрался народ и пришёл в смятение; ибо каждый слышал их говорящих его наречием» –

очевидно, шум, нёсшийся с неба на тот дом, в котором были собраны ученики, был слышен на значительное расстояние, и притом так, что слышавшие его в городе замечали, что он несётся к этому именно дому. Необычайность такого явления привлекла к дому громадное множество народа, быть может, шедшего в храм на утреннюю молитву. Вероятно, перед домом была большая площадь. Народ был поражён непонятным явлением: апостолы, видом своим очевидно обнаруживавшие своё происхождение из Галилеи, говорили на разных языках, так что каждый из собравшихся слышал свой собственный язык или наречие. Галилея славилась как страна тёмная, не отличавшаяся образованностью, а потому собравшийся народ удивлялся, как эти люди, необразованные, не учившиеся, могли заговорить на столь различных языках и наречиях. Можно полагать, что апостолы, прославляя Бога на разных языках, вышли на плоскую кровлю дома, а народ слушал их, окружая дом вокруг и заполняя всю площадь перед домом. Дееписатель перечисляет многие страны, из которых происходили эти люди.

«Изумлялись все и, недоумевая, говорили друг другу: что это значит? А иные насмехаясь говорили: они напились сладкого вина» – из этого видно, что не всеми одинаково было принято это чудесное событие. Люди благомыслящие справедливо видели в этом необыкновенное знамение, пытались догадаться, что оно предвещает. Но люди неверующие, злобные и легкомысленные, бывшие, может быть, из среды, враждебной Христу Спасителю, фарисейской и саддукейской партии, стали насмешливо объяснять происшедшее самым грубым образом – действием вина, оскорбляя, таким образом, Духа Божия. Так всегда неверие, легкомыслие и злоба самое высокое в духовной жизни силятся объяснить низкими до пошлости причинами, будучи не в состоянии понимать это высокое (1Кор. 2:14–15).

Речь Апостола Петра и её действие на слушателей

(стихи 14–42)

Изумление одних и грубые насмешки других побудили апостолов обратиться к народу с разъяснением совершившегося чуда. Дар языков был ниспослан всем ученикам Христовым, находившимся в доме; теперь из всех выделяются только 12 ближайших учеников Христовых, и от имени их всех св. апостол Пётр обращается к народу с первой апостольской проповедью. Он «возвысил голос свой» – речь его полна великого дерзновения, она торжественна, ясна и вразумительна. В лице собравшихся св. Пётр обращается ко всем жителям Иерусалима, мягко и кротко он устраняет подозрение в том, что ученики Господа «напились сладкого вина», «ибо теперь третий час дня». Это был час утренней молитвы, до которой никто из иудеев не вкушал пищи, тем более в такой великий праздник, как Пятидесятница. Далее в объяснение происшедшего св. Пётр приводит ветхозаветное пророчество Иоила (Иоил. 2:28–32), изречённое за 800 с лишком лет до того. В этом пророчестве Господь устами пророка даёт обетование людям о обильном сообщении даров Св. Духа всем верующим людям, с чем вместе соединяется угроза суда на нечестивых и обетование спасения праведным. Начальные слова пророчества: «После сего» – св. Пётр заменяет выражением: «И будет в последние дни» – выражение, относящееся у пророков к окончанию ветхозаветного времени и началу новозаветного; заменяя этим выражением неопределённое выражение «после сего», апостол, таким образом, очевидно, исключает отношение этого пророчества к какому-либо ветхозаветному времени, а относит исполнение его только ко времени новозаветному.

«Излию от Духа Моего на всякую плоть», вместо подлинных слов пророчества: «Излию Дух Мой», – смысл тот же, но апостол лишь указывает на разделение даров Св. Духа каждому верующему в отдельности. «Излияние» есть образ сообщения этих даров Св. Духа в особом изобилии, как бы в виде

изливаемой воды или дождя. Излияние «на всякую плоть» указывает на сообщение даров Св. Духа всем людям. Здесь имеются в виду, конечно, все те, кто вступает в открывшееся Царство Мессии (ср. Ис. 40:5; 66:22–24); только члены Царства Христова получают эту благодать Св. Духа. До Христа огромная часть человечества – язычники – были совершенно лишены даров Св. Духа, в иудействе дары Св. Духа сообщались лишь некоторым, избравшимся на особенное служение, в христианстве же – каждый верующий сподобляется этих благодатных даров через таинства. Это и начало исполняться со дня Пятидесятницы. Для примера указываются здесь и некоторые проявления этих даров Св. Духа как наиболее известные в Ветхом Завете: пророчества, видения, сновидения как средства сообщения Божественного Откровения людям. «Сыны ваши, и дочери ваши, и юноши ваши... и старцы ваши» – этим указывается, что Дух Святой изольётся Своими дарами на всех, без различия пола и возраста. Знаменательно выражение: «На рабов Моих и на рабынь Моих» – в подлиннике просто: «На рабов и на рабынь». В Ветхом Завете не было случая, чтобы рабы получали благодатные дары Св. Духа и пророчествовали, – в Новом Завете оковы рабства будут разрушены и Дух Святой будет изливать Свои дары на всех, без различия состояний, ибо в Царстве Христовом все равны пред Господом – все рабы Господа.

С этим предречением об обильном излиянии Св. Духа соединяется предречение об имеющем быть после сего суде над нечестивым миром и о спасении истинных поклонников Бога истинного. Знамена приближения этого последнего страшного суда Божия над человечеством: «Кровь, и огонь, и курение дыма». Это – символы кровопролития, возмущений, войн, опустошений. С этим соединятся и знамена на небе: затмение солнца и кровавый вид луны. Все эти ужасы на образном языке священных писателей обозначают вообще все те великие бедствия в мире человеческом, которые явятся предвестниками суда Божия над миром. Всё это произойдёт «прежде нежели наступит День Господень великий и славный». В Ветхом Завете под этим «днём» понимался «день Мессии» или вообще время

Мессии, в Новом Завете – день суда Мессии над миром, день Страшного Суда.

От суда, однако, «спасётся» тот, «всякий, кто призовет Имя Господне» – конечно, не в это только время и не устами только. «Призовет не просто, – поясняет св. Златоуст, ибо не всякий, говорит Христос, говорящий Мне: Господи, Господи, войдет в Царство Небесное, но призовет с усердием, при хорошей жизни, с должным дерзновением». Разумеются здесь истинно верующие в Господа праведники.

Какое отношение имело это пророчество к событию дня Пятидесятницы?

Когда апостол объяснял слушателям, что чудное событие, свидетелями которого они явились, есть исполнение ветхозаветного пророчества Иоилья, это само собой рождало мысль, что, следовательно, мессианское время уже наступило. Мессия уже пришёл. Но где же Он и Кто Он? И вот в дальнейшей своей речи св. апостол Пётр начинает своё благовествование о Христе. Он возвещает слушателям, что Мессия явился в лице «Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями...» Всем известные чудеса Христовы апостол вспоминает как доказательства Его мессианского достоинства. Однако для иудеев того времени крест, понесённый Христом, был большим соблазном. Дабы устранить этот соблазн, св. Пётр прибавляет, что предание и умерщвление Христово совершилось «по определённому совету и предведению Божию». Устраняя соблазн, что Бог мог быть распят и умереть, св. Апостол говорит о Христе применительно к иудейским понятиям, как о Человеке, Сыне Давидове, а потому и выражается, что «Бог воскресил Его», хотя Христос как Сын Божий воскрес Своею собственной силой и властью (см. Ин. 10:18). Говоря о Воскресении Господа, св. Пётр приводит убедительное для евреев свидетельство царя Давида из 15 псалма, ст. 8–11. Псалмопевец изображает в этом псалме праведника, который говорит о своём внутреннем тесном общении с Богом и выражает радость о том, что это общение не будет прервано смертью, что душа его не останется во аде и

самое тело его не подвергнется тлению, а будет наслаждаться полнотой жизни в Боге и радостью в общении с Ним. Апостол прямо указывает, что этого Давид не мог говорить о себе, так как он «умер и погребён», как обыкновенный смертный человек, а что это Давид говорил «о Нём», то есть о Христе. Говорил он это будучи пророком, в тесном смысле слова, или провидцем будущего, и «зная, что Бог с клятвою обещал ему от плода чресл его воздвигнуть Христа по плоти, и посадить на престоле его». Это действительно мы находим во 2-й книге Царств (2Цар. 7:12–16). Тут Бог дал такое обетование Давиду о непоколебимости дома его и о вечности престола и царства его, которое могло исполниться, конечно, только на Мессии, имевшем произойти по плоти из рода Давидова. Давид тогда же так это и понял и прославил Бога песнью в стихах 18–29. В 131 псалме говорится о том же предречении Господа Давиду, что из рода его произойдёт Мессия, причём оно названо «клятвой»: «Клялся Господь Давиду в истине и не отвержется её» в смысле совершенной непреложности предрекаемого (Пс. 131:11). «...зная, что Бог клятвою обещал ему... воздвигнуть Христа во плоти...», сказанное Давидом в 15 псалме, ст. 10, исполнилось не на нём самом, а на потомке его по плоти – Христе, ибо Христос, умерши плотью, сходил во ад с душой Своей, но не остался там, а проповедавав бывшим там духам об искуплении смертью Его всего человечества, снова оживотворил плоть Свою, Которая не видела тления, и воскрес из мёртвых (см. 1Пет. 3:18–19). Истину воскресения «сего Иисуса» св. Пётр удостоверяет свидетельством всех верующих: «Чему мы свидетели». Далее св. Пётр свидетельствует и о Вознесении Христовом, результатом чего явилось и это излияние благодати Духа Святого на верующих. Как истину Воскресения Христова св. Пётр утвердил на пророчестве Давида, что особенно важно было для слушателей его иудеев, так и истину Вознесения Господня он утверждает ссылкой на ст. 1 из 109 псалма. Давид, как известно, сам не восшёл на небеса, но говорит о Господе своём, что Бог посадил Его одесную Себя; ясно, что Давид говорит это не о себе, а о другом лице, и именно – о Мессии Иисусе из Назарета, Который вознёсся на

небеса. Господь Иисус Христос во время Своей земной жизни Сам приложил к Себе это пророчество (Мф. 22:42–45), а св. Пётр прилагает его ныне именно к Вознесению Господа и седению Его одесную Отца.

В заключение апостол делает практический вывод из всего сказанного: «Твёрдо знай, весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом сего Иисуса, Которого вы распяли» – распятый ими Иисус и есть именно Тот Мессия, о Котором предсказывали ветхозаветные пророки. «Которого вы распяли» – тут смелый и сильный оборот речи, которым апостол хотел, как бы острием, поразить сердца слушателей: Бог так возвысил и возвеличил Его, а вы Его распяли. «Прекрасно этим заключил своё слово, – говорит св. Златоуст, – дабы через то потрясти их душу».

Речь св. апостола Петра действительно возымела сильное действие на слушателей. Они «умилились сердцем», то есть пришли в состояние сердечного сокрушения, представив себе ясно, как тяжко они согрешили пред Богом и Мессией. Боговдохновенное слово апостола, подтверждаемое поразительным событием, очевидцами которого они явились, решительно убедило их в мессианском достоинстве Иисуса Назорея, и они обратились к Петру и прочим апостолам с вопросом, полным почтения, любви и доверия: «Что нам делать, мужи братия? » – то есть: что нам делать, дабы загладить наше преступление, получить прощение грехов и вступить в общение с отвергнутым Мессией?

Путь примирения с Богом св. Пётр от лица всех апостолов указывает не в каких-либо внешних делах ветхозаветной праведности, а в покаянии и крещении: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов: и получите дар Святого Духа». Здесь апостол требует от иудеев того же самого условия для вступления в Царство Мессии, которого требовали раньше и св. Иоанн Предтеча, и Господь Иисус Христос, начиная Свою проповедь (см. Мф. 3:2 и Мф. 4:17). Первое и необходимейшее условие для этого – покаяние, то есть решимость коренным образом переменить свою жизнь, в частности для иудеев – отказ от иудейства и

обращение к христианству. Второе условие – крещение во Имя Иисуса Христа. Слова эти не противоречат заповеди Самого Господа – крестить «во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа»: они обозначают только главное содержание веры и исповедания крестящихся – они должны уверовать во Христа как Мессию и с этой верой приступить ко крещению. За эти два дела апостол обещает им и два спасительных для них последствия: прощение грехов и дар Святого Духа. Спасение человека и совершается этим двояким путём: отложение ветхого человека с греховными деяниями его и облечение в нового – новотворение человека силой благодати Святого Духа.

«Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш» – обетование Божие, данное через пророка Иоиля об излиянии Духа Святого, принадлежит прежде всего иудеям как избранному народу Божию, а затем и всем народам земли» то есть язычникам, которых также призывает Господь в Своё Царство. Об этом св. Пётр, впрочем, говорит прикровенно, называя язычников «дальними», чтобы мысль эта не показалась иудеям соблазнительной, так как они только себя считали достойными Царства Мессии.

«И другими многими словесами...» Дееписатель не всё излагает, что говорил св. Пётр своим слушателям, а передаёт лишь сущность всего сказанного в увещании: «Спаситесь от рода строптивного сего», то есть стремитесь избежать того осуждения, которое ожидает строптивных иудеев, в ожесточённом упорстве своём не желающих уверовать в Мессию Христа. Суд над этим строптивным родом иудейским совершился весьма скоро, уже в 70-м году, при разрушении Иерусалима римлянами. Иудеи, обратившиеся ко Христу, избегли ужасов этого страшного наказания Божия, постигшего строптивный род еврейский: они, помня наставления Господа (Мф. 24:15–16), заблаговременно бежали из Иерусалима. Это апостольское увещание относится, конечно, и ко всем верующим всех времён, которые всегда должны спастись от мира, во зле лежащего, верой во Христа и добродетельною

жизнью, чтобы избежать наказания Божия, ожидающего грешный мир.

Действие этого события – излияния Св. Духа на апостолов и речи апостола Петра – было необыкновенно величественным: к первоначальному малому обществу христианскому «присоединилось в тот день душ около трёх тысяч», которые приняли св. крещение.

Религиозно-нравственное состояние первой христианской общины в Иерусалиме

(стихи 42–47)

Все вновь крестившиеся «постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» – для крещения требовалась только искренняя сердечная вера во Христа и покаяние; научение же новой вере совершалось потом, постепенно – апостолы научали присоединённых истинам новой для них веры. Все уверовавшие представляли собой как бы одну дружную семью: это братское их единение Деятели и выражает словом «общение». Под «преломлением хлеба» обычно разумелось всякое вкушение пищи, но в книге Деяний оно имеет высший смысл: под ним надо понимать Таинство Евхаристии – принятие Тела и Крови Христовых. В апостольской Церкви Евхаристия совершалась иногда даже вечером (Деян. 20:7, 11), причём к ней присоединялась трапеза, называвшаяся «вечерею любви» (агапа) или «трапезою любви» (Иуд. 12; 1Кор. 11:20–34). Под «молитвами» здесь понимаются не молитвы в иерусалимском храме, о чём идёт речь ниже, а молитвы собственно христианского характера по домам. Таким образом, в этих домашних собраниях первой христианской общины в Иерусалиме мы видим начало христианского богослужения, которое состояло тогда из апостольских поучений, таинства Евхаристии и общих молитв. О пении здесь не упоминается, но так как пение было обычно при храмовом и синагогальном богослужении евреев, то несомненно этот обычай перешёл и в богослужебные собрания первой христианской общины.

«Был же страх на всякой душе...». Этими словами обозначается то впечатление, какое было произведено событиями дня Пятидесятницы, особенно обращением ко Христу такого множества иудеев. Страхом были одержимы души неверующих, которые не могли не видеть во всём происшедшем перста Божия. Это чувство страха усиливалось

ещё тем, что «много чудес и знамений совершалось через апостолов в Иерусалиме».

«Все же верующие были вместе и имели все общее» – взаимная любовь так связала всех уверовавших во Христа, что они «были вместе», то есть находились в постоянном общении, жили как бы одной дружной семьёй. Это настроение первых христиан повело к общению имуществ, конечно не принудительному, как это мы видим в коммунизме, а совершенно добровольному, основанному единственно на братской любви к ближним и сострадательности к неимущим и нуждающимся. Здесь не было уничтожения прав собственности, но имеющие собственность сами добровольно разделяли её с неимущими: «И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого», то есть продавали свои недвижимые имения и движимую собственность и делились с бедными или сами, или через апостолов, отдавая вырученные от продажи имуществ деньги в их распоряжение.

Долго ли держалось в иерусалимской общине такое общение имуществ, неизвестно: следы его скоро теряются из истории. Надо полагать, что недолго, ибо в многолюдном христианском обществе это было бы практически трудно осуществимо. В других общинах, основанных апостолами, мы также этого уже не видим: в своих писаниях апостолы только убеждали к христианской благотворительности и взаимной братской любви, но не учреждали общих касс. Лишь по временам собиралась милостыня для бедных церквей и передавалась апостолами (Деян. 11:29–30; 1Кор. 16:1).

«И каждый день единомысленно пребывали в храме» – они ежедневно неопустительно посещали иудейское богослужение, совершавшееся в иерусалимском храме. Христианство не составляло секты в иудействе, а было исполнением и совершением истинного иудейства. Всё храмовое богослужение было основано на идее Мессии, а потому христиане могли молиться в иерусалимском храме. Но так как христиане веровали в Мессию уже пришедшего, то у них, естественно, должно было постепенно выработаться своё богослужение, уже отличное от ветхозаветного иудейского. Начало ему и было

положено совершением Таинства Евхаристии, которое в книге Деяний называется «преломлением хлеба». Для этого первые христиане собирались в частных домах – «по домоу», где совершалась Евхаристия, соединённая с вечерей любви. Общий характер этих христианских собраний характеризуется словами: «в радости и в простоте сердца». Это – плод живости веры и чистоты сердца, глубоко погружённого в новое начало духовной жизни, освящаемого обильными дарованиями Св. Духа.

Вследствие всего этого христиане являлись образцом истинного благочестия и для всего остального народа – не верующих во Христа; поэтому они пользовались любовью народа – «находясь в любви у всего народа». Это доброе мнение о христианах было причиной постепенного увеличения числа верующих. Это увеличение Деятели рассматривают как дело Самого Господа, почему и выражается: «Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви», то есть предназначенных Богом ко спасению.

Глава третья

Чудесное исцеление святым апостолом Петром хромого от рождения (стихи 1–11). Речь св. ап Петра по этому поводу с призывом к покаянию (стихи 12–26)

Чудесное исцеление св. Апостолом Петром хромого от рождения

(стихи 1–11)

После общей характеристики жизни первой христианской общины в Иерусалиме Деяписатель переходит к повествованию о частных событиях и в первую очередь рассказывает о чудесном событии исцеления хромого от рождения, которое повлекло за собой новое массовое обращение свидетелей этого чуда ко Христу.

Когда произошло это чудо, Деяписатель не указывает, но можно полагать, что не очень скоро после дня Пятидесятницы, так как после этого даётся опять характеристика жизни первых христиан, сходная с первой, чего не нужно было бы делать, если бы чудо это произошло вскоре после Пятидесятницы.

«Пётр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый» – как мы уже это видели, для первых христиан, не исключая и самих апостолов, храм иерусалимский продолжал оставаться святым местом, куда они по-прежнему в определённые для того часы собирались на молитву. Ко времени Христа Спасителя и апостолов окончательно были установлены в храме троекратные общественные молитвы, которые были приурочены к часам третьему, шестому и девятому, что соответствовало нашим 9 часам утра, полудню и 3 часам дня. Первый и последний совпадали с узаконенным утренним и вечерним жертвоприношением. Следы этой троекратной молитвы встречаются в иудейской истории давно: пророк Даниил в вавилонском плену ежедневно трижды преклонял колена (Дан. 6:10); в одном из псалмов Давидовых указывается на молитву вечером, утром и в полдень (Пс. 54:18).

«И был человек, хромой от чрева матери его, которого носили и сажали каждый день при дверях храма...». Хромому этому было уже лет более сорока (Деян. 4:22), почему чудо это особенно поразительно. Господь исцелил однажды слепого от рождения, святой Пётр исцеляет хромого от рождения, чем сбывается обетование Господа, что верующий в Него сотворит

такие же дела, какие Он Сам творил (Ин. 14:12). Хромой сидел при дверях храма, называвшихся – «Красными». Это название, нигде больше не встречающееся, объясняется особенной красотой или великолепием этих ворот храма сравнительно с другими. Вероятно, это были главные восточные ворота, ведущие во двор язычников, которые и Флавий описывает как самые красивые. По общераспространённому во все времена обычаю, этот хромой просил милостыню у входящих в храм на молитву. Когда апостолы Пётр и Иоанн проходили перед ним, он и к ним обратился с обычной своей просьбой. «Пётр с Иоанном, всмотревшись в него, сказал: взгляни на нас» – примечательно это взаимное напряжение взглядов между хромым и апостолами: это было как бы взаимное приготовление к чуду. Апостолы всматривались в убогого полным Христовой любви и сострадания взглядом и привлечением на себя взгляда хромого хотели узнать, насколько он духовно восприимчив, а вместе с тем хотели заставить его внутренне сосредоточиться, возбудить в нём веру и надежду. Как и в других случаях, от имени остальных говорит Пётр: «Серебра и золота нет у меня; а что имею, то даю тебе: во Имя Иисуса Христа Назорея, встань и ходи» – этими словами апостол прямо разрушает надежду хромого получить от него денежную милостыню, но зато вселяет в него надежду на получение иного – высшего дара, которого хромой, конечно, не мог ожидать. Примечательно, что апостол говорит с полной уверенностью в возможности совершения чуда. Эта уверенность основана, несомненно, на тех обетованиях, которые дал Господь Своим апостолам (Мк. 16:18; Лк. 9:1; Ин. 14:12), а вместе с тем и на ощущении в себе необычайной силы Духа Святого, что апостол и выражает словами: «Что имею». «Во Имя Иисуса Христа Назорея, встань и ходи» – апостол совершает чудо Именем Господа Иисуса Христа, удостоверяя сим наглядно, что распятый и умерший Иисус жив, и что Он есть «источник исцелений для людей». Для возбуждения ещё большей энергии веры в хромом апостол берёт его за руку и поднимает. Исцелённый пошёл не домой, но в храм, чтобы возблагодарить Бога за своё исцеление. Весь народ, собравшийся также на молитву в храм в этот вечерний

час, узнав хорошо всем известного хромого, исполнился ужаса и изумления. Исцелённый же, в чувстве благодарности к исцелителям, не отходил от Петра и Иоанна, громко прославляя Бога и, очевидно, и их. Это, конечно, привлекло к апостолам и исцелённому общее внимание. Они находились в это время в обширной крытой галерее, через которую вели в храм Красные ворота и которая называлась притвором Соломоновым. По Флавию, из всех Соломоновых храмовых построек во время халдейского погрома при Навуходоносоре сохранились остатки только этого притвора, занимавшего восточную сторону, почему по возобновлении его и стали называть Соломоновым.

Речь св. Апостола Петра по этому поводу с призывом к покаянию

(стихи 12–26)

Воспользовавшись громадным стечением народа и его изумлением перед совершившимся чудом, св. апостол Пётр обратился к нему с речью. Эта речь распадается на две части: в первой части св. апостол Пётр указывает народу истинного Виновника совершения этого чуда и цель его совершения, поясняя, что не они, апостолы, совершили это чудо, но Бог для прославления Господа Иисуса, отвергнутого и умерщвлённого Израилем; во второй части увещевает народ покаяться и обратиться ко Христу, чтобы получить оставление грехов и стать участником в обетованных пророками мессианских благословениях. И в этой речи св. апостола Петра, как и в первой его речи, главное место занимают свидетельства из Ветхого Завета, которыми апостол доказывает мессианское достоинство Иисуса Христа. «Что дивитесь сему?» – св. апостол как будто порицает удивление народа. Это потому, что народ, быть может, смотрел на апостолов как на людей, наделённых какой-либо магической силой или как на обладающих каким-нибудь особенным благочестием. Апостол отклоняет оба этих возможных предположения, желая подчеркнуть, что чудо совершено отнюдь не их собственной силой: он хочет представить единственно Христа действующим через них. Как раньше Сам Господь все Свои дела относил ко Отцу Своему Небесному, так и апостолы относят их теперь к Господу Иисусу Христу и Богу Отцу. «Бог Авраама, и Исаака, и Иакова, Бог отцов наших, прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали» – вот истинная причина чуда: Бог этим чудом прославил Иисуса Христа, Которого вы предали на смерть. Апостол намеренно подчёркивает их вину, чтобы призвать их к покаянию. «Просили даровать вам человека убийцу», то есть разбойника Варавву, «Начальника же жизни», то есть Господа Иисуса Христа, «убили». «Сего Бог воскресил из мёртвых, чему мы свидетели» – но Бог воскресил Его из мёртвых и теперь

прославил Его исцелением во Имя Его этого хромого. «И ради веры во имя Его» – вера во Имя Господа Иисуса и была силой, которая дала исцеление хромоте. Это выражение можно толковать трояким образом:

- 1) Исцеление произошло ради веры апостолов;
- 2) Исцеление совершилось для того, чтобы свидетелей чуда привести к вере во Христа, и
- 3) Ради веры хромого призвание Имени Иисусова исцелило его.

Представив слушателям их вину в отношении к Мессии, апостол, желая склонить их к покаянию, смягчает тяжесть их вины, представляя дело убийства Иисуса как дело неведения – «сделали это по неведению». С другой стороны, апостол указывает, что дело это было predetermined в совете Божиим. «Если бы он обратил речь в обвинение, – говорит св. Златоуст, – он сделал бы их более упорными», а так он внушает им возможность получить прощение содеянного ими греха через покаяние: «Покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши...» – то есть наступит то Царство Мессии, о котором предсказывали ветхозаветные пророки. «И пошлёт Он предназначенного вам Иисуса Христа» – здесь речь о втором пришествии Христовом при кончине мира. «Которого небо должно было принять» – выражение это означает пребывание Господа Иисуса Христа с прославленной плотью на небесах со времени вознесения до дня второго пришествия, которое названо «временем совершения всего», а по-гречески: «апокатастасис», что, собственно, значит: восстановление – в смысле восстановления правильных, истинных отношений, нарушенных чем-либо. Здесь имеется в виду то, что иудеи отвергли своего Мессию и тем разорвали завет свой с Богом, но, по пророческому созерцанию св. апостола Павла (Рим. гл. 11), в конце времён обратятся к вере во Христа, и «Бог помилует народ Свой», как предсказывали об этом ветхозаветные пророки. Побуждая иудеев к покаянию, св. Пётр приводит им особенно сильное пророчество Моисея: «Пророка вам воздвигнет Господь Бог ваш... слушайте Его во всём...» Это пророчество Моисея (Втор. 18:18–19) вся древность, как

иудейская, так и христианская, всегда относилась к Мессии. «Вы сыны пророков и завета, который завещавал Бог отцам вашим...» – вам, следовательно, принадлежат все эти обетования относительно Царства Мессии и исполнение пророчеств о нём. В этом св. апостол поставляет последнее и сильнейшее побуждение к покаянию. «И в семени твоём благословятся все племена земные» – это обетование Божие праотцу иудеев Аврааму (Быт. 12:3; 18:18) должно исполниться: Мессия дарован не одним евреям, но всем народам земли; однако к евреям Бог «первым послал Его», и в этом – новое побуждение к покаянию.

Во всей этой речи св. апостола Петра, как и в первой его речи, мы видим старание св. апостола показать своим слушателям, что христианство, проповедуемое им, отнюдь не находится в противоречии с ветхозаветным законом, а есть его продолжение и достойное завершение. Примечательна здесь осторожность и любовь апостола к врагам Иисусовым: он говорит им правду, но спокойно, без раздражения, без горечи, стремясь расположить их к сожалению о соделанном преступлении и покаянию.

Глава четвёртая

Заключение свв. апостолов Петра и Иоанна в темницу и следствие речи Петровой (стихи 1–4). Допрос апостолов в синаедрионе, запрещение им проповедовать об имени Иисусове и отпуск их на свободу (стихи 5–22). Молитва апостолов и ниспослание верующим Святого Духа (стихи 23–31). Взаимная любовь членов первой христианской общины (стихи 32–37).

Заключение свв. Апостолов Петра и Иоанна в темницу и следствие речи петровой; обращение 5.000 ко Христу

(стихи 1–4)

Раздражённые проповедью св. Петра, священники, начальник стражи при храме и саддукеи схватили апостолов и заключили их в темницу до утра, ибо наступил уже вечер. Священники досадовали на то, что апостолы, не имея, по их мнению, законного полномочия, учат народ, начальник стражи досадовал на то, что стечением народа нарушается благочиние, саддукеи же были раздражены тем, что апостол учил о воскресении мёртвых, которое они отвергали. Они прервали речь апостола, «наложили на них руки», конечно, не без распоряжения синедриона. Так как было уже поздно, и спешить с созывом синедриона для суда над апостолами не было большой надобности, то их посадили в темницу до утра. В то время как представители иудейской иерархии отнеслись к апостолам так враждебно, простые люди так были увлечены речью апостола, что уверовало великое множество – около 5.000 тысяч. Уверовали они, как подчёркивает Дееписатель, не ради собственно чуда, но убеждённые словом апостола. К этому подготовило их, вероятно, всё то, что совершали апостолы и до тех пор со дня Пятидесятницы, и вся необыкновенная жизнь первых христиан, стяжавшая им общее уважение и любовь.

Допрос Апостолов в синаедрионе, запрещение им проповедовать об имени Иисусове и отпуск их на свободу

(стихи 5–22)

На следующий день собрался синаедрион. Это, как видно, было формальное и полное собрание синаедриона, так как дело апостолов было сочтено важным. Тут заняли свои места и отставной первосвященник Анна, или Анан, и Каиафа, осудивший Господа Иисуса Христа, и ещё не известные в истории Иоанн и Александр, члены рода первосвященнического, имевшие в то время, видно, силу в синаедрионе, может быть как родственники первосвященников. Поставив обвиняемых посреди, как было в обычае (ср. [Ин. 8:3](#)), их спрашивали: «Какою силою или каким именем вы сделали это». Члены синаедриона, конечно, знали, что апостолы совершили это чудо Именем Иисуса Христа, но им хотелось на собственном признании апостолов основать обвинение их или в еретичестве и богохульстве, или в мятежнических стремлениях, или, быть может, они рассчитывали, что апостолы, испугавшись, отрекутся от сделанного ими. «Тогда Пётр, исполнился Духа Святого, сказал им...» – исполнился Духа Святого особенным образом для защиты правого дела, как это и обещал Господь Иисус Христос Своим ученикам прежде (см., например, [Мф. 10:19–20](#)). С особою силою, прямою и дерзновением св. Пётр отвечает на поставленный вопрос. Отдавая должное властям, хотя и недостойным, он начинает с почтительного обращения: «Начальники народа и старейшины израильские». Дальнейшая условная форма речи апостола: «если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному» тонко и остро указывает на несправедливость теперешнего суда над апостолами. И в самом деле: они оказали благодеяние несчастному человеку – неужели за это следует судить их? Вместе с этим апостол торжественно и дерзновенно свидетельствует перед всеми, что чудо действительно совершено, и совершено притом «Именем Иисуса Христа».

Назоря, Которого вы распяли». Далее, ссылаясь на пророчество, которым однажды воспользовался в применении к Себе Сам Господь, именно псалма 117, ст. 22 (см. Мф. 21:42), апостол называет Господа Иисуса Христа «Камень, пренебрежённый вами зиждущими» тем не менее «сделавшийся главою угла», добавляя, что «нет ни в ком ином спасения». Смысл этого тот, что распятый ими Иисус сделался краеугольным камнем нового здания Царства Божия на земле, и что только Его Именем можно получить спасение, так как Он один – Искупитель человечества от греха, проклятия и смерти.

Эти слова произвели столь сильное впечатление на членов синедриона, что они не знали, на что им решиться. Их поразила, прежде всего, необычайная смелость Петра, с какой он решительно исповедал Христа перед всем синедрионом и из положения обвиняемого перешёл в положение обвинителя, избличив их в убиении Христа. Они удивлялись их смелости и ораторству, видя, что они люди «некнижные и простые», узнавали в них учеников Христовых и уверялись этим, что они продолжают столь ненавистное им дело Христово. Вместе с тем присутствие исцелённого налагало печать молчания на их уста: они ничего не могли сказать в опровержение действительности совершенного ими чуда. Поставленные в затруднение, они выслали их вон, чтобы наедине посоветоваться между собой о дальнейших мероприятиях против этих неприятных им чудотворцев. Ими овладела нерешительность, очевидно в результате всего того, что произошло за всё это последнее время, начиная со дня Воскресения Христова. Возможно, что среди них были лица, подобные Иосифу Аримафейскому и Никодиму, а потому решение их было весьма мягким – запретить апостолам проповедь о Господе Иисусе Христе: «Чтобы не говорили об имени сем никому из людей». Ясно, что это было распоряжение людей несколько растерявшихся. «Какое безумие, – говорит об этом святой Иоанн Златоуст, – зная, что Христос воскрес, и имея в этом доказательство Его Божества, они надеялись своими кознями утаить славу Того, Кто не удержан был смертью. Что сравнится с этим безумием? И не удивляйся, что они опять замышляют дело несбыточное. Таково

уже свойство злобы: она ни на что не смотрит, но везде бывает в замешательстве».

С поразительным мужеством и смелостью отвечают на это запрещение апостолы: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» При этом они прямо заявляют, что не могут не проповедовать о том, чему сами были свидетелями. Страх синедриона перед народом не дал возможности причинить апостолам какое-либо зло: они были отпущены на свободу. Здесь мы видим очевидную нравственную победу апостолов, но здесь же видны и грозные признаки предстоящих апостолам и всем первым христианам гонений за веру. Ответ апостолов синедриону даёт нам указание, как поступать, когда земные власти требуют от нас чего-либо, противного Закону Божию и совести: ради угождения земным властителям нельзя идти против Закона Божия и велений совести.

Молитва Апостолов и ниспослание верующим Святого Духа

(стихи 21–31)

Лишь только апостолы были отпущены, они «пришли к своим», то есть в дом, где пребывали в то время остальные апостолы и некоторые из верующих, вероятно в молитве о благоприятном исходе дела. Рассказ апостолов о происшедшем воодушевил всех, и всё собрание, как один человек, обратилось к Богу с горячей молитвой. Это – первая дошедшая до нас христианская общественная молитва. В этой молитве они искали первого утешения и ободрения, предавая всё дело в руки Божии и испрашивая у Бога лишь дерзновения в проповедании истины. В связи с высказанными синедрионом угрозами в основу молитвы положено псаломское изречение Давида, в котором последний с евангельской наглядностью изображает восстание против Мессии и в лице Его – против Самого Бога Отца: «Востают цари земли, и князья совещаются вместе против Господа и против помазанника Его» (Пс. 2:1–2). Это изречение молящиеся применяют к Мессии – Господу Иисусу Христу, на Которого подвиглись все в этом городе, то есть Иерусалиме, для того, чтобы – сами того не ведая – исполнить предопределённое в совете Божиим искупление человечества через убиение Сына Божия. Дальнейший смысл молитвы, как выражает его святой Иоанн Златоуст: «Приведи всё это к концу и покажи, что они замыслили тщетно», то есть что невозможно остановить благовестие о распятом и воскресшем Мессии. Заключают они молитву не об избавлении от страданий, а только о даровании им смелости и дерзновении проповедовать о Христе, подкрепляя эту проповедь знамениями и чудесами.

На молитву горячей веры Бог ответил чудесным знамением: «Поколебалось место, где они были собраны и исполнились все Духа Святого». Это чудесное колебание места были символическим выражением всемогущей силы Господа, которая не оставит их беспомощными и беззащитными перед лицом

врагов. Молитва их была тотчас же исполнена: сподобившись особого возбуждения от Духа Святого, они стали безбоязненно смотреть на предстоящий им путь страданий за Христа и ощутили себя сильными и способными дерзновенно проповедовать Слово Божие.

Взаимная любовь членов первой христианской общины

(стихи 32–37)

Число членов христианской общины после великого чуда исцеления хромого увеличилось больше чем вдвое, и потому Деяния счёл нужным вновь дать характеристику жизни этого умножившегося общества, дабы показать, что внутреннее его состояние осталось таким же: сохранялось полное единодушие и взаимная братская любовь. Сохранялось и общение имуществ, в силу чего никто ничего не называл своим. Апостолы же с особою великою силою проповедовали о Воскресении Христовом. Это не значит, что они проповедовали только об этом, но что Воскресение Христово как основание христианской веры (1Кор. 15:14) было основанием и средоточным пунктом всей апостольской проповеди. Среди первых христиан не было никого нуждающегося, потому что владевшие землями или домами по доброй воле своей продавали их и приносили цену проданного апостолам, которые из составлявшейся таким образом общей кассы помогали нуждающимся. Примером такой жертвы указывается Иосия Кипрянин, прозванный Варнавою, что значит «сын утешения», вероятно за особенный дар утешительной речи. Характерно, что он был левит, то есть из сословия служителей храма, особенно враждебно относившихся к Господу Иисусу Христу. Вероятно, он продал участок земли в Палестине, которыми обычно владели все священники и левиты, как видно из примера пророка Иеремии (Иер. 32:7 и далее). Это был тот самый Варнава – спутник святого апостола Павла, хорошо известный в истории первохристианства, о котором далее много повествует книга Деяний.

Глава пятая

История Анании и Сапфиры, утаивших часть денег за проданное имение (стихи 1–11). Чудеса, совершавшиеся апостолами, и новое гонение синедриона на апостолов: заключение их в темницу, освобождение их Ангелом, проповедь в храме, ответ перед синедрионом, совет Гамалиила и отпуск апостолов на свободу после нанесённого им бесчестия (стихи 12–42)

История Анании и Сапфиры

(стихи 1–11)

После похвального примера Варнавы Деяписатель приводит противоположный пример нравственного падения в этом идеальном первохристианском обществе. Некие муж и жена по имени Анания и Сапфира, продав имение, утаили из вырученной от продажи цены и лишь некоторую часть принесли в общую кассу к апостолам, сказав, что принесённое ими – всё, что было выручено за проданное (видно из стиха 8). В этом поступке выразилось не только их своекорыстие, но и намеренная, сознательная ложь, а главное, фарисейское лицемерие. Они хотели представиться такими же самоотверженными, как и другие, не будучи таковыми. Это было первое тёмное пятно на светлом фоне святого общества первых христиан, а потому такой поступок не мог остаться без самого строгого наказания на вразумление всем. Святой апостол Пётр узнал об этой лжи, без сомнения, по наитию исполнявшего его Духа Святого и прямо указал Анании на совершённый им грех, назвав его делом отца лжи – сатаны: «Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твоё мысль солгати Духу Святому?» Действие сатаны на Ананию святой Пётр выражает почти в тех же словах, как евангелист Иоанн действие сатаны на Иуду-предателя (Ин. 12:6). Из этого уже видна опасность поступка Анании и Сапфиры для всего первохристианского общества, если бы это действие не было обнаружено святым Петром и не прекращено в самом начале решительным искоренением зла из среды первых христиан. «Чем ты владел, не твоё ли было?» – спрашивает апостол Ананию. Из этого видно, что общение имуществ отнюдь не было принудительным и внешне обязательным, но вполне добровольным. Грех Анании был именно в совершенном им обмане – в том, что часть вырученной им за продажу суммы он хотел представить, как всю сумму. «Ты солгал не человекам, а Богу» – это выражение ясно указывает на Божественное существо Духа Святого и на Его личность. Такое суждение показало Анании всю глубину его

нравственного падения, которой он, быть может, не замечал. «Услышав сии слова, Анания пал бездыханен» – это было непосредственное наказание Божие преступнику за его тяжкий грех против Духа Святого. Тяжесть этого наказания объясняется опасностью, которая грозила от этого иудина греха всему первому христианскому обществу. Один грешник представляет большую опасность для других, как человек, от которого другие могут заразиться его болезнью. «Разве вы не знаете, что малая закваска квасит всё тесто?» (1Кор. 5:6). Это апостольское изречение объясняет нам строгость суда над Ананией. Грех Анании мог быть опасен для целого общества, а потому этот гнилой член немедленно отсекается в страх и поучение другим, чтобы кто-нибудь не вздумал взять с него пример. «И великий страх объял всех, слышавших это» – вероятно, всё это произошло в общем, быть может даже богослужебном, собрании, и такая явная казнь Божия не могла не потрясти всех. «И встав, юноши приготовили его к погребению» – вероятно, это были молодые служители, исполнявшие разные поручения, как было и в синагогах. «И, вынеся, похоронили» – тотчас же вынесли труп за город, где обычно погребали умерших, и похоронили его там.

Жена Анании ничего не знала о происшедшем, а когда часа через три пришла, святой апостол Пётр уличил и её в обмане и сговоре с мужем. Желая дать ей возможность оправдаться и раскаяться, святой апостол спросил её, за сколько они продали землю, но и она повторила ложь своего мужа. «Пётр сказал ей: что это согласились вы искусить Духа Господня?» В этот момент возвратились юноши, похоронившие её мужа, и святой Пётр воспользовался этим, чтобы и ей изречь ту же казнь, которая постигла её мужа; «И тебя вынесут». И она тотчас же упала у ног его и испустила дух. «И великий страх объял всю Церковь». Примечательно, что здесь впервые Деятели называют общество первых христиан «Церковью», по-гречески: «Экклесия».

Чудеса, совершавшиеся Апостолами, и новое гонение синагогии на Апостолов: заключение их в темницу, освобождение их ангелом, проповедь во храме, ответ перед синагогой, совет Гамалиила и отпуск Апостолов на свободу после нанесённого им бесчестия

(стихи 12–42)

Окончив повествование о событиях внутренней жизни Церкви, Деяписатель опять даёт характеристику тогдашнего состояния христианского общества. Для этого состояния характерно множество знамений и чудес, совершавшихся апостолами «в людях», то есть, по-видимому, среди неверующего народа для привлечения его к вере во Христа, а также – единодушие между всеми христианами. Все верующие во Христа даже при посещении храма держались там вместе, одной сплочённой массой. Таким местом был «притвор Соломонов» – крытая галерея при главном входе в храм, очевидно удобная для христиан по своей значительной величине. Чувство некоторого страха и высокого почтения к христианам делало то, что все держались от них в некотором почтительном отдалении: «Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их», то есть народ прославлял их, ценя, очевидно, их высокие религиозно-нравственные качества. Далее говорится, что число верующих во Христа, как мужчин, так и женщин, всё более и более увеличивалось. Особенно поразительны были чудеса исцелений болящих, причём как прежде даже одно прикосновение к одежде Христовой давало исцеление, так теперь исцеляла даже тень проходящего Петра. Буквально исполнились слова Христовы на апостолах: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12).

Громадный успех апостольской деятельности вызвал новое гонение против апостолов со стороны иудейских властей. Как раньше они воспылали ненавистью против Господа по зависти,

так и теперь, по слову Дееписателя, «первосвященник же и с ним все, принадлежащие к ереси саддукейской, исполнились зависти». Под первосвященником, здесь надо понимать Каиафу, который тогда был правящим. Религиозно-нравственное разложение в этом высшем иудейском обществе было тогда так велико, что нет ничего удивительного в том, что и сам первосвященник принадлежал к саддукейской ереси, отвергавшей существование души и воскресение мёртвых. Иосиф Флавий прямо говорит, что один сын Анана, или Анны, тестя Каиафы, был саддукеем. Может быть, Каиафа не открыто принадлежал к этой секте, а тайно разделял её воззрения. На этот раз с апостолами поступили более сурово, замышляя даже умертвить их (ст. 33): заключили в народную темницу, как преступников. «Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы...» Чем сильнее становится преследование новоустроющейся Церкви, тем явственнее чудесная помощь Божия гонимым. По повелению Ангела, апостолы сейчас же по освобождении их из темницы безбоязненно опять начинают проповедовать открыто в храме. Замечательная смелость и мужество, которые ничем объяснить нельзя, как только укреплявшей естественные силы апостолов благодатью Святого Духа, делавшей их безбоязненными. Тогда апостолы были приведены на суд в синедрион, но, как подчёркивает Дееписатель, без принуждения, из опасения, чтобы народ не вступился за них и не вышло бы побоища: столь велико, следовательно, было сочувствие народа апостолам.

Допрос начинается формальным обвинением первосвященника: «Не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем?» Характерно, что об освобождении апостолов из темницы – ни слова. Очевидно, судии догадывались о чуде, но намеренно игнорировали его. «Хотите навести на нас кровь Того Человека?» – желаете представить нас достойными кары Божией за пролитую кровь человека того, как невинно убитого. Они словно забыли, как сами кричали: «Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27:25). В словах первосвященника как будто слышен голос упрекающей совести, сознание собственной действительной виновности или, по крайней мере, тяжёлое

томительное чувство ложного положения представителей народных в отношении ко всему этому делу. Опять Пётр от лица всех апостолов говорит то же самое, что было сказано и в первый раз на предшествующем заседании синедриона, только ещё сильнее и решительнее: «Дóлжно повиноваться больше Богу, нежели человекам», и далее с силою свидетельствует о Божестве Христовом, почти в тех же самых выражениях, что и раньше, подчёркивая виновность иудеев в убийении посланного к ним Мессии. «Которого вы умертвили, повесив на древе» – эти слова подчёркивают личную виновность членов синедриона, ибо с понятием повешения на древе соединяется понятие проклятия (см. Гал. 3:13). Защита в устах Петра переходит в страшное для иудеев обвинение, и члены синедриона разрывались от гнева «и умышляли умертвить их». Этот злой замысел был предотвращён мудрым советом уважаемого всеми члена синедриона, фарисея и законоучителя Гамалиила. По Талмуду это – знаменитейший раввин еврейский, сын равви Симеона и внук знаменитейшего равви Гиллела. Он был учителем апостола Павла (22:3) и, как говорит предание, сделался впоследствии христианином и проповедником Евангелия. Православная Церковь считает его равноапостольным, празднуя память его 4 января и 2 августа.

Гамалиил стал советовать, прежде чем принять жестокие меры против учеников Христовых, «подумать», то есть быть осмотрительными. Мысль его та, что христианство надо предоставить естественному течению вещей в уверенности, что если оно дело не Божие, то разрушится само собой. В доказательство Гамалиил указал на два очень недавних события: двое фанатических обманщиков народа – Февда и Иуда Галилеянин – погибли без всякого вмешательства синедриона, а с ними погибло и их дело. Из рассказа Иосифа Флавия мы знаем, что некий Иуда Гавлонитянин, называемый также Галилеянином, поднял восстание против римлян в 6 году по Рождеству Христову, когда император Август, низложив Архелая, обратил Иудею в римскую провинцию и повелел произвести перепись, которая должна была служить основанием для взимания податей. Восстание было

продолжительное и кровавое, но было подавлено римлянами. Последователи Иуды, известные под названием «зилотов» («ревнителей»), принимали потом участие в войне против Веспасиана и Тита. Февда был ложный пророк, призывавший иудеев к свободе во время прокуратора Фада в 44 году по Рождестве Христовом. Всё его скопище было рассеяно римскими войсками, а сам он убит. Но, по-видимому, здесь идёт речь о каком-то другом Февде, ибо едва ли Гамалиил мог говорить о том Февде, поскольку он жил позже, явившись лишь после смерти царя Агриппы, о которой рассказано только в 12 главе книги Деяний. Гамалиил высказывает мудрую мысль, что дела человеческие – человеческого происхождения и характера, с человеческими только стремлениями и целями, на которые нет воли и благословения Божия, – погибают сами собой, ибо, как греховные, носят начатки разрушения в самих себе. «А если от Бога» это дело, то есть если есть воля Божия и благословение Божие на этом деле, то есть на христианстве, то вы «не можете разрушить его» – разрушить его, ибо против всемогущей силы Божией людям бороться бесполезно, а к тому же таким образом можно впасть в тяжкий грех богоборчества. Надобно, таким образом, по мысли Гамалиила, выждать время, что оно покажет.

Для нас интересно знать мотивы совета Гамалиила. Древние думали, что он сам тайно был расположен к христианству. В новейшее время хотят видеть в совете Гамалиила простое безразличие к христианству, индифферентизм, но это, конечно, взгляд неверный: бессмысленна была бы тогда угроза, которой закончил свой совет Гамалиил: «Берегитесь, чтобы вам не оказаться и Богопротивниками», точнее, в греческом значении – «Богоборцами». Так мог говорить только человек, несомненно расположенный к христианству, уже видевший в нем силу Божию.

Речь Гамалиила, по внешней форме вполне беспристрастная, произвела на членов синедриона такое впечатление, что они согласились с нею, но не вполне: они били апостолов и, снова запретив им проповедовать, отпустили их. Бичевание, перенесённое апостолами, было первое поругание,

которое они претерпели за своего Возлюбленного Учителя, и они с радостью приняли это бесчестие. Несмотря на запрещение, они продолжали проповедовать.

Глава шестая

Избрание семи диаконов (стихи 1–6). Проповедь архидиакона Стефана (стихи 7–15).

Избрание семи диаконов

(стихи 1–6)

«В эти дни» – выражение хотя и неопределённое, но указывающее на относительную близость события от ближайшего предшествующего, о коем шла речь перед тем. После новой нравственной победы Церкви над врагами число христиан продолжало всё более и более умножаться. Но в это время обнаружилось внутреннее нестроение в недрах самого христианского общества, и притом весьма важное, ибо указывало на внутреннее разделение и несогласие членов общества: «Произошёл ропот», то есть взаимное неудовольствие между «эллинистами» и «евреями». «Эллинистами» назывались иудеи, жившие в разных странах языческого мира и говорившие на очень распространённом тогда повсюду в империи греческом языке. Под это общее название подходили иногда и прозелиты, то есть принявшие иудейство язычники. Под именем «евреев» здесь разумеются христиане из числа палестинских иудеев, живших в своей родной земле и говоривших на еврейском языке. Из общей денежной кассы, бывшей в распоряжении апостолов, каждый нуждающийся получал то, что ему было нужно для пропитания и вообще ежегодного содержания. Эллинистам показалось, что вдовы их при этом пренебрегаются. Откуда происходило это пренебрежение, трудно сказать. Святой Иоанн Златоуст предполагает, что не от недоброжелательства, но от невнимательности по причине многолюдства. Может быть, причиной было и высокомерие евреев, с каковым они относились к эллинистам, носившим на себе невольно отпечаток той языческой среды, в которой им приходилось жить. Этого различия двух разнородных частей первого христианского общества не мог, как видно, сгладить даже высокий дух христианства. Страдали от этого именно вдовы, как беззащитные, за которых некому было заступиться. Так как это взаимное неудовольствие грозило большой опасностью первохристианскому обществу, апостолы приняли самые

решительные меры для пресечения зла. Созвав, по-видимому, всё христианское иерусалимское общество («множество учеников»), апостолы предложили устранить это нестроение. «Нехорошо нам, оставивши слово Божие, пещись о столах», – сказали они. Главное дело апостолов – проповедание Слова Божия, довольствование же бедных пищей телесной они могут без всякого ущерба для дела предоставить другим. Поэтому они предлагают на эту службу выбрать особых лиц, семерых (семь – священное число), исполненных Духа Святого, так как служение бедным не есть служение исключительно телесным потребностям, но и духовным их нуждам. Им нужна и «мудрость», дабы исполнять своё служение мудро, умно, практично, целесообразно. «А мы постоянно пребудем в молитве и служении слова» – это главная обязанность высших служителей Церкви. Предложение апостолов было принято с удовлетворением, ибо примиряло начавшееся было разделение и неудовольствие. Было избрано семеро мужей. Из них особенно прославился Стефан, вскоре ставший первомучеником за Христа. За ним следует Филипп, также упоминаемый в Деяниях. Об остальных пяти сохранилось только церковное предание: Прохор был сначала спутником апостола Петра, а потом спутником и писцом святого Иоанна Богослова, епископом Никомидии и скончался мученически в Антиохии, Никанор убит иудеями в день убиения архидиакона Стефана, Тимон был епископом в Аравии и скончался мученически, Пармен скончался перед глазами апостолов и погребён ими, Николай был прозелит, живший во Иерусалиме. Избрание прозелита было сделано с целью удовлетворить эллинистов. Но он, кажется, не удержался на высоте своего служения, ибо имя его не вписано в числе святых. Апостолы возложили на избранных, помолившись, свои руки и низвели на них благодать Святого Духа. Это было действие посвящения их. Так как среди избранных диаконов (от греческого слова «диакония», что значит «служение») нет носящих еврейские имена, то предполагают, что все семеро или, по крайней мере, трое – Стефан, Филипп и Николай – были эллинистами. Здесь обыкновенно видят установление третьей линии священства –

диаконской. Во всяком случае, из дальнейшего повествования совершенно очевидно, что эти первые диаконы не были только простыми казначеями первого христианского общества. На них были возложены и другие высшие обязанности – сотрудничество с апостолами в деле проповеди Слова Божия и устройства Церкви: мы видим дальше, что они не только проповедовали, но и крестили (6:8–9; 8:5; 8:38).

Избранные, видимо, оправдали доверие общества и умиротворили его, почему Деяния сообщает далее, что «Слово Божие росло, и число учеников весьма умножилось в Иерусалиме» – сила апостольской проповеди была так велика, что даже из священников многие уверовали. Выражение «покорились вере» указывает на силу проповеди, сломившей их упорство. Это была решительная нравственная победа христианства над иудейством.

Избрание диаконов отнюдь не свидетельствует о демократическом выборном начале в Церкви. Из книги Деяний ясно видно, что апостолы сами всем распоряжаются по своей воле и своему усмотрению: они не связаны в своих действиях волею верующих.

Проповедь архидиакона Стефана, суд над ним по обвинению в хуле

(стихи 7–15)

Апостольская деятельность и мученическая кончина архидиакона и первомученика Стефана имели такое важное значение в жизни первохристианской Церкви, что Деяписатель повествует о них с большой подробностью. Сначала Деяписатель характеризует личность Стефана как мужа, исполненного веры и силы, говоря о нём, что он совершал великие чудеса и знамения в народе. Видимо, среди всех семи диаконов он выделялся обилием Божественных благодатных даров. Он искал везде израильтян, пришедших из чужих стран, чтобы обращать их к вере во Христа, а для этого посещал их синагоги. По свидетельству Талмуда, в Иерусалиме было 480 синагог. Кажется, каждая иноземная страна или даже каждый большой город, где жили в значительном числе иудеи, содержали в Иерусалиме свою синагогу для того, чтобы их могли посещать приходящие в Иерусалим на богомолье. Это были для соотечественников центры единения. Поэтому Деяписатель и говорит о синагоге Асийцев, то есть иудеев, уроженцев западной стороны Малой Азии; о синагоге Киликийцев, ибо главный город Киликии – Тарс имел большую иудейскую колонию; о синагоге Александрийцев, ибо два из пяти кварталов роскошной столицы Египта были сплошь иудейские; о синагоге Киринейцев, ибо четвертая часть Кирены была иудейская; о синагоге Либертинцев, или освобождённых римских граждан, то есть иудеев, отведённых в Рим в качестве рабов или рождённых в Риме в рабстве, но отпущенных на свободу своими господами. Видимо, сам Стефан, как показывает его имя и речь, был эллинистом, а потому он и проповедовал в синагогах эллинистов. Но он встретил противодействие: с ним вступили в споры. Однако, не будучи в состоянии «противостоять мудрости и Духу, Которым они говорили», научили некоторых оклеветать его, якобы он произносил хульные слова на Моисея и на Бога.

Примечательно, что им удалось возбудить народ, который доселе был так расположен к апостолам и христианам вообще. В этом сказалась хитрость врагов христианства, которые не хотели сами преследовать апостолов официальным путём, а решили действовать против них через народные массы, вызвав в них негодование против христиан, якобы богохульствующих. Как при судебном обвинении Самого Господа, так и тут народ легкомысленно поверил этой клевете. Стефан был схвачен и приведён на суд в синедрион, который, как видно, очень быстро собрался на чрезвычайное заседание. Как при суде над Господом, так и тут были представлены ложные свидетели, извращавшие слова Стефана. Вероятно, Стефан говорил, а может быть только намекал на прекращение Ветхого Завета с приходом Мессии-Христа, а лжесвидетели вложили в эти слова Стефана совсем другой смысл, обвиняя его в том, будто он говорил, что «Иисус Назорей Сей разрушит место сие и переменит обычаи, которые предал нам Моисей». «Разрушит место сие», то есть храм, – это то же уголовное преступление, в котором обвиняли и Самого Господа. Естественно, что взоры всех были направлены на этого обвиняемого в столь тяжких преступлениях христианина. Но в лице его они не видели ни страха, ни уныния, ни враждебного выражения: лицо его было похоже на лице Ангела; без сомнения, в этот решительный и торжественный момент он сподобился особенного озарения от Святого Духа, что преобразило и его внешний вид, сделав его ангелоподобным.

Глава седьмая

Защитительная речь архидиакона Стефана и его мученическая кончина

Первосвященник спросил Стефана: «Так ли это?» – признаёт ли себя Стефан виновным в возведённом на него обвинении. В ответ на этот вопрос Стефан произнёс длинную защитительную речь, в которой сделал краткий обзор истории еврейского народа от Авраама до Соломона, и в заключение произнёс ряд обличительных слов против своих неправедных судей. Главная цель этой речи – обратить против еврейского народа предъявленное ему обвинение в нечестии. Сущность всей речи заключается в стихах 51–53: Стефан как бы так хочет сказать – не как хулитель Бога, закона и храма предстою я здесь, обвиняемый, но как жертва вашего противления Богу и Мессии, противления, которое вы наследовали от отцов ваших. Я верую в истинного Бога и свято чту Его закон, но вы всегда противились Богу и Его закону, а потому и судите меня. Чтобы яснее представить всё это, Стефан заставляет говорить за себя историю, и притом со всем спокойствием и обстоятельностью. Он начинает с родоначальника евреев Авраама, переходит далее к его ближайшим потомкам, праотцам еврейского народа, и уже здесь показывает их противление Богу в истории праведного Иосифа, который, однако, по промыслу Божию, оказался спасителем всего рода. С целью оправдаться от обвинения в хуле на Моисея Стефан особенно подробно останавливается на истории этого великого законодателя евреев, подчёркивая своё глубокое к нему уважение и вместе с тем указывая в истории его часто повторявшиеся выражения противления народа ему (ст. 27–39). От скинии завета Стефан переходит к устройению Соломоном храма. Подтвердив своё воззрение на храм изречением пророка Исаии (66:1–2), Стефан переходит к смелому изобличению своих неправедных судей, указывая им их тягчайший грех против Мессии и Бога. Члены синедриона раздражились этим обличением до последней степени, а когда Стефан сказал им о своём видении прославленного Господа, в крайнем озлоблении против него

побили его камнями. Вся эта величественная речь, вероятно, была воспроизведена каким-либо тайным приверженцем христианства вроде Никодима или Гамалиила, а потому и смогла быть записанной Дееписателем.

«Бог славы явился отцу нашему Аврааму в Месопотамии, прежде переселения его в Харран» – здесь как будто противоречие повествованию книги Бытия, ибо, по книге Бытия (11:31–32; 12:1), Господь явился Аврааму уже в Харране. Но, по свидетельству Филона и Флавия, иудеи на основании предания веровали, что первое явление Бога Аврааму было ещё в Уре Халдейском, до переселения в Харран, что именно вследствие этого явления отец Авраама Фарра вместе со всем семейством отправился из Ура в Ханаан, но по дороге в Харране умер, и тогда Господь вновь явился там Аврааму, повторив данное ещё в Уре повеление отправиться в землю Ханаанскую. Это предание имеет подтверждение себе дальше в книге Бытия (15:7), где Господь говорит: «Я – Иегова, Который вывел тебя из Ура Халдейского». Это же подтверждается и местом книги Неемии (9:7).

«И не дал ему наследства в ней ни на стопу ноги» – хотя Авраам и пришёл в Ханаанскую землю, или Палестину, по повелению Божию, но он не имел там наследственной поземельной собственности. Это видно и из того, что он должен был купить поле и пещеру у туземцев для погребения Сарры (Быт. гл 23). Стефан указывает, что дарование Аврааму как потомства, так и Земли Обетованной находилось всецело только в воле Божией. Рабство египетское продолжалось точно 430 лет – Стефан же только округляет это число. Выражение «дал ему завет обрезания» употреблено с тем, дабы показать, что заключение завета было свободным действием Бога, даром Его Аврааму и его потомству, что Бог не связан этим заветом, но и после него творит только Ему угодное. «Патриархами» называются далее дети Иакова как родоначальники двенадцати колен Израилевых. «По зависти продали Иосифа» – не без особенного намерения указывает Стефан на эту черту зависти: он желает указать, что это же злое чувство было причиной распятия Господа Иисуса Христа, прообразом Которого явился

проданный братьями Иосиф. Дальнейшее повествование Стефана об Иосифе целиком основывается на свидетельствах книги Бытия, так же, как и повествование о Моисее из книги Исход. О том, что Моисей «научен был всей премудрости египетской», то есть, научен всей египетской мудрости, ничего не говорится в священных книгах Ветхого Завета, но об этом говорит предание, записанное Филоном, да и нет ничего удивительного, что Моисей, воспитывавшийся в качестве сына дочерью фараона, получил самое высшее и многостороннее египетское образование. Это образование состояло тогда главным образом в изучении естественных наук с магией, астрономии, медицины и математики. Вся эта внешняя мудрость должна была стать у Моисея орудием в деле его великого служения истине Божией. Выражение «был силен в словах» не противоречит свидетельству Моисея о себе, что он неречистый и косноязычный (Исх. 4:10). Может быть, он был заика, но это не препятствовало его речи отличаться той внутренней силой, которая выражает собой сильный дух человека. Указание Стефана, что Моисею было 40 лет, когда он вступился за обижаемого еврея, основано на предании, что 120-летняя жизнь Моисея разделяется на три периода, по 40 лет каждый: 40 лет при дворе фараона, 40 лет в стране Мадямской (Исх. 7:7) и 40 лет в пустыне с евреями по дороге в Обетованную Землю. Убийство

Моисеем египтянина Стефан представляет как предзнаменование освобождения всего народа от рабства египтян, чего евреи не поняли по недостатку веры в Бога. Далее о бегстве Моисея в страну Мадямскую и о явлении ему Бога через 40 лет в купине неопалимой Стефан рассказывает, следуя повествованию книги Исход. Как и Моисей, он называет явившегося в купине «Ангелом Иеговы», под которым древние всегда понимали «Великого Совета Ангела», Слово Божие, или Второе Лицо Пресвятой Троицы. Далее Стефан начинает сильными чертами изображать величие Моисея как избавителя, чудотворца, пророка, законодателя и посредника между Богом и еврейским народом, указывая при этом на непослушание, которое проявлял еврейский народ по отношению к Моисею и

Богу. Факт, что один из дравшихся евреев грубо оттолкнул Моисея с укорительными словами: «Кто тебя поставил начальником и судьей над нами?», Стефан обобщает, относя его к целому народу в том смысле, что слова одного были выражением неблагонадёжного и жестоковыйного направления духа целого народа. Сего, отвергнутого народом, Бог, однако, поставил не только начальником и судьей, но и избавителем. Стефан представляет здесь Моисея прообразом Мессии, Которого также отвергли евреи. Стефан приводит далее пророчество Моисея, в котором он указывает на имеющего прийти Мессию, прообразом Которого он является (Втор. 18:15). Вспоминая Синайское законодательство, Стефан говорит, что Моисей получил заповеди Божии чрез Ангела, говорившего с ним. В книге Исход изречение закона Моисею приписывается Самому Иегове, но Флавий приписывает это Ангелу, что согласно и со словами св. апостола Павла в Гал. 3:19 и в Евр. 2:2. Может быть, здесь имеется в виду опять «Ангел Иеговы», то есть Второе Лицо Пресвятой Троицы. Ложные свидетели утверждали, что Стефан не перестаёт говорить хульные слова на закон, – Стефан же здесь восхваляет закон, называя его «живыми словами» – такими, в которых заключается действующая живая сила. Далее Стефан укоряет евреев за непослушание их Моисею, напоминает о том, как они жалели об оставлении Египта, как сделали себе золотого тельца, в чём видно влияние египетского язычества, обоготворявшего быка Аписа. Стефан, ссылаясь на пророка Амоса (5:25–26), укоряет затем евреев, что во время сорокалетнего странствования по пустыне они служили «воинству небесному», то есть поклонялись солнцу, луне и звёздам. Он прямо называет имена языческих божеств, которым поклонялись в пустыне евреи, отступая от служения истинному Богу. Это – Молох, сирский и ханаанский идол, под именем которого обоготворялось солнце как плодотворное начало жизни на земле, и Ремфан, или Рефан, – коптское название обоготворявшейся арабами, финикиянами и египтянами планеты Сатурн как символа времени. Далее Стефан оправдывает себя от обвинения в том, что он не переставал говорить хульные слова на «святое место

сие», то есть на храм. «Но Вышний не в рукотворенных храмах живёт», – говорит далее Стефан и приводит слова пророка Исаии (66:1 и далее) о том, что Бог вездесущ и не ограничивается храмом. Этим пророческим изречением Стефан разбивает заблуждение отживающего иудейства, будто иерусалимский храм есть единственно возможное место истинного Богочитания. Это то же, что сказал Христос самарянке: «Поверь Мне, что наступит время, когда и не на горе сей и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу» (Ин. 4:21–23).

Вслед за тем, с 51 стиха, Стефан изменяет тон защищающегося на тон обвиняющего своих неправедных судей: с одушевлением пророка он указывает этим представителям еврейского народа на их нечестие, выразившееся в том, что они соделались предателями и убийцами пришедшего к ним Праведного, предвозвещённого пророками, то есть Мессии. Он называет их, как это делали и древние пророки, «жестоковыми», то есть непокорными, упорными и своевольными, а также людьми с необрезанным сердцем и ушами. Это было особенно обидно, ибо иудеи тщеславились своим обрезанием, а в понятии необрезания заключалось понятие нечистоты и язычества. Стефан напоминает им о том, как они всегда противились Духу Святому, что выражалось в постоянном избиении евреями посланных к ним Богом пророков, и укоряет их в неисполнении закона.

Слушая столь сильные обличения, они рвались сердцами своими от гнева и скрежетали на него зубами. Стефан же, объятый Духом Святым, возводит очи свои к небу и видит «славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога», что сейчас же и изрекает вслух, как смелый исповедник, называя Иисуса тем именем, которое Он Сам любил употреблять, – «Сыном Человеческим», в согласии с общеизвестным пророчеством Даниила (7:13–14). Это довело ярость присутствующих до последней степени. Они увидели в этом богохульство и, затыкая уши свои, чтобы не слушать его, устремились на исповедника и, выведя за город, стали побивать его камнями. Это было своеволием возмущённых фанатиков, так как мы не видим, чтобы синедрионом был произнесён формально

смертный приговор, на который требовалось к тому же утверждение римских властей. Синедрион, однако, несомненно, сочувствовал этому и, наверное, даже подстрекал фанатиков. Римский гарнизон, обычно небольшой в Иерусалиме, вероятно, не мог справиться с внезапно вспыхнувшим сильным возмущением, прокураторы же обычно жили в Кесарии, и нужно было время, чтобы известить их и получить подкрепление для усмирения возмущения. «Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла» – свидетели, по закону, должны были первыми бросить камни в обвинённого ими в преступлении, а чтобы широкие восточные одежды не мешали, их снимали. Савл впоследствии стал великим «апостолом языков» – Павлом.

Побиваемый Стефан вознёс Богу двоякую молитву – о себе и о своих убийцах. Это – те же молитвы, которые принёс Своему Небесному Отцу и Распятый Христос на кресте. «И сказав сие, почил» – кончину первомученика Деяписатель называет успением сна.

Глава восьмая

Великое гонение на Церковь после убиения Стефана (стихи 1–4). Насаждение Церкви в Самарии диаконом Филиппом и крещение Симона Волхва (стихи 5–13). Апостолы Пётр и Иоанн в Самарии и Симон Волхв (стихи 14–25). Благовестие Филиппа евнуху эфиопской царицы (стихи 26–40).

Великое гонение на церковь после убиения Стефана

(стихи 1–4)

Убийство Стефана не осталось единичным фактом: оно было началом великого гонения на Церковь в Иерусалиме, продолжавшегося и потом несколько времени, – как долго, в точности неизвестно. Церковное предание сохранило воспоминание, что в тот же день был убит другой диакон, Никанор, и с ним 2000 христиан (см. Четьи-Минеи, 28 июля). Все, кроме апостолов, рассеялись, то есть, следуя разрешению Господа (Мф. 10:23), бежали в другие города Иудеи и Самарии. Апостолы же смотрели на святой город как на место, которое должно было стать средоточием нового Царства Божия на земле, а потому не считали себя вправе оставить Иерусалим. Погребли Стефана, по-видимому, не христиане, которые не смели бы этого сделать, а «мужи благоговейные» из иудеев, тайно расположенных к христианству, имевшие мужество, подобно Иосифу Аримафейскому и Никодиму в своё время, прийти и похоронить тело мученика. Этим мужам благоговейным Деяния противопоставляет фанатичных гонителей христианства, каковым был Савл, входивший в дома и влачивший мужей и жен в темницы. Видимо,

Савл был орудием синагог и был уполномочен им на такой образ действий. В этом он сам признаётся в послании к Галатам (Гал. 1:13).

Насаждение церкви в Самарии диаконом Филиппом и крещение Симона волхва

(стихи 5–13)

Но злоба врагов Христа имела своим последствием ещё большее распространение веры Христовой. Рассеявшиеся христиане всюду сеяли семена Христова учения. Из 11:19 видно, что они прошли до Финикии, Кипра и Антиохии. С самого начала, таким образом, стало оправдываться замечательное изречение Тертуллиана: «Кровь мучеников – семя христиан». Дееписатель передает, прежде всего, об обращении самарян в результате проповеди диакона Филиппа. Что это был диакон, а не апостол Филипп из двенадцати, видно по тому, что после обращения самарян к ним были посланы апостолы Пётр и Иоанн для возложения на них рук и низведения Духа Святого. Кажется, Филипп имел дом и семейство в Кесарии и шёл туда, а по дороге остановился в городе Самарии, переименованном Иродом Великим в Севастию. Видя чудеса, совершавшиеся Филиппом, народ с радостью внимал его проповеди. В числе уверовавших и принявших крещение был некий Симон Волхв, до того времени славившийся в городе своими волхвованиями. О нём упоминает святой Иустин Мученик как о самарянине из села Гиты. Но это был волхв не в том добром смысле, как волхвы персидские, приходившие на поклонение новорождённому Господу. Это был чародей, колдун. В то время, по римским и греческим свидетельствам, много появлялось таких магов, халдеев, математиков, гоэтов, как их называли, которые, обладая некоторыми знаниями таинственных сил тогда ещё мало исследованной природы, выдавали себя за людей необыкновенных. Исцелением некоторых болезней, заговорами, гаданием, шарлатанской таинственностью они так действовали на невежественные массы народные, что народ верил им, будто они находятся в сношении с «высшими силами». Так и о Симоне Волхве говорили, что он «есть сила Божия, великая». Это выражение напоминает нам о развившемся впоследствии так называемом «гностицизме», еретическом учении,

смешивавшем христианские понятия с языческими и учившем о так называемых «эонах», силах, истекавших из полноты (плиромы) божества. По-видимому, Симон и выдавал себя за такого «эона», а народ поддался увлечению им, верил ему. Но сила проповеди Филиппа была так велика, и чудеса, совершаемые им, так поразительны, что народ уверовал во Христа, оставив своё увлечение Симоном, и крестился. Крестился и сам Симон, но, судя по всей его дальнейшей истории, он едва ли сделал это искренно. Поражённый чудесами Филиппа, он, вероятно, надеялся только приобрести силу творить такие же чудеса, как Филипп, и тем приобрести ещё бóльшую славу и влияние в народе.

Апостолы Пётр и Иоанн в Самарии и Симон волхв

(стихи 14–25)

Принятие крещения самарянами было тем многозначительно, что это был первый народ, ставший христианским без посредства полного и чистого иудейства и обращённый притом ко Христу проповедником-эллинистом. Апостолы сочли это столь важным, что сейчас же послали к ним Петра и Иоанна для возложения на них рук и низведения благодати Святого Духа. Здесь важно отметить, что апостолы Пётр и Иоанн посылаются другими апостолами, то есть явно, что они не считают себя выше целого сонма апостолов, а считают себя обязанными исполнять поручение, возложенное на них всем апостольским ликом, как одной собирательной личностью, частные члены которой обладают равными правами. Возложение рук в данном случае – это второе таинство, которое впоследствии стало совершаться через миропомазание, и которого не мог совершить Филипп, будучи только диаконом. «Симон же, увидев, что чрез возложение рук апостольских подаётся Дух Святой, принёс им деньги...». Очевидно, принятие Духа Святого сопровождалось какими-либо видимыми знаменами, которые и заметил Симон. Отсюда видно, что сам Симон, хотя и крещённый уже, не сподобился принять Святого Духа, ибо тогда был бы невозможен такой его поступок. Очевидно, до него не дошла ещё очередь, а он, видя, каково действие Духа Святого на других, не выждав своей очереди, поспешил просить апостолов не только о даровании ему дара Святого Духа, но и власти самому низводить Его на других. В этой просьбе предательски выразился подлинный характер волхва: очевидно, он на апостолов смотрел только как на носителей высшей магической силы и хотел сам приобрести эту, не известную ему силу, чтобы возвысить своё магическое ремесло. Предлагая деньги, он выдал себя как человека, готового руководствоваться в своей деятельности мотивами корыстными и нечистыми. «Как же крестили его? – спрашивает Иоанн Златоуст и отвечает: – Также, как и Христос избрал

Иуду». «Но Пётр сказал ему: серебро твоё да будет в погибель...» Выражение это нужно понимать в смысле указания на гибельность нравственного состояния Симона и призыв его к покаянию. Грех этот, однако, столь велик и тяжёлый, что святой Пётр даже не обещает за него прощения, а только предположительно говорит: «Может быть, отпустится тебе помысл сердца твоего». Почему же это? Потому, что такой грех требует особенной глубины и искренности покаяния, на что Пётр не видел Симона способным, так как говорит ему: «Ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды» – Симон отравлен горькой желчью, под которой в древности подразумевался яд змеиный. Устрашённый словами Петра, Симон просил апостолов помолиться за него, но тоже едва ли искренно. Церковное предание представляет его впоследствии как одного из злейших врагов христианства и родоначальника всех философско-гностических ересей. Позже он появляется в Риме, выступает там ожесточённым врагом святого апостола Петра и по молитве последнего низвергается в реку Тибр, когда хотел перейти эту реку, поднявшись в воздухе. Грех его получил в истории Церкви наименование симонии – продажи благодати Божией или священного сана за деньги.

Апостолы Пётр и Иоанн закрепили ещё своей проповедью обращение самарян ко Христу и затем вернулись во Иерусалим, проповедуя по пути.

Благовестие Филиппа евнуху эфиопской царицы

(стихи 26–40)

Вслед за обращением самарян случилось другое важное событие – обращение ко Христу эфиопского вельможи, который, как полагают, был прозелитом врат, то есть язычником, принявшим иудейство, но ещё не обрезанным. Ангел Господень повелел Филиппу идти на полдень, то есть на юг, на дорогу, идущую из Иерусалима в Газу. Газа – один из древнейших главных пяти городов филистимских, находившийся к юго-западу от Иерусалима, близ Средиземного моря. Исполнив повеление Ангела, Филипп встретил на дороге едущего в колеснице человека, которого Деятели определяют тремя чертами: это был эфиоплянин, евнух и вельможа царицы. То обстоятельство, что он читал книгу пророка Исаии, не даёт ещё права предполагать его еврейское происхождение, так как он мог читать эту книгу и в греческом переводе семидесяти толковников, что подтверждается и особенностями текста, приведённого в 32–33 стихах. Слово «евнух» означает собственно скопца. Таковыми были на Востоке смотрители над царскими гаремами; евнухов часто брали на высшие государственные должности, почему евнухами часто назывались также знатные вельможи, и не бывшие скопцами. Скопец, по закону Моисееву, не мог быть принят в общество Иеговы, но мог быть прозелитом второй степени – прозелитом врат. Таков, вероятно, и был этот вельможа, занимавший высокую должность при царице в качестве хранителя всех её сокровищ, а потому, по восточным обычаям, несомненно бывший скопцом. Эфиопией в то время называлась страна, лежавшая к югу от Египта, где ныне находится Абиссиния и Нубия. Страна эта управлялась женщинами, и как в соседнем Египте все цари назывались фараонами, так в Эфиопии все царицы назывались кандакиями. Население этой страны принадлежало к семитической расе и говорило языком, близким к древне-арабскому, но оно было языческое. Это были кушиты, часто упоминаемые в Ветхом Завете.

По внушению Духа Божия, Филипп подошёл к колеснице евнуха и, услышав, что он читает вслух книгу пророка Исаии, спросил, понимает ли он, что читает. Со смирением и детской простотой вельможа признался, что не понимает читаемого, и просил у Филиппа разъяснения. Воспользовавшись тем, что евнух читал место о страданиях Мессии из 53 главы пророка Исаии, Филипп начал благовествовать ему о Христе, и так успешно, что, когда они подъехали к источнику, как полагают, между Елевферополем и Газою, евнух пожелал креститься. Благовестник только одного требует от него – веры от всего сердца, и когда тот исповедал Иисуса Христа Сыном Божиим, крестил его. Господу угодно было засвидетельствовать как крещённому, что он действительно воспринял спасение Божие, так и крестившему, что совершенное им согласно с волей Божией, двумя чудесными событиями: Дух Святой без всякого посредства сошёл на евнуха, как впоследствии на язычника Корнилия, и Ангел Господень восхитил Филиппа, так что евнух уже не видел его и продолжал свой путь один радуясь, в то время как Филипп оказался в Азоте, городе, лежавшем к северу от Газы в 50 вёрстах, где благовествовал, идя на север, пока не пришёл в Кесарию. Кесария была, видимо, его постоянным местожительством: это был большой город при Средиземном море, в 100 вёрстах к северо-западу от Иерусалима, бывший местопребыванием римских прокураторов Иудеи. До времён Ирода Великого здесь был замок Стратонов. Ирод выстроил здесь город, назвав его Кесарией в честь кесаря Октавия Августа. Эта Кесария назывались Стратоновой, в отличие от Кесарии Филипповой, выстроенной Филиппом при подошве горы Ливан на месте города, называвшегося прежде Панеей. О Кесарии Стратоновой нередко идёт речь у Дееписателя.

Предание церковное сохранило нам сведения о дальнейшей судьбе евнуха. Звали его Индих; по возвращении в страну свою он был там первым проповедником Евангелия, обратил многих ко Христу, в том числе и свою повелительницу царицу, крестив её.

Глава девятая

Обращение Савла ко Христу на пути в Дамаск, крещение его и проповедь в Дамаске (стихи 1–25). Бегство его и пребывание в Иерусалиме (стихи 26–30). Св. апостол Пётр в Лидде и исцеление им Энея (стихи 31–35). Пребывание св. апостола Петра в Иоппии и воскрешение им Тавифы (стихи 36–43).

Обращение Савла ко Христу на пути в Дамаск, крещение его и проповедь в Дамаске

(стихи 1–25)

Распространением христианства в Самарии и обращением ко Христу прозелита-евнуха положено начало проповеди Евангелия за пределами чистого иудейства. Вскоре, по промыслу Божию, предстояло ещё большее расширение области евангельской проповеди перенесением её в мир языческий. Для этой цели Господь избирает Себе благопотребный сосуд в лице Своего злейшего врага Савла, который становится великим «апостолом языков» Павлом. Это тот самый Савл, который принимал деятельное участие в убиении первомученика Стефана и начавшемся после того великом гонении на Церковь в Иерусалиме (Деян. 8:1–3). Не довольствуясь Иерусалимом, он решил перенести свои злобные преследования христиан и за пределы иудейского мира. Он выпросил у первосвященника письма в Дамаск к синагогам, чтобы там получить полномочия на преследования христиан. Душевное состояние Савла было таково, что, по человеческим соображениям, исключало всякую возможность какой-либо перемены в нём. Дееписатель представляет его как бы диким плотоядным зверем, задыхающимся от фанатичной ненависти к христианам. С таким настроением он шёл в Дамаск – древний главный город Сирии, находившийся в 200 вёрстах к северо-востоку от Иерусалима; со времён Селевкидов в нём жило очень много евреев, так что Нерон мог умертвить там до 10.000 их, по свидетельству Флавия. Синедрион иерусалимский считал всех евреев во всех странах мира подлежащими его судебной власти в делах веры, а потому Савл, имея письма от первосвященника, мог приводить христиан в Иерусалим для предания их суду синедриона как богохульников и вероотступников.

Благодать Божия произвела, однако, решительный переворот в этом злобном настроении Савла. Когда он уже приближался к Дамаску, его осиял свет с неба, столь яркий и

ослепительный, что своей неожиданностью поверг его на землю. Дееписатель не говорит прямо, что в сиянии этого света Савл увидел небесный образ Самого Иисуса Христа, но дальнейшие черты повествования удостоверяют это, да и сам апостол Павел свидетельствует в 1Кор. 9:1 и 15:8, что в свете, осиявшем его, он видел Господа. Потрясённый этим Савл упал и, уже не видя ничего, услышал только голос, говоривший ему: «Савл, Савл, что гонишь Меня?» Савл был настолько не подготовлен к этому чудесному явлению, что спросил: «Кто ты, Господи?» Господь прямо называет Своё Имя и добавляет: «Трудно тебе идти против рожна» – трудно тебе идти против рожна. Это – народное присловие, выражающее мысль о тщете усилий противодействовать силе неодолимой: бессилен ты со всей своей злобой против дела, совершаемого Моею Божественною силою. Это привело Савла в ужас и трепет, и он смиренно признаёт Явившегося своим Господом, а себя – Его рабом и спрашивает: «Что повелишь мне делать?» Господь повелел ему идти в Дамаск, где будет сказано, что ему надобно делать. Первосвященник и синедрион, видимо, дали Савлу проводников и помощников, которые и явились свидетелями этого чрезвычайного события, хотя никого не видели, а только слышали голос. От осиявшего его света Савл ослеп: это было отчасти и наказанием гонителю, отчасти символическим означением того, что он с открытыми глазами был слеп в отношении к истине Христова учения. В глубоком покаянном чувстве он три дня не ел и не пил после того, как его спутники за руку привели его, ослепшего, в Дамаск. «В Дамаске был один ученик, именем Анания» – судя по имени, христианин из иудеев. Сам апостол Павел позже характеризует его как мужа благочестивого, жившего по закону и пользовавшегося уважением всех дамасских иудеев (Деян. 22:12). По преданию, он был потом епископом Дамасским и скончался мученически в Елевферополе. Память его 1 октября. Господь в видении повелел ему идти к Савлу и возложить на него руку, чтобы он прозрел. С детской откровенностью Анания возражает Господу на основании известных ему слухов о Савле как о гонителе Церкви. Господь успокаивает Ананию, указывая на будущее

великое предназначение Савла: «Он есть Мой избранный сосуд...» Через возложение рук Анании Савл прозрел и исполнился Духа Святого. Это было чрезвычайное чудо особой милости Божией над Савлом: как и впоследствии сотник Корнилий, он сподобился благодати Духа Святого ещё до крещения, и низвёл эту благодать на него ученик, не принадлежавший к числу 12 апостолов. «Так всё, касающееся Павла, – отмечает св. Златоуст, – было нечеловеческим и совершалось не чрез человека, но Сам Бог был совершителем этого».

«И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его» – нельзя думать, что какое-либо действительное вещество вроде чешуи спало с глаз Савла: это было лишь внутреннее личное ощущение его. Затем он крестился, без сомнения, от рук того же Анании. «И приняв пищи, укрепился» – «ибо он изнемог, – говорит св. Златоуст, – от путешествия, от страха, от поста и от скорби». «И был Савл несколько дней с учениками в Дамаске». Это не противоречит словам самого Павла в [Гал. 1:17](#) и далее, что по обращению своему он тотчас же отправился в Аравию. Дееписатель не упоминает об этом путешествии Савла из Дамаска в Аравию и о возвращении опять в Дамаск. Это обычно для св. Луки: он опускает описание того события, известий о котором не сохранилось. Есть, впрочем, здесь указание на то, что после нескольких дней пребывания в Дамаске Савл пробыл в нём потом «довольно времени» (ст. 23). Пламенный дух Савла не терпел медлительности, и он, сделавшись христианином, с такой же ревностью, с какой прежде гнал христиан, стал проповедовать христианство по синагогам. Основным пунктом его проповеди было то, что Иисус есть Сын Божий. Все слышавшие дивились этой необыкновенной перемене, происшедшей с Савлом. Савл же «более и более укреплялся», вероятно, уже по возвращении из Аравии, где он, по-видимому, в тишине и уединении предавался изучению Священного Писания уже с христианской точки зрения, озаряемый Духом Божиим. Теперь он доказывал на основании Священного Писания, что Иисус есть Христос, то есть ожидаемый иудеями Мессия. Сила этих его доказательств была

столь велика, что он приводил иудеев в замешательство. Невозможность опровергнуть доводы Савла возбудила в них такую ненависть к нему, что они решили его убить, и для этого день и ночь стерегли ворота, ожидая, когда он выйдет из города, чтобы на пути исполнить свой злой замысел без свидетелей. Кажется, они имели сведения о намерении Савла отправиться в Иерусалим. Савл избег этой опасности, будучи спущен учениками ночью по стене города в корзине, вероятно, в окно дома, примыкавшего к городской стене. О таком способе избавления своего от опасности св. Павел сам вспоминает в 2Кор. 11:32.

Бегство его и пребывание в Иерусалиме

(стихи 26–30)

«Савл прибыл в Иерусалим» – это было, по словам самого Павла в [Гал. 1:18](#), уже три года спустя после его обращения: часть этого времени он пробыл в Аравии. Об этом прибытии в Иерусалим и кратковременном пребывании в нём св. Павел сам даёт краткие сведения в [Гал. 1:18–24](#), которые надо иметь в виду для правильного понимания рассказа Дееписателя. Св. Павел, по его словам, ходил в Иерусалим собственно для свидания с Петром и пробыл у него дней 15; при этом с другими апостолами он не виделся, кроме Иакова, брата Господня. Церквам в Иудее он лично известен не был, а только по слухам; из Иерусалима он ушёл в страны Сирии и Киликии. Дееписатель добавляет к этому, что Савл «старался пристать к ученикам», то есть христианам, но они его боялись, не веря ему, и не принимали его в своё общение. Это продолжалось, конечно, до тех пор, пока Варнава не представил его апостолам. По церковному преданию, Варнава, пользовавшийся в то время большим уважением всего христианского общества, в годы юности вместе с Савлом воспитывался в школе Гамалиила, и даже после того, как Варнава сделался учеником Господа, они встречались друг с другом и препирались о Христе, но Савл оставался упорен до события перед Дамаском. Теперь Варнава, узнав о его обращении, взяв его за руку, привёл его к апостолам. Вероятно, апостолы не пребывали постоянно в Иерусалиме, а потому Савл и виделся только с двумя – Петром и Иаковом. Савл стал тогда открыто пребывать с верующими в Иерусалиме, и смело проповедовал о Господе Иисусе. Проповедь его была обращена как к иудеям, так и к эллинистам. По своему происхождению из Тарса Киликийского он и сам был эллинистом, а потому не удивительно, что он особенно горячо пытался обратить ко Христу эллинистов. Но споря с ними, возбудил такую их ненависть, что они покушались его убить. Братия же, то есть иерусалимские христиане, узнав об этом, чтобы его спасти, отправили его в Кесарию (Стратонову), а

оттуда на его родину в Тарс. Павел это и сам рассказывает в Гал. 1:21.

Св. Апостол Пётр в Лидде и исцеление им Энея

(стихи 31–35)

По обращению главного неистового гонителя христиан гонение затихло, и церкви христианские в Палестине «были в покое». Они «назидались», преуспевая в христианском усовершенствовании, проводя богобоязненную жизнь. Высшим утешением для верующих служили, конечно, те необычайные действия Духа Божия, которые совершались через посредство апостолов. О двух из таковых действий и повествует дальше Деяписатель.

«Случилось, что Пётр, обходя всех...» – из этого видно, что у апостолов был обычай посещать верующих, без сомнения для того, чтобы утверждать их в вере, разрешать возникающие у них вопросы и т. п. «Пришёл и к святым» – «святыми» называются христиане как освящённые благодатью Божией. «Живущим в Лидде» – это небольшой городок вблизи Средиземного моря, недалеко от Иоппии, к северо-западу от Иерусалима. Там Пётр исцеляет расслабленного Энея, судя по имени грека и едва ли христианина, потому что он именуется просто «некоторым человеком». Характерно, что Пётр не спрашивает его о вере в Господа Иисуса или провидя духовным взором своим его веру, или надеясь возбудить её самым фактом исцеления. Это чудо послужило поводом для обращения ко Христу жителей Саронской равнины – плодородной и густо населённой полосы земли от Кесарии Стратоновой до Иоппии.

Пребывание св. Апостола Петра в Иоппии и воскрешение им Тавифы

(стихи 36–43)

Затем Пётр идёт в Иоппию, которая называется ныне Яффа, город древний, лежащий на берегу Средиземного моря к северо-западу от Иерусалима, и воскрешает там «ученицу», то есть христианку Тавифу, по-видимому вдовицу, судя по её благотворениям преимущественно вдовицам. Тавифа значит «серна»: как собственное женское имя, оно часто встречается и у греков, и у Флавия, и у раввинов. Серна благодаря своему красивому виду, грациозным движениям и прекрасным глазам считалась у евреев и других восточных народов символом женской красоты, а потому и сделалась собственным женским именем, как мужское имя Лев. Умершую положили «в горнице» – верхней комнате дома, служившей обыкновенно для молитвы. Всё общество христианское было опечалено смертью такой благотворительницы бедных, какой была Тавифа, а потому и послали к Петру, прося его немедленно прийти. «Выслав всех вон» – чтобы, не смущаясь никакими внешними впечатлениями, предаться молитве, Пётр воскресил умершую словами: «Тавифа! востани». Это чудо, естественно, заставило многих уверовать в Господа. Пётр же пробыл «довольно дней» у некоего Симона усмаря, то есть кожевника, вероятно христианина. Это ремесло раввины считали нечистым, но св. Пётр, конечно, был выше таких предрассудков.

Глава десятая

Обращение ко Христу первого язычника Корнилия сотника, после вразумительного видения, бывшего св. апостолу Петру (стихи 1–48)

В то время как Пётр пребывал в Иоппии, Дух Божий призвал его положить начало величайшему делу распространения Христовой веры среди язычников. Первым городом, в котором совершилось обращение язычников ко Христу, была известная уже нам Кесария Палестинская, или Стратонова, – город, бывший резиденцией римского прокуратора, в котором находился поэтому гарнизон из природных римлян, более надёжных, конечно, чем войска, набиравшиеся из туземных жителей. В этом-то полку, носившем поэтому название Италийского, был сотник по имени Корнилий. Из дальнейшего повествования видно, что он не был прозелитом, а обыкновенным язычником, отличавшимся только доброй религиозно-нравственной настроенностью. Характерно, что к этому первостепенной важности делу – обращению первого язычника – был призван не кто иной, как сам первоверховный апостол Пётр, хотя в Кесарии и жил Филипп-благовестник. Из слов Деяписателя можно заключить, что Корнилий осознал ложь язычества и чтит истинного Бога. Своё богопочтение он выражал добрыми делами и в добрых правилах веры и жизни держал весь свой дом. Из ст. 30 видно, что Корнилий даже соблюдал часы молитвы, принятые у иудеев. И вот во время молитвы ему явился Ангел, который повелел ему послать в Иоппию за Симоном, называемым Петром: «Он скажет тебе слова, которыми спасёшься ты, и весь дом твой», то есть предаст учение, уверовав которому, получишь спасение и ты, и все твои домашние. Корнилий тотчас же исполнил повеление Ангела, послав во Иоппию двух своих слуг и благочестиво настроенного воина, рассказав им всё для того, чтобы они могли побудить Петра прийти к нему, считая неприличным звать его в силу своего авторитета. От Кесарии до Иоппии было около 40–45 вёрст. Поэтому посланные Корнилием

после 9 часа – по-нашему после трёх часов дня – могли прийти в Иоппию лишь на другой день к полудню. Как раз в это время – около 6 часа – Пётр взойшёл, по обычаю, на плоскую кровлю дома помолиться. Там он почувствовал голод, и на него напало «исступление», по-гречески «экстасис» – такое состояние, когда человек бывает как бы вне себя: в этом состоянии внешний мир со всеми его впечатлениями как бы совсем закрывается для внешних чувств человека, и внутреннему чувству его открываются явления другого, невидимого мира. Святой апостол Павел в 2Кор. 12:2–3 весьма характеристически выражается о таком состоянии, испытанном им самим: «В теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю. Бог знает». В таком состоянии апостол Пётр увидел «отверстое небо» и из него опускающееся как бы большое полотно, привязанное за четыре угла там, вверху, в отверстом небе. В этом полотне Пётр увидел всевозможных животных – четвероногих, пресмыкающихся и птиц. «И был глас к нему: встань, Петре, заколи и ешь». Вероятно, Пётр был в коленопреклонном или простёртом на земле молитвенном положении. В полотне были всякие животные – и чистые, и нечистые. Голос с неба как бы предлагал Петру вкусить любого животного, не делая различия. Апостол на эту, собственно, сторону повеления обратил своё внимание как на необычайную, а потому с силой возразил: «Господи, я никогда не ел ничего скверного или нечистого». На это голос отвечал ему: «Что Бог очистил, того ты – в противоположность Богу – не почитай нечистым»; в этих словах смысл всего видения, которого Пётр сначала не мог понять, но который вскоре объяснился для него. Смысл и цель всего видения таковы: все эти животные символически обозначали собой всё человечество: чистые животные обозначали избранный народ Божий – евреев, а нечистые – язычников, которых Бог очистил крестною смертью Христа-Искупителя, а потому в новом Царстве Божием на земле – Царстве Мессии, или Церкви Христовой, нет и не должно быть различия между иудеями и язычниками – все одинаково очищены Кровью Агнца Божия Христа и все одинаково достойны вступить в Его Царство. Как видно из статьи 28, Пётр правильно понял потом

смысл этого видения. Этим видением открывается новая эпоха в истории первохристианской Церкви – эпоха призвания язычества в христианство без посредства иудейства. Видение это повторялось трижды в знак его непреложности, а затем за Петром пришли посланные сотником Корнилием. Так как Пётр, не понявший сразу смысла видения, мог прийти в недоумение, можно ли ему, как иудею, последовать приглашению язычника, то он тотчас же получил новое откровение от Духа Божия: «Иди с ними, нимало не сомневаясь; ибо Я послал их». Пётр не тотчас же отправился, а пригласил посланных в дом свой и угостил их, конечно, потому, что путь был далёк, и они отправились в дорогу только на следующий день. На следующий день, то есть на четвёртый день после того, как Корнилию было видение, что видно и из ст. 30, они прибыли в Кесарию, где их дожидался уже Корнилий, созвавший единомышленных, по-видимому, родственников и друзей. Таким образом, в доме Корнилия составилось более или менее значительное общество язычников, готовых уверовать во Христа. Встретив Петра, Корнилий поклонился ему, «падши к ногам его». В этом земном поклонении выражалось нечто особенное; возможно, что Корнилий, как язычник, считал Петра за кого-то высшего, чем обыкновенный человек, а потому Пётр решительно отклонил такое поклонение себе словами: «Встань я тоже человек», то есть: и я такой же человек, как все. В этом видно, конечно, глубокое смирение Петра. Найдя в доме многих собравшихся язычников, святой Пётр сказал, что иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником, но что Бог открыл ему, чтобы он ни одного человека не почитал скверным или нечистым, а потому он и пришёл беспрекословно и спрашивает, для какого дела они позвали его. В законе Моисеевом, собственно, нет запрещения еврею входить в общение с язычником, но позднейшее раввинство под влиянием фарисейства развило учение о том, что для еврея войти в дом язычника считается уже осквернением. Из слов Петра видно, что он понял смысл бывшего ему видения. В ответ на вопрос Петра Корнилий просто передал о бывшем ему видении. Тогда

Пётр начал свою проповедь о Христе. В речи Петра ясно различаются три составных части:

1) Вступительное изречение о принятии в Царство Божие людей добродетельных и набожных из всех народов без различия (ст. 34–35);

2) Краткое изображение деятельности Иисуса Христа до Его смерти (ст. 36–39) и по воскресению (ст. 40–42) и

3) Ссылка на пророческие изречения о спасении всех во Христе (ст. 43).

Речь святого Петра внезапно была прервана поразительным и неожиданным для всех явлением: Дух Святой сошёл на всех слушавших. Это единственный пример во всей апостольской истории, что Дух Святой сошёл на присоединяющихся к христианскому обществу ещё до крещения их и без всякого видимого посредства – обычного возложения апостольских рук. Это было особенным знамением от Бога для вразумления тех иудеев, которые считали язычников нечистыми и недостойными быть членами Царства Мессии, по крайней мере, без предварительного принятия иудейства. Больше подобного чрезвычайного дарования Духа Святого в истории христианства мы не встречаем. Знамение оказало своё действие: «Верующие из обрезанных, пришедшие с Петром, изумились, что дар Святого Духа излился и на язычников». Факт сошествия Духа Святого был несомненен, ибо явления, сопровождавшие его, были те же, что в день Пятидесятницы (ст. 46). Тогда Пётр, правильно понявший значение этого знамения, сказал: «Кто может запретить креститься водою тем, которые, как и мы, получили Святого Духа?» – то есть: нет никаких препятствий присоединиться к христианскому обществу через крещение без всяких иудейских обрядовых установлений тем, над которыми Сам Бог совершил такое чудо Своей милости, Своего благоволения. По крещению их св. Пётр по их просьбе пробыл у них ещё несколько дней, конечно, наставляя и утверждая их в вере христианской. По церковному преданию, Корнилий потом был епископом в Кесарии, проповедовал Христа в разных странах и окончил свою жизнь мученической смертью. Память его 13 сентября.

Глава одиннадцатая

Упрёки Петру со стороны обрезанных за общение его с необрезанными и объяснения его (стихи 1–18). Проповедь христианства вне Палестины, особенно в Антиохии (стихи 19–21). Варнава и Савл в Антиохии (стихи 22–26). Пророчество о голоде и милостыня христианам в Иудее (стихи 27–30)

Упрёки Петру со стороны обрезанных за общение его с необрезанными и объяснения его

(стихи 1–18)

Молва о крещении язычников в Кесарии скоро распространилась по всем христианским обществам Иудеи и достигла слуха остальных апостолов прежде, нежели сам Пётр успел возвратиться в Иерусалим. Образ выражения о сем Деяписателя (ст. 1) свидетельствует о том, что это известие было воспринято апостолами и большинством братии как радостное. Но, тем не менее, событие это, как новое и необычайное, не могло пройти и без недоразумений ввиду предрассудков иудеев и их предубеждений против язычников. Когда Пётр возвратился в Иерусалим, обрезанные, то есть христиане из природных иудеев, стали упрекать его за то, что он общался с необрезанными и «ел с ними». Это было первое проявление того заблуждения, или даже лжеучения, которое потом с большой резкостью распространяли всюду в среде христианских обществ иудействующие лжеучители, с которыми так сильно приходилось потом бороться, особенно св. апостолу Павлу. В данном случае соблазнялись, конечно, не тем, что язычники были крещены Петром, а тем, что не они к нему, а он пошёл к ним, жил с ними и ел у них. Святость ветхозаветного закона, по их мнению, этого не допускала. Впоследствии заблуждения эти дошли даже до требования, чтобы язычники, принимающие христианство, предварительно обрезывались и выполняли бы все требования обрядового Моисеева закона (гл. 15). Теперь до этого ещё не дошло, но Петру всё же пришлось оправдываться. В оправдание своё он рассказал всё, что с ним произошло во Иоппии – о бывшем ему от Бога вразумительном видении и о том, что произошло в доме Корнилия. Недаром св. Пётр взял с собой шестерых иоппийских христиан из иудеев, которые были свидетелями всего происшедшего и теперь могли, со своей стороны, подтвердить всю истинность происшедшего. В объяснении Пётр особенно подчеркнул, что язычники получили такой же дар Святого Духа, как и они в день

Пятидесятницы, и что это есть исполнение обетования Христова, данного пред Вознесением: «Вы будете крещены Духом Святым» (Деян. 1:5). Характерно, что, по словам Петра, он только «начал говорить», как уже сошёл Дух Святой на слушавших его, что сделало до времени не нужным более полное оглашение уверовавших. Своим рассказом Пётр, собственно, не ответил на сделанный ему упрёк, что он ходил к необрезанным и ел с ними, но лишь поставил явную волю Божию о сих язычниках в качестве оправдания своего образа действий. Если Бог при таких необычайных знамениях принял язычников в Свою Церковь, то разве мог он, Пётр, не обращаться с ними, как с братьями своими, жить у них и есть с ними? Этот рассказ внёс успокоение: слушавшие даже стали славить Бога за милость к языщикам. Эти упрёки св. Петру со стороны христиан из иудеев чрезвычайно характерны. Разве посмели бы они делать ему какие бы то ни было упрёки, если бы Господь Иисус Христос поставил Его Своим заместителем, «князем над апостолами» и непогрешимым главой Церкви, как учат римо-католики? Да и стал ли бы апостол Пётр перед ними «оправдываться»? Он просто бы указал на своё полномочие, на своё право поступать, как находит нужным.

Проповедь христианства вне Палестины, особенно в Антиохии

(стихи 19–21)

«Гонение немало принесло пользы проповеди евангельской, – говорит св. Златоуст, – если бы враги старались нарочито распространить Церковь, то сделали бы не что иное, как это: разумею рассеяние учителей». Рассеявшиеся в результате гонения христиане вначале никому не проповедовали евангельского учения, кроме иудеев, живших за пределами Палестины, в Финикии, на о. Кипре и в Антиохии, но потом, возможно, что после того как распространилась повсюду весть об обращении сотника Корнилия, стали благовествовать в Антиохии и «эллинам», то есть язычникам. «И великое число, уверовав, обратились к Господу». Антиохия – большой и цветущий тогда город в северо-западной Сирии, на реке Оронте, в шести часах пути от Средиземного моря. Она основана была Антиохом, отцом Селевка Никатора – основателя царства Селевкидов как одна из многочисленных греческих колоний, коих так много было основано на Востоке в результате македонских завоеваний. Население там было греческое, но много жило там и евреев. Дееписатель подчёркивает особенный успех евангельской проповеди среди антиохийцев: «И была рука Господня с ними». И действительно, Антиохия стала одним из крупнейших центров христианства в древности. В апостольский век Антиохия была как бы метрополией всех церквей, основанных апостолами среди языческих народностей.

Варнава и Савл в Антиохии

(стихи 22–26)

Когда слух о таком успехе евангельской проповеди в Антиохии дошёл до Иерусалима, апостолы поручили Варнаве идти в Антиохию, без сомнения для того, чтобы предупредить могшие возникнуть там недоразумения и взять на себя первоначальное руководство этой новой и многочисленной христианской общиной. Послан был именно Варнава потому, что он был кипрянин, то есть родом с того же острова Кипр, откуда происходили и некоторые из антиохийских проповедников, и он легче мог стать с ними в близкие и искренние отношения. Кроме того, он был «муж добрый и исполненный Духа Святого и веры» – отличался особенно мягким и любвеобильным сердцем и имел дар убедительности и утешительности в слове, за что и получил прозвание «сына утешения». Придя в Антиохию, он, видимо, не заметил там никаких недостатков и своей проповедью ещё более умножил число верующих.

Введший Савла в иерусалимское христианское общество Варнава, без сомнения, знал о его предназначении быть апостолом язычников, а потому и счёл нужным отыскать его в его родном городе Тарсе, находившемся к тому же неподалёку от Антиохии, и привёл его в Антиохию, чтобы начать здесь свою апостольскую деятельность среди новообращённых язычников. Целый год они трудились вместе, уча «немалое число людей». Далее следует весьма важное указание Деяписателя, что «ученики в Антиохии в первый раз стали называться христианами». До сих пор они назывались «учениками», «братьями», «верующими», «святыми». Вероятнее всего, что это наименование «христиане» явилось не в среде самого христианского общества, а дано было последователям Господа Иисуса Христа антиохийскими язычниками. Не зная догматического и религиозно-исторического значения имени Мессии, они приняли его греческий перевод – Христос – за имя собственное и по нему образовали имя партии, по их мнению, или секты Его последователей, подобно тому, как говорили:

«иродиане», «кесариане», «помпеяне» и т. п. Это показывает, что последователей Господа уже перестали считать за иудейскую секту, как было вначале, и что христианство явилось в сознании языческого мира как нечто самостоятельное, так что даже иудеи и язычники соединились вместе в этом общем для тех и других названии.

Пророчество о голоде и милостыня христианам в Иудее

(стихи 27–30)

Трогательно, что как только основалась церковь среди язычников в Антиохии, так тотчас же между этой церковью и церквями среди иудеев в Палестине установилось живое братское общение и единение. Матерь церквей посылает в Антиохию своих учителей; антиохийские же христиане из язычников прибегают на помощь братьям, живущим в Иудее, когда там наступил голод. Деятели передают, как в Антиохию пришли из Иерусалима пророки и между ними Агав, который предрёк наступление голода. Тогда антиохийские христиане положили послать милостыню христианам в Иудее. Тотчас же ли это было сделано или позже, когда наступил голод, этого не видно, но так или иначе, в этом проявилась трогательная братская любовь и единение между христианами из язычников и христианами из иудеев, составившими теперь единую Церковь Христову.

Этот великий голод действительно произошёл, как свидетельствует Деятели, при кесаре Клавдии. Это был римский император, преемник Кая Калигулы, занимавший престол с 41 по 54 год по Р. Х. При нём голод не раз свирепствовал в разных областях Римской империи. По свидетельству Флавия, около 44 года был великий голод по всей Палестине; около 50 г. голод был в самой Италии и в других провинциях.

Милостыня была послана «к пресвитерам» через Варнаву и Савла. Здесь в первый раз упоминается это наименование «пресвитеров». Как видно из дальнейшего повествования (15:2, 4, 6, 22, 23; 20:17 и др.) и из посланий апостольских (Тит. 1:4; 1Тим. 5:17. 19), это были должностные лица в апостольской Церкви, исполнявшие обязанности руководителей отдельных христианских общин, пастыри и учителя, совершители таинств (ср. 20:17, 28; Еф. 4:11; 1Пет. 5:1 и паралл. 1Иак. 5:14–15). Посвящаемы они были в своё служение через возложение рук

от апостолов (14:23) и епископов (1Тим. 5:22). В некоторых городах, где христианские общества были многочисленны, как, например, в Иерусалиме, Ефесе, пресвитеров было несколько (5:1, 4 и далее, 20:17). О первоначальном учреждении этой должности в Церкви нет такого прямого известия, как об учреждении диаконов, но обычай рукополагать пресвитеров в новоучреждённые христианские общества мы видим установившимся очень рано (см. 14:23).

Глава двенадцатая

Гонение на Церковь со стороны Ирода: убиение Иакова, заключение в темницу Петра и чудесное освобождение его оттуда (стихи 1–18). Смерть Ирода, изъеденного червями (стихи 19–23). Возвращение Варнавы и Савла в Антиохию (стихи 24–25)

В то время как Варнава и Савл, посланные с милостыней во Иудею, находились там, покой Церкви был нарушен гонением, воздвигнутым на верующих в Иерусалиме царём Иродом Агриппой I. Это был сын Аристовула и Вереники, внук Ирода, называемого Великим, племянник Ирода Антипы Галилейского, убийцы св. Иоанна Крестителя. Рождённый около 10 г. пред Рождеством Христовым и воспитанный в Риме, он получил от римского императора Кая Калигулы тетрархию умершего дяди своего Филиппа и тетрархию Лисания с титулом царя; вскоре ему досталась и тетрархия другого дяди, Ирода Антипы; наконец, император Клавдий, преемник Калигулы, присоединил к его владениям Иудею и Самарию, так что Ирод Агриппа I, как и его дед, стал царём над всей Палестиной. Во время его царствования отдельного римского прокураторства над Палестиной даже не было. Это был хитрый, ветреный, расточительный правитель. Воспитанный в Риме, легкомысленный, едва ли веривший по-иудейски, Ирод начал гонение на христиан, чтобы сделать приятное иудеям, то есть исключительно в видах своего личного возвышения в глазах иудейского общества, ненавидевшего христиан. Представители иудейской церковно-иерархической власти, видя расположение к себе нового царя и зная о расположении к нему высшей римской власти, подняли голову, надеясь через него подавить всё возраставшую силу христианства.

Таким образом, теперь впервые религиозно-иерархическая власть иудеев входит в союз с гражданской властью в надежде уничтожить христианство. Гонение было начато убиением Иакова, брата Иоаннова, мечом, то есть путём обезглавливания. За несколько дней до Пасхи царь приказал

схватить и Петра и стеречь его в темнице строго, чтобы после Пасхи всенародно предать его смерти. Любитель зрелищ, как воспитывавшийся в Риме, царь хотел сделать из осуждения первоверховного апостола народное зрелище. «Между тем церковь прилежно молилась о нём Богу» – Деяния хочет подчеркнуть, что последовавшее затем чудесное освобождение Петра из темницы было, между прочим, и по молитве всей Церкви. Четыре четверицы воинов стерегли Петра, причём он был прикован к двум из воинов и даже спал между ними, скованный двумя цепями. Рассуждая по-человечески, надежды на спасение не могло быть никакой. Каждую стражу воины сменялись по четверо, причём двое были скованы с Петром руками, а двое стерегли выходные двери. Накануне дня, назначенного для казни, Пётр спал между двумя воинами, как вдруг предстал Ангел Господень, и свет осиял темницу, то есть камеру, в которой был заключён Пётр. Характерно, что Пётр, предавая жизнь свою воле Божией, спокойно спал. Ангел, толкнув его в бок, пробудил и повелел ему, одевшись следовать за собой. Неожиданность и необычность события привели Петра в такое состояние, что он считал всё происходящее сном. В таком состоянии он прошёл мимо воинов, охранявших первую дверь того отделения темницы, где он был заключён, а затем и вторую. Когда они подошли к выходным дверям темницы, те сами собой отворились, и Пётр, ведомый Ангелом, благополучно вышел на улицу. Лишь тогда, когда они прошли одну улицу и Ангела вдруг не стало, Пётр понял, что всё случившееся с ним не сон, а действительность, и возблагодарил Бога за своё избавление и за то, что разрушилась надежда Ирода и народа иудейского (в части его, враждебной христианству) на уничтожение христианства путём убийства первого из представителей христианства, сильнейшего словом и делом пред Богом и людьми («... от всего, чего ждал народ иудейский»).

Убедившись, что он действительно освобождён, и осмотревшись, где он находится, Пётр пришёл к дому Марии, матери Иоанна, «называемого Марком». Предания о нём не одинаковы. Одно предание, разделяемое блж. Феофилактом,

считает его за одно лицо с евангелистом Марком и Марком, племянником Варнавы. Другое предание, записанное в Четых Минеях (под 4 января), отличает его и от евангелиста Марка, и от племянника Варнавы. Третье считает его племянником Варнавы, отличая, однако, от евангелиста Марка. В этом доме собрались многие, молившиеся об избавлении Петра об угрожавшей ему опасности. Когда Пётр постучался, к воротам вышла служанка Рода. Узнав голос Петра, она от радости не отворила ворот, но побежала сообщить радостную весть всем верующим. Эта весть показалась многим столь невероятной, что они готовы были признать Роду сошедшей с ума. Другие высказали предположение, что это Ангел Петра. Это предположение подтверждает, что с самого начала в христианской Церкви существовало учение об Ангелах хранителях, заботящихся о спасении людей, к которым они приставлены (на основании Мф. 18:10 и Евр. 1:14). Когда после вторичного стука Петра открыли, наконец, двери и увидели его, то были поражены тем, что это действительно он сам. Рассказав о своём чудесном освобождении и повелев уведомить о том Иакова, конечно брата Господня, который был предстоятелем Иерусалимской церкви, и «братьев», то есть других членов христианского общества, Пётр, «пошёл в другое место». Что это за «другое место», Деятели не говорит, но есть предание, что Пётр в первых годах царствования Клавдия был в Риме. Это как раз совпадает с рассматриваемым временем, когда был, по всей вероятности, 44 год по Р. Х., после иудейской Пасхи, и 4 год царствования Клавдия. О Петре в книге Деяний больше не упоминается до самого апостольского собора в Иерусалиме, бывшего в 51 г. (см. гл. 15). Можно себе представить ужас воинов, когда они обнаружили исчезновение Петра. Когда поиски его оказались тщетными, Ирод велел казнить стражей, а сам отправился в Кесарию. Непосредственно вслед за этим Деятели описывает страшную кару Божию, постигшую гонителя Церкви Христовой. Ирод был чем-то раздражён на тирян и сидонян. А так как для жителей этих приморских городов владения Ирода были главным местом обмена привозимых ими из других стран

товаров на зерновой хлеб, обработкой которого они сами не занимались, то им невыгодно было ссориться с Иродом и они послали к Ироду делегацию просить о сохранении мирных отношений. При помощи постельника царского Власта они добились аудиенции у царя. «Постельником», по-латыни «префектус кубикули», назывался главный служитель при особе царя, камергер, высший сановник и хранитель царских сокровищ, лицо обыкновенно весьма влиятельное и сильное. Судя по имени Власт, можно предполагать, что Ирод вывез своего постельника с собою из Рима, где он жил до вступления на престол.

В день аудиенции Ирод оделся в полную парадную царскую одежду, которая, по сказанию Флавия, была вся из серебра, и сел на особом приготовленном для него возвышенном месте, можно думать, что в театре, ибо это было среди многочисленного народа. Народ, увлечённый царской роскошью, вероятно, из лести стал восклицать: «Это голос Бога, а не человека». Надо полагать, что эти слова вырвались из уст языческой части народа, а не иудейской, которой должны были быть противны подобные восклицания. Но Ангел Божий поразил безумного гордеца, несомненно, за то, что он не прекратил этих богохульных криков, а с удовольствием слушал их, такой болезнью, что он заживо был изъеден червями и умер. Об этом подробно рассказывает Иосиф Флавий. Несмотря на гонение, воздвигнутое Иродом, «Слово же Божие росло и распространялось». Варнава же и Савл, исполнив поручение о раздаче милостыни в Иудее, возвратились в Антиохию, взяв с собою Иоанна Марка.

Часть II. Церковь Христова среди язычников (главы 13–28)

Глава тринадцатая

Путешествие Варнавы и Савла в Кипр и обращение проконсула Сергия Павла (стихи 1–12). Путешествие в Пергию и Антиохию Писидийскую и речь апостола Павла в синагоге (стихи 13–41). Действие апостольской проповеди на язычников и на иудеев и гонение на апостолов со стороны иудеев (стихи 42–52)

Путешествие Варнавы и Савла в Кипр и обращение проконсула Сергия Павла

(стихи 1–12)

В первенствующей христианской Церкви особенными дарами Святого Духа, которых сподоблялись лишь некоторые избранные, были пророчество и учительство (см. 1Кор. 12:28 и Еф. 4:11). Антиохийская церковь к описываемому времени достигла такого духовного преуспевания, что в ней были уже свои пророки и учителя. Из них на первом месте Дееписатель называет Варнаву, вероятно по особенному к нему уважению в первенствующей Церкви и по особенному участию в устройстве церкви Антиохийской, а Савла – на последнем месте, так как он позднее всех вступил в общение с Антиохийской церковью, да и самая его апостольская деятельность только ещё начиналась. Упоминает Дееписатель ещё троих, о которых в новозаветных книгах ничего не известно: Симеона, называемого Нигер, что значит «чёрный», вероятно из римских прозелитов, как можно догадываться по прозвищу, Лукия, или Луция, Киринеянина, может быть одно лицо с тем, кого упоминает апостол Павел в послании к Римлянам 16:21 (ср. 11:19), Манаила, или Манаима, совоспитанника Ирода четверовластника, то есть Ирода Антипы, тетрарха Галилейского. Это примечание характерно: воспитание при дворе Ирода Великого не оказало, следовательно, на него влияния. «Когда они служили Господу» – греческое слово, употреблённое здесь, относится к храмовому священническому служению: вероятно, это была Евхаристия. Важно отметить при этом, что они «постились». А современные сектанты, уверяющие, что они во всём следуют Священному Писанию, отвергают пост. Во время этого богослужения Дух Святой, вероятно через одного или нескольких пророков, повелел «отделить Варнаву и Савла на дело, к которому Он призвал их», то есть на особенное благодатное служение Церкви Христовой. Как видно дальше, это было миссионерское служение для обращения ко Христу язычников. Знаменательно возложение рук на Варнаву и Савла, предварённое опять

постом и молитвой. Это было рукоположение их на апостольское служение. Конечно, возлагало руки не всё общество, а его предстоятели, сообщившие таким образом поставляемым на апостольское служение особые благодатные дары, необходимые им для успеха их дела.

Они отправились в путь, как видно, сопровождаемые Иоанном Марком, который должен был услуживать им и помогать, крещая новообращённых и исполняя второстепенные обязанности. Прежде всего, они отправились на остров Кипр, ближайший к Антиохии остров Средиземного моря. Это место было самым подходящим для того, чтобы с него завязать сношения со всем остальным языческим миром. Варнава был сам родом с этого острова, на нём жило много иудеев; по самому островному положению они должны были ближе общаться с языческим населением, чем на материке; как занимавшиеся морской торговлею, жители острова имели обширные связи с окружающими материками, особенно с южными областями Малой Азии, куда и отплыли потом апостолы. Чтобы отправиться из Антиохии в Кипр, они должны были прийти в Селевкию – небольшой портовый городок при впадении реки Оронта, на которой лежала Антиохия. Здесь они сели на корабль и отправились в Кипр, высадившись затем на восточном берегу острова в городе Саламине. Так как Варнава был родом из кипрских иудеев, то естественно, что они обратились с проповедью о Христе прежде всего к тамошним иудеям по их синагогам. Св. Павел и позже держался правила проповедовать сначала иудеям, а потом уж язычникам. Для исполнения разных поручений они имели при себе Иоанна-Марка. Из Саламина они пошли далее на запад и прошли весь остров до города Пафа, лежавшего на западном побережье. Это был главный город – местопребывание римского проконсула, правителя Кипра. Там они нашли некоего волхва, в том же смысле, в каком этим именем назывался самарянский Симон Волхв, по имени Вариисус (что, собственно, значит «сын Иисуса»). Деятели клеймит его именем лжепророка. Сам же он был иудеянин, хотя и носил почему-то арабское имя Елима, быть может потому, что был родом из Аравии, или просто

присвоил себе это имя, дабы слыть за восточного мудреца. Видимо, этот волхв имел влияние на проконсула Сергия Павла, которого Дееписатель называет «мужем разумным», так как пытался отвлечь его от веры во Христа. Можно полагать, что проконсул этот не удовлетворялся языческой религией и держал при себе иудейского волхва, надеясь в его мудрости и учении найти себе удовлетворение, но не найдя этого, пожелал обратиться к проповедникам нового учения, пришедшим в его город. Елима, что в переводе и значит «волхв», воспротивился им, боясь потерять своё влияние на проконсула. «Но Савл, он же и Павел, исполнившись Духа Святого и устремив на него взор, сказал: о, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, враг всякой правды...» – и поразил его слепотой. Это обличение волхва, соединённое с чудесным знамением, произвело такое впечатление на проконсула, что он, уже без колебаний, уверовал во Христа. Здесь замечательно то, что отныне Савл перестаёт называться этим именем, а именуется далее уже Павлом – имя, с которым он и вошёл в историю. Большинство древних толкователей полагают, что эта перемена имени произошла вследствие того, что Савл, после первого совершённого им великого чуда и обращения проконсула Сергия Павла, ставшего его первым духовным чадом в его апостольской деятельности, принял на себя, в память этого знаменательного события, имя проконсула – Павел. Характерно, что с этого времени Павел, как явивший в себе особую силу Духа Божия и тем показавший себя главным апостолом языков, ставится на первое место. В то время как до этого события Дееписатель имя Варнавы ставил первым и писал «Варнава и Савл», с сего времени он постоянно пишет: «Павел и Варнава». Другие толкователи высказывают предположение, что Савл – это еврейское имя, а Павел – это римское имя, которое носил Савл от самого своего рождения как римский гражданин, что было в употреблении у иудеев. В начале, как истовый фарисей, он именуется своим еврейским именем Савл, когда же он вышел на проповедь языческому миру, он стал употреблять своё римское имя.

Путешествие в Пергию и Антиохию писидийскую и речь св. Апостола Павла в синагоге

(стихи 13–41)

«Отплывши из Пафа, Павел и бывшие при нём прибыли в Пергию, в Памфилии...» Сразу же Павел ставится во главе миссии: «Павел и бывшие при нём», под которыми понимаются, конечно, Варнава, Иоанн-Марк и, может быть, ещё кто-либо из обращённых киприан. Памфилия – малоазийская прибрежная область к северу от Кипра, а Пергия – главный город этой области, недалеко от моря на реке Цестре. Неизвестно по какой причине, может быть по слабости характера и боязливости, так как Павел не одобрял её (15: 37–39), Иоанн, отделившись от апостолов, возвратился во Иерусалим. Они же, то есть Павел со своими спутниками, прибыли в Антиохию Писидийскую. Это был главный город Писидии, области, лежавшей на севере от Памфилии, внутри Малой Азии. Вошедши в синагогу в день субботний, они сели, и после чтения закона и пророков, сами начальники предложили им сказать слово наставления к народу. Начальник синагоги – «архисинагог», собственно, был один, а здесь имеются в виду, вероятно, старцы, члены совета при архисинагоге. Некоторые предполагают, что к Павлу со спутниками они обратились потому, что те сели на скамью раввинов. Вероятнее, однако, предположение, что Павел и Варнава ещё раньше посещения ими синагоги сделались известными в городе как мужи учительные. Тогда св. Павел произнёс речь, которая состояла в кратком, но сильном изображении истории еврейского народа со времён патриархов до Давида с целью, как это сделал раньше св. Стефан, указать на бывшие тогда великие благодеяния Божии, а от этого прямо перешёл к истории Господа Иисуса Христа и учению о прощении грехов через Него с сильным предостережением против неверия в Него. Речь его обращена не только к природным иудеям («мужи Израильтяне»), но и к прозелитам врат («боящиеся Бога»), которые занимали особые места на синагогальных собраниях. Речь эта разделяется на три части:

1) вступление (ст. 16–22), носящее чисто исторический характер, которое говорит о попечении Божиим над Израильским народом от патриархов до Давида;

2) главная часть речи (ст. 23–37), содержащая учение о Господе Иисусе Христе как о Мессии, предсказанном в Ветхом Завете, – здесь говорится о проповеди Иоанна Крестителя, об осуждении Господа Иисуса Христа, о смерти Его и Воскресении; характерно, что и св. Павел, подобно апостолу Петру (Деян. 2:27–31), приводит те же самые слова псалмопевца Давида из 15 псалма, утверждая, что невозможно приложить их к Давиду и что они могут быть приложены только ко Христу;

3) заключение носит чисто практический характер (ст. 38–41) – в нём апостол возвещает о прощении грехов всем, кто уверует во Христа, и предостерегает от неверия словами пророка Аввакума (1:5).

Действие проповеди св. Апостола Павла на иудеев и язычников и гонение на апостолов со стороны иудеев

(стихи 42–52)

Проповедь апостола Павла произвела, видимо, сильное впечатление на прозелитов (которых Дееписатель называет «язычниками»), так как при выходе апостолов из синагоги (как видно, ещё до формального роспуска собрания, что разрешалось для пришельцев-гостей) они просили их говорить о том же в следующую субботу. Впрочем, в большинстве древних рукописей этого слова «язычники» нет, так что можно полагать, что и иудеи также участвовали в этой просьбе, как это можно заключить из следующего, 43 стиха, где говорится, что «многие Иудеи... последовали» за Павлом и Варнавою. Очевидно, сердце их коснулась благодать Божия. В следующую субботу почти весь город собрался слушать «Слово Божие». Дееписатель не передаёт этой второй речи святого Павла, а приводит лишь заключительные слова её в 46 стихе, вызванные тем, что иудеи, по зависти к великому успеху проповедника, начали противоречить ему и злословить, сопротивляясь тому, что говорил Павел. Присутствие стольких язычников оскорбляло иудеев, ибо они не допускали мысли, чтобы язычники могли участвовать в мессианском спасении. Тогда Павел и Варнава открыто объявили, что, без сомнения, Евангелие должно быть возвещено прежде всего иудеям, но так как они отвергают его и сами себя делают недостойными, то было совершенно справедливо обратить проповедь к язычникам, как это было предсказано ещё пророком Исаией: «Я сделаю Тебя светом народов, чтобы спасение Моё простёрлось до концов земли» (49:6). Эти слова доставили великую радость язычникам, которые во множестве уверовали во Христа – не все, правда, но те, которые были «предустановлены к жизни вечной» – предустановлены, предопределены, не в смысле безусловного, конечно, предопределения, а те, кого Господь избрал по предведению доброго направления их воли. Из Антиохии Слово

Божие распространилось «по всей стране», то есть по Писидии. Это вызвало ожесточение среди иудеев, которые возбудили против Павла и Варнавы некоторых почётных женщин, язычниц по рождению, принявших иудейство, а эти, по неразумной ревности к своей новой вере, сумели воздвигнуть такое гонение на апостолов, что им пришлось, по заповеди Христовой, отрясши прах от ног своих, уйти от этих упорствовавших в неверии людей. Так здесь в первый раз иудейство соединилось с язычеством в гонении на христианство. Апостолы пошли в Иконию, главный город области, называвшейся Ликаония, на восток от Писидии. В Антиохии же новообращённые ими ученики «исполнялись радости и Духа Святого», что показывает, что они, твёрдо уверовав, нисколько не пали духом от гонения, постигшего их учителей. «Такова сила Евангелия, – говорит блж. Феофилакт, – учителей гнали, а ученики радовались».

Глава четырнадцатая

Проповедь Павла и Варнавы в Икони, Листре и Дервии (стихи 1–7). Исцеление хромого в Листре и попытка язычников принести апостолам жертву (стихи 8–18). Гонение на апостолов и их возвращение в Антиохию через города с новооснованными христианскими общинами (стихи 19–28).

Проповедь Павла и Варнавы в Икони, Листре и Дервии

(стихи 1–7)

В Икони апостолы вновь проповедовали в синагоге и обратили ко Христу великое множество иудеев и язычников. Но и тут неверующие иудеи сумели раздражить против них известную часть язычников, что, однако, не помешало апостолам пробыть в Икони «довольно времени», проповедуя и творя чудеса. Народ в городе разделился: одни были на стороне иудеев, а другие на стороне апостолов, но всё же злоба их врагов достигла такой степени, что они устремились на апостолов, дабы побить их камнями. Это замечание ясно указывает, что подстрекателями были именно иудеи, так как побиение камнями было иудейским родом казни для богохульников. Узнав о сем, апостолы решились бежать в другие города Ликаонии – Листру и Дервию, на юго-восток от Икони. В этих городах и их окрестностях апостолы занялись проповедью Христова учения.

Исцеление хромого в Листре и попытка язычников принести апостолам жертву

(стихи 8–18)

Апостолы в первый раз находились здесь перед языческим обществом. Жители Ликаонии достаточно знали греческий язык, чтобы понимать проповедь. Среди слушавших апостола Павла был хромой от рождения. Увидев его душевное настроение, апостол счёл его достойным чудесного исцеления: видимо, проповедь апостола возбудила в этом хромом веру во всемогущую силу Того, о Ком он проповедовал. Чудо, совершённое затем Павлом над хромым, произвело необыкновенно сильное впечатление. Язычники, конечно, истолковали его со своей обычной, естественной для них точки зрения: они приняли апостолов за богов, сошедших с неба, и начали приготовления, чтобы принести им жертву как богам. Варнаву, старшего годами и более представительного по внешности, они приняли за главного бога своего Зевеса (или Юпитера), которому был посвящён храм вблизи города, а Павла, постоянно проповедовавшего и имевшего дар убедительного слова, – за Эрмия (или Меркурия). Дееписатель подчёркивает, что они высказали это, возвысив голос, поликаонски: особенно сильные переживания всегда обычно выражают на своём родном языке. Что это за ликаонский язык, сказать трудно: одни считают его за наречие, родственное ассирийскому, другие считают его тождественным с каппадокийским наречием, иные – за испорченное греческое наречие.

Жрец Зевеса собирался совершить жертвоприношение перед воротами города, как осчастливленного, по мнению суеверных язычников, посещением богов. Узнав об этом, апостолы Павел и Варнава разодрали свои одежды в знак скорби о таком ослеплении народа и, стремительно вошедши в толпу народную, собравшуюся у ворот города около жреца и приготовленных им жертвенных животных, убеждали их оставить это предприятие. Речь их дышит огорчением и вместе

тонким тактом в суждении о языческой религии вообще («Бог... попустил всем народам ходить своими путями...»), чтобы не раздражить их возбуждённого чувства. Тем не менее, апостолы решительно называли их богов «суетными», то есть ложными, и заявили, что они пришли обратить их «к Богу живому. Который сотворил небо, и землю, и море, и всё, что в них»; они дали понять, что язычники могли бы познать этого истинного Бога из благодетельных явлений природы. Эта речь св. апостола Павла напоминает слова его в послании к Римлянам, начиная с 1:20 и далее.

Гонение на апостолов и их возвращение в Антиохию через города с новооснованными христианскими общинами

(стихи 19–28)

Едва удалось убедить народ не приносить им жертвы, но тут произошло то, что трудно было ожидать, и то, что показывает, насколько непостоянно настроение народной массы. Если эти необыкновенные иностранцы не боги, то, очевидно, они – противники богов. Видимо, это внушили ликаонцам пришедшие из Антиохии и Иконии иудеи, которые так сумели настроить этих язычников против апостолов, что они побили Павла камнями и вытащили его за город, почитая уже мёртвым. Побитие камнями опять указывает на инициативу в этом деле иудеев. Побили Павла, а не Варнаву, потому что он был сильным проповедником и его особенно ненавидели иудеи, как главного врага. Когда ученики собрались около него, видимо от скорби, а может быть для погребения, он встал, вошел в город, что все, конечно, было чудесным и что указывает на необыкновенную твёрдость духа у апостола, а затем удалился с Варнавой в Дервию на юго-восток от Листры. Там они тоже приобрели проповедью много учеников, а затем предприняли обратный путь через все пройденные ими города – Листру, Иконию и Антиохию – с целью утвердить души учеников, то есть ободрить их в предстоящих им скорбях и гонениях за исповедание Имени Христова, и поучая их, «что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Небесное». Это учение вполне согласно с учением Самого Господа Иисуса Христа, Который путь спасения называл путём узким и вратами тесными (Мф. 7:13–14) и в Своей прощальной беседе с учениками предрёк им: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16:33). Путь скорбей и страданий – необходимый путь для каждого желающего спастись, ибо этим путём шёл и Сам Божественный Основатель христианства. Не правы, поэтому, протестанты и сектанты, считающие себя уже спасёнными

только потому, что они уверовали, и отрицающие необходимость личного подвига для спасения.

При этом апостолы рукоположили пресвитеров к каждой церкви, то есть предстоятелей и руководителей каждой общины, чем давалась им прочная организация и возможность совершения таинств. При прощании с каждой отдельной общиной апостолы молились и постились, чем опять подчёркивается важность и необходимость поста. Уходя, они предавали эти общины Господу, то есть Его милости и покровительству.

Через Писидию и Памфилию апостолы возвратились в Пергию, первый город, в который они прибыли, высадившись на берег Малой Азии. Проповедав там снова, сошли в Атталию, приморский город в той же Памфилии, на юго-востоке, при впадении в море Катаракта, а оттуда отплыли в свою митрополию – Антиохию Сирийскую, откуда начали своё первое миссионерское путешествие. Там они собрали всё общество христиан, чтобы поведать ему, что сделали не они сами, а Бог через них – смиренное сознание своего ничтожества.

Глава пятнадцатая

Смущение в Церкви Антиохийской и апостольский собор в Иерусалиме (стихи 1–35). Отправление апостола Павла во второе миссионерское путешествие (стихи 36–41).

Смущение в церкви антиохийской и апостольский собор в Иерусалиме

(стихи 1–35)

Воззрение иудеев на обязательность Божественного закона Моисеева было слишком глубоко внедрено в них, а потому им трудно было согласиться с мыслью о ненужности этого закона в христианстве. Когда в Церковь Христову вступили язычники, этот вопрос необходимо должен был быть поставлен во всей своей остроте, что и случилось, наконец, в Антиохии, этой первой большой христианской общине из язычников. Туда пришли миссионеры из Иудеи, которые стали учить об обязательности для христиан обрезания по закону Моисееву. Из того, что апостолы адресовали по этому случаю письмо не в Антиохию только, но и в Сирию и Киликию, видно, что подобные же миссионеры появились и там. Они положили начало первой христианской ереси – «иудействующих» (см. ст. 23). Произошло «разногласие» и «состязание» у Павла и Варнавы с ними. Очевидно, в обществе антиохийском эти миссионеры нашли себе какую-то часть сочувствующих, вероятно среди христиан из иудеев. Необходимо предположить, что Павел и Варнава отрицали обязательность обрезания для христиан из язычников, но так как произошла смута, нарушившая мир, то было решено отправить в Иерусалим для разрешения этого вопроса особое посольство с Павлом и Варнавой во главе. Необходим был авторитет апостолов, пребывавших в Иерусалиме, для разрешения этого спорного вопроса. Вместе с пресвитерами они составляли теперь, как видно, высшее административное и судебное место, каким был для иудеев синедрион. Возможно, что эти миссионеры прикрывались авторитетом самих апостолов. Посланные были провожены Церковью, чем подчёркивается важность этого посольства, возбуждавшего общее к себе участие и интерес. Посланные проходили Финикию и Самарию, через которые, естественно, лежал их путь в Иерусалим из Антиохии, причём по пути рассказывали в бывших там христианских общинах об обращении язычников,

чем возбуждали общую радость. Как уполномоченные великой Антиохийской церковью, они были приняты всей Иерусалимской церковью с апостолами и пресвитерами во главе, видимо, в особом торжественном собрании, на котором и поведали об обращении язычников. Против их способа принятия в церковь язычников тотчас же, тут же в собрании, восстали «некоторые из фарисейской ереси уверовавшие», как бывшие наиболее строгими ревнителями обрядового закона Моисеева, которые заявили, что «дóлжно обрезывать» язычников и заповедовать им блюсти закон Моисеев. Апостолы и пресвитеры для рассмотрения этого столь важного вопроса созвали целый собор из всей Иерусалимской церкви. В послании к Галатам (2:1–21) св. апостол Павел вспоминает, как он через 14 лет по своему обращению, или после первого посещения Иерусалима, ходил на этот собор и отстаивал там ненужность обрядового закона Моисеева для христиан. Отсюда делается расчёт, что этот первый апостольский собор происходил в 51 году по Рождеству Христову.

Вопрос, подлежавший решению, в сущности, был таков: Закон или Евангелие? Моисей или Христос? Благодать или дела закона? Евангельская свобода или иго законное? Закон Моисеев, как учит об этом апостол Павел в послании к Галатам (3:24–25), был дан лишь как детоводитель ко Христу, а потому по пришествии Христовом он становился уже ненужным, ибо заменялся новым законом Христовым. Считать закон Моисеев обязательным в христианстве – значило считать недостаточной искупительную силу закона Христова. Если бы воззрение иудействующих одержало верх, христианству грозила бы опасность превратиться в иудейство. Вот почему апостол Павел до конца дней своих решительно боролся с этим заблуждением и все его послания проникнуты мыслью, что человек оправдывается лишь верой во Христа, а не делами закона. Эту мысль его извратили протестанты и сектанты, уча о ненужности добрых дел для спасения, хотя апостол Павел и не думал этого утверждать, а доказывал только ненужность Моисеева закона в христианстве: под «делами закона» ясно понимаются

обрядовые предписания Моисеева закона, а вовсе не добрые дела.

После предварительных долгих споров и прений на соборе взял слово св. апостол Пётр, который дал руководящую нить к решению вопроса: он напомнил всем известное событие («вы знаете») о чудесном обращении через него ко Христу сотника Корнилия, получившего чрезвычайным образом Духа Святого, и сделал вывод из него в приложении к рассматриваемому вопросу: так как Сердцеведец Бог, Который не может обмануться в суждении о способности язычников к достижению ими спасения о Христе, не положил никакого различия между христианами из иудеев и христианами из язычников, то «что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которое не могли понести ни отцы наши, ни мы?», то есть: зачем хотите заставить исполнять их этот тяжкий ветхозаветный закон с его многочисленными правилами и предписаниями, которого ни мы, ни отцы наши не были в состоянии исполнить? Характеризуя так ветхозаветный закон, апостол этим указывает, что он не может привести к оправданию перед Богом и что он, следовательно, лишний в христианстве. «Мы веруем, – закончил свою речь апостол, – что только благодатью Господа Иисуса Христа спасёмся». Эти мысли подробно раскрывает также св. апостол Павел в своих посланиях к Галатам (например, 3:10), к Римлянам (3:9–19), к Коринфянам (1Кор. 1:3; 2Кор. 1:2; 13:13), к Ефесеянам (1:2).

Впечатление от слов Петровых было таково, что всё собрание умолкло, то есть прения совсем прекратились. Как показывает дальнейшая история христианства, лжеучение иудействующих не было совсем и сразу искоренено и долго ещё продолжало волновать Церковь, но здесь, на собрании, оно было побеждено словами Петра, и поборники его затихли. Спокойно и молча, без перерывов слушало всё собрание Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников во время их миссионерского путешествия. Всё это подтверждало истину того, что говорил Пётр, то есть то, что обращение язычников ко Христу помимо иудейского закона есть дело Божие и что,

следовательно, не нужно христиан из язычников принуждать к исполнению Моисеева закона.

Затем начал речь святой Иаков, брат Господень, которому, как предстоятелю Иерусалимской церкви и вместе с тем как председателю собора, принадлежало последнее слово. Слово его было решающим ещё потому, что сам он слыл строгим ревнителем закона и получил за это не только у христиан, но и у самих иудеев наименование «праведного». Речь святого Иакова состоит из двух частей: в первой он подтверждает истину слов апостола Петра пророческим словом, во второй предлагает окончательную формулу решения собора. Замечательно утверждение Иакова, что «Бог призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Своё». До сих пор иудеи думали, что только они – избранный народ Божий, теперь святой Иаков свидетельствует, что и христиане из язычников – такой же избранный народ Божий, как и евреи. В доказательство он ссылается на пророчество Амоса (9:11), в котором Бог обещает восстановить падший дом Давидов, так что он будет царствовать над всеми народами, которые обратятся к истинной вере. Здесь разумеется устройство Мессиею Царства Божия на земле, в которое войдут не только иудеи, но и язычники. Во второй части своей речи святой Иаков предлагает освободить обращающихся из язычников от исполнения закона Моисеева, а требовать от них исполнения только того, что и согласно с духом закона Моисеева, и не противно духу христианства, так называемых «заповедей Ноя»:

1) воздерживаться от осквернённого идолами, то есть от вкушения мяса языческих жертв, приносимых идолам;

2) от блуда, то есть сладострастия телесного во всех его видах, – требование особенно важное, потому что этот грех был самым распространённым в языческом греко-римском мире и едва ли даже считался пороком;

3) от удавленины, то есть употребления в пищу мяса такого животного, которое умерщвлено через удушение и в котором осталась его кровь;

4) от крови, которая была запрещена в пищу, как мерзость, ещё во времена Ноя (Быт. 9:4).

Пятое требование: «не делать другим того, чего себе не хотят», – находится лишь в немногих древних рукописях. Святой Иоанн Златоуст не читал его. Оно имеет целью умиротворение всяких недоразумений, но оно не относится к требованиям обрядового закона Моисеева, а потому о нём не было надобности и говорить. Это требование уже чисто нравственное, о нём не упоминается позже в 21:25. Связь перечисления этих требований с дальнейшими словами святого Иакова о том, что «закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу», не совсем ясна.

Предложение св. Иакова было единогласно принято апостолами, пресвитерами и всем обществом как резолюция собора, и было решено эту резолюцию отправить с нарочитым посольством из Павла, Варнавы, Иуды, прозываемого Варсавою, и Силы в Антиохию в письменном виде. Письмо это, вероятно, было написано, как свидетельствует об этом форма его с обычными у греков приветствиями в начале и конце, на греческом языке. В этом послании высказывается порицание тем, которые требовали от бывших язычников обрезания и соблюдения всего закона, похваляются Варнава и Павел как люди, до самопожертвования преданные Господу, и именем Духа Святого («угодно Святому Духу и нам») заповедуется исполнять только те требования, которые были предложены св. Иаковом: «Воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите».

Отправленные пришли в Антиохию и там, вероятно в торжественном собрании, вручили это послание, прочтение которого вызвало радость, и было, по словам Деяписателя, «утешением». Иуда и Сила, будучи пророками, преподали наставление братиям, очевидно, в связи с произведшим смущение вопросом. Сила остался в Антиохии, а Иуда возвратился в Иерусалим. Павел же и Варнава продолжали своё благовестие в Антиохии.

Отправление апостола Павла во второе миссионерское путешествие

(стихи 36–41)

Спустя некоторое время св. Павел предложил Варнаве вновь отправиться посетить те города, в которых были основаны ими христианские общины в первое миссионерское путешествие, в Кипре и Малой Азии. Но первоначальный план их скоро изменился. Варнава хотел вновь взять с собой в спутники Иоанна-Марка, но Павел воспротивился этому. Греческое выражение свидетельствует, что Павел считал Марка недостойным того, чтобы он, отпавший от них во время первого путешествия и, следовательно, от того дела, на какое они были посланы тогда Духом Божиим, снова был взят на это дело. Видно, что Павел гораздо строже смотрел на этот проступок Марка, а Варнава был к нему более снисходителен. Между ними произошло «огорчение», и они разделились: Варнава, взяв Марка, отправился в Кипр, а Павел, взяв в спутники Силу, отправился по Сирии в Киликию. Нельзя думать, что между апостолами произошла ссора. Св. Павел и после упоминает о Варнаве с великой похвалой (2Кор. 8:18), а для дела было полезно, что Варнава избрал для себя особый круг деятельности; для Марка же были на пользу как строгость Павла, так и снисходительность Варнавы: по словам св. Златоуста, «строгость Павла вразумила его, а доброта Варнавы сделала то, что он не остался; так распря, бывшая между ними, достигает одной цели – пользы».

Как говорит предание, Варнава с Кипра предпринимал путешествия в разные языческие страны: на остров Крит, в Италию, где первый был в Риме и основал церковь в Медиолане. По возвращении на родину, на остров Кипр, он так восстановил против себя ревностною проповедью о Христе иудеев, что был побит камнями. Память его празднуется 11 июня.

Глава шестнадцатая

Второе миссионерское путешествие св. апостола Павла. Павел в Листре и Дервии и обрезание Тимофея. Путешествие до Троады (стихи 1–8). Видение мужа-македонянина и путешествие в Македонию (стихи 9–11). Павел в Филиппах: обращение Лидии, изгнание прорицательного духа (стихи 12–18). Заключение Павла и Силы в темницу, чудесное освобождение и обращение темничного стража (стихи 19–40)

Дееписатель очень кратко говорит обо всём том, что предшествует прибытию св. апостола Павла в Европу: о миссии его в Сирии и Киликии, потом в Дервии и Листре и, наконец, во Фригии и Галатии. Цель его – рассказать, как христианство начало распространяться в Европе и дошло, наконец, до самого сердца тогдашнего греко-римского мира – великой столицы Запада, царственного Рима. В Листре св. Павел призвал себе на помощь нового спутника Тимофея, а так как последний, имея отцом язычника, не был обрезан, то Павел обрезал его, чтобы сделать возможным для него проповедовать среди иудеев, которых в тех местах было много. Но среди уже уверовавших св. Павел не переставал возвещать о постановлении апостольского собора и призывать христиан исполнять его (16:4). В этом обрезании своего ученика сказала высокая практическая мудрость великого апостола, который, хотя и учил сам, что «обрезание в христианстве ничто и необрезание ничто» (1Кор. 7:19), в данном случае сделал это «ради иудеев», руководствуясь своим мудрым правилом – «быть всем для всех, чтобы всех спасти» (1Кор. 9:20–22), ибо иудеи никак не стали бы слушать Слово Божие от необрезанного.

Из всех спутников святого Павла о Тимофее мы знаем более всего подробностей. Начиная с этого времени, он почти неразлучный спутник Павла и упоминается в большей части посланий его. Во 2Тим. 1:5 мы находим подробности о его родителях. Когда апостол был в узах в Риме, и Тимофей был с ним. Как видно из стихов 2 и 3, он был родом из Листры. Имея отца язычника, а мать иудеянку, Тимофей принадлежал, так

сказать, и к иудейству, и к язычеству и, таким образом, был очень пригоден для проповеди тем и другим.

В сопровождении Силы и Тимофея апостол Павел прошёл по всем городам Писидии, Ликаонии и Памфилии, где уже было насаждено им христианство в первое его путешествие, передавая постановление апостольского собора. Церкви там укреплялись и численно росли, как свидетельствует Деяния. Из Писидии св. Павел со своими спутниками предпринял путешествие во внутренние области Малой Азии – Фригию и Галатию. По всей вероятности, в это время основаны были те церкви в Галатии, к которым потом Павел писал одно из самых важных своих посланий к Галатам, а равно и церкви фригийские в Колоссах, Лаодикии и Иераполе, к которым также потом было написано послание к Колоссянам. Из Галатии и Фригии проповедники предположили было идти в западные провинции Малой Азии, известные под именем проконсульской Азии, или Асии, в тесном смысле слова – Мисию, Лидию и Карию – всё западное малоазийское побережье Средиземного моря, но «не были допущены Духом Святым проповедовать слово» там. Это было тогда, когда они дошли уже до Мисии, вследствие чего они предположили было идти в Вифинию, пограничную с Мисией северо-западную область Малой Азии, но Дух опять не допустил их туда. Надо полагать, это было потому, что они призывались к миссионерской деятельности в Европе, почему они, несомненно по внушению Духа, миновав Мисию, сошли в приморский город Троаду, откуда морем недалеко было переправиться в Европу. Здесь действительно ими было получено откровение об этом. В видении апостолу Павлу предстал «некий муж Македонянин, прося его и говоря: приди в Македонию и помоги нам». Может быть, это был ангел народа македонского в образе мужа. Македония была в то время большой областью греко-римской империи, прилегавшей с северо-запада к так называвшемуся тогда Эгейскому морю, ныне Архипелагу. Македонянин не высказывает, в чём именно им нужно помочь, но это ясно: человечество без Христа обречено на гибель и в этом отношении находится в беспомощном состоянии; проповедать Христа не ведущему Его

народу – это и значит помочь ему освободиться от ожидающей его гибели. Апостолы так и поняли это приглашение и положили отправиться в Македонию. Здесь Дееписатель впервые говорит «мы» и, таким образом, отселе включает себя в число спутников св. апостола Павла. В этом тоне он продолжает рассказывать, с некоторыми перерывами, уже до конца как свидетель-очевидец повествуемых событий. Отсюда можно заключить, что св. Лука именно в Троаде стал спутником апостола Павла.

Отправившись из Троады, проповедники прибыли в Самофракию, остров в Эгейском море, к северо-западу от Троады, в 38 римских милях (около 55–60 вёрст) от берега Фракии, находившейся уже в Европе. Отсюда на другой день они прибыли в Неаполь, приморский город при Стримонском заливе, причислявшийся тогда к Фракии. Это был первый европейский город, в котором высадился св. Павел со своими спутниками (ныне Кавалла). Оттуда, не останавливаясь в этом городе, они направились в Филиппы, уже македонский город. Он лежал недалеко от Неаполя, к северо-западу в 13–14 вёрстах; построен он был Филиппом, царём Македонским, отцом Александра Великого, на месте деревни Крениды. Юлий Цезарь устроил там римскую колонию. В этом городе так мало было иудеев, что не было синагоги. Поэтому, по принятому у иудеев обычаю, они собирались там вне города, на берегу реки Гангеса, для молитвы. Это место было, быть может, огорожено, но там не было никакого постоянного здания. В субботний день проповедники направились туда и, севши, разговаривали с собравшимися там женщинами. Вероятно, мужчин там и не было, а только женщины-еврейки, быть может, вышедшие замуж за местных язычников. Поэтому Павел и его спутники и не держали, по обычаю, продолжительной речи, как это бывало в синагогальных многочисленных собраниях, а только вели беседу. Под влиянием этой беседы обратилась ко Христу и приняла св. крещение со всеми своими домашними некая Лидия из города Фиатир, торговавшая багрянницей. Фиатиры были македонской колонией в малоазийской провинции Лидии. Вероятно, Лидия сама была македонянка-прозелитка и имя Лидии, довольно

распространённое у древних, получила от своей родной страны. Она, видимо, пользовалась некоторым благосостоянием, так как занималась приготовлением и продажей очень ценившихся пурпуровых тканей. Поэтому она и предложила гостеприимство и помощь св. Павлу с его спутниками. Проповедь здесь шла, несомненно, успешно, и образовалась целая христианская община, которой писал потом св. Павел своё послание к Филиппийцам. Эта община была особенно близка и дорога сердцу Павла, и он, привыкший всегда сам заботиться о своём содержании, несколько раз принимал от этой общины материальную помощь на свои нужды во время своих путешествий, а также во время своих уз в Риме (Флп. 1:5; 2:12; 4:14–16). Известны также имена некоторых сотрудников Павла в Филиппах: двух женщин – Евдии и Синтихии и двух мужчин – Климента и Епафродита (Флп. 4:2, 3 и 2:25).

Филиппы оказались и первым европейским городом, в котором было возбуждено со стороны языческого населения гонение на проповедников христианства. Поводом к этому гонению было изгнание св. Павлом беса из одной рабыни, которая, благодаря жившему в ней бесу, занималась прорицанием и через это доставляла большой доход своим господам. После изгнания беса господа лишились этого дохода. Рабыня эта, видимо, была, как можно понять из употреблённого здесь греческого выражения, «пифон», чревовещательницей, а народ считал её вдохновлённой каким-либо из богов, почему и обращался к ней с разного рода вопрошениями. Рабыня кричала: «сии человеки – рабы Бога Вышняго, которые возвещают нам путь спасения». В этом можно видеть невольное исповедание бесом величия Божия, чему примеры мы имели и в земной жизни Господа Иисуса Христа. Св. Златоуст видит в этом лукавое действие демона. Павел вознегодовал, не желая принимать исповедания от демонов. Евангелие, которое должно разрушить дела диавола, не имеет нужды в его опоре. Господа этой рабыни, видя, что она перестала прорицать, схватили Павла и Силу и повлекли их на площадь, где обычно разбирались судебные дела, «к воеводам» – городским начальникам. Это были так называемые у римлян дуумвиры,

сами себя называвшие и народом величаемые почётным именем преторов. Апостолы были обвинены как иудеи, возмущающие общественное спокойствие города проповедью своей религии (под «обычаями» в широком смысле разумеются нравы общественной жизни, а в частности, обычаи религиозные и богослужебные). Чужие религиозные обычаи, противные языческой религии, у римлян было строго воспрещено вводить. А здесь, может быть, действовало ещё свежее впечатление от указа императора Клавдия об изгнании иудеев из Рима (18:2). Господа рабыни сумели возбудить и народ. Это было причиной, что воеводы, без всякого расследования дела подвергнув апостолов избиению палками, ввергли их в темницу под особенный крепкий караул. Темничный страж заключил их в самую внутреннюю темницу, где содержались особенно тяжкие преступники, забив их ноги в колоды, то есть большие тяжёлые чурбаны с отверстиями, куда вставлялись ноги, дабы они не могли убежать.

Но «чем строже заключение, тем славнее чудо», – говорит св. Златоуст. Павел и Сила не впали в уныние: напротив, исполненные радости, что удостоились пострадать за имя Христово, они стали молиться громко, воспевая псалмы. Вдруг от чудесно происшедшего землетрясения темница поколебалась в своём основании, двери все сами собой открылись, и оковы узников ослабели. Страшась наказания за возможный побег узников, страж хотел покончить с собой, но Павел его успокоил, что все на месте. Страж потребовал огня и припал к ногам Павла и Силы, признавая их за посланников Божиих. И, выведши их вон во внешнюю темницу, куда, видимо, в страхе собрались и все домашние стража, спрашивал их: «Государи мои! что мне делать, чтобы спастись?» Происшедшее чудо, видимо, убедило его, что эти узники проповедуют несомненно истинный путь спасения, и он изъявляет желание идти по этому пути и спрашивает, что для этого нужно. Апостолы требуют необходимого условия: веры в Господа Иисуса Христа – и тут же оглашают всех учением Христовым, после чего было совершено над ними крещение. Страж, со своей стороны, позаботился о них: он омыл и перевязал раны,

какие были нанесены им палками, пригласил их в дом свой и устроил им трапезу. Греческое выражение «возведши» указывает, что страж с семейством своим жил в верхних комнатах того здания, в нижних помещениях коего содержались узники. Этим и объясняется, что он и домашние его пробудились при сотрясении здания и все собрались около него.

За ночь воеводы, вероятно, одумались, что опрометчиво поступили, наказав без суда Павла и Силу, а потому, желая окончить всё это дело тихо, они послали приказ стражу отпустить их. Но Павел воспользовался правами римского гражданина и потребовал, чтобы нанесённое ему и Силе бесчестие было снято публично – так же, как было нанесено. Конечно, Павел потребовал этого не ради удовлетворения собственного честолюбия, а ради того дела, которому он служил. Если бы они тайно выпущены были из темницы, воеводы могли бы пустить слух, что они не без вины были заключены в неё и убежали из неё виновные, а это, конечно, повредило бы делу евангельской проповеди. Святой Павел и требует публичного оправдания и освобождения. Римское гражданство освобождало носителей его от телесных наказаний. Павел, как уроженец Тарса, имел римское гражданство от рождения (22:18): может быть, отец его или один из предков получил права римского гражданства за какие-нибудь заслуги во время войны или просто купил его (ср. 22:28). Воеводы испугались, так как за оскорбление римских граждан они сами подлежали наказанию, если бы Павел и Сила захотели на них жаловаться. Поэтому они, явившись лично, принесли им свои извинения, но просили их удалиться из города добровольно, опасаясь, чтобы их присутствие не повело к новым волнениям. Апостолы согласились, но прежде пришли к Лидии проститься с братьями и наставить их на прощание. По связи речи, отправились только Павел и Сила, а Лука и Тимофей, вероятно, остались на время для устройства новооснованной христианской общины; по крайней мере, Деятели уже пишет в следующей главе не «мы», а «они».

Глава семнадцатая

Павел и Сила в Фессалонике (стихи 1–9) и Верии (стихи 10–14). Павел в Афинах и речь его в Ареопаге (стихи 15–34).

Павел и Сила в Фессалонике

(стихи 1–9)

Большой военной дорогой, которая следовала через Амфиполь и Аполлонию, проповедники в четыре дня прибыли в Фессалонику, или Солунь, главный город второго округа Македонии (как Амфиполь, главный город первого округа) при Фермейском заливе Эгейского моря. Это был густонаселённый торговый город, в котором пребывал римский претор. Здесь жило очень много евреев, и была синагога. Апостол Павел, согласно своему обыкновению начинать проповедь о Христе прежде всего иудеям, вошёл в синагогу и три субботы беседовал с иудеями, доказывая на основании Писаний, что Мессии Христу, о Котором были пророчества в Ветхом Завете, надлежало пострадать и воскреснуть из мёртвых и что этот Мессия, предсказанный и обещанный в Ветхом Завете, есть Иисус из Назарета, Которого он проповедует. Это – сущность всей евангельской проповеди и всей христианской веры. Плодом бесед этих было то, что некоторые, как видно немногие, из природных иудеев уверовали, но из «еллинов, чтущих Бога», то есть прозелитов, присоединилось к Павлу и Силе «великое множество» и из знатных по своему общественному положению женщин «не мало». Однако не уверовавшие иудеи, которых было большинство, возревновав о том, что новые проповедники отвлекли от них великое множество прозелитов, а частью и природных иудеев, произвели против них народное возмущение. Из праздно шатавшихся бродяг они составили толпу и направили её на дом иудея по имени Иасон, у которого, по-видимому, апостолы нашли гостеприимство. Буйная толпа хотела учинить над апостолами самосуд, но так как апостолов в доме не оказалось, то она повлекла самого Иасона к городским начальникам, обвиняя его в том, что он дал приют возмутителям общественного спокойствия, а с ним и «некия от братии», то есть уверовавших во Христа, которые в это время собрались в доме Иасона. Обвинение, выраженное против них, было политического характера, конечно, только потому, что

такое обвинение могло иметь больше, чем какое-либо другое, шансов на успех: эта тактика была употреблена в своё время и против самого Господа Иисуса Христа перед Пилатом – «все они выступают против повелений кесаря, почитая другого царём, Иисуса». Такое тяжкое обвинение встревожило и народ, и городских начальников, но так как самих обвиняемых не было налицо, то судии удовольствовались тем, что заставили Иасона дать ручательство за мнимых возмутителей, вероятно в виде денежного залога за них, и отпустили всех.

Проповедники же при наступлении ночи отправились в Верию – город к юго-западу от Фессалоники, в третьей части Македонии, главным городом которой была Пелла. Верия лежала на самой южной границе Македонии. Там, как и всюду, по обычаю Павла, они пошли, прежде всего, в синагогу. Эти иудеи оказались «благомысленнее Фессалоникских», не по происхождению, конечно, а по направлению и настроению духа, более свободны от предрассудков и фанатизма, чем иудеи фессалоникские, и приняли евангельскую проповедь со всем усердием и ежедневно, вероятно уже на частных собраниях, а не синагогальных, которые бывали только по субботам, разбирая Писания с целью удостовериться, всё ли так, как проповедовали Павел и Сила. Следствием такого добросовестного отношения было то, что «многие из них уверовали». Уверовали также многие из «еллинских почётных женщин и мужчин», то есть прозелитов и язычников. Однако фессалоникские иудеи, узнав, что Павел проповедует в Верии, тотчас же пришли сюда и здесь также возбудили чернь против апостолов. Тогда братия тотчас же отпустили Павла, против которого главным образом всегда направлялось возмущение, к морю для совершения морского путешествия, а Сила и Тимофей остались в Верии. «Сопровождающие Павла проводили его до Афин» – несомненно, что это путешествие до Афин Павел совершил морским путём, ибо так легче было избавиться от преследовавших его иудеев, а кроме того, если бы Павел шёл в Афины сухим путём, он не мог бы не останавливаться в попутных городах для проповеди, чего мы не видим. Тимофей, оставшийся в Филиппах (16:40),

присоединился к апостолу или в Верии, или по пути, а теперь ему и Силе, оставшимся в Верии, Павел послал приказ скорее прийти к нему в Афины. Они пришли, однако, к Павлу только в Коринфе, вероятно потому, что он скоро оставил Афины и перешёл в Коринф. Впрочем, из 1Сол. 2:18; 3:2 видно, что Тимофей один приходил к Павлу в Афины, но послан был им обратно в Македонию, и именно в Фессалонику, а потом уже вместе с Силою, остававшимся в Верии, пришёл к апостолу в Коринф. Из этого места послания к Солунянам видно, что Павел предпринимал две попытки возвратиться ещё в Фессалоники, но, ввиду встретившихся препятствий, послал туда из Афин Тимофея.

Св. апостол Павел в Афинах и речь его в ареопаге

(стихи 15–34)

В ожидании Силы и Тимофея в Афинах Павел возмущился духом, точнее возмущался дух его в нём при виде города сего, полного идолов. Афины были центром греческого чувственного культа, искусств и богатства, а потому и были полны храмами, алтарями и статуями их многочисленных божеств. Высокое развитие архитектуры и ваяния придавало всем этим постройкам и изображениям изящество и пленительность. Это всегда восхищает людей, которые ценят лишь внешнюю земную красоту и изящество. Но это в высшей степени возмущало всё нравственное существо величайшего апостола, который видел в этом омрачение и развращение человеческой природы. По обычаю, он начал свою проповедь в синагоге, а кроме того, ежедневно вступал в разговоры и споры с личностями, которых он встречал стоящими на площади или прогуливающимися под ближайшими крытыми галереями. Среди этих личностей находились также философы – люди, привыкшие к отвлечённым вопросам и любившие вести споры. Деятели указывают преимущественно на эпикурейцев и стоиков потому, что эти две философские школы имели наибольшее число последователей, так как доктрины их были более понятны и доступны широким массам, чем доктрины других философских школ. Кроме того, именно эпикурейцы и стоики вступили в спор с Павлом, надо полагать потому, что эти философские системы были особенно резко противоположны христианству: основным началом эпикурейства был грубый материализм и нигилизм, в основе же стоицизма лежала самозамкнутая гордость. Суждение, какое вынесли они от бесед с Павлом, было двоякое: одни, вероятно эпикурейцы, считали истины, проповедуемые Павлом, пустословием, а другие, по-видимому, стоики, заинтересовывались тем, что этот иностранец проповедует о чужих, не знакомых им божествах, так как Павел проповедовал об Иисусе Христе и о Воскресении (по-гречески Анастасии), которое они, по мнению св. Златоуста, понимали как особое

божество. Эти по крайней мере не отворачивались от проповедника с пренебрежением и желали его слушать, хотя и находили его речи странными. Они привели его, не насильственно, а в смысле «пригласили», в Ареопаг – место близ Акрополя, где происходили заседания Верховного Совета греческой республики для обсуждения дел государственных, общественных и судебных. Совет этот, состоявший из лучших и образованнейших людей, сохранил отчасти своё значение и при подчинении Греции Риму. Место это находилось на Марсовом холме, примыкавшем к большой площади, к северу от западной оконечности Акрополя. Павла привели сюда не для того, чтобы судить, а для того, чтобы он перед лицом знаменитейших представителей греческой науки и образованности, в присутствии многого народа, желающего слушать его с площади, изложил своё новое учение. Став среди Ареопага, св. Павел произнёс речь, которая представляет собой великий образец и его апостольской мудрости, и его красноречия, и применения его всегдашнего правила – быть для язычников как бы язычником, чтобы и язычников приобрести для Евангелия (1Кор. 9:19–22). Перед взором его был Акрополь с полной коллекцией знаменитейших произведений искусства, внизу великолепный храм Тезея, вокруг множество храмов, алтарей и статуй разнообразных богов, и всё это было сделано искусством лучших художников. Это Павел и использовал для вступительных слов своей речи. Он похвалил афинян за их набожность. Важно отметить, что при этом Павел употребил такое слово, которое по-гречески обозначает одинаково и «благочестие», и «суеверие» в смысле страха перед почитаемыми предметами. Не оскорбляя слуха своих слушателей и вместе с тем, не жертвуя истиной, Павел мудро выбирает это слово, которое характеризует благочестие афинян как языческое суеверие. Сами светские писатели греков свидетельствуют, что в Афинах действительно были жертвенники с надписью «неведомому богу». Объясняется это тем, что многобожие никогда не может быть уверено, что оно почитает всех богов: страх, что какие-то неизвестные, а потому и непочитаемые боги могут прогневаться за непочитание,

побудил их воздвигнуть жертвенники этим неизвестным богам, чтобы и их умиловать. Но несомненно, что в этом поклонении «неведомому богу» высказывалось и бессознательное стремление многобожия к истине, сознание его несостоятельности и искание единого истинного Бога. Об этой-то истине, только смутно сознаваемой, Павел и считает необходимым дать полное познание: «Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам». В своей проповеди св. Павел излагает затем следующие мысли:

- 1) есть Один Бог, Творец вселенной;
- 2) Он совершенно независим от материального мира;
- 3) все люди произошли, по воле этого Бога, от одной крови и, следовательно, имеют Одного и Того же Бога. Важная мысль, ибо различие национальностей было одним из главных оснований древнего многобожия;

- 4) различие народов, зависящее от обстоятельств места и времени, определено высочайшей волей Бога: все люди должны прийти к познанию Бога, судьбы их – это воспитание, которым Бог ведёт их к этой цели;

- 5) это познание Бога нетрудно, ибо Бог недалеко от каждого из нас: в самой природе человека есть нечто, связывающее его с Богом. Об этом говорили и языческие поэты: «мы Твой род». Эти слова приведены апостолом из астрономического стихотворения поэта Арата Киликийского, жившего в III веке до Р. Х. Подобное же изречение есть и у поэта Клеанфа, ученика Зенона, в его гимне Зевсу («мы твой род»);

- 6) только вследствие печального заблуждения ума люди могли уподобить божество произведениям искусства, веществу, обделанному их собственными руками;

- 7) заключает апостол свою речь призывом к покаянию, мотивом которого выставляет имеющий быть суд над вселенной «посредством предопределённого» Богом «Мужа», то есть Иисуса Христа, Которого Он воскресил из мёртвых.

Ещё не успел апостол даже назвать Имя Иисуса Христа, как одни из слушателей, услышав о воскресении мёртвых, стали насмехаться над ним, а другие говорили: «об этом послушаем тебя в другое время». Насмехались, очевидно, эпикурейцы,

философия которых особенно решительно отвергала идею воскресения мёртвых. Другие отнеслись более вежливо, но если бы у них было искреннее желание действительно послушать апостола «в другое время», то он остался бы в Афинах, а между тем, как мы видим, он очень скоро оставил Афины. Принуждённый прервать неоконченную речь, «Павел вышел из среды их», то есть из Ареопага. Но всё же и тут мудрая речь апостола принесла плоды: уверовали «некоторые», а между ними Дионисий Ареопагит, то есть член Ареопага, и Дамарь по преданию, жена Дионисия. Дионисий, как свидетельствует предание, стал преданнейшим учеником св. апостола Павла, поставлен был епископом Афинским, проповедовал Евангелие в Галлии и мученически скончался в Париже. Память его Церковь празднует 3 октября. Не обильным плодом кончилась мудрая речь Павла в Ареопаге среди представителей цивилизации образованнейшего города – так мир своею мудростью не узнал Бога в премудрости Божией (1Кор. 1:21).

Глава восемнадцатая

Павел в Коринфе (стихи 1–17). Отплытие его в Иерусалим через Ефес (стихи 18–23). Начало третьего апостольского путешествия (стихи 22–23). Проповедь Аполлоса (стихи 24–28)

Св. апостол Павел в Коринфе

(стихи 1–17)

Оставив Афины, Павел пришёл в Коринф. Этот известнейший в древности по своей обширной торговле богатый город лежал на перешейке между Эгейским и Ионийским морем, имел две гавани на восточной и западной стороне и был в то время столицей римской провинции Ахаии, включавшей в себя Пелопоннес и Элладу, то есть почти всю нынешнюю Грецию. Жители его жили в роскоши и поисках удовольствий. Желая поселиться надолго в Коринфе как важном центральном пункте для проповеди, Павел, с целью обеспечить себе материальную возможность существования, работая своими руками, поселился у некоего Акилы, родом Понтийнина, недавно пришедшего из Италии, и его жены Прискиллы, которые, как и Павел, имели ремеслом делание палаток. Об упомянутом здесь изгнании иудеев из Рима, которому подверглись Акила и Прискилла, говорит римский историк Светоний, сообщая, что причиной этого были возмущения иудеев, производимые каким-то иудейским возмутителем, присвоившим себе имя Христа. Вероятнее всего, что Светоний не понял хорошо всего этого дела, а причиной изгнания было беспокойство между иудеями, спорившими с христианами, которых в ту пору в Риме было уже много. Однако это свидетельство Светония весьма важно как содержащее упоминание о Христе, а также потому, что помогает нам установить данные апостольской хронологии. Это произошло в 52 году христианской эры. Акила – это греческое произношение латинского имени Аквила, а Прискилла – уменьшительное от латинского имени Приска. Оба супруга были обращены св. Павлом к вере во Христа, видимо, несколько позже, ибо он остановился у них лишь «по одинаковости ремесла». У евреев было в обычае, даже у богатых, обучать детей какому-нибудь ремеслу, чтобы сделать их ни от кого не зависимыми в отношении содержания. Делание палаток для путешественников, для военных лагерей было довольно выгодным ремеслом. Послания показывают нам несколько раз,

что Павел был очень счастлив, имея возможность приобретать себе средства к жизни собственным трудом, никого не обременяя (например, в 1Кор. 4:12 и др.).

Во всякую субботу Павел беседовал в синагоге, убеждая в истине евангельского учения как природных иудеев, так и эллинов, то есть прозелитов. Очевидно, здесь Павел встретил большое противодействие своей проповеди, ибо он «понуждаем был Духом» – выражение, указывающее на большое духовное напряжение проповедника. Противление иудеев проповеди Павла дошло, наконец, до открытого злословия в синагоге. Тогда Павел решил прервать всякие сношения с коринфской синагогой и обратился к коринфским язычникам. Отрясши одежды свои, что равносильно отрясению праха от ног своих в знак окончательного разрыва, он сказал: «кровь ваша на главах ваших: я чист, отныне иду к язычникам», то есть «за ваше неверие и упорство на вас обрушатся, как наказание Божие, страшные кровавые бедствия, но я за это не ответствен: я проповедал вам единственный путь, которым вы могли избежать этого наказания, – путь евангельской истины, вы не пошли по нему, вы и виновны в этом и ответственные, а не я». Наказание, которым угрожает здесь Павел, есть вечная погибель, которая олицетворяется как вечная смерть (Рим. 1:32; 6:16, 21, 23; 7:5, 10, 13), а потому чувственно представляется здесь под образом крови (изливающейся), так как в крови душа животного. Кончает свою угрозу Павел заявлением, что так как они упорно отвергают его проповедь, то он идёт с этой проповедью к язычникам. И тотчас же исполнил эту угрозу, выйдя из синагоги и перейдя в дом прозелита Иуста, жившего подле синагоги. Этот решительный поступок на некоторых произвёл столь сильное впечатление, что многие уверовали и крестились, в том числе и сам начальник синагоги Крисп со всем домом своим, которого крестил апостол Павел, как он свидетельствует в 1Кор. 1:14, сам лично. Для ободрения своего верного служителя Господь явился ему в видении ночью и сказал: «Не бойся, но говори и не умолкай», указав, что в этом городе есть много людей, достойных слышания проповеди Павла и готовых уверовать. И Павел, который, быть может,

думал покинуть Коринф, как он покинул Афины, остался там, проповедуя целых полтора года. Между тем злобные иудеи не хотели и здесь оставить в покое апостола. В проконсульство Галлиона они напали на него и привели его в судилище, обвинив его, что он учит людей чтить Бога не по закону. Здесь мы опять можем установить более или менее точную хронологию событий. Проконсул Иуний Анней Галлион, брат известного философа-стоика Сенеки, воспитателя императора Нерона, умерший так же, как и Сенека, от руки Нерона, как известно из истории, действительно был проконсулом Ахаии, то есть римской провинции, обнимавшей нынешнюю Грецию, в 53–54 годах по Р. Х. Человек он был, по словам Сенеки, мягкий, некорыстолюбивый, человеколюбивый и талантливый администратор, что и видно из рассказа Деяписателя. Галлион не стал даже выслушивать оправданий Павла, а сразу же решил дело не в пользу обвинителей: как политический администратор, он счёл это дело неподсудным себе и просто прогнал их от судилища. Прогнал, вероятно, потому, что они шумели и не хотели добровольно удалиться. Раздосадованные назойливостью иудеев, прогонявшие, а с ними и все эллины, т. е. язычники, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его пред судилищем. По преданию, этот Сосфен, вероятно преемник Криспа, тоже был обращён ко Христу апостолом Павлом, был его сотрудником (1Кор. 1:1), а потом епископом в Колофоне в Малой Азии.

Из Коринфа Павел отплыл в Сирию и с ним Акила и Прискилла, остригши голову в Кенхреях по обету. Кенхреи – это была восточная гавань Коринфа, но что значит «остригши голову по обету», весьма неясно; есть целый ряд догадок, но все они малосостоятельны. Это не мог быть обет назорейства, при котором растили волосы, ибо по окончании времени обета назорей должен был принести в храм узаконенную жертву, остричь голову и волосы сжечь на огне своей жертвы; жертва же могла приноситься только в Иерусалиме. Вероятно, это был какой-нибудь частный обет, но по какому поводу он был дан, остаётся неизвестным. Может быть, он относился к путешествию апостола, к опасностям, которым апостол

подвергался и за избавление от которых обещал особенный акт благодарности Богу. Достигши Ефеса, главного города малоазийской провинции Ионии, производившего обширную торговлю и сделавшегося вскоре главным христианским центром Малой Азии, ап. Павел оставил их там, а сам, по обычаю своему, вошёл беседовать с иудеями в синагогу. Видимо, он принят был хорошо, ибо они просили его побыть у них долее. Он обещал им возвратиться опять, сказав, что непременно должен провести наступающий праздник в Иерусалиме. В Иерусалиме он пробыл недолго: только приветствовал Церковь и затем отправился в Антиохию, чтобы начать оттуда своё третье миссионерское путешествие.

Проведши в Антиохии некоторое время, св. Павел отправился в своё третье путешествие. Он стал проходить по порядку страну Галатийскую и Фригию с целью утвердить в вере основанные им там прежде христианские общины. Из дальнейшего видно, что спутниками его были в этот раз Тимофей и Эраст (19:22). Прерывая рассказ о путешествии Павла, Деятели сообщает затем данные о некоем иудее Аполлосе родом из Александрии, который был сильным деятелем в утверждении христианства, особенно в Коринфе, как это видно и из первого послания к Коринфянам. Деятели отзывается о нём с похвалой как о муже красноречивом и сведущем в Писаниях.

Он пришёл в Ефес, вероятно, в то именно время, когда св. Павел совершал своё третье путешествие по Малой Азии, и ещё до прибытия его в Ефес отправился в Грецию. Он был наставлен в христианской вере, но не вполне, так как знал только крещение Иоанново. Видимо, и сам он был крещён только крещением Иоанновым, а потому не имел и дара Духа Святого. Тем не менее, горя пламенной ревностью, он «говорил и учил о Господе правильно», хотя и неполно. Слушавшие его в Ефесской синагоге Акила и Прискилла сейчас же заметили, что он недостаточно наставлен в «пути Господнем», приняли его к себе в дом и «точнее объяснили ему путь Господень». Вероятно, рассказы Акилы и Прискиллы побудили его идти в Ахаию, и деятельность его там, в особенности, как известно, в

Коринфе, была сильна и плодотворна. Он сильно доказывал иудеям на основании Писания, что Иисус из Назарета есть действительно Мессия. Позже он был епископом в городе Смирне, перед священномучеником Поликарпом.

Глава девятнадцатая

Третье апостольское путешествие св. апостола Павла: прибытие его в Ефес, крещение учеников Иоанновых (стихи 1–7). Чудеса Павла в Ефесе и их действие (стихи 11–20). Предположения Павла о дальнейшем путешествии (стихи 21–22). Мятеж в Ефесе против христиан, произведённый Дмитрием-серебреником, и укрощение его (стихи 23–40)

Из Антиохии в Ефес самая краткая и менее трудная дорога была морем, но св. апостол Павел предпочёл более трудный сухой путь по гористым провинциям Малой Азии, так как хотел посетить основанные им там прежде церкви. В то время когда Аполлос уже был в Коринфе, Павел, пройдя Галатийскую страну и Фригию, прибыл в Ефес. Ефес – свободный город империи, построенный на берегах реки Кайстра между Милитом и Смирною, знаменитый своею торговлею, своим храмом Дианы и своей ревностью к культу «его великой богини», был митрополией проконсульской Азии. Жители Ефеса были пристрастны к удовольствиям и к магии, и трудно было найти в другом месте больше фанатизма и суеверия. Первое пребывание св. Павла в этом городе при возвращении его из второго миссионерского путешествия было непродолжительно (18:19–21), но апостол возвратился туда скоро и пребывал там два года и несколько месяцев, то есть более продолжительное время, чем в каком-нибудь другом месте. Основанная апостолом Павлом в Ефесе церковь сделалась потом знаменитой христианской митрополией, давши целый ряд славных епископов, и там четыре столетия спустя происходил третий Вселенский собор, низложивший Нестория. Апостол Павел, занимаясь по-прежнему своим ремеслом, мог присоединиться к своим сотрудникам из Коринфа, дом которых также сделался мало-помалу местом собрания верующих (1Кор. 16:19). Здесь апостол нашёл учеников Иоанновых, вероятно иудеев, недавно переселившихся в Ефес. Они держались вместе с христианами, и Павел, заметив в них неполноту ведения пути Господня, установил, что они крещены

только крещением Иоанновым, то есть лишь подготовительным крещением покаяния, и крестил их крещением христианским, после чего возложил на них руки, и они исполнились благодатных даров Св. Духа: стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати.

Первым местом проповеди ап. Павла и тут, как и везде, была синагога, где он не боязненно проповедовал три месяца. За это время явилось немало последователей Христовых в среде его слушателей, но, как и везде, нашлись такие люди, которые начали восставать против св. апостола. Противление их постепенно всё более увеличивалось и перешло в ожесточение, так что они начали изрыгать перед народом хулы и насмешки по поводу проповеди Павла. Это побудило апостола и здесь разорвать с синагогой и иудеями. Вместе со своими новообращёнными учениками он стал проповедовать не по субботам только, как в синагоге, а ежедневно в училище некоего Тиранна. Так как имя это чисто греческое, то можно полагать, что это был зал для занятий языческого риторика, теперь обратившегося ко Христу, или место, известное под этим именем. Но так как евреи в рассеянии носили имена и латинские, и греческие, то возможно, что этот Тиранн был иудейский учитель, который держал в своём доме частную синагогу, так называемый Бет-Мидраш, где учили преданиям и их толкованию. Надо полагать, что этот Тиранн сам был расположен к христианству, почему и предложил своё училище для Павла с учениками. Там Павел проповедовал два года, а так как Ефес был таким крупным центром, куда постоянно стекались жители всей Малой Азии то по делам торговли, то для поклонения Артемиде, или Диане Ефесской, то Деяния и говорит – конечно, гиперболически, – что «все жители Азии слышали проповедь о Господе Иисусе». В подкрепление проповеди Павла Бог творил руками Павла «немало чудес» (по-славянски «силы не просты», точнее «немалые»), то есть необыкновенные чудеса, из коих Деяния упоминает:

1) об исцелении разных болезней от вещей, употреблявшихся Павлом, как-то: от платков и опоясаний, и

2) об изгнании бесов из бесноватых.

Примечательно в данном случае именно то, что не сам Павел лично совершал эти чудеса, но другие возлагали вещи его, может быть даже без его ведома, на больных, и больные выздоравливали. Показательный пример того, что чудотворная сила Божия может действовать и через бездушные предметы, во что не хотят верить сектанты, будто бы основывающие своё учение на Слове Божиим.

Дееписатель передаёт, что слава Павла сделалась столь великой, что ему начали подражать даже некоторые из скитающихся иудейских заклинателей, каковых в то время было много. Как на пример подобных людей, злоупотреблявших при своём неверии именем Господа Иисуса, Дееписатель указывает на семерых сынов иудейского первосвященника Скевы. Кто был этот Скева и в каком смысле называется он первосвященником, неизвестно: может быть, он был одним из начальников священнических чред, а сыновья его выселились из Иудеи, чтобы промышлять заклинательством. Но злой дух, бывший в бесноватом, жестоко посмеялся над заклинателями. Замечательно, что словами: «Иисуса знаю, и Павел мне известен» демон признаёт и исповедует силу и власть над собой Господа Иисуса Христа и Его апостола. Выражением: «А вы кто?» он выказывает своё презрение к этим людям, злоупотребляющим именем Иисуса: в доказательство того, что он смеётся над ними, не признавая их власти над собой, бес понудил несчастного бесноватого броситься на заклинателей и жестоко избить их. Молва об этом случае разнеслась по всему Ефесу, и на всех напал страх перед этой таинственной всемогущей силой Имени Господа Иисуса Христа; люди превозносили это всемогущее Имя, которым производились такие чудеса, и многие под впечатлением этого случая уверовали. В числе их были заклинатели, бросившие ради веры во Христа своё ремесло. Ефес был центром всякого рода магии и волшебства, развившихся под влиянием культа Артемиды-Дианы, и вот занимавшиеся чародейством, собрав свои книги, в которых были записаны способы производства разных чародеяний, формулы заклинаний, разные молитвы к богам и т.

п., сожгли эти книги. Они сами вычислили, чего стоят эти сожжённые ими книги, и оказалось, что стоимость их равнялась 50.000 драхм.

Великий успех проповеди в Ефесе побуждал ап. Павла оставить этот город, чтобы избрать другое место для своей деятельности. И он «положил в духе, пройдя Македонию и Ахаию, идти в Иерусалим и оттуда в Рим». Здесь впервые встречается известие о намерениях Павла посетить столицу всесветной тогда монархии. Позже Господь уже определённо указал ему на Рим как на место его проповеди (23:11), и он действительно прибыл туда, проповедовал там и принял там при вторичной поездке мученическую кончину. Как видно из речи апостола (24:17), путешествие в Иерусалим через Македонию и Ахаию он собирался предпринять для того, чтобы собрать там милостыню для церквей палестинских. Предварительно он послал туда своих сотрудников Тимофея и Эраста, сам же пока остался в Азии для окончательного завершения своей благовестнической деятельности. Но последующие обстоятельства заставили его скорее покинуть Ефес и вообще Асию. В Ефесе произошёл мятеж, поднятый против апостола неким серебрянником Димитрием, который выделял серебряные изображения храма Артемиды и доставлял художникам немалую прибыль. Культ Артемиды был весьма распространён в Малой Азии. Храм её в Ефесе, сожжённый Геростратом в день рождения Александра Македонского, возобновлён был с таким великолепием, что считался одним из семи чудес света; маленькие модели этого храма и статуэтки самой богини были в большом употреблении у чтителей этой богини: их ставили в комнатах, брали с собой при путешествиях как амулеты и т. п. Вполне естественно, что ремесло Димитрия было очень выгодно и давало ему и подобным ему мастерам большой доход. Вероятно, у него было нечто вроде фабрики подобных изделий. Собрав бывших в его ведении художников и ремесленников, Димитрий произнёс перед ними возбуждающую речь, представляя одновременно, сколько вреда Павел принёс их ремеслу и их богине, отвращая от служения богам много людей в Ефесе и по всей Азии. Этой речью он возбудил

религиозный фанатизм слушателей, соединившийся с чувством злобы против человека, который грозит подорвать их материальное благосостояние. С криком: «велика Артемида Ефесская!» возбуждённая толпа устремилась бежать по улицам и весь город привела в смятение. Спутники Павловы Гаий и Аристарх были увлечены толпой в театр (самого Павла и Силу, по-видимому, не нашли), где происходили обыкновенно народные собрания, вероятно для того, чтобы потребовать над ними суда или просто расправиться с ними самосудом. Великая смелость и сила духа Павла побуждали его выступить с речью перед этой разъярённой против него толпой, но христиане и даже дружественно расположенные к нему начальники отговорили его от этого, боясь за его жизнь. Постоянно увеличивавшаяся толпа шумно бушевала в театре, и там господствовал величайший беспорядок, ибо большинство собравшихся даже не знали, в чём дело. Иудеи выдвинули наперёд известного Александра, с тем чтобы он говорил к народу. Кто был этот Александр, иудей или христианин, и желал ли он говорить против христиан или за них, неизвестно. Можно предполагать, что иудеи опасались, как бы заодно не пострадали и они с христианами, ибо они были известны народу как враги идолов и хотели, выгородив себя, направить всю ярость народа на одних христиан. Но народ, из презрения к иудеям, не захотел слушать его, как только узнал, что он – иудейского происхождения. Около двух часов эта беспорядочная толпа продолжала кричать: «велика Артемида Ефесская!», пока блюститель порядка не восстановил спокойствие, обратившись к собранию со словами, исполненными благоразумия. «Кто не знает, – сказал он, – что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета?» Именем «Диопета» означает статуя Артемиды из виноградного дерева в Ефесском храме, будто бы упавшая с неба, от Зевса или Юпитера. Так как это неоспоримо, то нет надобности возбуждать мятеж. Два македонянина, которых привели, не были ни святотатцами, ни хулиателями богини. А если Димитрий и те, кто пришли сюда с ним, имеют какую-нибудь жалобу на кого-либо, то должны представить её

начальству законным путём. Иначе есть риск быть обвинёнными в возмущении, ибо нет никакой причины для такого шумного собрания. Это, очевидно, была угроза римской расправой, которая и подействовала: мятеж затих, и собрание разошлось.

Глава двадцатая

Путешествие Павла в Македонию и Грецию и обратно до Троады (стихи 1–6). Воскрешение Павлом Евтиха в Троаде (стихи 7–12). Дальнейшее путешествие до Милита (стихи 13–17). Прощальная речь Павла к пресвитерам Эфесским (стихи 18–38)

Спустя немного времени после мятежа Павел решился положить конец своему пребыванию в Азии. Собрал ефесских христиан, дав им наставления и простившись с ними, он отправился в Македонию, а оттуда в Элладу, то есть в Грецию (Эллада – древнее народное название страны, в то время как Ахαια – официальное название Греции по римскому разделению провинций). Там пробыл он три месяца, вероятно главным образом в Коринфе, где и встретился в первый раз с Аполлосом. Коринфская община особенно близка была его сердцу. Некоторые нестроения в ней причиняли апостолу заботы и скорби, но, с другой стороны, духовный рост её и духовные дарования доставляли ему и радость (1Кор. 1:5, 7; 12:4–11, 28). Из Коринфа св. Павел написал послание к Римлянам (Деян. 19:21, ср. Рим. 15:28). План его, как видно, был – отправиться морем в Палестину, но узнав о тайном намерении иудеев схватить его и убить на пути к гавани, он изменил первоначальный план. Он отправился сухим путём, который проходил через Македонию. Прибыв в Филиппы, апостол Павел отправил отсюда Тита со вторым посланием к Коринфянам, которое отличается необыкновенной живостью чувств и нежностью любви к ним. Из Филипп он отправился в Троаду, но противные ветры и авария судна сделали то, что на краткий переезд этот потребовалось пять дней. Павла сопровождали семь спутников: трое урождённых македонян и четверо урождённых малоазийцев – Сосипатр Пирров из Вери, Аристарх и Секунд из Фессалоники, Гай Дервянин из Ликаонии, которого надо отличать от Гаия македонянина, Тимофей, уже известный нам, из Листры, Тихик и Трофим из Ефеса. Они ожидали, пошедши вперёд, Павла в Троаде. Почему они ушли

вперёд, Дееписатель не объясняет, может быть, для приготовления удобнейшего плавания Павла от Трояды далее, ибо из описания плавания можно догадываться, что у Павла был специально для его путешествия приготовленный корабль.

В Трояде Павел и его спутники сделали остановку на семь дней. Так как отъезд должен был последовать в понедельник утром, то братия Трояды собралась «в первый день недели», то есть, по-нашему, в воскресенье вечером, для «преломления хлеба», то есть на евхаристическое собрание, после которого следовала обычная тогда «вечеря любви» в горнице, хорошо освещённой и расположенной в верхнем этаже. Беседа Павла, как любящего отца, была продолжительна: ни учителю, ни ученикам, вероятно, не хотелось прервать ту беседу перед разлукой. Во время столь продолжительной беседы, затянувшейся до полуночи, некий юноша именем Евтих, сидевший на окне, не по лености, а по естественной необходимости, от большого утомления, заснул, упал вниз с третьего этажа и был поднят мёртвым. Текст ясно утверждает, что упавший действительно умер; это была не кажущаяся смерть, не обморок, ибо тогда в греческом тексте стояло бы не «некрос», а «ос некрос». Начали плакать, производя большой шум. Павел, однако, сошёл вниз, простёрся на тело Евтиха (как некогда Илия над воскрешённым им сыном сарептской вдовицы в 3Цар. 17:21 и Елисей над сыном суманитянки в 4Цар. 4:34), обнял его своими руками и сказал: «не тревожьтесь (буквально с греческого: «прекратите ваши вопли, рыдание»), ибо душа его в нём». Выражение это не значит, что отрок ещё не умер; оно значит, что душа его опять в нём, что умерший воскрешён, но смиренный апостол не выражается так прямо, чтобы люди не превозносили его за совершенное им величайшее чудо (св. Златоуст). Взошедши опять в горницу и преломив хлеб и вкусив, Павел продолжал беседовать даже до рассвета и потом лишь вышел, не дав себе даже телесного успокоения после столь продолжительного бдения. Отрока же привели живого «и не мало утешились», как от того, что получили его живым, так и от того, что их учитель перед прощанием с ними совершил такое великое чудо.

Апостол Павел решил, что сам он отправится пешком до Асса, с тем, чтобы спутники его, отправившись вперёд морем, взяли его там. Асс – приморский город в Мисии, к югу от Троады, в 10 римских милях (около 15 вёрст) от неё, против острова Лесбоса. Путь от Троады до Асса апостол прошёл пешком и, кажется, один, без спутников; причина не указана. От Асса они уже все вместе прибыли в Митилену, главный город острова Лесбоса, расположенный на восточной его стороне. Проведя там ночь и отплыв, остановились против Хиоса, а на другой день пристали к Самосу и, побывав в Трогиллии, прибрежном городе недалеко от Ефеса, на следующий день прибыли в Милит, приморский город к югу от Трогиллии и Ефеса, милях в 9 (около 14 вёрст) от последнего. Причину, почему они миновали Ефес, Дееписатель указывает ясно: чтобы не замедлить Павлу в Азии, так как он поспешал к празднику Пятидесятницы в Иерусалим. В этом главном малоазийском христианском обществе апостол совершенно естественно опасался задержки для себя. Но миновав сам Ефес он, тем не менее, пожелал проститься с предстоятелями Ефесской церкви и вызвал их к себе в Милит. Вызванные Павлом предстоятели Ефесской церкви названы в 20:17 «пресвитерами» («старейшими»), а св. апостол в 20:28 называет их «епископами» («блюстителями»). Кто же они были? Пресвитеры или епископы? Оба эти названия употреблялись в государстве для обозначения сословий чиновников или сановников прежде, чем они были усвоены в Церкви. Ни по своей этимологии, ни по своему первоначальному значению они не имели ничего, что указывало бы на превосходство одних над другими. Слово «епископ», что значит «надсматривающий», «наблюдающий», более употреблявшееся сначала у греков, означает, собственно, священническое звание; слово «пресвитер» – «старейший», означавшее первоначально возраст, более употреблявшееся у евреев, выражает скорее достоинство, священническую почесть. В первохристианской Церкви в самом начале её существования смысл этих слов не был ещё точно установлен и определён, но это отнюдь не значит, что звание епископа не отличалось от звания

пресвитера в их позднейшем употреблении, что эти две священные степени смешивались, считались за одну. Сам апостол Павел строго различает их, когда, как видно из его посланий к Титу (1:5) и Тимофею (5:22, 19), присваивает только епископу власть и право рукополагать пресвитера и судить его. Вызванные Павлом были, несомненно, пресвитеры, но так как названия степеней священства ещё не вполне тогда установились, то Павел называет их «епископами», желая лучше выразить их обязанности – блюсти над вверенными им душами пасомых.

Когда предстоятели Ефесской церкви (а, по словам св. Иринея, и других ближайших церквей Азии) пришли, св. апостол Павел обратился к ним с трогательной прощальной речью, которая особенно важна тем, что в ней содержатся ценнейшие пастырские наставления. В этой речи св. Павел обзревает дело, которое он совершил в Ефесе, предсказывает о судьбе, ожидающей его в Иерусалиме, возбуждает пастырей к бдительности ввиду появления еретиков и предаёт их Богу с указанием на своё бескорыстное служение в Ефесе. Речь распадается на четыре части.

В первой части (ст. 18–21) апостол напоминает, как в продолжение трёх лет он вёл себя у них: какова была его ревность в проповеди Слова Божия, «со всяким смиренномудрием и многими слезами», как он непрестанно возвещал всем, и иудеям, и эллинам, покаяние перед Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа.

Во второй части (ст. 22–27) апостол переносится мыслью в ближайшее будущее и говорит о тяжких бедствиях, ожидающих его, и о готовности своей с самоотвержением и даже с радостью перенести их. Он отправляется в Иерусалим «связан Духом» – по влечению Духа, хотя и знает, какие скорби и даже узы ждут его там, о чём «Дух Святый по всем городам свидетельствует» ему, очевидно через пророков вроде Агава, который уже в последнем перед Иерусалимом городе Кесарии предрёк апостолу узы (21:10–11). Но он готов на всё и даже жизнью своей не дорожит, лишь бы Господь сподобил его до конца совершить поприще его апостольского служения. Чувствуя, что

он уже не увидится больше с ефесянами, апостол заявляет, что совесть его чиста по отношению к ним, так как он не упускал случая возвещать им всю волю Божию («чист я от крови всех», то есть: не повинен я ни в чьей духовной гибели).

В третьей части (ст. 28–31) апостол даёт пастырские наставления: «Внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святый поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрёл Кровью Своею». Я не повинен ни в чьей гибели; смотрите, старайтесь и вы быть неповинными, а для этого будьте внимательны по отношению к самим себе и к своей пастве, бодрствуйте. «Когда мы внимаем себе, тогда и стадо получает пользу», – говорит блж. Феофилакт. Не человеками поставлены вы, но Духом Святым через избрание и рукоположение (Деян. 14:23) для наблюдения за благосостоянием Церкви, подобно тому, как пастыри поставляются для наблюдения за овцами. Вверенное же вам духовное стадо особенно драгоценно и требует потому особенного с вашей стороны внимания и забот, что оно куплено бесценною Кровью Христовой, через крестную жертву, в которой излита Его Кровь как умиловительная Богу Отцу жертва за грехи всего человечества. Это бодрствование необходимо в особенности потому, что апостол предвидит скорое появление «лютых волков, не щадящих стада», под каковыми надо понимать лжеучителей – еретиков. Апостол указывает на два вида этих лжеучителей: одни войдут в Ефесскую церковь извне, другие восстанут из среды самих верующих. Ефес был одним из центральных малоазийских пунктов, в котором приходили в соприкосновение религиозные и философские системы Востока и Запада; появления лжеучителей здесь естественнее было ожидать, чем в каком-либо другом месте. Когда апостол три года спустя писал из своих римских уз послание к Ефесской церкви, здесь ещё не было лжеучителей, но они появились уже (есеогностического направления) во фригийском городе Колоссах, как видно из написанного в то же время послания св. апостола Павла к Колоссянам. Из посланий же апостола к ефесскому епископу Тимофею видно, что подобные лжеучители появились и в Ефесе. Здесь идёт речь, конечно, и о тех

лжеучителях, против которых направлены апокалипсические письма св. Иоанна Богослова, послание Иудино и первое послание Иоанна Богослова. Предречение Павлово, таким образом, в точности исполнилось. В пример бодрствования апостол приводит самого себя, напоминая, как он «три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас» – собственно три месяца в синагоге и два года в училище Тиранна (19:8 и 10), а три года – это круглое число.

В четвёртой части (ст. 32–35) апостол изрекает благословение, предаёт их Богу и слову благодати Его и увещевает их подражать его бескорыстию, какое он сам осуществлял в жизни по слову Господа: «блаженнее давать, нежели принимать». Почему св. апостол хотел жить своим трудом, хотя он и учил ясно, как и Сам Господь Иисус Христос, что всякий делатель Господа достоин пропитания (Мф. 10:10 и паралл.) и что проповедник Евангелия должен жить от благовествования (1Кор. 9:7–11; 13–14 и паралл.). На это нужно сказать, что апостол не сделал и для себя правилом отказываться от того, что ему предлагали (Деян. 16:15; 2Кор. 11:8), но он старался ничего не просить, дабы не поставить этим препятствия своему благовествованию, ибо обращённые язычники ещё не привыкли содержать своих пастырей и он мог опасаться, если бы возложил на них это бремя, что враги Христовой веры использовали бы это как лишнее оружие против него, оклеветав его, что он по корыстолюбивым побуждениям проповедует новое учение. Вместе с тем он считал честью служить Церкви на свои средства и не требовать ни у кого ничего, кроме того, чтобы почитать Бога и спасти свою душу (1Кор. 9:16–18; 2Кор. 12:14; Фес. 2:9), и хотел своим ученикам дать пример такой же бедной и трудовой жизни. Откуда взято приведённое им изречение Христа Спасителя? Оно не читается нигде – ни в Евангелии, ни в другой какой-либо боговдохновенной книге. Вероятно, это было изречение, сохранившееся в устном предании как подлинные слова Господа. В этом изречении не та, конечно, мысль, что брать – худое дело, но что давать другим – лучше, чем брать самому.

В заключение своей речи апостол преклонил колена свои и помолился со всеми ими. Они простились тогда с ним с весьма великим волнением и плачем, потому что он объявил им, что они видят его в последний раз. И провожали его до корабля.

Глава двадцать первая

Путешествие Павла от Милита до Кесарии (стихи 1–9). Павел в Кесарии и пророчество о предстоящих ему узах (стихи 10–14). Прибытие Павла в Иерусалим, возмущение против него иудеев и его узы (стихи 15–40).

Путешествие Павла от Милита до Кесарии

(стихи 1–9)

Отплыв из милетской гавани при попутном ветре, путешественники прямо прибыли в Кос, небольшой, славившийся виноделием и приготовлением дорогих материй островок в Эгейском море, к юго-западу от Милита. Оттуда они достигли Родоса, большого острова в 15 римских милях (23 версты) к юго-востоку, а затем прибыли в Патару – большой приморский торговый город малоазийской провинции Ликии с известным в древности оракулом Аполлона. От Трояды до Патары святой Павел со спутниками плыли на одном корабле, который, судя по некоторым поступкам апостола (20:13, 16), находился в полном его распоряжении. В Патаре же они как пассажиры сели на другой, купеческий корабль, который с грузом шёл в Финикию. Корабль вышел в открытое море по направлению острова Кипр, который он миновал, оставив его слева, так что почти к концу недели он бросил якорь в гавани Тира, где должен был сложить свой груз. Здесь прибывшие скоро вступили в сношения с находившимися тут верующими. Они пробыли у них 7 дней, после чего отправились далее в Иерусалим, хотя братия тирские, которым по внушению Духа была открыта участь, ожидающая Павла, и просили его, чтобы он не ходил в Иерусалим. Однако Павел, по влечению Духа шедший на предстоящие ему скорби (20:22), не мог, конечно, поддаваться на их уговоры, внушённые их любовью к великому апостолу. Сопровождаемые жёнами и детьми, братия проводили Павла и его спутников до берега, где разлучились с ними, помолившись все вместе. Путешественники снова сели на корабль, чтобы не делать задержки при сухопутном путешествии, и прибыли в Птолемаиду, древний приморский город Акко, южнее Финикии, в пределах собственно Палестины, по древнему разделению в колоне Асировом, несколько севернее горы Кармильской. Там они пробыли у братьев один день. А на другой день они уже сухим путём, по прекрасной

долине Саронской мимо горы Кармила, направились в Кесарию (Стратонову).

Павел в Кесарии и пророчество о предстоящих ему узах

(стихи 10–14)

После одного дня ходу они пришли в Кесарию, в дом одного из семи диаконов, Филиппа, названного «благовестником» за ту ревность, с которой он распространял Евангелие. Чрезвычайные дары, которыми он был наделён, стали также достоянием и его семейства: у него были 4 дочери, которые пророчествовали. Здесь Павел получил последнее предостережение об угрожающей ему опасности. Из Иудеи пришёл пророк по имени Агав, тот самый, который, будучи в Антиохии, предсказал о голоде, вследствие чего через Варнаву и Савла послано было Антиохийскою церковью пособие церквям в Иудее. Выразительным символическим действием он взял пояс Павлов и, связав себе им руки и ноги, предрёк, что так свяжут Павла в Иерусалиме иудеи и предадут его в руки язычников. Спутники Павловы и кесарийские христиане начали тогда умолять Павла не ходить в Иерусалим, но Павел, повинаясь внушениям Духа, хотя и сокрушался слезами христиан, оставался тем не менее твёрд в своём намерении, заявив, что он не только хочет быть узником, но готов даже и умереть за Имя Господа Иисуса в том самом Иерусалиме где он с такою яростью гнал прежде исповедников этого имени, и где пострадал и умер Сам Господь. Эта преданность воле Божией успокоила их, и они, в свою очередь, решили покориться воле Божией, сказав: «воля Господня да будет». Приготовив всё потребное для пути и пребывания в Иерусалиме на предстоящий праздник Пятидесятницы, они отправились во святой град. Некоторые из кесарийских христиан сопровождали их, чтобы ввести апостола и его спутников в дом «к некому давнему ученику, Мнасону Кипрянину» и оставить их на жительство в этом доме. Судя по греческому имени, этот Мнасон был христианином если не из язычников, то из эллинистов. Он оказал весьма радушное гостеприимство Павлу. Вероятно, Павла поместили в этом доме с той целью, чтобы до

иудеев не так скоро дошла весть о прибытии Павла и чтобы они не знали, где можно найти его.

Прибытие Павла в Иерусалим, возмущение против него иудеев и его узы

(стихи 15–40)

На другой день апостол Павел вместе с сотрудниками своими пришёл к апостолу Иакову, епископу Иерусалимскому, где собрались все пресвитеры. О других апостолах здесь не упоминается: видимо, они были с проповедью в других странах. Приветствовав созванное в честь его прибытия торжественное собрание, апостол Павел, вероятно, тут же передал привезённое им пособие, которое собрал для Иерусалимской церкви по церквам из язычников как выражение братской любви и общения церквей и затем рассказал подробно всё, что Бог сделал его служением среди язычников. Выслушав его, они прославили Бога, но не скрыли от него то, что христианские общины из обращённых иудеев, все чрезвычайно ревностные к закону, питают против него предубеждения, основанные на ложных слухах, будто он стремится развратить иудеев рассеяния, проповедуя отмену обрезания и других обрядов Моисеева закона. Очевидно, слухи эти распространяли всё те же противники Павловы, которые смущали церковь Антиохийскую и Иерусалимскую, требуя даже для язычников, обращающихся ко Христу, обрезания и соблюдения всего Моисеева закона. Пущенное в народ в этом виде обвинение против Павла было явной клеветой. Из всего его учения, как оно раскрыто в его посланиях, видно, что святой Павел учил лишь той истине, что спасение во Христе не обуславливается обрезанием и соблюдением Моисеева закона, а лишь верой во Христа: главное – это вера во Христа, а закон Моисеев – дело, несущественное для христианина: исполняй его, если хочешь, но не надейся через исполнение его получить спасение. Мы видели, что апостол Павел сам обрезал своего сотрудника Тимофея – следовательно, нельзя смотреть на него как на врага Моисеева закона, каким его хотели представить. Дабы уничтожить это предубеждение против Павла и изобличить клевету, иерусалимские пресвитеры посоветовали ему

всенародно показать своё уважение к Моисееву закону – очиститься в храме вместе с четырьмя человеками, имеющими на себе обет, и заплатить вместо них за жертву, которую они по закону должны принести в храме по случаю окончания их обета. Присоединившись к этим четырём бедным людям, давая сам тот же обет на время, которое должно им ещё продолжить, и взяв на себя издержки за них, Павел совершил бы такое доброе дело, которое было бы наглядным изобличением клеветы. Из пострижения головы для снятия обета видно, что это был обет добровольного на время (а не пожизненного) назорейства (согласно Чис. гл. 6). Отсюда видно, что в среде иерусалимского христианского общества соблюдались обрядовые предписания Моисеева закона, ибо об этих четверых сказано было: «есть у нас». Тут же советовавшие напоминают Павлу, что постановление апостольского собора об уверовавших язычниках остаётся во всей своей силе, а их совет есть лишь не что иное, как акт мудрой предусмотрительности и снисхождения к немощам братии из иудеев. Совет этот нисколько не противоречил учению апостола Павла, а потому он немедленно согласился. Присоединившись к четырём бедным назореям, он совершил с ними всё, что требовалось по закону, заявив священнику в храме о своём соучастии в исполнении обета и о своём желании принести должное за каждого по исполнении семи дней очищения.

Эти 7 дней ещё не успели окончиться, как произошло возмущение против Павла, приведшее его к узам. Павла увидели в храме асийские иудеи из Ефеса и его окрестностей, видимо пришедшие в Иерусалим на праздник Пятидесятницы, и исполнились ярости, а вместе с тем и радости, что представился такой удобный случай сделать решительное зло своему врагу, каковым они считали Павла, надеясь, что он и смерть свою здесь найдёт. И им действительно удалось возмутить «весь народ» криком, что «этот человек всех повсюду учит против народа и закона и места сего; притом и эллинов ввёл в храм и осквернил святое место сие». Поводом к последнему обвинению было то, что они за несколько времени до того, как Павел вошёл в храм, видели его на улице вместе с

Трофимом Ефесянином. Язычникам запрещалось входить во двор израильтян, и присутствие там язычника считалось осквернением святого места. Если первое из этих обвинений было клеветой, основывавшейся, хотя отчасти, на недоразумении или неразумии обвинителей, то второе обвинение было уже явной клеветой, в которой ложное подозрение выставлялось как действительный факт. Такими тяжкими обвинениями они привели в движение «весь город». Мятежная толпа, схватив Павла, повлекла его вон из храма, то есть из двора израильтян, и тотчас заперты были двери, чтобы не осквернить святого места смертоубийством. Никогда ещё святой Павел не находился в столь опасном для жизни положении. Но в тот момент, когда всякая надежда на спасение казалась уже потерянной, неожиданно пришла помощь: Клавдий Лисий, комендант римского отряда войск, который помещался в так называемой крепости Антониевой, господствовавшей над храмом на северо-западе, был извещён, что Иерусалим возмутился. Тотчас же он с воинами и сотниками устремился на место возмущения, и мятежная толпа при виде римского тысяченачальника, испугавшись кровавой расправы за возмущение, перестала бить Павла. Заметив, против кого было направлено возмущение, тысяченачальник приблизился к Павлу, велел его сковать цепями и стал спрашивать, кто он и что сделал. По причине смятения, так как одни кричали одно, а другие – другое, он, как и всегда бывает в подобных случаях, не мог узнать ничего верного, а потому велел отвести Павла в помещение крепости. Это было нелегко сделать из-за теснившегося народа, громко требовавшего смерти Павла, так что, когда они подошли к ступеням лестницы, ведущей в крепость, воинам пришлось нести Павла на руках. Прежде, нежели ворота крепости затворились, Павлу захотелось сказать речь так несправедливо поступившему с ним народу, и он обратился за позволением к тысяченачальнику. Обратился он к начальнику по-гречески, что удивило того и показало ему ошибочность его первоначального предположения, что Павел – одно лицо с известным в то время возмутителем-египтянином. Вероятно, что тысяченачальник имел сведения, что тот

египтянин по-гречески не говорил. Это был чародей, выдававший себя за пророка и имевший много приверженцев, называвшихся «сикариями», от «сикариус», что значит «тайный убийца, вооружённый кинжалом». Этот фанатик привёл своих приверженцев из Иудейской пустыни на Елеонскую гору, уверяя их, что стены иерусалимские падут перед ними, как пали некогда стены Иерихона, причём обещал уничтожить власть римлян и провозгласить царство Мессии. Прокуратор Феликс рассеял эту шайку, перебив четыреста человек и двести взяв в плен, но сам египтянин успел скрыться. Тысячачальник, вероятно, подумал, что Павел – это возвратившийся египтянин, который пытается поднять новое возмущение, но из греческой речи Павла понял свою ошибку. Павел объяснил, что он происходит из небезызвестного киликийского города Тарса, является природным иудеем и просит разрешения говорить к народу. Тысячачальник позволил, и Павел, дав знак рукой, стоя на лестнице начал говорить при установившейся тишине на еврейском, то есть на тогдашнем сиро-халдейском языке.

Глава двадцать вторая

Речь св. апостола Павла к народу о своём обращении и призывании к апостольскому служению (стихи 1–21). Крик народа, распоряжение о бичевании Павла и отмена его (стихи 22–29), Павел перед синедрионом (стих 30).

Речь св. апостола Павла к народу о своём обращении и призвании к апостольскому служению

(стихи 1–21)

«Мужи, братия и отцы», – начал Павел. «Мужи, братия» – это обращение ко всем собравшимся; «отцы» – почтительное обращение к высшим по положению и старшим по летам. «Выслушайте теперь моё оправдание перед вами» – выслушайте моё оправдание против обвинений, возведённых на меня некоторыми из вас – малоазийскими иудеями. Когда услышали, что он говорит по-еврейски, то удвоили тишину и спокойствие. Павел подробно рассказал о своём происхождении и воспитании, дабы показать, что он – подлинный иудей и ревнитель закона. Он рассказал, что был воспитан во всей строгости Моисеева закона «при ногах» знаменитейшего фарисейского учителя Гамалиила и со всей страстностью («даже до смерти» – сколько было сил) преследовал христиан, что может засвидетельствовать и первосвященник, который тогда был ещё жив, хотя и смещён с должности, и старейшины. Затем Павел рассказал, как он был обращён ко Христу на пути в Дамаск. Рассказ этот совершенно сходен с рассказом Деяписателя в 9:3–8. Лишь немногие особенные черты события выставляет здесь Павел. Так, он отмечает, что яркий свет с неба осиял его «около полудня» – явление чрезвычайное, явно чудесное; что Господь назвал Себя не просто «Иисусом», но «Иисусом Назореем»; что бывшие с ним «свет видели... но голоса... не слышали»: следовательно, это не обман, не субъективная галлюцинация Павла. В том, что они голоса не слышали, нет противоречия с повествованием Деяписателя, ибо это надо понимать так, что они, хотя слышали звук голоса, но не понимали, что говорится. Из двух повествований создаётся цельная, более полная картина: откровение было только одному Павлу, а спутники его видели и слышали только, так сказать, отблеск и отголосок этого откровения. Далее святой Павел поведал о своём чудесном прозрении и крещении от Анании, причём подчеркнул, что Анания был «муж

благочестивый по закону, одобряемый всеми иудеями, живущими в Дамаске», то есть не какой-нибудь неизвестный человек, а одобряемый всеми иудеями как ревнитель закона. К повествованию о своём обращении апостол присовокупил повествование о явлении ему Господа в Иерусалиме, о котором не упоминает ни Деяпистатель, ни сам Павел в других своих речах и посланиях. Это случилось тогда, когда Павел возвратился в Иерусалим, проведши долгое время в Аравии, куда он отправился из Дамаска после своего обращения. Апостол поставляет на вид то, что это явление ему Господа имело место в Иерусалимском храме во время его молитвы там, и, следовательно, он и по обращению в христианство не разрывал связи с храмом и его законным богослужением. Здесь же Павел подчеркнул, что он не враг иудейского народа, ибо, когда Господь повелевал ему удалиться из Иерусалима, он противостоял этому, желая проповедовать именно в Иерусалиме, где прежде гнал христиан. Только вторичное настойчивое повеление Господа заставило его покинуть Иерусалим.

Крик народа, распоряжение о бичевании Павла и отмена его; Павел перед синедрионом

(стихи 22–29; 30)

До этого места иудеи слушали спокойно; когда же Павел произнёс сказанные ему в видении слова Господа: «иди, Я пошлю тебя далеко к язычникам», они подняли крик. Эти слова произвели взрыв фанатической ревности и ярости толпы, тем более что они, во мнении толпы, не столько опровергали возведённое на него обвинение (ст. 21, 28), сколько подтверждали его. В диком выражении своего фанатизма и ярости они метали одежды свои и бросали пыль на воздух, как бы метая камни в него. Не понимая, что происходит, и боясь, что при таком возбуждении толпы дело не выяснится, тысяченачальник повелел увести Павла в Антониеву крепость и предать его бичеванию в расчёте пыткой узнать, что во всём этом кроется и какое тяжкое преступление числится за Павлом, что так кричат против него. Когда апостола уже привязали ремнями к столбу, чтобы начать бичевание, он указал им на двоякое нарушение закона в отношении к нему как к римскому гражданину:

1) как римский гражданин, он избавлен от телесного наказания, так как это было наказание рабов;

2) это было вообще нарушением римского уголовного права, что трибун судебное исследование начал пыткой.

Заявление Павла, что он – римский гражданин, обеспокоило сотника, который распоряжался бичеванием, и самого тысяченачальника. Купивший сам за большие деньги право римского гражданства, трибун, вероятно, усомнился, чтобы бедный узник его мог купить себе это право, но, узнав из заявления Павла, что у него это право наследственное, что он родился в римском гражданстве, поверил и испугался не только того, что хотел пытать его, но и того, что связал его без дознания и суда, ибо заключение римского гражданина в оковы без предварительного дознания вины его считалось преступлением и наказывалось законом. Так как

тысяча начальник ничего определённого до сих пор не мог узнать не только относительно виновности Павла, но даже относительно того, в чём собственно обвиняют его иудеи, то он для достоверного дознания вины Павла повелел собрать синедрион, чтобы повести дело Павлово официально и законно, с разъяснением его вины или невинности. Не сразу, однако, а только на другой день Лисий снял с Павла оковы, обнаруживая этим упорство власть имущего, и, выведши Павла, поставил его перед синедрионом в обычном месте его заседаний, вероятно в одной из храмовых построек.

Глава двадцать третья

Апостол Павел перед синедрионом и распря между его обвинителями (стихи 1–10). Явление ему Господа Иисуса (стих 11). Умысел иудеев убить Павла (стихи 12–22). Отправление Павла в Кесарию к прокуратору Феликсу (стихи 23–35)

Апостол Павел перед синедрионом и распря между его обвинителями

(стихи 1–10)

Как Сам Христос и как старейшие апостолы, так теперь и св. Павел был поставлен перед верховным иерусалимским судилищем. Остановив на собрании взгляд, полный твёрдости и спокойствия, он с апостольским достоинством начал свою речь, не будучи ещё спрошен членами синедриона, потому что не они призвали его к допросу на суд, а он поставлен был пред синедрионом от римского начальника. «Мужи братия, – сказал он, – я всею доброю совестью жил пред Богом до сегодня». В сознании собственной невинности и своего апостольского достоинства, он отказывает этим незаконным судиям в почётном титуле «отцов» или «начальников народа», указывая на чистоту своей совести в деле служения своего Богу. Слова апостола показались первосвященнику Анании лицемерием или самохвальством, и он приказал бить апостола по устам. Этот Анания, человек гордый и грубый, был тогда фактически исправлявшим должность первосвященника (а не титулярный только, каковых тогда много было из числа смещённых), – сын Неведея, преемник Иосифа, сына Камида, предшественник Измаила, сына Фаби. Он был вызываем в Рим для оправдания себя перед кесарем в возведённых на него обвинениях, но не лишился своего сана, пока прокуратор Феликс не передал эту должность Измаилу. В праведном гневном своём св. апостол произнёс резкие слова против него: «Бог будет бить тебя, стена подбеленная». Здесь оскорблён был закон, оскорблена была правда, оскорблена была чистота совести апостола. Слова эти были не только укоризной за незаконное распоряжение судии, долженствовавшего судить по закону, но и пророчеством: спустя несколько лет, в начале так называемой иудейской войны, Анания был убит сикариями как изменник. «Стена подбеленная» – образное обозначение лицемера, как и «гроб подбеленный» (подбеленный известью). Предстоящие сочли эти слова Павла за оскорбление первосвященника, каковое считалось тяжким

преступлением, как оскорбление Самого Бога. «Я не знал, братия, что он первосвященник», – сказал Павел. На эти слова имеется много толкований, но нет нужды отступать от буквального объяснения, которое даёт св. Златоуст: ап. Павел действительно не знал, что это первосвященник, ибо первосвященники в то время часто менялись, и по обычной одежде нельзя было отличить первосвященника от других членов синедриона. В собраниях синедриона председательство не было необходимой принадлежностью первосвященника: у синедриона было право выбирать себе председателя, и апостол тем более не мог предполагать в председателе этого собрания первосвященника, что собрание назначено было по унижительному приказанию римского полкового начальника. Увидев, что в таком незаконном и явно настроенном против него собрании прямая защита не у места и речи его слушать не будут, святой апостол с необыкновенным присутствием духа, пронизательностью и мудростью решился на одно средство, при раздражении и возбуждении умов всегда бывающее весьма действительным: он воспользовался тем, что синедрион состоял из двух противоположных и непримиримо враждебных между собою партий – фарисейской и саддукейской. Имея в виду, что саддукеи отвергали воскресение мёртвых, равно как и бытие ангелов и душ умерших людей, а фарисеи признавали то и другое, апостол громким голосом возгласил: «мужи братия! я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мёртвых меня судят». Этим Павел положил преграду, по крайней мере, на время совокупному действованию против него обеих партий одновременно и расположил в свою пользу фарисеев. Этим заявлением апостол хотел подчеркнуть, что его совершенно несправедливо судят как нарушителя и врага закона Моисеева, ибо он принадлежит именно к числу ревнителей закона и не изменник Моисею, как, например, саддукеи, отрицавшие некоторые истины Моисеева закона. В учении же о воскресении мёртвых христианство вполне сходилось с фарисейством и было, таким образом, ближе ему, чем саддукейство, погрешавшее против такой важной догматической истины. Слова апостола достигли цели, вызвав распрю и разделение в

собрании, причём книжники фарисейской стороны даже взяли Павла под свою защиту, повторяя слова Гамалиила: «не противимся Богу». Обе стороны пришли в такое возбуждение и так между собою спорили – одни защищая Павла, а другие нападая на него, – что тысяченачальник стал опасаться, как бы Павел не сделался жертвою их взаимного раздражения и как бы они не растерзали его, римского гражданина, за что ему пришлось бы отвечать. Поэтому он повелел воинам сойти из Антониевой крепости к месту заседания синедриона, может быть, во двор язычников, куда могли входить римские воины, и отвести апостола Павла обратно в крепость.

Явление Павлу Господа Иисуса

(стих 11)

В таком трудном положении Господь ободрил Своего верного апостола, явившись ему следующей ночью во сне или в видении, чего из текста прямо не видно, и сказав: «держай, Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме». Этим Господь успокоил Павла, что иудеи ничего ему не в состоянии будут сделать злого, так как ему надлежит проповедовать ещё в самом центре языческого мира – политической столице мощной языческой империи. Это было большим утешением для св. Павла, так как отвечало и его давнишним желаниям.

Умысел иудеев убить Павла

(стихи 12–22)

Между тем опасность для Павла всё больше и больше увеличивалась. Более сорока иудеев, особенно ненавидевших Павла, вероятно из числа малоазийских, и не без содействия и участия местных саддукеев, связали себя страшной клятвой – «не есть и не пить, доколе не убьют Павла». Они сделали участниками своего заговора членов синедриона, чтобы те обратились к римскому коменданту с официальной просьбой: представить Павла ещё раз на суд, чтобы, когда поведут его к месту заседания синедриона, убить его. К счастью, сын сестры Павла узнал об этом заговоре и пришёл в крепость, чтобы сказать об этом своему дяде апостолу. Вероятно, после объявления о своём римском гражданстве, апостол не очень строго содержался, так что к нему могли иметь доступ родные. Так он содержался потом и в Кесарии (24:23), и в Риме (28:16). Желая оставить это дело в возможной тайне, апостол не говорит о нём сотнику, а просит отвести своего племянника прямо к трибуну. Лисий ласково выслушал Павлова племянника и велел ему никому не говорить о том, что он предупредил его об умысле иудеев. Затем он призвал двух сотников и приказал приготовить к девяти часам вечера конвой из 200 пеших воинов, семидесяти конных и 200 воинов с лёгким вооружением (стрелков) для отправки Павла к римскому прокуратору в Кесарию. Очевидно, Лисий опасался взрыва фанатизма против святого апостола Павла и преследования со стороны врагов, которые могли подготовить нападение на него разбойничавших сикариев, если бы конвой был слишком мал. Таким образом, столь большой конвой был умной предосторожностью тысяченачальника, чтобы доставить целым и невредимым прокуратору римского гражданина. Он велел приготовить также ослов ради удобства Павла в пути. Из всего этого видно, что Лисий заботился о Павле и, видимо, был расположен к нему после всего происшедшего.

Отправление Павла в Кесарию к прокуратору Феликсу

(стихи 23–35)

Тогдашний прокуратор Феликс (Антоний) был вольноотпущенник императора Клавдия, брат любимца Неронова Палласа, зять Ирода Агриппы I. Он получил прокуратуру от Клавдия после смены прокуратора Кумана, около 53 года по Р. Х., и исправлял «должность царскую в рабском духе», как выражается о нём римский историк Тацит, был отозван с прокуратуры Нероном, но, несмотря на жалобы иудеев на него, не лишился милости императора.

Лисий написал Феликсу препроводительное письмо, в котором объяснял ему обстоятельства взятия апостола под стражу, его римское гражданство и его политическую невинность. Сообразуясь с данными указаниями, конвой вёл Павла ночью, ради большей безопасности, до Антипатриды, города, построенного Иродом I и названного в честь его отца Антипатра, в 42 милях (60 вёрстах) от Иерусалима и в 26 милях от Кесарии. Тут уже можно было не бояться нападения иудеев, и пешие воины, предоставив конным дальше вести Павла, сами возвратились в Иерусалим. Начальник конвоя по приходе в Кесарию отдал письмо Лисия прокуратору и представил ему Павла. Прокуратор, прочитав письмо, спросил Павла, из какой он области, и узнав, что он из Киликии, сказал, что выслушает его, когда явятся его обвинители, а пока назначил ему быть под стражей в Иродовой претории, то есть не в общественной городской тюрьме, а в том же дворце, построенном Иродом Великим, в котором жили прокураторы. Этому, вероятно, посодействовало доброе слово об узнике в письме Лисия, и Павла не очень стесняли.

Глава двадцать четвёртая

Апостол Павел перед судом прокуратора Феликса (стихи 1–9). Защитительная речь его (стихи 10–21). Отсрочка решения (стихи 22–23). Беседа Павла с Феликсом и Друзиллою и прибытие нового прокуратора (стихи 24–27)

Апостол Павел перед судом прокуратора Феликса

(стихи 1–9)

Феликс был уже около семи лет правителем Иудеи и в этом звании оставил по себе весьма дурные воспоминания. В прошлом вольноотпущенник и любимец императора Клавдия, он исполнял свои обязанности правителя как человек, имеющий душу раба, предаваясь неслыханному распутству и отличаясь вместе с тем жестокостью. Таков был судия, которому надлежало произнести приговор о судьбе великого апостола языков. Уже через пять дней первосвященник Анания со старейшинами, по-видимому, с некоторыми избранными членами синедриона, отправились в Кесарию, чтобы жаловаться на Павла самому прокуратору. С собой они взяли некоего ритора Тертулла, на которого возложена была обязанность произнести обвинительную речь. Тертулл – уменьшительное от римского имени Тертий. Надо полагать, что это был иудей рассеяния, носивший римское имя, ибо едва ли синедрион решился бы взять в защитники своего дела нечистого язычника. Он был ритор, по специальному значению этого слова – человек, ведущий судебные процессы от лица своих доверителей, вроде адвоката или прокурора. Таких риторов было много тогда и в Риме, и в провинциях. Чтобы снискать благоволение правителя, Тертулл начал свою речь с самых лживых похвал, говоря, что иудеи всегда и всюду признают, что Феликсу они обязаны глубоким миром и благоустройством страны. Насколько лживы были эти похвалы, видно из того, что по отзыванию Феликса с прокураторской должности иудеи сами же принесли на него жалобу римскому императору. Затем он изобразил святого Павла как язву общества, который возбуждает мятежи между всеми иудеями, живущими по вселенной, и как представителя назорейской ереси, который недавно отважился даже осквернить храм. «Мы взяли его и хотели судить по нашему закону» – тут ритор опять говорит явную неправду, ибо иудеи не судить хотели Павла, а просто убить его без всякого суда, схватив в храме. Поступок Лисия он

лживо представляет как незаконное вмешательство в дело, касающееся будто бы только синедриона. Заключил свою речь ритор утверждением, что сам Павел не в состоянии опровергнуть возведённых на него обвинений. Члены синедриона тотчас же подтвердили, что всё именно так, как сказал Тертулл.

Защитительная речь апостола Павла

(стихи 10–21)

С полным достоинством отвечал Павел на эти обвинения. В его речи мы видим естественное красноречие, отсутствие всякого подбострастия с возданием лишь должного почтения представителю государственной власти, а главное – живую веру, горячую и чистую ревность, которая забывает собственные интересы и помышляет лишь о спасении человеческих душ. «Зная, что ты многие годы справедливо судишь народ сей» – здесь нет лести, тем более что слово «справедливо» прибавлено лишь в переводе, а в подлиннике его совсем нет: Павел указывает тут лишь на тот факт, что Феликс уже много лет состоит судьей этого народа, знает его учреждения и обычаи, знает и характер его, а равно и представителей его – членов синедриона, почему он тем свободнее будет защищать своё дело, так как правитель, благодаря своему знанию всего этого, может верно рассудить невиновность апостола. После этого общего вступления Павел сказал, что он не более двенадцати дней тому назад пришёл в Иерусалим для поклонения; нигде: ни в святилище, ни в синагогах, ни в городе – его не видели с кем-либо спорящим или возмущающим народ. Следовательно, обвинение его как народного возмутителя в Иерусалиме есть сплошная ложь и обвинители не могут доказать этого своего обвинения. Тут же, однако, Павел смело признаёт, что он действительно исповедует то учение, которое обвинители называют «ересью». Определяя сущность этого учения, апостол настойчиво и усиленно указывает на единство Нового Завета с Ветхим, которого держится синедрион: «я служу Богу отцов моих, верую всему, написанному в законе и пророках», то есть моё Богопочтение не есть отпадение от религии отцов моих и всего иудейского народа, но служение тому же Богу, Которого чтут и мои обвинители. Здесь апостол опять упоминает о надежде на воскресение мёртвых, которой придерживаются и иудеи. Члены синедриона на этот раз были сдержаннее, чем перед лицом тысяченачальника в Иерусалиме,

тем более что они тогда же ещё, вероятно, заметили невыгоду для себя от разделения в своей среде, а потому саддукеи в этот раз смолчали. Исповедуя христианское учение, апостол старается сохранить непорочную совесть в отношении к Богу и людям, а потому обвинение его в принадлежности к христианству не есть, в сущности, обвинение, так как принадлежность к христианству не есть вина. Затем апостол защищается против последнего обвинения в том, что он будто бы пытался осквернить храм. Прошло, вероятно, около четырёх лет со времени последнего посещения святым Павлом Иерусалима, почему он и выразился: «после многих лет я пришёл, чтобы доставить милостыню народу моему и приношения» – цель его прибытия в Иерусалим была: доставить милостыню и приношения народу своему и поклониться во храме Бога истинного с принесением Ему жертвы, а вовсе не мятежническая. Он не только не осквернял храма, а наоборот, вошёл в него с надлежащим по закону очищением, и не с народом, и без шума. Схватили его не те, которые теперь его обвиняют, а «некоторые Асийские иудеи», которым и надлежало бы обвинять его и которых, однако, здесь нет, ибо им не в чём обвинить его. В заключение апостол потребовал, чтобы обвинители, не могущие доказать ни одного из возведённых на него обвинений, сказали хотя бы, какую неправду, или, точнее, какое преступление они нашли в нём, когда он стоял перед синедрионом, – разве только сочтут преступлением то слово, которое он сказал им, что за учение о воскресении мёртвых судим он ныне. Глубокая святая ирония слышна в этих словах.

Отсрочка решения

(стихи 22–23)

Феликс хорошо понял религиозное свойство обвинения, тем более что он, как давнишний уже прокуратор, не мог не знать о христианстве, находясь к тому же в Кесарии, где римский сотник Корнилий принял христианство. Он отказал обвинителям в утвердительном приговоре, но, не желая раздражать их, не освободил совершенно и Павла, а отложил дело до нового рассмотрения под предлогом, что придёт Лисий для нового разбирательства. Заключение Павла он сделал умеренным, так что все друзья его могли приходить к нему и служить ему.

Беседа Павла с Феликсом и Друзиллою и прибытие нового прокуратора

(стихи 24–27)

Некоторое время спустя Феликс со своей женой Друзиллой, которая, будучи иудеянкой, могла судить о деле, велел призвать Павла и слушал его о вере во Христа Иисуса. Эта Друзилла была дочерью царя Ирода Агриппы I, который умертвил Иакова, известная тогда красавица в Кесарии. Конечно, и сам Феликс был заинтересован личностью Павла, но, вероятно, главным образом желала видеть и слушать одного из главнейших проповедников христианства Друзилла. Павел говорил Феликсу и его жене не о том только, что они желали слушать, но и о том, чего они, конечно, не хотели, но что апостол считал своим долгом сказать им: «о правде, о воздержании и о будущем суде». Эти слова апостола привели в страх жестокого и распутного Феликса, который, по словам римского историка Тацита, позволял себе всякого рода несправедливости и невоздержание и «всякие злодейства совершал безнаказанно», и он отослал проповедника, обещаясь позвать его после. Какова была настроенность прокуратора, видно из того, что он надеялся получить с Павла взятку за его освобождение, а потому показывал ему своё благоволение, часто призывая его к себе и беседуя с ним. Зная, конечно, что христиане принимают большое участие в судьбе узника, он рассчитывал, что они дадут достаточно большой выкуп за его освобождение. Так продолжалось два года. В 60 или 61 году по Р. Х. Феликс был отозван с прокураторства и замещён Порцием Фестом. О нём мало что известно, но, впрочем, только доброе; он правил недолго и умер в следующем году, а на его место был прислан Альбин. Желая оставить по себе добрую память у иудеев, Феликс так и не освободил апостола Павла, хотя, видимо, считал его невинным; Павел продолжал оставаться в узах, считаясь находящимся под судом.

Глава двадцать пятая

Прокуратор Фест в Иерусалиме и жалобы ему на апостола Павла со стороны иудеев (стихи 1–6). Апостол Павел на суде перед Фестом (стихи 7–12). Царь Агриппа II и Вереника в Кесарии и желание их слушать апостола (стихи 13–27)

Прокуратор Фест в Иерусалиме и жалобы ему на апостола Павла со стороны иудеев

(стихи 1–6)

Вступив в должность, Фест через три дня отправился в Иерусалим, и там первосвященник и знатнейшие из иудеев тотчас же явились к нему с жалобой на Павла, прося его вызвать Павла в Иерусалим, с тем же расчётом убить его по дороге. Первосвященником был тогда Измаил, сын Фаби, которого ещё Феликс поставил на место смещённого им Анании. Фест был настолько благоразумен, что не послушался их подущений и отказал в исполнении их просьбы. Он сказал им, что Павел содержится под стражей в Кесарии и он сам туда скоро вернётся, так что нет надобности вызывать узника в Иерусалим, и предложил обвинителям, именно «знатнейшим», то есть облечённым соответствующими правами и властью, идти в Кесарию, чтобы там вести суд над узником. Так это и произошло.

Апостол Павел на суде перед Фестом

(стихи 7–12)

После пребывания в течение восьми или десяти дней в Иерусалиме Фест возвратился в свою резиденцию и на другой же день начал суд над св. апостолом. Конечно, обвинители его иудеи были уже здесь и стали возводить на Павла многие и тяжкие обвинения, которых не могли доказать. Из ответа апостола в 8 стихе можно видеть, что это были всё те же обвинения, какие излагались ими и на суде перед Феликсом, но одно было или совсем новое, или более резко подчёркнутое: какое-то преступление против кесаря, надо полагать того же свойства, что и клевета солунских иудеев, то есть, что Павел признаёт царём Иисуса и других учит тому же (17:6 и далее). Павел устраняет эти обвинения решительным заявлением, что он не сделал никакого преступления ни против закона иудейского, ни против храма, ни против кесаря. Тогда Фест, желая сделать угодение иудеям, спросил его: «хочешь идти в Иерусалим, чтобы я там судил тебя в этом?» Этот вопрос мог иметь двоякий смысл: «Хочешь ли идти в Иерусалим, чтобы я, как судья, судил тебя там в присутствии синедриона, или – чтобы там судил тебя синедрион в моём присутствии?» В первом смысле суд должен был бы производиться над Павлом как римским гражданином, по римским законам, с применением только к национальным еврейским; во втором – суд должен был бы вестись по национальным еврейским законам с применением только к римским. Поняв всю опасность этого, Павел решительно отверг это предложение прокуратора, сказав, что иудеев он ничем не обидел, а потому и не хочет судиться перед их верховным судилищем – синедрионом; поскольку же в лице прокуратора он предстоит перед судом кесаревым (так как прокураторы судили именем кесаря), то он, в обеспечение себя от пристрастного суда иудеев, требует себе суда лично пред кесарем в Риме, причём заявляет, что он готов подвергнуться наказанию смертью, если он только действительно сделал что-либо достойное смерти. Из этих слов Павла видно, что он не

надеялся на беспристрастие не только суда синедриона, но и суда прокураторского при замеченном желании Феста угодить иудеям. Несомненно, что на это требование суда в Риме апостола подвигли слова Господа, сказанные ему некогда, что как он свидетельствовал о нём в Иерусалиме, так надлежит ему свидетельствовать и в Риме (23:11). Теперь обстоятельства сложились весьма благоприятно для того, чтобы можно было отправиться в Рим, ибо каждый римский гражданин имел право апеллировать к самому кесарю. Эти слова Павла положили конец процессу. Рассмотрев с советниками, приемлема ли апелляция Павла, Фест объявил апостолу: «ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься» – в этих словах чувствуется неудовольствие прокуратора Павлом, понятное в нём после таких замечаний ему в ответе апостола (ст. 10–11).

Царь Агриппа II и Вереника в Кесарии и желание их слушать апостола

(стихи 13–27)

Спустя несколько дней в Кесарию прибыл, чтобы поздравить Феста со вступлением в должность, царь Ирод Агриппа II со своей сестрой Вереникой, или Вероникой (по-славянски: Верникия). Это был последний царь из фамилии Иродов, с которым этот царствовавший дом прекратился. Он был сын Ирода Агриппы I (см. гл. 12), правнук Ирода Великого, брат Друзиллы, жены бывшего прокуратора Феликса. Воспитывался он при дворе римского императора Клавдия, который недолго спустя после смерти отца его дал ему во владение Халкис в Сирии, а через 4 года (около 53 года по Р. Х.) всю прежнюю тетрархию Филиппа и тетрархию Лисания с титулом царя и полномочием – иметь попечение и надзор за храмом иерусалимским (при нём и была окончена постройка всего храма) и избирать иерусалимских первосвященников. Вереника была его родная сестра, бывшая сперва в замужестве за дядей своим Иродом, потом, по смерти его, жившая в незаконной связи с братом своим Иродом Агриппой I, потом вышедшая за киликийского царя Полемона и после бывшая в связи с Веспасианом и Титом. Так как Агриппа был в вассальных отношениях к Риму, то потому счёл своим долгом поздравить нового прокуратора. Считая Агриппу сведущим во всех иудейских делах, Фест обстоятельно изложил ему всё дело Павлово. Рассказ Феста возбудил в Агриппе желание видеть и слышать такого узника, против которого так вооружены иудеи и которого, однако, прокуратор находил невинным. Очень вероятно, что Агриппа и прежде слышал что-нибудь об апостоле, слышал, конечно, и о христианстве, равно как и Вереника, и теперь они рады были случаю видеть и слышать одного из самых важных проповедников христианства. Желание высокого гостя было исполнено на другой же день. Агриппа и Вереника с царской пышностью вошли в судебную палату с тысяченачальниками и знатнейшими гражданами. В Кесарии,

как резиденции прокуратора, было пять когорт римского войска и, следовательно, пять тысяченачальников. В общем, собрание это было весьма блестящим и многочисленным, и на это-то блестящее собрание, состоявшее из представителей военного и гражданского ведомства Кесарии с царём и его сестрой и правителем провинции, был приведён св. апостол Павел в узах (26:29). Представляя собранию узника, правитель изложил и побудительную причину: из представленных против Павла обвинений он вынес убеждение, что по римским законам он не подлежит смертной казни, но составить себе верного суждения о деле не может, а потому хотел бы слышать мнение присутствующих, и особенно царя Агриппы, как знакомого с местными учреждениями и обычаями страны, дабы было что написать об узнике государю, то есть императору Нерону.

Глава двадцать шестая

Защитительная речь св. апостола Павла перед Агриппой, Фестом и другими с изложением обстоятельств своей жизни и обращения ко Христу (стихи 1–29). Мнение Агриппы и присутствовавших о деле Павла: признание его невинным (стихи 30–32)

Агриппа, как царь и почётный гость прокуратора, председательствует в собрании, открывая и заканчивая его, но как воспитанный при римском дворе он, открывая собрание разрешением святому Павлу вести защитительную речь, не говорит: «позволяю», но: «позволяется тебе» – из вежливости по отношению к римскому правителю области. Тогда апостол Павел, простёрши руку не как знак к молчанию (как 12:17 и 13:16), но ради торжественности минуты и торжественности речи, начал говорить. Речь апостола замечательна тем, что она направлена не столько к личной самозащите, сколько к защите своего дела – проповеди христианства, к которой он призван. Поэтому тон речи – радостный, восторженный, победный. Это было последнее торжественное свидетельство святого апостола Павла о Христе на священной почве Палестины, произнесённое перед именитыми представителями иудейства и язычества.

Апостол начинает свою речь обращением к царю с таким же достоинством, с каким он незадолго перед тем обращался к Феликсу. Он выражает радость по поводу того, что имеет случай защищать своё дело перед царём, и притом – перед таким царём, который знает все обычаи и спорные мнения иудеев и, следовательно, лучше, чем другие, в том числе и прокуратор, может судить о его невиновности в тех преступлениях, в каких обвиняют его иудеи, считая его достойным смерти. Собственно речь в защиту себя апостол начинает ссылкой на свидетельство тех, кто знает его ещё до обращения его в христианство. Он указывает на то, что ещё с самых ранних лет своей юности он воспитывался не в Тарсе, где родился, а в Иерусалиме, куда, вероятно, привезли его ещё мальчиком для обучения закону Божию. Жил он, как фарисей, в полном согласии с

требованиями этой строжайшей консервативной секты иудейства. Затем апостол переходит к настоящему своему положению как узника и говорит, что не за измену своим прежним убеждениям его хотят судить и предать смерти, но единственно за общую у него со всеми иудеями надежду на мессианское царство, обещанное Богом предкам иудеев и ожидаемое всем народом. Иудеев особенно раздражало то, что апостол в основание своей проповеди о наступившем уже царстве Мессии полагал учение о Воскресении Иисуса из Назарета, потому он и говорит: «Ужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мёртвых?» Далее Павел признаёт, что он был ожесточённым гонителем тех, кто веровал в Иисуса из Назарета как воскресшего из мёртвых и обетованного Мессию, и рассказывает подробно, как произошло его обращение ко Христу на пути в Дамаск, со всеми подробностями, подобно тому, как это он сделал в своей речи перед народом в Иерусалиме (гл. 22). Здесь имеются некоторые особенности, отличающие этот рассказ и от первого рассказа самого апостола, и от повествования Деяписателя в 9 главе, но в общем и существенном все три рассказа совершенно одинаковы. Самой важной особенностью является более подробная передача содержания речи явившегося Господа Савлу, где Господь открывает ему цель Своего явления в том, что хочет сделать его Своим служителем и свидетелем наравне с прочими апостолами. Далее важно то, что Господь, по словам Павла, Сам обещал являться Своему новоизбранному свидетелю и открывать ему волю Свою, что мы действительно и видим в его истории, как, например, 22:17; 23:11 и др. «Избавляя тебя» – надо понимать в смысле: «сохраняя жизнь твою от опасностей, которым ты будешь подвергаться», что мы также видим осуществившимся в миссионерской деятельности Павла, когда он столько раз чудесно спасался от смертельной опасности, ему угрожавшей. Из слов Господа видно, что Павел поступал, в точности сообразуясь с ними, когда во время проповеди своей обращался всегда сначала к иудеям, а потом к язычникам. Господь объясняет Павлу и цель его посланничества: «открыть

глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету» – открыть их духовные очи для познания истины Божией, результат чего: «прощение грехов» по вере в Господа Иисуса Христа как Мессию. Далее апостол поясняет, что он не мог воспротивиться небесному видению, а потому и начал проповедовать – сначала иудеям в Дамаске и Иерусалиме и по всей земле Иудейской, а затем и язычникам; за это схватили его иудеи в храме и хотели убить его, но Бог помог ему, так что он мог жить до сего дня, проповедуя малым и великим и не отступая никогда от того, что предсказали Моисей и пророки, то есть что Христос должен был пострадать и, восстав первым из мёртвых, возвестить познание истины Божией как иудеям, так и язычникам. В этом месте энергическая и сильная речь Павла была прервана легкомысленно запальчивым («громким голосом»), резким замечанием прокуратора: как некогда Пилату речь Господа об истине, которую пришёл Он принести на землю, показалась пустым мечтанием и он прервал её полным отчаивающегося неверия вопросом (Ин. 18:37–38), так теперь Фесту, светскому языческому чиновнику, пламенная речь Павла показалась сумасбродством: «Безумствуешь ли ты, Павел? Большая учёность доводит тебя до сумасшествия». С большим достоинством отвечал на это св. апостол: «Нет, достопочтенный Фест, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла». Для уверения в этом язычника, не понимающего дела, св. Павел ссылается тут же на более понимающего иудея, царя Агриппу, к которому, главным образом, как к могущему более понимать, и обращена вся речь апостола. Апостол говорит, что он не верит, чтобы от царя Агриппы было скрыто что-нибудь из сего, то есть из того, что относится к жизни и деятельности Господа Иисуса Христа, ибо всё это «не в углу происходило», не в тайне совершалось, а на глазах всего иудейского народа в Иерусалиме и по всей Палестине. Решительным и неожиданным оборотом речи апостол вдруг обращается непосредственно к совести Агриппы и, как опытный «ловец человеков», едва не уловляет его, так что царь только легкомысленной остротой избегает этого уловления, но почти тотчас же закрывает собрание, из чего можно ясно понять, что нечто зашевелилось в

его совести. «Веришь ли, царь Агриппа, пророкам?» – неожиданно спросил Павел и тут же сам ответил на этот вопрос за смущённого царя: «знаю, что веришь». Воспитанный при дворе римского императора, Агриппа, наверное, оставался в душе иудеем. Окончание постройки при нём иерусалимского храма, начатой его прадедом, до какой-то степени свидетельствует, что хотя бы в самой глубине души его было зарыто чувство иудейской религиозности. Проницательный взор апостола усмотрел это и так сильно разбудил это чувство, что царь смутился, особенно при той обстановке, в которой он находился, – в присутствии римского правителя области, который смотрел на него, несомненно, как на римского воспитанника, чуждого «иудейских суеверий». Возбуждённое чувство иудея насильно подавляется ложным страхом и стыдом перед образованными римлянами, переходит в лицемерие и раздражается легкомысленной светской остротой: «ты не много убеждаешь меня сделаться христианином». На эту остроту святой Павел с задушевностью и трогательностью отвечал: «молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и все, слушающие меня сегодня, сделались такими, как я, кроме сих уз». Узы были похвалой святого апостола Павла (Еф. 3:1; 4:1; Флм. 1; Флп. 2:17), но, конечно, он не мог желать, чтобы все христиане были всегда в узах. Своим задушевым ответом Павел вновь разбудил совесть Агриппы, и тот, не будучи в состоянии более слушать его, поспешил закрыть собрание. Речь св. Павла носила в высшей степени отпечаток достоинства, свободы и любви, и это не могло не произвести впечатления на беспристрастных слушателей. Посовещавшись в стороне, царь с правителем признали Павла достойным освобождения от уз как человека ни в чём не повинного, но так как Павел потребовал суда кесарева, то правитель решил послать его в Рим к кесарю.

Глава двадцать седьмая

Путешествие св. апостола Павла из Кесарии в Рим: от Кесарии до Мир Ликийских (стихи 1–5); от Мир до Крита и предостережение Павла, которое не было принято во внимание (стихи 6–13). Сильная буря от Крита до Мальты, корабль на мели, спасение вплавь на берег (стихи 14–44).

Путешествие св. апостола Павла из Кесарии в Рим; от Кесарии до Мир Ликийских

(стихи 1–5)

Когда отъезд в Италию был решён, что произошло осенью 61 года, то св. апостол Павел вместе с некоторыми другими узниками был передан сотнику Августова полка по имени Юлий. Как видно из местоимения «мы», которое употребляет далее всюду Деятели, он был спутником св. Павла в этом путешествии. Вторым спутником апостола был, как упомянуто в 2 стихе, Аристарх Македонянин из Фессалоники. Что это был за Августов полк, определить точно невозможно; возможно, что это был отряд из гвардии самого императора Нерона, бывший по какому-либо случаю на востоке и теперь возвращавшийся в Рим, чем воспользовался прокуратор Фест для того, чтобы под его конвоем отправить узников. Так как в Кесарии не было корабля, который бы отправлялся прямо в Рим, то узников отправили на купеческом корабле сначала в Адрамит – приморский город в малоазийской провинции Мисии недалеко от Трояды и Асса. Сделано это было с тем расчётом, что по дороге в Адрамит, где, по-видимому, жил хозяин этого корабля, заходя в разные портовые города, можно будет найти корабль, идущий в Рим, и пересесть на него для дальнейшего путешествия прямо к цели. Так это и случилось. На другой день пристали к Сидону, древнейшему торговому городу Финикии. Поступая с Павлом человеколюбиво, сотник Юлий позволил ему сходить там к своим друзьям и воспользоваться их усердием, то есть, по-видимому, получить от них что-либо нужное на дорогу. Так обращался сотник с Павлом, вероятно, по приказанию Феста, а может быть, и сама личность св. апостола внушала к себе уважение и расположение благородного сотника. Из-за противных ветров корабль отклонился от своего прямого направления и приплыл в Кипр. Далее пришлось плыть вдоль берегов малоазийских провинций Киликии и Памфилии, чтобы зайти в пристань города Миры Ликийские. Это был цветущий тогда город в малоазийской провинции Ликии в 20

стадиях (около 4 вёрст) от моря, на реке, судоходной до самого города.

От Мир до Крита и предостережение Павла, которое не было принято во внимание

(стихи 6–13)

Здесь сотник нашёл александрийский корабль, готовый поднять якорь, чтобы плыть в Италию. Он пересадил на него конвой и узников. Вероятно, и этот корабль был купеческий, потому что нагружен был пшеницей (ст. 38), но почему он был в малоазийской пристани, неизвестно. Александрия и Египет были житницей Италии и вели с ней оживлённую торговлю, но отчего этот корабль шёл не прямо из Александрии в Италию, трудно сказать: может быть, противные ветры отвлекли его от прямого пути, а может быть, и другие торговые дела. Он был, как видно, очень большой, ибо, кроме груза, на нём могло поместиться 276 человек (ст. 37). По причине неблагоприятного ветра плыли очень медленно и поэтому только через несколько дней (вместо одного дня) достигли Книда, города в малоазийской провинции Карики на полуострове Книдии. Ветер помешал пристать к берегу. Оттуда доплыли до мыса Салмона на восточном берегу Крита. Пробравшись с трудом мимо него, корабль обогнул восточную часть острова и вошёл в бухту на южной стороне острова, носившую название Хорошие Пристани, близ города Ласея. Эта пристань была хорошо защищена от северо-западных ветров, которые именно и были противны курсу корабля, задерживали его и заставляли лавировать. Прошло уже много времени от начала путешествия, и «пост уже прошёл», без сомнения, важнейший пост дня очищения, 10 дня месяца Тисри, по-нашему, во второй половине сентября. Это было, следовательно, после осеннего равноденствия, когда плавание морское, особенно в тех местах, чрезвычайно опасно. Святой апостол Павел, основываясь на своём прежнем опыте морских путешествий (2Кор. 11:25), предостерегал от дальнейшего плавания как опасного не только для груза, но и для самой жизни путешественников. Но сотник более доверял кормчему и начальнику корабля, естественно, считая их более опытными, а так как пристань «Хорошие Пристани» неудобна

была для зимовки, то по совету многих решили дойти до пристани Финика, защищённой от юго-западного и северо-западного ветра, на том же южном берегу Крита и более удобной поэтому для зимовки. Так как подул южный ветер, то решили, что можно попытаться прийти в более безопасную пристань Финика, ибо южный ветер не грозил им опасностью, что отнесёт их в открытое море.

Сильная буря от Крита до Мальты, корабль на мели, спасение вплавь на берег

(стихи 14–44)

Они, однако, ошиблись в своих предположениях: неожиданно из ущелий гор поднялся бурный северо-восточный ветер, называемый «Эвроклидон», который не позволил им приблизиться к Финику, а понёс их прочь в открытое море. Бессильные бороться против урагана, моряки предоставили кораблю носиться по воле волн и ветра. Когда корабль проносился мимо островка, называемого Клавдой, к юго-западу от Ласеи и Хороших Пристаней, они едва смогли удержать лодку, которая обыкновенно на всякий случай плыла сзади, причаленная к кораблю. Подняв лодку, стали обвязывать корабль крепкими канатами и цепями, чтобы напором шторма его не разломило, а чтобы замедлить быстрый ход корабля и не сесть на мель, каковая была вдоль африканского берега, недалеко от Триполиса к востоку (Большой Сырт), спустили парус. Так как ураган не затих и на другой день, то, чтобы облегчить корабль, стали выбрасывать груз, а на другой день побросали с корабля вещи. Положение мореплавателей становилось всё более и более тяжёлым, так что исчезала всякая надежда на спасение: в течение многих дней они не видели уже ни солнца, ни звёзд, так что не могли даже определить, куда их несёт (компаса тогда ещё не знали). Погружённые в отчаяние люди ничего даже не ели, и тогда святой Павел выступил ободрителем всех, вдохнувшим в них дух терпения и надежды на спасение. Кротко упрекнув их в том, что они не послушались его совета, он ободрил их рассказом о явлении ему Ангела Божия, который сказал ему: «не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесарем, и вот, Бог даровал тебе всех плывущих с тобою», то есть ради того, что Павел должен предстать перед кесарем, Бог избавляет от гибели и всех плывущих с ним. Для большего удостоверения слушателей апостол выражает свою уверенность, что всё это будет так и что они будут выброшены на какой-нибудь остров. В четырнадцатую

ночь после выхода из бухты «Хорошие Пристани» корабельщики на основании, вероятно, доносившегося до них гула от морского прибоя, стали догадываться, что приближаются к какой-то земле. Здесь море, по которому носился корабль, называется «Адриатическим», между тем как теперь таковым называется лишь Венецианский залив, а это море, по которому они плыли, называется теперь Ионическим. В древности же Адрией, или Адриатическим морем, называлось всё пространство между Грецией с востока, южной Италией и Сицилией с запада, в какое пространство входили остров Мальта. Начали измерять глубину: оказалось двадцать сажень, а немного спустя пятнадцать сажень, из чего можно было заключить, что недалеко земля и есть опасность попасть на подводные камни, каковых особенно много бывает около небольших островов. Тогда бросили с кормы четыре якоря, чтобы корабль прочно держался на одном месте, и стали выжидать наступления дня. Чрезвычайно напуганные корабельщики хотели воспользоваться темнотой ночи, чтобы бежать на лодке с корабля, оставив пассажиров на произвол судьбы. Апостол уразумел умысел их, когда они стали спускать лодку, и предупредил сотника, что бегство корабельщиков грозит гибелью пассажирам, которые сами не смогут спастись, не умея управлять кораблём. Характерны слова святого апостола: «вы не можете спастись» – он говорил «вы» потому, что в своём собственном спасении был уверен. Воины отсеки верёвки, коими лодка была привязана к кораблю, и она упала, а потом, конечно, была отнесена волнами. Перед наступлением дня святой Павел вновь стал ободрять своих спутников надеждой на спасение и уговорил их принять пищу, в чём сам дал пример, возблагодарив Бога перед всеми. Укрепившись пищей, снова стали облегчать корабль, выкидывая пшеницу в море, ибо 276 пассажиров на корабле уже сами по себе представляли большую тяжесть. Когда настал день, они не могли определить, что за земля была, к которой прибило корабль, но разглядели залив с отлогим берегом и решили попытаться ввести туда корабль. Подняв якоря и развязав рули, которые обыкновенно завязываются во время сильной бури и во время стоянки, чтобы обезопасить их от

напора волн, подняли малый парус, чтобы медленно подойти к берегу. Однако корабль наткнулся на косу и сел на мель: нос увяз в песке, а волны начали разрушать корму. Тогда воины хотели умертвить своих узников, чтобы кто-нибудь из них не убежал вплавь, но сотник, желая спасти святого апостола Павла, удержал их от этого: вероятно, по чувству личного уважения к Павлу, а может быть, и по поручению прокуратора, он хотел сохранить ему жизнь. Он нашёл другое средство удержать узников от побега: велел тем из стражи или конвоя, кто умеет хорошо плавать, первыми броситься и выйти на берег; таким образом, на берегу составила стража, которая могла принять спасавшихся узников и стеречь их. Остальные на разных досках, обломках от корабля все спаслись, выйдя на землю.

Глава двадцать восьмая

Продолжение путешествия св. апостола Павла в Рим: гостеприимство иноплеменников на острове Мелит. Ехидна, не причинившая Павлу вреда. Исцеление Павлом многих больных на острове и дальнейшее путешествие (стихи 1–14). Прибытие в Рим (стихи 15–16). Двукратная беседа св. Павла с римскими иудеями (стихи 17–29). Заключение книги Деяний апостольских (стихи 30–31)

Гостеприимство иноплеменников на острове Мелит.

Ехидна, не причинившая Павлу вреда. Исцеление Павлом многих больных и дальнейшее путешествие

(стихи 1–14)

Спасшиеся от кораблекрушения узнали от жителей острова, собравшихся на берегу, что остров называется Мелит. Некоторые из древних толкователей полагали, что это маленький островок в собственно Адриатическом море, близ берегов Далмации, около Рагузы, ныне называемая Меледа, но против такого предположения говорит то, что в собственно Адриатическом море не бывает таких сильных бурь, что от Крита корабль несло северо-восточным ветром, почему он не мог попасть от критских берегов на север, и, наконец, от того Мелита ближайший путь на Рим не мог бы быть через Сицилию (см. ст. 12). Новейшие исследователи почти единогласно признают, что остров, на который были выброшены св. апостол Павел со спутниками, был нынешняя Мальта, древний Мелит, в 15 географических милях (около 100 вёрст) к югу от Сицилии и около 50 миль от африканского берега. Сюда они действительно могли быть принесены от Крита после бурного плавания северо-восточным ветром, и отсюда прямой путь в Рим действительно был через Сицилию и по западному берегу Италии, как описано далее (ст. 12–13). Притом на Мальте до сих пор существует предание о пребывании там апостола Павла, тесно связанное с дальнейшим рассказом книги Деяний. Жителей Мальты Деесписатель называет «варварами» («иноплеменниками») с точки зрения греков и римлян, которые всех не говоривших по-гречески и по-латыни называли варварами. Поселенцы Мальты, вероятно, были пунического происхождения (финикийско-карфагенского). Они оказали тёплое гостеприимство потерпевшим кораблекрушение, разложив огонь, чтобы согреть их, так как был дождь и холод. Когда Павел собрал много хвороста и бросил его в огонь, оцепеневшая от холода в хворосте ехидна от жара пробудилась, вышла из огня и повисла на руке у Павла. Жители острова, увидев эту ядовитейшую

змею на руке у Павла, были уверены, что его ожидает немедленная смерть от её укуса, и стали говорить, что он, вероятно, убийца, если его, спасшегося от моря, суд Божий не оставляет жить. Но когда они увидели, что он стряхнул змею в огонь, не потерпев никакого вреда, то стали говорить, что он бог, то есть, по их языческому представлению, один из богов, принявший на себя образ человека. В настоящее время на Мальте нет ядовитых змей, а у туземцев есть предание, что с тех пор, как св. Павел стряхнул ехидну в огонь, вся эта порода ядовитых пресмыкающихся утратила свою ядовитость. Начальник острова по имени Публий, имевший поблизости имение, принял у себя его и дружелюбно в течение трёх дней угощал Павла и его спутников («нас», как выражается Деяния, то есть Павла, Луку и Аристарха, а конечно, не всех 276 путников, что особенно видно из 10 стиха). Тут Павел совершил чудо исцеления от лихорадки и кровавого поноса отца Публия, после чего к нему стали приводить и других больных на острове, и он также исцелял их. Благодарность их была велика, и они оказывали Павлу со спутниками много почестей и снабдили их всем нужным на дальнейший их путь.

Через три месяца по прибытии на Мальту, то есть когда прошла бурная осень и большая часть зимы и дальнейшее плавание не представляло уже опасности, они отплыли на александрийском корабле, называемом «Диоскуры», зимовавшем на Мальте, в Сиракузы – приморский город на юго-восточном берегу Сицилии, в 18 географических милях (около 125 вёрст) от Мальты. На носу кораблей делались изображения или богов, или животных, или других каких-либо предметов. На корабле, на котором Павел и его спутники отправились из Мальты, была надпись или изображение Диоскуры. Так назывались два известных в древности мифологических героя-близнеца Кастор и Поллукс, покровители, как их считали, мореплавания и защитники от морских бедствий. Пробыв в Сиракузах три дня, отплыли в Ригию, ныне Реджио в южной Италии, против города Мессины. Отсюда при благоприятном ветре быстро, на другой же день, прибыли в Путеолы, ныне Пуццоло, приморский город в одной миле от Неаполя. Гавань

Путеолы в то время была одна из самых значительных на западном берегу Италии, и именно для торговли с востоком; здесь обыкновенно разгружались торговые корабли, и потом уже сухим путём товары отправлялись в столицу тогдашнего мира – Рим. Дальнейшее путешествие должно было совершаться уже пешком. Но в ПUTEОЛАХ нашлись христиане, которые просили св. Павла и его спутников побыть у них, и они пробыли у них целых семь дней. Это указывает на громадное доверие и расположение к Павлу сотника Юлия. Надо полагать, что Павел и его спутники были оставлены здесь с небольшим конвоем, а остальные узники с прочим конвоем во главе с самим Юлием продолжили своё путешествие в Рим. Через семь дней Павел и его спутники направились в Рим по знаменитой Аппиевой дороге.

Прибытие в Рим

(стихи 15–16)

Многие римские христиане, узнав о прибытии славного апостола, поспешили ему навстречу до Аппиевой площади, небольшого городка в 42 римских милях (около 60 вёрст) на юг от Рима, и Трёх Гостиниц – местечка, называвшегося так потому, что там были гостиницы для проезжающих в 10 милях (около 15 вёрст) от Рима. «Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился» – в этом внимании к нему римской братии он увидел добрый залог, что его узы не будут большим препятствием к его апостольской деятельности в Риме. Так исполнилась давнишняя мечта Павла – попасть в эту великую мировую столицу. Узники переданы были, как это всегда делалось, особому военачальнику, одному из префектов преторианцев, в обязанностях которых было принимать и стеречь прибывающих из провинции на суд кесарев лиц. Но для Павла было сделано исключение: ему позволено было жить особо, отдельно от других узников, в особом помещении и свободно, только с одним воином, вероятно преторианцем, который должен был надзирать за ним. Такая свобода предоставлена была Павлу, вероятно, вследствие добрых отзывов о нём Феста и Юлия. Павлу было позволено выходить всегда со своим стражем, принимать приходящих к нему, писать послания. Таким образом, он имел некоторую степень свободы, которой и пользовался для своей апостольской проповеди.

Двукратная беседа св. Павла с римскими иудеями и заключение книги Деяний Апостольских

(стихи 17–31)

Через три дня после своего прибытия в Рим Павел созвал знатнейших иудеев Рима и рассказал им, что, никогда ничего не сделавши против своего народа, ни против обычаев, какие он хранил от своих отцов, он был схвачен в Иерусалиме и предан на суд римскому правителю в Кесарии, что правитель, исследовав его дело, хотел освободить его, но, так как иудеи воспротивились этому, то ему ничего не оставалось, как потребовать суда кесарева, хотя у него и нет никакого намерения в чём-либо обвинять народ свой. Следуя своему обычаю, апостол, таким образом, и в Риме начал свою проповедь с иудеев, причём, не имея возможности, как узник, посетить их синагогу, пригласил их сам к себе и начал с самооправдания, дабы объяснить им причину своих уз. Это объяснение послужило поводом к началу его проповеди о Христе: «Я в узах из Иерусалима предан в руки Римлян» – так начал апостол свою проповедь. Иудеи отвечали Павлу, что они не получали никаких писем о нём и никто не делал им также и устно неблагоприятного отзыва о нём. Но о христианстве они слышали как «о ереси», о которой везде спорят, и хотели бы сами слышать о нём от него. В назначенный самими иудеями день уже не только знатнейшие, но и очень многие пришли к апостолу, желая его послушать, и он с утра до вечера излагал им учение о Царствии Божием, то есть учение христианское, приводя им пророчества о Христе Иисусе как о Мессии из закона Моисеева и пророческих ветхозаветных книг. Следствием беседы было то, что одни убеждались его словами, а другие не верили. Они уходили, ведя спор между собой, и Павел напомнил им в момент их ухода грозные слова Исаии пророка, предсказавшего ожесточение и неверие Израиля (в 6:9–10), заключив их тем, что спасение Божие будет предложено язычникам: они и услышат.

Заканчивается книга Деяний апостольских свидетельством о том, что св. Павел целых два года жил в Риме на своём иждивении, принимая всех приходящих к нему, «проповедуя Царствие Божие, и уча яже о Господе нашем Иисусе Христе, со всяким дерзновением невозбранно». Два года, очевидно, до освобождения от уз, а содержали апостола, надо полагать, заботившиеся о нём римские христиане. Отсюда апостол Павел написал свои послания к Филиппийцам, Ефесянам, Колоссянам, Филимону и Евреям. Неожиданное окончание книги Деяний в самый интересный момент прибытия св. Павла на суд кесарев убедительно свидетельствует о её подлинности и о том, что она написана в это время и до вторых уз апостола Павла и его мученической кончины в 67 году.

Соборные послания

Значение наименования некоторых посланий «Соборными»

Под именем «соборных» понимаются семь посланий, написанных св. апостолами: одно – Иаковом, два – Петром, три – Иоанном Богословом и одно – Иудой. В составе священных книг Нового Завета они обыкновенно помещаются в наших православных изданиях непосредственно после книги Деяний. Название «соборные» дано этим посланиям не самими их писателями. Так они названы Церковью впоследствии, но, несомненно, очень рано. По свидетельству церковного историка Евсевия (V, 18), ещё писатель второго века Аполлоний, обличая какого-то монтаниста, выразился, что он, в подражание апостолу Иоанну, написал соборное послание.

В каком смысле название «соборный» («кафоликос») присвоено выше перечисленным апостольским посланиям?

Один из древнейших христианских писателей Климент Александрийский называет «соборным» послание апостольского собора в Иерусалиме, обращённое к христианам Антиохии, Сирии и Киликии, о чём повествует 15 глава книги Деяний. Так как это послание обращено не к каким-либо частным лицам или отдельным церквам, а ко всем христианским общинам вообще, то ясно, что «соборный» здесь употреблено в смысле «окружной». Из этого можно заключить, что и послания Иакова, Петра, Иоанна и Иуды потому называются «соборными», что они обращены не к отдельным церквам, как, например, послания апостола Павла, а ко всем христианам. «Соборными» в смысле «окружных» называются первое Петрово и первое Иоанново послания у Оригена и Дионисия Александрийского. Весь же состав посланий, известных теперь под именем «соборных», назван этим именем в первый раз у историка Евсевия. Хотя второе и третье послания Иоанна имеют частное назначение и потому не подпадают под такое понимание наименования «соборных», они присоединены к первому соборному посланию Иоаннову как его дополнения.

Как в приложении к Церкви со словом «соборный» стали соединять значение истинной, подлинной Православной Церкви («Экклесия кафолики» – Церковь соборная), так в приложении к этим посланиям с именем «соборный» стали соединять понятие послания истинного, подлинного, канонического, заключающего в себе неизменное правило для истинно христианской жизни. В этом значении называет «соборным» послание Иуды Ориген; такой же смысл влагает в это название по отношению ко всем этим посланиям Евсевий.

Все семь посланий названы, таким образом, в первый раз историком Евсеем соборными в смысле посланий окружных и имеющих подлинный канонический характер, в отличие от подложных посланий. Постепенно это название было принято всеми и вошло во всеобщее употребление.

Отличительный характер соборных посланий сравнительно с посланиями св. апостола Павла в том, что они содержат более общие и основные вероучительные наставления, в то время как содержание посланий апостола Павла приурочено к обстоятельствам тех местных церквей, которым он пишет, и имеет, таким образом, более специальный характер, хотя, конечно, не утрачивает своего значения для всех времён и мест в жизни Христовой Церкви. Кроме того, в посланиях Павловых сильно выдаётся личность самого апостола, нередко с историческими указаниями на разные обстоятельства его жизни, с выражением его собственных настроений и чувств радости, скорби, негодования и т. д. Между тем в соборных посланиях личности писателей не выступают наружу: там прямо предлагаются общеобязательные для всех христиан правила веры и благочестия.

Соборное послание святого апостола Иакова

Сведения о писателе

Писатель сам называет себя «Иаковом, рабом Бога и Господа Иисуса Христа» (1:1). В евангельской истории известно три лица с именем Иакова:

1) Иаков, сын Зеведея, – один из двенадцати апостолов и брат св. Иоанна Богослова;

2) Иаков Алфеев, брат св. апостола и евангелиста Матфея, тоже один из двенадцати;

3) Иаков, называемый братом Божиим, бывший одним из 70-ти апостолов Христовых и имевший братьями Иосию, Иуду и Симона (Мф. 13:55), ставший потом первым епископом Иерусалимским и получивший у иудеев прозвище «праведного». В отличие от двух других, принадлежащих к лику двенадцати, он назывался ещё «меньшим».

Св. Иаков Зеведеев очень рано окончил свою жизнь мученической смертью (около 44 года в Иерусалиме, согласно Деян. 12:2). Св. Иаков Алфеев, как известно из предания, проповедовал среди язычников. Между тем послание св. Иакова обращено к иудеям, находящимся в рассеянии (1:1). Церковное предание и относит соборное послание св. апостола Иакова третьему Иакову – брату Божию, бывшему первым епископом Иерусалимским. В качестве такового он мог считать находящимися под своим иерархическим ведением всех христиан из иудеев, где бы они ни находились. Кроме того, он пользовался великим уважением и авторитетом среди всех иудеев, даже и не уверовавших во Христа, за свою праведность. Он вёл строго подвижническую жизнь, был девственником, не пил ни вина, ни сикера, воздерживался от вкушения мяса, одежду носил только льняную и строго соблюдал закон, часто уединяясь для молитвы в иерусалимский храм. Иудеи, даже из числа не уверовавших во Христа, прозвали его «праведником» и «опорой народа». Ввиду всего этого естественно, что он мог обратиться с авторитетным властным словом ко всем «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии».

О жизни св. апостола Иакова сохранилось довольно много сведений. Он был старшим сыном Иосифа, обручника Пресвятой Девы, от первой его жены, родным братом упоминаемых в Евангелии Симона, Иуды и Иосии (Мф. 13:55) и названным братом Господа Иисуса Христа. Он сопровождал Иосифа и Марию с Младенцем Иисусом во время их бегства в Египет. По-видимому, он с братьями своими довольно долго не вполне веровал в Господа Иисуса как в Мессию (Ин. 7:3–5), почему, быть может, и не удостоился быть в числе ближайших двенадцати учеников Его. Но потом он всем сердцем уверовал, и Господь по Воскресению Своему удостоил его особенного явления Своего (1Кор. 15:7). По Вознесении Христовом он, как предназначенный к тому Самим Господом, был поставлен первым епископом Иерусалимской церкви и в качестве такового, а также как пользовавшийся особенно высоким уважением и самих апостолов, председательствовал на первом апостольском соборе в Иерусалиме (Деян. гл. 15). Надо полагать, что вся его деятельность сосредоточивалась в Палестине и он не ходил с проповедью по другим странам, подобно остальным апостолам. Жизнь свою окончил мученической смертью около 64 года, быв сброшен иудейскими начальниками с портика иерусалимского храма. Иудейский историк Иосиф Флавий, перечисляя причины падения Иерусалима в результате войны с римлянами, говорит, что Господь наказал евреев, между прочим, за убиение Иакова праведного. Предание приписывает св. Иакову, брату Господню, составление древнего чина Божественной литургии, который до сего времени совершается в Иерусалиме в день его памяти 23 октября.

Назначение послания, время и место написания его

Как видно из слов первого стиха, послание св. апостола Иакова было назначено и послано «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии», то есть евреям. По-видимому, речь автора обращена не только к евреям, принявшим христианство, но и к евреям, ещё не уверовавшим, тем более что те и другие долгое время не очень отделялись друг от друга и, как видно из книги Деяний, имели даже общие собрания. Апостол Иаков пользовался величайшим авторитетом и среди не уверовавших во Христа евреев, а потому мог обращаться и к ним с властным словом поучения. Выражение «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии» не исключает и евреев, живших в Палестине.

Время и место написания послания не указаны. Св. апостол Иаков скончался около 64 года по Р. Х. По-видимому, послание написано им незадолго до кончины, ибо состояние христианского общества из иудеев описывается в нём весьма сходно с изображением его в послании св. апостола Павла к Евреям. Большинство толкователей склоняются к мысли, что оно написано в 55–60 годах. Местом написания был, вероятно, Иерусалим или вообще Палестина, так как нет никаких данных о том, чтобы св. Иаков когда-либо оставлял Палестину.

Повод к написанию послания

Поводом к написанию послания св. Иакова были, вероятно, те скорби, которые переносили иудеи, жившие в рассеянии, как от своих неверующих братьев, так особенно от язычников. Испытания эти были столь велики, что многие, не находя в себе достаточно сил к их перенесению и не умея их согласить с ожидавшимися от Мессии благами для иудейского народа, стали падать духом и колебаться в вере. Среди внешних бедствий некоторые неправильно смотрели на источник этих бедствий, позволяя себе ропот на Самого Бога, но вместе с тем, думая по-прежнему видеть своё спасение в происхождении от Авраама, они неправильно смотрели на молитву, недооценивали значение добрых дел, из самомнения охотно становились учителями других. При этом богатые превозносились над бедными, вследствие чего велико было пристрастие к мирским благам, а братская любовь охладевала.

Всё это и побудило св. Иакова дать им необходимое нравственное врачевание в виде послания.

Подлинность послания Иаковлева

Из свидетельств Оригена и Евсевия Кесарийского известно, что подлинность послания Иаковлева не всеми в древней Церкви признавалась непререкаемой, что дало повод и Лютеру в новое время сомневаться в его подлинности, так как оно содержало неприятное для Лютера утверждение, что «вера без дел мертва» (2:26). Однако никто из известнейших и знаменитых отцов и учителей Церкви не высказывал сомнений в его подлинности. Поводом к сомнениям могло быть только то, что не все древнейшие писатели Церкви упоминают об этом послании, так как в нём мало материала для использования в их апологетическо-полемиических трудах, какие по преимуществу появлялись в первые времена Церкви. Кроме того, в надписании его ничего не говорится о его апостольском авторитете, так как св. Иаков, по смирению, умалчивает о своём апостольском достоинстве. Зато есть основания полагать, что такие древние христианские писатели, как Климент Римский, автор «Пастыря» Ерма, св. Иринея Лионский, Климент Александрийский и Тертуллиан, знали это послание. Имеется оно и в древнейшем сирском переводе 2 века Пешито. Со времени Евсевия Кесарийского всякие сомнения в подлинности этого послания прекращаются, послание признано всей Церковью и внесено в канон священных новозаветных книг.

Общий характер послания и его содержание

Общий характер послания чисто нравоучительный, причём нравственные увещания апостола отличаются особой силой, возвышенностью и аскетической строгостью. Изложение отрывочно, носит тон особенной важности и вместе с тем любвеобильности.

Содержит послание всего пять глав. Материал по главам расположен таким образом:

Глава первая: Надписание и приветствие (1). Учение об искушениях (2–4), о мудрости и молитве (5–8), о ничтожности богатства (9–11). Источник искушений – не Бог (12–18). Об обуздании гнева и языка и исполнении закона (19–26). Сущность подлинного благочестия (27).

Глава вторая: Увещание к нелицеприятному отношению к ближним (1–13). Учение о взаимоотношении между верой и добрыми делами (14–26).

Глава третья: Предостережение от самозванного учительства и от необузданности языка (1–14). Истинная и ложная мудрость (15–18).

Глава четвёртая: Обличительная речь против вожделений (1–3), против дружбы с миром (4–10), против злословия (11–12) и самонадеянности (12–17).

Глава пятая: Обличение жестокосердных богачей (1–6). Наставление о долготерпении и злостраданиях (7–13), о таинстве елеосвящения (14–15), об исповедании грехов (16–18), об обращении заблуждающихся (19–20).

Экзегетический разбор послания св. апостола Иакова

В начале послания св. Иаков, умалчивая о своём апостольском достоинстве, называет себя «рабом Бога и Господа Иисуса Христа». Обычное у древних приветствие «радоваться» в устах апостола, конечно, имеет особенное высшее значение радости о Господе Иисусе как Искупителе. После приветствия св. апостол сразу же начинает речь об искушениях, под которыми подразумеваются, несомненно, испытания нашей веры в виде разного рода бедствий, постигающих христианина в земной жизни. Эти испытания закаляют нашу веру и возводят нас все выше и выше к нравственному совершенству через подвиг терпения. Если в борьбе с искушениями человек чувствует свою слабость, он не должен унывать и малодушествовать. Он должен просить у Бога мудрости преодолеть искушения, «и дастся ему». Добродетель совершенного христианского терпения так высока, что без особой мудрости духовной, подаваемой от Господа Бога, она для слабых человеческих сил недостижима. «Но да просит с верою, нимало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой» (ст. 6) – «да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа. Человек с двоящимися мыслями не твёрд во всех путях своих» (ст. 7–8) – главное условие для получения просимого в молитве – твёрдая несумнительная вера. Это потому, что только через такую веру человек вступает в то нравственное единение с Богом, через которое Божественная благодать может сообщаться душе человека. Исполненный истинной христианской мудрости радостно переносит все испытания и превратности судьбы, богат ли он или беден. «Да хвалится же брат смиренный в высоте своей» (ст. 9) – «хвалится» сказано здесь в смысле: «да утешает себя» сознанием высоты своей в перенесении посылаемых Богом скорбей. Христианин вообще смотрит на скорби как на дело милости и благоволения Божия к нему. «А богатый (да хвалится)

унижением своим, потому что он прейдет, как цвет на траве» (ст. 10–11) – богатый может хвалиться или утешать себя лишь сознанием ничтожности, тленности своего богатства. «Блажен человек, который переносит искушение» (ст. 12), потому что надлежащим образом переносимое искушение способствует духовному совершенствованию человека и даёт ему «венец жизни». Господь посылает людям испытания не для вовлечения их во грех, а для укрепления их сил противостоять греху. И если человек падает в борьбе с искушением, то вина в этом самого человека, потому что «каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью» (ст. 14). А Господь всегда лишь содействует добру и нравственному совершенствованию человека: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца Светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (ст. 17).

Далее св. апостол говорит об отношении христианина к слову истины (ст. 18–27). Поскольку мы все рождены от Бога словом истины, надлежит нам всемерно заботиться о своём нравственном развитии, а для этого, прежде всего, быть «скорыми на слышание этого слова» и медленными на свои собственные слова, медленными на гнев, даже ради ревности за это самое слово истины, ибо «гнев человека не творит правды Божией» (ст. 20). Но нужно быть исполнителями слова, а не слушателями только, чтобы не походить на человека, который внимательно смотрится в зеркало и не принимает во внимание того, что в нём увидит, как будто и не смотрелся. Только деятельное проведение в жизнь всех требований нравственного Закона Божия делает человека истинно благочестивым: иначе у него «пустое благочестие» (ст. 22–27).

Во второй главе апостол обличает лицеприятие в отношении к ближним, которое является обычным спутником «пустого благочестия» и доказывает, что одна рассудочная вера, без согласования с нею всей жизни человека, не имеет никакого значения. Подобно тому, как одни слова участия не согревают и не насыщают нагих и голодных братьев наших, «так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (ст. 17). Что же собственно спасает человека: вера или дела? И нет ли тут противоречия

словам апостола Павла о том, что человек спасается верою независимо от дел закона (Рим. 3:28)? Надо полагать, что эти слова о необходимости для спасения живой деятельной веры и написаны св. Иаковом именно потому, что многие иудеи превратно поняли слова апостола Павла. Апостол Павел настойчиво проповедовал иудеям, что со времени пришествия Христа Спасителя обрядовый Моисеев закон утратил всякое значение и для спасения нужна вера во Христа Спасителя, а не дела закона Моисеева. Многие из иудеев поняли эту мысль в смысле безусловного отрицания вообще добрых дел для спасения и достаточности одной только веры в пришедшего Мессию. Св. апостол Иаков и подчёркивает, что одной холодной рассудочной веры для спасения недостаточно, ибо «и бесы веруют и трепещут» (2:19). Смысл слов апостола Иакова тот, что истинная спасающая вера тесно связана с доброделанием: вера первенствует и предшествует, как причина, а дела последуют, как её следствие. Таким образом, ни вера, ни дела, в отдельности друг от друга, не спасают человека, ибо друг без друга они невозможны: это две нераздельные, хотя и различные стороны одного и того же предмета. «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чём-нибудь, тот становится виновным во всём» (ст. 10). Почему так? Потому что весь закон со всеми своими многочисленными и многообразными заповедями частными есть выражение одной воли Одного Законодателя Бога и преступление одной заповеди есть, таким образом, неповиновение воле Единого Законодателя и, следовательно, преступление против закона вообще. Блж. Феофилакт под «всем законом» понимает здесь христианскую любовь, к которой, по словам Самого Господа, сводится «весь закон и пророки» (Мф. 22:40): «кто любит ближнего, тот не будет ни прелюбодействовать, ни убивать... не о том говорится, чтобы добродетели вовсе не имели никаких недостатков, а о том, что любовь должно иметь не недостаточную, не лицепрятную, а всецелую. То же можем сказать и о других добродетелях. Кто несовершенно держится целомудрия или справедливости, а что-нибудь опускает, тот, хромая в исполнении, вредит всему

телу добродетели. Итак, под всем законом должно разуметь закон о любви».

«Милость превозносится над судом» (ст. 13) – суд по правде Божией грозит осуждением всякому грешнику, а грешны пред правдою Божьей все и верующие христиане; но милость, благотворительная любовь по Закону Божию носит в себе уверенность, что она превозможет угрожающую силу суда и освободит от заслуженного наказания за грехи, оправдает, спасёт» (еп. Михаил).

Вот какое большое значение, следовательно, имеют дела – дела христианской любви, дела милосердия к ближним. Св. Иаков указывает дальше, что и ветхозаветные праведники, как Авраам и женщина Раав, содействовавшая евреям при взятии Иерихона, спаслись не верой только, но и делами, которыми они проявили свою веру. «Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (2:26).

Пустое благочестие, не идущее дальше слов, часто проявляется в стремлении учить других, как надо жить. В третьей главе св. апостол Иаков и обличает эту страсть к учительству. Он показывает тут, какое громадное значение в жизни имеет слово человека, и какая великая нравственная ответственность лежит на учителе, и поэтому с какой осторожностью нужно браться за служение учителя жизни. «Не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению» (3:1). Значение языка как органа речи в жизни человеческой св. Иаков сравнивает с удилами, рулём и огнём. В руках человека маленькие удила заставляют подчиняться себе сильного и резвого коня, а небольшой руль даёт направление громадному кораблю, несмотря на противодействие сильных ветров. «Так и язык небольшой член, но много делает, посмотри, небольшой огонь, как много вещества зажигает, и язык – огонь, прикраса неправды», он «оскверняет всё тело и воспалит круг жизни» (3:5–6). Воспалённый сам от геенны, то есть от дьявола, отца лжи, язык не поддаётся обузданию собственными усилиями человека. Только при помощи благодати Божией человек может укротить свой язык. Призывая к этому христиан, св. апостол указывает на

несообразность того, что мы одним и тем же языком благословляем Бога и проклинаям людей. Ввиду обоюдоострого значения человеческого слова учить других имеет право только тот, кто укротил в себе греховную распущенность в слове и приобрёл, таким образом, истинную мудрость. Сущность христианской мудрости в том и заключается, что она есть не только голое знание, но и сама жизнь. Кто обладает подлинной христианской мудростью, тот чист в своих побуждениях и намерениях, кроток, скромен в желаниях, послушен старшим, то есть подчиняется авторитету, полон милосердия и добрых дел. В противоположность этой небесной мудрости, есть мудрость «земная, душевная, бесовская», источник которой отец лжи – дьявол; характерные проявления этой мудрости – зависть и сварливость, и в результате её влияния получается неустройство и всё худое.

В четвёртой главе св. апостол показывает плоды проповеди мудрости бесовской в общественной жизни. Проповедники этой мудрости тешат низменные вожделения людей, прививают любовь к земным благам и внушают горделивую мысль, что человек сам, собственными усилиями, без помощи Божией может достигнуть и счастья, и благополучия. Горькая действительность безжалостно разрушает эту самонадеянную и легкомысленную теорию устройства земного благополучия: в результате насаждения этой земной мудрости, господства её между людьми получается только вражда и распри во взаимных отношениях людей. Чрезмерная привязанность к земным благам и горделивая самонадеянность есть измена Богу и служение дьяволу. Поэтому «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» (4:6). Св. апостол и учит, поэтому, сокрушению о грехах своих и смирению, ибо только это нравственно возвышает человека. Без особой связи речи апостол даёт дальше наставление не злословить друг друга и не осуждать, ибо суд принадлежит Единому Богу, учит также не тщеславиться, ибо тщеславие ведёт к гордости.

Призывая христиан покориться Богу и противостоять внушениям дьявола, апостол в пятой главе обличает жестокосердых богачей, угрожая им карой Божьей, которая

превратит в ничто всякое земное богатство (5:1–6). Вместе с тем он увещевает страждущих от преследований богатых и, само собой разумеется, всех вообще христиан терпеливо переносить страдания и все жизненные невзгоды. Пределом этого долготерпения указывается пришествие Господне. Увещание к терпению подкрепляется указанием на земледельца: как он терпеливо ждёт плодов на своей жатве, так и христианин должен терпеливо ожидать плодов от своей жизни, когда явится Христос во славе Своей и воздаст каждому по делам его. «Пришествие Христово приближается» (точнее: «приблизилось»). Апостолы часто говорят о близости второго пришествия Христова. Оно действительно близко по внутренней нравственной связи второго пришествия с первым, ибо с момента пришествия Христа на землю наступила последняя эпоха мира, как называли эту эпоху ещё ветхозаветные пророки (например, Ис. 2:1; 4:2). Второе Пришествие Христово и потому близко, что мы не знаем ни дня, ни часа его и должны быть всегда готовы встретить его. Для усиления своего увещания к терпеливому перенесению страданий апостол указывает на примеры ветхозаветной истории: на пророков, которые терпели преследования со стороны народных властей, на великого ветхозаветного страдальца Иова, вознаграждённого потом за свои страдания Богом. Без связи речи затем св. апостол увещевает не злоупотреблять клятвой, то есть божбой, почти в тех же словах, как Сам Господь в Мф. 5:33–37. Во всех обстоятельствах жизни, как скорбных, так и радостных, надо обращаться к Господу с молитвой или прошения, или хвалы и благодарения. В болезнях апостол повелевает пользоваться врачеванием от пресвитеров церковных через помазание от них болящего елеем с молитвою: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (5:14–15). Здесь содержится указание на апостольское происхождение таинства елеосвящения, совершавшегося собором пресвитеров, почему оно и называется у нас ещё «соборованием». Несправедливо

протестанты видят в этом обыкновенное врачевание елеем. Целый ряд черт в этих словах апостола указывает, что это не простое врачевание, а именно таинство: повелевается призвать пресвитеров, или старейшин (как можно перевести буквально) церковных, а не светских, они должны сотворить молитву над болящим, призывается не один, а несколько пресвитеров, что для простого помазания не было бы нужно, ибо просто помазать елеем может и один человек; странно было бы указывать елей как лечебное средство от всех болезней, если бы речь шла о простом врачевании, а не о таинстве, в котором елей служит только видимым веществом; не елей, а «молитва веры исцелит болящего», и наконец, болящему отпускаются грехи. Всё это не оставляет сомнений в том, что апостол говорит здесь именно о таинстве. Для исцеления от духовных недугов – грехов – апостол советует христианам исповедовать друг другу согрешения. Связь с предыдущими словами о таинстве елеосвящения через союз «и» даёт основания полагать, что здесь имеется в виду исповедь перед духовником, то есть то же таинство покаяния, которое обычно соединяется с таинством елеосвящения. «Много может усиленная молитва праведного» (5:16) – под «праведными» здесь разумеются те люди, молитва которых более совершенна. Здесь, конечно, имеются в виду не только обладающие личной праведностью, но опять-таки пресвитеры, наделённые особым благодатным полномочием молиться за людей и совершать таинства. В пример того, как много может молитва праведного, св. апостол приводит молитву св. пророка Илии, заключившего небо и затем вновь отверзшего. Дабы не подумали, что этот пример не идёт для обыкновенных людей, апостол говорит, что «Илия был человек, подобный нам», то есть одинаковой со всеми людьми природы.

В заключение св. апостол говорит о величии миссионерского служения, имеющего целью обратить на путь правой веры уклонившихся от пути истины: «обративший грешника от ложного пути его спасёт душу от смерти и покроет множество грехов» (5:20). Говоривший ранее о необходимости добрых дел – дел милости телесных, св. апостол говорит здесь

о несравненно более важных добрых делах – делах милости духовной, имеющей особенно высокую цену в очах Божиих.

Первое соборное послание святого апостола Петра

Сведения о писателе

Как свидетельства древнейшего христианского предания, так и внутренние признаки, заключающиеся в самом послании, неоспоримо доказывают принадлежность его св. первоверховному апостолу Петру. Этим посланием пользуется в своих писаниях апостольский муж и ученик св. Иоанна Богослова св. Поликарп; знал его и пользовался им и св. Папий Иерапольский. Находим ссылки на это послание у св. Иринея Лионского и Тертуллиана, Климента Александрийского и Оригена. Находится оно и в сирском переводе Пешито.

Тон речи во многих местах послания вполне отвечает известной нам из Евангелия горячности темперамента апостола Петра; ясность и точность речи, сходство её с речами апостола Петра в книге Деяний также красноречиво свидетельствуют о несомненном авторстве св. Петра.

Св. апостол Пётр, называвшийся прежде Симоном, был сыном рыбака Ионы из Вифсаиды Галилейской (Ин. 1:42, 45) и братом св. апостола Андрея Первозванного, который и привёл его ко Христу. Св. Пётр был женат и имел дом в Капернауме (Мф. 8:14). Призванный Христом Спасителем за рыбной ловлей на озере Геннисаретском (Лк. 5:8), он при всяком случае выражал Ему свою особенную преданность и ревность, за что и удостоен был особенного приближения к Господу вместе с сынами Зеведеевыми (Лк. 9:28). Сильный, пламенный духом и решительный, он естественно занял первое место в лике Христовых апостолов. Он первым решительно исповедал Господа Иисуса Христа Христом, то есть Мессиею (Мф. 16:16), и за это удостоился наименования Камнем (Петром); на сем камне Петровой веры Господь обещал создать Церковь Свою, которую и врата адовы не одолеют (Мф. 16:18). Троекратное отречение своё от Господа св. Пётр омыл горькими слезами раскаяния, вследствие чего по Своём Воскресении Господь вновь восстановил его в апостольском достоинстве, троекратно, по числу отречений, поручив ему пасти агнцев и овец Своих (Ин. 21:15–17). Он первым содействовал распространению и

утверждению Церкви Христовой по сошествии Св. Духа, произнеся сильную речь перед народом в день Пятидесятницы и обратив 3.000 душ ко Христу, а спустя некоторое время другой сильной речью, по случаю исцеления хромого от рождения в храме, обратил ещё 5.000 (Деян. гл. 2–4). Первая часть книги Деяний (гл. 1–12) рассказывает по преимуществу о его апостольской деятельности. Но с того времени, как он, чудесно освобождённый Ангелом из темницы, ушёл в другое место (Деян. 12:17), о нём в книге Деяний упоминается ещё только один раз, при рассказе об апостольском соборе (гл. 15). Все остальные сведения о нём сохранились только в церковных преданиях, не очень полных и не вполне определённых и согласных друг с другом. Во всяком случае, известно, что он предпринимал путешествия с проповедью Евангелия по палестинскому, финикийскому и сирскому берегу Средиземного моря, был в Антиохии, где рукоположил первого епископа Еводия. Затем проповедовал в областях Малой Азии иудеям и прозелитам, потом в Египте, где рукоположил Марка в первого епископа для Александрийской церкви. Отсюда перешёл в Грецию (Ахаию) и проповедовал в Коринфе, что видно из 1Кор. 1:12. По преданию, св. Пётр из Греции отправился в Италию и был в Риме, затем посетил Испанию, Карфаген и Британию. К концу своей жизни св. Пётр снова прибыл в Рим, где и принял мученическую кончину вместе со св. апостолом Павлом в 67 году, будучи распят вниз головой.

Первоначальное назначение послания, повод к написанию и цель

Первоначальное назначение послания видно из самого надписания его: оно обращено к «пришельцам, рассеянными в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии» (1:1) – провинциях Малой Азии. Под этими «пришельцами» надо понимать главным образом уверовавших иудеев, ибо св. Пётр был преимущественно «апостолом обрезанных» (Гал. 2:7), но, как видно из некоторых мест послания (2:10; 4:3, 4), тут имеются в виду и язычники, которые, конечно, также входили в состав христианских общин Малой Азии, как это видно из книги Деяний и некоторых посланий св. апостола Павла.

Какие побуждения могли быть у св. апостола Петра писать малоазийским христианам, общины которых были основаны, как мы знаем из книги Деяний, св. апостолом Павлом?

Внутренним поводом, конечно, было для апостола Петра повеление Господа «утвердить братьев своих» (Лк. 22:32). Внешним поводом явились нестроения, появившиеся в этих общинах, а в особенности гонения, постигшие их со стороны врагов Креста Христова (что видно из 1Пет. 1:6–7 и 4:12, 13, 19; 5:9). Кроме внешних врагов, явились ещё более тонкие враги – внутренние, в лице лжеучителей. Пользуясь отсутствием св. апостола Павла, они начали искажать его учение о свободе христианской и покровительствовать всякой нравственной распущенности (1Пет. 2:16; 2Пет. 1:9; 2:1). Есть основания полагать, что сведения об испытаниях, постигших малоазийские общины, доставил св. апостолу Петру Силуан, бывший постоянным спутником апостола Павла, но по заключении апостола Павла в узы перешедший к св. Петру.

Цель послания, таким образом, – ободрить, утешить в скорбях малоазийских христиан и утвердить их в вере. Последнюю цель св. Пётр сам обозначает: «сие кратко написал я вам чрез Силуана, верного, как думаю, вашего брата, чтобы уверить вас, утешая и свидетельствуя, что это истинная благодать Божия, в которой вы стоите» (5:12).

Место и время написания послания

Местом, откуда св. Пётр написал своё первое послание, указывается Вавилон (5:13). Римо-католики, утверждающие, что св. апостол Пётр 25 лет был епископом города Рима, хотят видеть в этом «Вавилоне» аллегорическое наименование Рима. Едва ли уместна такая аллегория в прощальном приветствии. Естественнее видеть в этом настоящее название города. Нет надобности предполагать, что это был Вавилон Евфратский, о посещении которого св. Петром у нас нет известий. В Египте был небольшой городок на берегу Нила, основанный переселенцами из Вавилона, которые называли его тоже Вавилоном. В истории христианской Церкви известна церковь Вавилонская в Египте (Четьи Миней за 4 июня. Житие преп. Зосимы). Св. Пётр был в Египте, поставил там, в Александрии, св. Марка епископом, а потому вполне естественно, что он мог писать оттуда и при этом передавать привет от св. Марка.

Когда написано это послание, с точностью определить нельзя. Предположения о времени его написания основываются на том, что при св. Петре находились тогда Силуан и Марк, от лица которых апостол шлёт приветствия в Малую Азию (1Пет. 5:12, 13). Оба эти лица сопутствовали св. апостолу Павлу и были хорошо известны малоазийским христианам. Оставить его они могли, вероятно, лишь после того, как св. апостол Павел был взят в узы и отправлен в Рим на суд кесарев (Деян. гл. 26–27). Естественно было и Петру, именно после взятия Павла в узы позаботиться о его пастве. А так как первое послание написано незадолго до второго, которое, несомненно, было написано перед мученической кончиной св. Петра, последовавшей в 67 году, то дата написания первого послания определяется между 62 и 64 годами по Р. Х.

Содержание послания

Первое послание св. апостола Петра состоит всего из пяти глав. Содержание их таково:

Первая глава: Надписание и приветствие (1–2). Славословие Богу за благодать возрождения (3–5), ради которой должно радоваться в скорбях (6–9) и к которой относились изыскания пророков (10–12). Увещание к святости жизни (13–21) и взаимной любви (22–25).

Вторая глава: Наставления о духовном возрастании (1–3) и устроении (4–10), о добродетельной жизни (11–12), о покорности властям (13–17), о повиновении слуг господам (18–20). Пример страданий Господних (21–25).

Третья глава: Нравственные наставления жёнам (1–6), мужьям (7) и всем христианам (8–17). Христос пострадавший, сошедший в ад, воскресший и вознёсшийся (18–22).

Четвёртая глава: Наставления христианам относительно разных нравственных качеств и добродетелей (1–11), особенно же о неповинном злострадании (12–19).

Пятая глава: Наставления пастырям и пасомым (1–9). Благословение апостольское (10–11). Известия и приветствия (12–14).

Экзегетический разбор первого послания св. апостола Петра

Начинает своё первое соборное послание св. апостол Пётр словами: «Пётр, апостол Иисуса Христа» – нельзя не видеть, что св. апостол с нарочитою целью выставляет своё апостольское достоинство, ибо церкви, к которым он писал, не им были основаны и личного знакомства с ним не имели. Перечислив затем, к кому обращено его послание, св. Пётр на всем протяжении своего послания старается разными богодухновенными назиданиями подкрепить и возвысить нравственную жизнь угнетённых малоазийских христиан. В первых двух главах он раскрывает «величие и славу преподанного нам спасения в Иисусе Христе», что придаёт всему этому отделу догматический оттенок. В остальных главах преобладают исключительно нравственные наставления.

Христиан Понта, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии св. апостол называет «пришельцами» в двояком смысле: они живут вне своего отечества – Палестины; для христиан жизнь на земле есть странничество и пришельничество, ибо собственное отечество христианина – другой мир, мир духовный. Апостол называет их «избранными» в том смысле, что в Новом Завете все христиане составляют новый избранный народ Божий, каким в Ветхом Завете были иудеи (1:1). Избраны они «по предведению Бога Отца, при освящении от Духа, к послушанию и окроплению кровью Иисуса Христа» – все три Лица Пресвятой Троицы принимали участие в деле спасения людей: Бог Отец, по предведению Своему зная, кто из людей как употребит дарованную ему свободную волю, предопределяет людей ко спасению; Сын Божий Своею крестною смертью совершил самое дело спасения, а Дух Святой через благодать Свою освящает избранных, усваивая им дело спасения, совершённое Христом (ст. 2). Из глубины сердца, исполненного благодарностью Богу за искупление мира, апостол возносит вслед за тем славословие Богу, даровавшему людям «наследство нетленное», в противоположность чувственному

земному, которого ожидали иудеи от Мессии (ст. 3–4). Сказав далее, что сила Божия «через веру» соблюдает их «ко спасению», апостол внушает, что это спасение откроется во всей силе лишь в «последнее время»; теперь же и поскорбеть надлежит «немного», чтобы испытанная огнём искушений вера оказалась драгоценнее самого очищенного золота «в явление Иисуса Христа», то есть при втором Его пришествии (ст. 5–7). Заканчивает своё славословие св. апостол, указывая на великую важность домостроительства нашего спасения, к которому относились все изыскания и исследования пророков и которое так глубоко, что в него «желают проникнуть ангелы» (ст. 8–12). На основании всего вышесказанного апостол предлагает ряд нравственных наставлений, подкрепляя их высокими догматическими созерцаниями. Первое общее наставление – о совершенном уповании на благодать Христову с детским послушанием Богу как Отцу и стремлением уподобиться Ему святостью жизни: «будьте святы, потому что Я свят» (ст. 13–16). К этому должно побуждать высокое сознание того, какой ценой искуплены христиане: «не серебром или золотом», «но драгоценною Кровию Христа» (ст. 17–20). В этом высокое побуждение – хранить веру Христову и крепко держаться её, несмотря ни на какие искушения (ст. 21–25).

Во второй главе св. Пётр внушает христианам, что они, живя среди враждебно настроенных язычников, должны своей святой, добродетельной жизнью показать, что они «род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего их из тьмы в чудный Свой свет». Тогда и язычники, видя добродетельную жизнь христианина, сами обратятся ко Христу и прославят Бога за то, за что раньше злословили верующих.

Здесь в опровержение ложного учения римо-католиков о том, что камнем, на котором основана Церковь, является личность апостола Петра, важно отметить, что сам св. апостол Пётр называет «камнем» отнюдь не себя, а Господа Иисуса Христа, как видно из 4 стиха. Основание Церкви, её краеугольный камень – это Сам Христос, а все верующие, члены Церкви – «живые камни» – должны устроить из себя на

этом камне «дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу» (ст. 5) – как Бог в Ветхом Завете имел Свой храм и Своих священников, которые служили Ему принесением жертв, так в Новом Завете всё общество христиан в духовном смысле должно быть одновременно и храмом, и священниками. Это, конечно, речь образная, и этим не упраздняется священство как особый класс лиц, поставленных в Церкви для учения, совершения таинств и управления. Все верующие называются «священством святым» потому, что они должны «приносить духовные жертвы» Богу, то есть жертвы добродетели. Добродетели называются «жертвами» потому, что совершение их сопряжено с подвигом подавления своих страстей и похотей. В 6–8 стихах св. апостол вновь называет Господа Иисуса Христа «краеугольным камнем», приводя ссылку на пророчество Исаии 28:16, слова которого, несомненно, относятся к Мессии. Это пророчество и Сам Господь Иисус Христос относил к Себе (Мф. 21:42). В 9 стихе св. апостол называет христиан снова «родом избанным, царственным священством, народом святым, людьми, взятыми в удел» – все эти черты заимствованы из ветхозаветных наименований еврейского народа и приложены к христианам, так как в христианах окончательно пришло в исполнение то, что предначинательно означали эти имена в приложении к народу еврейскому (ср. Исх. 19:5–6). И св. Иоанн Богослов в своём Апокалипсисе говорит, что в духовном смысле Господь Иисус Христос соделал всех нас, христиан, царями и священниками Богу и Отцу Своему (1:6). Эти образные выражения, указывающие лишь на высокое достоинство христианского звания, конечно, нельзя понимать буквально, как делают это сектанты, отвергающие на основании этих слов апостола законно установленное в Церкви священство и царскую власть. «Некогда не народ, а ныне народ Божий» (ст. 10) – эти слова заимствованы из пророка Осии (2:23), где Бог, называя тогдашний народ еврейский не Своим народом, так как он по своему греховному образу жизни был недостоин того, обещает, что во время Мессии народ сделается достойным того, чтобы Бог сказал ему: «ты народ Мой». Обещание это исполнилось,

когда лучшая часть иудейского народа приняла учение Христово. Изречение это тем более можно отнести к христианам из бывших язычников. С 11 стиха апостол начинает чисто нравственные наставления, касающиеся внутренней и личной жизни христиан. Тут он как бы раскрывает подробно, в чём именно должно выражаться это царственное священство христиан, какие духовные жертвы должны они приносить и как должны себя вести, чтобы язычники, видя их добродетельную жизнь, прославили их за то, за что теперь злословят. Во главе гонителей христиан были языческие власти и высшие классы языческого общества, а христианство первоначально распространялось по преимуществу среди рабов. Бесправное положение этих рабов ещё более ухудшалось с принятием ими гонимой веры Христовой. Сознание несправедливости преследований могло не окрепших ещё в вере христиан побудить на ропот и сопротивление. Для предупреждения этого апостол в 13–19 стихах учит покорности всякому человеческому начальству «для Господа». Это повиновение и христианская свобода отнюдь не исключаются взаимно, а, напротив, свобода, понимаемая в истинном смысле, налагает обязанность повиновения и связанные с нею обязанности. Свобода христианская – это свобода духовная, а не внешняя: она состоит в свободе от рабства греху, греховному миру и дьяволу, но в то же время она есть рабство Богу и потому налагает обязанности, требуемые Словом Божиим. Можно злоупотреблять христианской свободой, перетолковывая понятие о ней и прикрывая ею всякую разнузданность, чего и надлежит бояться христианам. Предостерегая от такого злоупотребления понятием христианской свободы, апостол, может быть, имеет в виду появившихся тогда лжеучителей-гностиков. Призывая к терпеливому перенесению несправедливых страданий, апостол указывает на пример Самого Господа Иисуса Христа (ст. 20–25) и убеждает христиан «дабы мы шли по следам Его», то есть подражать Ему в терпеливом перенесении страданий.

В третьей главе св. апостол даёт нравственные наставления жёнам, мужьям и всем христианам. Жёнам

апостол заповедует, чтобы они повиновались своим мужьям. Здесь имеются в виду особенно жёны-христианки, бывшие замужем за мужьями-иудеями или язычниками, не принявшими Христовой веры. Положение таких жён было, конечно, весьма тяжёлым. У них, естественно, могло породиться искушение – быть под особым руководством лиц, уже просвещённых христианской верой, то есть чужих мужей, стать в особенные отношения повиновения чужим мужьям, через что могли порождаться недоразумения и нестроения в семейной жизни. Апостол с особенной заботой предостерегает таких жён от подобного искушения и внушает им повиноваться собственным мужьям, хотя бы они были и неверующие, указывая и высокую цель этого: «чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жён своих без слова приобретаемы были». Апостол внушает, что истинное украшение женщины-христианки состоит не во внешних уборах, а во внутренней красоте «кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом» (ст. 4). В пример апостол приводит Сарру, повиновавшуюся своему мужу Аврааму.

Тягостное положение женщины, как в древне-языческом мире, так и у евреев, побуждает апостола дать наставления и мужу относительно жены, дабы наставление о повиновении жены не подало мужу повода злоупотреблять этим повиновением. Муж должен обращаться с женой бережно, как с «немогущим сосудом» (ст. 5–7).

Далее апостол даёт нравственные наставления всем вообще христианам, внушая им радоваться, если они страдают за правду, ибо «и Христос... пострадал за грехи наши, праведник за неправедных, быв умерщвлён по плоти, но ожив духом, которым Он и находящимся в темнице духам, сойдя, проповедал» (ст. 18–19). Под этой «темницей», как показывает употреблённое здесь греческое слово, надо разуместь Ад, или «Шеол» – место, куда сходили, по верованию евреев, все души людей, умерших до пришествия Мессии; это место в преисподней, то есть под землёй или внутри земли. Это не ад в нашем смысле слова, как место вечного мучения грешников, но всё же место, как показывает его название, стеснительное для

духа человеческого, неприятное, нежелательное. Таким было это место до пришествия Христова для всех умиравших в Ветхом Завете людей, хотя, видимо, и там были все же разные степени, в зависимости от нечестия или праведности умерших. В эту «темницу» сходил Господь для проповеди о свершённом Им спасении человечества. Это было призвание всех умерших до Христа и находившихся в шеоле душ к вступлению в Царство Христово, причём покаявшиеся и уверовавшие без сомнения были освобождены из места их заключения и введены в открывшийся Воскресением Христовым рай – место блаженства праведников. По церковному преданию, эта проповедь Самого Христа во аде была предварена там проповедью о Христе св. Иоанна Предтечи (см. тропарь его). «Непокорным» – значит, что проповедь Христа Спасителя была обращена и к наиболее упорным грешникам, примером которых апостол поставляет современников Ноя, погибших от потопа. Из 6 стиха 4 главы можно заключить, что и из таковых были спасшиеся проповедью Христовою во аде: «ибо для того и мёртвым было благовествуемо, чтобы они, подвергшись суду по человеку плотню, жили по Богу духом». Этим апостол подчёркивает и то, что проповедь Христова была обращена ко всем без исключения людям, не исключая и язычников, и притом самых грешных из них (ст. 19–20). От мысли о потопе и о спасшихся в ковчеге в 20 стихе апостол переходит к таинству крещения, прообразованному потопной водой. В 21 стихе апостол определяет существо крещения. Оно не есть «плотской нечистоты омытие», подобное, например, многочисленным и многообразным омовениям иудейским, которые, очищая только тело, нисколько не касались нечистот душевных: оно есть «обещание Богу доброй совести». Эти слова не значат, конечно, что совесть благая, или очищение от душевных скверн, не даётся в крещении, ибо дальше сказано, что «крещение спасает воскресением Христовым» (ст. 21). Апостол указывает здесь только на необходимость для крещённого решиться начать новой жизнью по совести.

Четвёртая глава вся посвящена нравственным наставлениям. Эти нравственные наставления основаны на

мысли о страданиях Христовых: «поелику Христос пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью: ибо страдающий плотию перестаёт грешить» (ст. 1). Вся эта глава пронизана мыслью о терпеливом перенесении гонений за веру и о необходимости побеждать злобное отношение врагов веры добродетельной жизнью. «Страдающий плотию перестаёт грешить» – страдания телесные, от добровольного ли подвига самоумерщвления или от насильственного угнетения извне, ослабляют силу и действие человеческой греховности. Вместе с тем здесь выражена та же мысль, что и в 6 главе послания св. апостола Павла к Римлянам: о том, что сораспявшийся Христу и умерший с Ним умирает для греха, должен почитать себя мёртвым для греха, а живым для Бога. Апостол убеждает христиан не смущаться тем, что язычники злословят их за происшедшую в них коренную перемену в их жизни, напоминая, что и они будут судимы Богом за их распутство (ст. 2–6). «Близок всему конец» – в том смысле, что христиане всегда должны быть готовы к пришествию Христову. Из этого апостол выводит необходимость нравственной жизни для христиан и даёт ряд наставлений, ставя во главе всего любовь, потому что «любовь покрывает множество грехов» (ст. 8), как учит об этом и св. апостол Иаков. Заканчивается 4 глава наставлением мученикам: «огненного искушения... не чуждайтесь» (ст. 12). Христиане должны безбоязненно исповедовать свою веру, не боясь злословия и страданий, но прославляя Бога за такую свою участь (ст. 13–19).

Пятая глава содержит наставления пастырям и пасомым, апостольское благословение и заключительные приветствия. Пастырей апостол увещает пасти стадо Божие, надзирая за ним не принуждённо, но охотно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду. Пасомых назидает, чтобы они, повинаясь пастырям своим и отдаваясь смиренно водительству крепкой руки Божией, и сами же, однако, трезвились и бодрствовали, ибо противник дьявол как лев ходит, ища, кого поглотить. Три основных черты истинного пастырства указывает здесь св. Пётр:

1) «Пасите Божие стадо, надзирая за ним не принуждённо, но охотно и богоугодно» – здесь говорится о том, что пастырь сам должен быть исполнен любовью к своему великому делу, должен чувствовать к нему внутреннее призвание, чтобы не быть наёмником вместо истинного пастыря (5:2);

2) «не для гнусной корысти, но из усердия» – это вторая черта доброго пастырства, которую можно назвать бескорыстием. Это не то значит, что пастырь ничем не должен пользоваться от своих пасомых (см. 1Кор. 9:7, 13, 14), а лишь то, что пастырь не смеет свои личные выгоды и материальную прибыль ставить во главе угла своей пастырской деятельности;

3) «не господствуя... но подавая пример» – пастырь не может не иметь власти над своими пасомыми, но эта власть не должна носить характера мирского господствования с насилием, притеснением и угнетением, в котором бы сказывались элементы самолюбия; истинный пастырь должен сам являть собой добрый пример своему стаду – тогда он легко, без принуждения, приобретёт необходимый авторитет и духовную власть над ними (5:3). За такое доброе пастырствование св. апостол обещает «неувядаемый венец» от Пастыреначальника – Христа (5:4). «Также и младшие», то есть все не старцы, не пресвитеры, а младшие по положению в церковном обществе, то есть пасомые, «повинуйтесь пастырям», «все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» – «друг другу повинуйтесь» значит, что каждый в своём положении должен подчиняться старшим, начальственным над ним лицам и тем проявить смирение, которое одно только привлекает на человека благодать Божию (5:5–7). Апостол призывает к трезвению и духовному бодрствованию, указывая, что враг человеческого спасения дьявол «ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» – подобно голодному льву, дьявол, вечно духовно голодный и вечно раздражённый против тех, кого он не может поглотить, устрашает их, как лев своим рыканием, своей злобой и стремится причинить им какой-либо вред. Противостоять ему надо прежде всего «твёрдою верою», ибо вера соединяет со

Христом, Победителем дьявола (5:8–9). Заканчивает своё первое послание св. Пётр благожеланиями от Бога – быть твёрдыми, непоколебимыми в вере, передаёт привет от церкви в Вавилоне и от «сына своего Марка», и преподанием «мира во Христе Иисусе» (5:10–14).

Второе соборное послание святого апостола Петра

Первоначальное назначение, побуждение к написанию и цель послания

Как видно из 1 стиха 3 главы этого послания, оно написано было тем же самым малоазийским христианам, как и первое послание. В этом втором послании апостол Пётр с особой силой старается предостеречь верующих от развратных лжеучителей, деятельность которых, по-видимому, стала ещё более опасной, чем прежде. Эти лжеучения сходны с теми, которые обличает апостол Павел в своих так называемых «пастырских посланиях» к Тимофею и Титу. Большое сходство в обличении этих лжеучителей мы находим также с обличениями св. апостола Иуды. Оба апостола совершенно одинаковыми чертами изображают погибельных и развращённых еретиков, лжеучение которых угрожало вере и нравственности христиан (сравни гл. 2 послания Петрова с посланием св. Иуды). Эти лжеучения имели свой корень в безнравственности и языческой гордости.

Время и место написания послания

Для определения этого могут служить слова св. Петра в 14 стихе 1 главы этого послания: «Знаю, что скоро должен я оставить храмину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне». Следовательно, послание это написано незадолго до мученической кончины св. апостола Петра, последовавшей, как гласит предание, в 67 году. А так как это второе послание написано после первого, то его со всей вероятностью можно отнести к 65–66 годам. Последние годы своей жизни св. апостол Пётр, по тому же преданию, провёл в Риме, где и скончался мученической смертью вместе со св. апостолом Павлом. Отсюда естественно заключить, что второе послание Петрово написано в Риме. Это как бы его предсмертное завещание.

Подлинность сего послания

Второе послание Петрово в древнейшей христианской Церкви, по-видимому, не так было распространено, как первое, а потому высказывались сомнения в его подлинности. Его не было в сирском переводе Пешито. Но указания и намёки на существование этого послания мы находим уже у таких апостольских мужей, как св. Климент Римский, Ерма, Варнава, Поликарп. Ясные указания на него имеются у Иустина Мученика, Иринея Лионского и Феофила Антиохийского. По свидетельству Евсевия, Климент Александрийский писал даже толкование на это послание. Ориген прямо приводит это послание, не скрывая сомнений в его подлинности. В IV веке Евсевий помещает его в составе соборных посланий, причисляя его, впрочем, к спорным. Иероним в своём каталоге принимает это послание как подлинное. Дидим Александрийский не сомневается в его каноничности. С IV века все сомнения в его подлинности прекращаются.

Бóльшая часть послания несомненно носит на себе отпечаток личности св. апостола Петра, как и первое послание. Если же и есть иногда различие в языке по сравнению с первым посланием, то оно не так значительно и легко может объясняться тем, что св. Пётр при простом своём образовании не мог сохранять твёрдую и строго определённую печать слога во всех частностях и подробностях своих писаний. Общий же характер послания, несомненно, апостольский, и именно Петров.

Содержание послания

Второе послание Петрово имеет всего три главы со следующим содержанием:

Первая глава: Надписание и приветствие (1–2). Восхождение по добродетелям (3–9). Убеждение в твёрдости указанием на кончину (10–15). О Преображении Христовом (16–18). Ветхозаветное пророчество (19–21).

Вторая глава: Лжепророки и лжеучители (1–3). Примеры божественного наказания (4–9). Подробнейшая характеристика лжеучителей (10–15). Пример Валаама (15–16). Продолжение характеристики (17–19). Горе им (20–22).

Третья глава: Лжеучители и лжеучение о втором пришествии Христовом и кончине мира с новым небом и новою землею (1–15). Апостол Павел (16). Последние наставления (17–18).

Экзегетический разбор второго послания Петрова

Первую главу можно назвать наставительной, вторую – предупредительной, а третью – пророческой.

Первая глава начинается, как обычно, надписанием, в котором автор послания называет себя «Симоном Петром, рабом и апостолом Иисуса Христа», а своих читателей возвышает до себя, как «принявших» с ним «равно драгоценную веру». Впрочем, возможно, что этим выражением апостол хотел только подчеркнуть, что христиане из иудеев не имеют преимущества перед христианами из язычников, что вера и тех и других одинаково драгоценна в очах Божиих (1:1). Во 2 стихе он выражает пожелание: «благодать вам и мир да умножится в познании Бога и (Христа) Иисуса, Господа нашего» – этим он как бы хочет сказать, что изобилие благодати и мира зависит от познания Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа: чем это познание больше и глубже, тем более обильные благодатные дарования мы получаем.

Далее апостол начертывает лестницу деятельного восхождения к вершине христианского совершенства. В основание этой лестницы апостол ставит веру и указывает, что с верой должны быть связаны усилия доказать её истинность добродетелями, которые приводят постепенно к вершине христианского совершенства – к любви (ст. 3–8). Кто небрежит об этих плодах истинной веры, «тот слеп» (ст. 9). Предложив лестницу христианского совершенства, св. апостол Пётр убеждает восходить по ней: «старайтесь делать твёрдым ваше звание и избрание» (ст. 10). Апостол беспокоится, пойдут ли наставляемые по начертанной им лестнице, а потому считает необходимым повторять им свои наставления, пока он ещё находится «в этой телесной храмине», «зная, что скоро должен оставить храмину свою». Апостол увещевает и после его отшествия приводить на память его наставления, ибо он учил их не бездоказательно, а как очевидец – свидетель славы Божественного Учителя Иисуса Христа, которой он удостоился быть зрителем на Фаворе во время Преображения (ст. 10–18). А

если и сего недостаточно, то «мы имеем вернейшее слово пророков», которые за долгое время предсказали всё то, что мы видели и слышали и чему вас научили (ст. 19). Апостол указывает руководиться этим пророческим словом, которое сияет, как светильник в тёмном месте, в не просвещённом ещё светом учения Христова человеческом сердце до тех пор, пока «не начнёт рассветать день и не взойдёт утренняя заря в сердцах их» – прекрасный образ просвещения человеческой души, воспрянувшей от греховного сна светом учения Христова. «Никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» – свидетельство Богодуховности пророческих писаний.

Во второй главе св. апостол предостерегает от лжеучителей, предупреждая, что как в прежние времена являлись лжепророки, так будут они и теперь. Характерная черта их, что они будут «отвергаясь искупившего их Господа», то есть отвергнут догмат воплощения Сына Божия. Но осуждение для них, как для нераскаянных, уже уготовано Богом (ст. 1–3). Далее апостол приводит устрашающие примеры для отвращения от лжепророков: в примеры грозного суда Божия он приводит падших ангелов, которые, связанные узами адского мрака, ожидают окончательного суда над собой; затем – наказание грешного человечества всемирным потопом, когда только восемь душ семейства Ноева спаслись, и, наконец, кару, постигшую города Содом и Гоморру, от которой спасся лишь Лот. Из этого апостол делает вывод, что знает Бог, как избавлять благочестивых, а «беззаконников соблюдать ко дню суда, для наказания» (ст. 4–9). Характеризуя лжеучителей, апостол говорит, что они «идут вслед скверных похотей плоти, презирают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших»: известно, что эти лжеучители с презрением относились к самим апостолам Христовым, не говоря уже о пресвитерах и епископах. Они, как бессловесные животные, руководятся в своей деятельности побуждениями чувственности и корыстолюбия: «оставивши прямой путь, они заблудились, идя по следам Валаама, сына Восорова, который

возлюбил мзду несправедливую». Это Валаам, о котором рассказывается в 22 главе и далее книги Числ и который за мзду хотел совершить несправедливое дело – изречь проклятие на Израиля, но был вразумлён Богом через проговорившую человеческим голосом ослицу (ст. 10–16).

Таковыми чертами изображаются в истории древней христианской Церкви некоторые гностические секты и как бы родоначальники и предшественники их симониане, николаиты и др. В качестве средства для свращения эти еретики, которых апостол сравнивает с «безводными источниками», как вводящими в обман слушателей, употребляют «надутое пустословие», соблазн плотских похотей и обещание свободы. Пустословие, прикрытое льстивыми речами, внешне увлекательными, плотская похоть и обещание свободы – это обычные приманки как древних, так и всех новейших развратителей человечества; будучи в действительности «рабами тления», то есть находясь в плену у греха, они своим учением о свободе лишь прикрывали плотскую разнузданность (ст. 17–19).

В конце главы апостол отмечает особую преступность этих еретиков, говоря, что «лучше бы им не познать пути правды (ибо тогда самое неведение несколько извиняло бы их, как видно из Евангелия Луки (12:48), нежели познав, возвратиться назад от преданной им святой истины». Апостол сравнивает их с псом, возвращающимся на свою блевотину, и с вымытой свиньёй, идущей снова валяться в грязи (ст. 20–22).

В третьей главе, носящей пророческий характер, св. Пётр говорит о «наглых ругателях», которые смеются над ожиданием христианами второго пришествия Христова (ст. 1–4), а затем повествует о последних судьбах мира: подобно тому, как первый мир погиб в водах потопа, хотя тогдашним людям и казалось, что мир вечен и никакая гибель ему не угрожает, так и этот мир сгорит в огне. Мир, созданный Словом Божиим, тем же Словом и сохраняется, но до времени, до «дня суда и гибели нечестивых человеков» (ст. 5–7). Что касается мнимого замедления пришествия Господня, то нельзя говорить о сем замедлении по отношению к Тому, для Кого нет времени и у

Кого «один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (Пс. 89:5). А если определение Божие о кончине мира до сего времени ещё не исполняется, то причина этого только в Божественной любви к людям и Божиим долготерпением: Господь «долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (ст. 8–9). Наступит кончина мира неожиданно: никто не будет знать о времени её – как тать (вор) ночью, по выражению, употреблённому Самим Господом (Мф. 24:43). При этом образе речи как побочная представляется та мысль, что погружённые в сон греховный и беспечные при этом потеряют всё, что приобрели и имели, ибо тать похитит всё это и погубит (Мф. 13:12; ст. 10). С приходом «дня Господня» последует преобразование мира огнём: «небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» – небо перестанет существовать, как говорил об этом Господь в Мф. 24:35 и Тайновидец в Откр. 20:11. Под «стихиями» разумеются простейшие составные части природы, каковыми в древности почитались огонь, вода, воздух и земля. Всё разрушится, но не уничтожится, а лишь преобразуется и обновится, причём земля и всё существующее на ней, все «дела», то есть природа и искусство, деревья, растения, минералы, животные, города, дома, оружия и учреждения – всё это будет страшным образом разрушено действием огня (ср. Авв. 2:13).

Этот древний мир, имеющий разрушиться огнём, явится затем преображённым и обновлённым: как при начале мира из безвидного и бесформенного хаоса в шесть дней творения он был приведён в прекрасный и благоустроенный вид, так и при конце мира из огненного хаоса он снова воззван будет тем же зиждительным словом Творца к ещё более прекрасному и совершеннейшему бытию – «впрочем, мы по обетованию Его ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда». Ещё пророк Исаия говорил от имени Божия: «вот Я творю новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы, и не придут на сердце» (Ис. 65:17), и ещё: «новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицом Моим» (66:22). Св. апостол Иоанн в Апокалипсисе

говорит, что «увидел он новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновала, и моря уже нет» (21:1). Там будет обитать правда как полное и совершенное соответствие правды человеческой и правды Божией – справедливость, которой нет на теперешней земле. Это сказано апостолом, несомненно, в утешение верующим, терпящим скорби от человеческой несправедливости. Но несомненно, что это слово «правда» можно понимать и в более широком смысле: на этой обновлённой земле начнётся вечноблаженная жизнь людей праведных, не смущаемая более никакими проявлениями зла и неправды, ибо там будет Бог всё во всём (1Кор. 15:28).

В надежде на это св. апостол убеждает хранить себя неосквернёнными и непорочными (ст. 10–14). «И Господа нашего долготерпение почитайте спасением, как и возлюбленный брат наш Павел, по данной ему премудрости, написал вам, как он говорит об этом и во всех посланиях, в которых есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутверждённые, к собственной своей гибели, превращают, как и прочие писания» (ст. 15–16) – как видно, лжеучители злоупотребляли посланиями св. апостола Павла и лживо утверждали, что между св. апостолами Петром и Павлом есть несогласие в учении; может быть, они слышали, что между ними было известное столкновение в Антиохии (Гал. 2:11), и перетолковывали это, смущая верующих. Поэтому св. Пётр называет Павла «возлюбленным братом», желая поднять и утвердить его авторитет. Под «неудобо-вразумительностью» поэтому, конечно, надо разумеать не недостаток Павлова учения, а только глубину и высоту его, которые оказались недоступными правильному пониманию людей, не утверждённых в вере и поэтому извращавших учение св. Павла, о чём и сам он говорит в своих посланиях, как, например, Рим. 3:8 и 2Сол. 2:2.

В заключение св. Пётр увещевает верующих – беречься увлечения лжеучениями беззаконников, быть твёрдыми и возрастать в благодати и познании Господа Иисуса Христа, «Ему слава и ныне и в день вечный. Аминь» (ст. 17–18).

Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова

Сведения о писателе

Хотя в этом послании писатель нигде не называет себя по имени, древнее предание Церкви издавна считало его принадлежащим возлюбленному ученику Христову и евангелисту св. Иоанну Богослову. Самый стиль послания живо напоминает нам Евангелие от Иоанна, как и многие слова и выражения.

Св. Иоанн Богослов был сыном галилейского рыбака Зеведея и жены его Саломии, по преданию дочери Иосифа-обручника от первого его брака и, следовательно, падчерицы Божией Матери и сводной сестры Господа Иисуса Христа. Таким образом, он приходился Господу, по представлениям окружающих, племянником. У него был брат Иаков старший, бывший тоже в лике 12-ти. Обоих братьев за силу их духа и огненную ревность Господь прозвал «воанергес», что значит «сыны Громы» (Мк. 3:17). Повинуясь зову Господа (Мф. 4:21 и Лк. 5:10), Иоанн оставил родительский дом, став одним из приближённых учеников Его вместе с Петром и Иаковом (Мк. 5:37; Мф. 17:1; 26:37).

Господь удостоил Иоанна особенной любви, которая наиболее трогательно выразилась на Тайной Вечере, когда Иоанн возлежал на персях Своего Божественного Учителя (Ин. 13:23, 25), и в особенности при кресте, с которого Господь усыновил Иоанна Своей Пречистой Матери (Ин. 19:26). Благодарно вспоминая всё это, св. Иоанн, не называя себя по имени, говорит в своём Евангелии о себе как об ученике, «которого любил Иисус» (Ин. 19:26). Со своей стороны и он отвечал преданной любовью своему Учителю: если любовь Петрова была более горячей и деятельной (Ин. 18:10; 21:15), то любовь Иоанна запечатлена была наибольшей глубиной и верностью. Из всех учеников только Иоанн не оставил своего Учителя во время Его страданий и стоял на Голгофе у самого креста (Ин. 19:26).

После Вознесения Господня и Сошествия Святого Духа св. Иоанн 15 лет не оставлял Иерусалима – до блаженного успения

порученной его попечению Божией Матери. Вместе с Петром и Иаковом он принимал деятельное участие в устроении Иерусалимской церкви, так что вместе с ними считался одним из столпов её (Гал. 2:9). Когда были крещены новообращённые самаряне, для низведения на них Духа Святого к ним отправился св. Иоанн вместе со св. Петром (Деян. 8:14). Позже и он направился с евангельской проповедью в римские провинции Малой Азии, а по смерти свв. Петра и Павла основал своё постоянное местопребывание в Ефесе. Отсюда он управлял всеми церквями Малой Азии в качестве верховного их пастыря.

Из Ефеса он был сослан на остров Патмос при императоре Домициане, после того, как чудесным образом сохранил свою жизнь, быв ввержен в котёл с кипящим маслом. В этой ссылке он написал свой Апокалипсис о будущих судьбах Церкви Божией и всего мира. При императоре Нерве он возвратился в Ефес и там уже в конце I века христианской эры, по убедительным просьбам многих, написал своё Евангелие и затем три послания. Всю жизнь он оставался девственником и почил своею, несколько загадочною, смертью уже в начале II века, будучи более 100 лет возрастом, в городе Ефесе, который до сего времени сохранил воспоминание о нём в своём современном названии «Айя Селук», что значит «Святой Богослов».

Подлинность первого послания Иоаннова

Хотя св. Иоанн и не называет себя по имени в начале послания, но говорит о себе как об очевидце и самовидце событий земной жизни Господа Иисуса Христа (1:1–4). Вся христианская древность единодушно признавала это послание писанием св. Иоанна Богослова. Особенно важны показания св. Поликарпа и Палия Иерапольского, которые были учениками св. Иоанна Богослова, а также св. Ириней, бывшего учеником св. Поликарпа. Свидетельства о его подлинности мы находим и у Климента Александрийского, у Тертуллиана, у Оригена, у Дионисия Александрийского и др. Есть оно и в так называемом Мураториевом каноне, и в сирском переводе Пешито. Евсевий причисляет это послание к несомненно каноническим. Никаких сомнений в подлинности его в древней Церкви не было.

Все внутренние признаки послания убеждают, что писатель его – одно и то же лицо с автором четвёртого Евангелия. Тот же образ и характер представления и изложения, тот же дух и тон особенной любви и сердечной теплоты, соединённой, однако, с отеческой важностью, та же глубина и сила чувства. Дионисий Александрийский отмечает одинаковое и частое употребление одних и тех же слов, как в этом послании, так и в Иоанновом Евангелии: «Евангелие Иоанново и послание согласны между собой и одинаково начинаются...» Иоанн верен себе и не отступает от своей цели: он раскрывает все в одинаковых периодах и одинаковыми словами. Внимательный читатель в каждой из упомянутых книг часто встретит слова: «жизнь», «свет», «прохождение тьмы», непрестанно будет видеть: «истина», «благодать», «радость», «плоть и кровь Господа», «суд», «оставление грехов», «любовь Божия» к нам, заповедь о взаимной нашей любви и что должно соблюдать все заповеди; также осуждение мира, дьявола, антихриста, обетование Св. Духа, усыновление Богу, во всём требуемую от нас веру, везде Отца и Сына.

Время и место написания послания Иоаннова

Начало послания и весь его тон и характер дают понять, что оно написано после Евангелия от Иоанна. Так, первые слова послания указывают на другое писание того же писателя и даже выражения из него: «что было от начала, что мы видели и слышали, возвещаем вам» (ст. 1–3). Об этом св. Иоанн изложил в своём Евангелии, а здесь как бы только напоминает о сем для утверждения христиан в истинной вере. Вот почему издревле в Церкви утвердилось предание, что это послание написано св. Богословом спустя некоторое время после Евангелия, то есть, вероятно, в самом конце I столетия.

Так как последние годы своей жизни св. апостол Иоанн провёл в Малой Азии, и именно в городе Ефесе, где и окончил поприще своего земного служения, то, несомненно, и первое послание его написано в Ефесе.

Первоначальное назначение послания, побуждения к написанию его

По содержанию первого послания можно заключить, что назначалось оно для христиан малоазийских церквей, уже давно основанных и состоявших в значительном большинстве более из язычников, чем из иудеев (см. 1Ин. 5:21). Из содержания послания видно, что ко времени его написания чрезвычайно умножились в Малой Азии те утончённые гностические лжеучения, которые сменили собой и грубое плотское иудейство и язычество и против которых боролись уже свв. апостолы Иуда и Пётр в своих соборных посланиях и св. апостол Павел в своих пастырских посланиях. Опасность, грозившая малоазийским церквам со стороны этих лжеучителей, и побудила св. апостола обратиться к ним с соборным посланием. На это есть ясные указания в самом послании (2:19–22; 4:1–3, 5 и др.). Эти лже-учители гностики отвергали Божество Иисуса Христа и достоинство Его как Спасителя мира, отвергали поэтому и действительность Его воплощения, кичились своей мнимой мудростью (2:3, 4, 29; 4:6), послабляли порокам (3:4–10), утверждали, что знание даёт человеку право на полную свободу, нравственный разгул и разврат, которому и предавались.

Соответственно этому общий характер послания увещательный и обличительный, хотя прямой полемики и нет, как нет и в Евангелии. Апостол имеет в виду ту же цель, как и в Евангелии – утвердить веру во Иисуса Христа как Сына Божия, чтобы все получили через Него живот вечный и были в Истине и Любви.

Содержание послания

Первое послание Иоанново состоит из пяти глав со следующим содержанием:

Первая глава: Несомненная истинность благовествования о Слове Жизни (1–4). Бог – свет (5). Общение с Богом и Христом (6–10).

Вторая глава: Христос – умиловление за грехи всего мира (1–2); познание Его и общение с Ним, как со светом в любви (3–11); возможность сего общения для всех (12–14); противоположная сему любовь мира (15–16). Последняя година, антихрист и антихристы (17–19). Истинное учение Христово, в противоположность антихристианскому (20–29).

Третья глава: Сыны Божии и дети дьявола (1–10). Братская любовь к ближнему и ненависть (11–18). Успокоение сердца в Боге (19–22). Вера и любовь (23–24).

Четвёртая глава: Дух Божий и духи-обольстители (1–6). Любовь Божия и любовь к Богу (7–10). Любовь к ближним (11–12). Любовь к Богу и ближним (14–21).

Пятая глава: Победа верующего и любящего над миром (1–5). Три свидетеля на небе и на земле об одном (6–9). Внутреннее свидетельство верующего (10–13). Дерзновение верующего (14–15). Согрешающий брат (16–19). Бог истинен (20–21).

Экзегетический разбор первого послания Иоаннова

В своём первом послании св. Иоанн беседует с верующими, как отец с детьми, совершенно безыскусно, не следуя строгому порядку в расположении мыслей и часто повторяя одни и те же выражения. Поэтому трудно разделить содержание его послания на самостоятельные отделы. Для запоминания достаточно обозначить по порядку глав некоторые выдающиеся в них мысли, к которым прочие относятся как соподчинённые.

Первая глава начинается удостоверением истинности благовествования о Слове Жизни и о целях этого благовествования: «чтобы и вы имели общение с нами, а наше общение с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом» и чтобы «радость ваша была совершенна». Как в своём Евангелии, так и здесь св. Иоанн именует второе Лицо Пресвятой Троицы «Словом». Апостол свидетельствует, что будет говорить не о том, что знает только понаслышке, а о том, чему он сам был очевидцем, слышателем и свидетелем. «Да радость ваша будет исполнена» – выражение, совершенно подобное Ев. Иоанна 15:11 и 17:13 (ст. 1–4).

Далее апостол изъясняет условия и законы, на которых зиждется общение с Богом:

1) хождение во свете – «если мы говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то мы лжём» (ст. 5–6);

2) общение друг с другом – «если ходим во свете... то имеем общение друг с другом, и кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (ст. 7);

3) исповедание грехов – «если исповедуем грехи наши», не сознаём только их, а именно исповедуемся в них открыто перед Богом и перед свидетелем Его, уполномоченным вязать и решить (Ин. 20:22–23), то «Он... простит нам грехи наши» (ст. 8–9). «Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым», то есть отвергаем все учение Христово об искупительной жертве Его за грехи людей (ст. 10).

Во второй главе апостол говорит, что Христос есть «умилостивление за грехи наши», и «не только за наши, но и за

грехи всего мира», то есть за грехи всех людей, не только ныне живущих, но и живших прежде и имеющих жить до самого второго пришествия Христова. Это – основное положение христианства (ст. 1–2). Но как использовать это умилоствление? Через соблюдение заповедей: «а что мы познали Его, узнаем из того, что соблюдаем Его заповеди» (ст. 3). Это соблюдение заповедей – единственное доказательство истинности любви такого человека к Богу и к ближним, ибо основная заповедь Божия есть заповедь о любви. Эта заповедь есть и древняя, и новая. Она – древняя, потому что была и в Ветхом Завете, была написана на скрижали сердца и у язычников, но до Христа на земле было царство тьмы, а потому чувство любви заглушалось у людей противоположными внушениями дьявола. А когда Христос принёс Себя в жертву и Своею Кровью искупил людей от первородного греха, сокрушив царство дьявола в мире, древняя заповедь о любви обновилась в сердцах возрождённых людей, стала как бы новой заповедью и действительно приобрела новый возвышенный характер особенной чистоты, бескорыстия и одухотворённости, бесконечно превосходя любовь и язычников, и иудеев. Христианская любовь основывается на высокой идее всеобщего искупления Христом и духовного единства всех людей во Христе как членов единого духовного тела Христова. Оттого только в христианстве возможна любовь к врагам, немыслимая ни в иудействе, ни в язычестве, ибо там нет для неё оснований (ст. 5–8). Поэтому кто теперь говорит, «что он во свете, а ненавидит брата своего, тот ещё во тьме», то есть тот ещё не христианин. Доказательством христианского настроения души служит только «любовь к брату» (ст. 9–11). Начиная с 12 стиха, апостол начинает излагать новое наставление, именно: предостережение против любви к миру, чему предпосылает воззвание к христианам разных возрастов. Связь речи с предыдущим такова: как отличительный признак христианского совершенства есть любовь к Богу и к ближним, так сильнейшим препятствием к исполнению этой основной заповеди христианства является любовь к миру и к тому, что в мире. Поэтому апостол и предостерегает от таковой любви все

возрасты: детей, отцов, юношей и отроков. Тут имеются в виду, по-видимому, возрасты духовно-нравственной жизни, хотя нельзя вполне исключать и естественных возрастов, которые иногда (хотя и не всегда) совпадают со степенями духовно-нравственной жизни. Для каждого возраста апостол указывает особенное побуждение к тому, чтобы он не прилеплялся к миру. Для детей, только что после крещения начавших христианскую жизнь, таким побуждением служит прощение им грехов в таинстве крещения; для отроков – познание Бога Отца, которое они, хотя ещё не в полноте, но уже приобрели, возрастая в нравственно-христианской жизни; для юношей, возрасту коих, вместе с увлечениями, свойственны и сила, и свежесть, и воодушевление в борьбе с ними, побуждением к отречению от мира должны служить те успехи, которых они уже достигли в победе над лукавым, и то знание всемогущего Слова Божия, которым они уже овладели, усердно изучая Священное Писание; для отцов, то есть для мужей, достигших высокой степени нравственного совершенства, познание Безначального – познание самой высшей тайны спасения людей, от начала Богом определённого через Единородного Сына Его Иисуса Христа, служит достаточным основанием, чтобы любовь к Безначальному удержала их от привязанности к тленным и скоропреходящим благам мира сего. «Не любите мира, ни того, что в мире...». Конечно под «миром» здесь разумеется не само по себе прекрасное и премудрое творение Божие, но всё то, что в мире испорчено грехом и даёт пищу греху, что сделалось враждебно Богу. Далее апостол сам определяет, что такое этот мир, которого не должно любить: это – «похоть плотская, похоть очес и гордость житейская». Это, по учению свв. Отцов, три детища самолюбия, или самости, которые, в свою очередь, являются корнями, родоначальниками всех прочих страстей, обуевающих человека. Это – сластолюбие, сребролюбие и славолубие. Как побуждение не любить мира и того, что в мире, св. апостол выставляет то, что «мир проходит, и похоть его», и только исполняющий волю Божию пребывает вовек (ст. 12–17). «Дети, последнее время» – указание на то, что наступила последняя эпоха домостроительства Божия, которая

должна окончиться вторым пришествием Христовым и кончиной мира. «Как вы слышали, что придёт антихрист, и теперь появилось много антихристов» – учение об Антихристе как об определённой человеческой личности мы находим в словах Самого Господа Иисуса Христа (Ин. 5:43), а особенно в посланиях св. апостола Павла, написанных много раньше послания Иоаннова (2Сол. 2:3–9). Хотя самого Антихриста ещё нет, но появились предтечи его, носители духа его, каковыми св. апостол, несомненно, считает появившихся уже в апостольское время лжеучителей вроде Симона Волхва, Коринфа, николаитов и других, от которых предостерегали христиан и св. апостол Пётр, и св. апостол Иуда. «Они вышли от нас, но не были наши...» – то есть были раньше православными христианами, но только внешне принадлежали к Церкви, внутренне же были вне её, почему и стали лжеучителями (ст. 18–19). «Вы имеете помазание от Святого и знаете это» – апостол не говорит об антихристах подробно, ибо уверен, что христиане имеют сами просвещение от Духа Святого через совершенное над ними таинство миропомазания. Вначале христиане получали особенные дары Духа Святого через возложение апостольских рук, но вскоре это действие было заменено действием помазания св. миром, как это видно ещё из 2Кор. 1:21–22 и Еф. 4:30. «Знаете всё» – конечно, в смысле: «что нужно для спасения, а потому можете распознать ложь еретиков». Всё же в качестве самого верного признака, по которому верующие могут узнать лжеучение, св. апостол указывает отрицание или искажение истинного понятия об Иисусе Христе как явившемся для спасения людей Единородном Сыне Божиим. Такой «не имеет и Отца», ибо только через Сына Божия мы научаемся познавать и любить Бога Отца (Мф. 11:27). Для того чтобы быть в крепком единении и с Сыном, и с Отцом, надо крепко держаться апостольского исповедания веры («что вы слышали от начала...»). Только в этом случае можно получить жизнь вечную (ст. 20–26). Далее св. апостол вновь подчёркивает важность великого дара благодати, который получают верующие через таинство миропомазания: «помазание, которое вы получили от Него, в

вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас», и внушает непоколебимо держаться исповедания Божества Иисуса Христа, заканчивая своё увещание напоминанием близости второго пришествия Христова и обещанием дерзновения, то есть уверенности в оправдании в день суда: «не посрамимся», то есть не будем осуждены (ст. 27–29).

В третьей главе св. апостол на основании ранее высказанных мыслей говорит о проявлении в самой жизни общения с Богом и делит людей по жизни их на детей Божиих и на детей дьявола. Грехопадением Адама род человеческий был порабощён дьяволу; искуплением Господа Иисуса Христа всем людям дарована возможность быть детьми Божиими, получая возрождение в таинстве крещения и укрепляясь в Божественной жизни другими таинствами и собственными усилиями следовать в жизни по стопам Христа, по заповедям Его (ст. 1–8). «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха» – это выражение должно понимать не в том смысле, что верующий христианин никогда не грешит (это противоречило бы словам самого св. Иоанна в 1:8–10), а в том, что он не отдаёт себя легко и добровольно в рабство греху, но всеми силами старается удалиться от греха, борется с ним, а если и падает, то спешит исповедать свой грех (1:10), а не служит ему как идолу. Точно так же, когда апостол говорит: «кто делает грех, тот от дьявола», речь идёт не о том человеке, который имеет в себе грех (1:8) и делает злое (Рим. 7:20), хотя и ненавидит его, а о том человеке, который любит грех, делает его с услаждением и с сочувствием к нему; речь идёт здесь о грешнике, предающемся греху постоянно и нераскаянно, а не о том, кто, согрешая по немощи, сознаёт свои грехи, сокрушается о них и старается загладить их чистым раскаянием и исповеданием (ст. 8–9). Характерной чертой детей Божиих, в отличие от детей дьявола, служит ещё любовь к ближним и вера во Иисуса Христа как Сына Божия, действительно, а не призрачно (как учили некоторые еретики, например (докеты) пришедшего на землю во плоти и пострадавшего за грехи мира. Отрицательным примером, как не следует относиться к ближним, св. апостол выставляет братоубийцу Каина и говорит, что подобен ему не только

физический убийца, но и «всякий, ненавидящий брата своего» (ст. 10–15). Величайший образец истинной любви к ближним, которому мы должны следовать, это Сам Господь Иисус Христос, положивший за нас душу Свою (ст. 16). Истинная любовь к ближним доказывается делами милосердия (ст. 17–18): «станем любить не словом или языком, но делом и истиною». Сознание истинной любви к ближним, проистекающее из добрых дел, успокаивает нашу совесть и делает нас дерзновенными в молитвах пред Богом, давая некую сыновнюю уверенность на услышание (ст. 19–22). При этом апостол напоминает, что заповедь Божия собственно одна, хотя и состоит из двух частей: «чтобы мы веровали во имя Сына Его Иисуса Христа и любили друг друга, как Он заповедал нам». За исполнение этой заповеди мы удостоиваемся преискренного единения с Богом, свидетельством чего является обитание в нас Духа Божия (ст. 23–24).

В четвёртой главе св. апостол увещевает христиан не всякому духу верить, но испытывать духов, «от Бога ли они». Для сего пробным камнем св. Иоанн поставляет основной догмат христианства о воплощении Бога Слова: «всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога». Здесь «исповедует» значит не только «устами», ибо мы знаем из Евангелия, что и бесы исповедовали Иисуса Христа Сыном Божиим своими устами через бесноватого, но всею жизнью своею. По словам св. Ириния Лионского, эти слова апостола направлены против докетов, ложно учивших, будто Господь имел лишь призрачное тело, но не воплощался на самом деле (ст. 1–3). Но проявления в мире духа антихристова через всевозможных «духов лестчих» – еретиков – не должны смущать христиан: «дети, вы от Бога и победили их» – дело Божие должно восторжествовать над всеми ересями. Лжеучители торжествуют лишь временно, потому что «они от мира» и умеют принаравливать к вкусам и страстям мира, отчего мир и слушает их. «Мы от Бога», говорит далее апостол, и потому «знающий Бога слушает нас». Это и есть признак того, как отличить «Духа истины» от «духа заблуждения» (ст. 4–6). Другая характерная черта детей Божиих – любовь к ближним:

она духовно сродняет их с Богом, вводит в теснейшее общение с Ним: «будем любить друг друга, потому что любовь от Бога... Бог есть любовь». Не имеющий в сердце своём любви к ближнему «не познал Бога» – не имеет надлежащего понятия о Боге. Выражение «Бог есть любовь» принадлежит только св. апостолу Иоанну и не встречается больше нигде в этом виде в священных книгах, хотя понятие такое есть. Это – самое лучшее и полное определение понятия и существа Божия (ст. 7–8). Наивысшее проявление любви Божией к людям в том, «что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрез Него». В этом – сильное побуждение для нас к любви как к Богу, так и к ближним, ибо только «пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём» (ст. 7–16). Эта любовь так высока в своём совершенстве, что достигает до дерзновения перед судом Божиим и из сердца верующего совсем изгоняет страх. Конечно, апостол говорит здесь о страхе рабском, который несовместим с сыновней любовью к Богу: страх сыновний этой любовью не исключается (ст. 17–18). Призывая христиан к любви к Богу, апостол со всей силой убеждения настаивает, что любить Бога можно лишь при условии деятельной любви к ближним: «кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец». Любить невидимое гораздо труднее, чем любить видимое, а потому не может быть истинной любви к Богу у того, кто не любит «брата своего». И сверх того: такова и заповедь Божия, чтобы «любящий Бога любил и брата своего» (Мф. 22:38–39), (ст. 19–21).

В пятой главе св. апостол разъясняет, что заповедь о любви к ближнему не тяжела для христианина, ибо она естественно вытекает из заповеди о любви к Богу: «всякий любящий Родившего, любит и рождённого от Него». Любовь к ближнему является, таким образом, естественным следствием нашего сыновства Богу. Бог – наш общий любящий Отец, а мы все – дети Его и друг другу – братья. Признак истинной любви к Богу – соблюдение Его заповедей, что для любящего не тяжело. Верующий имеет для этого ещё и особую силу, побеждающую мир со всеми его искушениями. Эта сила – вера в Сына Божия: «сия есть победа, победившая мир, вера наша», потому что по

вере нашей нам даруется в таинствах благодатная помощь Божия для борьбы с искушениями. Самым возвышенным примером победы над миром могут служить апостолы Христовы, приведшие своею проповедью весь мир, первоначально столь враждебно настроенный, к подножью креста Христова (ст. 1–5). Утверждая истинность нашей веры, что Иисус Христос действительно есть Сын Божий, воплотившийся, пришедший на землю и дарующий нам жизнь вечную и победу над миром с его греховными искушениями, апостол ссылается на трёх Свидетелей на небе и на трёх свидетелей на земле. Свидетели на небе: Отец, Слово и Святой Дух, а свидетели на земле: Дух (тот же Дух Святой, но уже не в Его лице, или Ипостаси, а в Его действиях, которыми Он свидетельствует о Христе, усвая совершенное Искупителем искупление приемлющим его верою), вода и кровь (истекшие из ребра Иисусова как истинного Человека и ставшие веществами двух величайших таинств – крещения и причащения). В Ветхом Завете при левитском Богослужении главными действиями, при посредстве которых согрешающие очищались от грехов и примирялись с Богом, были – очищение водой и очищение жертвенною кровью (Числ. 19:9 и Лев. 14:5–7). Эти действия, как и весь обрядовый закон Моисеев, имели прообразовательное значение в отношении ко Христу и совершённому Им спасению человечества (Евр. 10:1; 1Кор. 10:1 и далее). Христос отменил прообразовательное в Ветхом Завете и заменил оное самою сущностью вещей, или истиною, но под образом, так как образ необходим для уразумения истины для человека, состоящего из души и тела; прообраз в Новом Завете заменён образом. Вода есть образ крещения, кровь есть образ искупления человечества крестной смертью Спасителя. Таким образом, «пришествие Иисуса Христа водою и кровью» – это есть установление Им таинства крещения и таинства причащения. «Не водою только, но водою и кровию» – эти слова, видимо, направлены против современного апостолу еретика Керинфа, ложно учившего, что Божество Христово соединилось с человечеством лишь при крещении Его и опять отделилось от Него при страдании, так что пострадал не Сын Божий, а простой человек (ст. 6–9). Кроме

того, христианин имеет и внутреннее свидетельство в себе самом: это удостоверительное свидетельство в своём собственном духе, запечатлённом помазанием (2:20) или печатью Духа Божия (2Кор. 1:21, 22), по которому он знает и уверен, что он во Христе примирён с Богом и имеет упование жизни вечной. Об этом внутреннем свидетельстве говорил Сам Господь (см. Ин. 7:16; 3:33). Это внутреннее свидетельство выражается также в молитвенном дерзновении верующего: «когда просим чего по воле Его, Он слушает нас». Поэтому, если мы по любви к согрешающему ближнему нашему молимся за него, «Бог даст ему жизнь». Но при этом апостол делает важную оговорку: «если только ближний наш согрешает «грехом не к смерти». Это различие «греха к смерти» и «греха не к смерти» имеет тот же смысл, что и слова Господа Иисуса Христа о том, что всякий грех и хула отпустятся или простятся людям, но хула на Духа Святого не отпустится людям ни в сем веке, ни в будущем (Мф. 12:31–32). «Грех не к смерти» – это всякий грех человека, который происходит от общей слабости человеческой, – грех, очищаемый искренним покаянием и сердечным сокрушением и потому не подвергающий грешника духовной смерти. «Грех к смерти», или смертный грех, – это грех тяжкий, совершив который, человек так ожесточается сердцем, что становится не способным к покаянию. Таков грех упорного неверия, упорное отступничество от веры, не принимающее никакого вразумления, ожесточённое закоснение в еретических заблуждениях или тяжких нераскаянных грехах, ставших как бы второй природой человека, а потому неисцельных. По-видимому, апостол считает, что нельзя быть уверенным в силе молитвы за ближнего, коснеющего в смертном грехе, ибо успеху такой молитвы противодействует неверие и ожесточение самого грешника. В заключение (ст. 18–21) апостол кратко приводит основные мысли послания о том, что рождённый от Бога не грешит, то есть не побеждается грехом всецело, потому что хранит себя благодатью возрождения и лукавый не прикасается ему, что христиане от Бога, а мир неверующих во зле лежит; Сын же Божий дал нам

истинное знание, чтобы хранить себя от идолов, то есть от всякого зла вообще.

Второе соборное послание святого апостола Иоанна Богослова

Второе соборное послание Иоанново, как и третье, в древней Церкви находилось в числе «пререкаемых», то есть таких, которые не всеми признавались подлинными, принадлежащими апостолу. Об этом говорят Ориген, Евсевий и Иероним. В древнем сирском переводе Пешито этого послания, как и третьего, нет, хотя из этого ещё нельзя заключать, что сирская Церковь не признавала его подлинности. С другой стороны, такой именитый представитель Церкви, как Ириней Лионский, ученик Поликарпа Смирнского, ученика самого апостола Иоанна, приводит подлинные слова из второго послания Иоаннова; Климент Александрийский говорит о подлинности второго послания, равным образом и Дионисий Александрийский. Клименту Александрийскому принадлежит объяснение на все семь соборных посланий, значит, и на второе Иоанново. В Мураториевом каталоге упоминается о многих посланиях Иоанновых. Ориген, Евсевий и Иероним, говорящие о сомнениях в подлинности сего послания, сами, по всем данным, не сомневаются в его подлинности.

О подлинности этого послания свидетельствуют и внутренние признаки: дух, тон, слог и язык послания, которые напоминают нам первое послание и Евангелие. Неудивительно, что это послание, как и третье, не сразу сделалось известным всей Церкви, ибо оно слишком кратко и послано было частному лицу, и притом женщине. Со временем оно заслужило общее признание и было включено в канон новозаветных священных книг.

О первоначальном назначении второго послания достоверных сведений, кроме тех, которые содержатся в самом послании, никаких нет. Кто была по имени «избранная госпожа» и дети её, неизвестно. Ясно только, что они были христиане. Что касается времени и места написания этого послания, можно думать, что оно написано около времени написания первого послания в том же Ефесе.

Второе Иоанново послание имеет только одну главу. В нём апостол выражает радость свою о том, что дети избранной госпожи ходят в истине, обещает посетить её и с настойчивостью увещевает не иметь никакого общения с лжеучителями.

Экзегетический разбор второго послания Иоаннова

Начиная послание, апостол, умалчивая о своём имени, называет себя «старцем», надо полагать по возрасту, имея в виду свои преклонные лета. Ему было тогда около 100 лет. В понятии «избранной госпожи», которой адресовано послание, заключается понятие женщины-христианки, именитой, почитаемой, обладающей, быть может, и высоким положением, каковы были, например, римские матроны. Так как здесь говорится о детях, но не упоминается о муже, то, надо полагать, она была вдова. Апостол говорит, что это благочестивое семейство он любит «по истине», то есть любовью во Христе, любит как он сам, так и все «познавшие истину», то есть христиане. Причина этой любви – в истине, которая является постоянно пребывающим началом духовной жизни всех христиан. В первой половине послания, преподав «благодать, милость и мир», апостол выражает свою радость о вере и благочестии детей её, «ходящих в истине», то есть правильным путём христианской истины, как в Богопознании, так и в Богопочтении, и увещевает как госпожу, так и детей её всё более и более утверждаться в любви как основной христианской заповеди (ст. 1–6). Вторая половина послания посвящена предостережению от опасного влияния «обольстителей», не исповедующих «Иисуса Христа, пришедшего во плоти», то есть отвергающих тайну воплощения Сына Божия, «чтобы нам не потерять того, над чем мы трудились», то есть чтобы наш труд в устройении вечного спасения не пропал даром. Называя лжеучителей «обольстителями и антихристами», апостол воспрещает принимать их в дом и даже приветствовать, конечно, потому, что вступающий в дружественное общение с лжеучителем подвергает себя опасности заразиться его лжеучением. Характерна эта необычайная строгость апостола любви, с которой так не вяжутся современные идеи «экуменизма», проповедующего сближение с инославными «для взаимного понимания» (ст. 7–11).

Послание своё апостол заключает выражением надежды на личное свидание и передачей приветствия от племянников «избранной госпожи» – «приветствуют тебя дети сестры твоей избранной», очевидно жившей где-то в другом месте или, может быть, уже умершей. «Аминь» (ст. 12–13).

Третье соборное послание святого апостола Иоанна Богослова

О подлинности третьего послания Иоаннова свидетельствуют как предание, так и внутренние признаки в самом послании. Если мы соотнесем тон, дух и слог этого послания с первым посланием Иоанновым и его Евангелием, для нас станет несомненным, что и это третье послание принадлежит возлюбленному ученику Христову.

Обращено это послание к некоему Гаию, или Каю. Кто это был, в точности не известно. Из апостольских писаний и из церковного предания известно, что это имя носили несколько лиц (см. Деян. 19:29; 20:4; Рим. 16:23; 1Кор. 1:14 и др.), но к кому из них или к иному написано это послание, определить нет возможности. По-видимому, этот Гаий не занимал никакой иерархической должности, а был просто благочестивым христианином, странноприимцем.

О времени и месте написания третьего послания можно предположить то же, что о времени и месте написания второго послания: оба эти послания написаны приблизительно в одно и то же время, всё в том же Ефесе, где проводил св. апостол Иоанн последние годы своей земной жизни.

Состоит послание это также из одной только главы. В нём апостол хвалит Гаия за его добродетельную жизнь, твёрдость в вере и «хождение в истине», а особенно – за его добродетель странноприимства в отношении к проповедникам Слова Божия, порицает некоего Диотрефа, сообщает некоторые известия и посылает приветствия.

Экзегетический разбор третьего послания Иоаннова

И в этом послании, как и во втором, св. апостол не упоминает своего имени, а называет себя «старцем». Обращаясь к Гаию, он называет его «возлюбленным» – обращение, которое мы часто находим в первом соборном послании. Апостол выражает ему пожелание «здравствовать, что является обычным приветствием, и преуспевать во всём», «как преуспевает душа твоя», то есть: и в житейских делах своих домашних, и в общественных иметь такой же успех, как в жизни по Евангелию. Это – высочайшая похвала апостола. Объясняет это апостол получением сведений через неких братьев о том, что Гай хранит верность евангельскому учению и «ходит в истине». «Для меня нет большей радости, – говорит св. апостол, – как слышать, что дети мои ходят в истине». Это весьма важная и характерная мысль, свидетельствующая, что в христианстве дороже всего истина, то есть подлинное, неискажённое, чистое учение Христово (ст. 1–4). Далее св. апостол хвалит Гаия за его странноприимство, которое он оказывает «братиям», то есть христианам вообще, и «странникам», то есть приходящим из далёких мест. Здесь, как видно из дальнейшей речи, под «странниками» разумеются странствующие проповедники Евангелия. «Они засвидетельствовали перед Церковью о твоей любви» – очевидно, побывав у Гаия и придя в Ефес, где жил апостол, рассказали перед всем собранием верующих («Церковью») о гостеприимстве Гаия. «Ты хорошо поступишь, еслипустишь их, как должно ради Бога» – то есть продолжишь это дело гостеприимства, снабдив их всем необходимым на дорогу и проводив их с миром (ср. 1Кор. 16:10–11; Тит. 3:13). Выражение об этих странниках, что они «ради Имени Его пошли», свидетельствует, что здесь речь идёт о странствующих проповедниках Евангелия, которые назывались тогда «евангелистами». Эти евангелисты не брали ничего от язычников, чтобы люди неблагонамеренные не сочли евангельскую проповедь средством к пропитанию, а потому

долг христиан – материально поддерживать их (ст. 5–8). «Я писал Церкви», – говорит далее апостол. Неизвестно, какой и о чём, но, по-видимому, той, к которой принадлежал Гай и упоминаемый далее апостолом Диотреф. Едва ли, однако, это писание апостола не сохранилось. Правильнее читать: «я писал бы Церкви» о странствующих проповедниках, но «любящий первенствовать у них Диотреф не принимает нас». Кто этот Диотреф, неизвестно, но, как видно, человек гордый, честолубивый и своевольный. Этому Диотрефа апостол обвиняет в отсутствии братской любви к странствующим проповедникам Евангелия и угрожает строгим и властным словом прекратить его бесчиние (ст. 9–10). Св. апостол увещевает Гаия не брать примера с подобных злых людей, но делать добро, затем похваляет некоего Димитрия, который, по преданию, был епископом Филадельфийским, обещает сам прийти и передаёт привет от друзей и друзьям.

Соборное послание святого апостола Иуды

Сведения о писателе

Писатель этого послания сам называет себя «Иудею, рабом Иисуса Христа, братом Иакова». Из этого можно заключить, что это – одно лицо с апостолом Иудею из двенадцати, который назывался Иаковлевым, а также Леввеем и Фаддеем (Мф. 10:3; Мк. 3:18; Лк. 6:16; Деян. 1:13; Ин. 14:21). Он был сыном Иосифа, Обручника Пресвятой Девы Марии, от первой действительной его жены и братом детей Иосифа – Иакова, впоследствии епископа Иерусалимского, по прозвищу Праведный, Иосии и Симона, или Симеона, впоследствии также епископа Иерусалимского. По преданию, первое имя его было Иуда, имя Фаддей он получил, приняв крещение от Иоанна Крестителя, а имя Леввей получил, вступив в лик 12 апостолов, может быть в отличие от соимённого ему Иуды Искаротского, ставшего предателем.

Некоторые считают, что писатель этого послания ничего общего с Иудею Иаковлевым, или Фаддеем и Леввеем, не имеет, что в число 12 апостолов он не входил (в 17 стихе он как бы исключает себя из числа апостолов), но был только в общем смысле слова «апостолом», являясь действительно братом Иакова и считаясь поэтому, подобно Иакову, «братом Господним». В основание такого мнения приводят свидетельство Евангелия от Иоанна 7:5, где говорится, что «братия Иисусовы» в дни Его земного служения в Него не веровали, почему и не удостоились избрания в число 12 апостолов. Кроме того, считают, что апостол Иуда из двенадцати не мог быть писателем этого послания, так как он трудился во благовестии Христовом в Сирии и скончался в Эдессе, а между тем в сирском переводе Пешито Иудино послание отсутствует. Окончательное и авторитетное решение этого вопроса ввиду ограниченности данных представляется невозможным.

Об апостольском служении Иуды по Вознесении Господнем предание говорит, что он проповедовал сначала в Иудее, Галилее, Самарии и Идумее, а затем в Аравии, Сирии и

Месопотамии, Персии и Армении. То же предание говорит, что он был в Эдессе, где несколько прежде проповедовал другой апостол, Фаддей из 70-ти. По одному преданию, св. Иуда мирно скончался в Эдессе, по другому – в Берите или Бейруте, по третьему – скончался мученически в Армении, быв повешен на дереве и пронзён стрелами.

Подлинность послания святого апостола Иуды

О подлинности этого послания ясно свидетельствуют Тертуллиан и Климент Александрийский. Ориген хвалит его, как исполненное небесной благодати. Оно включено в число соборных в так называемом Мураториевом каноне, или каталоге, но отсутствует в сирском переводе Пешито. Евсевий, Иероним и Амфилохий отмечают, что не всеми церквами это послание было признаваемо за каноническое. Причиной этого сомнения в каноничности Иудина послания, по мнению Иеронима, было его содержание. В 14 стихе Иуда приводит пророчество патриарха Еноха, которое почиталось заимствованием из апокрифической «Книги Еноха» и давало, поэтому повод отвергать самое послание Иуды. Кроме того, в 9 стихе говорится о споре Архангела Михаила с дьяволом о теле Моисея, но этот спор неизвестен из священных книг Ветхого Завета. Он составлял содержание апокрифа «Успение», или иначе «Восхождение», или «Вознесение Моисея». В IV веке все сомнения прекратились, и послание св. апостола Иуды как подлинное было принято в канон новозаветных священных книг.

Повод к написанию послания

Внутренним поводом, как видно из 3 стиха, была пастырская ревность св. Иуды «об общем спасении душ», а внешним поводом – усиление лжеучений, против которых боролись и св. апостол Иаков, и св. апостол Пётр, и св. апостол Иоанн, как мы видели это из их соборных посланий. Св. Иуда прямо говорит, что он пишет потому, что в общество христиан вкрались нечестивые люди, обращающие благодать Божию в повод к распутству. Это, несомненно, лжеучители-гностики, проповедовавшие разврат под предлогом христианской свободы и для истощения плоти и считавшие мир не творением Бога, а произведением низших сил, враждебных Богу. Это все те же симониане и николаиты, которых обличает св. Иоанн во 2 и 3 главах Апокалипсиса. Цель послания – предостеречь христиан от увлечения этими лжеучениями, льстившими чувственности. Послание назначено всем христианам вообще, но по содержанию его видно, что оно назначалось для известного круга лиц, в который нашли себе доступ лжеучители. С достоверностью можно предполагать, что это послание первоначально было обращено к тем же малоазийским церквам, к которым писал и апостол Пётр.

Время и место написания послания св. апостола Иуды

Несомненно, что это послание написано до разрушения Иерусалима, которое произошло в 70 году, ибо св. Иуда, упомянувший в своём послании почти обо всех замечательных явлениях суда Божественного, не преминул бы упомянуть и об этом, самом поразительном. Сходство этого послания с посланием св. апостола Петра наводит на мысль, что оно написано за несколько, а может быть и за много лет до разрушения Иерусалима. Так как св. Пётр говорит о лжеучителях в будущем времени, то можно полагать, что послание св. Иуды написано после Петрова и св. Иуда использовал характеристику лжеучителей, данную св. Петром, почти в тех же словах и выражениях, то есть написано послание св. Иуды между 67 годом – годом смерти св. Петра, и 70 годом – годом разрушения Иерусалима. О месте написания послания нет никаких данных.

Содержание соборного послания св. апостола Иуды

Соборное послание св. апостола Иуды состоит всего из одной главы и представляет собою сплошь, от начала до конца, одну непрерывную речь, направленную против лжеучителей.

Экзегетический разбор соборного послания св. апостола Иуды

В начале послания св. апостол Иуда называет своё имя и указывает, что он – брат Иакова, подобно Иакову не осмеливаясь называть себя братом Господним, а лишь – рабом Иисуса Христа. Своим указанием на то, что он брат Иакова, св. Иуда, быть может, хотел обратить особенное внимание на своё послание, ибо св. Иаков Праведный пользовался чрезвычайно большим уважением и авторитетом. После обычного приветствия: «милость вам и мир и любовь да умножатся» св. Иуда обращается с увещанием «подвизаться за веру, однажды преданную святым», то есть христианам, объясняя это появлением лжеучителей в их среде – людей, предназначенных Богом к осуждению нечестивых, обращающих благодать Божию в повод к распутству и отвергающих единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа. Что это за лжеучители, св. Иуда точнее не объясняет, но, судя по всему, это всё те же родоначальники гностиков, с которыми боролись св. апостолы Пётр и Павел, а позже св. Иоанн (ст. 1–4). Апостол грозит им карой Божией, напоминая о трёх поразительных примерах Божественного суда: наказание израильтянам, выведенным из Египта, наказание падшим ангелам, «соблюдаемым в вечных узах, под мраком, на суд великого дня», и кару Божию, постигшую Содом и Гоморру. Подобная участь постигнет и сих мечтателей, которые оскверняют плоть, подобно жителям Содома и Гоморры, то есть предаются разврату, отвергают начальства и злословят высокие власти, то есть не признают авторитета духовных властей – св. апостолов и их ставленников епископов и пресвитеров (ст. 5–8). То, что св. Пётр говорил об Ангелах вообще, не дерзающих произносить укоризненный суд, апостол Иуда говорит лишь об одном Архангеле Михаиле. Он приводит древнее предание, согласно которому у дьявола происходил спор с Архангелом Михаилом из-за тела Моисеева, причём Архангел Михаил даже по отношению к дьяволу не смел произнести укоризненного суда, а запрещал дьяволу лишь

именем Божиим, говоря: «да запретит тебе Господь», между тем как эти лжеучители «злословят то, чего не знают». Св. Иуда не жалеет выражений для того, чтобы дать самую отрицательную характеристику этим лжеучителям, уподобляя их бессловесным животным, сравнивая их с Каином, Валаамом и Кореем, возмущившимся против Моисея и Аарона. Св. Иуда приводит известное лишь из предания пророчество Еноха о грядущем суде Божиим над нечестивцами, которое, вероятно, связано с распутством потомков Каина (ст. 9–19). В заключение св. Иуда увещевает христиан сохранить себя в любви Божией и относиться с рассмотрением к увлѣкшимся лжеучениями, после чего воздаёт хвалу Богу.

Послания святого апостола Павла

Важное значение посланий св. апостола Павла и трудность их изучения

Из всех новозаветных священных писателей более всего потрудился в письменном изъяснении христианского учения св. апостол Павел, написавший целых четырнадцать посланий. По важности своего содержания они справедливо именуются некоторыми «вторым Евангелием» и всегда привлекали к себе внимание как свв. Отцов Церкви, так и врагов христианства. Сами апостолы, как мы видели из соборного послания св. апостола Петра, не оставляли без внимания этих назидательных творений своего «возлюбленного собрата, младшего по времени обращения ко Христу, но равного им по духу учения и благодатным дарам» (2 Пётр. 3:15–16). Многие Отцы и Учители Церкви занимались истолкованием посланий св. апостола Павла. Составляя необходимое и важное дополнение к евангельскому учению, послания св. апостола Павла должны быть предметом самого внимательного и усердного изучения всякого христианского богослова. При этом необходимо никогда не упускать из вида той высоты и глубины богословствующей мысли св. апостола и той своеобразности выражений, которая иногда доходила до неудобовразумительности и останавливала таких великих толкователей Священного Писания, как св. Златоуст, Иероним и Августин. В этих посланиях отразилась обширная учёность и знакомство св. апостола Павла со Священным Писанием Ветхого Завета, а равно и глубина в раскрытии новозаветного Христова учения, плодом коего был целый ряд новых слов и речений догматического свойства или нравоучительного характера, принадлежащих исключительно св. апостолу Павлу, как, например, «совоскреснуть», «спогребстися Христу», «облечься во Христа», «совлечься ветхого человека», «спастись банею пакибытия», «закон духа жизни», «другой закон в членах, встающий против закона ума» и т. п. Каждое послание включает в себе истины и вероучения, и нравоучения христианского, так как и само христианство есть не только

известное верование – признание умом известных истин, но непременно и самая жизнь по вере, согласная с этой верой.

Связь учения св. апостола Павла с его жизнью

Послания св. апостола Павла – это плоды его апостольской ревности; учение его, в них изложенное, – это полное отражение его жизни. Поэтому чтобы лучше понять его послания, нужно хорошо изучить его жизнь и понять внутренний характер его личности. Для этого нет надобности входить в разбор всех подробностей его жизни, известных нам из книги Деяний, а нужно только остановиться на внутренней стороне его жизни и разобраться в тех фактах, которые, по указанию самого апостола, служили для него источником решения многих вопросов христианской догматики и учения о христианской нравственности.

Жизнь и личность св. апостола Павла

«Я – наименьший из апостолов и недостойн называться апостолом, потому что гнал Церковь Божию, но благодатию Божиею есмь то, что есмь, и благодать Его во мне не была тщетна» (1Кор. 15:9–10) – так характеризует себя сам великий «апостол языков» (прозвание, под которым св. апостол Павел вошёл в историю христианской Церкви). Наделённый от природы богатыми умственными способностями, он воспитан и обучен был в строгих правилах фарисейских и, по его собственным словам, преуспевал в иудействе более многих сверстников своих, ибо был неумеренным ревнителем отеческих своих преданий (Гал. 1:14). Когда же Господь, избравший его от чрева матери, призвал его к апостольскому служению, он всю энергию, все силы своего великого духа посвятил проповеди имени Христова среди язычников всего тогдашнего культурного мира, после того как претерпел много скорбей от своих слепотствующих и ожесточённых против Христа родичей. Изучая жизнь и труды св. апостола Павла по книге Деяний св. апостолов, поистине нельзя не прийти в изумление от необычайной несокрушимой энергии этого великого «апостола языков». Трудно представить себе, как это человек, не обладавший мощным организмом и крепкими физическими силами (Гал. 4:13–14), мог перенести столько невероятных трудностей и опасностей, сколько пришлось перенести их св. апостолу Павлу ради славы имени Христова. И что особенно замечательно: по мере умножения этих трудностей и опасностей пламенная ревность его и энергия не только не умалялась, а ещё больше возгоралась и закалялась, как сталь. Вынужденный вспомнить для назидания Коринфян о своих подвигах, он так о них пишет: «я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано было мне по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл в глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках,

в опасностях от разбойников,.. в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе...» (2Кор. 11:23–27). Сравнивая себя с прочими апостолами и по смирению называя себя «меньшим» из них, св. Павел, тем не менее, со всей справедливостью мог заявить: «но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (1Кор. 15:10). И действительно, без благодати Божией обыкновенный человек не смог бы поднять таких трудов и совершить столько подвигов. Насколько мужественным, прямым и непоколебимым в своих убеждениях являл себя Павел перед царями и владыками, настолько же решителен и искренен был он и в отношениях со своими собратиями апостолами: так, однажды он не остановился даже перед обличением самого апостола Петра, когда сей великий апостол дал повод нареканию в малоазийской столице язычества Антиохии (Гал. 2:11–14). Этот факт важен, между прочим, тем, что ясно говорит против ложного учения римо-католиков о том, будто св. апостол Пётр был поставлен Господом «князем над прочими апостолами» и как бы заместителем Самого Господа (отчего и папы римские будто бы носят титул «наместников Сына Божия»). Разве посмел бы св. апостол Павел, бывший гонитель Церкви Христовой и позже других пришедший к апостольскому служению, обличать самого заместителя Господа Иисуса Христа в апостольском лике? Это совершенно невероятно. Св. Павел обличил св. Петра, как равный равного, как брат брата.

Св. апостол Павел, первоначально носивший еврейское имя Савл, принадлежал к колену Вениаминову и родился в киликийском городе Тарсе, который тогда славился своей греческой академией и образованностью своих жителей. Как уроженец этого города или как происходивший от иудеев, вышедших из рабства от римских граждан, Павел имел права римского гражданина. В Тарсе Павел получил своё первое воспитание и, может быть, познакомился с языческой образованностью, ибо в его речах и посланиях ясно проглядывают следы знакомства с языческими писателями (Деян. 17:28; 1Кор. 15:33; Тит. 1:12). Главное и окончательное

образование он получил в Иерусалиме в славившейся тогда раввинской академии, у ног знаменитого учителя Гамалиила (Деян. 22:3), который считался славою закона и, несмотря на принадлежность к партии фарисеев, был человек свободомысливший (Деян. 5:34) и любитель греческой мудрости. Здесь же по принятому у евреев обычаю молодой Савл изучил искусство делать палатки, которое потом помогало ему зарабатывать средства на пропитание собственным трудом (Деян. 18:3; 2Кор. 11:8; 2Сол. 3:8).

Молодой Савл, видимо, готовился к должности раввина, а потому сразу же по окончании своего воспитания и образования он проявил себя сильным ревнителем фарисейских преданий и гонителем веры Христовой: может быть, по назначению синедрiona, он был свидетелем смерти первомученика Стефана (Деян. 7:58; 8:1), а затем получил власть официально преследовать христиан даже за пределами Палестины, в Дамаске (9:1–2). Господь, усмотревший в нём сосуд, избранный Себе, на пути в Дамаск чудесным образом призвал его к апостольскому служению. Будучи крещён Ананией, он сделался ревностным проповедником прежде гонимого им учения. На время он отправился в Аравию, а затем снова вернулся в Дамаск для проповеди о Христе. Ярость возмущённых его обращением ко Христу иудеев заставила его бежать в Иерусалим (Деян. 9:23) в 38 году по Р. Х., где он присоединился к обществу верующих. Вследствие покушения эллинистов убить его (9:23) он отправился в свой родной город Тарс. Отсюда около 43 года он был вызван Варнавой в Антиохию для проповеди, путешествовал вместе с ним в Иерусалим с подаянием для голодавших (Деян. 11:30). Вскоре после возвращения из Иерусалима по повелению Духа Святого Савл вместе с Варнавой отправился в своё первое апостольское путешествие, продолжавшееся с 45 по 51 годы. Апостолы прошли весь остров Кипр, с какового времени Савл, после обращения им к вере проконсула Сергия Павла, именуется уже Павлом, а затем основали христианские общины в малоазийских городах Антиохии Писидийской, Икони, Листре и Дервии. В 51 году св. Павел принял участие в апостольском

соборе в Иерусалиме, где горячо восставал против необходимости соблюдения для христиан из язычников обрядового Моисеева закона. Вернувшись в Антиохию, св. Павел в сопровождении Силы предпринял второе апостольское путешествие. Сначала он посетил уже основанные им церкви в Малой Азии, а затем перешёл в Македонию, где основал общины в Филиппах, Солуни и Верии. В Листре св. Павел приобрёл любимого ученика своего Тимофея, а от Троады продолжал путешествие с присоединившимся к ним Дееписателем Лукой. Из Македонии св. Павел перешёл в Грецию, где проповедовал в Афинах и Коринфе, задержавшись в последнем полтора года. Отсюда он послал два послания к Солунянам. Второе путешествие длилось с 51 по 54 годы. В 55 году св. Павел отправился в Иерусалим, посетив по пути Ефес и Кесарию, а из Иерусалима прибыл в Антиохию (Деян. гл. 17 и 18).

После недолгого пребывания в Антиохии св. Павел предпринял третье апостольское путешествие (56–58 гг.), посетив, прежде всего, по обычаю своему, ранее основанные малоазийские церкви, а затем основал своё пребывание в Ефесе, где в продолжение двух лет занимался ежедневно проповедью в училище некоего Тиранна. Отсюда он написал своё послание к Галатам по поводу усиления там партии иудействующих и первое послание к Коринфянам, по поводу возникших там беспорядков и в ответ на письмо коринфян к нему. Народное восстание, возбуждённое против Павла среброковачом Димитрием, заставило апостола оставить Ефес, и он отправился в Македонию (Деян. 1:9). На пути он получил от Тита известие о состоянии Коринфской церкви и о благоприятном действии его послания, вследствие чего послал с Титом из Македонии второе послание к Коринфянам. Вскоре он и сам прибыл в Коринф, откуда написал послание к Римлянам, намереваясь, посетив Иерусалим, отправиться в Рим и дальше на Запад. Попрощавшись в Мелите с ефесскими пресвитерами, он прибыл в Иерусалим, где, вследствие возникшего против него народного мятежа, был взят под стражу римскими властями и оказался в узах, сначала при проконсуле

Феликсе, а потом при сменившем его проконсуле Фесте. Это случилось в 59 году, а в 61 году Павел, как римский гражданин, по собственному желанию был отправлен в Рим на суд кесаря. Потерпев кораблекрушение у острова Мальты, св. апостол только летом 62 года достиг Рима, где пользовался большим снисхождением римских властей и невозбранно проповедовал. Этим и оканчивается повествование о его жизни, имеющееся в книге Деяний св. апостолов (гл. 27 и 28). Из Рима св. Павел написал свои послания к Филиппийцам (с благодарностью за присланное ему с Епафродитом денежное пособие), к Колоссянам, к Ефесянам и к Филимону, жителю Колосс, по поводу бежавшего от него раба Онисима. Все эти три послания были написаны в 63 году и отправлены с Тихиком. Из Рима же в 64 году написано и послание к палестинским евреям.

Дальнейшая судьба св. апостола Павла в точности неизвестна. Некоторые считают, что он оставался в Риме и по повелению Нерона был предан мученической смерти в 64 году. Но есть основания предполагать, что после двухлетнего заключения Павлу дана была свобода и он предпринял четвёртое апостольское путешествие, на которое указывают его так называемые «пастырские послания» – к Тимофею и к Титу. После защиты своего дела перед сенатом и императором св. Павел был освобождён от уз и снова путешествовал на Восток; пробыв долгое время на острове Крите и оставив там ученика своего Тита для рукоположения по всем городам пресвитеров (Тит. 1:5), что свидетельствует о поставлении им Тита в епископа Критской церкви, св. Павел проходил по Малой Азии, откуда и написал послание к Титу, наставляя его, как проходить обязанности епископа. Из послания видно, что он предполагал провести ту зиму 64 году в Никополе (Тит. 3:12) близ Тарса. Весной 65 года он посетил остальные малоазийские церкви и в Милете оставил больного Трофима, из-за которого произошло возмущение против апостола в Иерусалиме, повлёкшее за собой его первые узы (2Тим. 4:20). Проходил ли св. Павел через Ефес, неизвестно, так как он говорил, что пресвитеры ефесские уже не увидят его лица (Деян. 20:25), но он, по-видимому, в это время рукоположил Тимофея в епископа для Ефеса. Далее

апостол проходил через Троаду, где у некоего Карпа оставил свой фелонь и книги (2Тим. 4:13), и потом отправился в Македонию. Там он услышал об усилении лжеучений в Ефесе и написал своё первое послание к Тимофею. Пробыв некоторое время в Коринфе (2Тим. 4:20) и встретившись на пути с апостолом Петром, Павел вместе с ним продолжал путь через Далматию (2Тим. 4:10) и Италию, дошёл до Рима, где оставил апостола Петра, а сам уже в 66 году отправился далее на запад, в Испанию, как предполагал издавна (Рим. 15:24) и как утверждает предание. Там же или уже по возвращении в Рим он был снова заключён в узы («вторые узы»), в которых и находился до смерти. Есть предание, что по возвращении в Рим он проповедовал даже при дворе императора Нерона и обратил к вере во Христа его любимую наложницу. За это он был предан суду, и хотя милостью Божьей избавлен был, по собственному выражению, от львиных челюстей, то есть от съедения зверями в цирке (2Тим. 4:16–17), однако был заключён в узы. Из этих вторых уз он написал в Ефес второе послание к Тимофею, приглашая его в Рим, в предчувствии близкой своей смерти, на последнее свидание. Предание не говорит, успел ли Тимофей застать в живых своего учителя, но оно рассказывает, что сам апостол уже недолго ждал своего мученического венца. После девятимесячного заключения он был усечён мечом, как римский гражданин, недалеко от Рима. Это было в 67 году по Р. Х., в 12 год царствования Нерона.

При общем взгляде на жизнь св. апостола Павла видно, что она резко делится на две половины. До своего обращения ко Христу св. Павел, тогда Савл, был строгим фарисеем, исполнителем закона Моисеева и отеческих преданий, думавшим оправдаться делами закона и ревностью к вере отцов, доходившей до фанатизма. По обращении своём он стал апостолом Христовым, всецело преданным делу евангельского благовестия, счастливым своим призванием, но сознающим своё собственное бессилие при исполнении этого высокого служения и приписывающим все свои дела и заслуги благодати Божией. Самый акт своего обращения ко Христу св. Павел представляет исключительно только как действие благодати

Божией. Вся жизнь апостола до обращения, по глубокому убеждению его, была заблуждением, грехом и вела его не к оправданию, а к осуждению, и только благодать Божия извлекла его из этого губительного заблуждения. С этого времени св. Павел старается лишь о том, чтобы быть достойным этой благодати Божией и не уклоняться от своего призвания. Нет и не может быть речи поэтому о каких бы то ни было заслугах – всё дело Божие. Будучи полным отражением жизни апостола, всё учение св. Павла, раскрытое в его посланиях, проводит именно эту основную мысль: человек оправдывается верою, независимо от дел закона (Рим. 3:28). Но отсюда нельзя вывести заключение, будто св. апостол Павел отрицает всякое значение в деле спасения личных усилий человека – добрых дел (см., например, Гал. 6:4 или Еф. 2:10, или 1Тим. 2:10 и мн. др.). Под «делами закона» в его посланиях понимаются не «добрые дела» вообще, а обрядовые дела закона Моисеева. Надо твёрдо знать и помнить, что апостолу Павлу во время его проповеднической деятельности пришлось вынести упорную борьбу с противодействием иудеев и иудействующих христиан. Многие из иудеев и по принятии христианства держались взгляда, что и для христиан необходимо тщательное исполнение всех обрядовых предписаний Моисеева закона. Они обольщали себя горделивой мыслью, что Христос пришёл на землю для спасения только иудеев, а потому язычники, желающие спастись, должны сначала стать иудеями, то есть принять обрезание и навязнуться к исполнению всего Моисеева закона. Это заблуждение так сильно мешало распространению христианства среди язычников, что апостолы должны были созвать в 51 году в Иерусалиме собор, который отменил обязательность обрядовых постановлений закона Моисеева для христиан. Но и после этого собора многие иудействующие христиане продолжали упорно держаться своего прежнего взгляда и впоследствии совсем отделились от Церкви, составив своё еретическое сообщество. Эти еретики, противодействуя лично св. апостолу Павлу, вносили смуту в церковную жизнь, пользуясь отсутствием св. апостола Павла в той или другой церкви. Поэтому св. Павел в своих посланиях и принуждён был

постоянно подчёркивать, что Христос – Спаситель всего человечества, как иудеев, так и язычников, и что спасается человек не выполнением обрядовых дел закона, а только верою во Христа. К сожалению, эта мысль св. апостола Павла была извращена Лютером и его последователями протестантами в том смысле, будто св. апостол Павел отрицает значение вообще всяких добрых дел для спасения. Если бы это было так, тогда не говорил бы св. Павел в первом послании к Коринфянам, в 13 главе, что «если я имею всю веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею, то я – ничто», ибо любовь как раз и проявляет себя в добрых делах.

Число посланий св. апостола Павла

На основании положительных и достоверных свидетельств общий голос Церкви усвоит св. апостолу Павлу четырнадцать посланий, хотя в древности было немало колебаний в отношении признания Павловым послания к Евреям. Эти послания помещаются в Библии в следующем порядке;

- 1) Послание к Римлянам
- 2) Первое послание к Коринфянам
- 3) Второе послание к Коринфянам
- 4) Послание к Галатам
- 5) Послание к Ефессянам
- 6) Послание к Филиппийцам
- 7) Послание к Колоссянам
- 8) Первое послание к Фессалоникийцам, или Солунянам
- 9) Второе послание к Фессалоникийцам, или Солунянам
- 10) Первое послание к Тимофею
- 11) Второе послание к Тимофею
- 12) Послание к Титу
- 13) Послание к Филимону
- 14) Послание к Евреям.

Порядок этот не хронологический. Это размещение сделано, как легко заметить, по важности и обширности самих посланий и по сравнительному значению церквей и лиц, которым послания адресованы. За посланиями к семи церквям следуют послания к трём лицам, а послание к Евреям поставлено позади всех, потому что подлинность его признана позже всего. Послания св. апостола Павла делятся обыкновенно на две неравные группы:

- 1) послания общехристианские и
- 2) послания пастырские.

К этим последним относятся два послания к Тимофею и послание к Титу, потому что в них указываются основы и правила доброго пастырствования.

Некоторые места в посланиях св. апостола Павла, как, например, 1Кор. 5:9, также – Кол. 4:16, давали повод думать,

что существовали ещё другие Павловы послания, до нас не дошедшие. Но невероятно, чтобы они могли быть утрачены при той заботливости, с какой первенствующая Церковь сберегала писания св. апостолов. Приписывавшаяся св. апостолу Павлу переписка с известным философом Сенекою, братом упоминаемого в Деяниях проконсула Галлиона (18:12), не заслужила признания своей подлинности.

Значение посланий св. апостола Павла и предмет их

Послания св. апостола Павла имеют великое значение в составе Нового Завета, ибо в них мы находим глубокое и всестороннее раскрытие и разъяснение истин евангельского учения. Кроме отдельных по преимуществу любимых св. апостолом Павлом истин Христовой веры, как, например, о значении ветхозаветного закона по отношению к Новому Завету, о растлении и порче человеческой природы и о единственном средстве оправдания перед Богом через веру во Иисуса Христа, нет, можно сказать, ни одного частного пункта во всей христианской догматике, который не находил бы себе основания и подкрепления в Павловых посланиях. Поэтому не может быть истинным богословом тот, кто не изучил их самым основательным образом. Большая часть посланий построена по одному и тому же плану. Начинаются они приветствием к читателям и благодарностью Богу за Его промыслительные действия о том месте, куда адресовано послание. Далее послание обыкновенно делится на две части – догматическую и нравственную. В заключение св. апостол касается частных дел, делает поручения, говорит о своём личном положении, выражает свои благопожелания и посылает приветствия мира и любви. Язык его, живой и яркий, напоминает язык ветхозаветных пророков и свидетельствует о большом знакомстве со Священным Писанием.

Послание святого апостола Павла к Римлянам

Основание римской церкви и состав её членов

О происхождении Римской церкви, столь важной потом в церковной истории, нет никаких точных сведений. Об этом можно только строить предположения – впрочем, весьма вероятные. Сам апостол Павел в послании к Римлянам пишет, что среди римских христиан есть некоторые, уверовавшие во Христа ещё прежде, чем он сам (Андроник и Иуния – Рим. 16:7), и что вера христиан римских уже прославляется во всём мире (Рим. 1:8). В Климентовых рекогнициях говорится, что ещё во время земной жизни Господа Иисуса Христа вести о Нём доходили до римлян и возбуждали в них не только удивление, но и веру. Это неудивительно, если принять во внимание, что со времени подчинения Иудеи Риму Помпеем (в 63 году до Р. Х.) в Риме стало жить множество иудеев, для которых был отведён потом даже особый квартал. Они ездили в Иерусалим на праздники и, конечно, могли потом рассказывать в Риме о том, что там слышали и видели. В день сошествия Св. Духа на апостолов, как свидетельствует об этом Деяния, среди свидетелей этого великого события были и римляне (Деян. 2:10). Среди этих римлян могли быть уверовавшие и крестившиеся, которые потом и явились основателями первой христианской общины в Риме. Является вопрос: откуда и от кого из апостолов ведёт своё начало церковная иерархия этой первой римской общины? Предание Римской церкви говорит, что в Риме был св. апостол Пётр, который после чудесного освобождения своего из темницы в 43 году прибыл туда из Иерусалима и епископствовал там в течение 25 лет, до самой своей мученической кончины в 67 году. Это, однако, не согласуется с другими имеющимися в нашем распоряжении данными. Не может быть сомнения в том, что св. Петра не было в Риме в то время, когда св. апостол Павел писал своё послание к Римлянам. Если бы св. апостол Пётр был в Риме епископом, неужели же св. Павел дерзнул бы поучать его паству, а если бы и счёл всё же нужным обратиться к римской пастве с посланием, то, конечно, не помимо св. Петра и, так или

иначе, упомянул бы его имя в послании. Кроме того, св. Павел сам говорит о себе, что он не имел обычая «строить на чужом основании» (Рим. 15:20) и проповедовать в чужой области (2Кор. 10:6). Не стремился бы св. апостол Павел в Рим, если бы там уже был св. апостол Пётр. Не было св. Петра в Риме, следовательно, и до окончания первых уз св. Павла. Не может быть, чтобы Дееписатель, повествующий о прибытии св. Павла в Рим и о проповеди его там, не упомянул бы, что в Риме в это время находился св. апостол Пётр. Отсюда вывод ясен: св. апостол Пётр мог быть в Риме только после первых уз св. апостола Павла, то есть незадолго до своей мученической кончины.

Кто же был устроителем Римской церкви?

Надо полагать – ученики св. апостола Павла. В конце послания к Римлянам св. апостол Павел посылает приветствия целому ряду лиц, по-видимому, очень близко и хорошо ему знакомых. Кто же эти лица, и как св. апостол Павел, ещё не бывший до тех пор в Риме, мог с ними познакомиться? Все они, несомненно, изгнанники из Рима, изгнанные императором Клавдием и рассеявшиеся по Греции, Македонии и Малой Азии, где они и познакомились с апостолом Павлом. Одни из них были просвещены им, другие стали его сотрудниками. По смерти Клавдия они снова вернулись в Рим и духовно возглавили Римскую церковную общину. Св. апостол Павел потому и горел желанием быть в Риме, чтобы пожать плоды посеянного его учениками.

Предание же о том, что Римская церковь основана св. Петром, можно объяснить тем, что первые верующие в Риме были из числа обращенных в день Пятидесятницы, которые слышали речь св. апостола Петра и естественно считали его своим духовным отцом. К этому присоединилось и то, что в Риме св. апостол Пётр принял мученическую кончину.

В состав Римской церкви первоначально входили главным образом иудеи, но потом вошло в неё много язычников, так что последние стали даже преобладать по числу. Это видно и из послания к Римлянам. Римские язычники, разочаровавшиеся в своих языческих суевериях, при соприкосновении с иудеями

часто становились прозелитами, а это облегчало им и переход в христианство как дававшее ещё большее, уже полное удовлетворение их духу. Римский философ Сенека по этому поводу говорил, что побеждённые дают законы веры победителям, а Ювенал смеялся над иудействующими римлянами и особенно римлянками. По свидетельству Светония, иудеи были изгнаны императором Клавдием из Рима за то, что среди них поднимались смуты из-за Христа. При этом верующие из язычников не могли пострадать, ибо гонение коснулось одних иудеев, и притом не за веру, а за нарушение общественного спокойствия. Община из бывших язычников стала расти и развиваться уже самостоятельно и таким образом совершенно обособилась от иудеев. Вернувшиеся потом христиане из иудеев крепко слились с верующими из язычников, составив с ними единое целое и также окончательно обособившись от иудеев. Это обособление верующих от иудеев резко обозначилось при вступлении св. апостола Павла в Рим, когда верующие вышли апостолу Павлу навстречу до Аппиевой площади и трех гостиниц, а иудеи три дня не являлись к св. Павлу, пока он сам не пригласил их к себе для беседы.

Повод к написанию послания и цель его

Из послания к Римлянам не видно, чтобы они сами дали св. апостолу Павлу какой-либо повод к написанию послания. Послание имеет совершенно общий характер, и ни на какие частности в жизни римских христиан не указывает. Напрасно думают, что поводом были какие-то споры и разделения среди них, указывая на 16:17, – это место тоже общего характера, как и все остальные наставления.

Побуждение к написанию этого послания – всё было в самом Павле, который, услышав об обращении римлян, давно стал стремиться к ним, чтобы проверить, всё ли у них идёт так, как следует. Ведь он был «апостолом языков», и ему естественно было беспокоиться о христианском преуспевании жителей столицы всего тогдашнего культурного мира. Собираясь посетить римлян, он предпослал этому посещению своё послание, чтобы оно заменило на время его личное посещение, подготовив римлян к встрече с ним. В своём послании он начертывает общую программу всего христианского учения и предостерегает их от заражения иудействующими.

Ближайшим поводом к написанию послания в это именно время было отправление в Рим из Коринфа, где находился тогда Павел, высокоуважаемой кенхрейской диакониссы Фивы, оказавшей немалые услуги делу веры и Церкви и бывшей помощницей в деле евангельского благовестия самому апостолу Павлу, о чём он сам свидетельствует (16:1–2). Она имела дела в Риме, и св. апостол Павел, ценя её заслуги, считал долгом рекомендовать её римским христианам.

Место и время написания послания

На основании данных самого послания к Римлянам можно с точностью установить, что оно написано в Коринфе. Это видно из того, что св. Павел передаёт римлянам приветствие от Гаия, у которого он проживал, и от Эраста, городского казначейщика (16:23), а из других посланий его (1Кор. 1:14 и 2Тим. 4:20) видно, что эти лица жили в Коринфе. Точно так же и Фива, с которой отправлялось послание, была кенхрейской диакониссой, а Кенхрея была предместьем Коринфа – коринфской пристанью со стороны Эгейского моря (Рим. 6:1).

Св. апостол Павел не один раз был в Коринфе, а потому является вопрос, в которое именно посещение Коринфа написано им послание к Римлянам. На это тоже есть ясные указания в самом послании. Апостол извещает римлян, что он собирается идти в Иерусалим с милостыней, собранной им в Македонии и Ахаии, а из Иерусалима намерен отправиться в Рим и затем в Испанию (15:25–28). Сравнивая это указание с повествованием книги Деяний (19:21 и 20:3), устанавливаем, что послание к Римлянам написано св. апостолом Павлом во время третьего апостольского путешествия, когда он три месяца провёл в Элладе, то есть около 59 года по Р. Х., весной.

Подлинность послания

Самая придирчивая критика не могла оспаривать происхождения этого послания от апостола Павла. Св. Климент Римский, Поликарп Смирнский, св. Ириней Лионский, Тертуллиан и Климент Александрийский, а также все позднейшие писатели и даже еретики знают и цитируют это послание. Только еретик Маркион отвергал подлинность двух последних глав, начиная с 14 главы, 24 стиха. За ним последовала новейшая критика, считающая эти главы позднейшим прибавлением. Ориген, однако, осуждает Маркиона за это, а существование этих двух глав в древнейших рукописях, как и внутреннее содержание их, не представляющее ничего противоречащего духу, учению и обстоятельствам жизни св. апостола Павла, убеждают нас в несомненной подлинности.

Содержание и состав послания

Послание к Римлянам состоит из 16 глав. Главный предмет его содержания – единственный способ спасения, как для язычника, так и для иудея, в Господе Иисусе Христе. Разработка этой темы занимает большую часть послания – 11 глав. К этому в следующих главах (с 12 по 15:13) приложены общие нравственные наставления о жизни христианской. Начинается послание обычным предисловием с надписанием и приветствием, а кончается послесловием с приветствиями разным лицам.

Экзегетический разбор послания к Римлянам

Начинается послание к Римлянам весьма пространным надписанием и приветствием: «Павел, раб Иисуса Христа, призванный апостол, избранный к благовестию Божией». Называя себя смиренно «рабом Христовым», св. Павел говорит затем, что он берёт римлян в своё попечение на основании апостольского призвания от Самого Господа Иисуса Христа, поручившего ему «во Имя Его покорять вере все народы», между которыми находятся и они, римляне. Затем апостол преподает им, как обычно, «благодать и мир» (ст. 1–7).

Далее, как побуждение вступить в общение с римлянами св. Павел выставляет то, что «вера их возвещается во всем мире», то есть апостолу особенно приятно с такими достойными последователями Христовыми познакомиться для того, чтобы возвести их веру ещё на высшую степень: «преподать им некое дарование духовное» и «утешиться с ними верою общею» (ст. 8–12). Апостол говорит, что он не раз намеревался прийти к ним, но встречал препятствия. Это препятствие – желание успеха проповеди у всех народов, где до того проповедовал апостол.

С 16 стиха начинается вероучительная, догматическая часть послания, в которой апостол доказывает, что перед Богом все грешны и безответны – как язычники, так и иудеи, и что спасает человека только живая вера в Господа Иисуса Христа: «праведный верою жив будет» (Ав. 2:4). Прежде всего, апостол говорит о грехе язычников, которые не позаботились познать истинного Бога через изучение Его творений: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира чрез рассматривание творений видимы» (ст. 18–20). Результат этого неведения истинного Бога повёл к идолопоклонству, а идолопоклонство привело к всякого рода непотребствам и безнравственной, порочной жизни (ст. 21–32).

Во второй главе св. апостол переходит к иудеям. Он говорит, что наряду с язычниками суд Божий тяготеет и над иудеями, которые хотя и имели закон откровенный, но во все

времена были не лучше язычников: осуждая язычников за их нечестие, они делали то же самое. Впрочем, первые 16 стихов этой главы, как отмечает еп. Феофан Затворник, на основании толкования св. Златоуста, имеют в виду не только иудеев, а всех вообще людей, которые, осуждая других за их грехи, сами не воздерживаются от грехов. Это в особенности относится к власти имущим, народным правителям, поставленным судить. Таковые должны знать, что «нет лицепрятия у Бога» и каждый грешащий, кто бы он ни был, понесёт достойное наказание. Здесь важно указание, что язычники, не имеющие Богооткровенного закона, будут судимы Богом по закону совести, написанному в сердцах их: «когда язычники, не имеющие закона, но природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чём свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую в день, когда... Бог будет судить тайные дела человеков» (ст. 1–16).

С 17 по 29 стих св. апостол говорит уже исключительно об иудеях, что они напрасно надеются на своё обрезание и хвалятся своим Богооткровенным законом, ибо их обрезание и данный им закон Божий послужит им в ещё большее осуждение, если они, хвалясь законом, преступлением закона бесчестят Бога (ст. 17–29).

В третьей главе св. апостол показывает, что иудеи не имеют никакого преимущества перед язычниками, ибо «как иудеи, так и еллины, все под грехом» (ст. 9), «все согрешили и лишены славы Божией» (ст. 23). Поэтому оправдание человек может получить только «через веру», «по благодати Божией», «искуплением во Христе Иисусе» (ст. 24–25). Тем не менее, иудеи всё же имеют то преимущество, что «им вверено Слово Божие» (ст. 2), заключавшее высокие обетования о Мессии. Несмотря на то, что иудеи оказались неверными в хранении этого великого дара Божия, Бог, по самому свойству природы Своей, непременно исполнит данные Им обетования. Данный иудеям закон ещё более отягчает их ответственность и виновность. А так как Бог не есть только Бог иудеев, но и

язычников, то и для тех и других один путь спасения – через веру. Этим не уничтожается значение закона, а лишь утверждается, ибо благодать Божия дала возможность людям осуществить требования закона.

В четвёртой главе апостол вспоминает ветхозаветных праведников Авраама и Давида, показывая в их лице, что не формальное только исполнение предписаний закона даёт оправдание человеку перед Богом, а вера во Всесильную благодать Божию, даруемую человеку по милости Божией: «поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность» (ст. 3).

В пятой главе апостол изображает основную истину христианского вероучения о грехе и спасении. Как от Адама, естественной главы всего человечества, грех распространился на всё человечество – «одним человеком грех вошёл в мир, и грехом смерть, так и смерть вошла во всех человеков, потому что в нём все согрешили» (Рим. 5:12), – так и Христос, новая духовная глава всего человечества. Своим искупительным подвигом дарует спасение также всему человечеству. Стихи 12–21 этой главы представляют собою одно из самых важных мест по глубине догматического содержания. Доказательством того, что грех Адама действительно перешёл на всех его потомков, служит факт смерти, которая явилась последствием греха Адамова, или так называемого первородного греха. Апостол указывает на важное обстоятельство: до Моисея не было закона и, следовательно, грехи людей не могли им вменяться: «грех не вменяется, когда нет закона» (ст. 13), но, тем не менее, люди умирали и до Моисея; отсюда естествен вывод, что они наказывались смертью не за собственные грехи, а за грех первородный, перешедший на них от праотца Адама. Когда же дан был закон, а люди не переставали грешить, виновность их перед Богом ещё более увеличилась (ст. 20). Когда же грех таким образом умножился, через искупительный подвиг Христов было дано людям изобилие благодати Божией – «когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (ст. 20). Искупительный подвиг Христов заглаживает не только

первородный грех Адамов, но и все личные грехи людей (ст. 16).

В шестой главе, в предупреждение от ложного вывода, что если умножение греха вызвало действие всемогущей благодати Божией, то не лучше ли оставаться во грехе, дабы опять вызвать милость Божию, апостол увещевает христиан вести жизнь святую, добродетельную. С момента своего крещения христианин умирает для греха и возрождается для новой святой жизни, подобно тому, как и Христос, Спаситель наш, пострадавший и умерший на кресте, воскрес из мёртвых и живёт «вечно для Бога» – «так и вы почитайте себя мёртвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем» (ст. 11). Это место (6:3–11) читается за Божественной литургией в Великую Субботу, когда вспоминается смерть и погребение Христово и пребывание Его во гробе. «Наш ветхий человек» (то есть греховный, склонный ко греху) должен быть распят со Христом, «чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху». Освобождение от рабства греху делает христианина истинно свободным. Если христианин и раб, то раб праведности. Но это рабство праведности только кажущееся рабство: таким оно кажется только для немощных, ещё не освободившихся вполне от рабства греху, потому что в начале служения праведности приходится приневоливать себя, бороться с греховными наклонностями. Но зато плодом рабства праведности, или рабства Богу, является святость и жизнь вечная, а последствием рабства греху – «такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их – смерть» (ст. 16–22).

В седьмой главе апостол объясняет, что христианин, освободившись от рабства греху, свободен и от исполнения закона Моисеева. «Закон имеет власть над человеком, пока он жив». Так, смерть мужа освобождает жену от законных обязательств супружества, и она может выйти замуж за другого. «Так и вы, братие мои, – говорит апостол, – умерли для закона телом Христовым, чтобы принадлежать другому. Воскресшему из мёртвых, да приносим плод Богу» (ст. 4). Закон Моисеев имел временное значение, дабы обнаружить всю силу греха и привести человечество к мысли, что спасение без особой

благодатной помощи Божией невозможно. Закон лишь вскрывал греховные язвы, но не давал исцеления от них: он давал человеку лишь горькое сознание бессилия исполнить все требования закона и получить через это оправдание от Бога. А теперь мы, христиане, освободились от закона с тем, «чтобы нам служить Богу в обновлении духа, а не по ветхой букве», то есть не по внешне формальным предписаниям закона. Тут же апостол предостерегает от возможного ложного вывода, будто в законе лежит причина греха: не было бы закона, не было бы и греха. Нет, причина греха – в самом человеке. Закон сам по себе свят, и заповеди его святы, справедливы и направлены к добру. Закон только обнаруживает грех, коренящийся в природе человека, извращённой первородным грехом. Во второй половине седьмой главы (ст. 13–25) апостол разъясняет кажущуюся ненормальность того, что при наличии святого закона Моисеева греховность человечества не только не уменьшалась, но ещё и увеличивалась, вследствие чего потребовалось чрезвычайное благодатное средство для спасения людей через искупительный подвиг Единородного Сына Божия. Это одно из немногих в новозаветных священных книгах мест, где с такой силой и глубиной изображается греховная развращённость нравственной природы человека: «не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (ст. 15). Одними своими силами, без благодати Божией, человек не в состоянии побороть живущий в нём грех, «доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (ст. 19–20). Ярко раскрывает св. апостол эту картину раздвоенности, которую производит грех в нашей падшей природе: «по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного» (ст. 21–23). «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» (ст. 24). Нарисовав эту мрачную картину поработённости человека греху, св. Павел указывает затем на всемогущую помощь нашего Искупителя: «благодарю Бога (моего) Иисусом Христом, Господом нашим»

(ст. 25). Господь Искупитель и при окаянстве нашем может явить нас победителями живущего в нас греха. Подробно об этом говорится в следующей, восьмой главе.

Выяснив силу греха и величие искупительного подвига Христа Спасителя, освободившего нас из-под власти греха и даровавшего нам возможность жить по духу, а не по плоти, св. апостол в восьмой главе убеждает нас бороться с грехом, ибо теперь уже ничто не может извинить нашего уклонения от этой борьбы. С нами всемогущий Дух Христов, помогающий нам жить по духу, а не по плоти, а «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (ст. 9). Водимые Духом Божиим, мы – дети Божии (ст. 14–16), а «если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (ст. 17). Стремление жить духовной жизнью, борясь с грехом, сопряжено со страданиями, но христиане не должны бояться этих страданий, ибо они ничто по сравнению с той славой, которая нас ожидает в будущей жизни: «нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас» (ст. 18). Этой будущей славы ожидает с нами и вся тварь, ибо и она освободится от рабства закону смерти и тления, отразившемуся, как следствие греха человека, на всей твари. В борьбе с грехом помогает нам Дух Святой, ибо Он «подкрепляет нас в немощах наших; ибо мы не знаем, о чём молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (ст. 26). В надежде на спасение утверждает нас и предвечное предопределение Божие о нашем спасении: «кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил» (ст. 29–30). Для правильного понимания этого места послания св. апостола Павла о Божественном предопределении надо иметь в виду, что апостол говорит не о безусловном предопределении, как учат кальвинисты, а о предопределении, основывающемся на всеведении Божиим. Это не то значит, что Бог, помимо воли людей, одних предопределил к спасению, а других – к гибели,

но то, что Бог, как всеведущий, знает, кто из людей употребит на добро свою свободную волю, а кто – во зло, и в зависимости от этого и предопределяет вечную участь каждого. В заключение увещаний быть твёрдыми в надежде на спасение св. апостол восклицает: «кто отлучит нас от любви Божией?» (ст. 35) и восторженно исповедует свою любовь и преданность Христу Спасителю, призывая к тому же и всех верующих (ст. 35–39).

В следующих трёх главах – девятой, десятой и одиннадцатой – св. апостол выражает свою «великую печаль» и «непрестанное мучение сердца» об упорном неверии иудеев во Христа Спасителя и отвержении их Богом от Церкви Христовой и доказывает, что сам Израиль виновен в своём отвержении, так как ищет оправдания не в вере во Христа Спасителя, а в исполнении внешнего обрядового закона Моисеева. При этом св. апостол выражает убеждение, что как отвержение касается не всех иудеев, потому что есть и верующие из них («остаток сохранился» – 11:5), так оно не будет вечным для иудейского народа: в своё время и иудеи уверуют во Христа и войдут в Его Церковь. Во временном отвержении иудеев, вполне ими заслуженном, св. апостол видит особенное проявление премудрости Божией в отношении спасения всего человечества. Фанатизм иудеев, упорно отвергавших веру во Христа как в Мессию, заставил апостола обратиться с проповедью о Христе к язычникам. И, таким образом, упорное ожесточение иудеев против апостольской проповеди имело своим последствием обращение ко Христу язычников (ст. 25). Успех веры Христовой среди язычников и те духовные блага, которые они получают, возбудит ревность иудеев, и в результате «весь Израиль спасётся» (11:26). Поэтому св. апостол внушает уверовавшим из язычников не кичиться перед иудеями своим спасением. Сравнивая иудейский народ с благородным садовым масличным деревом, у которого «отломились неверием» только ветви, но корень цел и свят, св. апостол уподобляет язычников «дикой маслине», привитой к масличному дереву на место отпавших ветвей: «если... ты, дикая маслина, привился на место их и стал общником корня и сока маслины, то не превозносишься пред ветвями. Если же превозносишься, то

вспомни, что не ты корень держишь, но корень – тебя» (11:17–18). К тому же отпавшие ветви опять могут привиться, ибо «Бог силен опять привить их» (ст. 23), «ибо если ты отсечён от дикой по природе маслины и не по природе привился к хорошей маслине, то тем более сии природные привьются к своей маслине...» (11:24).

Величие Промысла Божия, премудро ведущего все народы к спасению путём незримого для людей воздействия на исторические судьбы народов, вызывает у св. апостола восторженное восклицание: «о глубина́ богáтства и премúдрости и рáзума Бóжия, я́ко неиспы́тани сýдове Егó и неизсле́довани пути́е Егó. Ктò бо разуме́ ум Господень?.. Тому́ и сла́ва во ве́ки, амíнь» (11:33–36). Этим заканчивается вероучительная, догматическая часть послания к Римлянам.

Главы двенадцатая, тринадцатая, четырнадцатая и пятнадцатая по 13 стиху, составляют нравоучительную часть послания. Здесь св. апостол начертывает идеал нравственной жизни христианина. В 12 главе он говорит об обязанностях христианина как члена Церкви в отношении к Богу (ст. 1–2) и к ближним (ст. 3–5), о различных сверхъестественных дарованиях и обычных служениях, о чувствах и расположениях христианина (ст. 8–21). В 13 главе св. апостол говорит об обязанностях христианина как члена государства и общества. Здесь особенно важно наставление о повиновении властям: «всяка душа властем предержащим да повинуется» (ст. 1). Для правильного понимания этого наставления надо обратить внимание на мысль, заключённую в 3 и 4 стихах: та власть «от Бога», которая поощряет добро и наказывает зло. «Поэтому мы вправе сказать, – говорит преп. Исидор Пелусиот, – что самое дело, разумею власть, то есть начальство и власть царская, установлены Богом. Но если какой злодей-беззаконник восхитит сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему изbleвать сие лукавство, как фараону, и в таком случае понести крайнее наказание, или уцеломудрить тех, для кого нужна жестокость, как царь Вавилонский уцеломудрил иудеев» (ч. II, письмо 6). В 14 главе и первых 13 стихах 15 главы св. апостол даёт наставления, как

относиться к немощным в вере, ввиду происшедших на этой почве разногласий в Римской церкви. Большинство римских христиан из язычников хвалились своей христианской свободой в том отношении, что безразлично вкушали всякую пищу и питье, ибо христианская вера не налагала каких-либо воспрещений в этом отношении, как и различений между днями в году. Между тем христиане из иудеев продолжали некоторые виды пищи считать нечистыми и боялись оскверниться ими, так же как признавали общеобязательными некоторые ветхозаветные праздники. Св. апостол увещевает прекратить раздоры на этой почве, так как к немощному в вере нужно относиться снисходительно. Частные мнения и убеждения должны быть предоставлены совести каждого. Главное же: не судить и не укорять друг друга и не подавать друг другу соблазна. Всё для христианина чисто, но если брат твой соблазняется, то лучше не есть мяса и не пить вина, чтобы не соблазнить брата (14:1–21). Стихи 12–14 главы 13 и стихи 1–4 главы 14 читаются на литургии в Неделю Сыропустную перед наступлением Великого Поста, давая указания, с каким настроением должно проходить христианину дни великопостного подвига.

В заключение послания (15:14–16) св. апостол объясняет побуждения, по которым он обращается к римлянам со своим посланием, рекомендует им диакониссу Кенхрейской церкви Фиву, с которой отправляется это послание, и передаёт целый ряд поимённых приветствий христианам, живущим в Риме.

Первое послание святого апостола Павла к Коринфянам

Основание коринфской церкви

Коринф лежит на перешейке, соединяющем Грецию с Морею, или Пелопоннесом. Построен он за полторы тысячи лет до Р. Х. В 44 году при Юлии Цезаре, он был восстановлен после разорения и стал цветущим первым городом римской провинции Ахаии – резиденцией проконсулов. Он славился науками, искусствами и весёлой жизнью, что привлекало в него множество жителей. Отличием его были так называемые «Истмийские игры» и храм Афродиты. Можно сказать, что во времена апостольской проповеди Коринф был представителем греческого легкомыслия, ветрености и чувственных наслаждений.

Церковь в Коринфе была основана св. апостолом Павлом во время его второго благовестнического путешествия, около 53 года, после того как он прошёл с проповедью Филиппы, Солунь, Верию и Афины. Оставив в Македонии для утверждения веры своих учеников Силу и Тимофея, св. Павел направился в Грецию и прибыл в Коринф после краткого пребывания в Афинах, как повествует об этом книга Деяний апостольских (18:11). В Коринфе св. апостол встретил добрых и гостеприимных людей Акилу и Прискиллу, иудеян родом из Понта, которые жили прежде в Риме, но переселились в Коринф по случаю изгнания императором Клавдием всех иудеев из Рима. Акила был «скинотворцем», то есть делателем палаток. Так как св. Павел знал это ремесло, то и поселился у них, чтобы трудами рук своих снискивать себе пропитание. Если Акила и Прискилла не были ещё прежде христианами, то, надо полагать, они теперь были обращены св. Павлом, крещены им и стали ему помощниками в деле евангельского благовестия. Каждую субботу апостол проповедовал в иудейской синагоге, убеждая иудеев и эллинов-прозелитов, что нет иного спасения, как только в Господе Иисусе Христе. Когда пришли из Македонии Сила и Тимофей, св. Павел получил возможность усилить и расширить свою проповедническую деятельность и учил уже не по субботам только, но и в остальные дни недели.

У иудеев эта проповедь, однако, мало имела успеха. Они противились апостолу, злословя его и Господень путь, им проповедуемый. Тогда св. Павел оставил синагогу с вразумительным для иудеев действием и словом. Он отряс прах одежд своих и сказал им: «кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам» (Деян. 18:6). Смысл этих слов: «вина в вашей гибели на вас самих; я чист от неё. Я указывал вам путь спасения, а вы не хотите принять его. Оставайтесь в вашей пагубе». Дальнейшие христианские собрания с проповедью о Христе св. Павел стал устраивать неподалёку от синагоги, в доме некоего Иуста, чтущего Бога. Сюда собирались и язычники, и дело благовестия пошло успешнее: многие уверовали и крестились. Среди уверовавших был и сам начальник синагоги Крисп со всем домом своим. Но всё же успех проповеди, видимо, не был велик, так что св. Павел хотел было вовсе удалиться из развращённого Коринфа, в котором он стал испытывать даже покушения на жизнь свою (2Сол. 3:2). Поэтому Сам Господь явился ему в видении ночью, чтобы ободрить и воодушевить его на дальнейшее служение в Коринфе (Деян. 18:9–10). Укреплённый этим явлением, св. апостол остался в Коринфе на полтора года, и в этот период времени проповедь его произрастила в Коринфе обильные плоды, так что церковь Коринфская стала знаменитой и прославилась обилием духовных дарований (1Кор. 1:5–7).

Когда церковь Коринфская устроилась, св. Павлу предлежало направиться в другие места для проповеди. Отбытие его из Коринфа ускорилось в результате одного прискорбного происшествия. Раздражённые проповедью апостола иудеи схватили его и привели на суд к проконсулу Галлиону с жалобой, что он «учит людей чтить Бога не по закону» (Деян. 18:13). Сущность этого обвинения состояла в том, что Павел сделался основателем какой-то новой секты, сверх дозволенных законами Римской империи вероисповеданий. Галлион был братом известного римского философа Сенеки и дядей поэта Лукана, высокообразованным и благородным человеком. Он отказался разбирать дело, касающееся веры, а не гражданских отношений, и прогнал

иудеев от судилища. Презиравшие иудеев эллины, услышав такое решение Галлиона, устремились на них тут же, в той же судебной палате, и, схватив главного вожака возмущения начальника синагоги Сосфена, «били его пред судилищем, и Галлион нимало не беспокоился этим» (Деян. 18:14–17). Возможно, что этот Сосфен потом обратился ко Христу, и это о нём упоминает св. апостол в 1Кор. 1:1.

По особому, несомненно, Промыслу Божию, продолжателем дела Павлова в Коринфе явился некий иудеянин по имени Аполлос. Он родился и воспитался в Александрии, откуда прибыл сначала в Ефес, а затем в Коринф. Это, по словам Деяписателя, был человек красноречивый и сведущий в Писаниях (Деян. 18:24). Отплывши из Коринфа, св. Павел на короткое время прибыл в Ефес, где оставил Акилу и Прискиллу, а сам отправился в Иерусалим и оттуда в Антиохию, откуда начал затем своё третье апостольское путешествие. По отбытии св. Павла из Ефеса туда прибыл Аполлос, бывший уже христианином и горевший духом, но знавший только крещение Иоанново. Он начал смело учить в синагоге. «Услышавши его, Акила и Прискилла приняли его и точнее объяснили ему путь Господень» (Деян. 18:26). Когда ему явилась нужда ехать в Ахаию, столицей которой являлся в то время Коринф, ефесские верующие дали ему рекомендательные письма к тамошним христианам. Прибыв в Коринф, Аполлос много содействовал уверовавшим, опровергая иудеев всенародно и «доказывая Писаниями, что Иисус есть Христос» (Деян. 18:27–28). Значение проповеди Аполлоса для утверждения христианства в Коринфе было столь велико, что св. Апостол Павел называет его поливателем насаждённых им семян веры Христовой: «я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог» (1Кор. 3:6). Как долго Аполлос пробыл в Коринфе, неизвестно, но при написании первого послания к Коринфянам мы опять видим его в Ефесе вместе с апостолом (1Кор. 16:12).

Повод к написанию первого послания к Коринфянам

Во время пребывания Аполлоса в Коринфе св. Павел, осуществив свой план о посещении Иерусалима на Пасху, начал своё третье апостольское путешествие из Антиохии и, «прошедши по порядку верхние страны – Галатийскую и Фригию» (Деян. 18:22–23), прибыл в Ефес для утверждения здесь Церкви Христовой (Деян. 19:1). Тут до него стали доходить разные неблагоприятные слухи об оставленной им Коринфской церкви. Он хотел было сам отправиться в Коринф прямо из Ефеса морем (2Кор. 1:15–16), но, не решившись оставить Ефес, вместо себя отправил в Коринф своего возлюбленного ученика Тимофея, поручив ему пройти через Македонию и затем донести ему обо всём происходящем в Коринфской церкви. Между тем неблагоприятные слухи о Коринфской церкви стали повторяться и умножаться. Будто бы один из коринфских христиан допускал такой вид блуждения, какой и у язычников не допускается (1Кор. 5:1). Затем пришли в Ефес домашние одной христианки Хлои и подтвердили апостолу этот слух, рассказав при этом и многое другое недоброе, огорчив особенно апостола рассказами о разных религиозных спорах и состязаниях (1Кор. 1:11–12). Создавалось впечатление, что в Коринфе возникли отдельные религиозные партии или секты. Прибывшие из Коринфа посланные от Коринфской церкви Стефан, Фортунат и Ахаик несколько успокоили дух апостола (1Кор. 1:17–18), но всё же подтвердили наличие многих нестроений. Подтвердив слухи о блуждении и о распрях, они передали и многое другое вновь: о тяжбах в языческих судах, о беспорядках на вечерах любви, о непокровении женщинами голов своих в церкви, о неверии некоторых в воскресение мёртвых. Апостолу были предложены также в особом послании и вопросы: о супружестве и девстве, о ядении идоложертвенного, о даре языков и т. п. Вследствие этого св. апостол Павел и решился отправить в Коринф своё послание, чтобы уврачевать все нестроения и дать ответ на все

недоумения. При этом он обещает и сам прийти к ним (1Кор. 4:19–21). Дополнительным поводом к написанию послания, как видно из 1Кор. 16:1–4, было устройство сбора денежного вспомоществования для палестинских христиан.

Время и место написания послания

Как это ясно видно из самого послания, оно было написано в Ефесе. «Не хочу видеться с вами теперь мимоходом, – пишет апостол, – надеюсь пробыть у вас несколько времени, если Господь позволит. В Ефесе же я пробуду до Пятидесятницы» (1Кор. 16:7–8). В послании св. Павел пишет, что он отправил в Коринф св. Тимофея (16:10), а в Деяниях мы находим, что он послал его из Ефеса уже перед тем, как сам собирался уходить из него (19:21–22). По расчёту годов это приходится на 58 или 59 год по Р. Х.

Содержание и состав послания

Содержание послания, как требовал и повод к написанию его, весьма разнообразно: оно касается многих предметов, давая исчерпывающие ответы на вопросы, поставленные коринфянами. Состоит оно из 16 глав. Начинается обычным надписанием и приветствием, кончается также передачей приветствий.

Экзегетический разбор первого послания к Коринфянам

Первое послание св. апостола Павла к Коринфянам отличается от других его посланий чрезвычайным разнообразием разрешаемых в нём вопросов. От ранее рассмотренного нами послания к Римлянам оно отличается ещё тем, что здесь св. апостолу Павлу приходится иметь дело не с иудейскими заблуждениями, а с греческой культурой и греческой чувственностью, с эллинизмом, опиравшимся на философию, не чуждым глубокого проникновения в духовно-нравственную область жизни.

Начинается послание обычным надписанием и приветствием. Наряду с самим собой св. Павел смиренно упоминает и «Сосфена брата». Блж. Феодорит и св. Димитрий Ростовский полагают, что этот Сосфен был тот самый начальник синагоги в Коринфе, который подвергся побоям по случаю возмущения там против апостола Павла (Деян. 18:17). Такого же мнения держится и еп. Феофан Затворник, который говорит, что этих побоев нельзя иначе объяснить, как какою-нибудь соприкосновенностью Сосфена к проповеди св. Павла.

Всё дальнейшее содержание послания состоит из двух частей: первая часть, из первых шести глав, содержит преимущественно обличения, вторая часть – от 7 до 15 главы – содержит преимущественно наставления, и, наконец, последняя, 16 глава, представляет собой заключение, в котором св. апостол излагает соображения о сборе милостыни для палестинских христиан и о своём путешествии по дороге в Коринф, а также передаёт обычные приветствия.

В первой, второй, третьей и четвёртой главах св. апостол обличает коринфян за распри и разделения между ними. Сначала он похваляет их веру, выражая уверенность, что Господь утвердит их в этой вере «до конца, чтобы им быть неповинными в день Господа нашего Иисуса Христа» (ст. 8), а с 10 стиха начинает свою обличительную речь. После св. апостола Павла в Коринфе проповедовал его ученик Аполлос;

туда же прибыли христиане, обращённые св. апостолом Петром; были там и христиане из Палестины, слышавшие проповедь Самого Господа Иисуса Христа. Склонные к партийным распрям и держась, по-видимому, ещё языческого взгляда на проповедников Евангелия как на философов, основывавших каждый свою школу, коринфяне стали делиться на партии по именам проповедников евангельского учения и называли себя: «я – Павлов, я – Аполлосов, я – Кифин, я – Христов». Вначале в основе этого разделения лежало, конечно, лишь доброе чувство любовной привязанности к тому или иному проповеднику, но в дальнейшем такое разделение могло повести к опасным последствиям для самой чистоты веры; в нравственном же отношении это разделение и теперь повело уже ко многим недобрым явлениям в среде коринфского христианского общества, которые и обличает св. апостол в своём послании. Так как это разделение явилось исходной точкой упадка нравственной жизни и всех нестроений, св. апостол с особенной силой и энергией обличает его в целых четырёх главах. Ввиду того, что руководители отдельных партий, по примеру языческих философов, влияли на толпу красноречием и философскими рассуждениями, св. апостол в первой главе характеризует свойства евангельской проповеди сравнительно с мирской мудростью – философией. Проповедь о кресте для язычников, гордых своей учёностью, кажется слишком простой и даже безумием, между тем как для уверовавших слово крестное – сила Божия, дарующая спасение. В то время как мудрость мирская (философия), оторвавшаяся от источника мудрости – Бога и пытавшаяся самостоятельно разрешить все жизненные задачи, оказалась бессильной в устроении человеческой жизни, евангельская проповедь, кажущаяся для неверных юродством (безумием), дарует людям действительно всё, что необходимо как для благоустроения их земной жизни, так, что особенно важно, для их вечного спасения. «Иудеи требуют чудес, и эллины ищут мудрости а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для эллинов безумие, для самих же призванных, иудеев и эллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость»

(ст. 22–24). Здесь важно отметить, что «Божией премудростью» («Софиєю»), в согласии со многими другими местами Священного Писания, именуется не кто другой, как Второе Лицо Пресвятой Троицы. Далее апостол говорит, что «немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков» (ст. 25), что видно из того, что «Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (ст. 27). Это наглядно сказалось в том, что бедные, незнатные и неучёные рыбаки, какими были св. апостолы, и большинство первенствующих христиан, тоже люди по преимуществу низкого звания и необразованные, силою своей веры и своею проповедью посрамили всю языческую мудрость учёных и философов и привели весь мир к подножью Креста Христова. «Бог всяческих, – говорит блж. Феодорит, – неучёными победил учёных, нищими богатых, и рыбаками уловил вселенную». Для чего это нужно было? «Чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом» (ст. 29) – чтобы смирить всякую гордость и надменность, чтобы показать, что мы не можем спастись сами собою, что христианство – это путь спасения через смирение.

В доказательство той же мысли о простоте евангельской проповеди, чуждой обольщения красотой внешнего построения речи и внешней мудрости языческих философов, но сильной только содержащейся в ней Истиной, св. апостол во второй главе вспоминает, как он приходил в Коринф в смиренном виде с простым словом о Распятом, чтобы уверование коринфян ничем не было обязано мудрости человеческой, но лишь Богу: «слово моё и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (ст. 4), «чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (ст. 5). Для более совершенных по вере потом открывается ведение истинной премудрости – премудрости Божией, превосходящей всякое разумение человеческое и недостижимое мудрецам мира сего. Это – «премудрость тайная, сокровенная, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» – это образ устройства нашего спасения в Господе Иисусе Христе со всеми исходными его

началами и с необъятными последствиями во всех областях тварного бытия (ст. 6–8). «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (ст. 9). А нам, то есть истинным христианам, «Бог открыл это Духом Своим, ибо Дух все проникает, и глубины Божии» (ст. 10). Проповедуя о премудрой тайне спасения людей, апостолы имеют «ум Христов», а потому принять их учение во всей глубине могут только люди «духовные», то есть утвердившиеся в духовно-нравственной жизни, переродившиеся духовно и принимающие истину не умом только, но и сердцем и волею, то есть в полном проявлении своих сил и способностей. Человек «душевный», то есть не очистивший ещё душу свою от греховных привязанностей, живущий не духом, но низшими свойствами души, «не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием, и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно» (2:14).

Содержание третьей главы даёт основание предположить, что в отсутствие св. апостола Павла в Коринфе, противники его возбуждали против него христиан, стараясь унижить его учение. Они, видимо, указывали, что другие проповедники Евангелия, как, например, апостол Пётр и Аполлос, более глубоко и красноречиво раскрывают истины учения Христова. Вероятно, отвечая на подобного рода нарекания, св. Павел пишет: «Я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не твёрдою пищей, ибо вы были ещё не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы ещё плотские», доказательством чему служат распри, споры и разделения на партии из-за разных учителей-проповедников. Затем св. Павел разъясняет, как нужно смотреть на апостолов. Апостолы – только слуги Божии, «только служители, чрез которых вы уверовали», а основание спасения во Христе Иисусе, ибо «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос» (ст. 1–5 и 11). «Я насадил, – говорит св. апостол Павел, – Аполлос поливал, но возрастил Бог; посему и насаждающий и поливающий есть ничто, а всё Бог

возвращающий. Насаждающий же и поливающий суть одно; но каждый получит свою награду по своему труду. Ибо мы соработники у Бога, а вы Божия нива. Божие строение» (ст. 6–9). Ценность труда каждого такого строителя-проповедника определится на Страшном Суде. Основание одно – Иисус Христос, но на этом основании можно строить из материалов различной ценности и прочности: из золота, серебра, драгоценных камней (чистое, здоровое учение Слова Божия) или из дерева, сена, соломы (учение, смешанное с измышлениями человеческой мудрости, или пустое красноречие). В день Страшного Суда «огонь испытает дело каждого, каково оно есть» (ст. 12–14). «У кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем, сам спасётся, но так, как бы из огня». По отзыву блж. Августина, это изречение св. апостола Павла относится именно к таким, которые св. апостол Пётр называет «неудобовразумительными» (2 Пётр. 3:16). Эта прикровенность апостольских слов даёт основание римско-католическим богословам находить в них подтверждение своему лжедогмату о загробном чистилищном огне, которым будто бы грешники очищаются по смерти. Правильному пониманию этих слов способствует то самое сравнение с пожарным огнём, охватившим дом, которое проводит св. апостол через свою речь. «Кругом огонь, надо бежать сквозь него. Что тут бывает? Иной пробежит почти не опалённый, другие в разных степенях опаления, а иной так и остаётся в огне. Подобное сему будет с теми, коих на огне суда домики (дела) погорят. Одни пойдут в огонь, другие получают иные разные степени наказания, а иные и помилованы будут. Ибо хотя все они виноваты, что строили не из прочного материала, но виновность их может иметь разные степени. Иной может быть и без вины виноват: трудился над строением непрочным, не зная лучшего образа строения; или, может быть, по обстоятельствам не успел взяться за лучшее, или ещё почему-либо заслуживает извинения» (еп. Феофан). Может быть, сама паства виновата, что оказалась гнилым материалом. Тогда пастырь избежит осуждения, после строгого пересмотра его жизни на неумытном суде Божиим (спасётся так, как бы из огня).

Поэтому учителям-проповедникам надо с большой осмотрительностью и осторожностью строить здание Христовой Церкви, памятуя, что каждый христианин есть храм Божий, так как Дух Божий, через таинства им в себя принятый, живёт в нём: «разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живёт в вас?» (ст. 16). Суетные человеческие мудрования могут разорить этот храм, потому что «мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (ст. 19). «Вы же Христовы», то есть, коль скоро вы уверовали во Христа и стали членами Его Церкви, вы принадлежите Единому Христу, а потому прилично ли вам разделяться из-за Павла, Аполлоса, Кифы или других каких учителей?

В четвёртой главе св. апостол указывает, что, оценивая сравнительное значение апостолов и становясь, таким образом, как бы их судьями, коринфяне проявили недостаток главной христианской добродетели – смирения. Гордясь своим духовным разумением, коринфяне забыли, что если и есть у них что ценное, то это получили они от апостолов, судить о которых можно разве только по степени их верности порученному им делу проповеди, а не по каким-либо внешним качествам, зависящим лишь от природных дарований (как судили о языческих риториках и философах). Чтобы вразумить коринфян и возбудить в них чувство признательности и благодарности всем апостолам равно, как трудящимся для их блага, св. апостол сравнивает их положение со своим. Не успели вы, как бы говорит он, вкусить ещё и начатка от плодов веры, а уже «пресытились, уже обогатились, стали царствовать без нас». «Мы ещё бедствуем, подвергаемся страданиям за проповедь, а вы уже и царством насладились» (блж. Феодорит), «держите себя так, как будто настало уже царство славы, розданы венцы, настало блаженное ликование. Но как же это без нас? Мы трудимся, терпим всякого рода лишения, а вы уже и в царство будто вступили» (еп. Феофан). И апостол рисует картину всевозможных скорбей и лишений, какие претерпевают проповедники евангельского учения. «Нам, последним посланникам. Бог судил быть как бы приговорёнными к смерти; потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов и

человеков...» «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии...» Эти противоположения надо понимать в смысле обличительной иронии. Впрочем, еп. Феофан толкует это иначе: труды и лишения апостолов служат к славе и чести и утверждению в вере тех, кто уверовал через их проповедь. Заканчивает своё обличение св. апостол уверением, что делает он это «не срамляя» их, то есть «не к постыждению» их, но к вразумлению, как «возлюбленных детей» своих. «Хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием» (ст. 14–16). Важное место! Св. апостол говорит, что хотя коринфяне имеют «тысячи наставников», но «немного отцов», и что он «родил их во Христе Иисусе благовествованием», то есть является их духовным отцом. Сам св. апостол Павел называет себя «отцом» обращённых им в христианство, а между тем сектанты, неосновательно ссылаясь на слова Господа Иисуса Христа, обращённые Им только к апостолам в Мф. 23:9, отказывают православным христианским пастырям в праве именоваться «отцами» верующих. Для вразумления коринфян св. апостол посылает им доверенного ученика своего Тимофея и обещает вскоре и сам к ним прийти. Противники св. апостола Павла, видимо, распускали слух, что он четыре года уже не посещает Коринф из боязни встречи там со своими соперниками, более его сильными в слове. Апостол обещает при посещении Коринфа испытать «не слова возгордившихся, а силу, ибо Царство Божие не в слове, а в силе» – в жизни и в делах (ст. 17–20).

Пятая и шестая главы содержат обличения нравственных недостатков.

Вся пятая глава посвящена обличению блудника-кровосмесника, который взял себе в жену «жену отца своего», то есть, надо полагать, мачеху. Св. Павел укоряет коринфян, что они возгордились «вместо того, чтобы лучше плакать», то есть – не следовало бы коринфянам высоко о себе думать, если возможны среди них такие гнусности. Во избежание дальнейшего соблазна, св. апостол повелевает ещё до своего

прихода «предать» виновного «сатане во измождение плоти, «чтобы дух был спасён в день Господа нашего Иисуса Христа» (ст. 1–5). Это не только отлучение от Церкви, вне которой «область сатанина», но и действительное наказание, как говорит св. Златоуст, подобное тому, что было с Иовом, «хотя не с одинаковою силою: там для славнейших венцов, а здесь для разрешения от грехов, дабы сатана наказал его злокачественными ранами или другою какою-нибудь болезнью». «Плотской грех в плоти и наказывается, – поясняет еп. Феофан, – измождённая плоть ослабит узы греха и даст простор духу покаяться». «Разве не знаете, что малая закваска квасит всё тесто?» – такое строгое наказание необходимо для того, чтобы этот худой пример не заразил и других (ст. 6). Христиане вообще должны быть «новым тестом», в котором не может быть места никакой порочной закваске, то есть никакой греховной страсти. «Как пред лицом агнца пасхального у израильтян ни в одном доме не оставалось ничего квасного, так у нас пред лицом нашего агнца пасхального, Христа Господа, не должно быть ничего греховного и страстного» (ст. 7–8). Эти два стиха с присоединением к ним стихов 13–14 из 3 главы Галатам составляют апостольское чтение на утрени Великой Субботы. В связи с грехом кровосмесника апостол заповедует вообще не иметь никакого общения с теми, которые, называя себя христианами, не оставляют своей порочной жизни: «с такими даже не есть вместе» (ст. 9–12). «Извергните развращённого из среды вас» – апостол указывает, что такое изъятие грешника ради освобождения общества от греховной заразы заповедалось ещё в Ветхом Завете (Втор. 17:7).

Первая половина шестой главы посвящена обличению за тяжбы перед неверными в языческих судилищах (ст. 1–8), а вторая половина содержит обличения страстной жизни вообще и чревоугодия и блуда в частности. Св. Златоуст замечает, что собственно предшествующая речь о внутреннем суде над кровосмесником расположила апостола сказать о том, что и внешние житейские дела христиане должны разбирать сами, не доводя их до языческих судей, после чего апостол опять возвращается к прежнему предмету – обличению блудной и

вообще чувственной жизни. «Разве не знаете, что святые будут судить мир?» – апостол говорит, как о чём-то общеизвестном, что «святые», то есть христиане, «будут судить мир», а потому недостойно им обращаться в языческие судилища. «Судить» в смысле «осудят», как, по словам Господа, «царица южская встанет и осудит род сей», и «мужие ниневитстии встанут и осудят род сей» (Мф. 12:41–42), как 12 апостолов будут судить 12 колен Израилевых (Мф. 19:28) в том смысле, что уверовавшие и ставшие христианами послужат в осуждение тем, которые не уверовали. «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов» – здесь имеются в виду ангелы падшие, то есть демоны. И здесь «будем судить» сказано в том же смысле: «осудим».

Далее св. апостол указывает, что сами по себе тяжбы неприличны для христиан, обязанных жить по-братски (ст. 7). Особенно же предосудительны эти тяжбы, если они ведутся по греховным поводам с целью обидеть брата, отнять принадлежащее ему. Отсюда св. апостол переходит к обличению всякого рода грехов, которых не должно быть в христианском обществе как обществе святых (ст. 8–11). После этого апостол вновь переходит к обличению блуда. Эти стихи 12–20 и читаются в Неделю о блудном сыне. «Всё мне позволительно, но не всё полезно; всё мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» – судя по тому, что дальше говорится о пище, здесь говорится прежде всего о том, что можно вкушать всякого рода пищу. Но этой свободе христианина апостол полагает два ограничения: первое – польза, второе – чтобы себя ничем не связать и во имя мнимой свободы, таким образом, не потерять свободы истинной – свободы от всякого пристрастия и греха. Поэтому христианин должен беречь себя от порабощения чувственностью: чревоугодием и связанной с ним страстью блуда. Преступность блуда в том, что он оскверняет и душу, и тело и является святотатством, ибо тела наши, как и души, являются членами Христовыми и принадлежат Богу: блудник же нарушает своё единение с Господом и оскверняет своё тело, являющееся храмом живущего в нас Святого Духа (ст. 12–13; 15–16; 18–

19). «Прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших, которые суть Божии» – заканчивает свою обличительную речь апостол.

С седьмой главы начинается вторая часть послания, содержащая наставления в нравственной христианской жизни. В связи с последней обличительной речью о блуде св. апостол, прежде всего, даёт наставления, касающиеся брака и безбрачной жизни, или девства. Основная мысль всех этих наставлений та, что девство выше брака, а потому должно быть предпочтительно христианами; но кто чувствует себя не в силах вести строго девственную жизнь, тому лучше жениться, нежели разжигаться, то есть поработить свою душу блудной страсти и подвергаться постоянной опасности впасть в блуд. Таким образом, первая нравственная цель брака – избежание блудодеяния (ст. 1–2). Муж и жена принадлежат друг другу всецело и не властны сами над собой: воздержание от брачной жизни допустимо для них лишь по взаимному согласию (ст. 3–6). Желая добра всем, св. апостол ставит в пример своё собственное безбрачие как лучшее состояние (ст. 7–8). Те же, кто неспособен понести подвиг безбрачия, должны вступать в брак, но строго хранить при этом супружескую верность и не разводиться даже в том случае, если один из супругов неверный, ибо воля Господня вообще такова, чтобы всякому оставаться в том звании, в каком кто призван к христианству (ст. 10–24). «Неверующий муж освящается женою (верующею), и жена неверующая освящается мужем (верующим); иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы» (ст. 14) – смысл этого не совсем понятного изречения тот, что брак не должен быть расторгнут в том случае, если только один из супругов уверовал, а другой остался язычником. Иначе сказать, объясняет еп. Феофан: «брак твой, верная жена, с мужем неверным не превратился в незаконное сожительство от того, что ты уверовала, напротив, твоё уверование осватило сей брак и мужа твоего в брачном отношении». Равным образом и дети от такого брака не должны рассматриваться как «нечистые» в смысле – незаконнорождённые. Цель у апостола та, чтобы предотвратить распадение семейств, которое могло бы

наделать много шума и вредно повлиять на дело проповеди. С другой стороны, коль скоро муж и жена неверные не отвращаются от жены и мужа верных, то есть надежда, что и они со временем обратятся, как это и говорит апостол прямо в 16 стихе. С 25 по 40 стихи апостол ярко выставляет преимущества безбрачия: безбрачные свободны от «скорбей по плоти», то есть скорбей и печалей всякого рода, связанных с брачной жизнью, каковых очень много (ст. 25–28); скоротечность нашей жизни и ожидание второго пришествия Христова и Страшного Суда Божия должны побуждать христиан к такому внутреннему настроению, при котором «имеющие жён должны быть, как не имеющие» (ст. 29–31); «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» и т. д. (ст. 32–35) – брачная жизнь создаёт много забот, которые мешают всецело угождать Господу, отвлекают от служения Богу. Поэтому, заключает апостол свои наставления, лучше оставаться в девстве, хотя кто вступает в брак, тот этим не творит греха (ст. 35–40).

В восьмой главе св. апостол даёт наставление о характере христианской свободы по поводу вкушения идоложертвенного. Христианская свобода не в том, чтобы делать всё, что заблагорассудится, руководясь своим знанием истины, которое само по себе способно надмевать, а в том, чтобы ограничивать себя во имя любви. Справедливо считая идолов за ничто, коринфяне свободно входили в идольские капища и участвовали там в трапезах, вкушая идоложертвенное. Этим они соблазняли тех братьев, которые ещё не возвысились до такого понятия о ничтожестве идолов и, по мнению которых, вкушать идоложертвенное значило вступать в общение с идолами (это называет апостол «идольскою совестью» – ст. 7). При виде братьев, вкушающих идоложертвенное, немощная совесть их осквернялась. Сама по себе «пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем» (ст. 8), но надо помнить, что человек не есть только животное, а нравственно свободное существо, а потому и все деяния его, в том числе и ядение или неядение пищи, кроме физиологического, имеют ещё и нравственное значение.

Следовательно, не всегда может быть безразлично и безгрешно есть или не есть известного рода пищу, например идоложервенную или скоромную во время установленного Церковью поста. Поэтому решительно заключает апостол: «если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса вовек, чтобы не соблазнить брата моего» (ст. 13).

В девятой главе св. апостол продолжает развивать ту же мысль о разумном пользовании христианской свободой – о необходимости ограничивать её во имя высших целей. Здесь он говорит о своём праве получать содержание от обращённых им верующих, основываясь на древнем установлении: «священнодействующие питаются от святилища и служащие жертвеннику берут долю от жертвенника» (ст. 13). Но он сам добровольно отказывался от этого законного права для того, чтобы «не поставить какой преграды благовествованию Христову» (ст. 15). Всем и всегда он служил бескорыстно, приспособляясь к нуждам и состоянию всех и отказывая себе в необходимом, единственно ради успеха евангельской проповеди (ст. 15–23). «Для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых» (ст. 20–22) – это образцовое правило так называемого «пастырского применения», которое широко употреблял апостол Павел, снисходя к немощам всех классов и состояний современного ему общества для того, чтобы спасти, хотя некоторых. Всё вышесказанное св. апостол прилагает затем к коринфянам. Указав в себе пример того, как надо воздерживаться от личных пожеланий и потребностей ради пользы ближних, св. апостол хочет склонить к тому же и коринфян. Для этого он употребляет хорошо им знакомый образ бегущих на ристалищах (Коринф славился Истмийскими играми) и борцов, которые для получения тленных венцов «воздерживаются от всего», что может сделать тучным и тем

расслабить их тело. «Так бегите, чтобы получить», увещевает апостол (ст. 24–25). Тут апостол снова приводит в пример себя, говоря, что он бежит не так, как на неверное, и подвизается «не так, чтобы только бить воздух», то есть не напрасно, не без цели, не так, как упражняющиеся борцы, которые, по словам блж. Феодорита, «упражняясь, вместо противника против воздуха приводят в движение руки», но наносит действительные удары врагу дьяволу. Для достижения цели он «усмиряет и поработывает тело своё, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным». Здесь законоположение христианского аскетизма: без обуздания потребностей тела невозможно искоренение греховных страстей, невозможно преуспевание в духовной жизни.

Десятая глава опять направлена против вкушения идоложертвенного. Главная мысль её та, что вкушающие идоложертвенное причащаются бесовской трапезы. Сначала св. апостол устрашает коринфян случаями грозного суда Божия за уклонение к идолослужению из ветхозаветной истории израильтян. Здесь важна вначале параллель между израильтянами и христианами: «Отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море» – прохождение через Чермное море было прообразом крещения, а Моисей был прообразом Христа. «И все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питье, ибо пили из духовного последующего камня; камень был Христос» (ст. 1–4). Пища духовная – манна, прообразовавшая Тело Господа, а духовное питье – вода, чудесно источенная из камня, прообразовавшая Кровь Господа. Мысль та, что Подателем благодатных даров людям как в Ветхом, так и в Новом Завете был Один и Тот же Христос. Это место из Апостола читается на Богоявление при великом освящении воды. Перечислив случаи нравственного падения израильтян и кары Божией за них, апостол предостерегает коринфян от опасности подаваться искушению со стороны языческих соблазнов, если они будут принимать участие в трапезе с язычниками: «кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (ст. 5–12). С 15 по 22 стихи апостол внушает,

что вкушение идоложертвенного есть общение с бесами как участие в трапезе бесовской, ибо «язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу» (ст. 20). С 23 по 33 стихи апостол даёт указания, как обходиться с пищей, чтобы не согрешить употреблением идоложертвенного. Прежде всего, он снова повторяет мысль 12 стиха 6 главы, говоря: «всё мне позволительно, но не всё полезно», ибо коринфяне спокойно участвовали в языческих трапезах, опираясь на право христианской свободы, злоупотребляя им. Апостол разрешает есть всё, что продаётся на торгу, разрешает есть и всё, предлагаемое в гостях, хотя бы и у неверных, но «если кто скажет вам: это идоложертвенное, – то не ешьте ради того, кто объявил вам», христианин ли то или язычник: в первом случае, чтобы не соблазнить его, а во втором – чтобы оберечь своё христианское достоинство от искушителя. Все соображения апостол покрывает всеобщим правилом: «едите ли, пьёте ли, или (иное) что делаете в славу Божию» (ст. 31) – дороже всего для нас слава Божия, и её-то мы и должны иметь всегда прежде всего в виду при всех случаях нашей жизни.

Одиннадцатая глава содержит обличение и исправление некоторых не порядков при церковных собраниях, именно:

- 1) непокровения жёнами голов в церкви и
- 2) нестройностей на вечерах любви.

Сущность первого наставления в том, что на общественных церковных собраниях женщины должны присутствовать с покрытой головой, а мужчины с открытой. Св. Златоуст объясняет это наставление тем, что в Коринфе «женщины с открытыми и обнажёнными головами и молились и пророчествовали, а мужи отращивали волосы, подобно занимавшимся философией, и покрывали свои головы, когда молились и пророчествовали, придерживаясь в том и другом языческого закона». Св. апостол, находя это неприличным для христиан, требует от жён, чтобы они покрывали свои головы в знак своего подчинённого положения относительно мужа. Кроме того, в те времена женщины-язычницы ходили в свои капища открыто с нечистыми целями и обнажение головы для женщины считалось знаком её бесстыдства. Распутная женщина

наказывалась за распутство снятием волос, почему апостол и говорит: «если жена не хочет покрываться, пусть стрижётся» (ст. 1–6). «Сначала муж, – говорит еп. Феофан, – по образу Божию, а потом как бы уже по мужнину образу из него жена, которая «есть потому образ образа, или есть отблеск славы мужа». «Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов» (ст. 10). «Если ты, – говорит св. Златоуст, – не обращаешь внимания на мужа, то постыдись Ангелов». Это покрытие жены есть, таким образом, знак её скромности, покорности и подчинения мужу. Но чтобы муж не превозносился над женой и не злоупотреблял своим главенством, апостол далее говорит: «ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же – от Бога» (ст. 11–12). «Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестие для него?» – этими словами любят пользоваться сектанты против православных священников, носящих длинные волосы. Но здесь речь идёт не о священниках, а о рядовых верующих, и имеется в виду общепринятый обычай, в силу которого только женщины отращивают волосы, а мужчины стригутся. Сектанты забывают при этом, что, по повелению Самого Бога, мужчины, давшие обет назорейства, должны были отращивать свои волосы (Числ. 6:5). Отращивание волос у современных православных священников и монахов имеет в себе точно ту же самую идею назорейства, то есть посвящения себя Богу (ст. 14–16). С 17 по 34 стих св. апостол обличает непорядки, происходившие у коринфян на вечерах любви. Как в первой христианской общине в Иерусалиме было всё общее и все верующие сходились вместе, чтобы вкушать пищу за общим столом, так обычай этот долгое время ещё сохранялся и поддерживался во всех древних христианских общинах. По окончании Богослужения и причащения Св. Христовых Тайн устраивалась для всех общая трапеза, причём богатые приносили яства, а бедные, ничего не имевшие, приглашались ими, и таким образом вкушали пищу все вместе. Это и были так называемые «вечери любви». Апостол обличает коринфян, прежде всего в том, что, когда они собираются в церковь, «между ними бывают разделения», то

есть что они делятся на группы, или по семьям, или по знакомствам, забывая бедных, чем разрушается самая цель установления этих «вечерь любви». Располагая к благоговейному участию в вечерах любви, св. апостол говорит в стихах 23–32 об учреждении таинства Евхаристии, совершение которого обычно предшествовало вечерам любви. Это место положено по уставу читать на литургии Великого Четверга. Тут для нас особенно важны слова: «кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней». Эти слова примечательны по их догматической важности: хлеб есть истинное Тело Христово, а вино – истинная Кровь Христова, а не только символы, как нечестиво учат крайние протестанты и сектанты. Поэтому и говорит дальше апостол: «да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьёт от чаши сей» – то есть желающий причаститься должен подготовить себя к этому испытанием совести и устранением препятствий к достойному причащению. Для этого в Православной Церкви и установлено перед причащением говение и исповедь. Это совершенно необходимо, ибо «кто ест и пьёт недостойно, тот ест и пьёт осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (ст. 27–29). В заключение в стихах 33–34 апостол увещевает, чтобы на вечерах любви «ждали друг друга», то есть вкушали пищу чинно, не бросаясь с жадностью и упреждая других. «Прочее устрою, когда приду» (ст. 34) – это важно: все от апостолов – все порядки в Церкви установлены ими, хотя и не всё изложено в Священном Писании.

Двенадцатая глава говорит о духовных дарах в Церкви. Отличительной особенностью жизни Церкви Христовой в век апостольский было чрезвычайное проявление благодати Божией в виде духовных дарований, какими обладали верующие. Апостол перечисляет здесь следующие духовные дарования: дар мудрости, знания, веры, чудотворения, пророчества, различения духов, дар языков и их истолкования. Эти дарования должны были содействовать успеху евангельской проповеди среди неверующих. Но среди коринфян многие стали смотреть на эти благодатные проявления Духа Святого как на

повод к тщеславию и превозношению. Пытаясь овладеть более поразительным даром, некоторые впадали даже в самообольщение и, не обладая никаким даром, неистовствовали, произнося нечленораздельные и никому непонятные слова, а иногда, в омрачении ума и сердца, выкрикивали богохульные мысли, произнося, например, анафему на Иисуса. Тут сказались влияние языческих прорицательниц вроде Пифии или Сибиллы. В искусственно вызываемом ложном вдохновении они с пеной у рта, с распущенными волосами выкрикивали или непонятные, или двусмысленные изречения и производили сильное впечатление на людей, настойчиво домогавшихся у них ответов. Таковы, например, и современные сектанты – хлысты, пятидесятники. Апостол предостерегает христиан от языческого взгляда на духовные дарования и отношение к ним. Он разъясняет, что все духовные дарования в Церкви есть действия Единого Духа Божия (ст. 3–11). Поэтому как не может находящийся под наитием Духа Святого произнести хулы на Бога, так не должно быть никакого соперничества между обладающими различными духовными дарованиями. Как тело человека состоит из разных членов и каждый из них имеет своё особое определённое назначение, и между ними не может быть соперничества, так и в Церкви не может быть соперничества между христианами, составляющими единое Тело Христово, в котором каждому поручено своё особое служение: одним апостольское, другим пророческое, третьим учительское, иные получили дар чудотворения, иные – исцеления, вспоможения, управления, разных языков (ст. 12–30). Апостол советует коринфянам ревновать о «дарах больших». Большой же из всех благодатных даров – это дар любви. Ему и посвящена следующая глава.

Тринадцатая глава справедливо именуется некоторыми «дивным гимном христианской любви». Только одна любовь и даёт истинный смысл и истинную цену духовным дарованиям и подвигам человеческим. Без любви человек может говорить всеми языками человеческими и даже ангельскими, но речь его будет «медь звенящая, или кимвал звучащий». Без любви человек – ничто, хотя бы он имел дар пророчества и знал все

тайны, и имел все познания и всю веру, которая двигала бы горами. Без любви не имеют никакого значения даже такие подвиги самоотвержения, как раздача всего своего имущества и предание тела своего на сожжение. Стихи 4–7 посвящены характеристике любви. Свойства любви таковы, что она поистине является исполнением всего закона, по выражению св. апостола Павла в Рим.13:10. Это – долготерпение, милосердие, отсутствие зависти, хвастовства, гордости, духа бесчинства, бескорыстие, негневливость, забвение обид и оскорблений, отсутствие радости при несчастьях других, любовь к правде, полная вера, твёрдая надежда и готовность переносить всякие скорби. Проповедь, дар языков и знания суть только временно необходимые дарования, а любовь останется вечно, она «никогда не перестаёт» (ст. 8–10). То можно назвать лепетом, мыслями и рассуждениями младенца, а любовь есть принадлежность совершенного человека, когда он увидит Бога не как сквозь тусклое стекло, не гадательно, но лицом к лицу, и познает Его не отчасти, но вполне, точно так, как теперь знают человека (ст. 11–12). «Теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (ст. 13) – это самые высшие дарования, но и из них выше всех любовь, потому что, как говорит св. Златоуст, «вера и надежда прекращаются, когда являются блага, составляющие предмет веры и надежды» (то есть в будущем веке). «В будущей жизни излишня вера, – говорит блж. Феодорит, – когда явными соделаются самые вещи. Также излишня там и надежда. Но любовь тем паче возымеет силу, когда упокоятся страсти, тела сделаются нетленными, а души не будут избирать ныне то, а завтра другое».

В четырнадцатой главе св. апостол говорит о пользовании двумя духовными дарами: даром пророчества и даром языков. Сначала в 1–25 стихах он раскрывает превосходство первого дара над вторым, потом, в 26–38 стихах, наставляет, как надлежит пользоваться тем и другим даром в церкви, и наконец, в 30–40 стихах делает заключительный вывод о сих двух дарах, подчёркивая, что в церкви всё должно быть «благообразно и по чину». Превосходство дара пророчества

перед даром языков то, что кто пророчествует, то есть понятно изрекает волю Божию не только о будущем, но о прошедшем и настоящем, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение, а говорящего на незнакомом языке никто не понимает, кроме знающих этот язык. Для не понимающих этого языка говорить так – значит «говорить на ветер». Это всё равно что нестройные и спутанные звуки разных инструментов (ст. 7–9). Чрезмерное увлечение даром языков есть своего рода младенчество и ребячество, недостойное совершенных христиан. Поэтому, увещает апостол: «не будьте дети умом: на злое будете младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (ст. 20). Смысл этого наставления тот же, что в словах Христовых: «будьте убо мудри, как змии, и просты, как голуби» (Мф. 10:16), то есть: не знайте злобы, как младенцы, но по уму будьте совершеннолетними. Такое младенческое увлечение даром языков есть и пренебрежение к верующим (ст. 22), и давание повода к посмеянию от неверных (ст. 23). Общее правило для всех обладателей чрезвычайных благодатных даров: «всё сие да будет к назиданию», то есть: всё должно быть к общему назиданию (ст. 26). Если есть говорящие на иностранных языках, то они должны говорить не все сразу, а порознь, а один должен изъяснять; пророчествующие тоже должны поучать по очереди и тотчас прекращать слово, когда иные получают откровение, чтобы не было беспорядка в церкви, ибо «Бог не есть Бог неустройства, но мира» (ст. 27–33). «Жёны ваши в церквах да молчат» (ст. 34) – научая женщин скромности и повиновению мужьям, св. апостол запрещает им не только учить в церкви, но даже спрашивать о чём-нибудь: «неприлично жене говорить в церкви» (ст. 35). В заключение апостол предлагает ревновать о даре пророчества, но не запрещает говорить и языками, напоминая, что главное в церкви – это благопристойность и порядок: «всё должно быть благопристойно и чинно» (ст. 40).

Пятнадцатая глава представляет собою чрезвычайно важный в догматическом отношении трактат о воскресении мёртвых. Надо полагать, что среди коринфских христиан под влиянием языческих философов являлись сомнения в великой

истине воскресения мёртвых. Когда апостол Павел стал говорить о воскресении мёртвых в Афинах, то некоторые насмеялись над ним (Деян. 17:32). Подобные философы, которым воскресение мёртвых казалось невероятным, могли быть и в Коринфе. Одни, видимо, совсем отвергали воскресение мёртвых, другие говорили, что надо понимать его аллегорически и что оно уже было, так как под ним надо понимать очищение души. В послании к Тимофею (2Тим. 2:17–18) св. Павел назвал это нечестивое учение гангреной (раком) и указал распространителей его – Именея и Филита, которые говорили, что воскресение уже было. Некоторые только недоумевали, как восстанут мёртвые и в каком теле. Прежде всего, св. апостол доказывает истину Воскресения Господа Иисуса Христа из мёртвых, ссылаясь на явления Воскресшего Христа Петру (Кифе), двенадцати апостолам, 500 братьям, апостолу Иакову, всем другим ученикам Христовым и, наконец, самому апостолу Павлу (ст. 1–8). Из истины Воскресения Христова св. Павел выводит затем, как неизбежное следствие, истину и общего воскресения всех в предопределённое Богом время, ибо своим Воскресением Христос положил начало и нашему воскресению как «первенец из умерших» (ст. 20). Если только допустить мысль, что всеобщего воскресения не будет, то надо отвергнуть тогда и истину Воскресения Христова. А это отрицание ниспровергает всё христианство, ибо «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (ст. 14). Между тем проповедь апостолов сопровождалась столь поразительными знамениями и такими замечательными дарами Святого Духа, что назвать её тщетной никто из благоразумных людей не решился бы. «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы ещё во грехах ваших» (ст. 17), «поэтому и умершие во Христе погибли. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков» (ст. 18–19), ибо, на чём основывается вера в отпущение грехов? На том, что Христос, умерши на кресте, принёс за них искупительную жертву, а то, что жертва сия принята, это свидетельствуется Его Воскресением. Если Он не воскрес, то жертва Его не принята и смерть Его – обыкновенная

человеческая смерть, не могущая иметь искупительного значения. Тогда и умершие в вере и претерпевшие мученичество за Христа – не более как несчастные, погибшие люди. Тогда христиане вообще оказываются несчастнейшими из людей: и здесь всего лишаются, подвергаясь гонениям и сами себя ограничивая, и там, в будущей жизни, на которую надеются, ничего не получают. Тогда нет никакого смысла руководиться в жизни нравственными правилами и бороться со своими греховными наклонностями. Тогда больше смысла будет руководиться правилами языческой школы эпикурейцев: «станем есть и пить, ибо завтра умрём» (ст. 32). Таким образом, отрицание воскресения мёртвых есть подрыв всей христианской нравственности. Далее апостол из истины Воскресения Христова выводит истину всеобщего воскресения мёртвых, ибо Христос – родоначальник обновлённого Им человечества. Новый Адам: «как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (ст. 20–28). Далее апостол говорит, что отрицание истины воскресения мёртвых привело бы к признанию бесцельности крещения, которое не имело бы никакого смысла, все труды и подвиги апостолов были бы тогда тщетными и вся нравственность ниспроверглась бы (ст. 29–32). Желая предостеречь коринфян от вредного для них общения с язычниками, которые, по-видимому, и заразили их неверием в бессмертие, апостол употребляет древнее присловие: «худые сообщества развращают добрые нравы» и стыдит их, что они «не знают Бога», то есть по-язычески не представляют себе всемогущества Божия, которое сильно воскресить умерших (ст. 33–34). В 35–53 стихах апостол говорит об образе воскресения мёртвых: сначала он решает вопрос, как воскреснут тела умерших, то есть какою силою (ст. 36–38), потом – в каком виде воскреснут они (ст. 39–50) и, наконец, как совершится самое воскресение (ст. 51–53). Первый вопрос апостол решает, сравнивая тело человека с зерном. Как зерно, чтобы дать росток, должно предварительно подвергнуться тлению, так и тление тел умерших людей не может рассматриваться как препятствие к воскрешению их силой Божьей. На второй вопрос апостол отвечает, что тела воскресших людей будут отличны от

нынешних грубых тел: это будут тела «духовные», подобные телу Воскресшего Христа: они будут нетленны, ибо «плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления» (ст. 50), а потому: «не все мы умрём, но все изменимся» (ст. 51), то есть те, кто ещё будет жить в момент общего воскресения, мгновенно изменятся, и тела их также станут духовными и нетленными. «Тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему – облечься в бессмертие» (ст. 53). Все эти духовные тела будут славны в различной степени, в зависимости от нравственного совершенства каждого человека (ст. 39–49). Заканчивает свои мысли о воскресении мёртвых св. апостол торжественными словами пророков Исаии – о том, что некогда «погложена будет смерть победою», и Осии: «смерть! где твоё жало? ад! где твоя победа?» ([Ис. 25:8](#) и [Ос. 13:14](#)) и благодарением Богу, дарующему нам победу над смертью, после чего внушает быть твёрдыми и непоколебимыми в христианской вере и жизни, зная, «что труд ваш не тщетен пред Господом» (ст. 54–58).

В шестнадцатой главе апостол даёт наставление относительно сбора пожертвований для иерусалимских христиан, затем обещает сам прийти в Коринф из Ефеса через Македонию, просит дружелюбно принять Тимофея, вновь внушает бодрствовать, мужественно и твёрдо стоять в вере, передаёт приветствия от Асийских церквей, от Акилы и Прискиллы и всех братии, а тем, кто не любит Господа Иисуса Христа, возглашает «анафему-маранафа», что значит: «да будет отлучён до пришествия Господа». Вот где обоснование той «анафемы», которая возглашается в наших храмах в Неделю Православия. Заключает послание обычным апостольским благословением.

Второе послание святого апостола Павла к Коринфянам

Повод к написанию послания

Прежде чем отправиться в Коринф, св. апостол Павел хотел узнать, какое впечатление произвело там его первое послание. Кроме того, он хотел ранее посланному туда Тимофею дать возможность закончить сбор милостыни для иерусалимских христиан (1Кор. 4:17). В то же время он предполагал задержаться в Ефесе, чтобы, закончив тут свою миссию, иметь возможность больше времени посвятить коринфянам. Однако возмущение Димитрия-среброковача заставило апостола оставить Ефес немедленно. Идти сразу в Коринф было бы рано, ибо Тимофеем с милостыней не мог ещё быть там, а главное – апостол не знал, каковы были результаты его первого послания. Поэтому он послал в Коринф другого своего ученика Тита, а сам отправился в Троаду, дав Титу наказ вернуться к нему туда же с собранными сведениями о происходящем в Коринфе. Ожидательное состояние апостола в Троаде было столь напряжённо, что он, не имея, по собственному выражению (2Кор. 2:12–13), покоя духу своему, пошёл в Македонию, чтобы скорее встретиться с Титом. Встреча с Титом в Македонии успокоила св. апостола Павла. Здесь же он встретился и с Тимофеем, который ещё только направлялся в Коринф. Тит сообщил св. апостолу Павлу много радостного о том действии, которое произвело на коринфян его первое послание, но вместе с тем и кое-что неприятное. Все эти полученные св. апостолом Павлом от Тита вести о положении в Коринфе и послужили для него поводом к написанию второго послания. Это ясно видно из самого послания (гл. 7, ст. 6–16).

Св. Тит сообщил апостолу, что первое послание его произвело в коринфянах сильную «печаль ради Бога», которая привела их к покаянию, пробудила страх Божий и желание исправиться, воспламенила негодование на кровосмесника (2Кор. 7:11) и возбудила отвращение ко всему нечистому – языческому. Но, с другой стороны, св. Тит сообщил апостолу и то, как упорные противники его из всех сил стараются поколебать апостольский авторитет его у коринфян. Не будучи в

состоянии обвинить апостола в чём-либо явно предосудительном, они усиливались придать какое-то необычайно важное значение в глазах коринфян тому, например, что апостол несколько раз изменял свой план относительно посещения Коринфа (2Кор. 1:16; 1Кор. 16:3, 6, 7). Из этого они, по-видимому, хотели сделать вывод, что настроение апостола непостоянное, изменчивое, а потому и к самому учению его, как человека легкомысленного и несерьёзного, нельзя питать доверие. Смирение Павла и его необычайную скромность и бескорыстие, проявленные во время пребывания в Коринфе, они пытались истолковать как признаки его слабости, малодушия. «В посланиях он строг, – говорили они, – а в личном присутствии слаб, и речь его незначительна» (2Кор. 10:10). Это не могло не беспокоить апостола, ибо набрасывало тень не только на него лично, но и на проповедуемое им учение, почему он считал необходимым разъяснить коринфянам всю неосновательность распускаемых о нём слухов. Упомянул Тит и о том, что не все коринфяне образумились, что некоторые, глубоко закосневшие в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, не думают исправляться (2Кор. 12:20–21). Надлежало их с особой силой побудить к покаянию, дабы, как выражается св. апостол во втором послании, «в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению» (13:10).

Кроме того, апостолу хотелось расположить коринфян к щедрым жертвам палестинским христианам, дабы не постыдиться за них перед македонянами, ибо апостол, по его словам, заранее похвалился их благотворительностью (2Кор. 9:4).

Все эти побуждения и послужили поводом к написанию второго послания к Коринфянам.

Время и место написания послания

По ходу дела видно, что это послание написано в том же самом 58 или 59 году, как и первое послание. А местом написания несомненно была Македония, вероятнее всего, город Филиппы, что видно из самого послания (2Кор. 2:12–13; 7:5–7; 8:1–6; 9:2–4). Послание было отправлено с Титом и другим братом, «похваляемым за благовествование» (2Кор. 8:18), видимо Лукою.

Содержание и состав послания

Второе послание к Коринфянам содержит в себе всего 13 глав и по содержанию распадается на следующие отделы, или части:

1) Вступление, которое вместе с надписанием содержит обычные приветствия и благожелания (1:1–11);

2) Часть теоретическая, где св. апостол излагает причины, по которым не мог прибыть в Коринф (1:12–2:11), потом рассуждает о высоте проповедуемого им учения (2:12–7:1) и, наконец, возвращаясь к прежней речи, выражает радость, доставленную ему возвращением Тита и всем, что видел и встретил он в Коринфе (7:2–16);

3) Практическая часть посвящена рассуждениям о сборе милостыни для иерусалимских братьев – главы 8 и 9;

4) Защитительная часть посвящена защите апостолом своей проповеднической деятельности и своего высокого апостольского достоинства – гл. 10–13:10;

5) Заключение из трёх стихов (13:11–13) содержит наставление о мире и единомыслии, приветствия и благословение апостола Павла.

Экзегетический разбор второго послания к Коринфянам

Всё послание проникнуто чувством скорби, навеянным на душу апостола тяжёлыми условиями апостольского служения, но эта скорбь не угнетает апостола, она без остатка растворяется в той силе веры и в том сознании правоты своего дела и святости исполняемого долга, какое было постоянной отличительной чертой св. апостола Павла.

Начинается послание обычным надписанием от имени самого апостола Павла и ученика его Тимофея и преподанием апостольского благословения не только коринфянам, но и всем христианам Ахаии. Сказав затем, что цель всех своих страданий и утешений он полагает в утешении и спасении коринфян, апостол извещает о приключившейся ему было смертной опасности в Азии, от которой избавил его Господь при содействии молитв Коринфской церкви (ст. 1–11). Далее, начиная с 12 стиха первой главы и во второй главе св. апостол извещает коринфян о перенесённых им скорбях и гонениях в Малой Азии, объясняет замедления в личном посещении им Коринфа желанием видеть их покаявшимися и выражает свою радость по поводу того, что они уже начали работать над своим нравственным исправлением. В 17–20 стихах первой главы св. апостол возражает тем клеветникам, которые пытались обвинить его в изменчивости и тем набросить тень на самую проповедь его, как такую же изменчивую, сбивчивую и лживую. «Верен Бог, что слово наше к вам не было то «да», то «нет». Ибо Сын Божий, Иисус Христос, проповеданный у вас нами, мною и Силуаном и Тимофеем, не был «да» и «нет» но в нём было «да»... в славу Божию, через нас» (1:18–20). Смысл этих слов тот, что проповедь св. апостола так же тверда и неизменна, как неизменен Сам Христос. «Утверждающий же нас с вами во Христе и помазавший нас есть Бог, Который и запечатлел нас и дал залог Духа в сердца наши» (ст. 21–22) – здесь идёт речь о таинстве Миропомазания, для тайносовершительной формулы которого отсюда взяты слова:

«печать дара Духа Святаго». Смысл этих слов апостола таков: в том, что возвещённое мною вам учение верно, доказательством служит полученная вами в миропомазании печать дара Духа Святого. «Бога призываю во свидетеля на душу мою...» – слова, свидетельствующие о допустимости клятвы в важных случаях (ст. 23). Клятвенно свидетельствуясь Богом, св. апостол открывает коринфянам истинную причину замедления прихода к ним, что щадя самих же коринфян, он не шёл к ним до сих пор, чтобы не поступать с ними так, как поступал бы, если бы хотел только «брать власть над их верою», то есть думал бы со всею строгостью вести себя начальником над всем строем их религиозной жизни. Иными словами, апостол хотел, чтобы они сами исправили у себя все свои погрешности, дабы встреча их с апостолом была радостной, без всяких взаимных огорчений.

О том же говорит св. апостол и во второй главе: он не хотел приходить к коринфянам «с огорчением», а потому предоставил им самим произвести суд над тем, кто и его и их крайне огорчил, то есть над кровосмесником. Но так как огорчитель покаялся, то апостол разрешает простить его, чтобы он «не был поглощён чрезмерною печалью» и чтобы не восторжествовал тогда сатана (ст. 1–11).

С 2:12 до 7:1 св. апостол рассуждает о высоте христианского откровения, или евангельской истине, и о том, как эта истина водворяется на земле. К рассуждению об этом св. апостол был подвигнут как бы внезапно, вспомнив о перемене плана своего путешествия и о том, как, придя в Македонию, он встретил там Тита и был обрадован им вестями о благоприятном действии своего первого послания (ст. 12–13). Апостол благодарит Бога, «Который всегда даёт нам торжествовать во Христе и благоухание познания о Себе распространяет нами на всяком месте» (ст. 14). Первое свойство и действие евангельского Откровения то, что оно не нуждается в посторонних одобрениях для себя: оно само даёт себя чувствовать, как всюду разносящееся благоухание: «Христово благоухание есть», хотя это благоухание и производит неодинаковое действие на людей, в зависимости от их внутренней настроенности: для одних оно живительно, а для

других смертоносно. Вины апостолов тут нет, ибо они проповедуют чистое и неповреждённое учение Христово (ст. 14–17).

В третьей и четвёртой главах св. апостол говорит о превосходстве новозаветного откровения пред ветхозаветным и указывает характерные свойства истинных проповедников Евангелия и самой евангельской проповеди.

Как видно из третьей главы, противники апостола – руководители иудействующей партии – хвалились перед коринфянами тем, что имеют одобрительные (рекомендательные) письма из Иерусалима, и, вероятно говорили, что деятельность апостола Павла, будто бы унижающего в своей проповеди ветхозаветный закон, не одобряется иерусалимскими христианами. В ответ на это св. апостол утверждает, что новозаветное откровение не нуждается ни в каких посторонних одобрениях для себя. Оно само за себя говорит, и лучшей рекомендацией для него служит вера и добрая жизнь принявших его. «Вы – наше письмо, написанное в сердцах наших, – говорит св. апостол, – узнаваемое и читаемое всеми человеками; вы показываете собою, что вы – письмо Христово, через служение наше, написанное не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» (ст. 1–3). Такая уверенность апостола в плодотворности его проповеднической деятельности покоится на вдохновении, полученном от Самого Господа Иисуса Христа. Христианское откровение не зависит от достоинства и способностей проповедников, но само прославляет самих проповедников. Если служение букве – закону ветхозаветному, не дававшему оправдания человеку, доставляло такую славу его служителям, что на Моисея не могли смотреть, когда он был без покрывала на лице, – то тем более славы даёт служение духу – Завету Новому, оправдывающему грешного человека перед Богом. Что значит здесь изречение: «буква убивает, а дух животворит», и почему св. апостол назвал ветхозаветный закон «смертоносными буквами»? Прекрасно объясняет это св. Иоанн Златоуст: «Закон, если поймает убийцу, то осуждает его на смерть, а если поймает убийцу благодать, то она освящает и

оживляет его. Но что я говорю об убийце? Закон и того схватил и побил камнями, который собирал дрова в субботу. Вот что значит – письма (буква) убивает. Напротив, благодать ловит бесчисленных человекоубийц и разбойников и, омывши их водами крещения, разрешает от прежних зол. Вот что значит: «дух животворит». Как служители духа, свв. апостолы действуют с великим дерзновением и не закрывают покрывалом, то есть иносказаниями, или притчами, великих тайн Божественного домостроительства, ибо Христос снял покрывало, лежавшее на Ветхом Завете. И только для слепо привязанных к Ветхому Завету иудеев и иудействующих «то же самое покрывало остаётся неснятым при чтении Ветхого Завета... Доныне, когда они читают Моисея, покрывало лежит на сердце их, но когда обращаются к Господу, тогда это покрывало снимается» (ст. 4–16). «Господь есть Дух; а где Дух Господень там свобода» (ст. 17) – выражение не вполне ясное, которое толкуется различно, смотря по тому, Кого понимать здесь под «Духом»: третье Лицо Пресвятой Троицы – Духа Святого или Божество вообще как Существо духовное. Во всяком случае смысл этого изречения таков: если в Ветхом Завете многосложность разных законных предписаний стесняла свободу, то в Новом Завете благодать Святого Духа дала нам возможность свободно приближаться к Самому Господу Иисусу Христу, взирая на славу Его и преображаясь самим «в тот же образ от славы в славу» (ст. 18).

В четвёртой главе излагаются характерные свойства истинных проповедников Евангелия, которые, несмотря на все тяготы своего служения, «не унывают», ибо они «не себя проповедают, но Христа Иисуса Господа» (ст. 1 и 5). Эти проповедники Евангелия, озарённые свыше и просвещённые «познанием славы Божией в лице Иисуса Христа», сами по себе, как люди, немощны. Они носят великое сокровище евангельской истины как бы в глиняных сосудах. Это для того, «чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не им» (ст. 7). Но сила Божия явно сказывается в этих хрупких, по видимому, скудельных сосудах, которые по естественным соображениям должны были бы легко сокрушиться при всех тех

напастях, которые на них обрушиваются при исполнении ими своего служения: «Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем; всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (ст. 8–10) – как страдал Сам Господь, так страдают и проповедники Его учения, но как жизнь в нём восторжествовала над смертью, так эта животворящая сила живёт и действует и в апостолах, а через них передаётся и всем верующим. Постоянная смертная опасность, в какой находятся апостолы, не устрашает их, поскольку они воодушевляются надеждой на всеобщее воскресение мёртвых (ст. 11–15). К тому же эти телесные страдания приносят великую пользу душе, ибо «если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (ст. 16–18).

В пятой главе, продолжая ту же речь, св. апостол говорит, что их, истинных проповедников Евангелия, не страшит смерть, потому что они с разрушением этой земной «храмины тела» имеют от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный (ст. 1). Апостол говорит даже, что они сами «воздыхают», желая «облечься в небесное наше жилище», то есть в будущее тело нетленное и светоносное (св. Златоуст). «Только бы нам и одетым не оказаться нагими», то есть лишёнными добрых дел и славы Божией (ст. 3). Делая далее объяснение, в каком смысле желательно сбросить теперешнее тело, апостол говорит: «Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем», конечно, немощей и страстей телесных, от которого и жаждем избавиться. Неправильно думать, что мы совсем хотим «совлечься» тела: «не хотим совлечься, но облечься», то есть, так сказать, переодеться в нетленное и бессмертное тело, «чтобы смертное поглощено было жизнью», ибо «на сие самое и создал нас Бог», то есть для «нетленной и бессмертной жизни по духу и телу» (ст. 4–5). Далее апостол объясняет, что описывает он свою проповедническую деятельность, полную лишений и страданий, не для самовосхваления, но для того, чтобы дать коринфянам оружие против смущающих их клеветников: чтобы они могли

«что сказать тем, которые хвалятся лицом, а не сердцем» (ст. 6–12). Коринфские возмутители свой авторитет доказывали, между прочим, тем, что они знали Христа по плоти и лично слышали Его учение. Имея это в виду, апостол утверждает, что важно не знание Христа по плоти, а жизнь по духу Его учения. Христос умер за всех, и все должны умереть для прежней греховной жизни и стать новою тварью во Христе: «кто во Христе, тот новая тварь, древнее прошло, теперь всё новое» (ст. 13–17). Сущность христианства – это полное обновление жизни через примирение людей с Богом Иисусом Христом, а апостолы – это «посланники от имени Христова», которые от имени Христова просят: «примиритесь с Богом» (ст. 18–21), Который «Не знавшего греха», то есть Иисуса, «сделал для нас жертвой за грех, чтобы мы в нём сделались праведными перед Богом».

В шестой главе св. апостол Павел даёт горячую отповедь клеветникам, которые старались внушить коринфянам, что причина гонений и лишений, испытываемых апостолом Павлом, лежит в его личных недостатках, благодаря чему он не пользуется уважением и любовью народа, среди коего проповедует, и этим тормозит успех евангельской проповеди. Проповедуя, что теперь настало «время благоприятное» для примирения с Богом и спасения, «мы никому ни в чём не полагаем преткания, чтобы не было порицаемо служение, но во всём являем себя, как служители Божии», и далее с большой внутренней силой апостол рисует яркую картину несоответствия между теснотой и угнетённостью своего положения и величием подвигов, подъятых для того, чтобы не подать никакого повода к претканию верующим. В этих стихах 1–13 начертан высокий идеал христианского служения долгу до полного самоотвержения, служения твёрдого и неуклонного, почерпывающего силы среди гонений и лишений в сознании правоты своего дела и в надежде на всемогущую помощь Божию. Открыв коринфянам своё сердце, исполненное любовью к ним, апостол призывает и их к ответной любви и доверию к нему: «В равное возмездие, – говорю, как детям, – распространитесь и вы», то есть: как я вас люблю, так в равное

возмездие расширьтесь и вы любовью ко мне, как к своему духовному отцу, и принимайте с полным доверием предлагаемое мною вам учение. Для этого необходимо, прежде всего, совершенно отказаться от всякого общения с язычниками: «что общего у света с тьмой?» или «какое согласие между Христом и Велиаром?» Итак: «выйдите из среды их и отделитесь,.. и не прикасайтесь к нечистому» (ст. 14–18).

В седьмой главе, продолжая ту же речь, св. апостол призывает коринфян: «очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святую в страхе Божиим» (ст. 1) и затем выражает радость и утешение, доставленные ему возвращением Тита и всем, что он видел и встречал в Коринфе. Апостол радуется нравственному исправлению коринфян так, что готов забыть все свои скорби (ст. 4–17). Он не жалеет, что опечалил их своим первым посланием, ибо печаль ради Бога не только не вредна, но, напротив, приносит великую духовную пользу, так как ведёт к покаянию: «печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (ст. 8–10). Печаль, вызванная посланием апостола, произвела благодетельный нравственный переворот в коринфянах, пожелавших исправить все нравственные недочёты в своей среде. Апостол радуется, что коринфяне оправдали его доверие к ним, не посрамили своего учителя, и он может положиться на них (ст. 11–16).

Главы восьмая и девятая представляют собою чисто практическую часть послания. В них св. апостол располагает коринфян к сбору милости в пользу бедствующих иерусалимских христиан. К этому св. Павел убеждает:

1) Примером Македонских церквей, небогатых, но проявивших большую щедродательность (ст. 1–8);

2) Указанием на Господа Иисуса Христа: «Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились его нищетой» (ст. 9);

3) Напоминанием того, что сами коринфяне ещё с прошлого года усердно желали помочь бедным братьям своим (ст. 10–12);

4) Мыслью о великой пользе взаимопомощи, и что пожертвования требуются лишь посильные, кто что может, в

духе той равномерности, какая соблюдалась израильтянами при сборе манны в пустыне (ст. 13–15).

Св. апостол говорит, что он уже хвалил коринфян за их жертвенность и им следует оправдать эту похвалу, дабы она не оказалась тщетной. Кроме того, апостол удостоверяет совершенную благонадёжность лиц, посланных для сбора пожертвований, Тита и другого брата, во всех церквях похваляемого за благовествование (ст. 16–24 и гл. 9 ст. 1–5). Во второй половине 9 главы св. апостол увещевает жертвовать без огорчения, доброхотно и щедро, ибо мера доброхотной щедрости – мера Божия благословения: «кто сеет скупое, тот скупое и пожнёт, а кто сеет щедро, тот щедро и пожнёт» (ст. 6), «доброхотно дающего любит Бог» (ст. 7). Бог вознаграждает щедро благотворящих ближним, а кроме того, христианская благотворительность тем полезна, что она приводит в движение всю религиозную жизнь христианских обществ и много содействует славе Церкви (ст. 8–15).

Главы десятая, одиннадцатая, двенадцатая и тринадцатая, с 1 по 10 стих, представляют собой защитительную часть послания. Здесь апостол снова переходит к защите своего апостольского достоинства от клеветников, которые распускали в Коринфе ложные о нём слухи и мнения, желая подорвать в глазах коринфян его авторитет. Эти главы послания по тону своему резко отличаются от предыдущих строгостью тона. Можно думать, что они написаны после получения апостолом новых известий о наветах на него коринфских лжеучителей. Тон властного авторитета и чувство подавленного любовью негодования придаёт этим главам послания особенную силу и выразительность.

Исходным пунктом для своих порицаний противники св. апостола Павла взяли следующее обстоятельство. Как поясняет еп. Феофан Вышенский Затворник, «св. Павел не был показан телом и здоровья был слабого. Речь его при личном благовестии отличалась тихостью и кроткой убедительностью. Он умолял веровать в Распятого, а не указ с неба предъявлял, чтобы слышащие веровали. А в послании, когда писал уже к верующим, слово его было строго и властно. Эту разность

противники его взяли за исходный пункт для порицаний. Говорили: в лице смирен, а за глазами дерзает: послания тяжки и крепки, а пришествие тела немощно и слово уничиженно» (10:1–10). «Это бы и не так было смутительно, – говорит еп. Феофан, – но в объяснение такой разности вставлялось нечто такое, почему иные могли почитать св. Павла «по плоти ходящим», а это, в свою очередь, подрывало доверие и к проповедуемому им учению. Вот почему св. апостол Павел и счёл нужным решительно защищать свой апостольский авторитет.

В десятой главе св. Павел говорит, что он и в лицо бывает таким же строгим, по надобности, как и в своих посланиях, и просит коринфян не заставлять его употреблять эту строгость, когда придёт к ним (ст. 1–11). К строгости этой уполномочивает св. Павла самое его апостольское звание, которое он защищает и доказывает указанием на назначенный ему Самим Богом проповеднический удел: «ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь» (ст. 12–18). Противники апостола сами себя хвалят, воображая себя главными деятелями в Коринфе после того, как св. Павел насадил там христианство, а св. апостол хвалится о Господе, то есть не себя хвалит, а Божию силу и Божий дар, побуждающие его ходить и проповедовать.

В одиннадцатой главе св. апостол, употребляя множество оговорок и имея единственной целью – спасение слушателей, перечисляет всё, что может служить в похвалу ему, освобождая его от нареканий клеветников. Так, прежде всего он подчёркивает своё полное бескорыстие, что он благовествовал коринфянам «безмездно», никому не докучая и стараясь никому не быть в тягость (ст. 1–10). Тут же апостол объясняет, что он не хотел ничем материальным пользоваться от коринфян, не по недостатку любви к ним, а ради того, чтобы не быть похожим на тех «лжеапостолов», которые их объедают и обирают. Их св. Павел называет «льстивыми (лукавыми) делателями» и говорит, что они только вид принимают апостолов Христовых, не будучи в действительности таковыми, что не удивительно: «сам сатана принимает вид Ангела света» (ст. 11–21). Напрасно хвалятся

они своими плотскими преимуществами, ибо этих преимуществ у св. апостола гораздо больше. И он перечисляет все труды свои и скорби, какие пришлось ему перенести за благовествование Христово, отчасти только рассказанные в книге Деяний апостольских. Перечисляя все те гонения и истязания, которые ему пришлось испытать, св. апостол все подвиги свои приписывает благодати Божией, а себе только немощи: «если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею» (ст. 30).

В двенадцатой главе св. Павел своё апостольское звание защищает и доказывает указанием на своё восхищение «до третьяго небесé», где он испытал блаженнейшее состояние и где слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать. Апостол говорит о себе, как о другом лице: «знаю человека...» Св. Златоуст поясняет, что св. Павел говорит так «для того, чтобы и сим показать, как неохотно приступает к делу», то есть, как неприятно ему говорить что-либо в похвалу себе, что он говорит это лишь по вынужденной необходимости защищать высоту своего апостольского достоинства от клеветников. Под «третьим небом», как рассуждает блж. Феодорит, следует понимать рай. Было это «назад тому четырнадцать лет». Если послание написано в 58 году, то видение падает на 44 год, когда св. Павел и Варнава носили милостыню в Иерусалим, а затем были отделены Духом Святым на великое служение проповеди Евангелия язычникам (Деян. 13:2–3). Тут же апостол добавляет, что в предупреждение превозношения чрезвычайностью получаемых им откровений «дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня». Обыкновенно думалось, говорит еп. Феофан, что пакостник плоти, аггел сатанін, есть нечто смущавшее и беспокоившее св. Павла со стороны плоти и находившееся в самой плоти. Новые толковники признали, что св. Павел говорит здесь о движениях похоти плотской. Но похоть плотская что за особенность? Её испытывают все, и не только безбрачные, но и брачные. А св. Павел образом выражения своего даёт мысль, что ему дано нечто особенное, что не всем обще. К тому же данный ему пакостник «колафизи», бьёт по щёкам, немилостиво, жестоко

действует, а похоть плотская есть самый льстивый и вкрадчивый враг. Потому эту мысль принять нельзя. Наши толковники полагают, что св. Павел говорит здесь, так же как и прежде, о внешних бедствиях и о неприязненности со стороны врагов Евангелия, кои суть орудия сатаны. Св. Златоуст говорит, что слова апостола имеют такой смысл: «Бог не благоволил, чтобы проповедь наша распространялась беспрепятственно, желая смирить наше высокое о себе мнение, но попустил противникам нападать на нас». От этих-то наветов вражьих и молил апостол освободить его «трижды», в смысле «многократно» (св. Златоуст), но услышал ответ Господа: «довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи», то есть: довольно для тебя, что ты воскрешаешь мёртвых, исцеляешь слепых, очищаешь прокажённых и творишь другие чудеса. Не домогайся того, чтобы жить в безопасности, без страха и проповедовать без труда. Но ты скорбишь и печалишься? Не приписывай Моей немощи того, что многие коварствуют против тебя, терзают тебя, гонят и бьют тебя бичами. Сие самое и показывает Мою силу. «Сила бо Моя в немощи совершается», то есть, когда вы, гонимые, одерживаете верх над гонителями, когда вы, преследуемые, побеждаете своих преследователей, когда вы, связываемые, обращаете в бегство связывающих (св. Златоуст). Поэтому и говорит дальше апостол: «посему я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо когда я немощен, тогда силен», ибо тогда наипаче действует благодать Божия. Наконец, апостольское своё звание св. Павел доказывает указанием на знамения своего апостольства в Коринфе, которые выразились во всякого рода чудесах и силах (ст. 1–13). В заключение св. апостол опять повторяет, что он, когда придёт к коринфянам, ничем не будет пользоваться от них, как не пользовался ничем и посланный им Тит. Главная цель апостола – нравственное исправление коринфян, к чему он и ведёт свою речь. Апостол опасается, как бы, придя к ним, не найти их неисправленными (ст. 14–21).

В тринадцатой главе св. апостол грозит, что если он застанет коринфян неисправленными, он отнесётся к ним со всей строгостью: «когда опять приду, не пощажу». «Вы ищете доказательства на то, Христос ли говорит во мне: Он не бессилен для вас, но силен в вас» (ст. 1–3). Св. Павел, по объяснению еп. Феофана, «как бы говорит им: так сами вы поставили вопрос, что мне, если не исправитесь, неизбежно не пощадить вас, а явить на вас данную мне апостольскую власть и силу Христову, во мне действующую. У вас начали говорить обо мне: немощен он телом и слово его не сильно, наводя таким образом и на самое учение, мною преподаваемое, будто и оно не Христово. Итак, поелику так у вас поговаривают обо мне, то не яви я у вас строгости апостольской, вы в самом деле утвердитесь в таких мыслях, а это крайне повредит делу Евангелия и вашему спасению. Итак, одно из двух: или исправляйтесь, или я должен буду не пощадить вас, властно только отсекая непокоривых от Церкви или поражая их и прямою какою карою, как поразили слепотою волхва Елиму в Кипре. И увидите вы тогда осязательно, что во мне и говорит, и действует Христос Господь». Апостол говорит дальше, что и Сам Христос казался подверженным немощи, не имеющим никакой силы, когда Его распинали, но в то же самое время Он уничтожил силу смерти и разрушил ад, а затем воскрес со славою. Точно так же и мы, когда нас гонят и вооружаются на нас, не терпим вреда, но «живы будем с Ним», то есть окажемся непобеждёнными от врагов «в вас», то есть для вашей духовной пользы, вашего спасения (ст. 4). Св. апостол предлагает коринфянам лучше испытывать и исследовать самих себя, в вере ли они: «о нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны» (ст. 5–6). Но к этим строгим словам он тут же делает полное любви и благосердия добавление: «молил Бога, чтобы вы не делали никакого зла... Для того я и пишу сие в отсутствии, чтобы в присутствии не употребить строгости по власти, данной мне Господом к созиданию, а не к разорению» (ст. 7–10).

Заключительную часть всего послания мы находим в последних трёх стихах 13 главы, именно, в стихах 11–13. Здесь

св. апостол Павел желает своим коринфским чадам радоваться, усовершенствоваться, быть в мире и единомыслии – чем и привлекут они к себе Бога любви и мира. Затем он призывает их приветствовать друг друга «лобзанием святым», то есть чистым и искренним, служащим выражением братской христианской любви, и передаёт обычное приветствие от христиан («святых»), в среде которых сам пребывает. Заканчивается всё послание обычным апостольским молитвенным приветствием, которое мы теперь всегда слышим от пресвитеров и епископов, совершающих Божественную литургию: «благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми вами. Аминь».

Послание святого апостола Павла к Галатам

Сведения о стране, называемой Галатией

Галатией называлась малоазийская область, находившаяся почти в середине Малой Азии и окружённая с севера Вифинией, Пафлагонией и Понтом, а с юга Фригией, Ликаонией и Каппадокией. Страна эта первоначально была населена греками, но в третьем веке до Р. Х. в ней поселились вторгшиеся с берегов реки Рейна в Македонию и Грецию, а затем перешедшие в Малую Азию (в 280 году) древние галлы (одно из кельтских племён), которые и сообщили ей своё имя Галатии, или Галло-Греции. В 189 году до Р. Х. римский консул Манлий подчинил эту страну власти римлян, оставив ей собственное управление. В 26 году по Р. Х. Август обратил Галатию в римскую провинцию. Поселившись здесь, воинственные прежде галлы обратились к мирным занятиям и искусствам и стали возделывать свою плодородную и цветущую страну. Постепенно они смешались с местными греками, усвоив их нравы и язык. Богатая Галатийская страна начала привлекать евреев, которые со времени Александра Македонского вынуждаемы были выселяться из Палестины в разные другие области. Император Август заявил своё особое покровительство переселяющимся в Галатию иудеям, о чём сообщает иудейский историк Иосиф Флавий.

Основание христианских церквей в Галатии

Первое упоминание о просвещении Галатийской страны светом Христовой веры мы находим в книге Деяний св. апостолов, в начале рассказа о втором апостольском путешествии св. апостола Павла. Упомянув об огорчении, вследствие коего св. апостол Павел разлучился со св. Варнавой после апостольского собора и, взяв себе в спутники Силу, проходил Сирию и Киликию, Дееписатель, рассказав о присоединении к ним ещё нового спутника, Тимофея, говорит: «проходя же по городам, они (то есть св. Павел со своими учениками Силою, Лукою и Тимофеем) предавали верным соблюдать определения, постановленные апостолами и пресвитерами в Иерусалиме. И церкви утверждались верою и ежедневно увеличивались числом. Прошедши через Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедовать слово в Асии», и т. д. (Деян. 16:4–6). Несомненно, что в это самое время св. апостол Павел и положил основание христианским церквям в главных городах Галатии – Анкире, Пессине, Тавии и Гордии. Что Галатийские церкви основаны св. апостолом Павлом, это ясно видно из самого послания к Галатам (см. 1:6–9; 4:13 и др.). Никаких подробностей об этом книга Деяний, правда, не сообщает, но зато при описании третьего апостольского путешествия св. апостола Павла Дееписатель отмечает, что св. апостол Павел «проходил по порядку страну Галатийскую и Фригию, утверждая всех учеников» (Деян. 18:23). Утверждать же в вере, конечно, можно только уже обращённых к вере прежде.

Хотя книга Деяний не даёт нам никаких сведений об обстоятельствах обращения галатов, кое-что мы узнаём об этом из самого послания к Галатам. Как видно из Гал. 4:13–15, св. апостол Павел при посещении Галатийской страны подвергся какому-то недугу плоти. Вероятно, этот недуг и задержал апостола у галатов на более продолжительный срок, чем он сам предполагал, и это послужило во благо галатам, ибо дало возможность св. апостолу преднаписать им Христа Господа так

живо, что они созерцали Его будто перед собою распятым (Гал. 3:1). От этого они уверовали с особенной горячностью и необычайной ревностью и самого апостола приняли, как Ангела Божия, как Христа Иисуса, и так полюбили его, что готовы были очи свои исторгнуть и отдать ему (Гал. 4:14–15).

Повод к написанию послания к Галатам

Поводом к написанию послания к Галатам послужило вторжение в церковь Галатийскую иудействующих еретиков, которые внушали галатам мысль о необходимости для спасения соблюдать обрезание и прочие обряды и установления ветхозаветной иудейской религии. Продолжая своё третье благовестническое путешествие, св. апостол Павел из Галатийской страны прибыл в Ефес (Деян. 19:1). Сюда-то вскоре и дошли до него слухи о волнениях, какие посеяны были среди галатов иудействующими еретиками, по-видимому прибывшими из Палестины, так как местные иудеи, вследствие долгой совместной жизни с язычниками, едва ли могли держаться таких фанатичных узконациональных иудейских взглядов. Эти иудействующие Павлово учение о свободе от ветхозаветного закона объясняли лишь желанием его приобрести любовь среди язычников и указывали на то, что он не был призван к апостольскому служению непосредственно Самим Иисусом Христом во время Его земной жизни и не был живым свидетелем Его дел и слушателем Его учения.

К великому огорчению и удивлению св. апостола Павла, многие из галатов поддавались этой развращающей проповеди, скоро «перешли к иному благовествованию» (Гал. 1:6) и охладели к его личности. Поражённый таким неожиданным легкомыслием и безрассудством галатов (3:1), св. апостол Павел тотчас же решился написать им послание по поводу их заблуждения и в обличение их совратителей, причём написал его собственноручно (Гал. 6:11), дабы не терять времени от переписчиков и устранить всякие подозрения насчёт его подлинности.

Время и место написания послания к Галатам

В самом послании есть указание на первое и второе посещения апостолом Павлом Галатии (Гал. 4:13). А так как он выражает удивление, что галаты столь скоро переходят к иному благовествованию от призвавшего их благодатью Христовою (Гал. 1:6), то значит, послание написано вскоре после второго посещения апостолом Галатии. После второго посещения Галатии св. апостол Павел около трёх лет провёл в Ефесе. Отсюда ясно, что послание к Галатам написано св. апостолом Павлом во время его третьего апостольского путешествия, в годы пребывания его в Ефесе. Рассчитывая годы событий из жизни св. апостола Павла, можно с большей степенью вероятности предположить, что послание это написано в 56 году по Р. Х.

Содержание послания к Галатам

Послание к Галатам содержит в себе шесть глав. По главному предмету своего содержания оно имеет большое сходство с посланием к Римлянам и от начала до конца представляет собою сильную, воодушевлённую речь, дышащую ревностью о Христе и любовью к галатам. Доводы, убедительные для разума, перемешиваются постоянно с внушениями, способными затронуть струны сердца. Основная мысль всего послания та, что все люди, а не одни иудеи, призываются Господом в основанную Им Церковь, и спасаются они в Церкви не исполнением обрядов Моисеева закона, а верою в Господа Иисуса Христа, проявляемую в делах любви.

Всё содержание послания можно разделить на следующие части:

1) Предисловие, которое содержит надписание, приветствие и вступление, в каковом вступлении св. апостол Павел уже намечает главные мысли своего послания (1:1–10);

2) Защитительная часть, в которой св. апостол Павел разъясняет и доказывает галатам своё апостольское достоинство, поколебленное в их глазах иудействующими лжеучителями (1:11; 2:1–21);

3) Вероучительная часть, в которой св. апостол Павел с силой и полнотой раскрывает основную мысль послания – об отношении Ветхого Завета к Новому и о прекратившемся значении обрядового Моисеева закона, потерявшего силу по пришествии Христа Спасителя (гл. 3 и 4);

4) Нравоучительная часть, в которой раскрываются начала христианской жизни при свободе от ветхозаветного закона (5 и 6:1–10);

5) Заключение, в котором даются наставления об отношении к обрезанию и к почитанию Креста Христова и преподается обычное апостольское благословение (6:11–18).

Экзегетический разбор послания к Галатам

Первая глава начинается надписанием и приветствием, которые характерны тем, что уже в них св. апостол указывает на основные положения всего своего послания: доказательство его апостольского достоинства и выяснение, в чём состоит наше спасение. «Павел апостол, избранный не человеками и не через человека, но Иисусом Христом...» Здесь св. Павел решительно подчёркивает Богоизбранность своего апостольства вопреки стремившимся унижить его клеветникам иудействующим. Характерна и форма апостольского приветствия: «Благодать вам и мир от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа, Который отдал Себя Самого за грехи наши, чтобы избавить нас от настоящего лукавого века...» Здесь указывается, что спасение для нас во Христе, а не в ветхозаветном обрядовом законе (ст. 1–5). Тотчас же после приветствия апостол выражает удивление быстрому отпадению галатов от истинного учения и провозглашает грозную анафему всякому, кто осмелился бы проповедовать какое бы то ни было другое учение, отличное от того, какое он им благовестил, хотя бы то был «Ангел с неба» (ст. 6–9). Вот где основание для провозглашения Церковью анафемы еретикам! В 10 стихе св. Павел оправдывается от обвинения, что он, не будучи истинным апостолом, освобождает язычников от соблюдения закона Моисеева лишь для того, чтобы приобрести их расположение: «если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым».

С 11 стиха начинается защитительная часть послания. Лжеучители, унижая св. Павла, говорили, что он Самого Господа Иисуса Христа никогда не видал, евангельскому учению научился от других апостолов, а потом отступил от них, составив своё собственное учение о ненужности закона Моисеева; для того же, чтобы прикрыть своё отступление, он, бывая с другими апостолами, говорит и действует, как они, чтобы не показать своего разногласия с ними. Защищая от клеветников своё апостольское достоинство, св. Павел прежде всего раскрывает Божественное, а не человеческое

происхождение своего Евангелия, утверждая, что он научился ему «через откровение Иисуса Христа», то есть непосредственно от Самого Господа, являвшегося ему. Дальше он предлагает галатам увидеть явный перст Божий в той разительной перемене, которая произошла с ним, рассказывая, как из жестокого гонителя Церкви Божией он стал проповедником прежде гонимого им учения Христовой веры (ст. 11–24). Здесь, в этих автобиографических строках, особенно важны слова: «я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью», то есть с людьми – в данном случае, надо полагать, с другими апостолами, «и не пошёл в Иерусалим, к предшествовавшим мне апостолам, а пошёл в Аравию», где, видимо, св. Павел и был посвящён во все тайны христианского учения Самим Господом в многократных явлениях, что можно видеть, например, из Ефес. 3:3. Только спустя три года св. Павел ходил в Иерусалим «видеться с Петром» – только видеться или познакомиться со знаменитым апостолом, а не учиться у него. В Иерусалиме св. Павел пробыл всего «дней пятнадцать», во время которых он никого из апостолов не видел, «кроме Иакова, брата Господня». Всё это св. Павел подчёркивает, дабы показать, что не от других апостолов почерпнул он свои знания евангельского учения. «А в том, что пишу вам, пред Богом, не лгу» – в этих словах мы видим новое подтверждение законности клятвы в важных случаях. Далее апостол говорит, что он «после сего отошёл в страны Сирии и Киликии», то есть опять не мог видеться с апостолами, ходившими тогда с проповедью по Палестине, и что церквям Христовым в Иудее лично он не был известен. Цель сих слов апостола все одна и та же: «у Петра я не учился, а только видел его, – как бы так говорил апостол, – у Иакова не учился, и его только видел, не учился ни у кого другого низшего их, не так знатного лица. Возможно ли было мне учиться у тех, кои даже лица моего не видели?» (Фотий у Экумения).

Вторая глава представляет собой продолжение той же защитительной речи апостола. Здесь в первых 10 стихах её св. Павел рассказывает, как он, «по откровению», ходил на апостольский собор в Иерусалиме, как раз на тот самый собор,

на котором было постановлено о необязательности для христиан соблюдения обрядов Моисеева закона. Ходил туда св. Павел в сообществе со своим учеником, крещёным, но необрезанным Титом, которого представил апостолам, и его не принуждали обрезаться. Павлово благовестие получило здесь, на соборе, полное одобрение старейших апостолов. Старейшие апостолы признали, что апостолу Павлу вверено благовествование для необрезанных, как Петру – для обрезанных. В знак полного согласия Иаков, и Кифа, и Иоанн, «почитаемые столпами», подали свв. Павлу и Варнаве руку общения. Как поясняет эти слова св. Златоуст: «В деле проповеди, говорит (св. Павел), мы разделили между собой всю вселенную; и я взял язычников, а они иудеев, потому что так угодно было Богу. В попечении же о нищих из иудеев и я им помогал». Среди верующих из иудеев было много бедных, которые лишились всего, что имели, и были повсюду гонимы неверующими. О них-то, как мы видим, действительно очень заботился св. Павел, собирая для них милостыню среди уверовавших язычников (ст. 1–10).

Далее апостол указывает на твёрдость и неизменность своих убеждений, в то время как другие апостолы (Пётр и Варнава), из снисхождения к иудействующим, делали им уступки: отстранялись от язычников, не ели вместе с ними. В 11–21 стихах св. Павел описывает, как он даже возымел дерзновение противостать в этом Петру и обличил его при всех. Этот замечательный случай наглядно свидетельствует о равноправности Павла с Петром и опровергает ложный догмат римо-католиков о мнимом главенстве Петра в апостольском лике. «Наместника Христова» св. Павел, конечно, не осмелился бы обличать, да ещё «при всех». Изложив галатам своё обличение Петру (ст. 11–14), св. Павел незаметно перешёл к главному предмету своего послания: «человек оправдывается не делами закона, а только верой в Иисуса Христа... делами закона не оправдается никакая плоть» (ст. 16). Эти слова особенно любят сектанты, видящие в них отрицание значения добрых дел для спасения. Но ведь совершенно ясно, что здесь речь идёт вовсе не о «добрых делах», а о «делах

ветхозаветного Моисеева закона», который с пришествием Христовым потерял своё значение, что и было окончательно постановлено на апостольском соборе в Иерусалиме, бывшем в 50 году по Р. Х. В следующем, 17 стихе, апостол говорит, что требовать от христиан соблюдения ветхозаветного закона – это значит косвенно обвинять в грехе Самого Христа: «Неужели Христос есть слугитель греха?» – то есть: неужели Он ввёл нас в грех Своим учением, которое мы разгласили миру? Конечно, нет. Если бы закон Моисеев давал оправдание людям, то не было бы нужды в страданиях и крестной смерти Спасителя: «если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (ст. 21). В 19–20 стихах апостол показывает, с какой решительностью надо оставить ветхозаветный закон для того, чтобы всем своим существом прилепиться к Господу Спасителю, сораспяться Ему совершенно, чтобы жить только для Него и Им: «законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живёт во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня».

С третьей главы начинается вероучительная часть послания. Продолжается она и в четвёртой главе и заканчивается в 12 стихе пятой главы. Общее примечание ко всей этой части можно сделать словами св. Златоуста: «Выше (то есть в первой, защитительной части) св. Павел показывал только, что он сделался апостолом не от человек и не через человеков и что не имел нужды в научении от апостолов; а здесь, после того как представил себя достойным доверия учителем, уже со властью беседует, сравнивая между собою закон и веру». Предмет, раскрываемый здесь апостолом, – ненужность закона для галатов как язычников.

В третьей главе св. Павел говорит сначала о необязательности закона для галатов: первое доказательство этого он заимствует из наглядного опыта самих галатов, которые прияли Св. Духа и благодатные дары чудотворения (ст. 1–5); второе доказательство ненужности закона св. Павел заимствует из способа оправдания как самого родоначальника оправданных, Авраама, так и после него всех будущих

наследников обетований Авраамовых: «Авраам поверил Богу, и это вменилось ему в праведность». Отсюда ясно, что и «верующие благословляются с верным Авраамом» (ст. 6–9). Третье доказательство св. Павел выводит из невозможности исполнить все предписания закона и избежать его клятвы: «все утверждающиеся на делах закона находятся под клятвою». Почему же это? Объясняет это апостол ссылкой на Второзаконие (27:26): «Проклят всяк, кто не исполняет постоянно всего, что написано в книге закона». И по первоначальному учреждению своему закон не имел силы оправдывать перед Богом, что ясно из того, что в самом же законе было написано: «праведный от веры жив будет» (Авв. 2:4). Поэтому, если и возможны были праведники в Ветхом Завете, то собственно ради веры в грядущего Искупителя человеков и ради Его искупительной Жертвы, в которой закон прообразовательно руководил все мысли и чувства своих ветхозаветных служителей. Только Христос освободил от проклятия всех тех, на ком оно тяготело за неисполнение закона: «Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою – ибо написано: проклят всяк, висящий на древе» – эти слова читаются в апостольском чтении на утрени Великой Субботы, объясняя смысл и значение совершенного Господом подвига искупления человечества. «Проклят всяк, висящий на древе» – слова Второзакония 21:23. «Не потому он проклят, – объясняет блж. Иероним, – что висит на древе, но потому, что впал в тяжкий грех, что заслужил быть повешенным». «Как всё в Ветхом Завете имеет прообразовательный смысл, так и это установление о повешении преступников и о снятии их к вечеру для похоронения было прообразом крестной смерти Спасителя. И Он повешен на древе, а вечером снят» (еп. Феофан). Христос принял на Себя незаслуженно клятву, тяготевшую над человечеством, и уничтожил её. «Как кто-нибудь, не подлежащий осуждению, решившись умереть за осуждённого на смерть, сим избавляет его от смерти, так поступил и Христос» (еп. Феофан). «Принявший на Себя проклятие, Он освободил людей от проклятия». Это сделал Христос для того, чтобы «благословение Авраамово через Христа Иисуса

распространилось на язычников, чтобы нам получить обещанного Духа верою» (ст. 10–14).

Вторая половина третьей главы содержит опровержение возражений против исключительного значения для язычников веры помимо закона (ст. 15–29). Здесь апостол рассеивает сомнения, которые могли появиться у христиан из иудеев, не отменяет ли закон обетований, данных Аврааму, ради его веры, и зачем же вообще дан был закон? Апостол объясняет, что «закон» был дан после «по причине преступлений, для обуздания преступности, чтобы народ держался в страхе, не предавался порокам, а жил праведно и делался достойным проявить в себе Обетованного» (еп. Феофан); «чтобы Иудеи не жили без страха и не дошли до крайнего нечестия, закон и дан им вместо узды, для их научения, усмирения и удержания их от нарушения хотя не всех заповедей, по крайней мере, некоторых. Итак, не малая польза от закона. Закон дан «до времени пришествия семени». Сим указывается временность закона и его преходящее значение. «Если закон дан только до пришествия Христова, то для чего ты, – говорит св. Златоуст от лица апостола, – продолжаешь его далее, за пределы этого времени?» Значение закона в том, что он «был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою» (ст. 24), то есть он был только детоводителем ко Христу, лишь воспитывал, подготавливал нас к принятию Христова учения. «По пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя» (ст. 25) – с приходом же самой оправдывающей нас веры он стал уже не нужен. «Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (ст. 26–27). Вера Христова возвращает людей к тому прекрасному периоду непорочного детства, при котором они свободно творят волю Отца своего Небесного и не имеют нужды в том, чтобы смирять их строгой дисциплиной. В этой сыновности Богу и заключается причина ненужности закона как сдерживающего начала: христиане как сыны Божии свободны от всяких формальных правил и требований, ибо они составляют «одно во Христе Иисусе», «облеклись во Христа» и не имеют нужды в каком-либо принуждении: «нет уже иудея, ни

язычника; ни раба, ни свободного; ни мужеского пола, ни женского; ибо все вы одно во Христе Иисусе» (ст. 28). В качестве духовных чад Христа, потомка Авраама, христиане суть истинные потомки Авраама, а потому и наследуют то оправдание и благословение, которое было обещано Аврааму (ст. 29).

Четвёртая глава содержит увещания галатам принять доказанную истину о ненужности закона и о том, что не следует больше вязать себя ветхозаветной обрядностью. Эти увещания направлены то, преимущественно,

- 1) на ум (4:1–10), то
- 2) на сердце (4:11–20), то
- 3) на волю (4:21–31 и начало гл. 5 до ст. 12).

«Ничто не убеждает так ума отказаться от своих мыслей, как доведение их до нелепости», – говорит еп. Феофан. Это и делает св. Павел. Он указывает, как неразумно выросшему сыну продолжать жить под опекой и руководством своих воспитателей. Так и мы, говорит апостол, были под пестунством закона до времени. Но пришёл конец этого времени: «когда пришла полнота времени. Бог послал Сына Своего (Единородного)» и через Него ввёл нас в полные права взрослых сынов. «Как нелепо теперь нам жаться под закон и держать себя наряду с рабами, когда мы уже сыны, «а если сыны, то и наследники Божии через Иисуса Христа».

Стихи 4–7 о послании Богом Сына Своего Единородного представляют собою апостольское чтение на литургии в день праздника Рождества Христова. Обращаясь сначала с этим увещанием к иудеям (ст. 1–7), св. апостол переходит потом к язычникам. Язычники могли сказать: «да как же нас прежде обращали в иудейство и совершенно сближались только с теми из нас, которые вполне подчинялись всему закону?» – «Тогда было другое дело, – отвечает им апостол, – тогда иудейство было единая истинная на земле вера, и вы хорошо делали, принимая его. Ныне же, когда Бог Сам Себе вас присвоил помимо закона, ваше обращение к немощным стихиям закона не имеет никакого смысла» (4:8–10) (еп. Феофан).

Так как сердце может идти наперекор всем доводам ума, св. апостол находит нужным обратить увещание и к сердцам галатов. Эти стихи 11–20 – самые трогательные во всём послании. Апостол напоминает галатам, с какой горячностью приняли они его проповедь, какой любовью воспламенились к нему, и неужели же проповедь его была напрасна? «Отеческий это голос, – говорит блж. Феодорит, – приличный тому, кто помнит свои труды и не видит труда». Нежно упрекая галатов за перемену чувств и отношений к себе, апостол призывает их рассудить, где кроется причина этой перемены. И сам указывает эту причину в новых учителях, которые «ревнуют нечисто», единственно для своего тщеславия. Высшую степень отеческой любви апостола к галатам мы видим в нижеследующем трогательном восклицании: «дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (ст. 19). Уклонением в иудейство галаты как бы помрачили в своём сердце образ Христов, и св. Павел с ярко выраженной отеческой любовью ревнует о восстановлении в них этого образа Христова. «Видишь ли и любовь отеческую, и скорбь, достойную апостола? Слышишь ли вопль, гораздо более горький, нежели вопль рождающей?» – говорит по поводу этого восклицания Павлова св. Златоуст. «Хотел бы я теперь быть у вас и изменить голос мой», то есть «изменить его применительно к тому, что увидел бы своими глазами» (еп. Феофан), или «переменить в плачевный и проливать слёзы, и вас всех заставить плакать» (св. Златоуст) (ст. 20).

«Ум и чувство, – говорит еп. Феофан, – переходя на сторону истины, влекут за собою и волю... но она может медлить, отлагать своё решение». Вот почему св. Павел дальше старается подействовать непосредственно на волю галатов, показывая, как преславно пребывать в свободе от закона (ст. 21–31 и 5:1). Это он раскрывает прообразом двух Заветов в истории Агари и Сарры. «Авраам имел двух сынов: одного (Измаила) от рабы (Агари), а другого (Исаака) от свободной (Сарры). В этом есть иносказание. Это – два Завета (4:22–24). Агарь была прообразом Завета Ветхого с законом Моисеевым, который не давал полной свободы от греха,

держал в рабстве греху, а Сарра прообразовала Закон Новозаветный, дающий нам совершенное оправдание и полную свободу от греха. «Но как тогда рождённый по плоти гнал рождённого по духу», то есть Измаил Исаака, так и теперь неразумные ревнители Моисеева закона гонят христиан. Но Писание говорит: «Изгони рабу и сына её», так и ныне мы должны расстаться с ветхозаветным законом, чтобы войти в дарованное нам наследие, ибо мы – христиане, дети не рабы, но свободной (ст. 25–31).

В пятой главе св. апостол Павел призывает христиан твёрдо держаться свободы, дарованной Христом, и не подвергаться опять игу рабства Закона Моисеева, «ибо во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (ст. 1–6). С этой главы начинается нравоучительная часть послания, которая заканчивается в следующей, шестой главе, 10 стихом. Основная мысль всего нравоучения апостола, связанного с вышеизложенным учением о христианской свободе, заключается в 13–14 стихах: «к свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. Ибо весь Закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя». Почему апостол не упомянул здесь о любви к Богу как о первой и большей заповеди, по словам Самого Господа Иисуса Христа (Мф. 22:36–38)? Очевидно, потому, что в мыслях у него было главным образом уврачевать уменьшение взаимной любви между галатами, а истинная любовь к ближним и так всегда предполагает наличие в человеке любви к Богу. Жить как свободным по духу – это значит избегать дел греховных, дел плоти: прелюбодеяния, блуда, вражды, ссоры, зависти, ненависти, убийства, пьянства и т. п. и, наоборот, воспитывать в себе плоды духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание. Апостол подчёркивает, что нравственная христианская жизнь нелегко даётся, что она есть борьба, которая ведётся не на жизнь, а на смерть. Это – самораспятие, мысль о чём так ясно выражена в словах: «те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и

похотями» (ст. 24). Это распятие плоти совершенно необходимо для каждого желающего жить духовной жизнью, ибо «плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся» (ст. 17). Поэтому, если мы решаемся «жить духом», «то по духу и поступать должны» (ст. 25).

В шестой главе св. апостол даёт наставления нравственного характера совершеннейшим и, можно думать, предстоятелям церквей. Он велит им исправлять согрешающих «духом кротости», не тщеславясь и не превозносясь, считая себя чем-то, а с опасением, как бы и самим не подвергнуться искушению впасть в грех, потому что Бог часто за гордость и за немилосердие к другим согрешающим попускает впадение в грех для смирения (ст. 1–3). «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (ст. 2) – вот закон христианской любви. Наисильнейшие побуждения к неослабному доброделанию апостол указывает во всеведении Божиим: «не обманывайтесь, Бог поругаем не бывает», и в том завершительном расчёте, который каждого из нас ожидает при конце этой земной жизни: «что посеет человек, то и пожнёт» (ст. 7 и 8). Не следует унывать, делая добро, и надо спешить делать его, «доколе есть время», пока есть время, пока не застигла нас смерть.

Заключение послания составляют 11–18 стихи шестой главы. Здесь апостол указывает на свою особенную попечительность о галатах в том обстоятельстве, что послание своё он писал им собственноручно (ст. 11), в то время как он обыкновенно делал это через писцов (Рим. 16:22). Далее он указывает на противоположность своих побуждений, совершенно чистых сравнительно с лжеучителями, которые принуждают галатов обрезываться только для того, чтобы не быть гонимыми за крест Христов, и «да в вашей плоти похвалятся» (ст. 12–13), чтобы похвалиться количеством знаков ваших обрезаний (здесь ирония). «А я не желаю хвалиться, – говорит апостол, – разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (ст. 14) – хвалиться крестом Христовым значит веровать, что только им одним даётся спасение. «Через эту веру, – говорит апостол, – я

стал как бы мертвецом для всего суетного мирского, и мне безразличны как слава мира сего, так и гонения. Сущность христианства, – повторяет снова апостол, – в том, чтобы стать «новой тварью», и к этому-то только и нужно стремиться, ибо кто так живёт, тем «мир и милость, и Израилю Божию», то есть на истинном Израиле – всех верных, следующих учению благодати» (ст. 15–16). Заключает апостол послание восклицанием: «Впрочем, никто не отягощай меня» – ибо всё уже разъяснено и истолковано. Предлагать дальнейшие вопросы и высказывать недоумения – это значило бы лишь удовлетворять болезни спорливости – напрасный труд. Ответ на все возражения – язвы Господа Иисуса, которые он носит на теле своём. Пусть они засвидетельствуют истину проповеди св. апостола. «Если бы кто увидел окровавленного и покрытого бесчисленными ранами воина, – говорит св. Златоуст, – стал ли бы обвинять его в трусости и предательстве, когда сей на самом теле своём носит доказательство своего мужества? Также, говорит, должно судить и обо мне».

Заканчивает своё послание апостол преподанием обычного апостольского благословения: «благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь» (ст. 18).

Послание святого апостола Павла к Ефесянам

Основание ефесской церкви

Ефес был приморским городом Малой Азии на реке Каистре. Он славился как центр торговли, искусств и учёности и был главным городом – митрополией проконсульской провинции Асии. Он был известен и как крупный центр язычества. В нём находился знаменитый в древности храм Артемиды (или Дианы) Ефесской, и сам город считался посвящённым этой богине. Здесь было и седалище языческой магии, исходившей из мистерий Артемиды: написанные на клочках пергамента таинственные и непонятные слова носили в качестве амулетов, так же как и изображения богини и её храма, что составляло для многих доходный промысел. В Ефесе жило и немало иудеев, имевших здесь свою синагогу. Основателем Ефесской церкви был св. апостол Павел, который, как видно из 18 главы книги Деяний св. апостолов (ст. 19–21), впервые посетил Ефес около 54 года по Р. Х. при своём возвращении в Иерусалим из второго благовестнического путешествия. Спеша из Коринфа в Иерусалим на праздник, св. апостол Павел лишь ненадолго задержался в Ефесе, но всё же вошёл в синагогу и рассуждал с иудеями: когда же они просили его побыть у них долее, он не согласился, а простился с ними, сказав: мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме; к вам же возвращусь опять, если будет угодно Богу. И отправился из Ефеса (Акила же и Прискилла, сопровождавшие апостола из Коринфа, остались в Ефесе) (Деян. 18:19–21). Так произошло первое оглашение Ефеса христианской проповедью из уст св. апостола Павла и его сотрудников Акилы и Прискиллы. Очевидно, это оглашение имело успех, поскольку апостола просили там остаться подольше. На помощь оставшимся в Ефесе Акиле и Прискилле вскоре пришёл Аполлос, учёный иудей из Александрии, который первоначально знал только Иоанново крещение, но затем подробно был наставлен в учении Господнем Акилою и Прискиллою, о чём также рассказывает книга Деяний (18:24–28). Судя по свидетельству книги Деяний, Аполлос, как «муж красноречивый и сведущий в Писаниях»,

много содействовал утверждению христианства в Ефесе. Но вскоре ему пришлось отправиться в Ахаию, и он отплыл в Коринф, не дождавшись возвращения св. Павла.

Главная проповедническая деятельность св. апостола Павла в Ефесе произошла в третье его благовестническое путешествие – и повествование об этом составляет исключительное содержание 19 главы книги Деяний. По удалению Аполлоса из Ефеса и во время пребывания его в Коринфе, рассказывает Деяния, св. апостол Павел, побывавши в Иерусалиме и Антиохии и прошедши Фригию и Галатию – «верхние страны», – прибыл, согласно обещанию своему, в Ефес. Там он нашёл около 12 учеников, которые, подобно Аполлосу, знали и приняли только крещение Иоанново. Св. Павел довершил их утверждение в вере, убедил их креститься крещением христианским и через возложение рук преподавал им Святого Духа (19:1–7). Вслед за тем св. Павел начал оглашение Ефеса евангельской проповедью. Прежде всего, по обычаю своему, он обратился к иудеям и начал регулярно проповедовать в синагоге. Три месяца продолжалась его проповедь, но «как некоторые ожесточились и не веровали, злословя путь Господень перед народом, то он, оставив их, отделил учеников и ежедневно проповедовал в училище некоего Тиранна», может быть какого-нибудь софиста, или народного учителя, каких много было тогда в греческих городах (Деян. 19:8–9). «Это продолжалось до двух лет, так что все жители Асии слышали проповедь о Господе Иисусе, как иудеи, так и эллины» (ст. 10). Проповедь св. Павла сопровождалась и подкреплялась многими поразительными знамениями и чудесами (19:11–20). Два года учил так св. Павел, и Церковь Божия здесь пустила глубокие корни. К сожалению, мятеж, поднятый против апостола Димитрием-серебряником, заставил его покинуть Ефес прежде, чем он предполагал (Деян. 19:21–40; 20:1). По прекращении мятежа св. Павел отправился посетить македонские церкви, пробыл три месяца в Элладе, а затем решил отправиться в Сирию снова через Македонию. Путь в Сирию лежал через Ефес, но так как св. Павел хотел поспеть к празднику Пятидесятницы в Иерусалим, то он, боясь

быть задержанным в Ефесе, прошёл на корабле мимо него. Корабль остановился в Милете, немного южнее Ефеса, и св. апостол пригласил сюда из Ефеса и, вероятно, из других мест «пресвитеров Церкви», чтобы дать им последние наставления и проститься с ними. Это прощание было чрезвычайно трогательным. «Вы знаете, – говорил им апостол, – как я с первого дня, в который пришёл в Асию, всенародно и по домам учил вас, и не пропустил ничего полезного, и не упускал возвещать вам всю волю Божию – покаяние пред Богом и веру в Господа нашего Иисуса Христа. Ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там будет со мною; только по всем городам Дух Святой свидетельствует, что меня ждут там узы и скорби. Но я не дорожу жизнью, лишь бы как следует совершить мне служение, которое я принял от Господа Иисуса Христа – проповедать Евангелие благодати Божией. Вы более не увидите лица моего. Внимайте себе и всему стаду, в котором вас Дух Святой поставил епископами пасти Церковь Господа и Бога, которую стяжал Он Своею Кровью. После меня войдут к вам волки, не щадящие стада, и из вас самих восстанут люди суемудрые, которые будут отвлекать от истины. Бодрствуйте же, памятуя, что я три года день и ночь со слезами учил каждого из вас» (Деян 20:18–31). После молитвы они с плачем проводили апостола до корабля и простились с ним (Деян. 20:36–38). Тем кончились личные сношения св. Павла с ефесянами, но не кончились заботы его о них, как свидетельствует об этом его послание.

Впоследствии епископскую кафедру в Ефесе занимал до самой своей смерти преданнейший ученик св. апостола Павла св. Тимофей. Затем тут пребывал, управляя отсюда малоазийскими церквями, возлюбленный ученик Христов св. Иоанн Богослов. В 431 году в Ефесе происходил третий Вселенский собор.

Повод к написанию послания к Ефесянам

В послании не видно никакого особенного повода к написанию его. Как видно из многих мест послания, оно написано св. Павлом в узах (3:1; 4:1 и др.). Судя по воодушевлению и высокому тону всего послания, можно считать вероятным, что св. Павла расположило написать его желание сообщить ефесянам те высокие созерцания, в которые введён он был Духом Божиим в его узничество (еп. Феофан). Другим поводом могло быть желание апостола утешить ефесян, скорбевших о бедствиях, которые постигли их духовного отца и учителя (Еф. 3:13). И, наконец, третьим поводом могло быть опасение за ефесян и желание предостеречь их от иудействующих и иных лжеучителей. Из Еф. 3:3–4 видно, что апостол желал раскрыть ефесянам возвещённую ему через откровение «тайну спасения» о том, что и язычники наравне с иудеями призываются в Царствие Небесное (3:6–9).

Место и время написания послания к Ефесянам

Относительно места, а потому и времени написания послания к Ефесянам не все толкователи вполне согласны между собой. Совершенно несомненно только то, что это послание написано св. апостолом Павлом из уз, ибо в послании он не раз называет себя «узником Иисуса Христа» (3:1), «узником в Господе» (4:1), говорит, что исполняет посольство в узах (6:20). Известно, что св. Павел находился в узах в Кесарии Палестинской, где он был под стражей у правителя Феликса два года, пока не потребовал суда кесарева, вследствие чего его отправили в Рим (Деян. 23:35; 24:27; 25:10–11), а затем в Риме (Деян. 28:16). В Риме обыкновенно различаются первые узы и вторые узы, между которыми, как полагают, был известный промежуток. Древние подписи на послании к Ефесянам относят его к узам римским, но так как в нём св. апостол ничего не говорит о приближающейся кончине, как делает это, например, в позднейшем и, несомненно, написанном из Рима послании к Тимофею (2Тим. 4:6), а надеется ещё смело проповедовать тайны благовествования (Еф. 6:19–20), то это могли быть только первые узы. Еп. Феофан Затворник считает, что послание к Ефесянам написано из Кесарии Палестинской, на том основании, что:

1) в послании нет никаких указаний на какие-либо изменения в церкви Ефесской в добрую или худую сторону, откуда надо предположить, что оно написано весьма скоро после того, как св. Павел оставил Ефес;

2) св. апостол просит ефесян молиться, чтобы дано ему было слово, устами своими открыто, с дерзновением, возвещать тайну благовествования: это идёт более к кесарийскому узничеству, чем к римскому, ибо в Риме апостол пользовался большой свободой, мог принимать всех и проповедовать «со всяким дерзновением невозбранно», в то время как в Кесарии он был в заключении и лишь некоторым позволялось входить к нему (Деян. 28:30–31 и Деян. 24:23);

3) еп. Феофан считает, что такой деятельный апостол, как св. Павел, не мог два года сидеть в Кесарии без дела, а потому он, вероятно, писал обращённым им в христианство, поучая и наставляя их в вере.

Если принять эти доводы еп. Феофана, то послание к Ефесянам написано в Кесарии в 60 или 61 году по Р. Х. Другие толкователи, сличая послание к Ефесянам с другими посланиями и находя, что оно писано было в одно время с посланиями к Колоссянам и Филимону и вскоре по написании послания к Филиппийцам (сравни [Еф. 6:21](#) и [Кол. 4:7–8](#)), считают, что послание к Ефесянам было написано из Рима в 62 или 63 году. Это послание, как и послание к Колоссянам, св. апостол Павел отправил с Тихиком, которому поручил подробно сообщить этим церквам о своих обстоятельствах.

Подлинность послания

Тертуллиан в своей полемике против Маркиона говорит, что маркиониты считали послание к Ефесянам написанным не к Ефесской, а к Лаодикийской церкви. В некоторых древних списках слова «Эн Ефесо» – «К Ефесянам» – действительно выпущены, в других – находятся только на полях. Вместе с тем, в послании к Колоссянам, которое, по сходству содержания и по указанию на время отправления, принадлежит к одному времени с посланием к Ефесянам (ср. [Еф. 6:21](#) и [Кол. 4:7](#)), апостол говорит о послании к Лаодикийской церкви, но такого послания мы не имеем. Наконец, в послании к Ефесянам отсутствуют столь обычные приветствия личного характера, которые были бы естественны, поскольку св. Павел целых три года прожил в Ефесе. Всё это даёт повод новым критикам отвергать подлинность послания.

Однако ещё св. Игнатий Богоносец, сам написавший послание к Ефесянам, свидетельствует о существовании такого же послания св. апостола Павла. Все недоумения легко объяснятся, если предположить, что послание к Ефесянам было в собственном смысле посланием окружным, предназначавшимся не одной Ефесской церкви, но и всем малоазийским церквям, в том числе и Лаодикийской, по отношению к которым Ефесская церковь могла считаться митрополией. Подлинность послания к Ефесянам подтверждают затем св. Поликарп Смирнский, св. Ириней Лионский и Климент Александрийский, которые буквально приводят из него некоторые выражения.

Содержание и разделение послания к Ефесянам

Послание к Ефесянам содержит в себе шесть глав. Главный предмет послания, как говорит об этом сам автор его (Еф. 3:2–9), есть тайна домостроительства Божия, а затем вытекающие из неё нравственные требования. Сообразно этому послание естественно распадается на две равные части:

- 1) Догматическую, которая занимает первые три главы (1–3);
- 2) Нравоучительную, которая обнимает собой остальные три главы (4–6).

Догматическая часть представляет собой сокращённое изложение главных христианских истин, преимущественно же развивает идею Церкви как Тела Христова. Нравственная часть учит единству веры и единодушию в нравственной деятельности, вооружая на духовную брань. Вообще послание это чрезвычайно важно, представляя собой прекрасную апологию христианства. Св. Златоуст и блж. Иероним подчёркивали таинственную глубину этого послания, а св. Афанасий называл его катехизисом христианского учения. Многие из толкователей видят в нём как бы программу всей апостольской проповеди.

Экзегетический разбор послания к Ефесянам

Послание к Ефесянам начинается обычным надписанием и апостольским приветствием: «Павел, волею Божией посланник Иисуса Христа, находящимся в Эфесе, святым и верным во Христе Иисусе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа» (ст. 1–2).

С 3 стиха начинается догматическая часть послания. Св. апостол прежде всего воздаёт хвалу и благодарение Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа за избрание нас к святой жизни, которое было predetermined «прежде создания мира» и состоит в усыновлении нас Богу через Иисуса Христа, Который, совершив наше спасение Кровью Своею и открыв людям тайну Божия благоволения, сделался Главой всего небесного и земного и нас сделал через Себя наследниками Божиими (ст. 3–12). Затем апостол обращает свой духовный взор к ефесянам, которые уверовали во Христа и, следовательно, сделались участниками дарованных им благ, и благодарит за них Бога, вспоминая о них в молитвах своих и прося Бога, чтобы Он дал им Духа премудрости и просветил очи сердец их, дабы они познали богатство Его наследия и могущество силы Его (ст. 13–19). Стихи 20–23 содержат в себе важное учение о превознесении Воскресшего Христа как Богочеловека превыше всякой твари и о покорении Ему всего существующего. Здесь мы видим возвеличение человеческого естества в лице нашего Спасителя, свидетельство о том, что Господь Иисус Христос, даже и как Человек, есть Царь и Господь неба и земли, Ангелов и человеков. «Поставил Его выше всего, главою Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всём» (ст. 22–23). Это учение о Господе Иисусе Христе как о Главе Церкви чрезвычайно важно. Как члены нашего тела составляют с головой один живой организм, так все верующие со Христом образуют также один телесно-духовный организм. Крестящиеся во Христа одеваются в Него, становятся одно с Ним. Поэтому Христос действует в христианах, как созидательная и живительная сила (еп.

Феофан). От главы зависит вся жизнь тела – органическая и механическая. И в психологическом отношении голова, какместилище мозга, главного органа умственной деятельности и внешних чувств, признаётся источником духовной жизни, руководящим началом её. Это сравнение апостола даёт мысль о всецелой зависимости Церкви от Господа Иисуса Христа, о том, что Христос Сам руководит Своею Церковью. «Полнота Наполняющего всё во всём» – слова сии темноваты и дают разные мысли. Правильнее всего понимать эти слова так: Церковь есть духовный организм, в котором нет места, где бы не действовали Божественные силы Христовы. «Она полна Христом. Он её наполняет всю» (еп. Феофан). Св. Златоуст объясняет, почему апостол не ограничился назвать Церковь только Телом Христовым, а Христа её Главой: «чтобы ты, услышав слово «главу», не принял его в значении только власти, но в смысле собственном, – не счёл Его только начальником, но видел в нём действительную Главу, апостол прибавляет: полнота (то есть Церковь есть полнота) Исполняющего всё во всём. Апостол считает как бы недостаточным название «главы» для того, чтобы показать родство и близость Церкви ко Христу».

Во второй главе апостол говорит о том, как величие действий домостроительства Божия сказалось в оживотворении, как бы воскрешении из мёртвых, духовно умерших людей, возвеличенных Богом из крайнего уничижения. Совершила это единственно благодать Божия, без каких-либо заслуг со стороны самого человека: «благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас. Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился» – эти слова очень любят сектанты, пытаясь доказывать при помощи их своё лжеучение о ненужности добрых дел для спасения. Но ведь ясно, что здесь идёт речь о первом лишь моменте, о самом устройении Богом спасения, а не об усвоении этого спасения людьми. О последнем сказано: «мы – Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять». Смысл всех этих слов тот, что «спасение нам устроено и мы призваны к получению его не за какие-либо дела, а по одной благодати. Но призваны не за тем,

чтобы со своей стороны ничего не делать, а чтобы содевать своё спасение, богатясь добрыми делами» (еп. Феофан) (ст. 1–10). Далее апостол говорит о великой благодати Божией, устроившей так, что чуждые доселе друг другу язычники и иудеи соединились в одно Тело «Кровью Христовою». Господь как бы вновь сотворил человечество (ст. 11–15), примирив и иудеев и язычников с Богом посредством креста, убив вражду на нём, то есть вражду с Богом, которая отчуждала от Него оба народа вследствие их греховности. И здесь св. Павел подчёркивает упразднение в Новом Завете ветхозаветного закона словами: «закон заповедей учением упразднив» (ст. 15) и «положил конец закону, который, подобно какой-то стене, разделял иудеев и язычников». «И, придя, благовествовал мир вам, дальним и ближним» (ст. 17) – сущность благовестия Христова была в том, что Сын Божий, воплотившийся и пострадавший за нас на кресте, примирил нас с Богом. «Дальними» апостол называет здесь язычников, а «ближними» – иудеев (блж. Феодорит). Соединённые между собой в христианстве, иудеи и язычники составили одну Церковь, как бы одно здание, утверждённое на основании апостолов и пророков и на Краеугольном Камне – Самом Господе Иисусе Христе, и скрепляются одним Духом (ст. 17–22). Здесь важно, что Христос есть Краеугольный Камень, на Котором создана Церковь, а не апостол Пётр, как утверждают это латиняне – римо-католики.

В третьей главе апостол говорит о сокровенности тайны призвания язычников в Церковь Христову и о том, что ему именно дана благодать возвещать эту тайну Христову язычникам. Много скорбей терпит он от иудействующих за эту проповедь, но не унывает и ефесян просит не скорбеть о нём (ст. 1–13). Заканчивает св. апостол догматическую часть послания молитвой об ефесянах (ст. 14–21), чтобы они утверждались в вере и любви ко Христу и уразумели «превосходящую разумение любовь Христову, дабы исполниться всей полнотой Божьей», то есть всякой добродетелью, какою исполнен Бог, «да будете иметь Его совершенно вселившимся в вас», по объяснению блж. Феодорита. Пожелав ефесянам достичь полноты христианского

совершенства, св. апостол воздаёт славу Богу в Церкви во Христе Иисусе (ст. 20–21).

Вторая половина послания к Ефесянам, обнимающая собой три последние главы – 4, 5 и 6, представляет собой нравоучительную часть послания. Разъяснив в первых трёх главах, что все христиане составляют единое Тело с Одним Главою Христом, св. апостол из этой главной мысли послания выводит, как надлежит жить и поступать христианам, объединённым и обновлённым во Христе. Сначала изображает он:

1) общий строй жизни, основной чертой которого является единодушие в вере (4:1–16); потом

2) правила жизни, общие для христиан всех состояний (4:17; 5:21);

3) правила жизни частные, по состояниям, перечисляя взаимные обязанности супругов, детей и родителей, рабов и господ (5:22; 6:9), и, наконец,

4) призывает вообще к борьбе с миром и грехом, рисуя образ христианского подвижничества (6:10–18).

В четвёртой главе св. апостол увещевает ефесян поступать достойно звания, в которое они призваны, то есть звания христианского. В основу этого должно быть положено смиренномудрие, кротость, долготерпение и любовь. Главное же, к чему должны стремиться христиане, это «единение духа в союзе мира». Как самое сильное побуждение к такому духовному единению св. апостол выставляет то, что у христиан «один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех нас» (ст. 1–6). Каждому из верующих, как отдельному члену в организме, даётся особая благодать, особый дар, которым он и должен служить другим на общую пользу. Эта разнородность даров не только не мешает единодушию, а наоборот, ещё более скрепляет единение между христианами, подобно тому, как разнородность членов не мешает телу расти и укрепляться их взаимным содействием. Для этого мирного и любовного созидания и возрастания Тела Церкви Своей, «к совершению святых, на дело служения, для созидания Тела Христова» (ст.

12) Христос поставил «одних апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями» (ст. 11). Здесь ясно утверждается богоучреждённость церковной иерархии в обличение протестантов и сектантов, отрицающих законную иерархию. Цель учреждения церковной иерархии в том, чтобы помочь духовному совершенствованию верующих: «доколе все придём в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (ст. 13), то есть пока «все взойдут в состояние совершенного упокоения в Боге и, из себя представив достойное Богу жилище, возымеют Его вселившимся в себе. Это и есть мера возраста исполнения Христова» (еп. Феофан). Основная задача нравственной христианской жизни – не быть младенцами, колеблющимися и увлекающимися всяким ветром учения, но, по примеру живого организма, объединяясь между собой любовью, возвращать Тело Христовой Церкви «в Того, Который есть глава Христос» (ст. 7–16).

Во второй половине этой главы св. апостол, изображая отрицательные стороны жизни язычников, каковыми были прежде ефесяне, увещевает «отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях» и «облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины». Это внутреннее обновление должно выразиться прежде всего в правдивости: «отвергнувши ложь, говорите истину каждый ближнему своему» (ст. 25); затем – в безгневи: «гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдёт во гневе вашем» (ст. 26), то есть миритесь с тем, на кого разгневались, ещё до захода солнца; далее апостол увещевает не красть, но трудиться своими руками, «чтобы было из чего уделять нуждающемуся»; избегать гнилых слов, то есть сквернословия, и быть скромными и назидательными в разговорах, не оскорблять своим дурным поведением Св. Духа, удаляться от всяких раздоров, раздражения, ярости, гнева, крика и злоречия, но быть друг к другу добрыми, сострадательными и взаимно прощать обиды, «как и Бог во Христе простил нас» (ст. 17–32).

Продолжая те же нравственные наставления в пятой главе, св. апостол убеждает христиан подражать в любви Богу, как дети подражают своему отцу, во всём беря с него пример (ст. 1–2). Как побуждение к нравственной жизни, св. апостол указывает лишение грешников Царствия Божия, предостерегая особенно от блуда и пьянства и от всякой нечистоты и любостяжания и увещевая христиан: «поступайте, как чада света», испытывая, что благоугодно Богу. Состояние закоренелого грешника подобно глубокому сну, но и он может проснуться от этого греховного сна, и апостол взывает: «встань, спящий, и воскресни из мёртвых, и освятит тебя Христос» (ст. 14). Некоторые толковники полагают, что эти слова представляют собой свободную передачу сказанного у св. пророка Исаии в 60:1 и 26:9 и 19 стиха: «Восстань, светись (Иерусалим), ибо пришёл свет твой, и слава Господа возшла над тобою». Уча далее тому, что эта временная жизнь дана нам для приготовления к вечности, и имея в виду множество греховных соблазнов, окружающих нас в этой жизни, св. апостол увещевает: «поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы» (ст. 15–16), то есть не тратьте попусту драгоценного времени и используйте его для приготовления себя к вечности. Для этого, прежде всего, не следует быть «нерассудительными», но «познавайте, что есть воля Божия». Особенно апостол предостерегает от злоупотребления вином, говоря, что такое злоупотребление ведёт человека к распутству. Вместо плотских утех христиане должны искать утех духовных, исполняясь Духом и назидая себя пением псалмов и духовных песней, причём требует, чтобы песни эти пелись не языком только, но и сердцем (ст. 1–20).

Вторая половина пятой главы посвящена наставлениям об обязанностях супружеской жизни. Здесь апостол представляет супружеский союз как образ таинственного союза Господа Иисуса Христа с Церковью, почему эти стихи 20–33 составляют содержание апостольского чтения при совершении таинства брака. От мужей апостол требует самоотверженной любви к своим жёнам, а жёнам предписывает полное повиновение мужьям: «жёны, повинуйтесь своим мужьям, как Господу» (ст.

22) – так как дальше апостол поясняет, что «муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви» (ст. 23), то «как Церковь повинуется Христу, так и жёны своим мужьям во всём» (ст. 24), то есть во всём добром. Из этого ясно видно, что повиновение заповедуется жёнам отнюдь не рабское и принуждённое, а «как Господу», то есть искреннее и сердечное, основанное на любви. Главенство мужа в христианском браке должно понимать только как первенство, всегда неизбежное во всяких союзах и обществах, состоящих из нескольких лиц, но не как властительство. Муж является естественной главой в семье уже потому, что на нём лежит главная тяжесть семейных обязанностей, которых не может понести жена при относительной нежности своей природы и слабости своих физических сил. «Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь, и предал Себя за неё» – следовательно, супружеская любовь должна быть, прежде всего, духовною любовью, а не плотскою, и иметь нравственную цель: «чтобы освятить её, очистив банею водною... дабы она была свята и непорочна» (ст. 25–27) – здесь под «банею водною» имеется в виду таинство крещения, которым Христос очищает от всякой скверны и нечистоты вступающих в Его Церковь. Точно так и мужья должны заботиться о нравственной чистоте и о спасении душ своих жён. Вместе с тем мужья должны выражать свою любовь в попечении о жене, как о своём собственном теле – «питать и греть» её, «как и Господь Церковь» (ст. 28–30). Этим опять указывается на необходимость в христианстве духовной любви между супругами: муж должен смотреть на жену не как на какое-то механическое орудие для плотских наслаждений, но как на часть самого себя. В связи с этим апостол напоминает и библейское основание для такой любви к жене: «оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт. 2:24). Этими словами апостол желает расположить христианских супругов к крепкому супружескому союзу и показать, как противоестественны и богопротивны супружеские несогласия, а тем паче разводы. «Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» (ст. 32) – лучше всего объясняет эти слова св. Златоуст: «Подлинно это

таинство, что человек, оставив производшего его, родившего, воспитавшего, и ту, которая зачала его, болела им, в болезнях родила, оставивши тех, которые столько благодетельствовали, к которым он привык, – сочетается с тою, которой прежде не видал, которая ничего не имеет с ним общего, и предпочитает её всему... Поистине это таинство великое, заключающее в себе какую-то сокровенную мудрость». «Я говорю по отношению ко Христу и к Церкви» – сим прибавлением св. апостол желает внушить, что близость мужа к жене и взаимное их единение в благословенном христианском браке так велики и такую в себе содержат тайну, что могут быть наилучшим и нагляднейшим подобием таинственного единения Христа с Церковью, в котором они и имеют свой наивысший первообраз. «Немало таинственного и в естественном браке между мужем и женою, – как бы так говорит апостол, – но я говорю о христианском браке, заключаемом во образ союза Христа с Церковью. Таковой брак есть уже величайшая тайна, есть уже таинство церковное». Каков союз Христа с Церковью? Он есть союз теснейший, любовью проникнутый, святой и нерасторжимый. Таково же должно быть и супружеское единение в христианском браке.

В заключение апостол говорит: «каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится (своего) мужа» – у супругов всё должно быть взаимно. Вначале апостол сказал: «повинуйтесь друг другу в страхе Божием», но, тем не менее, муж – глава, а потому жена обязана ему особенным повиновением. Так как жены склонны тяготиться властью над ними мужей, а мужья склонны злоупотреблять своим первенствующим положением, то апостол в заключение и заповедует то, что по преимуществу может быть нарушаемо в браке: мужьям заповедует любовь, а жёнам повиновение. Выражение: «а жена да боится своего мужа» есть, конечно, только образное выражение, а отнюдь не означает рабского страха жены перед мужем, которому нет и не может быть места в христианстве. Этот «страх» есть не что иное, как уважение к мужу с опасением, как бы не оскорбить его и не уменьшить любовь его к себе. Блж. Иероним переводит это выражение: «жена да чтит своего мужа».

В шестой главе св. апостол говорит, прежде всего, об обязанностях детей к родителям, а затем – родителей к детям. Дети должны слушаться своих родителей, ибо естественный закон справедливости этого требует и пятая заповедь Закона Божия это заповедует, а родители не должны быть к детям чрезмерно суровыми, не должны вводить их в грех, но должны разумно воспитывать их в учении и наказании Господнем (ст. 1–4). Далее апостол внушает рабам повиновение господам своим, а господам – справедливое и снисходительное отношение к своим рабам. Политического или социального вопроса о законности или незаконности рабства св. апостол здесь совсем не касается. Церковь христианская вообще не ставила себе задачей производить внешние политические или социальные перемены, а лишь внутреннее возрождение людей, которое уже, естественно, должно повести за собой и внешние перемены во всей человеческой жизни (ст. 5–9).

В заключение нравственных наставлений св. апостол призывает христиан к невидимой духовной брани с врагом нашего спасения – дьяволом и слугами его: здесь мы видим основание христианского подвижничества. Вся жизнь христианина должна быть непрестанной борьбой. Апостол призывает христиан для этой борьбы облечься во всеоружие Божие, препоясать чресла истиною, надеть броню праведности, обути ноги в готовность благовествовать мир, а главным образом – взять щит веры, шлем спасения и меч духовный – Слово Божие и, вооружившись так, вести упорную борьбу против козней дьявольских, против духов злобы поднебесных, постоянно влекущих человека на путь греха и противления воле Божией. Это апостольское чтение (ст. 10–17) читается в дни памяти некоторых преподобных и при пострижении в монашество. Главным оружием при этом должна быть молитва, и притом непрестанная – «на всякое время». Злые духи называются здесь «миродержителями» не в том смысле, что им дана власть над миром, а потому, что всё злое в мире, все злые люди творят волю их: они миродержители мира, «во зле лежащего». Выражение «поднебесные» означает, что духи зла витают всюду между небом и землёй, обнимают нас отовсюду,

как повсюду окружает нас воздух, и непрестанно приражаются к нам, «как комары в сыром месте», по образному сравнению еп. Феофана Затворника. «Всеоружие Божие» особенно необходимо нам, дабы мы смогли противостоять этим злым духам «в день злой». Под этим «днём злым» надо понимать особенно решительные минуты в нашей жизни, каковы смерть и Страшный Суд, когда нам необходимо будет дать отчёт Богу о нашей земной жизни, как мы её проводили. Из всего этого ясно, что христиане – воины Христовы, обязанные вести непрестанную борьбу с врагом Божиим и врагом человеческого спасения дьяволом и со слугами его и всякого рода происходящим от них злом. Христианин должен быть совершенно непримирим ко всякого рода дьявольскому злу, но, конечно, бороться с ним достойными христианина средствами (ст. 10–18).

В заключение послания, которое содержит в себе 19–24 стихи, св. апостол просит, во-первых, молитв о себе, научая этим, что молитвы Церкви важнее и выше всех лиц, какие поставлены в ней, а во-вторых, говорит о посольстве к ефесянам Тихика, дабы он возвестил им об обстоятельствах и делах его и тем утешил сердца их.

Заканчивает своё послание св. апостол Павел пожеланием братиям мира и любви и преподанием обычного апостольского благословения: «благодать со всеми неизменно любящими Господа нашего Иисуса Христа. Аминь». «Неизменно» значит, по толкованию св. Златоуста, в безгрешности.

Послание святого апостола Павла к Филиппийцам

Основание Филиппийской церкви

Церковь Филиппийская была основана св. апостолом Павлом во время его второго проповеднического путешествия. Когда великий апостол языков со своими спутниками и сотрудниками Силою, Тимофеем и Лукою прошли Галатию и Фригию и дошли до берегов Эгейского моря, Дух Святой не допустил их идти ни к югу в Асию, ни к северу в Вифинию. Здесь, в приморском городке Троаде, св. Павлу было видение. Перед ним предстал некий муж-македонянин и просил его: «прииди в Македонию и помоги нам». Полагают, что это был Ангел хранитель насельников Македонии. Получив такое указание, св. Павел тотчас же отправился туда морем через Неаполь и прибыл в город Филиппы, находившийся на границе с Фракией, недалеко от моря. Получил он своё название от отца Александра Македонского Филиппа, который обстроил и укрепил его (в 358 г. до Р. Х.). Дееписатель говорит, что это «первый город в той части Македонии» и притом «колония». Римляне, завоевав Македонию при последнем царе её Персее, разделили её на четыре области, а император Август, дабы усилить римское влияние в Македонии, переселил туда многих именитых граждан из Италии, поместил в Филиппах римский гарнизон и даровал жителям права коренных насельников Италии («иус италикум»). Всё это настолько возвысило значение Филипп, что они стали почитаться важнее главного города области Амфиополя.

Здесь-то несколько дней пробыл св. апостол Павел со своими спутниками, ничего не предпринимая. В субботу они отправились за город в местный иудейский молитвенный дом, где обратились с проповедью к некоторым собравшимся там женщинам. Одной из этих женщин, внявших апостольской проповеди, была Лидия, торговавшая багрянницей, «чтущая Бога», то есть, по-видимому, прозелитка (язычница, принявшая иудейство). Уверовавши, она крестилась вместе со всем своим домом и предложила у себя приют св. Павлу с его спутниками. Дом её стал местом собрания для всех уверовавших. Оттуда

св. Павел обратил свою проповедь и к язычникам, не переставая посещать и иудейский молитвенный дом у реки. Всё шло успешно и благополучно, пока жадность и корыстолюбие одного языческого семейства, как видно влиятельного, не возбудили мятежа в народе против Павла за изгнание им прорицательного духа из одной служанки, которая доставляла большой доход господам своими прорицаниями. Встречая св. апостола Павла и бывших с ним, она ходила за ними и кричала: «сии человеки – рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения». Когда св. Павел нашёл, что эта проповедь от духа лести может повредить проповеди от Духа Истины, он запретил этому духу и Именем Господа изгнал его из служанки. Враг поднял из-за этого целую бурю. Господа служанки, видя, что исчезла надежда дохода, схватили Павла и Силу и повлекли их на площадь к начальникам. Там они обвинили их в том, что они возмущают город, проповедуя новые недозволенные обычаи, «которых нам, римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять». По последним законам Римской империи для охранения слабеющей государственной силы Рима действительно провозглашалось уголовным преступлением учреждение новых религиозных сект. Господам служанки удалось настроить против проповедников Евангелия и народную толпу. Воеводы, сорвав с апостолов одежды, велели бить их палками и затем ввергли их в темницу. Страж темничный посадил апостолов во внутреннюю темницу и забил ноги их в колоду. Но, по устроению Божию, это заключение св. Павла послужило лишь к большему его прославлению и успеху проповеди. Около полуночи, когда Павел и Сила воспевали Бога, а другие узники их слушали, внезапно произошло великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы, двери её сами собой отворились, и узы со всех узников спали. Темничный страж, пробудившись и видя происшедшее, извлёк меч и хотел умертвить себя, боясь ответственности за бегство узников. Но Павел успокоил его, и он, потребовав огня, не мог не убедиться, что всё происшедшее есть действие силы Божией. Поражённый этим, он в трепете припал к ногам Павловым и, выведши его и Силу вон, молил: «Государи мои,

что мне делать, чтобы спастись?» Они же сказали ему: «веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься ты и весь дом твой» – и проповедали слово Господне ему и всем бывшим в доме его. Все уверовали и крестились в тот же час. Между тем с наступлением дня городские воеводы, допустившие накануне избиение апостолов, – вероятно, не столько по личному убеждению в их виновности, сколько для успокоения народной ярости, – приказали отпустить их. Однако св. Павел, несомненно, для того, чтобы изгладить невыгодное для дела проповеди впечатление от нанесённого им бесчестия, потребовал, чтобы воеводы извинились перед ними, так как они – римские граждане. Воеводы испугались, что подвергли телесному наказанию, да ещё без суда, римских граждан, и, пришедши, извинились перед ними, прося их только удалиться из города. Но апостолы не сразу удалились, а сначала пришли в дом Лидии, чтобы утвердить в вере ново-основанную ими юную христианскую общину. Лишь устроив всё необходимое для дальнейшего существования общины, они отправились далее (Деян. 16:9–40). Так была основана христианская община в Филиппах – в 51 или 52 году по Р. Х. По удалении из Филипп св. Павел оставил там на короткое время своих сотрудников Луку и Тимофея. Сношения св. Павла с филиппийцами этим не кончились. Церковь Филиппийская оказалась самой горячей и преданной по отношению к своему основателю и обильнейшей по плодам христианского милосердия и благотворительности. Отношения филиппийцев к апостолу Павлу были трогательно любовными. Где бы ни находился св. апостол, филиппийцы следили за ним любящим сыновним взором и постоянно оказывали ему материальную и нравственную поддержку в его исполненной трудов и скорбей жизни. Такою же взаимною любовью отвечал им и апостол. «Мои возлюбленные и возжеленные, радость и венец мой» – так обращался к ним апостол впоследствии в своём послании (Флп. 4:1). Не раз посылали они ему пособие в Солунь (Флп. 4:16), а также, вероятно, и в Коринф (2Кор. 11:8–9). Когда апостол был отправлен в Рим на суд кесаря (62–63 гг.), филиппийцы послали

к нему своего старейшего пресвитера Епафродита с денежным пособием.

Св. Павел не пропускал случая и лично побывать у филиппийцев, когда бывала к тому возможность. В третье своё проповедническое путешествие он, пробыв три года в Ефесе и решив побывать в Ахаии, направился туда через Македонию и между прочими городами посетил Филиппы, как можно думать, двукратно (Деян. 19:21 и 20:3–6).

Повод к написанию послания к Филиппийцам и цель его

Когда после третьего своего миссионерского путешествия св. апостол Павел отправился в Иерусалим, он подвергся там яростному нападению иудеев, был заключён в узы и потребовал над собой суда кесарева, после чего был отправлен в Рим. Во всё это время филиппийцы порывались помочь св. апостолу, как он сам на это намекает (Флп. 4:10), но им не благоприятствовали обстоятельства. Когда же апостол прибыл в Рим, филиппийцы собрали ему обильное денежное вспомоществование и отправили ему его с Епафродитом, которого св. апостол называет своим братом, сотрудником и сподвижником (Флп. 2:25). Приняв приношение филиппийцев от Епафродита, как «благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу» (Флп. 4:18), св. Павел узнал от него, что среди филиппийцев, кроме огорчения за него, распространилось и тяжёлое раздумье о судьбах самой гонимой веры Христовой, вследствие этого и малодушная боязнь перед врагами её и недостаток единодушия в борьбе с ними. Затем узнал св. Павел и о том, что среди некоторых разноплемённых членов филиппийской общины появилось тщеславие друг перед другом и любопрение, вследствие чего возникли взаимные несогласия. Возможно, что и там начали смущать верующих иудействующие, как и повсюду, где возникали христианские общины. Наконец, сообщил Епафродит св. апостолу о некоторых лицах, служивших соблазном для филиппийцев. Всё это, вместе взятое, и расположило св. апостола Павла написать послание к Филиппийцам. Но приход Епафродита был вскоре омрачён для апостола скорбью: Епафродит заболел, и притом так тяжело, что был при смерти, весть о чём дошла и до филиппийцев. Наконец Бог помиловал его, и не только его, но «и меня, чтобы не прибавилась мне печаль к печали» (Флп. 2:27). Когда выздоровевший настолько оправился, что мог сносить трудности пути, св. апостол отправил его к своим, вручив ему своё послание.

Как и естественно ожидать, ввиду вышеуказанных обстоятельств главной целью послания являлось выражение любви и благодарности филиппийцам, а вместе и похвалы им, как верным вере искренно и нелицемерно. Не могло, однако, послание апостольское обойтись и без наставлений в вере и нравственности, но эти наставления здесь изложены без обычной строгой логической последовательности. В этом послании нет обычного для Павловых посланий разделения на догматическую и нравоучительную части: послание носит частный, а не официальный характер. Оно напоминает скорее отчески дружественное письмо и наполнено выражениями кротких и нежных чувств, которые установились между св. апостолом и филиппийцами. Мы не видим в этом послании ни строгости обличений, ни настойчивых приказаний, ни властительных апостольских распоряжений. Особенно характерно для этого послания отсутствие в нём обличительного элемента.

Время и место написания послания

Время написания послания к Филиппийцам видно из того, что св. Павел выражает в нём надежду на скорое освобождение от уз и прибытие в Филиппы (Флп. 1:25–26 и 2:24), а также сообщает, что вера, им проповеданная, распространилась даже до дому кесарева (4:22). То, что св. апостол находился в это время в узах в Риме, видно из упоминания о претории в 1:13. А что узы эти были первыми, а не вторыми, можно заключить из того, что апостол приветствует филиппийцев в этом послании вместе с Тимофеем (1:1), которого не было при апостоле во время вторых его уз (2Тим. 4:9–10). Исходя из всех вышеуказанных соображений, можно заключить, что послание к Филиппийцам написано в Риме в конце 63 или начале 64 года по Р. Х.

Содержание и разделение послания к Филиппийцам

Послание к Филиппийцам содержит в себе всего четыре главы. Хотя в нём нет такого ясного и определённого плана повествования, как в других посланиях, но всё же содержание его можно разделить на следующие отделы:

1) Обычное предисловие с надписью и приветствием (1:1–2) и началом послания (1:3–11);

2) Извещение о себе, именно – об успехах благовестия и своих в отношении к нему расположениях и надеждах (1:12–26) и наставление о достойном этого благовестия жителствовании (1:27–2:18);

3) Извещение о своих намерениях: о послании к Филиппийцам Тимофея (2:19–24), об отправлении обратно Епафродита (2:25–30). Затем следует

4) Предостережения от иудействующих (3:1–3), указание на собственный пример для подражания (3:4–16).

В заключение апостол делает внушение некоторым лицам и даёт общее всем наставление, как проявлять в своей жизни характеристические черты жизни христианской (4:2–9).

В обычном послесловии апостол вспоминает о присланном ему пособии, приветствует всех и преподает благословение (4:10:23).

Экзегетический разбор послания к Филиппийцам

Начинается послание надписанием: «Павел и Тимофей, рабы Иисуса Христа, всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами» (1:1). Тимофея здесь упоминает св. Павел, вероятно, потому, что тот трудился со св. Павлом при первом обращении филиппийцев и был близок им. По крайнему смирению, св. апостол называет себя вместе с ним только «рабами Христовыми», не подчёркивая своего апостольского достоинства, как в других официальных посланиях, где это было нужно для большей авторитетности послания. «С епископами и диаконами» – «Ужели в одном городе было много епископов? – спрашивает св. Златоуст и отвечает: – Нет. Апостол так назвал пресвитеров. Ибо тогда названия сии были ещё общие». «Святыми» назывались тогда все верующие, как освящённые благодатью Св. Духа. Затем следует обычное преподание благодати и мира (1:1–2).

Далее в первой главе апостол выражает благодарность Богу за то усердие, с каким филиппийцы принимают участие в благовествовании Христовом через своё щедрое благотворение ему, и молится, дабы засвидетельствованная ими любовь «ещё более и более возрастала в познании и всяком чувстве», чтобы они «были чисты и непреткновенны в день Христов, исполнены плодов праведности». Не к себе, следовательно, относит св. апостол благотворение филиппийцев, но к Богу, и молит Бога, дабы филиппийцы, преуспевая всё более и более в доброделании, достойно приготовили себя ко «дню Христову», то есть ко дню второго Пришествия Христова и Страшного Суда (1:3–11).

Тревогу филиппийцев о его участи в Риме апостол успокаивает извещением, что его узы в Риме сильно содействовали успеху его проповеди о Христе. Весть о пребывании апостола в Риме в узах вскоре распространилась по всему Риму, и большая часть римских христиан, ободрившись узами апостола, стала безбоязненно

проповедовать Слово Божие. Они увидели, что проповедь апостола, находящегося в узах, не только не навлекла никакой беды, а напротив, сделала его известным даже между знатнейшими людьми и в самой претории, как называли в Риме царские палаты. Правда, некоторые проповедовали Христа «не чисто», «по любопрению», то есть неискренно, по зависти и любви к спорам и даже с мыслью сделать неприятность апостолу, но апостол и тому радуется, что всё же, так или иначе, благовестие о Христе распространяется в мире. Возможно, что эти мелкие люди из ревливости желали опередить апостола, восхитить его славу как проповедника Христова учения. Некоторые, вероятно, действовали наперекор апостолу, вопреки его распоряжениям, но, во всяком случае, они не были еретиками. За себя апостол не боится. Его не страшит и смерть: «для меня жизнь Христос, и смерть – приобретение» (1:12–21). Апостол даже затрудняется, что лучше избрать: жизнь или смерть. «Имею желание разрешиться и быть со Христом» – вот чего хотелось бы ему, но, с другой стороны, он понимает, что жизнь его нужна для продолжения дела благовествования Евангелия: «а оставаться во плоти нужнее для вас». Далее апостол выражает уверенность в скором освобождении от уз и свидании с филиппийцами, и предсказание его исполнилось. Апостол увещевает филиппийцев жить «Достойно благовествования Христова». Основное качество такой жизни тут же им и указывается: «стойте в одном духе, подвизаясь единомысленно за веру евангельскую». Это твёрдое стояние в истине, единомыслие и бесстрашное исповедничество, которое желал видеть св. апостол Павел в своих филиппийских учениках, есть первое и основное качество каждого истинного христианина. Церковь Христова в этом мире, враждебном ей по духу своему, есть и должна быть Церковью воинствующей, а последователи её непременно должны быть борцами и исповедниками, готовыми пострадать за истину (1:22–30).

Во второй главе св. апостол внушает филиппийцам к полному единомыслию и взаимной любви присоединить второе важное качество, которым характеризуется истинно христианская жизнь, – смиренномудрие. Высочайшим образцом

смиреномудрия и примером подражания для христиан является Сам Христос, смиливший Себя до смерти крестной: «в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе, Который, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек, смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» – здесь рисуется потрясающая душу картина Божественного самоуничижения, самоумаления, «Божественное истощание» ради спасения людей как вдохновляющий пример для подражания: если Сын Божий Единородный так смирился, то как же нам, окаянным грешникам, не смиряться? Тут – естественное побуждение к смирению для всех истинных последователей Христовых. А так как в этих словах говорится о воплощении сына Божия, о явлении Его в мир как человека, то это место послания к Филиппийцам со следующими тремя стихами (ст. 9–11) читается за Божественной литургией в Богородичные праздники. Смирение Сына Божия послужило к Его возвеличению: «Бог превознёс Его и дал Ему имя выше всякого имени» (ст. 9) – конечно, здесь говорится о превознесении воплотившегося Сына Божия по Его человечеству, то есть о том, что за Его смирение и самое человечество, принятое Им на Себя, превознесено до высоты Божеской, введено в славу и силу Божества. Следствием этого смирения Сына Божия должно быть то, что перед Ним «всякое колено поклонится небесных, и земных, и преисподних», то есть вся тварь – небесная, или Ангелы Божии, земная – люди живущие, и преисподняя, под которой разумеются умершие. «Чтобы всякий язык исповедовал, что Господь Иисус Христос в славу Бога Отца» (ст. 11), то есть: все прославят Его как Господа и Бога, равного по славе Богу Отцу.

После этого, похвалив филиппийцев за их послушание, св. апостол Павел даёт им ряд наставлений нравственного характера, внушая им: «со страхом и трепетом своё спасение совершайте» (ср. Пс. 2:11) и, увещевая всё делать без ропота и сомнения, чтобы быть неукоризненными и чистыми чадами Божиими среди строптивного и развращённого рода. Здесь

обращает на себя внимание изречение: «потому что Бог производит в вас и хотение, и действие по Своему благоволению». Это не уничтожает, конечно, свободы воли человека, а указывает лишь на то, что истинное благочестие есть дар Божий, подаваемый смиренным. Но Бог только возбуждает хотение добра в человеке воздействием на него Своей благодати, а отзовётся ли человек на это, зависит уже от него самого, от его свободной воли. Благодать Божия только содействует человеку, помогает ему в его добрых делах, но это не значит, что она совершает и самое дело за человека. Когда мать ведёт за руку начинающее ходить дитя своё, то она только помогает ему ходить, а не сама совершает за него движение. Таково же, по учению преп. Макария, и содействие нам благодати Божией в наших добрых делах (ст. 12–18).

В остальной части второй главы св. апостол Павел извещает филиппийцев о своих намерениях. Имея в виду, что филиппийцев беспокоит его участь, он обещает послать к ним верного сотрудника своего Тимофея, как только узнает о результатах суда над собой у кесаря (ст. 19–23). Другая цель этого посольства – получить верные сведения о жизни филиппийцев, чтобы быть спокойными за них. «О, сколь нежную любовь имел он к Македонии, – говорит по этому поводу св. Златоуст, – это знак величайшего попечения, когда, не имея возможности сам скоро прийти, посылает ученика, не терпя даже и на короткое время оставаться в неведении о происходившем у них. Тимофея же посылает апостол, как самого верного человека, на которого во всём можно положиться (ст. 20–22). Зная, несомненно, по внушению Духа Святого, что он будет освобождён, св. апостол обещает и сам скоро прийти к филиппийцам. Пока же апостол посылает Епафродита, вручив ему своё послание, имея в виду то, что Епафродит в Риме был опасно болен, и филиппийцы, не зная об исходе его болезни, весьма беспокоились о нём. Возвращая Епафродита филиппийцам, апостол хвалит его за великий труд, подъятый им за то, что он пришёл к апостолу, чтобы утешить его в узах, за 1000 с лишком километров, отделяющих Филиппы от Рима, и подвергся тяжкой болезни. Называя его своим

«братом», «сотрудником» и «сподвижником», св. апостол просит принять его «в Господе со всякой радостью» и «иметь в уважении».

В третьей главе св. апостол, внушая филиппийцам радоваться о Господе, предостерегает их от иудействующих. Иудействующие презрительно называли всех язычников и имеющих с ними общение евреев «псами». Апостол находит более справедливым применить эту кличку к ним самим как имеющим тяготение к плоти. «Берегитесь псов, – пишет он, – берегитесь злых делателей, берегитесь обрезания». Истинно обрезанные, по словам апостола, – это «служащие Богу духом, и хвалящиеся Христом Иисусом, и не на плоть надеющиеся» (3:1–3). Обрезание здесь апостол называет несколько иронически «сечением», желая его унизить, ибо оно потеряло уже своё значение: прежде оно было печатью избранного народа, а теперь стало простым отсечением плоти, без всякого значения. Далее апостол говорит о себе, что он мог бы похвалиться плотскими преимуществами иудейскими не меньше всякого другого, а может быть, даже и больше других, но он всё это бросил, всё оставил «ради Христа»: «всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа» (ст. 4–8). Ведь он не только природный иудей, но ещё и воспитанный в фарисейской школе и ревностно гнавший Церковь Христову. С точки зрения ветхозаветной праведности, он мог бы считать себя «непорочным», но всё это он теперь считает не преимуществом, а тщетою, и единственное, чего теперь он ищет, это – познания Христа Иисуса Господа, участия в страданиях Его и достижения воскресения мёртвых (ст. 9–11). Впрочем, смиренный апостол отнюдь не считает себя достигшим полного совершенства, но только стремящимся к нему: «стремлюсь, не достигну ли и я, как достиг меня Христос Иисус» – своё обращение ко Христу св. апостол изображает под видом того, как будто Господь преследовал его и, наконец, достиг и уловил. «Забывая заднее и простираясь вперёд, стремясь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе» – ничто так не делает тщетными наших добродетелей и не надмевает нас, как памятование о соделанном нами добре. Поэтому и говорит

апостол, что он забывает всё сделанное им прежде доброе, стремясь всё время с усердием вперёд, к высшему христианскому совершенству (ст. 12–14). Следует обратить особое внимание на дальнейшие слова апостола в ст. 15–16, ибо на них любят ссылаться мистические секты, отвергающие церковную иерархию и полагающиеся всецело на внутреннее озарение и научение от Св. Духа. «Кто из нас совершенен, так должен мыслить; если же вы о чём иначе мыслите, то и это Бог вам откроет». Это не означает, что каждый может рассуждать и учить, как ему заблагорассудится, и что Бог такому откроет истину. В связи с контекстом здесь совсем иной смысл: говоря, что «все мы, совершенные, должны так мыслить», апостол понимает собственно мысли о праведности и смиренный образ мыслей о ничтожности своих добрых дел в сравнении с заслугами Христа Спасителя. Такой смиренный о себе образ мыслей («не почитаю себя достигшим») обязателен для всех утвердившихся в вере совершенных христиан. Так это объясняет и св. Златоуст, говоря: «Не о догматах сие сказано, но о совершенстве жизни и о том, «чтобы не считали себя совершенными. И еже аще ино что мыслите – если вы иначе об этом рассуждаете, то я уверен, что Бог вам откроет неправоту ваших мыслей и наведёт вас на смиренный о себе образ мыслей, ибо кто думает о себе, – поясняет св. Златоуст, – что он уже достиг всего, тот не имеет ничего». «Впрочем, до чего мы достигли, так и должны мыслить и по тому правилу жить» – место трудное для понимания. Можно понять это так: во всём должно следовать совести – что она признаёт истинным и обязательным, с тем и должно согласовать свои дела и жизнь. В образе мыслей и правилах жизни мы должны согласоваться с тем, как что постигли и поняли, как в чём убедились. Экумений толкует это так: «пока Бог откроет, будем стоять в той мере, какой достигли, чтобы не потерять достигнутого уже». Далее св. апостол увещевает филиппийцев следовать в своей жизни его примеру и бояться подражания тем, которые «поступают, как враги Креста Христова: их конец – гибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме: они мыслят о земном». Здесь имеются в виду люди, которые преданы всецело плотской жизни, земным

утехам и удовольствиям, идут широким и пространным путём, не желая сраспигать себя Христу, как это надлежит истинным христианам. «Мне, – говорит апостол, – подражайте в шествии узким и тесным, крестным путём самораспигтия, ибо нам, христианам, не подобает прилепляться к земле, так как «наше жительство на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа», Который уничижённое тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному Телу Его» – не о земном, а о небесном должны помышлять истинные христиане и приучать себя к правилам и законам Царства Небесного.

Четвёртую главу составляют увещания: «стойте так в Господе», как только что учил апостол. Начинается оно трогательным обращением к филиппийцам, которое показывает, как дороги они были сердцу апостола. Он называет их: «братия мои возлюбленные и вожденные, радость и венец мой». Далее следует обращение к неким двум женщинам – Еводии и Синтихии – «мыслить то же о Господе». Очевидно, это были какие-то влиятельные женщины, и несогласие их с основными истинами веры христианской в чём-то могло быть вредным для других, почему св. апостол и счёл нужным направить к ним особо своё увещание. В следующем, 3 стихе св. апостол обращается к некоему своему «сотруднику», имя которого неизвестно, с просьбой помочь вразумлению вышеупомянутых жён, как «подвизавшихся в благовествовании» вместе с самим апостолом Павлом. Под «Климентом», здесь упоминаемым, разумеют обыкновенно св. Климента, бывшего епископом Римским после Лина и Анаклета. В заключение апостол даёт общие для всех наставления: внушает всегда радоваться о Господе, быть кроткими, не предаваться многоятежным житейским заботам, а открывать в молитве свои желания перед Богом. Всё это – характеристические черты жизни христианской. Следствием такой жизни является «мир Божий, который превышает всякого ума», который будет блюсти сердца и разума, то есть все чувства и мысли от всякой беспорядочности, вызываемой страстями. Апостол не хочет больше ничего перечислять из того, что входит в обязанности

христианина, учит в заключение помышлять о всякой добродетели: «чему вы научились, что приняли...» – и тогда «Бог мира будет с вами» (ст. 1–9).

В послесловии св. апостол вспоминает о присланном ему пособии и выражает свою радость по поводу этой заботливости филиппийцев. И хотя он ни в чём не нуждается, но ему приятна и дорога эта заботливость, которою филиппийцы выделяются из всех церквей и прежде не раз присылали ему помощь. Теперешний же дар, присланный с Епафродитом, апостол принял, «как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу». В заключение св. апостол велит приветствовать «всякого святого во Христе Иисусе», то есть всякого христианина, и преподает обычное благословение (ст. 10–23).

Послание святого апостола Павла к Колоссянам

Основание церкви Христовой в Колоссах

Город Колоссы находится в Малоазийской области Фригии на реке Лике, около впадения её в Меандр. В древности это был большой и богатый город. В книге Деяний апостольских город Колоссы не упоминается, и никаких точных и определённых сведений об основании Колосской церкви мы не имеем. Можно только предполагать, что церковь Колосская основана св. апостолом Павлом или непосредственно при прохождении его через Фригию, или учениками его. Из книги Деяний видно, что св. апостол Павел дважды проходил через Фригию: во второе своё апостольское путешествие по пути в Европу (Деян. 16:6) и в третье путешествие по пути в Ефес, когда он шёл, «утверждая всех учеников» (Деян. 18:23). Колоссы находились в постоянных торговых сношениях с Ефесом, местом пребывания св. Павла в течение двух с половиной лет во время третьего его путешествия. Можно полагать, если апостол Павел не был сам в Колоссах, что христианство насаждено там его учениками Епафрасом и Филимоном, обращёнными им в Ефесе. Епафраса св. Павел называет своим возлюбленным сотрудником и в послании к Колоссянам прямо говорит, что они «услышали и познали благодать Божию в истине и научились ей от Епафраса, верного для них служителя Христова» (Кол. 1:6–7). Из 4:12–13 видно, что Епафрасу было поручено духовное попечение как о христианах города Колоссы, так и о верующих двух соседних городов – Лаодикии, главного города области, и Иераполя. Филимона св. апостол называет возлюбленным споспешником своим, а сына его Архиппа – совоинственником своим (Флм. 1:1–2). В послании к Колоссянам он поручает передать Архиппу: «смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе» (Кол. 4:17).

Некоторые места послания к Колоссянам, как, например, 1:4, 2:1, наводят на мысль, что св. апостол Павел сам лично в Колоссах не был, но, с другой стороны, они и не доказывают этого категорически. Еп. Феофан предлагает остановиться на

предположении, что св. апостол Павел в Колоссах не был, но, может быть, и был. Во всяком случае, христианство в Колоссах обязано своим происхождением ему.

Повод к написанию послания к Колоссянам и цель его

Из содержания самого послания видно, что поводом к написанию его послужило появление во Фригии каких-то лжеучителей, угрожавших чистоте христианской веры, и желание апостола Павла предостеречь колоссян от увлечения этими лжеучителями. Из слов, которыми св. Павел характеризует этих лжеучителей (см. 2:4; 2:8; 2:16, 20–23), видно, что эти лжеучения не представляли собой какой-либо строго определённой системы и не отличались ясностью и определённостью, а были какой-то смесью языческого философствования, чего-то вроде начатков гностицизма, и иудейства, державшегося прежних постановлений о пище и праздниках и об обрезании (2:11–15). Известить о появлении этих лжеучителей св. апостола Павла, находившегося тогда в узах в Риме, пришёл Епафрас, который и просил своего учителя написать колоссянам послание.

Целью послания было предостеречь колоссян, чтобы они не прельстились вкрадчивыми словами теософов, будто можно на ком-либо или на чём-либо, кроме Христа Господа, опереться упованием своим (Амвросиаст), а вместе с тем убедить их держаться, как непререкаемой истины, того учения, которое было возведено им Епафрасом, «верным для них служителем Христовым» (Кол. 1:7; 4:12–13).

Время и место написания послания к Колоссянам

В послании св. апостол Павел дважды упоминает, что он находится в узах (Кол. 4:3, 18). Это были первые узы в Риме, так как при апостоле находился Тимофей (1:1), которого не было при вторых узах. Оно написано ранее послания к Филиппийцам и одновременно с посланием к Филимону. Следовательно, место написания его – Рим, а время – вероятно, около 61 или 62 годов. Отправлено оно было в Колоссы с Тихиком и Онисимом, который нёс от апостола ещё особое послание к Филимону, своему бывшему господину (4:7–9).

Содержание и разделение послания к Колоссянам

Послание к Колоссянам содержит в себе четыре главы. Главная тема послания – опровержение лжеучителей, пытавшихся доказать, что можно прийти к Богу и спастись помимо Господа Иисуса Христа. Послание к Колоссянам разделяется на следующие части:

- 1) Предисловие (1:1–11);
- 2) Вероучительная часть (1:12, 2:23);
- 3) Нравоучительная часть (3, 4:6);
- 4) Послесловие (4:7–18).

Экзегетический разбор послания к Колоссянам

Как и всегда, послание начинается надписанием с приветствием от имени «Павла, волей Божьей апостола Иисуса Христа, и Тимофея брата». Преподав колоссянам благодать и мир, св. апостол говорит, что с тех пор как он услышал от Епафраса о вере их и любви ко всем святым, то есть христианам, он не перестаёт молиться о них, чтобы они всё более и более духовно усовершеншались (1:1–11).

Цель послания – предостеречь колоссян от лжеучителей. Поэтому в вероучительной части послания св. апостол, прежде всего, изображает домостроительство спасения людей. Для этого он, прежде всего, благодарит Бога за то, что Он избавил нас от власти тьмы и ввёл в царство возлюбленного Сына Своего (1:12–14). После сего апостол начинает рассуждать о самом лице Божественного Спасителя, «Который есть образ Бога невидимого, рождённый прежде всякой твари» (1:15). «Образ, – говорит еп. Феофан, – указывает на единосущие с Отцом: в силу чего? В силу того, что рождён. Поелику рождён, единосущен, единосущен же будучи, есть образ». «Рождённый прежде всякой твари» – здесь указывается, что Сын Божий рождён, а не является тварью Бога Отца. «Ибо Им создано всё, что на небесах и что на земле, видимое и невидимое: престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли, – все Им и для Него создано» – здесь содержится важная догматическая истина о том, что Сын Божий есть Творец всего существующего и, следовательно, Сам не может быть тварью. Этим не устраняется участие в творении Бога Отца и Духа Святого. Апостол, ставя целью опровергнуть лжеучителей, отрицавших Божество Иисуса Христа, лишь подчёркивает этим утверждением Его Божественное достоинство. Догматическое значение этого места заключается ещё и в том, что здесь указываются разные степени иерархии в мире ангельском: «престолы, господствия, начала, власти...» (1:16). «И Он есть прежде всего, и всё Им стоит» – «Часто повторяет одно и то же, чтобы учащением слов, как бы частыми ударами, с корнем

иссечь нечестивое учение. И смотри, не сказал: пришёл в бытие прежде всех, но: «Той есть прежде всех», что свойственно Богу» (св. Златоуст). Итак, Сын Божий, воплотившийся в лице Иисуса Христа, «не только есть Создатель всего, но и промышляет о том, что сотворил, и правит тварью, и Его премудростью и силою стоит она» (блж. Феодорит). Не посредствующие между Богом и миром духи, не зоны (как учили гностики), и не ангелы поддерживают порядок в мире, но тот же Сын Божий, Который сотворил всё, не исключая и самих Ангелов. Эти слова апостола обличают и деистов, отрицающих Промысл Божий: мир не сам собой стоит и не одними бездушными законами природы управляется, но непосредственным участием в его жизни Творца. «Всё Им стоит, – говорит св. Златоуст, – значит, если бы что изъято было из Его промысла, разрушилось бы и погибло» (1:17). Сказав о том, что есть Господь Иисус Христос по Божеству, апостол переходит затем к речи о том, что есть Он по домостроительству нашего спасения. Здесь раскрываются две важные догматические истины: высота Богочеловека, ставшего Главой Церкви, и, как главное дело Его, – примирение всяческих с Богом. «И Он есть глава Церкви; Он начаток, первенец из мёртвых, дабы иметь Ему во всём первенство» (1:18). «Сказав: Глава, – говорит св. Златоуст, – апостол хочет показать близость к нам Господа и вместе великость человеколюбия Божия, – что Тот, Кто так высок и есть выше всех, благоволил соединиться так тесно с нашей низостью», то есть как глава с телом. «Он – Начаток» – это значит, что Христос стал родоначальником обновлённого им человечества. «Первенец из мёртвых» – «Как прежде всех Воскресший, за Которым последуют и все прочие» (св. Златоуст), как основание, источник общего всех воскресения (блж. Феодорит). «Дабы иметь Ему во всём первенство» – то есть, чтобы Он был первым во всех отношениях. Это говорится «в противность лжеучителям, которые вводили многие силы (зоны), и через то многовластие» (еп. Феофан) (1:18). «Ибо благоугодно было Отцу, чтобы в нём обитала всякая полнота», то есть, чтобы в Сыне Его совмещалось всякое совершенство – «всё сполна, что потребуется для кого бы то ни было, и во времени, и в

вечности» (еп. Феофан). Эта мысль направлена и против гностиков. Они учили, что полнота, или «плирома», как они говорили, складывается из многочисленного ряда существ, обладающих различными совершенствами, а апостол учит, что всяческое совершенство сосредоточено в одном Сыне Божиим (1:19). «И чтобы посредством Его примирить с собой всё, умиротворив через него, Кровью креста Его, земное и небесное» – здесь указывается на главное дело Богочеловека – примирение всяческих с Богом. Грехопадение людей внесло вражду между Богом и тварью: крестная жертва Сына Божия внесла умиротворение, сняв с человека вину его греха и примирив его с Богом. Это же, в свою очередь, примирило и ангелов с человеком, которые, как верные служители Божии, не могли не быть враждебно настроены к согрешившему человеку: «ангелы вооружились против людей, – говорит св. Златоуст, – видя оскорбляемым от них Владыку своего». Теперь же, после совершения Господом подвига искупления, Ангелы относятся к нам, как старшие братья к младшим, как служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение (Евр. 1:14). Вот это и значит: «и небесное» (1:20).

Изложив сущность домостроительства нашего спасения, св. апостол Павел делает приложение изложенного им учения, во-первых, к колоссянам (1:21–23), а во-вторых, к себе и к своему апостольскому служению (1:24–29). Он говорит, что и колоссяне могут сподобиться плодов искупительного дела Христова, если только пребудут твёрдыми и непоколебимыми в вере и не отпадут от принятого ими учения Христова, проповедуемого им Павлом. О себе апостол говорит, что он радуется в страданиях своих за колоссян и за всё тело Церкви, ибо он страдает, по домостроительству, как служитель Слова Божия и проповедник той тайны спасения, которую он только что объяснил колоссянам.

Содержание второй главы всё направлено против лжеучителей, пытающихся прельстить колоссян. Начинает обличение их св. апостол Павел ссылкой на свой подвиг, желая как бы расположить колоссян к вниманию и приобрести их полное доверие к себе. Сначала он хвалит колоссян, а с ними и

жителей Лаодикии и Иераполя за то, что сердца их соединены в любви для всякого богатства совершенного разумения, для познания тайны Бога и Отца и Христа, «в Нём сокрыты все сокровища премудрости и ведения». «Первая мысль тут та, что Господь Иисус Христос как Сын Божий и Бог Сам всё знает... если так, то у Него должно просить всего; Он даёт премудрость и знание» (св. Златоуст). Но по ходу речи эти слова имеют и такой смысл: «Кто Его познает, тот в этом самом познании стяжет всю премудрость и всё знание» (еп. Феофан), приобретёт самое высшее и драгоценное ведение. «Посему, – как бы так внушает колоссянам апостол, – если кто подойдёт к вам в качестве премудрого и начнёт вам предлагать премудрость, не согласную с познанием тайны Божией о Христе Иисусе, не слушайте его: не мудрость он вам предлагает, а нелепое мудрование» (Амвросиаст и еп. Феофан). «Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстил вас вкрадчивыми словами, – поясняет апостол и увещевает колоссян: – Смотрите, чтобы кто не увлёк вас философией и пустым обольщением, к преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу» (2:1–8). Отсюда можно видеть, что лжеучение, угрожавшее чистоте веры колоссян, было философского характера. Оно было чисто человеческого происхождения и, видимо, пользовалось стихиями мира с суеверными целями, для таинственного общения с духовным миром, что действительно наблюдалось у древних мистических сект, как и ныне у спиритов и им подобных. «Ибо в нём обитает вся полнота Божества телесно» – то есть во Христе обитает вся полнота Божества телесно, то есть воплощённо и осязательно, а не только образно и в каком-нибудь переносном смысле, обитает, как душа в теле. «Но не думай, – поясняет блж. Феодорит, – что Он заключён в теле – объят, ограничен», ибо «Он Божеством неописан».

«И вы имеете полноту в Нём» – вы уже исполнены в Нём, а поэтому не следует слушать никаких лжеучителей – в Нём вы имеете всю полноту и ни к кому другому не обращайтесь. Он – глава всех ангельских сил – «всякого начала и власти». Так как лжеучители, видимо, учили какому-то незаконному

мистическому поклонению Ангелам, то апостол и хочет предостеречь их от этого, уча, что Иисус есть Глава и Повелитель всех ангельских начал и властей (2:9–10).

«В Нём вы и обрезаны обрезанием нерукотворённым... бывши погребены с Ним в крещении» – эти слова, несомненно, против иудействующих, требовавших обрезания. Апостол говорит, что христиане обрезаются «обрезанием нерукотворённым», которое состоит в «совлечении греховного тела плоти» и очищении от грехов в таинстве крещения. В этих стихах (2:11–14) заключается важная мысль о том, что ветхозаветное обрезание заменено в Новом Завете таинством крещения. Достойно примечания то, что апостол сравнивает крещение с погребением – отсюда ясно, что правильный способ совершения этого таинства – погружение, а не обливание, как принято на Западе.

«Отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» – «апостол говорит это о силах дьявольских, – поясняет св. Златоуст, – потому что природа человеческая была будто одета ими». Отсюда узнаём, что и в мире злых духов есть также своя иерархия, как и в мире добрых духов. Этим апостол снова предостерегает колоссян от какого-то особенного служения Ангелам: добрые Ангелы не могут сообщить никакого высшего знания по сравнению с тем, которое открыто Господом Иисусом Христом, а злые ангелы побеждены Им и не могут вредить верующим и следующим учению Христову, поэтому не нужно прибегать к каким-либо заклинаниям против них или вступать вообще в какие бы то ни было отношения с ними (2:15).

В последних стихах 2 главы, с 16 по 23 стих, св. апостол предлагает предостережения от определённых уклонений от истины. Этим предостережений всего три.

Предостережение первое касается иудейских обычаев, которые нет надобности соблюдать христианам: «никто да не осуждает вас за пищу, или питие, или какой-нибудь праздник, или новомесячие, или субботу; это есть тень будущего, а тело – во Христе» (2:16–17). Во втором предостережении внушается не прельщаться кажущимся смиренномудрием лжеучителей и

службой Ангелов. Лжеучители, помимо Главы Церкви – Христа Спасителя, учили достигать единения с Богом через посредство Ангелов, с которыми нужно уметь входить в общение разными таинственными средствами, а между прочим, истощением плоти. В этом они, подобно гностикам, видели высшее знание, горделиво относясь к настоящим христианам, хотя и принимали на себя вид смиренномудрия. Это лжеучение пустило свои корни, так что Лаодикийский поместный собор в 365 году счёл нужным нарочитым 35-м правилом воспретить «фригийское ангелослужение», называя его «тайным идолослужением». Еп. Феофан по поводу этого лжеучения пишет: «Не было ли это что-либо похожее на собрания наших спиритов и с какими-нибудь приёмами и действиями, похожими на те, которые бывают у последних? – Всячески дух один и там и здесь». Предостережение третье: не увлекаться человеческими мудрованиями о необходимости воздерживаться от некоторых веществ: «не прикасайся, не вкушай, не дотрагивайся» – очевидно, здесь идёт речь не о воздержании как таковом, но о подвиге поста, который всегда существовал в христианской Церкви, а о каких-то суеверных представлениях о разных родах пищи; и теперь теософы и оккультисты учат о том, что некоторые роды пищи могут вредить человеку в духовном отношении, а потому их не следует касаться. Не следует придавать пище какое-либо духовное значение, ибо всем веществам, употребляемым в пищу, один конец – истление. Как же можно придавать им какое-то таинственное значение? (2:20–22).

«Это имеет только вид мудрости в самовольном служении, смиренномудрии и изнурении тела, в некотором небрежении о насыщении плоти» – эти требования: не прикасайся, не вкушай – «только вид премудрости имеют, или лучше – имеют одно голое (бессодержательное, пустое), но вкрадчивое слово» (Экумений). Под «самовольной службой» разумеется самоизмышлённый лжеучителями образ внешнего богопочтения, который состоял в том, чтобы они сами себе изобретали особый чин богослужения, не похожий ни на что, бывшее до них, может быть, что-нибудь вроде хлыстовских

«радений» или спиритических сеансов. Внешний вид этих лжеучителей так представляет еп. Феофан: «Рубищная одежда, тихая речь, потупленный взор, всклокоченные волосы – вот и смиренномудрие. Дервиши турецкие таковы. Как это ни малозначительно, но всегда привлекало и привлекает, и не одних простых. Как-то трудно освободиться от мысли, что такого рода люди особого некоего, высшего суть духа. Отсюда почёт им и послушание».

«Изнушение тела и небрежение о насыщении плоти», очевидно, тоже у этих лжеучителей отличались не христианским характером. Быть может, они, подобно манихеям, считали плоть злым началом (2:23).

С третьей главы начинается нравоучительная часть послания. Здесь св. апостол сначала представляет христианскую жизнь, какой она должна быть сама по себе (3:1–17), а потом указывает, какой она должна быть в христианах при разных внешних их положениях и состояниях (3:18–25 с продолжением до 4:6). Нравственные наставления св. апостол начинает с увещания: «Ищите горнего... о горнем помышляйте, а не о земном, ибо вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге» (3:1–3). В таинстве крещения христиане умирают для греха и воскресают со Христом к новой Богоугодной жизни, поэтому они должны помышлять не о земном, а о небесном, и жизнь их должна быть вся в Боге. Это – жизнь внутренняя, духовная, сокрытая от других. Плоды этой сокровенной в Боге жизни откроются, станут явными для всех, «когда явится Христос» – при втором Пришествии Христовом и общем воздаянии на Страшном Суде (3:4). Памятуя о славе, ожидающей праведников, христиане должны уклоняться от всякого вида зла, что и перечисляет апостол в 5–9 стихах. Назначение христианина – «совлечься ветхого человека с делами его и облечься в нового, который обновляется в познании по образу Создавшего его», то есть «отбросить свою самоугодливую самость со всеми страстями и решиться жить самоотверженно для одного угождения Богу. Эта решимость, обнимающая всё существо приступившего к Господу с верою и крестившегося, и есть новый человек» (еп. Феофан) (3:9–10).

«Нет ни еллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но всё и во всем Христос» (3:11) – «Благодать Божия о Христе Иисусе всех объединяет, и из всех составляет единое тело», поэтому «во Христе Иисусе все естественные разности исчезают» (еп. Феофан). Раздев христианина от страстей, апостол облакает его в добродетели, перечисляя в 12–17 стихах добродетели, которые должны быть свойственны христианам, из коих особенно подчёркивает он «любовь, которая есть совокупность совершенства» (ст. 14), то есть «совмещение и содержание всего, что составляет совершенство, как бы корень» (еп. Феофан). Средствами к преуспеянию в добродетельной христианской жизни апостолом поставляются: обогащение ума ведением Божественных истин, молитва и делание всего во Имя Божие (3:16–17).

Во второй половине третьей главы (ст. 18–25) св. апостол даёт нравственные наставления христианам в зависимости от их положения: отдельно жёнам, отдельно мужьям, детям, отцам, рабам.

В первых 6 стихах четвертой главы заканчиваются эти нравственные наставления. Апостол заповедует справедливое отношение к рабам, а затем снова переходит к общим наставлениям для всех христиан, независимо от их общественного положения, внушая постоянство в молитве и духовное бодрствование с благодарением. В заключение апостол просит молиться о нём с его сотрудниками, «да Бог отверзет нам двери слова», чтобы Бог помог им беспрепятственно проповедовать Его Слово (4:1–4). Апостол заповедует благоразумное отношение к «внешним», то есть ещё не уверовавшим, и увещевает: «слово ваше да бывает во благодати солью растворено», то есть задушевно, исходящим из сердца и дышащим благорасположением, но вместе с тем сдержанно и благоразумно, что и значит «солью растворено» (ст. 5–6).

Стихи 7–18 составляют послесловие. В нём апостол говорит, что посылает это послание с Тихиком, «возлюбленным братом и верным служителем и сотрудником в Господе» (ст. 7–8). С ним посылается и Онисим, бывший слуга Филимона. В

заклучение апостол передаёт приветствия от находящихся с ним и заповедует прочитать это послание и в Лаодикийской церкви. Кончается послание обычным апостольским благословением (ст. 16–18).

Первое послание святого апостола Павла к Солунянам

Основание церкви Христовой в Солуни

Город Солунь, названный так славянами, а по-гречески Фессалоника, или ныне Салоники, расположен на склоне горы в северо-западном углу Ферманского залива Эгейского моря. В апостольские времена он был главным городом второго округа Македонской области, резиденцией римского претора. Самое географическое положение способствовало тому, что он сделался цветущим, богатым, густо населённым торговым центром. В связи с этим он славился роскошью и упадком нравственности. Коренное население его составляли греки, но почти столько же было в нём и римских переселенцев. Значительную часть населения составляли в Солуни и иудеи, занимавшиеся торговлей и открывшие тут не простой молитвенный дом, как было в Филиппах, а синагогу (Деян. 17:1).

Об основании Христовой Церкви в Солуни повествуется в 17 главе книги Деяний. Церковь эта основана св. апостолом Павлом во время его второго проповеднического путешествия. Огласивши евангельской проповедью Филиппы, св. апостол Павел вместе со своими спутниками Силою и Тимофеем прошёл через Амфиполь и Аполлонию и прибыл в Солунь. Впрочем, Тимофей, вероятно, некоторое время оставался ещё в Филиппах для утверждения новообращённых христиан и присоединился к апостолу Павлу несколько позже, в Верии. По своему обыкновению, св. апостол Павел начал свою проповедь в синагоге. Исходя из ветхозаветных пророческих писаний, он начертал перед слушателями образ Мессии, Которому «надлежало пострадать и воскреснуть из мёртвых» (Деян. 17:3). Проповедь его имела большой успех, так как, по словам Дееписателя, «уверовали и присоединились к Павлу и Силе, как из еллинов, чтущих Бога, великое множество, так и из знатных женщин немало» (17:4). Но, конечно, апостол проповедовал не только в синагоге, а и повсюду на улицах и площадях, что видно из послания к Солунянам, где он припоминает свой труд проповеди у них (1Сол. 2:9–12). Однако были и неверовавшие, которые возбудили возмущение в народе против Павла и Силы.

Можно предполагать, что большинство уверовавших были именно прозелиты, а из природных иудеев уверовали лишь немногие. Остальные же раздражились на апостолов за успех их проповеди и возбудили против них негодных людей среди языческой толпы, которые, «приступив к дому Иасона (которого св. Павел называет своим родственником – см. Рим. 16:21), домогались вывести их (то есть Павла и Силу) к народу. Не нашедши же их, повлекли Иасона и некоторых братьев к городским начальникам, крича, что эти всесветные возмутители пришли и сюда, а Иасон принял их, и все они поступают против повелений кесаря, почитая другого царём, Иисуса» (Деян. 17:5–7). Обычный способ борьбы иудеев с проповедниками Христова учения! Клевета эта сначала смутила и градоначальников, но потом они, взглянув на приведённых и «получив удостоверение (о личности их) от Иасона и прочих», поняли клевету и отпустили их (Деян. 17:9). Несмотря на благоприятный исход дела, братья сочли за лучшее отправить Павла и Силу в Верию – маленький городок на юг от Солуни. Проповедь св. апостола Павла в Солуни, как видно из его собственных слов, принесла богатые плоды. Солуняне приняли его проповедь «не как слово человеческое, но как слово Божие» (1Сол. 2:13). В краткий трёхнедельный срок пребывания св. Павла в Солуни там образовалось значительное по числу, крепкое по духу и горячее по силе одушевления общество христиан, ставшее образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии, что подчёркивает сам св. апостол в 7 стихе 1 главы послания.

Повод к написанию первого послания к Солунянам и цель его

Со скорбью удалился св. Павел из Солуни и, конечно, не переставал постоянно помышлять о судьбе новообращённых. И в Верии, куда он удалился, проповедь его имела большой успех, но и туда пришли иудеи, возмущая и возбуждая народ. Тогда он в сопровождении некоторых охранявших его жизнь верных направился ещё дальше на юг, в Афины. Сопровождавшим его до Афин ученикам он поручил скорее вызвать к нему Силу и Тимофея в надежде узнать от них что-нибудь о солунянах (Деян. 17:15). Так как прибывший к нему в Афины Тимофей не мог ничего определённого сообщить о них, ибо находился не в Солуни, а в Верии, то св. Павел направил его обратным путём прямо в Солунь (1Сол. 3:1–5). За это время св. Павел успел перейти уже в Коринф и здесь именно и получил успокоительные известия о солунянах от возвратившегося Тимофея (Деян. 18:1–5). Оказалось, что слышанное от апостола «слово Божие», не слабея, «действует в верующих солунянах» и они хранят добрую память о своём просветителе, св. Павле, «желая видеть его, как и он их» (1Сол. 3:6). Это известие чрезвычайно ободрило апостола, что он выразил в образных словах своего послания: «мы живы, когда вы стоите в Господе» (1Сол. 3:7–8). При этом Тимофей не умолчал и о некоторых ещё несовершенных членах Солунской церкви, а также сообщил о недоумениях, которые всех почти волновали. Не все отрешились вполне от пороков языческой чувственности: некоторые не умели «соблюдать свой сосуд (телесный) в святости и чести», иные же «поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво» (1Сол. 4:3–11). Все же уверовавшие были в большом беспокойстве относительно участи своих умерших сродников, христиан уже, полагая, что царства славы при втором Пришествии Христовом сподобятся только те, которые в это время будут в живых, а не умершие. Участь умерших поэтому казалась им мрачной и безотрадной, а смерть наводила ужас, как на язычников, не имеющих упования.

Всё это и дало повод св. апостолу Павлу немедленно обратиться к солунянам с посланием:

во-первых, для того, чтобы выразить им свою радость о вере их,

во-вторых, с целью предложить врачевание против замеченных у них Тимофеем нравственных недугов, и,

в-третьих, – успокоить их относительно судьбы умерших и предложить им учение о втором Пришествии Христовом.

Время и место написания первого послания к солунянам

Несомненно, что послание к Солунянам написано весьма скоро после обращения солунян ко Христу. Это видно из того, что в нём «апостол стоит под живым впечатлением, произведённым на него обращением солунян и своим в них пребыванием» (еп. Феофан). Как само послание, так и книга Деяний даёт нам ясные указания места, откуда оно было написано. Так, в начале 3 главы св. апостол пишет: «Не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни, и послали Тимофея, брата нашего... чтобы утвердить вас и утешить в вере вашей», а далее: «Теперь же, когда пришёл к нам от вас Тимофей и принес нам добрую весть о вере и любви вашей... то мы... утешились вами, братие» (1Сол. 3:1–7). Отсюда видно, что послание написано тотчас же по возвращении Тимофея. Из книги Деяний видно, что возвратившийся Тимофей вместе с Силой прибыл к апостолу Павлу уже не в Афины, а в Коринф. Отсюда следует, что послание к Солунянам написано в Коринфе.

Определению времени написания послания помогают сведения, которые даёт книга Деяний о пребывании апостола Павла в Коринфе. Она сообщает, что придя в Коринф, св. апостол Павел поселился у Акилы и Прискиллы, иудеев, изгнанных императором Клавдием из Рима. Указ об изгнании иудеев из Рима, по сообщению римских историков Светония и Тацита, был издан в 52 году. Надо прибавить к этому, по крайней мере, год – время, необходимое на переселение Акилы в Коринф и устройство там. Поэтому и полагают, что послание к Солунянам написано в 53 году или в начале 54 года. Это – самое раннее послание.

Содержание первого послания к Солунянам и его разделение

Первое послание к Солунянам содержит в себе пять глав. Оно ясно распадается на две части:

- 1) историческую и
- 2) нравственно-догматическую.

В начале, как обычно, стоит надписание с приветствием, а в конце – заключительные распоряжения, благопожелания и обычное апостольское благословение.

Экзегетический разбор первого послания к Солунянам

Начинается послание надписанием с преподанием благословения Солунской церкви от имени Павла, Силуана и Тимофея. Последние два упоминаются как сотрудники Павловы, лично известные солунянам, бывшие там, учившие и делавшие распоряжения, а кроме того, и потому, должно быть, что послание составлено апостолом Павлом на основании сведений, доставленных Силою и Тимофеем. «Все трое, – говорит еп. Феофан, – как бы одними устами одно преподали (солунянам) спасительное Евангелие». Своего апостольского достоинства св. Павел здесь не упоминает: или потому, что солуняне «были ещё новооглашённые и не знали его коротко» (св. Златоуст), или потому, что он и так уже имел в их глазах большой авторитет. Во всяком случае, в этом выразилась его скромность. К указанию на своё апостольское достоинство он прибегает лишь в некоторых случаях, когда находит это необходимым для пользы своего проповеднического дела.

Первая глава, очень короткая, всего из 10 стихов, вся исторического содержания. Здесь апостол изображает светло-благодатное христианское состояние солунян, благодарит Бога за успех своей проповеди среди них и хвалит их за стойкость в вере, говоря, что они «стали образцом для всех верующих Македонии и Ахаии» (ст. 7). Эта историческая часть послания продолжается и далее, во второй и в третьей главе.

Во второй главе св. апостол описывает своё пребывание с сотрудниками своими в Солуни, причём преимущественно касается двух пунктов: характеристических черт своего проповедования и действия (ст. 1–12) и уверования и мужественного пребывания в вере солунян (ст. 13–16). Этим он, вероятно, хотел оживить и утвердить их веру и тем воодушевить их на непоколебимое стояние в ней и за неё во время гонения (еп. Феофан). С этой же целью он особенно сильно и ярко описывает труды, понесённые им и его сотрудниками (ст. 9). Но о себе и о чистоте своих побуждений

св. апостол Павел говорит, вероятно, и для того, чтобы опровергнуть нарекания на себя и на своё дело со стороны врагов евангельской проповеди, как он делал это и в послании к Галатам, и во втором послании к Коринфянам. Сочувствие св. апостола Павла к солунянам столь искренно и глубоко, что никто не должен колебать их уверенности в этом сочувствии. «Мы же, братие, – говорит апостол, – бывши разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем... и раз и два хотели прийти к вам, но воспрепятствовал нам сатана», конечно по попущению Божию. «Сатана полагал препоны апостолам, – пишет Амвросиаст, – чтобы не распространяли света истины среди людей. Он возбуждал неверных препятствовать апостолам побоями и узами, «да не проповедуют Слово Божие». Очевидно, в данном случае св. Павел имел в виду враждебное отношение к нему неверовавших солунских иудеев, которые покушались на его жизнь. Преследование ими св. апостола Павла даже в Верии, куда он ушёл из Солуни, указывает на особенно сильное их против него раздражение.

В третьей главе св. апостол вспоминает о том, как он посылал к солунянам Тимофея, который потом утешил его добрыми о них известиями. В 6–10 стихах св. апостол выражает всю глубину своей радости о стойкости солунян в вере словами: «теперь мы живы, когда вы стоите в Господе» (ст. 8). Иными словами, апостол хотел сказать, что как бы камень спал у него с сердца после получения добрых известий о солунянах, и он чувствует себя как бы ожившим от смертной скорби за них, угнетавшей его сердце. Заканчивается эта глава молитвенными благожеланиями апостола Павла солунянам. Он молит Бога, чтобы Бог помог ему дойти к ним, а им – возрасти в христианском совершенстве и явиться такими во второе Пришествие Христово (ст. 11–13).

С четвёртой главы начинается нравственно-догматическая часть послания. Собственно эта глава, как и пятая, содержит главным образом нравственные уроки, в среду коих вставлено чрезвычайно важное догматическое учение о втором Пришествии Христовом и о воскресении мёртвых. Нравственные наставления несомненно даются в связи с

пороками, замеченными у солунян Тимофеем. Первое и основное наставление здесь: «воля Божия – есть освящение ваше... призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости» (ст. 3–7). Здесь св. апостол указывает на главное назначение христианина – идеал святости, и в связи с этим увещевает солунян воздерживаться от блуда, каковой порок, вероятно, оставался у них ещё со времени пребывания их в язычестве, ибо язычники не считали блуда пороком. Солуняне должны воздерживаться от блуда, «умея соблюдать свой сосуд в святости и чести, чтобы вы ни в чём не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво, потому что Господь мститель за всё это...» – здесь, по толкованию свв. Отцов, идёт речь о прелюбодеянии. «Не завладевать его собственностью, привлекая к себе его жену». Св. Златоуст пишет: «Прежде говорил апостол о блуде вообще, а здесь говорит о прелюбодеянии. Любодействовать не должно ни с чужими жёнами, ни с незамужними». «Бог мститель есть за все беззакония, но особенно за дела блудные, потому что ими больше всего унижает человек образ Божий, по коему создан» (еп. Феофан). Апостол настойчиво напоминает, что заповедь о чистоте – Божественного происхождения, а потому кто её отменяет, тот «не человека отменяет, но Бога», оказывает неуважение и презрение Самому Богу, давшему нам Духа Святого (ст. 3–8). Далее св. апостол как бы мимоходом упоминает о братолюбии, похваливая солунян за то, что они преуспевают в нём, и увещевает ещё более преуспевать, для чего надо стараться «жить тихо, делать своё дело и работать своими собственными руками, поступая благоприлично перед внешними», то есть язычниками (ст. 9–12).

С 13 стиха четвёртой главы апостол излагает важное догматическое учение о втором Пришествии Христовом и о воскресении мёртвых, которое обнимает и первые 11 стихов следующей, пятой главы. С этим догматическим учением св. апостол соединяет и вытекающие естественно из него нравственные уроки. Стихи от 13 по 17 составляют апостольское чтение в церковном чине погребения усопших, а также в субботу на заупокойной Божественной литургии.

«Не хочу же оставить вас, братие, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды» (4:13) – смысл этих слов таков: «хочу преподать вам точное понятие о положении умерших для вашего успокоения» (еп. Феофан), чтобы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Эти «прочие» – саддукеи, отвергавшие воскресение мёртвых, и все язычники, которые хотя и не были лишены совсем веры в бессмертие души человека, но представляли себе загробную жизнь весьма смутно и безотраднo, в виде какой-то дремоты и вообще крайне стеснённого состояния. «Надежды – удел живых, – говорил Феофан, – умершие же безнадёжны». «Солнце заходит и восходит, – говорил Катулл, – нам же, коль скоро однажды померкнет луч жизни, предлежит непробудно спать вечную ночь». Для христиан же смерть не должна представляться чем-то мрачным, ибо «веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведёт с Ним» (4:14) – не только здесь, но и в других местах воскресение мёртвых св. Павел поставляет в зависимость от Воскресения Христова (см. Рим. 8:11; 1Кор. 15:12–23; 6:14; 2Кор. 4:14). Христос воскресший есть Начаток (1Кор. 15:20). Его Воскресение есть залог воскресения всех. Христос, воплотившись, стал Главою всех верующих, составляя с ними одно тело. Если Глава тела воскрес, то не может быть, чтобы члены тела остались мёртвыми: воскреснут и они. «Он всех людей воскресил Своею плотью (положил основание сему воскресению), почему и называется «перворожждённым из мёртвых» (Кол. 1:18) (св. Дамаскин). «Сие говорим вам словом Господним (то есть по нарочитому откровению от Господа), что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших» (4:15) – здесь с полной достоверностью на основании откровения, бывшего ему от Господа, св. апостол уверяет солунян, что оставшиеся в живых в момент второго Пришествия Господня не предварят умерших, то есть не предупредят их встречей Господа, грядущего со славою на землю, и не раньше умерших примут участие в радостях жизни будущего века, но все будут в равном положении. «Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдёт с неба, и мёртвые

во Христе воскреснут прежде» (4:16) – здесь второе Пришествие Господне как бы противопоставляется первому Его пришествию: то было тихим и незаметным, а это будет славным и величественным, видным для всей вселенной. Оно произойдёт «при возвещении», коим Бог изречёт определение, что время кончилось, и настал момент воскресения мёртвых и обновления мира. Это Божие повеление будет принято первым из Ангелов – конечно, Михаилом, блюстителем народа Божия, прежде ветхого Израиля, а потом Нового Израиля – христиан – и возвещено гласом Архангела прочим воинствам небесным, которые посредством труб Божиих возвестят об этом повелении Божиим всем концам земли. «Под «трубою Божьей» здесь разумеется, как поясняет св. Златоуст, не одна труба: труб будет много. Господь же снидет по последней трубе». Труба эта возбудит умерших и соберёт их с живыми воедино. И в Ветхом Завете труба была органом созывания народа Божия для выслушания воли Божией и исполнения её (Лев. 25:9; Чис. 10:2; 31:6). Некоторые полагают, что под этой трубой надо понимать великие и шумные перевороты в природе (2Пет. 3:10), которые произойдут при кончине мира (ср. Мф. 24:31). «И мёртвые во Христе воскреснут прежде» – слово «прежде» не то означает, как толкуют некоторые еретики и сектанты, будто прежде воскреснут верующие христиане, а потом, через 1000 лет, и неверующие, на что здесь нет никакого намёка, а только то, что прежде мёртвые воскреснут, а затем оставшиеся в живых будут вместе с ними, после мгновенного изменения их тел, восхищены на облаках, чтобы встретить грядущего Господа. «Потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем» (4:17) – умершие воскреснут, а живые мгновенно изменятся: получают тонкие нетленные духовные тела вместо дебелых душевных тел, о чём пишет апостол Павел в другом месте, именно в первом послании к Коринфянам (15:15–51): «Говорю вам тайну: не все мы умрём, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мёртвые воскреснут нетленными, а мы изменимся». После того, как одни воскреснут, а другие изменятся, последует суд и

отделение добрых от злых. Об этом апостол здесь не говорит, а только утешает солунян, что мы, верующие, «всегда с Господом будем» – участниками Его славы и блаженства, там же, где будет и Он Сам, одесную Отца: где именно, от нас сокрыто сие, но во всяком случае – в блаженном общении с Ним, и уже никогда не разлучимся с Ним. Это верх чаяния, воодушевляющего христиан (еп. Феофан). Об имеющих воскреснуть для того, чтобы подвергнуться вечным мукам, апостол здесь не упоминает, потому что пишет к солунянам о воскресении мёртвых в утешение им, почему и заканчивает словами «утешайте друг друга сими словами» (4:18).

В первых 11 стихах пятой главы содержится нравственное приложение только что изложенного учения о втором Пришествии Христовом. Апостол напоминает солунянам, что, по словам Самого Господа Иисуса Христа, день Его второго Пришествия – «день Господень» – придёт неожиданно, «как тать ночью» (5:1–2). Но под «днём Господним», как учат свв. Отцы, можно разуметь и день смерти каждого из нас, день тоже неизвестный, хотя и неизбежный и тотчас же приводящий нас на суд Господень. «Если долгое непришествие Господа может ослаблять убеждение, что вот-вот Он идёт, то ничто другое не сильно так возбудить, как убеждение, что вот-вот идёт смерть» (еп. Феофан). Св. Златоуст говорит: «Не составляет ли для каждого кончина века конец его жизни? Зачем много любопытствуешь о всеобщей кончине? Если ты хорошо согласишься к своей кончине, то от всеобщей не потерпишь никакого зла. Будет ли она далека, будет ли близка, это несколько не повлияет на решение нашей участи» – «когда будут говорить (беспечные люди пред пришествием Христовым): мир и безопасность, тогда внезапно постигнет их пагуба... и не избегнут» (5:3) – св. Златоуст говорит, что «апостол хотел указать в этом сравнении не на одну только неизвестность времени, а вместе и на жестокость страдания. Ибо как рождающая играя, смеясь, ничего не предвидя, внезапно бывает объята невыразимыми страданиями и терзается муками рождения, – так точно будут поражены души тех людей по наступлении сего дня». Господь придёт так

неожиданно не потому, чтобы намеренно хотел застичь всех врасплох, поясняет еп. Феофан, неготовыми, но так будет по причине беспечности людей (ср. Мф. 24:37–39). Страшно это внезапное пришествие лишь для сынов ночи. Сынов же света эта неожиданность не должна устрашать, ибо они, постоянно бодрствуя, всегда готовы к сретению Господа (5:4–7). Поэтому апостол и внушает не предаваться беспечности, но бодрствовать и трезвиться, «облечьшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения, памятуя, что день этот определён не на гнев, но к получению спасения»: мы и должны всячески готовить себя к нему, чтобы получить это спасение (ст. 9).

К учению о втором Пришествии Христовом св. апостол присоединяет нравственные уроки (ст. 12–22). Здесь апостол сначала:

1) предлагает добродетели, на которых держится строй, твёрдость и благосостояние христианских обществ: увещевает верующих быть в крепком союзе с трудящимися у них пастырями (ст. 12–13) и между собой (ст. 14–15);

2) указывает характеристические черты истинно христианской жизни: христианин должен вразумлять бесчинных, утешать малодушных, поддерживать слабых, быть долготерпеливым, не воздавать злом за зло, но всегда желать всем добра, должен всегда радоваться, непрестанно молиться, за всё благодарить, духа не угашать, пророчества не унижать, всё испытывать и доброго держаться, удерживаясь от всякого рода зла (5:14–22).

В 23–24 стихах указана последняя цель, к которой должен стремиться истинный христианин: сохранить без порока дух, душу и тело в пришествие Господа Иисуса Христа. Здесь – богооткровенное указание на трёхчастность, или трёхсоставность, человеческого существа. Дух – это высшая сторона души, душа – это жизненное начало в человеке. Заканчивается послание просьбой молиться, приветствием и обычным благословением (ст. 25–28).

Второе послание святого апостола Павла к Солунянам

Повод к написанию второго послания к Солунянам

Поводом к написанию второго послания к Солунянам был слух, дошедший до св. апостола Павла, о том, что солуняне, глубоко проникшись мыслью первого послания о внезапности второго Пришествия Христова, стали «колебаться умом и смущаться, будто уже наступает день Христов» (2Сол. 2:1–2), то есть что этот день близок. Такому убеждению способствовали ещё и гонения и скорби, претерпеваемые солунянами (2Сол. 1:4–5). Слова апостола Павла: «мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших» (1Сол. 4:15) стали истолковывать в том смысле, что сам св. апостол Павел надеется дожить до второго Пришествия, и, следовательно, оно очень близко. Такие мысли внесли расстройство в нормальное течение жизни солунян: некоторые оставили всякое попечение о житейском и, бросивши все свои дела, предались праздной, мечтательной жизни, иные в волнении только суетились, не будучи в состоянии спокойно трудиться. Такое настроение поддерживалось лжеучителями, по-видимому показывавшими даже какое-то послание, будто бы апостолом Павлом написанное (см. 2Сол. 3:17–18). Получив вести, возможно, от кого-либо из верующих солунян, приезжавших к нему, о таком настроении среди солунян, св. Павел поспешил уврачевать их своим вторым посланием.

Время, место и цель написания второго послания к Солуньянам

Самое содержание этого послания ясно показывает, что оно написано вскоре после первого, ибо служит разъяснением мыслей первого, особенно в вопросе о втором Пришествии Христовом. Видно, что никаких новых событий среди солунян не произошло, кроме смущения, вызванного первым посланием, а потому все основания имеются предполагать, что это второе послание написано тоже из Коринфа и в том же 54 году, как и первое. Это подтверждается ещё и тем, что послание надписано именами Павла, Силы и Тимофея, а последние два сотрудника Павловых оба вместе были при нём только в Коринфе. Оно написано, вероятно, в конце пребывания св. Павла в Коринфе, потому что он просит в нём помолиться об избавлении его от злых и лукавых человек, намекая, по-видимому, на восстание против него, возникшее в Коринфе, как описывает это книга Деяний (18:13–18).

Цель второго послания та же, что и первого: сообщить богооткровенное учение о втором Пришествии Христовом и о событиях, ему предшествующих, а в частности, успокоить солунян, чтобы они не делали неправильных выводов из его первого послания и не смущались кривотолками лжеучителей.

Содержание и разделение второго послания к Солуньянам

Второе послание к Солуньянам содержит в себе всего три главы. Оно разделяется на следующие части:

1) обычное надписание и приветствие в первых двух стихах 1 главы;

2) воодушевительный очерк светлой стороны жизни солунян, в котором св. Павел хвалит их за их веру и терпение в скорбях (1:3–12);

3) догматическая, или вероисправительная часть, где св. Павел рассеивает неправо́ые мысли солунян о втором Пришествии Христовом, – 2 глава; и

4) нравоисправительная часть, где св. апостол обличает бесчинно ходящих и увещевает их исправиться, – 3 глава. Заканчивается послание обычным приветствием и благословением (3:17–18).

Экзегетический разбор второго послания к Солуньянам

Начинается послание надписанием, вполне сходным с надписанием первого послания: «Павел, и Силуан, и Тимофей Фессалоникской Церкви в Боге Отце нашем и Господе Иисусе Христе», после чего следует обычное апостольское преподание благословения: «Благодать вам и мир...» (ст. 1–2). Вся первая глава посвящена изображению похвальных качеств членов Солунской церкви. Св. апостол хвалит веру и терпение солунян, которые они проявляют во всех волнениях и скорбях. Он благодарит Бога за то, что в них возрастает вера и умножается любовь, и ободряет их тем, что будет суд, на котором все неверы, гонящие их, будут посрамлены и осуждены на вечные мучения, а верующие гонимые будут прославлены – получают отраду. В заключение св. апостол молится, чтобы Бог сподобил солунян выдержать до конца и «соделал их достойными звания», разумеется, христианского, дабы «прославилось в них имя Господа нашего Иисуса Христа и они в Нём» (ст. 3–12).

Во второй главе св. апостол рассеивает неправые мысли солунян о втором Пришествии Христовом и объясняет, что «день Господень» не так уже близок, как они думают, ибо перед этим должен ещё появиться «человек греха, сын погибели» – антихрист, признаков появления которого пока ещё нет. «Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа... не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов» (2:1–2) – здесь апостол указывает на три источника сложившегося у солунян убеждения в близости «дня Господня»: дух, слово и послание. Под этим «духом» свв. Отцы понимают тот дух пророческий, который находил на некоторых христиан во время их молитвенных собраний, и они начинали воодушевлённо говорить на разные темы, а нередко и пророчествовать, предрекая будущее. Но не всякая такая воодушевлённая речь всегда от Духа Божия. Может быть и естественное воодушевление. Апостол и предупреждает, чтобы

не верили речам о близости второго Пришествия Господня даже в том случае, если бы они исходили от лиц, известных своим пророческим даром. Это подобно тому, как он говорит галатам: «или Ангел с небес...» (1:8). Под «словом» здесь надо понимать, конечно, не слово Самого Господа, а слово, которое ложно приписывалось самому Павлу. Под «посланием» также разумеется какое-то послание, ложно приписанное св. апостолу, на что он сам указывает, говоря «как бы нами посланного». «Яко уже настойт», что значит: «будто уже наступает день Господень». Грех солунян не в том, что они ожидали наступления «дня Господня» – ждать пришествия Господня надлежит всегда, по заповеди Самого Господа (см. Лк. 12:35–46), но нельзя самим определять этот день, момент наступления его, ибо это никому не известно, кроме одного Бога (Мф. 25:13; 24:36).

«Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придёт, доколе не придёт прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели» (2:3–5) – пока не придёт отступление прежде и не откроется человек беззакония, сын погибели – антихрист, до тех пор и не наступит «день Господень». Под «отступлением» здесь разумеется предсказанное Господом Иисусом Христом (Мф. 24:4–5; 11–15; 23–24 и др.) великое всеобщее отпадение от веры и крайняя степень развращения, несмотря на распространение Евангелия между всеми народами. Об этом отступлении говорит св. апостол Павел и в первом послании к Тимофею 4:1: «в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским». Об этом же говорит он и во втором послании к Тимофею 3:1–8, а также и св. апостол Иуда в 18–19 стихах. Сам Господь говорил, что когда Он придёт на землю, едва ли «найдёт веру на земле» (Лк. 18:8). Образно рисует эту мрачную картину «отступления» еп. Феофан Затворник в своём толковании на второе послание к Солунянам: «Евангелие будет всем известно. Но одна часть пребудет в неверии ему, другая, наибольшая, будет еретичествовать, не богопреданному учению следуя, а построенная себе свою веру, своим измышлением, хотя на основании слов Писания. Этим самоизмышленным

верам числа не будет. Начало им положил папа, продолжили его дело – Лютер с Кальвином; положенное же сими последними в основу своё личное постижение веры из одного Писания дало сильный толчок измышлениям вер. Их и теперь уже очень много, а будет ещё больше. Что ни царство, то своё исповедание, а там, что ни область, а далее, что ни город, а под конец, может быть, что ни голова, то своё исповедание. Где сами себе строят веру, а не принимают богопреданную, там иначе и быть нельзя. И все такие будут присвоить себе имя христиан. Будет часть и содержащих истинную веру, как она предана св. апостолами и хранится в Православной Церкви; но и из этих немалая часть будет по имени только правоверными, в сердце же не будет иметь того строя, какой требуется верою, возлюбив нынешний век. Вот какая широкая ожидается область отступления. Хотя имя христианское будет слышаться повсюду, и повсюду будут видны храмы и чины церковные; но всё это только видимость, внутри же отступление истинное. На этой почве народится антихрист и вырастет в том же духе видимости без существа дела. Потом, отдавшись сатане, явно отступит от веры и, вооружённый обольстительными кознями, всех, не содержащих христианства во истине, увлечёт к явному отступлению от Христа Господа, заставив себя самого почитать за бога. Не увлекутся избранные, но он будет иметь покушение прельстить и их, аще возможно. Чтобы этого не случилось, прекратятся дни те злые. Явится Господь и упразднит антихриста и всё дело его явлением пришествия Своего. – Вот какое, надобно полагать, отступление разумеет апостол». Итак, отступление это будет не внутреннее только и всё-таки сдерживаемое до некоторой степени законами государственными, – такое отступление бывало и бывает среди вольнодумцев и лишь подготавливает почву для будущей деятельности антихриста, – отступление в последние времена будет видимое, открытое всем, громкое и произведено будет самим антихристом, который подаст к нему, так сказать, первый сигнал. Так как апостол в приведённых нами выше словах не полагает никакого промежутка времени между отступлением и появлением антихриста и как бы сливает эти два понятия в

одно, некоторые св. Отцы считали, что св. апостол самое слово «отступление» употребил вместо слова «отступник», понимая под ним антихриста (свв. Златоуст, Феодорит, Августин), хотя апостол видимо отделяет антихриста от произведённого им дела отступления.

В 3–10 стихах св. апостол даёт характеристику мрачной личности антихриста. Кто он будет? Апостол прямо называет его человеком. Поэтому заблуждались и заблуждаются те, которые думают, будто перед концом мира выступит в призрачном образе человека сам сатана, воплотившийся в кощунственное подобие Христа, но от незаконной дочери человеческой. Нет, это будет не сатана в образе человека, а человек, но только совсем осатаневший, в котором будет жить сатана и действовать через него, как орудие своё всеподчиненное (еп. Феофан). Св. Златоуст спрашивает: «Кто же он будет? ужели сатана? – И отвечает: нет, но человек некий, который воспримет всю его силу (энергию)». Подобно этому рассуждает и Экумений: «Не сатана будет антихрист, а человек, сатаною обладаемый и действуемый (озадаченный). Он будет какой-нибудь еврей, искусный в магии и составлении специй».

Какими чертами характеризует св. апостол Павел антихриста?

Во-первых, это будет «человек беззакония», то есть пребеззаконный, или беззаконнейший человек, как бы пропитанный беззаконием. Свв. Отцы учат, что самое рождение его будет незаконным, то есть что он родится от блудницы. «Беззаконно рождается, незаконно будет жить, сам беззаконствуя и расширяя беззаконие всюду, в беззаконии и погибнет, – говорит еп. Феофан, – он будет полное осуществление беззакония, и ничего в нем: не будет, кроме беззакония», ни одного здорового места не будет в его душе.

Во-вторых, он будет «сыном погибели», в пагубу себя произвольно отдавший и идущий в неё с сознанием, что погибнет. Но не сам только он погибнет, а и других многих введёт в пагубу. Прельстит их следовать своей воле и учению и тем сгубит. Будет находить удовольствие в том, чтобы увлекать других в пагубный путь свой: вся забота его будет о том, как бы

побольше сгубить людей». Вспомним, что Христос Спаситель и предателя Своего Иуду назвал «сыном погибели» (Ин. 17:12). Св. Иоанн Богослов в Апокалипсисе также называет антихриста «зверем от бездны», который после богоборства «пойдёт в погибель» (Откр. 17:8, 11).

Далее антихрист характеризуется ещё следующими словами: «противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» – здесь указываются новые три черты антихриста.

Во-первых, он будет «противник», надо подразумевать противник Богу и Господу Иисусу Христу, отчего произошло и самое имя его «антихрист». Этим именем прямо называет его св. Иоанн Богослов (1Ин. 2:18, 22; 4:3; 2Ин. 7). Св. Златоуст именует его: «антифеос» – «противобожник» или «вместобожник» – вместо Бога себя ставящий, равно как и «антихрист» означает: «на место Христа себя ставящий».

Во-вторых, это будет всеподавляющий гордец, который будет отрицать всё, «что называется Богом или святынею», желая, чтобы чтили только его одного и ему одному поклонялись.

В-третьих, это будет беспримерный и открытый наглец, который в своей гордыне не постыдится в храме Божием сесть, как Бог, «выдавая себя за Бога», – под храмом, как толкуют свв. Отцы, здесь нужно понимать именно храм, а не что-либо иное, подобное храму, причём это не будет один определённый храм, иерусалимский например, а храм в собирательном смысле. «Будет же где-нибудь, – говорит еп. Феофан, – центральное место действия антихриста, и будет, конечно, определённый момент, в который он явит себя таким (то есть божеством). Главный храм того места и разумеет апостол. В этом храме и воссядет он, как Бог, а затем будет садиться в таком значении и во всяком другом храме или, может быть, в других своё восседание засвидетельствует каким-либо иным способом. В Апокалипсисе говорится об образе зверином. Но его ли повсюду поставят в храмах? Храмы же он, конечно, заберёт в своё владение вместе с людьми, ибо произведёт в

них самое широкое отступление от религии и Бога» (еп. Феофан). Трудно допустить, чтобы антихрист искренно сам уверовал в своё божество: это будет с его стороны только богоборческая дерзость и неутолимая жажда восхищать себе от людей божеские почести. Среди поклонников его окажутся разные люди: одни, видимо, совсем потеряют голову, другие – суеверные и неразвитые, ради ложных знамений и чудес действительно уверуют в него как в божество, третьи поклонятся ему неискренно и притворно, боясь его жестокости или раболепствуя перед ним, ради получения разных выгод и почестей, которыми он, вероятно, будет осыпать своих поклонников. Во всяком случае, поклонение антихристу явится следствием полной потери людьми страха Божия.

В-четвёртых, антихрист получит от дьявола способность творить ложные знамения и чудеса и этим особенно будет поражать воображение людей. «Такою окружит себя пышностью в храме, такую даст себе обстановку посредством призрачных знамений, что все приставшие к нему увидят в этом проявление будто бога, как некогда Ирод, облёкшись в одежду царскую и севши на судище перед народом, показался сему последнему чем-то необыкновенным, так что чудилось, будто и голос у него не человеческий, а божеский» (Деян. 12:21–22). Св. Златоуст говорит: «будет стараться показать себя богом, ибо совершит великие дела и явит великие знамения». Экумений: «всякие покушения употребит – делами, знамениями и чудесами явит, будто он бог» (еп. Феофан). Одним словом, он будет чем-то вроде мага или волшебника.

«Не помните ли, что я, ещё находясь у вас, говорил вам это?» (2:5) – из этого видно, что учение об антихристе, наряду со всеми остальными догматами христианства, входило в состав первоначального апостольского благовествования. Характерно, что св. апостол Павел в течение своего весьма кратковременного пребывания в Солуни не только не обошёл молчанием этого учения как второстепенного, но счёл нужным изложить его со всей подробностью и теперь в послании лишь напоминает о нём. Вот почему весьма грешат те, кто легкомысленно относится к учению об антихристе, избегая даже

говорить о нём, как это часто наблюдается в настоящее время. Не признак ли это близости его явления?

«И ныне вы знаете, что не допускает ему открыться в своё время» (2:6) – что же это такое «не допускает», замедляет явление антихриста? Из слов апостола видно, что солуняне это знали, но нам приходится теперь лишь угадывать мысль апостола, пользуясь святоотеческими мнениями и толкованиями. Св. Златоуст пишет: «одни полагают, что под этим должно разуметь благодать Святаго Духа, а другие – Римское государство». То же повторяют Феодорит, Экумений и Феофилакт, хотя некоторые из них предполагают и другие мнения. Так, Феодорит пишет: «под удерживающим иные разумеют римское царство, а иные благодать Духа, то есть антихрист не придёт, пока пребывает благодать Духа. Божие определение не позволяет ему явиться ныне... Поелику Божественный апостол знал сказанное Господом, что Евангелие должно быть проповедано всем народам, и тогда кончина (Мф. 24:14), но видел также, что преобладает ещё служение идолам; то, следуя Владычному учению, сказал, что прежде сокрушится держава суеверия и повсюду воссияет спасительная проповедь, и тогда явится сопротивник истины». Фотий у Экумения: «явится в своё время, то есть когда настанет определённое ему и Богом попущенное, или соизволенное время». Севир у того же Экумения: «удерживает и не допускает незаконному явиться Дух Святой. Когда Сей, по причине умножения зла в людях, отстранится и отступит, тогда незаконный тот возымеет свободу открыться и выступить на среду, – мешать будет некому» (еп. Феофан).

Вывод из всех этих мнений сам напрашивается, и он в сущности один и тот же. Антихрист не придёт раньше, чем не будет проповедано Евангелие всем народам земли и пока не выявятся, согласно известной притче Господа (Мф. 13:24–30; 36–43), плевелы и пшеница. Лишь когда благодать Святого Духа соберёт из всех народов способных к спасению, а зло среди остальных достигнет своего наивысшего напряжения, так что люди дойдут до полного забвения Бога и совести и до

ниспровержения законной государственной власти и всякого начальства, тогда наступит конец всему и явится антихрист.

Наши русские толковники, основываясь на том, что свв. отцы под «удерживающим» понимали Римское царство, считают, что, поскольку Римское царство прекратило своё существование, теперь надо понимать под этим царскую власть вообще, а в частности и в особенности русского царя как православно-христианского государя, единственного покровителя и защитника во всём мире веры и Церкви Православной. Вот как говорит об этом еп. Феофан, Вышенский Затворник: «Царская власть, имея в своих руках способы удерживать движения народные и держась сама христианских начал, не попустит народу уклониться от них, будет его сдерживать. Как антихрист главным делом своим будет иметь отвлечь всех от Христа, то и не явится, пока будет в силе царская власть. Она не даст ему развернуться, будет мешать ему действовать в своём духе. Вот это и есть «удерживающее». Когда же царская власть падёт и народы всюду заведут самоуправство (республики, демократии), тогда антихристу действовать будет просторно. Сатане не трудно будет готовить голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт во время французской революции. Некому будет сказать «вето» властное. Смирненное же заявление веры и слушать не станут. Итак, когда заведутся всюду такие порядки, благоприятные раскрытию антихристовых стремлений, тогда антихрист и явится. До того же времени подождёт, удержится» (еп. Феофан. Толкование на второе послание к Солунянам. С. 504).

А вот как говорит об этом приснопамятный святой праведный о. Иоанн Кронштадтский:

«Через посредство державных лиц Господь блюдёт благо царств земных и особенно благо мира Церкви Своей, не допуская безбожным учениям, ересям и расколам обуревать её, – и величайший злодей мира, который явится в последнее время, – антихрист, не может появиться среди нас, по причине самодержавной власти, сдерживающей бесчинное шатание и нелепое учение безбожников. Апостол говорит, что дотоле не

явится на земле антихрист, доколе будет существовать самодержавная власть. «Ибо тайна беззакония уже в действии, – говорит он, – только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь, – и тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьёт духом уст Своих» (2Сол. 2:7–8). (Из книги: «Новые слова, произнесённые в 1902 году». Издание 1903 г. С. 47).

«Откроется в своё время» значит, что антихрист явится не в то время, в какое бы ему захотелось, а в то, какое будет назначено ему Божественным Промыслом. Он явится не против воли Божией. В Божиих планах мироправления стоит и он, и подготовка его и последствия того. Но не потому так, чтобы Бог хотел такого зла людям, а потому, что люди сами себя до того доведут. Этот момент отодвинул Бог до последней возможности, ожидая, не явится ли ещё желающий к Нему обратиться и служить Ему. Когда уже нечего будет такого ждать, примет Господь удерживающую руку Свою, зло разольётся и антихрист явится (еп. Феофан).

«Тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий» (2:7) – по противоположению с «тайной благочестия», состоящей в воплощении Сына Божия (1Тим. 3:16), можно заключить, что «тайной беззакония» св. апостол называет здесь скрытые и хитрые усилия сатаны поколебать и затмить в людях веру в Божественного Испытателя Господа нашего Иисуса Христа и путём распространения повсюду безверия довести всё человечество до полного нравственного развращения. Ещё св. апостол и евангелист Иоанн Богослов говорил: «вы слышали, что придёт антихрист, и теперь появилось много антихристов» (1Ин. 2:18). Св. Иоанн различает здесь «антихриста» и «антихристов». Первый придёт перед вторым Пришествием Христовым, а те, как предтечи его, начали появляться ещё при апостолах и, конечно, будут появляться во все времена христианства как представители антихристианского духа и направления. Это всякого рода лжеучители, которые всегда являлись и будут являться в христианской Церкви и вне её, в которых как бы воплощается всегда антихристианский дух» (еп.

Михаил. Толк. Откр. 1:3–16). Блж. Феодорит пишет: «Думаю, что апостол означил сим породившиеся ереси, потому что ими дьявол доводит многих до отступления от истины. Наименовал же их «тайной беззакония», потому что в них сокрыта сеть беззакония. Потому-то и пришествие антихриста апостол назвал выше «открытием». Ибо что всегда приготавливал в тайне, провозгласил тогда открыто и явно». То же говорит и св. Дамаскин: «Тайной беззакония называет апостол учения еретиков и ложные их догматы. Ибо они предшествуют ему (антихристу), пролагая ему путь и подготавливая время прельщения». Сколько мы видим теперь еретиков, сектантов, лжефилософов, анархистов, колеблющих авторитет законной власти! Из совместной их разлагающей работы между людьми и слагается «тайна беззакония», которая и должна подготовить обстановку, благоприятствующую открытому явлению в мире антихриста. Слова «от среды» не значат: «уничтожится, перестанет быть», а – «устранится, прекратит свою сдерживающую деятельность». «Теперь» значит не во время только апостола, а во всё время, «каждый день» (Евр. 3:13). Этим апостол обнимает всё время, пока «удерживающий» будет держать (еп. Феофан).

«И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьёт духом уст Своих» (2:8) – тогда, когда не станет «удерживающего», явится беззаконник-антихрист, как всемирный владыка, которому все поклонятся. Словами «которого Господь Иисус убьёт духом уст Своих» апостол обозначает быстроту и лёгкость победы Господа Иисуса над антихристом. Толькодохнет Господь – и вся кажущаяся непобедимой сила антихриста исчезнет, яко исчезает дым, яко тает воск от лица огня. Это провидел ещё Исаия, говоривший «жезл из корене Иессеева», то есть Мессия Христос, «Духом уст Своих убьёт нечестивого» (Ис. 11:4). Поэтому и в Апокалипсисе Господь Иисус, названный там Словом Божиим, изображается с острым мечом, исходящим из уст Его (Откр. 19:15–20).

«И упразднит (Господь антихриста) явлением пришествия Своего» – в этих словах, по мнению толковников, можно видеть всеочищающую силу второго Пришествия Господня.

Упразднится, то есть совершенно уничтожится, не только сам антихрист, но и все дела его. Как свет гонит тьму, так и Господь Своим пришествием «в пламенеющем огне» (1:8) мгновенно положит конец всякому греху и беззаконию. Плевелы будут отделены от пшеницы, и на новом небе и новой земле воцарится и будет жить одна правда и святость (2Пет. 3:13).

В 9–12 стихах мы находим изображение козней антихриста и указание, кого он прельстит. В этих словах св. апостол даёт понять, что избегнут обольщения и козней антихриста те, кто твёрдо держится истины. «Пришествие (антихриста), по действию сатаны, будет со всякою силою, и знамениями, и чудесами ложными» (2:9) – это значит, что антихрист будет действовать силой сатаны. Об этом говорится и в Апокалипсисе, что змий древний «даст ему силу свою и власть великую» (13:2). Знамениями и чудесами антихрист будет пытаться подражать Господу и апостолам, но чудеса его будут призрачными, а не действительными чудесами – фокусами. В Апокалипсисе говорится, что он «огонь низводит с неба на землю пред людьми», сделает икону зверину и даст ей дух, так, что она говорить станет (Откр. 13:13–15), и т. п. Всё это будет основано лишь на обмане чувств человеческих.

«И со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения» (2:10) – кроме ложных чудес, для уловления более серьёзных людей – людей науки и знания – антихрист будет употреблять обольщения словом своим и увлекательными речами, обольщениями мнимой учёности и разными заманчивыми научными теориями. Массу антихристовых приверженцев апостол характеризует наименованием «погибающих». Это люди, которые одного с антихристом духа, которые «не приняли любви истины для своего спасения», очевидно потому, что в сердце их нет чутя истины: это люди, по выражению еп. Феофана, как остолбенелые или окаменелые: их сердцу будет ближе то, что говорит антихрист, сумеющий каждого такого человека обольстить своими хитрыми речами и своей мнимой мудростью, перед которой мудрость Божественной истины для таких людей, падких на туманные мудрования, будет казаться

слишком простой и примитивной. Хитрые речи антихриста будут, кроме того, льстить развращённому сердцу, оправдывая развратный образ жизни современников его пришествия.

«И за сие пошлёт им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи» (2:11) – это будет страшное нравственное наказание Божие. Конечно, эти слова нельзя понимать буквально, но лишь в том смысле, что Бог в наказание этим людям попустит поддаться лжи антихристовой. Так и поясняет это блж. Феофилакт: «пошлёт» – вместо: попустит ему прийти. Смотри, сначала они отвергли истину, и тогда оставил их Бог, и ложь овладела ими».

«Да будут осуждены все не веровавшие истине, но возлюбившие неправду». «Попустит Бог, – говорит еп. Феофан, – раскроется их (этих людей) злой нравственно-религиозный строй, и они созреют для суда». Они будут наказаны за свою нравственную испорченность, вследствие которой сердце теряет чувство истины и устремляется к неправде только потому, что эта неправда льстит грубым низменным инстинктам человеческой природы.

В последних 13–17 стихах второй главы св. апостол благодарит Бога за светлое религиозно-нравственное состояние призванных им к вере солунян и убеждает их: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим» – эти слова чрезвычайно важны, ибо они прямо обличают отвергающих Священное Предание протестантов и сектантов. Об этом так говорит св. Златоуст: «Отсюда очевидно вытекает, что апостолы не всё предали верующим через послания, но многое сообщили и без письмени, между тем, и то и другое равно достоверно. Посему мы должны признавать достоверным и церковное предание». «Есть предание, больше не ищи ничего». «Многое, – говорит еп. Феофан, – из преподанного апостолами устно и заведённого ими лично, вошло потом в писания преемников их, пастырей Церкви, а многое оставалось и ими не записанным, а хранилось в сердцах, или в практике, в порядках жизни христианских. Иное намеренно не предавалось письмени, как например, образ совершения таинств, по замечанию Кирилла Иерусалимского,

ради сокрытия того от неверующих, кои недостойны ни слышать, ни читать о том, пока не уверуют. Отсюда само собой видно, как неосновательно инославные отвергают учения и чины церковные, не означенные в Писании».

Третья глава содержит в себе часть нравоисправительную. Первые пять стихов служат как бы предисловием. В нём св. апостол просит солунян молиться об успехе своего проповеднического дела вопреки козням окружавших апостола беспорядочных и лукавых людей, стремившихся помешать распространению евангельского благовестия как в Коринфе, так и повсюду.

Собственно нравоисправительная часть начинается с 6 стиха: «завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас» – здесь предписывается общий закон для всего христианского благоповедения: христиане должны во всех поступках руководиться апостольским преданием и не иметь общения с теми, которые это предание отвергают или нарушают. Но в этих словах можно видеть и намёк на конкретное явление, которое обличает св. апостол далее, в 11 стихе: «слышим, что некоторые из вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суеются». Здесь имеются в виду суесящиеся празднолюбцы, то есть праздношатающиеся и не любящие трудиться. В обличение таковых св. апостол приводит в пример самого себя, напоминая солунянам, как он во время пребывания своего у солунян «ни у кого не ел хлеб даром», но «занимался трудом и работой день и ночь» (ст. 7). Так чиста была совесть св. апостола Павла, что он смело мог предлагать себя, своё поведение и образ жизни в образец солунянам. Это не значит, что апостол считал себя не вправе получать материальные средства на жизнь от солунян, которым проповедовал Слово Божие. По заповеди Самого Христа Спасителя, сказавшего: «трудящийся достоин награды за труды свои» (Лк. 10:7), он имел на неё полное право, но по крайне деликатному и нежно отеческому чувству, какое питал св. апостол к солунянам, он не хотел ничем, даже самым малым, обременять их. А может быть, зная их склонность к

пороку, вызвавшему его обличение, он нашёл нужным на себе показать им пример бескорыстия и трудолюбия. Поэтому-то он и говорит им: «не потому, что мы не имели власти (пользоваться от вас содержанием), но чтобы себя самих дать в образец для подражания нам» (ст. 8–9). В данном случае св. апостол Павел даёт вечный пример всем пастырям Церкви, с какой осторожностью и благоразумием должны подходить они к вопросу о получении ими содержания от своей паствы. Замечательно далее изречение – «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Это изречение использовали для себя неверующие социалисты и особенно коммунисты, дав ему своё толкование и лишая права на существование тех людей, которые, по их мнению, являются паразитами и тунеядцами в человеческом обществе, хотя бы они и трудились, но только не так, как им это угодно. Смысл этого изречения тот, что труд обязателен для всякого человека, как присуждено это Богом при грехопадении первых людей (Быт. 3:19). Но труд, конечно, может быть разного рода: и физический, и умственный, и духовный. Мысль апостола та, что если кто ест не трудясь, то ест с насилием совести, с грехом. Не та у апостола мысль, чтобы пресечь благотворительность, но чтобы разбудить совесть у праздношатающихся тунеядцев. В 11 и 12 стихах св. апостол прямо и обличает таких тунеядцев, называя их «бесчинно ходящими» и увещевая их «работая в безмолвии, есть свой хлеб». Здесь «заповедуется скромная, уединённая, трудолюбивая жизнь, в противоположность праздношатайству и пустому убиванию времени» (еп. Феофан). В заключение св. апостол Павел внушает отчуждаться от бесчинников с целью их вразумления и исправления и посылает обычные приветствия как признак подлинности своего послания, в отличие от подложных.

Пастырские послания святого апостола Павла

Пастырскими называются три последних по времени послания св. апостола Павла: два к Тимофею и одно к Титу. Называются они так потому, что в них св. апостол Павел даёт наставления, относящиеся по преимуществу к пастырям Церкви и касающиеся их пастырской деятельности, но вместе с тем в них содержится глубоко назидательное нравственное учение и общехристианского значения.

Первое послание святого апостола Павла к Тимофею

Сведения о святом Тимофее

Св. Тимофей был любимейшим учеником и неутомимым сотрудником св. апостола Павла (Рим. 16:21). Во многих посланиях св. апостол Павел восхваляет его высокими похвалами. Родился он в Ликаонском городе Листре в Малой Азии. Сведения о том, как св. Тимофей стал учеником св. апостола Павла, мы находим в книге Деяний. Город Листру св. апостол Павел посетил во время своего первого проповеднического путешествия. Там он исцелил хромого от рождения вместе с апостолом Варнавой, и язычники, поражённые чудом, приняли его за бога Меркурия, а Варнаву за Зевса и собирались принести им жертву. Когда же апостолы убедили их, что они не боги, а посланники истинного Бога, посланные Им для того, чтобы отклонять людей от ложной веры и приводить к истинной, и растолковали им, в чём заключается эта истинная вера, они во множестве оставляли своё прежнее языческое нечестие и обращались ко Христу. По преданию, в числе уверовавших была бабка Тимофея Лойда и мать его Евника. Вероятно, они были иудеянки, ещё до обращения своего в христианство старавшиеся привить Тимофею страх Божий и обучить его ветхозаветному закону Божию, что видно из слов св. апостола Павла, обращённых потом к Тимофею: «ты из детства знаешь Священные Писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса» (2Тим. 3:15). Из слов самого Павла мы видим, что вера благочестивой бабки Лоиды и матери Евники перешла и к самому Тимофею (2Тим. 1:5; см. Деян. 14:6–19). Когда св. апостол Павел во второе своё проповедническое путешествие вновь прибыл в Листру, братия в Листре и соседнем городе Икони дали ему доброе свидетельство о вере и благочестии Тимофея (Деян. 16:1–2), и св. апостол, прозревая в нём своего будущего усердного сотрудника, пожелал взять его с собой. Так как отец его был необрезанный эллин, то св. апостол Павел, держась своего правила «всем быть для всех» (1Кор. 9:20–22), обрезал его перед выходом из Листры «для иудеев, находившихся в тех

местах» (Деян. 16:3). Это было необходимо для того, чтобы Тимофей мог свободно действовать в иудейском обществе, так как иудеи не желали иметь общения с необрезанными и не стали бы слушать его проповеди; он не имел бы свободного доступа и в синагоги, с которых св. Павел обычно начинал всегда свою проповедь о Христе. Особого повествования о трудах св. Тимофея в книге Деяний мы не находим. Его история сливается с историей проповеднических трудов св. апостола Павла. Где был св. апостол Павел, там почти всегда был и Тимофей, помогая ему либо исполняя его поручения по разным городам и новооснованным церквам христианским. Из надписаний ряда посланий св. апостола Павла видно, что св. Тимофей был с ним в Риме во время его первых уз. Вскоре после того св. апостол Павел рукоположил Тимофея во епископа для города Ефеса. Затем он дважды писал Тимофею, наставляя его и давая ему указания в его новой ответственной пастырской деятельности. Второе из этих посланий написано св. Павлом уже из вторых его уз в Риме, которые закончились мученической смертью апостола. Посетивши апостола в Риме по его просьбе, св. Тимофей возвратился в Ефес и правил тамошней церковью до своей кончины, тоже мученической, пользуясь руководством и св. апостола Иоанна Богослова, который также жил в Ефесе и оттуда руководил пастырской деятельностью всех асийских пастырей. Во время заточения св. Иоанна Богослова на острове Патмос дело руководства всеми церквами Малой Азии исполнял за него св. Тимофей.

Повод к написанию первого послания к Тимофею, время и место

Святой Тимофей был поставлен в епископа во время четвёртого проповеднического путешествия св. апостола Павла в городе Ефес. Находясь в первых узах в Риме более года, св. апостол Павел душой и сердцем стремился повидать своих духовных чад в новооснованных им общинах (Флп. 2:19, 23–24). Поэтому получив свободу, он отложил на некоторое время свой первоначальный план посетить Испанию (Рим. 15:24) и направился в Малую Азию, на что есть указание в 2Тим. 4:13–20. Тут он в 65 году, обнаружив появление зловредных гностических ересей, распространяемых «хищными волками, не щадящими стада», о которых предсказывал ещё при прощании с ефесскими пресвитерами (Деян. 20:20–30), «умолил» сопровождавшего его Тимофея остаться и «пребыть во Ефесе» и поручил ему крепко «увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными». Желая крепче соединить Тимофея с Ефесом, стоившим великому апостолу языков трёхлетних напряжённейших трудов (Деян. 19:1–10), св. апостол Павел рукоположил его в епископа Ефесского, несмотря на относительную его молодость (от 30 до 35 лет), а сам направился далее в Македонию, куда неудержимо влекло его отеческое сердце (1Тим. 1:3–4). Когда он находился в Македонии, до него дошли печальные слухи об усилившихся во Ефесе лжеучениях. Св. Тимофей никогда почти не разлучался со св. апостолом Павлом, а если и посылался куда-либо на время по поручению, то всегда действовал под ближайшим наблюдением и руководством св. апостола. Теперь он остался один на самостоятельном высоком посту. Отечески к нему расположенный апостол Павел не мог не видеть, как трудно ему отстаивать свою ефесскую паству от вторгшихся в неё «хищных волков». Поэтому он и поспешил ему на помощь своим посланием, которое отправлено было из Македонии, вернее всего из Филипп, куда обещал св. апостол Павел прибыть и где

имел побуждение побыть подольше. Временем написания этого послания был период между первыми и вторыми узами или четвёртое путешествие св. апостола Павла, между 63 и 64 годами по Р. Х.

Цель написания первого послания к Тимофею

Цель этого послания видна из слов самого апостола Павла: «Сие пишу тебе, надеясь вскоре прийти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божием, который есть Церковь Бога Живаго, столп и утверждение истины» (1Тим. 3:14–15). Оставляя Тимофея в Ефесе, св. Павел, конечно, многое сказал ему, но мог и не успеть и не иметь времени подробно рассказать всё нужное. Поэтому теперь, опасаясь, как бы не стали пренебрегать его юностью (1Тим. 4:12), он пишет ему целое руководство пастырской деятельности – «такое завещание, чтобы он мог воинствовать, как добрый воин и как мудрый и опытный старец» (1Тим. 1:18).

Содержание и разделение первого послания к Тимофею

Первое послание св. апостола Павла к Тимофею содержит в себе шесть глав. Содержание его распадается на следующие отделы:

- 1) Наставления Тимофею как веро-блюстителю (гл. 1);
- 2) Наставления ему как предстоятелю Церкви:
 - а) относительно церковных собраний (гл. 2);
 - б) относительно лиц, избираемых в клир (3:1–13);
- 3) Общие наставления о должном прохождении высокого архипастырского служения:
 - а) об основной истине христианского вероучения (3:14–16);
 - б) правила архипастырского учительства словом и жизнью (4:1–16);
- 4) Наставления, как учить и руководить пасомых, в зависимости от их разного состояния (5–6:19);
- 5) Заключительное увещание самому Тимофею (6:20–21).

Экзегетический разбор первого послания к Тимофею

Начинается послание обычным надписанием: «Павел, апостол Иисуса Христа, по повелению Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа, надежды нашей» – называет здесь себя св. Павел «посланником», или «апостолом», желая с особой торжественностью засвидетельствовать авторитетность того, что собирается писать Тимофею, присному, то есть подлинному, истинному чаду по вере, коею он породил его духовно. Этими словами он похваляет Тимофея, желая сказать, что по вере он походит на него, как сын на отца.

Первая глава состоит из наставлений Тимофею как блюстителю веры. Св. апостол учит Тимофея увещевать христиан, чтобы они не занимались вопросами, производящими споры, но не служащими к назиданию, а ведущими лишь к пустословию (ст. 3–7). Он должен разъяснять значение Закона Божия, положенного собственно не для праведников, а для беззаконных и непокорливых, и раскрывать, что истинная праведность достигается верою во Христа Иисуса, пришедшего в мир спасти грешников, из которых первым себя признает сам св. апостол Павел, как бывший прежде хулителем и гонителем Христовой веры, а теперь представляющий собой наглядный пример помилования и оправдания грешников (ст. 8–17). Изречение «закон положен не для праведника» (ст. 9) имеет тот смысл, что праведник, то есть получивший отпущение грехов и благодатное обновление жизни, уже не нуждается в указаниях закона, ибо им руководит благодать Святого Духа. «Закон положен не для праведника, – говорит св. Златоуст, – потому что он не дожидается того, чтобы закон научал его тому, что нужно делать, имея внутри себя наставляющую его благодать Святого Духа, – не нужно наставление тому, кто не имеет недостатка в наставнике». «Из которых я первый» (ст. 15) – блж. Феодорит пишет, что «апостол, называя себя первым из всех грешников, простирается за самый предел смирения». «В этом апостол являет настоящий образец для всех кающихся», –

говорит еп. Феофан. Вот почему эти слова вошли у нас в молитву перед причащением. Такое смиренное сознание своей крайней греховности является отличительным признаком каждого истинного христианина. В заключение св. апостол Павел, воздав хвалу Богу (ст. 17), увещевает Тимофея не быть равнодушным к вопросам веры, но ревновать и воинствовать, подобно доброму воину, против врагов веры, воодушевляясь собственной верой и своей чистой совестью. «Главное и в пасомых и в пасущем – вера и благая совесть» (еп. Феофан). Как обратный и устрашающий пример измены вере и доброй совести, св. Павел приводит Именея и Александра, которых он «предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать» (ст. 18–20). Не в первый раз апостол употребил это наказание. В Коринфе подобному же наказанию был подвергнут кровосмесник (1Кор. 6:5). По мысли св. Златоуста, это наказание состояло, прежде всего, в отлучении согрешившего от общества верующих, после чего он поступал во власть сатаны. Надо полагать, что виновные подвергались в результате этого и каким-либо видимым казням – болезням и лишениям телесным или исступлению ума.

Во второй главе содержатся наставления Тимофею как предстоятелю Церкви, и в первую очередь – о церковных собраниях. Апостол учит, что на церковных собраниях, то есть на богослужениях, прежде всего, должны произноситься «молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» (ст. 1–2). «Священник есть, – говорит св. Златоуст, – как бы общий отец целой вселенной, поэтому прилично ему заботиться обо всех, подобно тому, как печётся о всех Бог, на службу Которому он поставлен». Вследствие того апостол и заповедует молиться за всех без исключения людей, не только принадлежащих к Церкви, но и за «внешних», то есть не принадлежащих к ней. Особенно же надо молиться за царя и за представителей государственной власти, дабы вся деятельность их направлялась ко благу их подданных, и не только внешнему, но и внутреннему – «благочестию и чистоте»:

«Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» – ясно, что эта молитва должна быть молитвой о спасении всех, а потому она и приятна Богу, желающему спасения всем людям. Догматическая важность этих слов в том, что ими опровергается безотрадное лжеучение реформатов, учащих о безусловном предопределении Божиим, независимо от воли людей. Ибо, зачем молиться о тех, которые всё равно предопределены к вечной гибели? – «Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех» (ст. 5–6) – это сказано в доказательство того, что все люди, без исключения, призываются ко спасению ради искупительных заслуг «единого ходатая человека Христа Иисуса». Христос называется здесь только «Человеком» для того, чтобы подчеркнуть, что Ходатаем за нас Он стал благодаря Своему вочеловечению, как истинный Человек. Этими словами не исключается молитвенное ходатайство за нас святых угодников Божиих, как пытаются утверждать это сектанты. Христос назван здесь единственным Ходатаем в том смысле, что единственно Он Один принёс за нас искупительную жертву на кресте, но этим нисколько не упраздняется молитвенное ходатайство за нас людей, достигших спасения и желающих своими молитвами помочь нам достигнуть его. «Таково было в своё время свидетельство» – свидетельство о том, что Мессии-Искупителю надлежит пострадать за людей, было дано ещё в древних пророчествах. «Для которого я поставлен проповедником» – то есть для проповеди об этом свидетельстве я и поставлен.

Далее апостол говорит о том, кто, где и как должен совершать общественные молитвословия в церковных собраниях. «Желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения» (ст. 8) – богослужения церковные должны совершаться мужами – предстоятелями церквей, а женщины не должны ни совершать богослужений, ни выступать в молитвенных собраниях со словом учения. Об этом св. Павел прямо писал коринфянам: «жёны ваши в церкви да молчат... неприлично жене говорить в

церкви» (1Кор. 14:34–35). Как видно из Деян. 14:23, св. апостол Павел во всех основываемых им церквях учреждал клир, рукополагая пресвитеров. В 1Кор. 14:40 он заповедует: дабы всё в церквях совершалось благообразно и по чину. Посему несомненно, что под этими «мужами» разумеются предстоятели церквей. Молитвы эти, или богослужение, может совершаться «на всяком месте», а не в одном иерусалимском храме, как было в Ветхом Завете. Так исполнилось проречение Господа самарянке, что наступает час, «когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу» (Ин. 4:21), то есть что христианское богослужение не будет привязано к одному определённом месту, как предрекал это и пророк Малахия: «на всяком месте будут приносить фимиам имени Моему, чистую жертву» (1:11). Как должны совершаться эти молитвы, или богослужение христианское, выражают слова: «воздевая чистые руки», то есть молитвенному воздеанию рук должно соответствовать и возвышенное настроение души – «преподобие», или чистая, не запятнанная пороками совесть и свобода от «гнева и размышления», то есть злых чувств против ближнего и всяких сомнений и колебаний. Затем апостол делает наставления жёнам о том, как они должны вести себя в церковных собраниях: «также и жёны, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично жёнам, посвящающим себя благочестию» – то есть женщины должны являться в молитвенные собрания в скромных целомудренных одеждах и думать не о внешних украшениях, но о внутреннем благоукрашении себя добрыми делами. «Жена да учится в безмолвии... учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии» (ст. 9–12) – здесь запрещается женщинам учительство в церкви, то есть произнесение поучений при общественных молитвенных собраниях, ибо такое учительство было бы равносильно властвованию над мужем, между тем как Слово Божие повелевает жене быть в подчинённом положении у мужа. Но учительство жены вне церковных собраний этим не запрещается. «Так Прискилла, –

говорит блж. Феодорит, – вместе с Акилою оглашала здравым учением Аполлоса, так верной жене не запрещено оглашать неверного мужа», «детей же учить даже повелено им» (Экумений). То, что женщина должна находиться в подчинённом положении и не претендовать на главенство, св. апостол выводит из истории сотворения первых людей и их грехопадения: сначала был сотворён Адам, а потом Ева, и не Адам первым согрешил, а жена его. Ещё в книге Бытия 2:18, 20, 22 сказано, что жена сотворена как помощница мужу, а помощник, естественно, занимает второстепенное значение после того лица, которому он назначается в помощь. Из того, что жена первой согрешила, апостол делает вывод о большей удобопреклонности жены ко греху, а потому и о неспособности её главенствовать. Надо, конечно, иметь в виду, что апостол понимает здесь не отдельных женщин и мужчин, среди которых могут быть исключения и в ту, и в другую сторону, а целый женский и мужской пол. «Спасётся через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием» – здесь, конечно, не о том говорится, что самый физический процесс чадородия послужит жене во спасение, а о том, что спасение женщины и, следовательно, жизненное призвание её – быть матерью и воспитательницей своих детей. «В том не малая, но великая будет состоять для них награда, – говорит св. Златоуст, – что они воспитали работорцев Христу». Блж. Феофилакт говорит то же: «не родить только, но и воспитать должно; и это есть настоящее деторождение; иначе же это не деторождение, а детораствление». Таким образом, женщина приобретёт себе спасение, если через своё чадородие будет содействовать распространению и утверждению Царства Христова на земле, воспитывая истинных чад и воинов Христовых.

Третья глава говорит относительно лиц, избираемых в клир, а последние стихи её излагают основную истину христианского вероучения. «Если кто епископства желает» – здесь под епископством понимается и пресвитерство – «доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, чист, страннолюбив, учителен». Толкуя это место, надо обратить внимание, прежде

всего на то, что изложив требования, каким должен удовлетворять «епископ», св. апостол сразу переходит к «диаконам», ничего не говоря о второй степени священства – о пресвитерах. Мы уже видели, что в апостольские времена ещё не установлены были строго наименования этих двух высших степеней священства, а потому «епископами», или «блюстителями», по исполняемой ими должности «блюсти» свою паству, назывались и пресвитеры (см. Деян. 20:17–28, а также Флп. 1:1). На вопрос, что здесь понимает апостол под епископством, блж. Феодорит так и отвечает: «Пресвитерство. Тогда одних и тех же называли пресвитерами и епископами... но явно, что епископам первым надлежит сохранять сии законы, как приявшим большую честь». Почему желающий епископства – доброго дела желает? Тут имеется в виду, конечно, не стремление к почестям, связанным с этим саном, а ревностное желание послужить Церкви во благо ближних, потрудиться для их спасения. Что касается требования для епископа быть мужем одной жены, то это требование не то означает, чтобы кандидат в епископы «двух жён не имел зараз, ибо это и всякому христианину воспрещено; но чтобы однажды был женат, был одноженец. Того, кто на второй жене женат, не следует избирать в епископы» (еп. Феофан). Христианская Церковь издревле хотя и разрешала второй брак, но всегда относилась к нему неодобрительно, предпочитая честное вдовство второбрачию. Почему Амвросиаст и пишет: «Хотя иметь вторую жену не воспрещено, но достойный епископства должен воздерживаться и от позволенного другим, по причине высоты сего чина. Желающий его должен быть несравненно выше всех». К этому блж. Феофилакт прибавляет: «говоря сие, апостол не законополагает, что епископ непременно должен быть женат. Как мог повелеть это говоривший: «Желаю, чтобы все люди были, как и я» (1Кор. 7:7). В настоящее время это апостольское правило исполняется так, что только к пресвитерскому сану допускаются лица, состоящие в первом браке, а епископами могут быть только безбрачные девственники или вдовцы по первому браку. В апостольской древности и в первые века христианства безжёнство не было безусловно обязательным

для епископов потому, как поясняет тот же блж. Феодорит, что в те времена трудно было найти между обращёнными иудеями и язычниками людей, проводящих строгую девственную жизнь: «язычники не упражнялись в девстве, – говорит он, – иудеи не позволяли его, потому что плодородие почитали благословением». Но когда, с возрастанием и расширением Церкви Христовой, стало умножаться число девственников, отказывавшихся от брака ради Царствия Небесного (согласно Мф. 19:11–12), тогда епископов стали избирать преимущественно из девственников, что окончательно узаконил VI Вселенский собор своим 12-м правилом.

Следующие требования, какие предъявляются кандидату в епископы, во-первых, то, что он должен отличаться добрыми нравственными качествами как с внутренней стороны – быть трезвым, целомудренным, благочинным, честным, страннолюбивым, – так и со стороны внешнего своего поведения – не пьяница, не бийца, не сварлив... но миролюбив, – а вместе с тем обладать и умственными данными – быть учительным; во-вторых, он должен доказать свою способность к управлению Церковью умелым и успешным управлением своего собственного дома и, в-третьих, не должен быть из новообращённых в христианство, чтобы не возгордиться своим скорым возвышением. Ещё важное требование – он должен «иметь доброе свидетельство от внешних», то есть от нехристиан – не иметь дурной славы за какие-либо порочные дела у язычников и вообще всех, не принадлежащих к Церкви, дабы не опорочить в их глазах Церковь Христову как возвышающую лиц нравственно недостойных (3:1–7).

Требования, предъявляемые к кандидатам в диаконы, весьма сходны с требованиями, которые предъявляет апостол к кандидатам в епископы. «Диаконы также должны быть честны, не двуязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы». Перечисляя качества диаконов, апостол не говорит об учительности, но зато прибавляет, что они должны иметь «таинство веры в чистой совести», что, по объяснению блж. Феофилакта, значит: «с хранением правого догмата иметь и жизнь непорочную. Ибо чистая совесть бывает при непорочной

жизни». Апостол требует также, чтобы они подвергались предварительно испытанию, а хорошо служащие удостаивались бы высших степеней. В свою речь о диаконах св. апостол вставляет несколько слов и о «жёнах»: «Равно и жёны их должны быть честны, не клеветницы, трезвы, верны во всём» (ст. 11) – в русском переводе здесь курсивом добавлены слова: «жёны их (то есть диаконов) должны быть», и некоторые современные толковники полагают, что здесь идёт речь о жёнах диаконов, но все древние толкователи, как св. Златоуст, блж. Феодорит, Экумений, блж. Феофилакт, а также наш современный толкователь еп. Феофан, вполне основательно считают, что эти слова апостола относятся к институту диаконисс, существовавшему в древней Церкви, и перечисляют тут качества, которыми должны отличаться не просто жёны диаконов, а жёны, служащие Церкви, то есть диакониссы, о которых упоминает ещё VI Вселенский собор в своём 14-м правиле.

В конце третьей главы излагаются две чрезвычайной важности догматические истины:

1) «Церковь Бога живого, столп и утверждение истины» (ст. 15) – мысль, что «единственный руководитель учителю истины в истине есть Св. Церковь», и

2) «великая благочестия тайна: Бог явился во плоти» (ст. 16) – первая и основная истина, которую надлежит проповедовать учителю истины.

В словах «Церковь Бога Живаго, столп и утверждение истины» заключается важное учение о непогрешимости Церкви, ибо Церковь не есть только видимое внешнее собрание людей, верующих во Христа, но вместе с тем и невидимый дух, единомушие, вера, учение, связующие их между собой и с Главою их – Христом Господом. Отдельные лица, члены Церкви могут погрешать, но вся Церковь в целом никогда не может погрешить и отступить от истины. Выражается эта истина в догматах, принятых Церковью, в неизменно сохраняющемся в ней апостольском и отеческом предании, таинствах, богослужении, во всём том, что составляет дух Церкви, передающийся от древних времён к позднейшим. Это

православное учение о непогрешимости Церкви извращено римо-католиками и протестантами. Римо-католики приписали непогрешимость Церкви одному лицу – папе Римскому, а протестанты, не желая признавать авторитета Священного Писания, хранимого Церковью, отвергли самое учение о непогрешимости Церкви. С этой целью вышеприведённый текст они толкуют по-своему. После слов: «Церковь Бога живаго» они ставят точку, и следующие слова: «столп и утверждение истины» относят не к Церкви, а к «великой благочестия тайне», читая всё это место таким образом: «Столп и утверждение истины и бесприкословно великая тайна благочестия в том, что Бог явился во плоти». Но такое чтение противно смыслу греческого текста и древним святоотеческим толкованиям этого места. Все Отцы Церкви относили слова «столп и утверждение истины» к Церкви. «Бесприкословно – великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознёсся во славе» (ст. 16) – в этих словах св. Павел указывает своему ученику Тимофею, какую истину христианского вероучения он должен положить в основу своей проповеди. «Сию истину, – говорит еп. Феофан, – Св. Церковь возвещает и подтверждает самым существованием своим. Ибо она есть здание, коего основание есть Христос Господь (1Кор. 3:11), есть тело, коего Глава есть. Он же – Бог Слово, соделавшееся плотью. Как видящий живое тело в этом самом имеет удостоверение о Главе и видящий прочное здание – удостоверение об основании, так видящий Церковь удостоверяется, что несомненно «Бог явился во плоти». Этой истиной св. Павел предлагает Тимофею мерить всякое учение и не согласное с нею отвергать, как противное христианству. «Оправдался в Духе» – значит, что Дух Божий, почивший на Иисусе Христе (Мф. 3:16), засвидетельствовал на самом деле, что Он есть воплотившийся Сын Божий: об этом красноречиво говорят все великие дела, знамения и чудеса, которые творил Он силою Духа Божия (Мф. 12:28), животворное учение, которое благовествовал, будучи помазан Духом Божиим и преисполнен Его благодатью (Лк. 9:18; Ин. 7:17). «Показал Себя Ангелам»

значит, что и Ангелы, подобно нам, увидели Сына Божия, Которого прежде не могли видеть, ибо и им недоступно лицезрение Самого Божеского естества, как оно есть, а только в проявлениях Его. «О таинство, – восклицает блж. Феофилакт, – с нами и Ангелы увидели Сына Божия, не видевши Его прежде. И, – говорит Евангелие, – се. Ангелы приступили и служат Ему (Мф. 4:11). И не здесь только, но от самого рождения до Вознесения они служили Ему. Во время рождения Ангелы поют песнь Ему и благовествуют о нём пастырям, и во время вознесения служат Ему». Во время же вознесения Ангелы узрели Богочеловека во всей Его пренебесной славе (Евр. 1:6; 1Пет. 3:22). Почему явление Бога по плоти названо «тайной»? Потому что оно непостижимо для ума человеческого. Великая тайна и в том, что Бог, явившийся во плоти, «проповедан в народах, принят верою в мире», ибо проповедь о воплотившемся и потом распятом Боге, естественно, должна была казаться соблазном для иудеев и безумием для эллинов, и тем не менее она покорила весь мир и преобразовала его. Что касается «славы», в которой «вознёсся» Бог воплотившийся, то об этом так рассуждает еп. Феофан: «Хотя самое то – «вознёсся» преславно, но надо полагать, что Вознесение Господне было сопровождаемо особою некоей славой, не виденною людьми, но узренной Ангелами и воспетой их славословием».

«Такова великая тайна нашего благочестия, – говорит еп. Феофан, – и вместе сила воплощённого домостроительства, по всему пространству вселенной возвещаемая, исповедуемая и дивно действующая. Она – основание Церкви, которая в силу сей тайны, ей вверенной, и есть столп и утверждение истины. Она – основание спасения всякого верующего. Верующему чаще надлежит поминать о ней, нежели как часто дышат».

В четвёртой главе св. апостол Павел даёт Тимофею правила архипастырского учительства словом и делом, предупреждая, прежде всего, о имеющих появиться лжеучителях – отступниках от веры христианской. «Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским» – под

«последними временами» здесь понимаются не «последние времена» в узком смысле слова, которые наступят перед концом мира и вторым Пришествием Христовым, а «последние времена» в широком смысле слова, под которыми и здесь, и во многих других местах подразумевается последняя эпоха существования человечества – эпоха, наступившая на земле со времени пришествия в мир Спасителя мира и совершения Им Своего искупительного дела спасения человеческого рода (ср. 1Кор. 1:11). Об этих лжеучителях св. апостол предупреждал ещё ефесских пресвитеров в своей личной прощальной беседе с ними (Деян. 20:29–30). Под «бесовскими учениями» понимаются всякие ложные учения, противные духу истинной веры, как происходящие от бесов (2Кор. 11:13–15). Но были в Ефесе и в собственном смысле «учения бесовские», о чём говорится в книге Деяний 19:13, 19. Внешней чертой этих лжеучителей будет лицемерие – принятие на себя вида каких-то особенных людей, будто постигших всю премудрость, одевание в личину святости. Характерная черта их – «сожжение своей совестью», то есть такое состояние, будто у них совесть сожжена или будто они сами обожжены своею совестью. Блж. Феодорит пишет: «сожжёнными совестью назвал их апостол, показывая крайнюю их бессовестность, потому что прижигаемое место, омертвев, теряет прежнюю чувствительность», а они действительно дошли до такого нравственного состояния, будто совести у них нет, или они сами стали глухи к её внушениям. Греческое слово, употреблённое тут и означающее: «нажигать знак», даёт повод к ещё одному толкованию употреблённого апостолом выражения. Как ныне это делают животным, в древности беглым рабам и преступникам на плечах и на лбу выжигали особые отличительные знаки. Так и эти лжеучители носят на своей совести «нажжённые знаки своей нечистой жизни» (ст. 1–2). Апостол указывает затем только две характерные черты лжеучения, очевидно как наиболее бросающиеся всем в глаза: «запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил» – здесь речь идёт, конечно, не о подвигах безбрачия и воздержания, а об особом отношении к плоти и её требованиям, которое проповедовали эти еретики, несомненно,

те же, о которых писал св. апостол Павел и в послании к Колоссянам (Кол. 2:21–23). Это – предтечи расцветшего во II веке гностицизма, проповедовавшего дуалистический взгляд на плоть как на местопребывание злого начала в человеке. Особенная опасность этого лжеучения в том, что оно подрывало самый догмат о воплощении Сына Божия, ибо, если плоть есть зло, произведение дьявола, как учили, например, енкратиты, воспрещавшие брак, и манихеи, осуждавшие употребление мяса и вина как веществ, изобретённых сатаной, то Сын Божий не мог бы принять на Себя действительной человеческой плоти, а только призрачную, и тогда всё значение искупительных страданий Сына Божия теряло бы свою силу (ст. 3). В противность лжеучителям апостол говорит, что «всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою» – нет ничего нечистого самого по себе: всё может быть употребляемо в пищу, и христианин не должен ничем гнушаться или брезгать, как скверным, ибо всё, созданное Богом, «хорошо весьма» (Быт. 1:31). Призывание имени Божия и молитвенное обращение к Богу перед вкушением пищи освящает всякую пищу (ст. 4–5).

«Внушая сие братиям», то есть ограждая свою паству от лжеучителей, «будешь добрый учитель Иисуса Христа» (ст. 6), потому что паство́ство ведёт своё начало от Пастыреначальника Господа Иисуса Христа. Здесь характерно, что Тимофей – епископ – назван по-гречески «диаконос», что значит слуга – новый пример безразличного употребления названий, ещё не установившихся вполне в апостольской Церкви. «Питаемый словами веры и добрым учением, которому ты последовал» – здесь указывается на важную обязанность доброго пастыря: поучая свою паству, поучаться и самому в истинах святой веры, назидая самого себя и укрепляя в нравственной христианской жизни. «Сила апостольского слова здесь в слове «питаем». «Не только других наставляй, но и сам упражняйся в этом, – говорит св. Златоуст, – подобно тому, как мы каждый день употребляем телесную пищу, так и слово о вере всегда принимать и им всегда питаться должно».

«Негодных же и бабьих басен отвращайся» (ст. 7) – можно полагать, что «баснями» апостол называет здесь смесь лжеучений, составившихся из «лживого перетолковывания иудеями ветхозаветного закона» и «эллинских бредней» (мифологии). «Упражняй себя в благочестии, ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на всё полезно» (ст. 7–8) – слово «обучать», или «упражнять», употреблённое здесь апостолом, в греческом тексте напоминает о гимнастике, то есть о телесных упражнениях, которые дают телу человека гибкость, ловкость и силу. Здесь мы имеем образное сравнение: и в духовной жизни необходимо упражняться. Если люди употребляют иногда столько времени и трудов на малополезную гимнастику, то тем более нужно упражнять свой дух в подвигах благочестия. Ради этого-то мы все и трудимся, говорит апостол, и терпим поношения, и об этом-то следует всем пастырям учить свою паству (ст. 8–11). Далее св. апостол Павел в лице Тимофея предлагает назидание всем пастырям, желающим, чтобы никто не пренебрегал ими, даже если они юны возрастом, каким был Тимофей. «Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (ст. 12) – здесь говорится об общей обязанности пастырей быть образцом для своих пасомых во всех отношениях: словом – то есть пастырь должен быть образцовым учителем и проповедником, а также заботиться и о том, чтобы и в частных разговорах речь его всегда была назидательна, благоговейна и прилична; «житием» – умение держать себя во взаимоотношении с людьми, иметь такт житейский; «любовью» – относиться ко всем с чувством искренней отеческой любви; «духом» – верующие должны видеть и чувствовать, что их пастырь – духовный человек, а не мирской, рассеянный и светский; «верою» – пастырь должен быть примером правой, непоколебляющейся веры; «чистотой» – то есть целомудрием и непорочностью, не только внешней телесной, но и внутренней, сердечной, чистотой своих помыслов. «Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением» (ст. 13) – это так поясняет св. Златоуст: «внемли чтению Божественных писаний, утешению тех, которые имеют в том нужду, учению, обращённому ко всем

вообще». Здесь имеется в виду чтение священных книг Ветхого Завета, поскольку священные книги Нового Завета ещё не были тогда все собраны и не вошли ещё во всеобщее употребление. Чтение слова Божия в церковных собраниях сопровождалось во времена апостольские толкованиями пророчеств и прообразов и разными наставлениями. Всеми этими видами самообучения проповеди верующим и увещевает св. Павел заниматься Тимофея, пока сам не придёт, имея в виду, очевидно, дать Тимофею ещё более подробные наставления касательно его епископских обязанностей. «Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук Священства» (ст. 14) – это место обличает неправомыслие протестантов и сектантов, отрицающих Богоучреждённость церковной иерархии и таинство священства. Св. апостол Павел решительно говорит здесь, что священство есть особое дарование, или дар Божий (2Тим. 1:6), живущий не во всех, а лишь в избранных лицах и сообщаемый посредством особого символического действия – возложения рук священничества (ср. 2Тим. 5:22). Под «пророчеством» можно понимать или особое указание свыше, по которому Тимофеем был избран епископом, или самые священные слова, которые произносились при его поставлении – самая форма иерархического поставления или молитва, с которой совершалось рукоположение. Почему здесь говорится о «Священничестве», когда известно, что епископа, каковым был Тимофей, ещё с апостольских времён рукополагают епископы же, а не священники? Здесь говорится не о священниках как таковых, а о носителях вообще священного сана. Мы уже знаем, что в апостольские времена ещё не были строго установлены названия иерархических степеней и названия «епископы» и «пресвитеры» часто употреблялись одно вместо другого. Кроме того, нет никакой возможности допускать, что Тимофея рукополагали в епископа священники, – уже потому, что из 2Тим. 1:6 ясно видно, что Тимофей был рукоположен самим апостолом Павлом.

Глава пятая содержит наставления, как учить и руководить пасомых в зависимости от их разных состояний. Не на всех

одинаково может и должен действовать мудрый пастырь, но сообразно с особенностями каждого, в зависимости от возраста, положения в Церкви, положения в обществе и внешнего состояния. Прежде всего, св. апостол даёт наставления, как вести себя пастырю по отношению к двум противоположным возрастам: престарелому и юному. «Старца не укоряй» – по греческому подлиннику: «не кричи на старика, не брани унизительно, не срами его», но «утешай», в смысле «уверяй», как отца, то есть отнесись почтительно, как бы к своему отцу согрешившему. Таково же должно быть отношение пастыря к старицам – как к матерям. В отношении же юных нужно держать себя дружелюбно и ласково, как бы в отношении к своим братьям и сестрам, ибо «ласковостью скорее можно достигнуть того, в чём не всегда успевает авторитетная власть» (Амвросиаст). Здесь апостол делает только оговорку в отношении женского пола: «со всякою чистотою», то есть с соблюдением полной целомудренности в речах и во всех отношениях, дабы и другим не давать нехороших подозрений, и своё сердце оградить от греховного влечения (ст. 1–2). С 3 по 16 стих св. апостол говорит о вдовицах. «Вдовиц почитай, истинных вдовиц» (ст. 3) – слово «читать» апостол употребляет здесь в смысле «помогать», брать на церковное попечение. Смысл этого увещания, следовательно, таков: «бери на церковное попечение вдовиц доброго поведения, заслуживающих милосердия и заботы о них». Смысл следующего, 4 стиха тот, что вдовы, имеющие близких родственников, не должны обременять Церковь своим содержанием, а дети или внуки должны учиться оказывать честь своей матери или бабке, питая их и делая им всякое добро (Экумений). Суть следующего наставления в 5 стихе та, что на церковное содержание можно брать и не старых вдовиц, если они зарекомендовали себя благочестивой жизнью, отказавшись от второго брака и ведя жизнь целомудренную с надеждой единственно на помощь Божию. Таким благочестивым вдовицам св. апостол в 6 стихе противопоставляет «сластолюбивых», о которых говорит, что таковые «заживо умерли», то есть в живом ещё теле носят умерщвлённую грехами душу. Таковым апостол

заповедует внушать, чтобы они обратились к непорочной жизни (ст. 7). «Если же кто о своих и особенно о домашних не печётся, тот отрёкся от веры и хуже неверного» (ст. 8) – обличение это, надо полагать, направлено против тех, которые стараются сбыть своих престарелых родственников на церковное содержание, не желая заботиться об их пропитании. Далее, с 9 по 16 стих, апостол говорит о том, что на церковное служение и на полное содержание Церкви должны быть принимаемы вдовицы, не менее как шестидесятилетние, бывшие женою одного мужа, известные своими добрыми делами, но не молодые, падкие на разного рода грехи. Некоторые толковники полагают, что здесь идёт речь о кандидатках в диакониссы, к которым и предъявляются условия, сходные с условиями, которым должны отвечать кандидаты в диаконы. Но некоторые считают, что здесь просто продолжение речи о вдовах, заслуживающих попечения Церкви. Таким вдовицам, которые чувствуют себя неспособными жить в честном вдовстве, св. апостол советует лучше вступать во второй брак, нежели уклониться с доброго пути жизни, примеры чего апостолу известны, как видно из его слов: «ибо некоторые уже совратились вслед сатаны» (ст. 15), что, по мнению св. Златоуста, значит: впали в блуд. В 16 стихе св. апостол снова повторяет, что верные сами должны заботиться о своих родных вдовицах, не обременяя их содержанием Церковь. Во второй части 5 главы, с 17 по 25 стих, апостол учит Тимофея, как поступать епископу в отношении пресвитеров. «Достоинством начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении» (ст. 17) – здесь под «честью», которой должны сподобляться усердствующие пресвитеры, св. Златоуст понимает «попечение», «доставление им всего необходимого» для жизни, что подтверждается и следующим, 18 стихом. «Обвинения на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трёх свидетелях» (ст. 19) – это потому, что пресвитеры избираются из людей наиболее достойных, а потому и всякое обвинение на них представляется наименее вероятным, а затем и потому, что по самому роду и характеру своей деятельности пастырско-

обличительной и наставительной они естественнее всего могут страдать от клеветы и ложных обвинений. Два или три свидетеля в таких случаях требовались и по ветхозаветному закону (Втор. 19:15). «Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели» (ст. 20) – речь идёт здесь всё о тех же пресвитерах, обвинение против которых будет доказано. «Но не больше ли будет соблазна, – спрашивает св. Златоуст, – когда перед всеми станешь обличать?» – и отвечает: «когда узнают грех, и не будут видеть наказания, тогда действительно станут соблазняться. Ибо от того, что согрешившие останутся ненаказанными, многие, естественно, и сами поползают на грех; как, наоборот, от того, что они бывают наказываемы, многие исправляются. Так действовал и Бог. Он вывел Фараона на среду (на показ всем) и наказал; видим также, что явно перед всеми получили наказание и Навуходоносор, и многие другие люди и города. Следовательно, апостол хочет, чтобы все имели страх перед епископом, и поставляет его над всеми». Далее апостол говорит о том, с какой крайней осторожностью надлежит епископу избирать лиц, предназначенных к священному рукоположению. «Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию. Рук ни на кого не возлагай поспешно» (ст. 21–22) – некоторые считают, что слова 21 стиха относятся к предыдущему, то есть к речи о суде над пресвитерами, но другие склонны относить их к начинающейся новой речи о рукоположении: и рукополагать, так же как и судить, надо без пристрастия, тщательно расследовав дело. «Надлежит прежде исследовать жизнь рукополагаемого, – говорит блж. Феодорит, – а потом призвать на него благодать Духа». «Не делайся участником в чужих грехах», то есть «грехам рукополагаемого, возводя недостойного на степень тайносовершителя для народа» (Экумений). «Храни себя чистым» – по ходу речи можно понять: чистым от вменения грехов рукополагаемого, но другие толковники видят здесь заповедь св. Тимофею – блюсти его собственную нравственную чистоту: «о целомудрии даёт урок; целомудрие блюсти увещевает» (Экумений и Феофилакт). «Связь с предыдущим

будет такая: но распознавая, достойны ли рукоположения другие, смотри, своего достоинства не потеряй» (еп. Феофан). Вспомнив о слабом здоровье Тимофея, и как бы умеря строгий урок о чистоте, св. Павел разрешает далее Тимофею употреблять «немного вина ради желудка» (ст. 23). Смысл и связь речи тут такая: «слыша сие: «себе чиста соблюдай», ты не бросься на больший подвиг воздержания. Не делай этого. Тебе, по состоянию твоего здоровья, напротив, нужно некое послабление, и ты с этих пор не одну пей воду, но употребляй немного и вина» (еп. Феофан). В 24 и 25 стихах, ведя речь всё о том же, апостол хочет сказать, что не у всех грехи явны, а потому нужно особенно тщательно исследовать жизнь кандидатов к рукоположению, не подвержены ли они каким-либо тайным грехам, могущим обнаружиться впоследствии и явно. Равным образом, и добродетели у некоторых могут быть тайными, а потому полезно отыскивать и рукополагать таких лиц, могущих с честью послужить Св. Церкви.

Глава шестая содержит важные наставления, разрешающие в духе христианства важный жизненный вопрос о социальном неравенстве, столь волнующий людей, особенно в наши новейшие времена. Общий смысл этих наставлений тот, что христианству чужды насильственные общественные перевороты. Говоря современным языком, христианство улучшения общественных отношений достигает путём эволюции, путём воспитания широких масс человечества на началах подлинной христианской любви, равенства и братства; путь же революции христианство осуждает как путь злобы, насилия и крови. Поэтому и говорит апостол: «Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение» (ст. 1). Особенно внимательны должны быть рабы к «верным» господам (то есть христианам). Не должно думать, что благочестие служит для прибытка. Кто учит иному и спорит, тот горд и ничего не знает (ст. 3–5). Исходя из мысли, что недовольство общественным строем в большинстве случаев покоится на страсти сребролюбия и любостяжания и зависти к богатым и только прикрывается авторитетом евангельских истин

о братстве, равенстве и свободе, апостол предостерегает от любостяжания и внушает быть довольным малым: «имея пропитание и одежду, будем довольны тем» (ст. 8). Внешние же материальные блага опасны, ибо часто ведут к впадению во многие грехи и беды: «корень всех зол есть сребролюбие» (ст. 10). Апостол учит Тимофея быть образцом бескорыстия и нестяжания и увещевать богатых, чтобы они уповали не на богатство своё, но на Бога. «О Тимофей! храни преданное тебе» – так кончается послание, подчёркивая тем всю важность для веры апостольского предания, хранимого Церковью (ст. 20).

Второе послание святого апостола Павла к Тимофею

Побуждения к написанию второго послания к Тимофею

Это послание можно рассматривать как предсмертное завещание св. апостола Павла своему любимому ученику и сотруднику Тимофею. «Я уже становлюсь жертвою, – пишет в нём св. апостол Павел, – и время моего отшествия настало» (2Тим. 4:6). Со скорбью говорит здесь св. апостол о переживаемом им тяжком одиночестве, ибо прочие ученики или оставили его, «возлюбив нынешний век» (4:10), или разосланы им по разным поручениям. Апостол просит Тимофея прийти к нему скорее и привести с собой Марка (4:9, 11), а также принести ему некоторые вещи: фелонь, который оставил он в Троаде у Карпа, «и книги, особенно кожаные» (4:13). Таким образом, побуждением к написанию этого послания было желание св. апостола Павла в предчувствии своей близкой кончины повидаться со своими преданнейшими учениками и преподать им своё последнее предсмертное назидание и завещание.

Время и место написания второго послания к Тимофею

Время и место написания этого послания можно определить по указаниям, которые даёт само послание. В нём св. апостол пишет: «не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня узника Его» (1:8), а также «за благовествование моё я страдаю даже до уз, как злодей; но для слова Божия нет уз» (2:9). Итак, ясно, что это послание написано св. апостолом из уз. Видно также, что это были римские узы, ибо апостол, похваливая Онисифора, который не стыдился уз его, говорит, что он «быв в Риме, с великим тщанием искал его и нашёл» (1:16–17). Это, несомненно, также были вторые узы, а не первые, ибо в первых узах св. Павел пользовался относительною свободою, мог проповедовать, сообщал о себе успокоительные известия малоазийским церквам (Деян. 28:30–31; Еф. 6:19–20; Кол. 4:8) и не только не ждал себе смертного приговора, но, наоборот, выражал уверенность в своём скором освобождении (Флп. 2:24) и приготавливал даже помещение в Колоссах у Филимона (Флм.1:22). Между тем теперешнее его заключение было совсем иного рода: он страдал в нём, как злодей (2Тим. 2:9), проповедь его встречала сильное сопротивление (4:17), он оставлен всеми (4:16) и чувствует предстоящую ему в недалёком будущем насильственную смерть (4:6), а своё единственное утешение видит лишь в том, что «готовится ему венец правды, который даст ему Господь, праведный Судия, в день оный» (4:6–8). Имея в виду всё это, как древние, так и новые толкователи считали второе послание к Тимофею последним посланием св. апостола Павла, написанным им из Рима незадолго перед его мученической кончиной, в конце 66 или в начале 67 года по Р. Х.

Цель написания второго послания к Тимофею

Вызывая к себе в Рим возлюбленного ученика своего Тимофея, св. Павел не был, однако, уверен, что доживёт до этого свидания, а между тем его весьма заботили все те многочисленные трудности, которые приходилось переносить св. Тимофею в его пастырском служении в Ефесе. Там умножились люди, сопротивлявшиеся евангельской истине, подобно высокомерным волхвам, сопротивлявшимся некогда Моисею, «люди, развращённые умом, невежды в вере, люди, имеющие вид благочестия, силы же его отвергшиеся», вкрадывавшиеся в дома для оболъщения не утвердившихся в благочестии людей, и особенно женщин (2Тим. 3:5, 6, 8). Св. апостол ожидал для Тимофея и ещё больших трудностей, предрекая, что «злые люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь» (2Тим. 3:13), и «что будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (4:3–4). Вследствие всего этого св. апостол Павел, предполагая вначале писать Тимофею только по своим личным нуждам, решил потом «приложить к посланию ещё нечто о добром пастырствовании» (еп. Феофан). А так как этот предмет важнее всяких личных просьб, то он и занял в послании преобладающее положение, а просьбы апостола стали лишь как бы приписками. Итак, цель послания – воодушевить св. Тимофея к неослабному бодрствованию и мужеству в его пастырском служении.

Содержание и разделение второго послания к Тимофею

Второе послание св. апостола Павла к Тимофею содержит в себе всего четыре главы. Оно разделяется на три части:

1) Вступление с надписанием и приветствием и обозначением главного предмета послания (1:1–6);

2) Наставительная часть, в которой св. апостол Павел даёт наставления Тимофею, как он должен проходить своё пастырское служение (1:7–4:8);

3) Послесловие, излагающее личные побуждения св. апостола Павла к написанию этого послания (4:9–22).

Экзегетический разбор второго послания к Тимофею

Начинается это послание обычным надписанием: «Павел, волею Божию Апостол Иисуса Христа». Высказав свою сильную любовь к «Тимофею, возлюбленному сыну», и вспомнив нелицемерную веру бабки его Лойды и матери Евники, св. апостол Павел напоминает Тимофею «возгревать дар Божий, который в тебе, через моё рукоположение» (ст. 6). Здесь ясно сказано, что в таинстве священства подаётся рукоположенному особый благодатный дар Божий, а потому глубоко не правы протестанты и сектанты, отвергнувшие таинство священства и тем лишившие себя законного благодатного пастырства, ведущего своё преемство от свв. апостолов. Этот благодатный дар надлежит пастырю возгревать, конечно ничем иным, как огнём пастырской ревности – добросовестным исполнением пастырского служения.

Первый отдел наставительной части в первой главе излагает указания св. апостола Павла на тот плод, которым, прежде всего, может обнаружиться в Тимофее возгревание полученного им через апостольское рукоположение благодатного дара. Апостол увещевает Тимофея не стыдиться «свидетельства Господа нашего Иисуса Христа (то есть проповеди о кресте Его, который для иудеев есть соблазн, а для эллинов безумие)», но и страдать, если потребуется, вместе с благовестием Христовым, воодушевляясь высотой совершенного Христом Спасителем дела домостроительства нашего спасения и руководствуясь примером как самого апостола Павла, так и примером Онисифора, которого св. Павел похвалит за то, что тот не стыдился уз Павловых, но быв в Риме, с великим тщанием искал его и нашёл», в то время как все асийские ученики оставили Павла (ст. 7–18).

Вторая глава содержит более подробные увещания к твёрдости духа и самоотвержению при прохождении пастырского служения. Здесь св. апостол Павел сравнивает пастырское служение со служением воинским и увещевает

Тимофея не бояться тех страданий, которым он может подвергнуться как «добрый воин Иисуса Христа». То, что ты слышал от меня о Господе Иисусе Христе и о совершенном Им деле спасения человечества, что я говорил тебе, не робея и не на ухо, а открыто и при всех, не боясь обличений и гонений от неверующих, то самое передай «верным людям, которые были бы способны и других научить». Под этими «верными людьми» толковники древние и новые понимают епископов и пресвитеров. Речь здесь идёт о том, что св. Тимофей должен готовить среди верующих лиц, достойных рукоположения в епископы и пресвитеры, чтобы передать им все Истины Богооткровенного учения, а в особенности, как некоторые толковники полагают, образ совершения таинств церковных, который передавался тайно и устно, как уверяет св. Василий Великий, хотя при свидетелях из круга старейших верных, чтобы вернее сохранился. Это относится к епископам и пресвитерам, коих имел рукополагать св. Тимофей (Фотий у Экумения, еп. Феофан). Далее св. Павел воодушевляет Тимофея к перенесению страданий за благовестие примерами как доброго воина, так и ристалищного состязателя, трудящегося земледельца и, наконец, высочайшим примером Самого Господа Иисуса Христа, Который прежде, чем войти в славу Свою через воскресение, много потерпел и даже умер на кресте. «Переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа», то есть будь готов на всякие труды и скорби в деле благовестия о Христе (ст. 3). «Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику» (ст. 4) – этими словами не требуется от пастыря полного отречения от всяких забот земной жизни, ибо сам апостол говорит, что пастырю надлежит, между прочим, «хорошо править своим домом», следовательно, он может заботиться о нуждах своего семейства, даже так, что «кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией?» (1Тим 3:4–5). Канонические правила воспрещают только пастырю принимать на себя такие должности и занятия мирские, которые отвлекали бы его от достойного служения Церкви. «Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет

подвизаться» – здесь апостол проводит сравнение между подвигом пастырствования и состязанием на ристалище. Как ведущий состязание на ристалище лишь тогда получает награду (увенчивается), когда ведёт состязание в полном согласии со всеми предписанными правилами, так и пастырь лишь тогда получает награду от Бога за свои труды, когда будет трудиться с соблюдением всех правил, предписываемых Словом Божиим для доброго пастырствования. «И состязание на играх, – говорит блж. Феодорит, – имеет некоторые законы, по которым атлетам надлежит состязаться. А кто не по этим законам ведёт борьбу, тот не получает венцов». «Так и пастырю надлежит пастырствовать не как попало, но со строгою осмотрительностью и разумным ведением дела, надлежит сообразовать свои действия и с местом, и с лицом, и с течением дел внешних и внутренних, житейско-гражданских и духовно-благодатных» (еп. Феофан). «Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов» (ст. 6). Это – третий пример. Пастырь напоминает собой не только воина и стязающегося на ристалище, но и земледельца, который трудится, желая получить плоды от обрабатываемой им земли. Так и пастырю естественно ожидать плодов от своего ревностного пастырского делания. «Увидишь такие плоды, – говорит еп. Феофан, – и вкусишь от них утешение и обрадование духовное, кои напитают душу твою слаще мёда и сота». Мысль об этих плодах и должна воодушевлять пастыря к достодолжному прохождению им своего пастырского служения, как воодушевляется подобною же мыслью и земледелец. Далее апостол внушает Тимофею вникать в глубокий смысл приведённых им примеров и воодушевляет его мыслью о Воскресении Христовом и о своих собственных страданиях за благовествование о Христе (2:7–10). Такой же путь страданий неизбежно предлежит и каждому доброму пастырю, но окончится он соцарствованием Христу; добрый пастырь должен воодушевлять себя мыслью, что будет разделять со Христом Его славу (2:11–13). Со лжеучителями св. апостол советует не вступать в словопрения, ибо они «нимало не служат к пользе, а к расстройству слушающих». Вместо этого пастырь должен

давать всем добрый пример своею жизнью (2:14–16). Среди обличаемых им лжеучителей св. Павел вспоминает «Именея и Филита, которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было». Это, несомненно, родоначальники гностицизма, отвергавшего воскресение тел и понимавшего воскресение в духовном смысле: они учили, что душа, исходя из тьмы неведения и лжи и вступая в свет истины, оставляя порок, воскресает к новой жизни (2:17–18). Предупреждая смущение от еретиков, св. Павел говорит, что они не могут поколебать своими лжеучениями Церковь: «Твёрдое основание Божие стоит, имея печать сию: «познал Господь своих»; и «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» (2:19); на Церкви как на здании Божиим есть надпись или печать, состоящая из двух частей. Первая часть её: «познал Господь Своих» – это значит, что истинно принадлежащие Богу ведомы Ему и не могут быть подвигнуты в веру, ибо благодать Божия настолько перестроила весь их внутренний мир, что они, крепко утвердившись в истине, стали избранниками Божиими и не боятся никаких еретических смущений и козней. Вторая половина надписи, сияющей на избранниках Божиих: «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» – это значит, что такие избранники Божии не только устами исповедуют свою принадлежность Богу, но и делами всей своей жизни. Иными словами, здесь указываются две стороны истинно христианской жизни: вера и жизнь по вере, или благочестие. «В большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почётном, а другие в низком употреблении» (2:20) – смысл этого изречения тот, что как в большом доме есть разные сосуды, неодинаковой ценности и достоинства, так и в Церкви Христовой есть разные члены: совершенные и несовершенные. Далее апостол и увещевает Тимофея стараться быть «сосудом почётным», бегая «юношеских похотей», под которыми понимаются не только блудные похоти, но и вообще всякие неразумные юношеские порывы, и держаться «правды, веры, любви, мира, уклоняясь» от глупых и невежественных состязаний и внушая не ссориться, но с кротостью наставлять противников веры (2:21–26).

В третьей главе св. апостол предрекает страшное усиление зла и нечестия на земле. «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, горды, надменны» (3:1–5). Хотя эти слова относятся к последним временам существования мира и человечества, но, как мы уже видели, под «последними временами» можно разумеать весь период времени, начавшийся с приходом Христа Спасителя в мир и совершения Им дела искупления человечества. Поэтому ближайшим образом эти слова апостола относятся всё к тем же лжеучителям, о которых говорил он и в прошлой, второй главе. Характерная черта их та, что они будут иметь лишь внешний вид благочестия, то есть будут притворщиками-лицемерами (ст. 5). «К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих в грехах, водимых различными похотями» (ст. 6) – из истории сект давно известно, что сектантские вожди для более успешного распространения своих лжеучений старались приобретать сочувствие себе, прежде всего, в кругу ведущих рассеянный светский образ жизни женщин. Эти женщины при своей умственной незрелости и по привычке жить более сердцем и фантазией гораздо легче поддавались обольщению лжеучителей и, служа в то же время к удовлетворению страстей своих обольстителей, сами весьма легко и скоро делались орудиями обольщения для других. Блж. Иероним пишет по этому поводу: «Симон Волхв основал свою секту с помощью бесстыдной Елены, Николай Антиохийский, человек любострастный, водил за собой толпу женщин, Монтан деньгами привлёк к себе Приску и Максимиллу и обольстил их. Арий совратил сначала сестру императора, а потом уже начал совращать и прочий мир православный, Донат находил поддержку в деньгах Луциллы и проч.» (Биб. Алл. Т. VIII. С. 199). «Всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (ст. 7) – это тоже говорится о тех же женщинах: учатся они лишь из женского любопытства, ища во всём лишь «нового», чего-то модного. «Их неспособность познать истину, – говорит блж. Феофилакт, – не есть естественный недостаток, а есть следствие неправого направления их произволения». «Якоже Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии (то

есть лжеучители) противятся истине» (ст. 8) – Ианний и Иамврий – это имена египетских волхвов, противившихся Моисею, известные св. Павлу, как видно, из иудейских преданий, ибо в книгах Священного Писания о них не говорится. В настоящее время имена эти мы находим в Хартуме Ионафана (на Исх. 7:11 и 20:22) и в Талмудических книгах, например в книге Зогар. Ефес также славился волхвами, почему это сравнение вполне приличествовало положению вещей. Этим сравнением св. Павел предупреждал Тимофея, какое ждёт его противоборство со стороны лжеучителей и с какой решительностью должен он бороться с ними. В следующем, 9 стихе слышится ободрение для Тимофея: и эти волхвы «не много преуспеют»: «развеется навеянный ими туман, и исчезнут призраки» (еп. Феофан) (ст. 9). Далее апостол похваляет Тимофея за то, что он последовал во всём его проповеднической деятельности, полной лишений и скорбей, и утешает его мыслью, что «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (ст. 10–12) – «человеку, который борется со злом, невозможно не испытать скорбей» (еп. Феофан). «Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле» (ст. 13) – «нисколько не смущайся, – говорит св. Златоуст, – если они благоденствуют, а тебя постигают искушения», ибо они только кажутся преуспевающими, а на самом деле лишь «прельщают» других и сами «прельщаются». Это состояние губительного самообмана. Им помогает сам враг человеческого рода». «А ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен» (ст. 14) – научился Тимофей от апостола Павла, но, конечно, не свой личный авторитет выставляет здесь св. апостол, а ту благодать Святого Духа, которая явно руководила им в его апостольских трудах, вразумляла и наставляла его. «Ты из детства знаешь Священные Писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса» (ст. 15) – второе побуждение для Тимофея твёрдо хранить принятое им учение, знание им с детства, благодаря его матери и бабке, иудеянкам, ветхозаветных писаний, которые подготавливали человечество к приходу Мессии в пророчествах и прообразах. Апостол и указывает затем на великое значение

Священного Писания для каждого, а тем более духовного руководителя верующими, пастыря Церкви: «Всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (ст. 16–17) – Священное Писание научает нас как догматам веры, так и добрым правилам жизни, обличая ложь и исправляя худые нравы. Отсюда ясна вся важность изучения Священного Писания, особенно для пастыря, ибо пастырская деятельность в том и состоит, к чему «полезно есть», по апостолу, Богодухновенное Писание: в научении людей истине и добру, в обличении их заблуждений и пороков, в исправлении их на пути праведности. Если столь полезно и важно было Священное Писание Ветхого Завета, которое, конечно, имеет в виду здесь св. апостол Павел, то тем более необходимо и важно Священное Писание Нового Завета, которое во всей полноте раскрывает нам волю Божию и служит ключом для надлежащего понимания и ветхозаветного откровения.

В первых восьми стихах четвёртой главы св. апостол Павел излагает заключительные пастырские наставления св. Тимофею, а затем говорит о своих личных делах, видимо, и послуживших поводом к написанию всего послания. Здесь св. апостол Павел с силой закликает своего ученика Тимофея, напоминая ему суд Божий, не быть небрежным в исполнении своих пастырских обязанностей, и внушает ему: «во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием» (ст. 1–2). В этих словах перечисляются все роды пастырской деятельности в соответствии с нравственным настроением пасомых. «Настой» – это значит: стой всегда на том, чтобы проповедовать, – проповедуй непрестанно, говори неутомимо. Не так, чтобы поговорить однажды, и довольно, но всегда говори и учи (блж. Феофилакт). Что значит: «во время и не во время»? – Это значит: «не назначай определённого времени, пусть будет тебе всегда время для этого, а не только – во время мира, спокойствия или пребывания в церкви; хотя бы ты был в опасности, хотя бы в темнице, хотя бы в узах, хотя бы готовился

идти на смерть, и в это время обличай и не переставай вразумлять» (св. Златоуст). Смысл выражения «не во время», конечно, тот, что пастырь должен быть «безвременным», то есть не выбирать и не дожидаться удобного времени только по отношению к себе, а не к пасомым. Например, было бы странно спящего и утомлённого работой пасомого будить для наставительной беседы с ним, но если самого пастыря, отдыхающего, позовут для исправления его пастырских обязанностей, он не должен медлить и отговариваться. Странно было бы пастырю навязываться со своими речами там, где его совсем не расположены слушать и даже не хотят принимать, но когда его зовут, или когда он сам видит, что слово его может быть необходимо или полезно, он должен пренебречь своими личными неудобствами и идти проповедовать туда, куда зовёт его пастырский долг. Почему нужно спешить и стараться использовать каждый благоприятный случай для проповеди? – Потому что «будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим похотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (ст. 3–4). «Не может быть ничего выразительнее этого слова «эписоревсуси» – «изберут»: оно означает беспорядочную толпу учителей, которые притом будут избираемы и утверждаемы в своём чине учениками» (св. Златоуст). «А эти при сем выборе будут действовать не по здравому разуму, но будут избирать таких, которые станут поблажать их похотям, и только удобное им и говорить и делать» (блж. Феофилакт). «Льстили бы слуху» указывает и на красноречие этих учителей, но более на лесть, на принаравливание ко вкусам слушающих. Истина для таких людей станет горька, и они обратятся к «басням», то есть ко всяким мечтательным учениям, которые занимают воображение привлекательными фантазиями, оставляют в покое совесть, не пробуждая её и не тревожа требованием исправления неисправного в воззрениях и жизни» (еп. Феофан). Таково, например, нынешнее увлечение теософией, оккультизмом и всевозможными философскими и сектантскими лжеучениями, отвечающими вкусам современного человека, тяготящегося

аскетическими требованиями истинного христианства. «Будь бдителен во всём, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение своё» (ст. 5) – выражением: «будь бдителен» определяется общий внутренний характер деятельности или настроение доброго пастыря. «Быть бдительным» значит внимать всему, острозорко смотреть за всем и во все стороны, не угрожает ли откуда опасность пасомым, и сообразно с этим направлять свою пастырскую деятельность. «Переноси скорби» – этим определяется общий внешний характер пастырской деятельности. Этим словом «означается не собственно страдание и гонение за веру, а отрицается всякий покой» – «поднимай всякий болезненный труд, не жалея и не щадя себя, коль скоро сего требует благо пасомых» (еп. Феофан). Рассеянная и роскошная жизнь, искание увеселений и приятных развлечений не к лицу истинному пастырю, ибо всё это будет идти вразрез с наставлением «переноси скорби». «Совершай дело благовестника» – этим определяется важнейшее дело пастыря Церкви, которое должно стоять во главе всех прочих его дел. Пастырь не есть только механический отправитель богослужения и треб, а прежде всего – ревностный проповедник благой вести о нашем спасении. «Служение твоё известно сотвори», то есть: удовлетворительно исполни, совершай его не кое-как, вяло и теплохладно, а от души, со всею ревностью. Заканчивает свои пастырские наставления св. апостол Павел предречением своей близкой мученической смерти. Этим он как бы хочет сказать: «усердно ве́ди дело благовестника, ибо мне уже конец приспел. Некому после меня усерднее побдеть над этим делом, кроме тебя, любимейшего моего ученика» (еп. Феофан). Как бы в завещание св. Тимофею, св. апостол оставляет ему пример своей собственной жизни и ревностной апостольской деятельности. Св. Златоуст говорит по поводу этого места (ст. 6–8): «часто я, взяв в руки послание апостола и рассматривая это место, недоумевал, для чего Павел так превозносит себя: «подвигом добрым я подвизался». Но теперь, кажется, по благодати Божией, я понял это. – Для чего он говорит так? Он желает утешить скорбящего ученика, заповедуя

ему быть бодрым, потому что он отходит к венцу, как сотворивший всё, как достигший благого конца; радоваться, говорит, должно, а не скорбеть».

С 9 стиха начинается послесловие, в котором св. апостол просит св. Тимофея «постараться» скоро прийти к нему, ещё «до зимы», даёт ему поручения и посылает приветствия, заканчивая послание обычным апостольским благословением. Здесь, в 16–17 стихах, апостол говорит о первом разбирательстве его дела на суде, которое благоприятно окончилось для апостола, хотя и все его, конечно из страха, оставили: «и я избавился от львиных челюстей» – здесь под «львом» св. Златоуст и блж. Феодорит понимают жестокого Нерона, хотя некоторые думают, что апостолу первоначально угрожала опасность быть отданным на съедение львам, как это часто делали тогда с христианами, осуждая их на смерть через растерзание дикими зверями.

Послание святого апостола Павла к Титу

Сведения о святом Тите

Исторические сведения о лице св. Тита весьма скудны. Книга Деяний о нём совсем ничего не говорит. Знаем мы о нём лишь по посланиям св. апостола Павла и из преданий. Первое упоминание о нём мы находим в послании к Галатам (2:3), где говорится, что он сопровождал св. апостола Павла на апостольский собор, бывший в Иерусалиме. Оттуда мы узнаём, что он был по происхождению эллин, язычник, а предание добавляет, что он был родом с острова Крита, происходя из тамошнего царского рода, был любителем мудрости и ревнителем благочестия не по-язычески и девственник не по-язычески (Посл. св. Игнатия к Филадельф.). По преданию, Тит был послан своим дядей, анфипатом Критским, в Иерусалим во время земной жизни Господа, беседовал там с Господом и св. апостолами и видел дивные знамения (см. Ин. 12:20–22), был свидетелем крестной смерти Господа, удостоверился в истине Его Воскресения и находился в числе критян, слышавших, как св. апостолы в день Пятидесятницы, по сошествии на них Святого Духа, говорили по-критски. Всё это он возвестил, возвратившись в Крит, своим соотечественникам. Оттуда, будучи уже верующим, он отправился в Антиохию и сделался преданнейшим учеником и спутником св. апостола Павла. Какие крепкие узы взаимной любви связывали великого апостола с Титом, видно из того, что он говорит о нём во втором послании к Коринфянам 8:23: «это мой товарищ и сотрудник». Вероятно, Тит сопровождал св. апостола во время его второго путешествия, когда обращены были галаты, ибо в послании к Галатам св. апостол говорит о Тите как о лице, им известном (Гал. 2:1–3). Тит находился при св. апостоле Павле и во время его третьего путешествия, ибо св. Павел посылал его из Ефеса в Коринф с важным поручением – узнать о впечатлении, какое произвело на коринфян его первое послание, и устроить дела Коринфской церкви (2Кор. 2:12–13; 7:13–15). Когда же, вследствие полученных от Тита известий, апостол написал второе послание к Коринфянам, то с этим посланием он

отправил опять Тита же, поручив ему собрать милостыню в пользу бедствующих, церковей палестинских (2Кор., 8:6, 16–17). При этом св. апостол рекомендовал Тита коринфянам как надёжнейшего и вернейшего человека (2Кор. 8:20–23). Далее из послания св. апостола Павла к Титу мы видим, что Тит сопровождал св. апостола Павла после освобождения его от первых уз, во время четвёртого его путешествия и был оставлен им на острове Крите, чтобы недоконченное довершить и поставить по всем городам пресвитеров (Тит. 1:5). Но затем, как видно из Тит. 3:12, Тит снова был вызван апостолом и разделял с ним дальнейшие труды четвёртого благовестнического путешествия от Никополя Киликийского в Македонию, Ахаию, Испанию и Рим, где апостол оказался во вторых узах, закончившихся мученической смертью. Во всяком случае, из 2Тим. 4:9–10 ясно видно, что Тит находился при апостоле в Риме и был послан им оттуда в Далматию с каким-то поручением. Из предания известно, что Тит епископствовал затем на Крите до глубокой старости, просветив весь остров св. Христовою верою, и скончался 94 лет от роду, будучи девственником до смерти, подобно своему учителю, в 110 году по Р. Х. Память его празднуется 25 августа.

О критских христианах, основание церкви Критской

Послание к Титу, конечно, имеет в виду и критских христиан, для которых он был поставлен епископом. Остров Крит, или Кандия, по своей обширности и плодородию названный «царицей островов» Средиземного моря, в древности отличался многолюдством и славился своими торговыми сношениями и образцовым законодательством. С упадком греческих республик и Крит начал приходить в упадок. В 69 году до Р. Х. римский консул Метелл сделал его римской провинцией. Оживлённые торговые сношения привлекли на Крит множество людей низкого нравственного уровня, жаждавших наживы. В результате явилась нравственная порча, которая проявлялась в разврате и в склонности к обману, так что у греков «говорить по-критски» сделалось синонимом слову «лгать». Ещё древний поэт Эпименид, уроженец Крита, отметил это свойство своих соплеменников, а св. апостол Павел утвердил истину его слов в своём послании к Титу (1:12–13). Среди жителей Крита было много и иудеев, которых привлекла сюда торговля.

Когда появилось на Крите христианство, в точности нам не известно. Из книги Деяний (2:11) мы знаем, что среди свидетелей чуда Пятидесятницы были и критяне, слышавшие вдохновенную проповедь апостолов на своём родном языке. Без сомнения, они и были первыми благовестниками христианства у себя на родине. Возможно, что главным проповедником христианства на Крите был св. Тит. Но прочное устройство Церкви Христовой на Крите принадлежит, как это ясно видно из послания к Титу, св. апостолу Павлу, трудившемуся здесь, по-видимому, во время своего четвёртого благовестнического путешествия, по освобождении из первых уз. Им были основаны церкви по всем городам, но он не успел поставить всюду пресвитеров, и поручил сделать это Титу (1:5). В числе сотрудников и помощников Тита на Крите были некий Зина законник и известный своею учёностью и красноречием Аполлос (Тит. 3:13).

Время и место написания послания к Титу

Св. Иоанн Златоуст говорит: «Мне кажется, что апостол писал это послание во время между первым и вторым своим заключением. Это послание, кажется мне, предшествует второму посланию к Тимофею. Ибо то писал он при конце жизни, находясь в узах (последних), а это в такое время, когда был отпущен и свободен от уз». Освобождён от первых уз св. апостол Павел был около 64 года, когда и отправился в четвёртое своё путешествие, посетив Крит. Когда затем отправился он в Малую Азию навестить церкви, за которые болел душой во время первых римских уз, то скоро почувствовал нужду в содействии своего сотрудника Тита и вызвал его к себе в Никополь, где предполагал провести зиму (Тит. 3:12). Таким образом, можно предположить, что послание к Титу написано в 64 году из какого-либо малоазиатского города. Св. Афанасий и блж. Иероним полагают, что этот город и был именно Никополь Киликийский.

Повод к написанию послания к Титу и цель его

Христианское общество на Крите было весьма разнородным по своему составу. Эта рознь, нравственная порча, вошедшая в поговорку лживость, лень и корыстолюбие, а также и обычные всюду для иудеев заблуждения, которыми они волновали христианское общество, – всё это составляло большие трудности для пастырского попечения. Кроме того, Тит сам был критянин, и деятельности его надлежало придать особый авторитет. Послание и было для него необходимым письменным руководством в дополнение к устным наставлениям, которые дал ему св. апостол Павел. Получив письменные наставления апостола, св. Тит мог смелее и решительнее действовать, ссылаясь на авторитет апостольского послания.

Содержание и разделение послания к Титу

Послание к Титу содержит в себе всего три главы. В послании ясно различаются:

- 1) Предисловие с надписанием и приветствием (1:1–5);
- 2) Наставления касательно избрания пастырей Церкви (1:6–16);
- 3) Наставления об учительной деятельности пастыря (гл. 2, 3:11);
- 4) Послесловие, содержащее распоряжения апостола, приветствия и благословение (3:12–15).

Экзегетический разбор послания к Титу

Послание к Титу начинается обычным надписанием, которое в этом послании особенно торжественно и значительно более обширно, чем в других посланиях. По своей распространённости и мыслям оно напоминает надписания посланий к Римлянам и Галатам. Этим св. апостол желал особенно подчеркнуть важность предмета послания. Тита с похвалой называет апостол «истинному сыну по общей вере», то есть подлинным, истинным чадом своим, как хранившим неизменно ту святую веру, которой он был научен св. Павлом.

Заканчивается предисловие заявлением, что апостол для того оставил Тита в Крите, дабы он «довершал недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров».

Далее в первой главе, имея в виду, что на Крите есть много непокорных, пустословов и обманщиков, св. апостол советует Титу быть особенно осторожным при выборе кандидатов священства и перечисляет, какими качествами должны они отличаться. «Если кто непорочен, муж одной жены, детей имея верных, не укоряемых в распутстве или непокорности» (ст. 6) – под «непорочностью» здесь понимается безукоризненное и незазорное поведение; «муж одной жены» значит: не двоеженец. Об этом требовании так рассуждает св. Златоуст: «Для чего апостол представляет такого человека? – Он заграждает уста еретикам, осуждавшим брак, показывая, что это дело нисколько не предосудительно, но так честно, что при нём можно восходить даже на священный престол; вместе с тем он укоряет людей невоздержанных, не позволяя после второго брака принимать эту власть... Вы знаете, что, хотя законами и не запрещено вступать во второй брак, однако это дело подвергается многим нареканиям. А апостол желает, чтобы начальствующий не подавал подчинённым никакого повода к нареканиям». «Детей имеет верных» (то есть верующих христиан, а не язычников или безбожников), не укоряемых в распутстве или непокорности – дети избираемого в священство должны быть свободными от укора в недобром поведении. Св.

Златоуст говорит: «Ибо кто не мог научить своих детей, тот как может быть учителем других?» Блж. Иероним указывает, что пороки детей могут стеснять и пресекать успех учительства отцов. «Ибо, с какою свободою можем мы, – говорит он, – обличать чужих сынов и научать их правым путям, когда обличаемый может возразить нам: прежде своих научи». Далее апостол перечисляет отрицательные качества, которых не должно быть у епископа (под «епископами» здесь можно понимать и собственно епископов, и пресвитеров, поскольку в апостольские времена разграничение этих терминов не было строго установлено). «Епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец» (ст. 7) – «строитель Божий» значит то же, что «эконом», «приставник», или домоправитель. Здесь св. апостол Павел, по предположению блж. Иеронима, имел в виду притчу Господа о верном домоправителе (Лк. 12:42 и далее). «Не дерзок» – епископ не должен быть своевольным, ставя выше всего свой личный произвол и свои личные эгоистические интересы. «Не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца» – всё это не свойственно доброму пастырю и домоправителю, как осуждает такие черты и притча (Лк. 12:45). «Некорыстолюбив» – здесь запрещается не только нечестность, но и всякое желание обогащения, которое неприлично в слуге Христовой Церкви, долженствующем подражать апостолам, не искавшим никаких прибытков, но довольствовавшимся необходимым – пищей и одеждою (1Тим. 6:8). Затем перечисляются положительные качества, которые требуются от кандидатов священства. «Страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан» (ст. 8) – страннолюбие особенно высоко ценилось в те времена гонений на веру; «любящим добро» называет апостол кроткого, тихого, никого не смущающего, во всём мерного, не завистливого» (блж. Феофилакт); «целомудрен», то есть чистому от плотских грехов, которые возможны и при супружеской жизни; для состоящего в супружестве требуется верность супруге и умеренность в пользовании супружеским ложем; для безбрачных совершеннейшая чистота не только тела, но и помыслов;

«справедлив», то есть нелицеприятен в отношении к людям; «благочестив», то есть благоговейный перед святыней, имеющий страх Божий; «воздержан» не только от похоти плотской и от объятий жены, но и от всех душевных страстей: не воспламеняться гневом, не впадать в печаль, не поражаться страхом и не увлекаться неумеренно радостью» (блж. Иероним). Затем апостол указывает, каков должен быть священнослужитель по учительству. Подобаает ему быть «державшимся истинного слова», то есть неповреждённого учения христианского, «согласно с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать» (ст. 9) – достойный пастырь должен не только отлично знать все догматы христианской веры, но и «держаться» их, то есть быть приверженным к ним, дорожить ими, как жизнью своею, и других наставлять, уча не только знать все основные истины Христовой веры, но и любить и чтить их. Никакого колебания ума не должно быть в пастыре: он не только сам должен знать всё учение христианской веры, но уметь и другим ясно и понятно изложить его со всей убедительностью и быть в состоянии отражать врагов христианской веры, ограждая от них свою паству. Достоинно примечания, что апостол, перечисляя положительные качества кандидатов священства, учительство поставил в конце. Это потому, что учительство в священнослужителе венчает собой все прочие добрые качества, составляя его отличительную черту. Св. Златоуст по этому поводу говорит: «прочие качества можно находить и в подчинённых, как-то: непорочность, воспитание детей в послушании, страннолюбие, справедливость, благочестие, но епископа и пресвитера особенно отличает то, чтоб он оглашал народ учением». Далее апостол объясняет, почему надо быть осмотрительным Титу при выборе кандидатов священства, и приводит характеристику критян словами стихотворца Эпименида, жившего за 658 лет до Рождества Христова на острове Крите: «Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые». «Пророком» назвал апостол Эпименида, применяясь к тогдашним понятиям: язычники называли так своих поэтов, считая их слова как бы откровением свыше (ст. 10–13). «Не

внимая иудейским басням» – как объясняет блж. Феодорит, «апостол иудейскими баснями назвал не закон, но предлагаемое иудеями толкование закона». Под этими «баснями» можно разумеать и долго державшееся у христиан из иудеев мнение о безусловной необходимости исполнять все обрядовые требования Моисеева закона об обрезании, о субботе, о родах пищи позволенных и запрещённых. Имея в виду это последнее, апостол дальше говорит: «для чистых всё чисто; а для осквернённых и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть» (ст. 14–15) – ещё Христос Спаситель говорил, что «не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что исходит из уст» (Мф. 15:11); эту же мысль повторяет здесь апостол, утверждая, что нет ничего, что было бы нечисто само по себе, но нечистые ум и совесть все делают нечистым, а поэтому надо заботиться лишь о том, как бы чем не оскорбить душу. 16 стих относится, несомненно, к иудеям, хвалившимся, что «знают Бога», но не исполнившим в жизни своей закона Божия.

Со второй главы начинаются наставления, как и чему должен учить пастырь верующих. Апостол говорит здесь, что старцев нужно учить быть степенными и здравыми в вере, стариц, чтобы они одевались прилично и удерживались от клеветы и пьянства и наставляли молодых любить мужей, детей и быть целомудренными, юношей – быть целомудренными, чтобы посрамить этим противников христианства. Особенно же просит апостол увещевать рабов повиноваться своим господам и жить во всём согласно с учением Христовым. Между наставлениями апостол вставляет напоминание, чтобы учащий сам во всём подавал пример (ст. 1–10). Перечислив всё это, апостол внушает, что вся цель домостроительства, совершённого воплотившимся Сыном Божиим, в том и состоит, чтобы ввести новое доброе начало в жизнь и деятельность человека. «Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке» (ст. 11–12) – под этой «благодатью» можно понимать всю совокупность благодатных даров, которая

дарована нам в силу искупительных заслуг Христовых. Цель явления благодати – научить нас, отвергнув нечестия, жить благочестиво. Этими словами сильно обличается лжеучение протестантизма об оправдании одною верою, без добрых дел, как якобы не нужных для спасения. Здесь св. апостол ярко выражает мысль, что вся цель Божественного домостроительства – в перестройке заново жизни и деятельности людей, а не только в даровании одной лишь успокоительной надежды на спасение, ради веры в искупительные заслуги Господа; «ожидаю блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа» (ст. 13) – явление славы великого Бога нашего Иисуса Христа есть второе Его пришествие. Явление благодати научило людей ждать явления славы. Оба явления так связаны между собой, что для кого наступило первое, тот видит духом и последнее. Вот почему первые христиане жили напряжённым ожиданием второго пришествия Христова, и вот почему в нынешние времена оскудения веры померкло в сознании современных христиан это ожидание, а некоторые пытаются даже толковать второе пришествие Христово как-то аллегорически, отвергая совсем его реальность. Вышеприведённые слова апостола представляют собой ещё ту чрезвычайную важность, что они ярко свидетельствуют о Божественном достоинстве Господа нашего Иисуса Христа: Христос здесь прямо называется великим Богом – «Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам» (ст. 14) – эти слова с ещё большей силой выражают предыдущую мысль апостола о необходимости добрых дел для спасения через веру в Господа Иисуса Христа. Цель искупительного подвига Христова здесь указывается в том, чтобы сделать нас «ревнителями добрых дел», а посему и «избранными людьми» Божиими, как бы неким духовным уделом Божиим, каким был израильский народ в Ветхом Завете. Отсюда ясно, что одна вера во Христа спасти нас не может. Апостол внушает Титу неустанно об этом проповедовать «со властью», дабы никто не пренебрегал им за беспечность в

слове, если беззаконники, никем не обличаемые, станут открыто перед всеми бесчинствовать (ст. 15).

В третьей главе, продолжая те же наставления, св. апостол внушает св. Титу напоминать критянам добросовестно исполнять свои гражданские обязанности, повинаясь властям, и быть готовыми «на всякое доброе дело» (ст. 1–2). Сознывая, что добродетельная жизнь трудно давалась людям до пришествия Христова, апостол воодушевляет вновь критских христиан мыслью о великом деле домостроительства Божия: «Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего» (ст. 3–6) – здесь отнюдь нельзя видеть отрицание значения добрых дел для спасения, как думают видеть это протестанты и сектанты, а совсем наоборот: указывается на то, что для христиан неизвинительно оставаться в прежнем греховном состоянии после того, как Господь совершил их обновление Духом Святым. Имея достаточные для того благодатные средства, христиане и призываются к новой, святой жизни. Бог устроил дело спасения нашего через Иисуса Христа без нашего участия, без каких-либо добрых дел или заслуг с нашей стороны, но усвоить это спасение себе мы можем не иначе, как через личный труд, личный подвиг доброделания, при помощи дарованной нам благодати Божией. Под «банею возрождения» здесь разумеется таинство крещения, в котором человек как бы заново рождается, а под «обновлением Духа Святого» – второе таинство низведения Святого Духа, которое совершалось в апостольские времена через возложение рук, а ныне – через миропомазание. «Чтобы, оправдавшись Его благодатию, мы по упованию соделались наследниками вечной жизни» (ст. 7) – это значит: сделавшись праведными при помощи благодати Божией, наследуем жизнь вечную, а не то, что благодать нас оправдывает сама, автоматически, без наших личных усилий, как криво толкуют это место сектанты. Иначе не призывал бы св. апостол Павел так настойчиво к исправлению жизни, как он

говорит дальше: «слово это верно; и я желаю, чтобы ты подтверждал о сем, дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам: это хорошо и полезно человекам» (ст. 8) – и здесь опять настойчивое увещание к доброделанию в обличение протестантов. Споров и распрей апостол увещевает удаляться и еретика по первом и втором наказании отрицаться, если он своим упорным противлением истине показывает, что вконец развратился (ст. 9–11). Послание заключается распоряжениями апостола, приветствиями и благословением.

Послание святого апостола Павла к Филимону

Сведения о святом Филимоне

«Возлюбленный» апостолу Павлу (Флм. гл. 1) Филимон был богатым и знатным гражданином города Колосс. По выражению св. апостола Павла, он «самим собой был ему должен» (ст. 19), то есть был им обращён к вере Христовой в Колоссах или в Ефесе во время долговременного пребывания там апостола Павла, ибо Колоссы с Ефесом были в постоянных сношениях, торговых и административных. Уверовав, Филимон являл в своём лице и во всей семье образец веры и жизни по вере. Ближайшей помощницей во всех подвигах христианской жизни была Филимону Апфия – по мнению св. Златоуста, его жена, которую письменно приветствует св. апостол Павел как сестру возлюбленную, а также Архипп, как полагают, сын их, которого апостол почтил названием «сподвижника своего». «Дом их, по словам св. Златоуста, был пристанищем для всех святых, и св. Павел свидетельствует, что им «успокоены сердца святых» (ст. 7). На том основании, что дом Филимона св. апостол называет домашней церковью, полагают, что там действительно была церковь, в которой совершали богослужения Филимон и Архипп как лица, облечённые в священный сан. Вероятно, Филимон помогал в управлении Колосскою церковью Епафрасу, епископу Колосскому, и в его отсутствие заменял его. По преданию, Филимон был позднее сам епископом в Колоссах (Пост. Апост. 7:49) и принял мученическую смерть вместе с Апфией и Архиппом от возмущившейся языческой черни. Память их празднуется 19 февраля и 22 ноября. По другому преданию, св. Архипп был епископом в Колоссах, а св. Филимон – в Газе.

Повод к написанию послания к Филимону

Послание своё к Филимону св. апостол Павел написал по поводу раба его Онисима, который, провинившись чем-то (ст. 11 и 18), из страха наказания бежал от своего господина и добрался до Рима, где находился в узах св. апостол Павел. Так как во время первых своих уз в Риме св. апостол имел возможность проповедовать невозбранно (Деян. 28:31), он в числе других обратил к вере во Христа и Онисима. Св. апостол так полюбил Онисима, что хотел его даже удержать при себе, но потом рассудил за лучшее вернуть его Филимону, прося, чтобы последний принял его, «как моё сердце» (ст. 12). Все это послание направлено к тому, чтобы совершенно примирить господина с его рабом и чтобы Филимон принял бежавшего Онисима уже «не как раба, а как брата возлюбленного» (ст. 16).

Время и место написания послания к Филимону

Послание к Филимону, как видно из послания к Колоссянам (4:7–9), написано и послано одновременно с этим последним и, следовательно, в 61 или 62 году. Из самого послания к Филимону видно (ст. 1,10 и 23), что св. апостол Павел в это время находился в узах. А так как он надеялся на скорое освобождение и даже просил Филимона приготовить ему помещение, надеясь прийти в Колоссы (ст. 22), то ясно, что это были первые узы апостола в Риме, где и написано это послание.

Экзегетический разбор послания к Филимону

Послание к Филимону содержит в себе всего одну главу, состоящую из 25 стихов (по счёту в русском переводе – 24 стиха). Начинается послание вступлением из первых 9 стихов, в котором св. апостол Павел после обычного приветствия от себя и Тимофея и после пожелания благодати и мира Филимону, Апфии и Архиппу выражает свою радость по поводу благочестия Филимона и говорит, что хотя мог бы смело ему приказывать, по любви предпочитает лучше его просить. Эта просьба излагается в 10–12 стихах. Апостол просит тут Филимона принять Онисима, которого он «родил» в узах и который некогда был негоден для него, как его сердце. В 13–21 стихах апостол приводит ходатайственные доводы в пользу Онисима:

а) Онисим настолько изменился к лучшему, что апостол хотел даже оставить его у себя для помощи и услужения, но воздержался от этого, чтобы доброе дело Филимона было добровольным, а не вынужденным (ст. 13–14).

б) В разлучении Онисима с Филимоном апостол усматривает Промысл Божий, ибо последствием бегства Онисима была его встреча с апостолом в Риме и обращение ко Христу. Онисим как будто для того отлучился на время, чтобы господин принял его потом навсегда, но уже не как раба, а как «брата возлюбленного» (ст. 15–16).

в) Апостол настолько полюбил обращённого им Онисима, что если Филимон дорожит общением с апостолом Павлом, то должен принять Онисима, как бы самого Павла (ст. 17).

г) Если Онисим причинил Филимону какой-либо материальный ущерб, то апостол обещает возместить это, говоря притом, что Филимон «самим собой должен ему», имея в виду, что от погибельного пути язычества Филимон обращён св. апостолом Павлом. Отсюда делают вывод, что Онисим обворовал своего господина и бежал от него с украденным добром. «Если бы апостол просто попросил простить Онисима, не предлагая уплаты, то неблаговолящие к Евангелию могли бы говорить вот он Евангелие и веру обращает в средство к

достижению житейских целей. Обратил Филимона к вере и теперь требует, чтобы тот принял обокравшего его раба без востребования украденного. Чтоб не говорили так и не клали укора на нашу веру и Евангелие, я и не говорю тебе, пишет апостол, что так как ты сам собой мне должен, потому прости даром провинившегося раба, напротив, обещаю уплатить тебе весь ущерб, причинённый бежавшим, и прошу, как милости, принять его в твоё доброе расположение». Почему же всё-таки апостол пишет «самим собой мне должен» – это объясняет св. Златоуст: «Слова: я уплачу, вот тебе расписка, – могли породить в душе Филимона неприятную мысль, что апостол не доверяет ему, не верит, что он способен к такой добродетели – бескорыстно простить Онисима. В отклонение такого помышления апостол говорит как бы ему: не подумай, что я не уверен в тебе. Разве я не знаю, как чувствуешь ты, что должен мне и самим собой? Стоит мне сказать тебе слово, и ты всё сделаешь» (еп. Феофан) (ст. 18–19).

д) В качестве единственной награды для себя св. апостол просит «успокоить его сердце в Господе» за Онисима, выражая надежду, что Филимон сделал бы и гораздо большее. «Этим внушает он Филимону: если ты любишь меня, щадишь и радеешь о покое сердца моего, прими его и успокой тем моё сердце, ибо без этого оно не может быть покойно. Если не хочешь сделать это ради меня, сделай то ради Христа: окажи милость Господу, а не мне» (еп. Феофан). Словами «зная, что ты сделаешь и более, нежели говорю» апостол препобедил в Филимоне всякое сопротивление (ст. 20–21).

Послание к Филимону ярко свидетельствует о том, что Церковь Христова, освобождая человека от греха, не производит вместе с тем насильственной ломки в установившихся взаимоотношениях людей, не покушается на гражданский и государственный порядок, терпеливо ожидая улучшения общественного порядка под влиянием христианских идей. Не только из этого послания, но и из других, ранее разобранных нами видно, что Церковь, не могшая, конечно, сочувствовать рабству, вместе с тем не упраздняла его, а даже предписывала рабам повиновение своим господам. Поэтому и

тут обращение Онисима в христианство, сделав его свободным от греха и сыном Царствия Божия, не освободило его, однако, как раба, от власти господина. Онисим должен вернуться к Филимону, несмотря даже на то, что апостол полюбил его, как сына, и нуждался в его услугах, будучи в узах в Риме. Уважение апостола к гражданским правам сказывается также в том, что он мог приказать Филимону простить Онисима, но, признавая за Филимоном право господина, он просит его о прощении провинившегося и покаявшегося раба. Слова апостола: «Без твоего согласия я ничего не хотел сделать» ясно указывают, что христианство ведёт человечество к личному совершенству и улучшению общественного правопорядка действительно на началах братства, равенства и свободы, но не путём насильственных действий и переворотов, а путём мирного убеждения и нравственного воздействия.

Заканчивается послание послесловием, в котором св. апостол Павел просит Филимона приготовить ему помещение, так как надеется на скорое своё освобождение, передачей приветствий от союзника Павлова Епафраса, который добровольно разделял с ним скорби его заключения, а также от сотрудников его в деле евангельской проповеди Марка, Аристарха, Димаса и Луки, и обычным благословением. Слова 19 стиха свидетельствуют, что всё послание было написано рукою самого апостола Павла. По преданию, Филимон дал Онисиму свободу от рабства и отослал его обратно к св. Павлу. Впоследствии он был епископом Бери и Македонской и мучеником в Риме при императоре Траяне. Память его празднуется 15 февраля.

Послание святого апостола Павла к Евреям

О писателе послания к Евреям

Последнее место в ряду посланий св. апостола Павла занимает послание к Евреям. Причиной такого положения его является не позднейшее происхождение и не меньшее его достоинство, а сомнения, существовавшие некоторое время, в том, что писателем этого послания действительно был апостол Павел. Сомнения эти вызывались тем, что в начале послания нет обычного для апостола Павла надписания с указанием его имени, нет обращения и приветствия с наименованием церкви, которой это послание предназначалось. Находили иногда, что и слог послания отличен от слога прочих Павловых посланий. Кроме того, многие древние свидетельства, как, например, свв. Климента Римского, св. Игнатия, Поликарпа, Иустина Мученика, Иринейя Лионского , говорят только о глубокой древности послания и его апостольском происхождении, но не называют имени его писателя. Ориген приводит мнения, приписывавшие это послание то св. Клименту Римскому, то св. евангелисту Луке, то св. Варнаве, то Аполлосу Александрийцу, но вместе с тем решительно заключает: «Если Церковь наша принимает послание к Евреям за Павлово, то пусть в этой уверенности и остаётся всякий, потому что древние не без причины передали нам это послание как произведение апостола Павла» (У Евсевия Церк. Ист. VI, 25). Восточные церкви всегда были согласны с мнением Оригена, и только ариане считали послание к Евреям за подложное. На Западе, наоборот, долгое время сомневались в подлинности этого послания, и лишь под влиянием блж. Августина на Иппонийском соборе 393 года оно было присоединено к прочим 13 посланиям св. апостола Павла. Со времени Лютера отрицательная критика вновь пыталась воскресить сомнения в принадлежности этого послания св. апостолу Павлу.

Самый важный довод сомневающихся состоит в том, что св. апостол Павел не указывает в начале послания, как это обычно для него, своего имени. Но весьма основательное объяснение этому давал ещё начальник знаменитой

Александрийской школы Пантен (191 год). Послание обращено к евреям, которые всегда подозрительно относились к св. апостолу Павлу и по отношению к которым сам Павел, как призванный быть апостолом необрезанных, не считал себя апостолом (Гал. 1:16; 2:7; Рим. 11:13), прилагая это имя в собственном смысле одному Господу Иисусу Христу (Евр. 3:1 ср. Мф. 15:24). Павел мог опасаться, что евреи не станут читать его послания, узнав из первых слов, кем оно написано. Доводы о различиях в слоге малоосновательны; тем же лицам, кому это послание приписывалось иногда по многим соображениям, оно не могло принадлежать.

Между тем при ближайшем исследовании нельзя не признать, что всё послание к Евреям проникнуто духом св. апостола Павла: то же учение о превосходстве Нового Завета перед Ветхим, те же мысли, те же образы, даже характерные выражения. Целый ряд выражений замечательно совпадает с выражениями, встречающимися в других посланиях св. апостола Павла (ср., например, Евр. 10:1 и Кол. 2:17; Евр. 7:18–19 и Рим. 8:3; Евр. 9:15 и 2Кор. 3:6; Евр. 1:3 и Кол. 1:15 и Флп. 2:6 и мн. др.). В 10:34 и 13:19 писатель упоминает о своих узах, в 13:23 Тимофея называет братом, в 13:24 посылает приветствия от братьев Италийских, в 13:19 просит молитв о своём освобождении. В конце послания (13:25) преподает обычное для апостола Павла благословение: «благодать со всеми вами», которое св. апостол Павел в 2Сол. 3:17–18 сам предлагает рассматривать как знак подлинности его посланий.

Необходимо помнить также, что, несмотря на некоторые сомнения относительно писателя, самое послание всегда признавалось Церковью каноническим, богодухновенным. Учение об этом высказано в 85 апостольском правиле, в 60 правиле Лаодикийского собора и в учении Отцов первых веков христианства, цитировавших это послание как несомненно богодухновенное и высокоавторитетное. В сирском переводе Пешито второго века послание к Евреям поименовано в числе прочих посланий св. апостола Павла. Павловым признавали его и св. Афанасий Великий, свв. Кирилл Иерусалимский, Епифаний Кипрский, Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий

Нисский, св. Иоанн Златоуст и блж. Феодорит. Важно свидетельство св. апостола Петра, писавшего евреям рассеяния, что о том же писал им и возлюбленный брат Павел (2Пет. 3:15).

Лица, к которым написано послание к Евреям

В самом послании не обозначено, к кому оно написано. Но самое содержание его ясно указывает, что оно писано к евреям. Об этом свидетельствует и всеобщее предание. Является вопрос: к каким именно евреям обращено послание – уверовавшим или ещё чуждым веры, евреям палестинским или евреям рассеяния? Судя по первым главам, можно подумать, что послание это обращено ко всем вообще евреям, но с пятой главы начинают встречаться указания, что речь апостола обращена к евреям, уже уверовавшим во Христа, которые давно уже веруют (5:12), много послужили и служат святым, то есть нуждающимся христианам (6:10) и много пострадали за веру (10:32–34). Особенно же это видно из послесловия (13:18 и далее). Большинство как древних, так и новых толковников склоняются к мысли, что послание это обращено не ко всем вообще уверовавшим во Христа евреям, но к евреям, жившим в определённой местности, и именно – к евреям иерусалимским и палестинским. Подтверждение этому можно найти в том, что св. апостол Павел выражает надежду скоро увидеть тех, кому он пишет послание (13:23), а также в том, что св. Павел хвалит их за то, что они «расхищение имени своего приняли с радостью» (10:34). Это расхищение имений явилось результатом фанатизма евреев палестинских, не уверовавших во Христа. Подробные обстоятельные речи апостола о храме и иудейском Богослужении с явным намерением ослабить в читателях слепую привязанность к ветхозаветной обрядности также говорит в пользу того, что послание обращено к иерусалимским евреям, в которых, вследствие близости к ветхозаветному храму, обаяние всей пышности ветхозаветной обрядности было особенно сильным.

Повод к написанию послания к Евреям, цель и язык его

Поводом к написанию послания к Евреям послужили отпадения уверовавших евреев опять в иудейство и удаление их от общения с христианами в их молитвенных собраниях (10:25). Это было следствием чрезвычайной трудности для христиан из иудеев отрешиться вполне от мысли о важности и необходимости всего ветхозаветного обрядового закона и от ложной мечты видеть пришествие Мессии в качестве земного иерусалимского царя. В то время как христиане из иудеев, жившие вне Палестины, постепенно всё более и более сливались с христианами из язычников, теряя свои узконациональные черты и ложные мечты о Мессии, христиане палестинские поддавались всё возрастающему общеиудейскому национализму, который вылился, наконец, в губительное для иудеев восстание против римского владычества, закончившееся разрушением Иерусалима и храма. Небезуспешной была и деятельность иудействующих, внушающих необходимость для спасения всего обрядового Моисеева закона. После убийства при первосвященнике Анане св. Иакова, брата Господня, фанатичное иудейство в Палестине объявило особенно ожесточённую войну против христианства в Иудее: начались такие яростные гонения, которые заставили многих нетвёрдых духом поколебаться в вере, вследствие чего они начали оставлять свои христианские собрания и предпочитать иудейские (10:25). Узнав обо всём этом, св. апостол Павел и написал своё послание с целью обстоятельно показать всё великое преимущество Нового Завета перед Ветхим, который был только «тенью будущих благ» (10:1), воодушевить палестинских христиан к терпению скорбей и гонений за веру, приводя примеры ветхозаветных праведников (главы 11 и 12), и указать на страшные последствия отпадения от христианской веры (10:28–31). Хотя св. Павел был апостолом языков, а не евреев, пламенная любовь его к Господу, а вместе с тем и к своему народу (Рим. 9:3) побудила его написать это послание,

чтобы предостеречь своих соотечественников от гибельного пути, которым они увлекались.

Что касается языка, на котором было написано послание к Евреям, то хотя некоторые западные отцы считают, что оно первоначально было написано на еврейском языке и лишь потом было переведено на греческий будто бы св. Лукою или св. Климентом Римским (мысль, которую особенно поддерживают римо-католики), тем не менее, еврейский текст послания не дошёл до нас, а дошёл лишь греческий. Едва ли существовал еврейский текст, ибо в нынешнем греческом тексте все места из Ветхого Завета приводятся всегда по переводу 70-ти, а не по еврейскому тексту. Надо помнить, что для св. Павла греческий язык был его природным языком, поскольку он родился в Тарсе Киликийском, славившемся своей греческой образованностью.

Время и место написания послания к Евреям

Из послания видно, что оно написано до разрушения Иерусалима, ибо св. апостол говорит в нём о храме иерусалимском и о совершающемся в нём богослужении как о существующем. Если бы храм был разрушен, св. апостол не преминул бы сказать об этом. Место написания послания ясно из слов апостола: «приветствуют вас Италийские» (13:24). Следовательно, св. апостол находился в Италии и, как естественно предположить, в Риме, откуда написаны им и другие послания. В Риме св. Павел был дважды, и оба раза в узах. И в послании к Евреям он упоминает о своих узах, но притом как о бывших: «ибо вы и моим узам сострадали» (10:34). В 13:19 апостол выражает надежду, что скоро увидится с теми, кому пишет, а в 13:23 прямо говорит: «Знайте, что брат ваш Тимофей освобождён, и я вместе с ним, если он скоро придёт, увижу вас». Из этих слов явствует, что послание написано тотчас же по освобождении св. апостола Павла от первых уз или незадолго до освобождения, то есть в 63 или 64 году по Р. Х.

Содержание и разделение послания к Евреям

Послание св. апостола Павла к Евреям содержит в себе тринадцать глав. Послание это, в отличие от других Павловых посланий, не имеет никакого вступления или предисловия, а прямо начинается с изложения догматической части. Подобно прочим Павловым посланиям, в нём две части:

- 1) Часть догматическая (гл. 1–10:18);
- 2) Часть нравоучительная (10:19 по 13:17);
- 3) Послесловие (13:18–25).

Экзегетический разбор послания к Евреям

Первая глава вся посвящена выяснению превосходства Господа Иисуса Христа как Ходатая Нового Завета перед Ангелами, это как бы вступительная часть к мыслям св. апостола о превосходстве Нового Завета перед Ветхим. Ветхозаветный Закон дан людям через Ангелов и через Моисея, а Новозаветный Закон дан Иисусом Христом. Поэтому св. апостол и ставит себе целью на основании самого Священного Писания Ветхого Завета доказать евреям, что Христос выше Ангелов (гл. 1 и 2) и выше Моисея (гл. 3 и 4).

Начинается послание словами: «Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последний дни сии говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, чрез Которого и веки сотворил» (1:1–2) – смысл этого изречения таков: «поелику дело идёт о вере, истинной же вере может научить только Бог, то с этого и начинает свою речь апостол. И древле вере учил Бог, и ныне Он же научает ей. Но тогда учил Он через пророков, а теперь учит через Сына Своего» (еп. Феофан). Отсюда естественный вывод, что новое слово Божие не может не быть согласно с древним. Многократность и многообразие пророческих откровений тем самым указывает на неполноту их, в полноте же и во всём совершенстве истинное учение веры открыто через Сына Божия, Которого Бог Отец «поставил наследником всего», то есть предал Ему всё, сделал Его Господом всех, не только по Божеству, что Он имел и раньше, но и по человечеству, как сказал Сам Господь Иисус Христос по Воскресении апостолам: «дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28:18). «Всё отдано в руки Господа Спасителя для осуществления цели воплощённого домостроительства, чтобы все силы небесные и земные направлять к сему одному и вокруг Себя собрать всех спасаемых» (еп. Феофан). «Чрез которого и веки сотворил» – здесь говорится о вечности Сына Божия. «Сими словами указал апостол на Божество Сына Божия, – говорит блж. Феодорит, –

ибо творить только Богу свойственно, и вечность – тоже Божеское свойство».

«Сей, будучи сиянием славы и образ ипостаси Его и держа всё словом силы Своей, совершив Собою очищение грехов наших, воссел одесную величия на высоте» (1:3) – это чрезвычайной важности догматическое учение о том, что Сын Божий есть совершеннейшее и полное отображение существа и личности Бога Отца, то есть Он равен и единосущен Богу Отцу. Подобно Отцу, Он не только Творец, но и Промыслитель мира, ибо «всё держит словом силы Своей; Он и Первосвященник, принёсший Самого Себя в жертву за грехи людей. Но Он же воссел «одесную величия на высоте», вознеся тем взятое Им на Себя человеческое естество превыше всякой твари и обожив его. В следующих затем стихах первой главы св. апостол Павел приводит целый ряд ссылок на Ветхий Завет, главным образом изречения из псалмов, которые ясно показывают превосходство Сына Божия, даровавшего нам Новый Завет, перед Ангелами. В этих изречениях Мессии усвоятся следующие имена:

- 1) Имя Сына Божия по существу (ст. 5–6);
- 2) Имя Бога, царственный престол Коего вечен (ст. 7–8);
- 3) Имя Помазанника Божия, помазанного паче всех человеческих причастников Своих, то есть царей, священников и пророков (ст. 9);
- 4) Имя изначально существующего и неизменяющегося Творца неба и земли. Который будет существовать вечно (ст. 10–12);
- 5) Имя Седящего одесную Бога, к ногам Которого падут все враги Его (ст. 13).

Таково Божественное достоинство Основателя Нового Завета. Между тем Ангелы – всего лишь только «служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (ст. 14). Служение Ангелов подобно служению сил природы, каковы ветры и пламенеющий огонь (ст. 7). Сыну же Божию и по человечеству принадлежит теперь Божеская власть над всей вселенной, и Ангелы Божии Ему поклоняются. Это мы видели в момент Рождества Христова, когда Ангелы воспели: «слава в вышних Богу», после победы

Иисуса над дьяволом-искусителем, когда они приступили и служили Ему (Мк. 1:13), когда встретили Его в восклицании и во гласе трубном как Победителя смерти и ада при Его Вознесении на небо; поклонятся они Ему и тогда, когда будут сопровождать Его как Царя неба и земли на последний Страшный Суд (ст. 6).

Вторая глава продолжает ту же мысль о превосходстве Сына Божия перед Ангелами, а вследствие того и превосходстве Нового Завета перед Ветхим. Апостол говорит, что если через Ангелов преподанный людям ветхозаветный закон должен был строго соблюдаться, и нарушение его наказывалось, то тем более подвергнется наказанию тот, кто станет пренебрегать новозаветным законом, который проповедан был Господом (ст. 1–4). И в книге Деяний тоже говорится, что ветхозаветный закон принят был «устроением ангельским» (Деян. 7:53; ср. Гал. 3:19). В Священном Писании Ветхого Завета мы не находим указания, чтобы Закон Божий израильскому народу был преподан через Ангелов. Св. Златоуст полагает, что Ангелы присутствовали, когда Бог вручал Моисею на Синайской горе каменные скрижали с десятью заповедями, и сии-то Ангелы, которым вверен был избранный народ Божий, производили на горе Синай трубные звуки, огонь и мрак. Они же принимали участие во всём, сказанном и сделанном в Ветхом Завете. Видимо, память об этом участии Ангелов хранилась в иудейском предании. «Не Ангелом Бог покорил будущую вселенную, о которой говорил» (ст. 5) – здесь под «грядущей вселенной» надо понимать новооткрывшееся царство Мессии, или «будущую жизнь», как толкует блж. Феодорит. В следующих, 6–9 стихах св. апостол Павел слова псалмопевца о естественных преимуществах человека, поставленного во главе подчинённых ему земных тварей, относит к Богочеловеку Иисусу, Который в Своём Лице восставил падшее человеческое естество и вознёс человека на ту высоту, для которой он и был первоначально сотворён Богом. Этот 8 псалом вообще есть пророческий, ибо из него Сам Господь привёл изречение о хвале из уст младенцев и грудных детей при Своём торжественном входе во Иерусалим (Пс. 8:3 в Мф. 21:16). «За претерпение смерти увенчан славою и честью

Иисус, Который не много был унижен пред Ангелами, дабы Ему, ко благодати Божией, вкусить смерть за всех» (ст. 9) – здесь под «умалением» надо понимать крестные страдания и смерть Иисуса (ср. [Ис. 53:3](#)). Это было лишь временное унижение – «не много», которое потом привело к славе и самое человеческое естество Господа, превознесённое выше всякой твари. Сам апостол толкует это унижение в том смысле, что любовь Божия к людям определила Ему «вкусить смерти за всех». В 10 стихе св. апостол устраняет соблазн смерти Иисус Христовой: «Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого всё и от Которого всё, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания». Это значит, что Начальник нашего спасения Христос должен был пройти тем именно путём страданий, которым должны были идти согрешившие люди сами, без Спасителя, если бы только могли дойти сами до своей славы, ради которой они созданы Богом. «Ибо освящающий и освящаемые, все – от Единого; поэтому Он не стыдится называть их братьями» (ст. 11). Смысл здесь тот, что спасение людей через Исккупителя Христа стало возможным только вследствие того, что Христос принял нашу человеческую природу на Себя. Эту мысль о единстве природы Господа Иисуса Христа и искупленных Им людей или о братстве их по человечеству св. апостол Павел подкрепляет ссылками на слова псалмопевца ([Пс. 21:23](#)) и пророка Исаии (8:17–18), дабы сделать её для евреев более убедительной. – «Как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть дьявола, и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (2:14–15) – «детьми» называются здесь все спасаемые, то есть все смертные люди. Смысл этого изречения тот, что Христос для поражения дьявола, подчинившего людей смерти, и для уничтожения страха перед смертью Сам, подобно нам, принял на Себя «плоть и кровь», то есть смертную человеческую природу. Словами «и Он также» обличается ложь еретиков-докетов, будто Господь Иисус Христос имел только призрачную человеческую природу. «Не Ангелов восприимлет Он, но

восприемлет семя Авраамово» (2:16) – то есть: не ангельскую природу принял на Себя Сын Божий, а человеческую, подобную той, какую имели потомки Авраама. Здесь связь с предыдущими рассуждениями св. апостола о превосходстве Иисуса Христа перед Ангелами. Умаление Господа требовалось самым существом дела: Он пришёл на землю спасать не Ангелов, а людей, а потому принял на Себя не ангельскую природу, а низшую – человеческую. Но эта человеческая природа по Вознесению Господа была превознесена перед Ангелами, ибо приобщилась славы Божества и воссела одесную Бога Отца. Став по Своей природе подобным нам, немощным людям, Христос сделался нашим Первосвященником, испытавшим на Себе Самом немощи естества человеческого, а потому вполне сострадая немощам нашим, Он наилучшим образом смог исполнить великое дело искупления человечества (2:17–18). Так как в стихах этих (2:11–18) говорится о воплощении Сына Божия, а также и об искупительной смерти Христовой, то они читаются в некоторые Богородичные праздники (на Благовещение и на Собор Пресвятой Богородицы) и в Великий Пяток на 6 часе.

В третьей главе св. апостол говорит о превосходстве Господа Иисуса Христа перед вождём еврейского народа Моисеем. Господь Иисус Христос выше Моисея, прежде всего потому, что Он есть Устроитель дома, а Моисей – только верный служитель в этом доме. Под этим «домом» разумеется ветхозаветная Церковь (3:1–6). Далее апостол вспоминает о том, как часто роптали евреи на Бога во время своего сорокалетнего странствования по пустыне и как Господь вознегодовал на род их и клялся в гневе Своём, что они не войдут в покой Его, то есть в обетованную землю (3:7–11). Все это апостол говорит словами 94 псалма (ст. 7–11). Пользуясь этим историческим отрицательным примером, св. апостол выводит из него предостережение христианам, чтобы они боялись подобного ожесточения сердец и не подверглись бы гневу Божию, как некогда евреи в пустыне, чтобы не лишиться обещанного покоя, под которым в Новом Завете разумеется высший духовный покой, для которого земля Ханаанская в

Ветхом Завете служила лишь отдалённым прообразом. Для новозаветного Израиля должны быть примером те стойкие и крепкие духом мужи времён Моисея, которые во всё сорокалетнее странствование не потеряли веры и удержались от ропота, каковы были, например, Иисус Навин и Халев (ст. 16).

В четвёртой главе говорится об этом высшем духовном покое, который наследуют христиане, не поколебавшиеся в своей вере и в своём уповании. Хотя древние евреи, несмотря на обетование, не вошли в землю покоя по своему неверию и за свой ропот против Бога, другие верующие, именно – христиане в Новом Завете, воспользуются этим обетованием Божиим о вхождении в покой, потому что Бог назначил в Новом Завете другое «субботство», то есть другой день покоя, когда новый народ Божий, то есть христиане, войдут в покой Его. Апостол увещевает христиан стараться войти в этот духовный покой, а для этого избегать непокорности Богу (4:1–11). Своё предостережение апостол основывает на том, что угроза послушникам и ропотливцам исходит из уст Божиих, а «слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные. И нет твари, сокроенной от Него, но всё обнажено и открыто перед очами Его: Ему дадим отчёт» (4:12–13). Смысл этого изречения тот, что Слово Божие живо и действенно, то есть не остаётся без исполнения: даёт то, что обещает, и производит то, чем угрожает. Грозная и карающая сила Слова Божия, избличающая самые тайные помышления, сравнивается с обоюдоострым мечом, насквозь пронзающим преступника. Важным здесь является встречающееся и в других местах у апостола Павла (1Сол. 5:23) указание на трёхсоставность человеческого естества – дух, душу и тело.

Начиная с 14 стиха четвертой главы идёт речь о Господе Иисусе Христе как о великом Первосвященнике и раскрывается Его превосходство перед ветхозаветным первосвященником. В последних стихах этой главы (ст. 14–16) намечается тема, или главный предмет догматико-нравственного рассуждения о

первосвященстве Христовом. «Имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твёрдо держаться исповедания нашего. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно нам, искушён во всём, кроме греха». В этих словах заключается целый ряд чрезвычайно важных мыслей. Во-первых, Иисус Христос – Великий Архиерей, единственный и превознесённый над всеми другими архиереями; во-вторых, Он прошедший небеса, то есть явившийся перед лицом Самого Бога, в то время как ветхозаветные архиереи могли лишь однажды в год входить только во Свята Святых, бывшее лишь местом явления славы Божией; в-третьих, Иисус Христос есть Сын Божий, в то время как другие архиереи были лишь обыкновенными смертными людьми; в-четвёртых, Иисус Христос есть Великий Архиерей, несмотря на все Своё недостижимое величие могущий спострадать немощам нашим, искушённый во всём, подобно нам, кроме греха. А потому, заключает апостол, «да приступаем с дерзновением к престолу благодати», на котором восседает столь превознесённый, но в то же время столь нам доступный и способный сострадать нам, великий Первосвященник.

В пятой главе св. апостол проводит сравнение между ветхозаветным священством по чину Ааронову и первосвященством Христовым «по чину Мелхиседека». Основными чертами всякого первосвященника, избравшегося из человеков в Ветхом Завете, было то, что он «для человеков поставлялся на служение Богу, чтобы «приносить дары и жертвы за грехи» людей, как сам «обложенный немощью», он должен был не только за народ, но и за себя приносить жертвы о грехах, честь первосвященническую он должен был воспринимать не сам от себя, но непременно от Бога, как и Аарон (5:1–4). В основном все эти черты мы находим и в Иисусе Христе как в истинном Первосвященнике. Своё первосвященническое призвание Христос получил непосредственно от Самого Бога, что апостол доказывает убедительными для евреев словами псалмопевца: «Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя» (Пс. 2:7), а также: «Ты Священник

вовек по чину Мелхиседека» (Пс. 109:4). А то, что Христос был, подобно нам, причастен немощам человеческим, на это указывают слова: «Он, во дни плоти своей, с сильным воплем и со слезами принёс молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти» (5:7). Здесь имеется в виду гефсиманская молитва Христова об избавлении Его от предстоящей Ему чаши страданий. «И услышан был за Своё благоговение» – услышан не в смысле Своего избавления от смерти, ибо на сию смерть и пришёл Он Сам добровольно, а в том смысле, что Ему послан был от Отца Небесного Ангел, укрепивший Его на подвиг страданий (Лк. 22:43). «Хотя Он и Сын, однако, страданиями навыв послушанию» – этими словами указывается на жречество Христово: крестные страдания Христовы за людей явились той великой и умиловительной за них жертвой, прообразом которой служили многочисленные и многократные жертвы первосвященников в Ветхом Завете. «И, совершившись, сделался для всех послушных Ему виновником спасения вечного» (5:9) – достигши через крестные страдания высшего совершенства (конечно, по Своему человечеству), Христос стал причиной вечного спасения всех послушных Ему людей, как всемогущий Ходатай за них перед престолом Отца Небесного.

Так соединились в лице Господа Иисуса Христа три характернейшие черты первосвященничества: Божественное призвание, сострадательность к людям по причастности к их естеству и жреческое посредничество за них перед Богом (5:5–10). В заключение св. апостол Павел с укоризной евреям замечает, что они, упорствующие в своих закоренелых иудейских заблуждениях, неспособны понять и принять изложенное им важное учение о первосвященничестве Христовом. Судя по времени избрания евреев Богом, они могли быть учителями, но вместо того они оказываются подобными младенцам, которым нужна ещё молочная пища, то есть их приходится учить лишь самым начаткам христианского учения (5:11–14).

Хотя св. апостол Павел и назвал евреев младенцами по вере, неспособными принимать твёрдой пищи, он сделал это лишь в укоризненном смысле, считая, что они все же будут в

состоянии понять и совершеннейшее учение христианское. При помощи Божией (ст. 3) он надеется преодолеть главное препятствие к этому – узконациональные предрассудки евреев – и с шестой главы начинает раскрывать возвышенное учение о Господе Иисусе Христе как о Первосвященнике по чину Мелхиседекову (вплоть до 8:6). Здесь апостол, прежде всего, говорит о тяжести греха отпадения от веры после принятия св. крещения и о невозможности обновления через вторичное принятие этого неповторимого таинства: «невозможно – однажды просвещённых, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему» (6:4–6). В этих словах ясно видно указание св. апостола на самый страшный грех, который назван Самим Господом хулою на Духа Святого (Мф. 12:31). Это – грех ожесточённой нераскаянности, упорного противления Богу, которым грешит дьявол и с ним все остальные духи зла, а также и уподобляющиеся им в своей ожесточённой злобе против Бога люди, каковы, например, были книжники и фарисеи, которые как бы видя не видели и слыша не слышали чудес Христовых и Его дивного возвышенного учения и довели Его до распятия, продолжая даже и над Распятием ругаться. В вышеприведённых словах указываются черты, имеющие в виду людей, высоко поднявшихся по лестнице духовного совершенства. Для таких падение бывает особенно тяжким и обращение безнадёжным. Апостол сравнивает их с испорченной почвой, пившей многократно сходявший на неё дождь и всё-таки производящей лишь одни терния и волчцы. Такая земля «негодна и близка к проклятию, которого конец – сожжение» (6:7–8). Апостол выражает, однако, надежду, что евреи, к которым он пишет, находятся в лучшем состоянии, и приглашает их терпеливо трудиться над делом спасения, подобно Аврааму, который «долго терпел, получил обетования», данные ему Богом с клятвою (6:9–12). «Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их» – эти слова важны потому, что опровергают утверждения лжеучителей (каковы,

например, квакеры, Лев Толстой и др.), будто Слово Божие решительно запрещает употребление клятвы. Дальше апостол говорит, что Сам Бог употребил клятву, клявшись Аврааму Самим Собой (ст. 13–20). Точно так же клялся для уверения людей Сам Бог Отец о вечном первосвященстве Своего Сына, как говорит об этом псалмопевец: «клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека» (Пс. 109:4).

Вся седьмая глава посвящена раскрытию учения о Господе Иисусе Христе как о Первосвященнике по чину Мелхиседекову. Первые три стиха должны служить объяснением, почему Христос называется «Первосвященником по чину Мелхиседекову». В 14:18–20 книги Бытия рассказывается, как по возвращении Авраама после победы над Ханаанскими царями его встретил с хлебом и вином Мелхиседек, царь Салимский, который в то же время был и священником Бога Вышнего, и благословил Авраама именем Бога Вышнего, а Авраам дал ему десятину из своей добычи. Больше никаких сведений о лице Мелхиседека в священных книгах мы не находим. Но имя его и таинственность, с которой он появился и снова исчез в истории Авраама, сделали его лицом важным, как бы сверхъестественным. Вот почему псалмопевец, изображая в 109 псалме (ст. 4) Мессию как вечного священника, назвал Его священником по чину Мелхиседекову. Св. апостол Павел в первых трёх стихах 7 главы указывает черты сходства между Мелхиседеком и Господом Иисусом Христом и представляет первого как бы прообразом Сына Божия («уподобляясь Сыну Божию» – ст. 3). Эти черты следующие: самое имя Мелхиседек, которое значит: «царь правды», то, что он был царь Салима, что значит: «царь мира», то, что он был священником Бога Вышнего, то, что, вышедши навстречу Аврааму, он благословил его, и, наконец, то, что Авраам дал ему десятину из лучших добыч своих. Апостол указывает и ещё на некоторые необычайные качества Мелхиседека, не упоминаемые в книге Бытия, а именно: на неизвестность и таинственность его происхождения: «без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, «уподобляясь Сыну

Божью». Важно то, что Мелхиседек первым в Священном Писании называется «священником», и притом священником Бога Вышнего, и является как бы получившим священство от Самого Бога – «Пребывает священником навсегда» – конечно, не в своём лице, а в лице своего Первообраза – Иисуса Христа. Превосходство священства Мелхиседекова перед священством, происходившим от потомка Авраамова Левия, св. апостол Павел и показывает дальше в следующих стихах, начиная с 4-го. Прежде всего, он выставляет на вид «десятину», которую поднёс Авраам Мелхиседеку из лучших добыч своих. Десятина давалась старейшим. Авраам же был свободный и независимый владелец громадных богатств, притом только что одержавший победу над пятью Ханаанскими царями и получивший великие обетования от Бога. Если велик был родоначальник народа Божия Авраам, то, сколько же велик тогда Мелхиседек, которому Авраам смиренно поднёс десятую часть лучших своих добыч, как бы подчинённый ему данник (ст. 4). В 5–6 стихах св. апостол указывает ещё на одну черту, превозносящую Мелхиседека над Авраамом. Это то, что он не имел никакого племенного родства с Авраамом, и, следовательно, последний не мог считать себя обязанным уделять ему десятину от своих имуществ, как уделяли евреи своим священникам из колена Левиина. И, наконец, ещё одна примечательная черта: «имущего обетования», то есть Авраама, благословил (Мелхиседек). Без всякого же прекословия меньший благословляется большим» (7:6–7) – Авраам сам имел великие обетования от Бога и был родоначальником избранного народа Божия и вместе с тем и последующего левитского священства, а между тем Мелхиседек благословил его. Отсюда естественный вывод, что Мелхиседек был выше Авраама с происшедшим от него левитским священством. В 8–10 стихах св. апостол Павел делает естественное заключение, что в лице Авраама сам Левий и всё его потомство – ветхозаветное священство – признало себя подчинённым Мелхиседеку как священнику с непреходящим, вечным достоинством. Из всего вышесказанного апостол делает вывод о превосходящих особенностях священства Мелхиседекова, осуществившихся в

лице Иисуса Христа, и раскрывает превосходство священства Христова по чину Мелхиседекову перед несовершенным левитским священством. В 11–12 стихах он высказывает общее соображение, что самое предвозвещение нового священства по чину Мелхиседекову при прежнем левитском священстве по чину Ааронову уже предуказано, что последнее, как несовершенное, будет некогда заменено первым, как более совершенным, а потому и самый закон ветхозаветный, как связанный с Аароновым священством, будет изменён. Далее апостол раскрывает, как осуществилась эта замена одного священства другим:

1) Господь Иисус Христос воссиял не из священнического колена (Левиина), а Иудина, как и Мелхиседек был чужд рода Авраамова (ст. 13–15);

2) Господь Иисус Христос священник «не по закону заповеди плотской», то есть священство Его не наследственно, как было это в Левиинном колене, и Он – «Священник вовек по чину Мелхиседекову» (ст. 16–17);

3) обнаружилась немощность ветхозаветного закона, ибо он не довёл людей до совершенства, а потому установлен Богом с клятвой «лучший» Новый Завет, поручитель которого сделался Иисус, положивший начало и лучшему новому священству (ст. 18–22).

В заключение этой главы св. апостол указывает преимущество нового Христова священства:

1) Христово священство единолично и несменяемо (ст. 23–25);

2) возглавляет новозаветное священство Первосвященник святой и безгрешный, каков Христос, принёсший Самого Себя в жертву за грехи людей (ст. 26–28).

В главе восьмой продолжается та же мысль, и в первых двух стихах указывается третье преимущество Христа как Первосвященника – то, что Он служение Своё отправляет не на земле, как ветхозаветные первосвященники, а на небе, непосредственно перед престолом Божиим, ибо Он Сам воссел «одесную престола величия на небесах». Эти стихи (7:26–28 и 8:1–2) составляют апостольское чтение в дни памяти

святителей на литургии, потому что каждый святитель Церкви Христовой тем велик, что он уподобляется Великому Архиерею – Господу Иисусу Христу в Его святости и непорочности. Далее св. апостол говорит о преимуществах первосвященнического служения Христова на небе: Христос тоже приносит там жертвы. Это – непрестанное ходатайство за нас перед Отцом Своим Небесным как следствие той великой жертвы, которую Он однажды раз и навсегда принёс за нас на кресте (ст. 3). На земле Его не признали бы священником по формальным причинам; кроме того, большая разница в самом существе священства левитского и священства Христова, ибо ветхозаветные священники совершали служение, которое имело только символическое и прообразовательное значение, – все же эти символы и прообразы как раз и осуществились во Христе, Который установил Новый Завет, предсказанный ещё в пророчестве Иеремии (31:31–34). Слова пророка Иеремии об установлении Нового Завета св. апостол Павел и приводит полностью в 8–12 стихах, после чего делает своё заключение: «Говоря «новый» (пророк), показал ветхость первого; а ветшающее и стареющее близко к уничтожению» (ст. 13).

Девятая глава вся посвящена сравнению двух заветов – Ветхого и Нового – и указанию на несравненное превосходство Нового. Рассматривая в первых семи стихах устройство скинии, апостол показывает, что самое её устройство и совершавшиеся в ней богослужебные обряды с принесением в жертву животных уже внушают мысль о неудовлетворительности и о временном их значении. При описании скинии апостол обращает главное внимание на недоступность Святого Святых не только для народа, но и для самих священнослужителей, из которых только один первосвященник мог вступать туда, да и то однажды в год, «не без крови, которую приносит за себя и за грехи неведения народа» (ст. 7). Этот отрывок [Евр. 9:1–7](#) читается за Божественной литургией в некоторые Богородичные праздники, как, например. Введение во Храм Пресвятой Богородицы 21 ноября и на Покров 1 октября, так как скиния прообразовала собой Божию Матерь. Устройство скинии показывало, что в Ветхом Завете небо было закрыто для людей и люди были

разобщены с Богом; все ветхозаветные обряды имели лишь временное значение (ст. 8–10). Преимущество Нового Завета в том, что в нём священнодействует в нерукотворенной скинии Христос, Первосвященник будущих благ, уже не с кровью козлов и тельцов, но со Своею Собственною Кровью, Которую Он однажды навсегда приобрёл для нас вечное искупление (ст. 11–14). Великое значение Крестной Жертвы Иисуса Христа в том, что Он, принеся в жертву Богу Свою собственную Кровь, сделался Ходатаем Нового Завета (ст. 15). В 16 стихе св. апостол выясняет необходимость смерти Ходатая Нового Завета в таких словах: «где завещание, там необходимо, чтобы последовала смерть завещателя», и в 17 стихе: «потому что завещание действительно после умерших: оно не имеет силы, когда завещатель жив» – необходимость смерти Христовой апостол выводит из двух обстоятельств, обозначаемых одним греческим словом: «диафики». Это слово значит и завет в смысле союза или обоюдного договора, и завещание в смысле посмертного наказа или распоряжения. Христос должен был умереть, потому что как в древности Ветхий Завет был основан на крови жертвенных животных, так и Новый Завет мог быть основан только на крови Посредника, или Примирителя между Богом и людьми, ибо необходимо было этой кровью уничтожить грех, который вносил это разделение. Вместе с тем Христос должен был умереть для того, чтобы оставить людям завещание – сделать их наследниками уготованного им вечного спасения. В 18–23 стихах апостол объясняет, что кровь тельцов и козлов в Ветхом Завете имела только прообразовательное значение и имела силу только как прообраз искупительной крови Агнца Божия Христа, имевшего пролить её за грехи людей. Громадное преимущество Христа как Первосвященника Нового Завета св. апостол Павел указывает в том, что Он вошёл однажды и раз и навсегда, совершив наше спасение Своею Кровию, не во Свята Святых, как ветхозаветные первосвященники, а в самое небо, чтобы предстать ныне за нас перед лицом Божиим. – «Человекам положено однажды умереть, а потом суд» (ст. 27) – важное изречение, которое опровергает лжеучение о так называемом «перевоплощении

душ». Почему сказано, что Христос принёс Себя в жертву, «чтобы подъять грехи многих», а не «всех»? – «Потому, – отвечает св. Златоуст, – что не все уверовали. Христос умер за всех, дабы спасти всех, сколько от Него зависит, ибо смерть Его сильна была спасти всех от гибели, но Он вознёс грехи не всех, потому что они сами не захотели».

В десятой главе развивается та же мысль о превосходстве Нового Завета перед Ветхим и говорится об отмене ветхозаветных жертв и ветхозаветного священства как ставших ненужными. Апостол говорит, что закон, то есть Ветхий Завет, был только «сенью грядущих благ», а «не самым образом вещей», то есть имел лишь прообразовательное значение (ст. 1). Ветхозаветные жертвы не давали совершенного очищения грехов, ибо тогда не было бы надобности постоянно и многократно приносить их. Они были только ежегодным напоминанием о грехах и, следовательно, о той единой Великой Жертве, которою Христос раз и навсегда очистил грехи людские (ст. 1–4). Далее апостол приводит замечательные ветхозаветные пророчества, и прежде всего слова псалмопевца Давида, которыми великий Потомок его Мессия, входя в мир, выражает готовность отдать Своё Собственное Тело на страдание за людей после того, как Отцу Небесному станут неугодны ветхозаветные всесожжения и жертвы за грех: «жертвы и приношения Ты не восхотел; Ты открыл мне уши; всесожжения и жертвы за грех Ты не потребовал. Тогда я сказал: вот, иду; в свитке книжном написано о мне: я желаю исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце» (Пс. 39:7–9). В еврейском тексте вместо «уготовил мне тело» (как в переводе 70-ти) сказано: «Ты открыл Мне», или собственно: «пронзил Мне уши». Неизвестно, как произошла эта разница, но в обоих чтениях выражается одна и та же мысль о беспрекословном послушании Мессии Христа Небесному Отцу. В древности прокалывались уши тем рабам, которые, получив свободу, выразили желание навсегда остаться в услужении у своего господина: это было символическим знаком всецелой преданности (Исх. 21:5–6). Из этого пророческого изречения св. апостол делает вывод об отмене ветхозаветных жертв, вместо

которых спасением человечеству послужила единая Крестная Жертва Иисуса Христа (ст. 5–10). Ветхозаветные жертвы, многократно приносившиеся священниками, не могли истребить грехов, Христос же, однажды принеся Себя в жертву за грехи, навсегда воссел одесную Бога и «навсегда сделал совершенными освящаемых» (ст. 11–14). Всё это св. апостол подтверждает ссылкой на пророчество св. Иеремии о наступлении Нового Завета с забвением грехов и беззаконий человеческих Богом. «Где прощение грехов, там не нужно приношение за них». Иными словами, с пролитием Крови Христовой Ветхий Завет с его сеновным священством и бессильными жертвами должен прекратиться.

С 19 стиха десятой главы начинается уже вторая – нравственная часть послания св. апостола Павла к Евреям. Основная мысль этой части – убеждение быть твёрдыми в вере. В 19–39 стихах св. апостол увещевает евреев неуклонно держаться христианского исповедания веры, быть исполненными любви друг ко другу и не оставлять христианских собраний, внушая, что если отвергшийся закона Моисеева наказывается смертью, то тем более тяжчайшему наказанию подвергнутся отступники от христианской веры: «страшно впасть в руки Бога Живого». Апостол напоминает евреям первое время после их обращения ко Христу, когда они были исполнены великой ревности, мужественно переносили гонения и даже расхищение имущества своего приняли с радостью, и убеждает их не оставлять христианского упования, а вооружиться терпением, чтобы, исполнивши волю Божию, получить обещанное. Он утешает их обещанием второго Пришествия Христова, когда каждый получит праведное воздаяние, и приводит пророчество Аввакума о том, что «Праведный верою жив будет, а если кто поколеблется, не благоволит к тому душа Моя», как говорит Господь Сам устами этого пророка (Ав. 2:3–4), убеждая стоять в вере – ко спасению души».

Вся одиннадцатая глава посвящена изложению важного учения о вере. Апостол даёт, прежде всего, чрезвычайно ценное в догматическом отношении определение самого понятия веры:

«Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (ст. 1). Смысл этого определения хорошо истолкован блж. Феодоритом, который так их объясняет: «Вера делается для нас оком к созерцанию уповаемого, и не пришедшее ещё в бытие показывает уже состоявшимся. Когда все мёртвые ещё во гробах, вера живописует нам воскресение и научает представлять бессмертие в прахе тел». Такою верою прославились ветхозаветные праведники, воспоминаниям о которых посвящено далее всё содержание этой главы (ст. 2). Прежде чем говорить о вере ветхозаветных праведников, апостол даёт ещё указание на общее значение веры: «верою познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое» (ст. 3) – только вера помогает нам понять, как Бог мог сотворить этот видимый мир из ничего и во времени, ибо для разума нашего легче представить, что материя вечна и из неё всё произошло путём естественных законов развития, чему и учат действительно материалисты, не верующие в Бога и в то, что мир сотворён Богом. Мир сотворён во времени, и самое время – счёт веков начался лишь тогда, когда появилось видимое тварное бытие. Это и выражает апостол словами «веки устроены».

Всё остальное содержание главы говорит о ветхозаветных праведниках, начиная от Авеля, которые жили верою в исполнение тех великих обетовании Божиих, о коих Господь объявил согрешившим людям ещё в раю перед изгнанием их оттуда, то есть верою в обетованного Искупителя мира, страдания Которого должны были прообразоваться установленными в Ветхом Завете жертвами. Сказав об Авеле и Енохе, св. апостол подчеркнул необходимость веры для угождения Богу в следующих важных словах: «без веры угодить Богу невозможно; ибо надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть, и ищущим Его воздаёт» (11:6). Это изречение находится в связи с предыдущими словами о Енохе, который был взят живым на небо за то, что имел истинную веру, вследствие чего «ходил перед Богом» (Быт. 5:22–24), то есть во всей жизни своей руководствовался единственно волею Божьей. «Верою Ной... приготовил ковчег... ею осудил он весь

мир» (11:7). Только вера в Бога и в непреложность Его слов о предстоящем всемирном потопе могла побудить Ноя к постройке ковчега. Своею верою Ной осудил весь мир, то есть доказал, что он достоин наказания, ибо он мог так же, как и Ной, верить и спастись. «Верую Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие» (11:8–9) – высота и чистота веры Авраамовой сказалась в том, что он, пришедши в землю обетованную, жил в ней в шатрах, ожидая исполнения обетования Божия в лучшем и возвышенном смысле – в смысле получения им в обладание отечества небесного (ст. 13–19). «Ожидал города, имеющего основание, которого художник и строитель Бог» (11:10), то есть он ждал отечества небесного, чувствуя себя, как и другие ветхозаветные праведники, странником и пришельцем на земле (ст. 13). «Верую, Авраам, будучи искушаем, принёс в жертву Исаака... и получил его в предзнаменование» (11:17–19) – в предзнаменование того, что Отец Небесный принесёт в жертву за грехи людей Сына Своего Единородного, Который в третий день воскреснет. «Верую Иаков, умирая... поклонился на верх жезла своего» (11:21) – этим поклонением он воздавал поклонение как бы Самому Мессии, долженствовавшему произойти из его рода. «Верую Моисей три месяца скрывается был родителями своими, ибо видели они, что дитя прекрасно, и не уstraшились царского повеления» (11:23) – апостол считает, что не одна родительская любовь внушала родителям Моисея скрывать его, но прежде всего вера, что такое прекрасное дитя предназначается к какому-то великому делу. Об этом так говорит св. Златоуст: «Так праведному даётся великая благодать с самого начала, ещё с пелёнок, и это делает не природа, а Бог. Ибо, смотри, новорождённое дитя оказалось прекрасным, а не безобразным, каковы более или менее все новорождённые дети. Чьё это было дело? Не природы, а благодати Божией, которая подвигла и язычницу-египтянку и воодушевила её так, что она взяла и приняла к себе младенца». «Верую Моисей... лучше захотел страдать с народом Божиим... поношение Христово почёл большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища» (11:24–26) –

как прообраз Христа, страдавшего за людей, и Моисей предпочёл страдать за свой народ, чтобы избавить его от рабства египтян. «Верою оставил он Египет, не убоявшись гнева царского» (11:27) – «Как не убоялся? – спрашивает св. Златоуст – Писание говорит, что, услышав, он убоялся, искал спасения в бегстве, убежал, скрылся, и после того находился в страхе? Вникни внимательнее в сказанное. Слова «не убоялся ярости царевы» сказаны по отношению к тому, что он после опять не предстал бы, не принял бы на себя дела ходатайства; а если он принял на себя это дело, то, значит, во всём полагался на Бога... А почему, скажите, он не остался в Египте? Дабы не подвергать себя предвиденной опасности. Ибо искушающему Бога свойственно бросаться в опасности и говорить: «посмотрю, сохранит ли меня Бог». «Верою совершил он Пасху и пролитие крови, дабы истребитель первенцев не коснулся их» (11:28) – «в чём здесь проявилась вера Моисея? – объясняет блж. Феодорит: – Без веры как поверил бы он, что кровию овчю будет остановлена смерть? Но он посредством образа прозревал в самую истину, и представлял в себе силу Владычней Крови». «Верою пали стены Иерехонские, по семидневном обхождении» (11:30). – При этом историческом событии, о котором рассказывает книга Иисуса Навина в 1–19 стихах 6 главы, в чём проявилась вера израильтян? В беспрекословном послушании повелению Божию. За стенами Иерихона находились сильные, хорошо вооружённые враги, которые могли в любое мгновение броситься на осаждающих, а между тем израильтянам велено было на седьмой день осады семь раз обойти вокруг города. Такое обхождение, по человеческим размышлениям, могло бы довести их до последней степени телесного изнеможения. Однако они подчинились распоряжению своего вождя Иисуса Навина, очевидно надеясь не на силу своего оружия, а веруя в чудесную помощь Божию. И эта вера их не была посрамлена: при звуке священных труб стены Иерихона пали. «Трубные звуки никак не могут разрушить стены, – рассуждает по этому поводу св. Златоуст, – хотя бы кто трубил тысячу лет, а вера может делать всё». – «Верою Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и

проводив их другим путём), не погибла с неверными» (11:31) – о подвиге Раави рассказывается в книге Иисуса Навина (гл. 2), как она спасла скрывшихся у неё в доме израильских соглядатаев. В подвиге уверовавшей Раави было то замечательно, что она была чужестранка и до прихода соглядатаев не знала истинной веры, и жизнь её была до тех пор предосудительной. Силою веры её совершилось полное обновление её грешной дотоле души. Св. Златоуст подчёркивает, что св. апостол с особым намерением упомянул Раав в числе лиц, заслуживающих подражания своей вере. Ибо «оказаться по вере ниже знаменитых лиц (например, Авеля, Ноя, Авраама и др.) не так прискорбно; но прискорбно оказаться ниже лиц неизвестных. Посему апостол начинает с родителей Моисея, людей неизвестных и не имевших ничего такого, что имел сын, а потом, продолжая речь, сильнее выражает нелепость неверия, указывая на блудниц и вдовиц (уверовавших)».

Далее св. апостол перечисляет других ветхозаветных праведников, силою веры творивших многие дивные дела и чудеса. Одних он называет по именам, у других, не называя имён, перечисляет лишь их деяния. Вот как поясняет сказанное апостолом блж. Феодорит: «верою побеждали царства» – Гедеон низложил мадианитян, Самсон – филистимлян, Варак – Сисару, Давид – аммонитян, амаликитян и оба племени сириан (2Цар. 10:6), Самуил – филистимлян. «Заградиша уста львов» – Даниил. «Угашали силу огня» – Анания, Азария и Мисаил. «Избегали острия меча» – победившие в войнах (ст. 32–34). «Укреплялись от немощи» – возвратившиеся с Зоровавелем, освободившиеся из плена и победившие восставших на них соседей. – «Были крепки на войне» – и перечисленные выше, и дети Маттафии: Иуда, Ионафан и Симон. «Жены получали умерших своих воскресшими» (ст. 11:35) – это чудеса великого Илии и Елисея, из которых один воскресил сына вдовицы, а другой сына соманитянины. – «Иные же замучены были, не приняв освобождения, дабы получить лучшее воскресение». Например: Елеазар, семь Маккавеев и их мать. – «Были побиваемы камнями» – священник Захария, сын Иоддаев. –

«Перепиливаемы» – говорят, что претерпел это пророк Исаия. – «Скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли» (11:37–38) – «Так великий Илия, так Елисей, великий наследник его благодати; так бóльшая часть пророков, которые и домов не имели, но рубили деревья и строили себе кущи» (блж. Феодорит). – «И все сии, свидетельствованные в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства» (11:39–40) – это так поясняет св. Златоуст: «Уже прошло столько времени, как они (ветхозаветные праведники) остались победителями, и ещё не получили награды, а вы, находясь ещё в подвиге, сетуете?.. Что же делать Авелю, который прежде всех победил и остаётся неувенчанным? Что Ною? Что другим, жившим в те времена и ожидающим тебя и тех, которые будут после тебя?» Смысл этих слов тот, что апостол хочет вразумить ими нетерпеливых и малодушных палестинских евреев, которые, не скончавши ещё христианского подвига, хотели бы уже видеть исполнение христианских надежд. Он утешает их представлением о том, как долго пришлось ждать ветхозаветным праведникам награды за своё терпение – пока Великая Жертва Христова не отверзла им врата Небесного Царствия.

В следующей, двенадцатой главе св. апостол предлагает евреям, взирая на пример ветхозаветных праведников, с терпением проходить «предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса» как на высший пример для всех подвизающихся. Стихи 9–10, 17–23, 32–40 1-й главы читаются на литургии в Неделю перед Рождеством Христовым, Святых Отец, когда празднуется память всех ветхозаветных праведников. С добавлением же 1–2 стихов 12 главы этот отрывок прочитывается на литургии в Неделю Всех Святых, начиная с 33 стиха. Начиная же с 24 стиха это место читается в Неделю Православия. Далее, в 12 главе, св. апостол учит о значении скорбей как целительного наказания от Бога тем людям, которые являются Его сынами, ссылаясь на изречение

книги Притчей: «Кого любит Господь, того наказывает» (Притч. 3:11–12). Далее 12 и 13 главы посвящены нравственным наставлениям о мире, о целомудрии, о братолюбии, о почитании наставников, о благотворении. Последние, 18–25 стихи содержат послесловие с выражением надежды на свидание, приветствиями и благословением.

Апокалипсис или Откровение святого Иоанна Богослова

Значение Апокалипсиса и интерес к нему

Апокалипсис, или, в переводе с греческого, Откровение святого Иоанна Богослова, есть единственная пророческая книга Нового Завета. Она является естественным завершением всего круга новозаветных священных книг.

В книгах законоположительных, исторических и учительных христианин почерпает знания об основании и историческом росте жизни Церкви Христовой и руководство для своей личной жизнедеятельности; в Апокалипсисе же верующему уму и сердцу даются таинственные пророческие указания о будущей судьбе Церкви и всего мира. Апокалипсис – книга таинственная, весьма трудно поддающаяся правильному пониманию и истолкованию, вследствие чего уставом церковным не положено чтений из неё во время Богослужения. Но вместе с тем именно таинственный характер этой книги и привлекает к себе взоры и верующих христиан, и просто пытливых мыслителей, на протяжении всей новозаветной истории человечества пытающихся разгадать смысл и значение загадочных видений, описанных в ней. Существует громадная литература об Апокалипсисе, среди которой имеется и много вздорных произведений, касающихся происхождения и содержания этой таинственной книги. Как на одно из таких произведений последнего времени необходимо указать на книгу Н.А. Морозова «Откровение в грозе и буре». Исходя из предвзятой мысли, что описываемые в Апокалипсисе видения с точностью астронома-наблюдателя изображают состояние звёздного неба в какой-либо определённый момент времени, Н.А. Морозов делает астрономическое вычисление и приходит к заключению, что таковым было звёздное небо 30 сентября 395 года. Заменяя лица, действия и картины Апокалипсиса планетами, звёздами и созвездиями, Н.А. Морозов широко пользуется расплывчатыми очертаниями облаков, заменяя ими недостающие названия звёзд, планет и созвездий для изображения полной картины неба в соответствии с данными Апокалипсиса. Если и облака не помогают, при всей мягкости и

податливости этого материала в умелых руках, тогда Н.А. Морозов переделывает в нужном ему смысле текст Апокалипсиса. Такое свободное обращение своё с текстом священной книги Н.А. Морозов оправдывает или опиской и невежеством переписчиков Апокалипсиса, «не понимавших астрономического смысла картины», или даже тем соображением, что сам писатель Апокалипсиса «благодаря предвзятой идее» делал натяжки в описании картины звёздного неба. Таким же «научным» методом определяет Н.А. Морозов, что писателем Апокалипсиса был св. Иоанн Златоуст (родился в 347 году, умер в 407 году), архиепископ Константинопольский. На полную историческую несообразность своих выводов Н.А. Морозов не обращает никакого внимания (прот. Ник. Александров).

В наше время – период первой мировой войны и русской революции, а затем ещё более страшной второй мировой войны, когда человечество испытало столько ужасных потрясений и бедствий, – ещё более умножились попытки истолкования Апокалипсиса применительно к переживаемым событиям, более или менее удачные. При этом одно важно и необходимо помнить: при истолковании Апокалипсиса, как и вообще при всяком толковании той или другой книги Священного Писания, необходимо пользоваться данными других священных книг, входящих в состав нашей Библии, и истолковательными трудами свв. отцов и учителей Церкви. Из специальных святоотеческих трудов по истолкованию Апокалипсиса особенно ценно «Толкование на Апокалипсис» св. Андрея, архиепископа Кесарийского, которое представляет собой итог всего понимания Апокалипсиса в доникейский период (до первого Вселенского собора). Весьма ценна также Антология на Апокалипсис св. Ипполита Римского (около 230 года). В новейшее время появилось так много истолковательных трудов на Апокалипсис, что число их уже к концу XIX века достигло 90. Из русских трудов наиболее ценные:

1) А. Жданова – «Откровение Господа о семи Азийский церквах» (опыт изъяснения первых трёх глав Апокалипсиса);

2) епископа Петра – «Объяснение Апокалипсиса св. апостола Иоанна Богослова»;

3) Н.А. Никольского – «Апокалипсис и обличаемое им лжепророчество»;

4) Н. Виноградова – «О конечных судьбах мира и человека»;

5) М. Барсова – «Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Апокалипсиса».

О писателе Апокалипсиса

Писатель Апокалипсиса сам называет себя «Иоанном» (1:1, 4, 9). По общему верованию Церкви, это был св. апостол Иоанн, возлюбленный ученик Христов, за высоту учения своего о Боге Слове получивший отличительное прозвание «Богослова», вдохновенному перу которого принадлежит ещё 4-е каноническое Евангелие и 3 соборных послания. Это верование Церкви оправдывается как данными, указываемыми в самом Апокалипсисе, так и многообразными внутренними и внешними признаками.

1) Писатель Апокалипсиса называет себя «Иоанном» в самом начале, говоря, что ему было дано «Откровение Иисуса Христа» (1:1). Приветствуя далее семь малоазийских церквей, он вновь называет себя «Иоанном» (1:4). Далее он говорит о себе, опять называя себя «Иоанном», что он был «на острове, называемом Патмос, за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа» (1:9). Из апостольской истории известно, что именно св. Иоанн Богослов подвергся заточению на острове Патмос. И, наконец, заканчивая Апокалипсис, писатель снова называет себя «Иоанном» (22:8). В 2 стихе 1 главы он называет себя самовидцем Иисуса Христа (ср. 1Ин. 1–3). Совершенно несостоятельно мнение, будто Апокалипсис написан каким-то «пресвитером Иоанном». Самая личность этого «пресвитера Иоанна», как личность, отдельная от апостола Иоанна, довольно сомнительна. Единственное свидетельство, которое даёт повод говорить о «пресвитере Иоанне», – это место из сочинения Палия, сохранившееся у историка Евсевия. Оно чрезвычайно неопределённо и даёт место только догадкам и предположениям, противоречащим одно другому. Ни на чём не основано мнение, приписывающее написание Апокалипсиса Иоанну-Марку, то есть евангелисту Марку. Ещё более нелепо мнение римского пресвитера Кая (III в.), будто Апокалипсис написан еретиком Коринфом.

2) Вторым доказательством принадлежности Апокалипсиса св. апостолу Иоанну Богослову служит сходство его с

Евангелием и посланиями Иоанновыми не только по духу, но и по слогу, а особенно по некоторым характерным выражениям. Так, например, проповедь апостольская называется здесь «свидетельством» (Откр. 1:2–9; 20:4; ср. Ин. 1:7; 3:11; 21:24; 1Ин. 5:9–11). Господь Иисус Христос называется «Словом» (Откр. 19:13 ср. Ин. 1:1–14 и 1Ин. 1:1) и «Агнцем» (Откр. 5:6 и 17:14, ср. с Ин. 1:36). Пророческие слова Захарии: «И воззрят на Него, Которого пронзили» (12:10) и в Евангелии, и в Апокалипсисе приводятся одинаково по переводу 70-ти (Откр. 1:7 и Ин. 19:37). Некоторые находили, будто язык Апокалипсиса отличается от языка других писаний св. апостола Иоанна. Эта разница легко объясняется как разностью содержания, так и обстоятельствами происхождения писаний св. апостола. Св. апостол Иоанн хотя и владел греческим языком, но находясь в заточении, вдали от живого разговорного греческого языка, естественно положил на Апокалипсис печать сильного влияния языка еврейского, как природный иудей. Для непредубеждённого читателя Апокалипсиса нет сомнения, что на всём содержании его лежит печать великого духа апостола любви и созерцания.

3) Все древние и более поздние святоотеческие свидетельства признают автором Апокалипсиса св. Иоанна Богослова. Ученик его св. Папий Иерапольский писателем Апокалипсиса называет «старца Иоанна», каковым именем называет себя сам св. апостол в своих посланиях (1Ин. 1 и 3Ин. 1). Важно свидетельство св. Иустина Мученика, ещё до своего обращения в христианство долго жившего в Ефесе, городе, где долго жил и почил великий апостол. Многие свв. отцы приводят места из Апокалипсиса как из богодухновенной книги, принадлежащей св. Иоанну Богослову. Таковы: св. Иринеи Лионский, ученик св. Поликарпа Смирнского, ученика св. Иоанна Богослова, св. Ипполит, папа Римский, ученик Иринея, написавший даже апологию на Апокалипсис. Климент Александрийский, Тертуллиан и Ориген также признают св. апостола Иоанна писателем Апокалипсиса. Равным образом убеждены в этом и преп. Ефрем Сирин, Епифаний, Василий Великий, Иларий, Афанасий Великий, Григорий Богослов, Дидим, Амвросий, Августин, Иероним. 33 правило

Карфагенского собора, приписывая Апокалипсис св. Иоанну Богослову, ставит его в ряду других канонических книг. Отсутствие Апокалипсиса в переводе Пешито объясняется исключительно тем, что этот перевод был сделан для богослужебного чтения, а Апокалипсис при Богослужении не читался. В 60 правиле Лаодикийского собора Апокалипсис не упомянут, так как таинственное содержание книги не позволяло рекомендовать всем книгу, которая могла дать повод к ложным толкованиям.

Время и место написания Апокалипсиса

Точных данных о времени написания Апокалипсиса мы не имеем. Древнее предание указывает для этого конец I века. Так, св. Иринеи пишет: «Апокалипсис появился незадолго перед сим и почти в наше время, в конце царствования Домициана» («Против ересей» 5:30). Церковный историк Евсевий сообщает, что и современные ему языческие писатели упоминают о ссылке св. апостола Иоанна на Патмос за свидетельство о Божественном Слове и относят это событие к 15 году царствования Домициана (95–96 гг. по Р. Х.). То же утверждают и Климент Александрийский, Ориген и блж. Иероним. Согласно церковные писатели первых трёх веков и в указании места написания Апокалипсиса, которым они признают остров Патмос, упоминаемый самим апостолом как место получения им откровений (1:9–10). Но после открытия сирского перевода Апокалипсиса VI века («Пококе»), где в надписании вместо Домициана назван Нерон, многие стали относить написание Апокалипсиса ко времени Нерона (к 60-м годам по Р. Х.). Св. Ипполит Римский также приписывает ссылку св. Иоанна на остров Патмос Нерону. Находят также, что относить время написания Апокалипсиса к царствованию Домициана нельзя ещё потому, что, судя по 1–2 стихам 11 главы Апокалипсиса, иерусалимский храм тогда ещё не был разрушен, так как в этих стихах усматривают предсказание о будущем разрушении храма, которое при Домициане было делом уже совершившимся. Указания на римских императоров, которые некоторые видят в 17 главе 10 стихе, ближе всего подходят к преемникам Нерона. Находят также, что число зверя (13:18) можно находить в имени Нерона: «Нерон Кесар» – 666. Самый язык Апокалипсиса, полный гебраизмов, также, по мнению некоторых, указывает на его более раннее, сравнительно с 4-м Евангелием и посланиями св. Иоанна, происхождение. Полное имя Нерона было: «Клавдий Нерон Домиций», вследствие чего и можно было смешать его с царствовавшим позже императором Домицианом. По этому мнению. Апокалипсис

написан года за два до разрушения Иерусалима, то есть в 68 году по Р. Х. Но против этого возражают, что состояние жизни христианской, как она представляется в Апокалипсисе, говорит за более позднюю дату. Каждая из семи малоазийских церквей, к которым обращается св. Иоанн, имеет уже свою историю и так или иначе определившееся направление религиозной жизни: христианство в них уже не в первой стадии чистоты и истины – ложное христианство пытается занять в них место наряду с истинным. Все это предполагает, что и деятельность св. апостола Павла, долго проповедовавшего в Ефесе, была делом уже давнего прошлого. Эта точка зрения, основывающаяся на свидетельстве св. Иринея и Евсевия, относит время написания Апокалипсиса к 95–96 годам по Р. Х. Совсем трудно принять мнение св. Епифания, который говорит, что св. Иоанн возвратился с Патмоса при императоре Клавдии (41–54 гг.). При Клавдии не было общего гонения на христиан в провинциях, а было только изгнание из Рима иудеев, среди которых могли быть и христиане. Невероятно и предположение о написании Апокалипсиса и в ещё более позднее время, при императоре Траяне (98–108 гг.), когда св. Иоанн скончал жизнь свою. Относительно места написания Апокалипсиса существует ещё мнение, что он написан в Ефесе после возвращения туда апостола из ссылки, хотя гораздо естественнее первое мнение, что послание к малоазийским церквам, содержащееся в Апокалипсисе, было отправлено именно с Патмоса. Трудно предположить также, чтобы св. апостол повеление написать всё виденное им не исполнил бы сразу (1:10–11).

Главный предмет и цель написания Апокалипсиса

Начиная Апокалипсис, св. Иоанн сам указывает на главный предмет и цель его написания – «показав... чему надлежит быть вскоре» (1:1). Таким образом, главный предмет Апокалипсиса составляет таинственное изображение будущей судьбы Церкви Христовой и всего мира. С самого начала своего существования Церковь Христова должна была вступить в тяжкую борьбу с заблуждениями иудейства и язычества с целью доставить торжество Божественной Истине, принесённой на землю воплотившимся Сыном Божиим, и через это даровать человеку блаженство и жизнь вечную. Целью Апокалипсиса и является – изобразить эту борьбу Церкви и торжество Её над всеми врагами; показать наглядно гибель врагов Церкви и прославление верных чад Её. Это особенно важно и нужно было для верующих в те времена, когда начинались страшные кровавые гонения на христиан, чтобы дать им утешение и ободрение в постигших их скорбях и тяжких испытаниях. Эта наглядная картина брани тёмного царства сатаны с Церковью и конечной победы Церкви над «древним змием» (12:9) нужна для верующих всех времён всё с той же целью утешения и подкрепления их в борьбе за истину Христовой веры, какую им постоянно приходится вести со служителями темных адских сил, стремящихся в своей слепой злобе уничтожить Церковь.

Взгляд церкви на содержание Апокалипсиса

Все древние отцы Церкви, истолковывавшие священные книги Нового Завета, единодушно рассматривают Апокалипсис как пророческую картину о последних временах мира и событиях, имеющих совершиться перед вторым Пришествием Христовым на землю и при открытии Царства Славы, уготованного всем истинно верующим христианам. Несмотря на темноту, под которой сокрыт таинственный смысл этой книги и вследствие которой многие неверующие пытались всячески опорочить её, глубоко просвещённые отцы и богосудные учителя Церкви всегда относились к ней с великим благоговением. Так, св. Дионисий Александрийский пишет: «Темнота сей книги не препятствует удивляться ей. И если я не всё в ней понимаю, то лишь по моей неспособности. Я не могу быть судьей истин, в ней заключающихся, и измерять их скудостью моего ума; руководствуясь более верою, чем разумом, нахожу их только превосходящими моё понимание». В таком же роде высказывается об Апокалипсисе блж. Иероним: «В нём столько же таинств, сколько слов. Но что я говорю? Всякая похвала сей книге будет ниже её достоинства». Многие считают, что и Кай, пресвитер Римский, не считает Апокалипсис творением еретика Керинфа, как это некоторые выводят из его слов, ибо Кай говорит не о книге, называемой «Откровение», а об «откровениях». Сам Евсевий, приводящий эти слова Кая, ни слова не говорит о том, чтобы Керинф был автором книги Апокалипсиса. Блж. Иероним и другие отцы, знавшие это место в сочинении Кая и признававшие подлинность Апокалипсиса, не оставили бы его без возражения, если бы считали слова Кая относящимися к Апокалипсису св. Иоанна Богослова.

Но за богослужением Апокалипсис не читался и не читается: надо полагать из-за того, что в древности чтение Св. Писания за богослужением всегда сопровождалось толкованием его, а Апокалипсис слишком труден для толкования. Этим же объясняется и отсутствие его в сирском переводе Пешито, который назначался специально для богослужебного

употребления. Как доказано исследователями. Апокалипсис первоначально находился в списке Пешито и был исключён оттуда уже после времён Ефрема Сирина, ибо преп. Ефрем Сирин приводит Апокалипсис в своих сочинениях как каноническую книгу Нового Завета и широко использует его в своих вдохновенных поучениях.

Правила для толкования Апокалипсиса

Как книга судеб Божиих о мире и Церкви, Апокалипсис всегда привлекал к себе внимание христиан, а особенно в то время, когда внешние гонения и внутренние соблазны с особенною силою начинали смущать верующих, угрожая со всех сторон разного рода опасностями. В такие периоды верующие естественно обращались к этой книге за утешением и ободрением и пытались разгадать по ней смысл и значение происходящих событий. Между тем образность и таинственность этой книги делают её весьма трудной для понимания, а потому для неосторожных толкователей всегда есть риск увлечений за границы истины и повод к несбыточным надеждам и верованиям. Так, например, буквалистическое понимание образов этой книги давало повод и теперь ещё продолжает давать к ложному учению о так называемом «хилиазме» – тысячелетнем царстве Христовом на земле. Ужасы гонений, переживавшиеся христианами в I веке и толкуемые в свете Апокалипсиса, давали повод некоторым верить в наступление «последних времён» и скорого второго Пришествия Христова, ещё тогда же, в I веке. За истекшие 19 веков явилось множество толкований Апокалипсиса самого разнообразного характера. Всех этих толкователей можно подразделить на четыре разряда. Одни из них относят все видения и символы Апокалипсиса к «последним временам» – кончине мира, явлению антихриста и второму Пришествию Христову; другие придают Апокалипсису чисто историческое значение, относя все видения к историческим событиям I века – ко временам гонений, воздвигнутых на Церковь языческими императорами. Третьи стараются найти осуществление апокалиптических предсказаний в исторических событиях позднейшего времени. По мнению их, например, папа Римский есть антихрист, и все апокалиптические бедствия возвещаются собственно для Римской церкви, и т. п. Четвёртые, наконец, видят в Апокалипсисе только аллегорию, считая, что описываемые в нём видения имеют не столько пророческий,

сколько нравственный смысл, аллегория же введена только для усиления впечатления с целью поразить воображение читателей. Более правильным надо признать то толкование, которое объединяет все эти направления, причём не следует упускать из вида, что, как ясно учили об этом древние толкователи и отцы Церкви, содержание Апокалипсиса в итоге своём направлено к последним судьбам мира. Не может быть, однако, сомнений, что в течение всей минувшей христианской истории исполнилось уже немало предсказаний св. Тайновидца Иоанна о грядущих судьбах Церкви и мира, но нужна большая осторожность в применении апокалиптического содержания к историческим событиям, и нельзя слишком злоупотреблять этим. Справедливо замечание одного толкователя, что содержание Апокалипсиса только постепенно будет становиться понятным, по мере наступления событий и исполнения пророчеств, в нём предречённых. Правильному пониманию Апокалипсиса, конечно, больше всего мешает отход людей от веры и истинно христианской жизни, что всегда ведёт к притуплению, а то и полной утрате духовного зрения, необходимого для правильного понимания и духовной оценки совершающихся в мире событий. Эта всецелая преданность современного человека греховным страстям, лишаящая чистоты сердечной, а, следовательно, и духовного зрения (Мф. 5:8), служит причиной того, что некоторые современные толкователи Апокалипсиса хотят видеть в нём одну аллегория и даже самое второе Пришествие Христово учат понимать аллегорически. Исторические события и лица переживаемого нами ныне времени, которое, по всей справедливости, многие уже называют «апокалиптическим», убеждают нас в том, что видеть в книге Апокалипсиса одну аллегория поистине значит быть духовно слепым, настолько всё теперь происходящее в мире напоминает страшные образы и видения Апокалипсиса.

Содержание и разделение Апокалипсиса

Апокалипсис содержит в себе всего 22 главы. По содержанию своему он может быть разделён на следующие отделы:

1) Вступительная картина явившегося Иоанну Сына Человеческого, повелевающего Иоанну написать семи малоазийским церквам, – глава 1;

2) Наставления семи малоазийским церквам: Ефесской, Смирнской, Пергамской, Фиатирской, Сардийской, Филадельфийской и Лаодикийской – главы 2 и 3;

3) Видение Бога, сидящего на престоле, и Агнца – главы 4 и 5;

4) Вскрытие Агнцем семи печатей таинственной книги – главы 6 и 7;

5) Гласы семи труб ангельских, возвестившие различные бедствия живущим на земле при снятии седьмой печати, – главы 8–11;

6) Церковь Христова под образом жены, облечённой в солнце, находившейся в болезнях рождения, – глава 12;

7) Зверь-антихрист и его пособник лжепророк – глава 13;

8) Приготовительные события перед всеобщим воскресением и Страшным Судом – главы 14–19:

а) хвалебная песнь 144 000 праведников и Ангелы, возвещающие судьбы мира, – глава 14;

б) семь Ангелов, имеющие семь последних язв, – глава 15;

в) семь Ангелов, изливающие семь чаш гнева Божия, – глава 16;

г) суд над великой блудницей, сидящей на водах многих и восседающей на звере багряном, – глава 17;

д) падение Вавилона – великой блудницы – глава 18;

е) брань Слова Божия со зверем и воинством его и погибель последних – глава 19;

9) Общее воскресение и Страшный Суд – глава 20;

10) Открытие нового неба и новой земли; Новый Иерусалим и блаженство его обитателей – глава 21 и глава 22:1–5;

11) Заключение: удостоверение истинности всего сказанного и завещание соблюдать заповеди Божии. Преподание благословения – глава 22:6–21.

Экзегетический разбор Апокалипсиса

Глава первая. Назначение Апокалипсиса и способ дарования его Иоанну

«Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам Своим, чему надлежит быть вскоре» – эти слова ясно определяют характер и назначение Апокалипсиса как книги пророческой. Этим Апокалипсис существенно отличается от остальных книг Нового Завета, содержание которых по преимуществу веро- и нравоучительное. Важность Апокалипсиса видна здесь из того, что написание его было результатом непосредственного откровения и непосредственного распоряжения, данного св. апостолу Самим Главою Церкви – Господом Иисусом Христом. Выражение «вскоре» указывает на то, что пророчества Апокалипсиса начали исполняться тогда же, вслед за написанием его, а также и то, что перед очами Божиими «один день, как тысяча лет» (2Пет. 3:8). Выражение Апокалипсиса об откровении Иисуса Христа, что «оно дано Ему от Бога», надо понимать относящимся ко Христу по человечеству, ибо и Сам Он во время земной Своей жизни говорил о Себе как о не всезнающем (Мк. 13:32) и получающем откровения от Отца (Ин. 5:20).

«Блажен читающий и слушающие слова пророчества сего и соблюдающие написанное в нём; ибо время близко» (ст. 3). Книга Апокалипсис имеет, следовательно, не только пророческое, но и нравственное значение. Смысл этих слов таков: блажен, кто, читая эту книгу, будет жизнью своею и делами благочестия приуготовлять себя к вечности, ибо переход в вечность близок для каждого из нас.

«Иоанн семи церквам, находящимся в Ассии» – число семь берётся обычно для выражения полноты. Св. Иоанн обращается здесь только к семи церквам, с которыми он, как живший в Ефесе, находился в особенно близких и частых сношениях, но в лице этих семи он обращается вместе с тем ко всей Христианской Церкви в целом. «От семи духов, находящихся перед престолом Его» – под этими «семью духами» естественнее всего понимать семь главных Ангелов, о которых

говорится в Тов. 12:15. Св. Андрей Кесарийский, впрочем, понимает под ними Ангелов, управлявших семью церквами. Многие же толковники понимают под этим выражением Самого Духа Святого, проявляющего Себя в семи главных дарах: дух страха Божия, дух познания, дух силы, дух света, дух разума, дух мудрости, дух Господень, или дар благочестия и вдохновения в высшей степени (см. Ис. 11:1–3). Господь Иисус Христос называется здесь «свидетелем верным» в том смысле, что Он засвидетельствовал перед людьми Своё Божество и истину Своего учения Своею крестною смертью (по-гречески: «мартис»). «Вы будете у Меня царством священников и народом святым» – не в собственном смысле, конечно, а в том, в каком обещал это Бог ещё избранному народу через пророков (Исх. 19:6), то есть сделал нас, истинно верующих, лучшим, святейшим народом, который для других народов – то же, что священник и царь по отношению к остальным людям.

«Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные» – здесь изображается второе славное Пришествие Христово в полном согласии с изображением этого пришествия в Евангелиях (ср. Мф. 24:30 и 25:31; Мк. 13:26; Лк. 21:27 ср. Ин. 19:37). После приветствия в стихе этом св. апостол сразу же говорит о втором Пришествии Христовом и о Страшном Суде для того, чтобы обозначить главную тему своей книги, дабы приготовить читателей к восприятию полученных им о сем великих и страшных откровений (ст. 7). Для подтверждения непреложности и неотвратимости второго Пришествия и Страшного Суда Божия св. апостол от себя произносит: «ей, аминь», а затем свидетельствует истину сего указанием на Того, Кто есть Алфа и Омега, Начаток и Конец всего сущего: Господь Иисус Христос есть Один только безначальный и бесконечный виновник всего существующего, Он вечен. Он – конец и цель, к которой всё стремится (ст. 8).

Что касается способа дарования ему откровений, то св. Иоанн называет, прежде всего, место, где он удостоился получить их. Это остров Патмос – один из Спорадских островов в Эгейском море, пустынный и скалистый, имеющий 56 вёрст в

окружности, между островом Икарией и Милетским мысом, мало заселённый вследствие недостатка воды, нездорового климата и бесплодия земли. Теперь он называется «Пальмозой». В пещере одной горы и теперь показывают место, где Иоанн получал откровения. Там небольшой греческий монастырь, именуемый «Апокалипсис» (ст. 9). В этом же стихе говорится и о времени получения св. Иоанном Апокалипсиса. Это было тогда, когда св. Иоанн находился в заточении на острове Патмосе, по его собственному выражению, «за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа», то есть за ревностную апостольскую проповедь об Иисусе Христе. Самое лютое гонение на христиан в I веке было при императоре Нероне. Предание говорит, что св. Иоанн предварительно был ввергнут в кипящий маслом котёл, из которого он вышел невредимым с обновлёнными и укреплёнными силами. Выражение «в печали», по смыслу подлинного греческого выражения, означает здесь «страдание», происходящее от гонения и мучения, то же, что «мученичество». В следующем, 10 стихе св. Иоанн обозначает и самый день, в который он удостоился откровений. Это был «день недельный», по-гречески «кириаки имера» – «день Господень». Это был первый день седмицы, который евреи называли «миа савватон», то есть «первый день по субботе»; христиане же называли его «днём Господним» в честь Воскресшего Господа. Самое существование такого названия уже свидетельствует о том, что христиане праздновали этот день вместо ветхозаветной субботы. Обозначив место и время, св. Иоанн указывает также и своё состояние, в котором он сподобился апокалиптических видений. «Я был в духе в день воскресный», – говорит он. На языке пророков «быть в духе» значит быть в таком духовном состоянии, когда человек видит, слышит и чувствует не телесными органами, но всем внутренним существом своим. Это не сновидение, ибо такое состояние бывает и во время бодрствования.

В таком необычайном состоянии своего духа св. Иоанн услышал громкий голос, как бы трубный, который говорил: «Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; то, что видишь,

напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Азии: в Ефес, и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию» (ст. 10–11). Далее описываются четыре видения, по которым многие делят обыкновенно содержание Апокалипсиса на 4 главные части:

1-е видение излагается в 1:12–4 главах;

2-е видение – в 4–11 главах;

3-е видение – в 12–14 главах и

4-е видение – в 15–22 главах.

Первое видение – это явление св. Иоанну Некогого «подобного Сыну Человеческому». Громкий голос, подобный трубному, который Иоанн услышал позади себя, принадлежал Ему. Он называл Себя не по-еврейски, а по-гречески: Альфа и Омега, Первый и Последний. Евреям в Ветхом завете Он открыл Себя под именем «Иегова», что значит: «От начала Существующий», или «Сущий», а здесь Он означает Себя начальной и последней буквами греческого алфавита, указывая тем, что Он содержит в Себе, подобно Отцу, всё существующее во всех явлениях бытия от начала до конца. Характерно, что Он объявляет Себя здесь как бы под новым и притом греческим именем «Альфа и Омега», как бы желая показать, что Он есть Мессия для всех народов, говоривших тогда повсюду на греческом языке и пользовавшихся греческой письменностью.

Откровение даётся семи церквам, составлявшим Ефесскую митрополию, которой управлял тогда св. Иоанн Богослов, как пребывавший постоянно в Ефесе, но, конечно, оно в лице этих семи церквей дано и всей Церкви. Число семь, кроме того, имеет таинственное значение, означающее полноту, и потому может здесь быть поставлено как эмблема Вселенской Церкви, к которой в целом и обращён Апокалипсис.

В 12–16 стихах описывается внешний вид явившегося Иоанну «подобного Сыну Человеческому». Он стоял посреди семи светильников, символизировавших собой семь церквей, и был облечён в «подир» – длинную одежду иудейских первосвященников, был, подобно царям, препоясан по персям золотым поясом. Этими чертами указывается на первосвященническое и царское достоинство Явившегося (ст.

12–13). Глава Его и волосы были белы, как белая волна, как снег, и очи Его, как пламень огненный. Белизна волос служит обыкновенно признаком старости. Этот признак свидетельствует, что явившийся Сын Человеческий – едино с Отцом, что Он – одно с «Ветхим днями». Которого в таинственном видении созерцал св. пророк Даниил (7:13), что Он такой же Вечный Бог, как и Бог Отец. Очи Его были, как пламень огненный, что означает Его Божественную ревность о спасении рода человеческого, что перед взором Его нет ничего сокрытого и тёмного и что Он пламенеет гневом на всякое беззаконие (ст. 14). Ноги Его были подобны халколивану, как раскалённые в печи. «Халколиван» – это драгоценный металлический сплав с огненно-красным или золотисто-жёлтым блеском. По некоторым толкованиям, халк – это медь, и которая знаменует человеческую природу во Иисусе Христе, а ливан, как благоуханный фимиам, – природу Божественную. «И голос Его как шум вод многих», то есть голос Его подобен голосу грозного судии, поражающему трепетом смятенные души судимых человеков (ст. 15). «Он держал в деснице Своей семь звёзд» – по следующему далее объяснению (ст. 20) Самого Явившегося Иоанну, эти семь звёзд обозначали собой семерых предстоятелей церквей, или епископов, называемых здесь «Ангелами церквей». Этим внушается нам, что Господь Иисус Христос держит в деснице Своей пастырей церковных. «И из уст Его выходил острый с обеих сторон меч» – этим символизируется всё проникающая сила слова, исходящего из уст Божиих (ср. Евр. 4:12). «И лицо Его, как солнце, сияющее в силе своей» – это образ той неизреченной славы Божией, которой просиял Господь в своё время и на Фаворе (ст. 16). Все эти черты представляют нам целостный образ страшного Судьи, Первосвященника и Царя, каким явится некогда Господь Иисус Христос на землю при втором Своём Пришествии, дабы судить живым и мёртвым.

В великом страхе Иоанн пал к ногам Его, как мёртвый. Из этого можно заключить, что возлюбленный ученик, возлежавший некогда на персях Иисусовых, не признал в Явившемся ни одной знакомой ему черты, и это не удивительно, ибо, если

ученики не легко узнавали Господа своего по Воскресении в Его прославленном теле на земле, то тем труднее узнать Его в лучезарной небесной славе. Господь должен был Сам успокоить апостола, положив на него десницу Свою со словами: «не бойся; Я есмь Первый и Последний, и живой; и был мёртв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти» (ст. 17–18) – из этих слов св. Иоанн должен был понять, что Явившийся не кто иной, как Господь Иисус Христос, и что явление Его для апостола не может быть смертельным, а наоборот, живительным. Иметь ключи от чего-нибудь означало у евреев получить власть над чем-либо. Таким образом, «ключи ада и смерти» означают власть над смертью телесной и душевной. В заключение Явившийся повелевает Иоанну написать то, что он увидит и чему подобает быть, объясняя, что семь звёзд – это Ангелы, или предстоятели семи церквей, а семь светильников обозначают самые эти церкви.

Глава вторая. Наставления малоазийским церквам: Ефесской, Смирнской, Пергамской и Фиатирской

Во второй, как и в следующей, третьей, главе, излагаются откровения, полученные св. Иоанном о каждой из семи малоазийских церквей, и соответственные наставления им. Эти откровения содержат похвалы их христианской жизни и вере, порицание их недостатков, увещания и утешения, угрозы и обещания. Содержание этих откровений и наставлений имеет ближайшее отношение к состоянию церковной жизни малоазийских церквей в конце первого века, но вместе с тем относится и ко всей Церкви вообще на всём протяжении её существования на земле. Некоторые даже видят здесь указание на семь периодов в жизни всей Христианской Церкви от апостольского времени до кончины мира и второго Пришествия Христова.

Прежде всего, Господь повелевает написать Ангелу Ефесской церкви. Ефесская церковь похвывается за свои первые дела – за труды, терпение и противление ложным учителям, но вместе с тем осуждается за оставление своей первой любви и слышит страшную угрозу, что светильник её будет сдвинут со своего места, если она не покается. Впрочем, хорошо у ефесян то, что они ненавидят «дела николаитов». Победителей над искушениями и страстями Господь обещает удостоить вкушения плодов от древа жизни. Ефес – древнейший торговый город на берегу Эгейского моря, славившийся своим богатством и громадным населением. Там более двух лет проповедовал св. апостол Павел, поставивший под конец Ефесским епископом своего любимого ученика Тимофея; там долго жил и скончался св. апостол Иоанн Богослов. Впоследствии в Ефесе был третий Вселенский собор, исповедавший Пресвятую Деву Марию Богородицей. Угроза сдвинуть светильник над Ефесской церковью осуществилась. Из великого мирового центра Ефес скоро обратился в ничто: от прежнего великолепного города осталась лишь груда развалин и маленькая мусульманская деревня. Великий светильник

первобытного христианства угас совершенно. Упоминаемые здесь николаиты были еретики, представлявшие собой отрасль гностиков и отличавшиеся развратом. Их обличают в своих соборных посланиях также свв. апостолы Пётр и Иуда (2Пет. 2:1 и далее, Иуд. 4). Начало этой ереси положил антиохийский прозелит Николай, бывший в числе семи первых диаконов иерусалимских (Деян. 6:5), который отпал от истинной веры. Награду победителям из среды ефесских христиан составляет вкушение райского древа жизни. Под этим надо понимать вообще блага будущей блаженной жизни праведников, прообразом которых служило древо жизни в первобытном раю, где жили наши прародители (ст. 1–7).

Смирнской церкви, состоявшей из бедняков, но богатых духовно, предрекаются скорби и гонения от иудеев, которых Господь называет «сборищем сатанинским». Предречение скорбей сопровождается увещанием претерпеть эти скорби, которые будут продолжаться «до десяти дней», до конца, и даётся обещание избавления «от второй смерти». Смирна также один из древнейших городов Малой Азии, просвещённый и славный в языческой древности. Не менее замечательна была Смирна и в истории первых времён христианства как город, весьма рано озарившийся светом христианства и удержавший среди гонений залог веры и благочестия. Церковь Смирнская, по преданию, основана св. апостолом Иоанном Богословом, и ученик последнего св. Поликарп, бывший в ней епископом, прославил её своим мученическим подвигом. По известию церковного историка Евсевия, почти сразу после апокалиптического предсказания возникло лютое гонение на христиан в Малой Азии, во время которого и пострадал св. Поликарп Смирнский. По одним толкованиям, «дней десять» означает краткость времени гонений, по другим, наоборот – некий продолжительный срок, ибо Господь заповедует смирнянам запастись «верностью до смерти», то есть на какой-то продолжительный период. Некоторые подразумевают под этим гонение, бывшее при Домициане и продолжавшееся десять лет. Другие видят в этом предречение всех десяти гонений, которые претерпели христиане от языческих

императоров в течение первых трёх веков. Под «второй смертью», имеющей наступить для неверных после смерти телесной, понимается осуждение их на вечные муки (см. Откр. 21:8). Побеждающему, то есть претерпевшему все гонения, обещается «венец жизни», или наследие вечных благ. Смирна до сего времени остаётся значительным городом и имеет достоинство православно-христианской митрополии (ст. 8–11).

Пергамская церковь похваляется Господом за то, что содержит Его Имя и не отверглась веры в Него, хотя была насаждена среди крайне развращённого язычеством города, что обозначает образное выражение: «ты живёшь там, где престол сатаны», и подверглась тяжкому гонению, во время коего «умерщвлён верный свидетель Господень Антипа». Хотя многие пытались понимать имя «Антипа» символически, известно по дошедшим до нас мартирологам, что Антипа был епископом Пергама и за ревностное исповедание Христовой веры был сожжён во внутренности медного раскалённого быка. Но затем Господь указывает и на отрицательные явления в жизни Пергамской церкви, именно на то, что и там появились николаиты, узаконившие ядение идоложертвенного и всякие любодейные непотребства, до чего доведены были в своё время израильтяне Валаамом. Пергам находится к северу от Смирны, и в древности он соперничал со Смирною и Ефесом. в нём был храм языческого божества Эскулапа, покровителя врачей. Жрецы его занимались медициной и оказали сильное сопротивление проповедникам христианства. Пергам, под названием Бергамо, и христианская церковь в нём сохранились до настоящего времени, хотя и в большой бедности, так как от прежнего великолепия ничего не осталось, кроме громадных развалин прекрасного некогда храма в честь св. Иоанна Богослова, сооружённого императором Феодосием. «Побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» – образ взят от ветхозаветной манны, которая была прообразом «Хлеба небесного, сошедшего с небес», то есть Самого Господа Иисуса Христа. Под этой манной надо понимать живое общение в

будущей блаженной жизни с Господом. Метафорическое выражение о «белом камне» имеет своё основание в обычае древности, по которому победителям на общественных играх и состязаниях вручались белокаменные таблички, которые они предъявляли потом для получения присуждённых им наград. У римских судей был обычай собирать подачу голосов камнями белыми и чёрными. Белые означали освобождение, чёрные – осуждение. В устах Тайновидца белый камень символически обозначает чистоту и невинность христиан, за которую они получают награду в будущем веке. Давать имена новым членам царства свойственно царям и владыкам. И Царь Небесный даст всем избранным сынам Своего Царства новые имена, которые будут означать их внутренние свойства и их назначение и служение в Царстве Славы. Но так как «кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нём?» (1Кор. 2:11), то и новое имя, данное человеку Всеведущим Владыкою, будет известно лишь получающему это имя (ст. 12–17).

Фиатирская церковь похвальною за свою веру, любовь и терпение, но вместе с тем ей высказывается порицание за то, что она допускает в недрах своих некой лжепророчице Иезавели беззаконничать и развращать людей. Господь предрекает ей и любодействующим с нею великую скорбь, если они не покаются, а детям её – смерть; добрые же и верные христиане Фиатирской церкви должны только держать свою веру и соблюдать заповеди Божии до конца. Побеждающему обещает Господь дать крепкую власть над язычниками и звезду утреннюю. Фиатир – небольшой городок в Лидии, ничем себя в истории не ознаменовавший, но известный в истории христианства тем, что из него происходила Лидия, которую просветил светом Христовой веры св. апостол Павел во время своего второго благовестнического путешествия в городе Филиппах (Деян. 16:14, 15, 40). Вероятно, это и способствовало скорому утверждению христианства в Фиатире, при чём, как видно из слов: «последние дела твои больше первых», все указанные перед этим добрые христианские качества жителей Фиатир со временем всё больше в них развивались и

укреплялись. Имя Иезавели употреблено здесь, по-видимому, в таком же переносном смысле, как выше имя Валаама. Известно, что Иезавель, дочь царя Сидонского, вступив в супружество с Ахавом, царём Израильским, увлекла его к поклонению всем мерзостям сидонским и тирским и была причиной падения израильтян в идолопоклонство. Можно предполагать, что именем «Иезавели» здесь названо то же любодейно-идольское направление николаитов. «Глубинами сатанинскими» называется здесь учение николаитов как предтечи гностиков, называвших своё лжеучение «глубинами Божиими». Язычество пало в результате борьбы с христианством. В этом смысле Господь и обещает побеждающему «власть над язычниками». «И дам ему звезду утреннюю» – на эти слова имеется двойное толкование. Пророк Исаия называет «звездой утренней» (Денницей) сатану, спавшего с неба (Ис. 14:12). Тогда этими словами означает господство верующего христианина над сатаною (см. Лк. 10:18–19). С другой стороны, св. апостол Пётр в своём втором соборном послании (1:19) «звездю утреннею», которая воссиявает в сердцах человеческих, называет Господа Иисуса Христа. В этом смысле истинному христианину обещается просвещение души его светом Христовым и участие в будущей небесной славе (ст. 18–29).

Глава третья. Наставления малоазийским церквам: Сардийской, Филадельфийской и Лаодикийской

Ангелу Сардийской церкви Господь повелевает написать более укорительного, чем утешительного: эта церковь содержит одно только имя живой веры, а на самом деле духовно мертва. Господь угрожает сардийским христианам внезапным бедствием, если они не покаются. Есть, впрочем, и среди них очень немногие, «которые не осквернили одежд своих». Победителей (над страстями) Господь обещает облечь в белые одежды, имена их не будут изглажены из книги жизни и будут исповеданы Господом перед Отцом Его Небесным. Сардис в древности был большим и богатым городом, столицей Лидийской области, а ныне это бедная турецкая деревушка Сард. Христиан там немного, и они не имеют своего храма. При Юлиане Отступнике явно обнаружилась духовная мёртвость этого города: он быстро возвратился к идолопоклонству, за что и постигла его кара Божия: он уничтожен был до основания. Под «осквернёнными одеждами» метафорически изображаются здесь душевные скверны, а потому не осквернившие одежд своих — это те, умы которых остались непричастными еретическим лжеучениям, а жизнь не запятнана страстями и пороками. Под «белыми одеждами» разумеются брачные одежды, в которые облечены будут гости на брачном пиру царского сына, под образом которого представил Господь в притче будущее блаженство праведников в Своём Небесном Царствии (Мф. 22:11–12). Это одежды, которые будут подобны одеждам Спасителя, во время Преображения сделавшимся «белыми, как свет» (Мф. 17:2). Определения Божии о судьбах людей символически изображаются под образом книги, в которую Господь, как всеведущий и всеправедный Судья, записывает все деяния людей. Этот символический образ часто употребляется в Священном Писании (Пс. 68:29; Пс. 138:16; Ис. 4:3; Дан. 7:10; Мал. 3:16; Исх. 32:32–33; Лк. 10:20; Флп. 4:3). Сообразно с этим представлением, тот, кто живёт достойно высшего назначения, как бы вписывается в книгу жизни, а

живущий недостойно как бы изглаживается из этой книги, тем самым лишаясь права на вечную жизнь. А потому обещание побеждающему грех не изгладить имени его из книги жизни равнозначно обещанию не лишить его небесных благ, уготованных в будущей жизни праведникам. «И исповедаю имя его пред Отцом Моим и пред Ангелами Его» – это то же, что обещал Господь ещё при жизни Своей на земле Своим истинным последователям (Мф. 10:32), то есть «признаю и провозглашу его Моим верным учеником» (ст. 1–6).

Ангелу Филадельфийской церкви Господь повелевает написать много утешительного и похвального. Несмотря на свою малосильность (вероятно, имеется в виду малочисленность), эта церковь не отреклась от имени Иисусова перед лицом сатанинского сборища иудейских гонителей. За это Господь сделает так, что они придут и поклонятся перед ней, а в тяжкую годину искушения для всей вселенной она найдёт защиту и охрану у Самого Господа. Поэтому задача филадельфийцев – держать только то, что они имеют, дабы кто-нибудь не восхитил венца их. Победителя Господь обещает сделать столпом в храме и написать на нём Имя Божие и имя града Божия – Нового Иерусалима, и новое имя Иисусово. Филадельфия – второй большой город в Лидии, названный по имени своего основателя Аттала Филадельфа, царя Пергамского. Этот город один из всех малоазиатских городов долго не сдавался туркам. Замечательно, что и в настоящее время христианство находится в Филадельфии в наиболее цветущем состоянии, превосходя все прочие города Малой Азии: здесь сохранилось многочисленное христианское население, имеющее своего епископа и 25 церквей. Жители отличаются большим гостеприимством и добротой. Турки называют Филадельфию «Аллах-Шер», то есть «Божий город», и это название невольно напоминает обетование Господа: «напишу на побеждающем имя Бога Моего и имя града Бога Моего» (ст. 12). «Так говорит Святой, Истинный, имеющий ключ Давидов» – Сын Божий называет Себя имеющим ключ Давидов в смысле имеющего верховную власть в доме Давидовом, ибо ключ есть символ власти. Дом Давидов, или Царство Давидово,

значит то же, что Царство Божие, прообразом которого оно являлось в Ветхом Завете. Далее говорится, что если Господь благоволит кому-либо отверзть двери этого Царства, то никто не сможет тому воспрепятствовать, и наоборот. В этом заключается образное указание на твёрдость веры филиладельфийцев, которой не могли сломить иудействующие лжеучители. Последние придут и поклонятся перед ногами филиладельфийцев, то есть, по-видимому, признают себя побеждёнными. Под «годиной искушений», во время которой Господь обещает сохранить верных Ему филиладельфийцев, некоторые понимают страшные гонения на христиан со стороны языческих римских императоров, охватившие «всю вселенную», как тогда называлась Римская империя (ср. Лк. 2:1); другие предполагают, что под Филиладельфией нужно понимать одну из христианских церквей или всю вообще Христианскую Церковь в последние времена перед кончиной мира и вторым Пришествием Христовым. В этом последнем смысле особенно понятно увещание: «Се, гряду скоро; держи, что имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего». Тогда усилится опасность потерять веру от множества соблазнов, но зато и воздаяние за верность будет, так сказать, под руками, а потому надо быть особенно бдительными, чтобы, по легкомыслию, не утратить возможности спасения, как, например, утратила его жена Лотова. Поставление «столпом» в неодолимой вратах адовыми Церкви Христовой, образно представляющейся в виде дома, показывает ничем не нарушимую принадлежность победителя в искушениях к Церкви Христовой, то есть самое прочное положение в Царствии Небесном. Высокою наградою для такого будет также написание на нём тройного имени: имени чада Божия, как нераздельно принадлежащего Богу, имени гражданина нового, или небесного, Иерусалима и имени христианина как подлинного члена Тела Христова. Новый Иерусалим, несомненно, есть небесная, торжествующая Церковь, которая называется «сходящей с небес» потому, что самое происхождение Церкви от Сына Божия, сошедшего с небес, небесно, она дарует людям небесные дары и возводит их на небо (ст. 7–13).

Ангелу Лаодикийской, последней, седьмой по счёту, церкви повелевается написать много обличительного. Господь не изрекает о ней ни одного одобрительного слова. Он укоряет её в том, что она ни холодна, ни горяча, а потому угрожает извергнуть её из уст Своих, подобно тёплой воде, возбуждающей тошноту. Вопреки самомнительной уверенности лаодикийцев в своих нравственных совершенствах. Господь называет их несчастными, жалкими, нищими, слепыми и нагими, убеждая их позаботиться о прикрытии своей наготы и об исцелении своей слепоты. При этом Он призывает к покаянию, говоря, что с любовью стоит у дверей сердца каждого кающегося и готов прийти к нему со Своими милостями и всепрощением. Победителя над своей гордостью и вообще над нравственными недугами своими Господь обещает посадить с Собой на престоле Своём. Лаодикия, ныне называемая турками «Эски-Гиссар», то есть Старая крепость, находится во Фригии, при реке Лике и близ города Колосс. В древности она славилась своей торговлей, плодородием почвы и скотоводством. Население её было весьма многочисленно и богато, о чём свидетельствуют раскопки, при которых находят много драгоценных кусков ваятельного искусства, обломков роскошных мраморных украшений, карнизов, пьедесталов и т. п. Можно полагать, что богатство и сделало лаодикийцев такими теплохладными в отношении к христианской вере, за что город их подвергся каре Божией – полному разорению и опустошению турками. «Так говорит... начало создания Божия» – Господь назван так, конечно, не в том смысле, что Он есть первое создание Божие, а в том, что «всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Ин. 1:3), а также и в том, что Он есть виновник воссоздания падшего человечества (Гал. 6:15 и Кол. 3:10). «О, если бы ты был холоден или горяч» – холодный человек, не познавший веры, скорее может уверовать и стать горячо верующим, чем охладевший, сделавшийся равнодушным к вере христианин. Даже явный грешник лучше теплохладного фарисея, довольного своим нравственным состоянием. Поэтому Господь Иисус Христос и порицал фарисеев, предпочитая им кающихся мытарей и блудниц.

Явные и открытые грешники легче могут прийти к сознанию своей греховности и искреннему раскаянию, чем люди с тепловатой совестью, не сознающие своих нравственных недугов. «Золото, огнём очищенное», «одеяние белое» и «глазная мазь» (коллурий), которые Господь советует купить у Него лаодикийцам, означают: любовь и благоволение Божие, приобретаемые покаянием, добрые дела, чистое и непорочное поведение и высшая небесная премудрость, дающая духовное зрение. Можно предполагать также, что лаодикийцы действительно чрезмерно уповали на своё богатство, пытаясь совместить служение Богу и Маммоне. Некоторые полагают, что тут речь идёт и о пастырях, стремящихся к обогащению себя земными богатствами и возомнивших, что они через богатство призваны господствовать над наследием Божиим, импонируя своим богатством. Господь советует таковым купить у Него, то есть не испросить только и не даром получить, но купить, то есть приобрести от Самого Христа ценою трудов покаяния, «золото, огнём очищенное», то есть подлинное богатство духовное, благодатное, которое для пастыря состоит, между прочим, и в учительном, растворенном с солью, слове, «белую одежду», то есть дар благодетельного ближним, и «коллурий», или добродетель нестяжания, которая открывает глаза на суету и тщету всех богатств этого тленного мира. «Побеждающему» даётся обещание посадить его на престоле Божием, под которым разумеется высочайшее достоинство наследника Царства Небесного, соцарствование Самому Христу, Победителю дьявола.

Существует мнение, что семь церквей означают семь периодов жизни всей Христовой Церкви от её основания до кончины мира:

1) Ефесская церковь обозначает первый период – апостольскую Церковь, трудившуюся и не изнемогавшую, боровшуюся с первыми ересями – «николаитами», но оставившую вскоре добрый обычай благодетельного – «общения имуществ» («первую любовь»);

2) Смирнская церковь обозначает второй период – период гонений на Церковь, которых было всего десять;

3) Пергамская церковь обозначает третий период – эпоху Вселенских соборов и борьбы с ересями мечом слова Божия;

4) Фиатирская церковь – четвёртый период, или I период расцвета христианства среди новых народов Европы;

5) Сардийская церковь – эпоха гуманизма и материализма XVI – XVIII веков;

6) Филадельфийская церковь – предпоследний период жизни Христовой Церкви – современная нам эпоха, когда Церковь действительно «немного имеет силы» в современном человечестве и вновь начнутся гонения, когда понадобится терпение;

7) Лаодикийская церковь – последняя, самая страшная эпоха перед кончиной мира, характерная равнодушием к вере и внешним благополучием.

Глава четвёртая. Второе видение: видение Бога, сидящего на престоле, и Агнца

Четвёртая глава содержит в себе начало нового – второго видения. Изображение нового величественного зрелища, открывшегося перед взором св. Иоанна, начинается повелением ему взойти в отверстую дверь неба, чтобы увидеть, «чему надлежит быть после сего». Отверзение двери означает обнаружение сокровенных тайн Духа. Словами «взойди сюда» повелевается слушающему совершенно отрешиться от земных помышлений и обратиться к небесным. «И тотчас я был в духе», то есть вновь в состоянии восхищения св. Иоанн увидел в этот раз Самого Бога Отца, сидящего на престоле. Вид Его был подобен драгоценным камням «яспису» («камень, зеленеющийся яко смарагд») и «сардису» (сердоник цвета желто-огненного). Первый из этих цветов – зелёный, по толкованию св. Андрея Кесарийского, означал то, что Божественное естество вечноцветуще, животно и пищеподающе, а второй – жёлто-красно-огненный – чистоту и святость, вечно пребывающие в Боге, и грозный гнев Его к тем, которые нарушают Его волю. Соединение этих двух цветов указывает на то, что Бог карает грешников, но в то же время всегда готов простить искренно кающегося. Явление Сидящего на престоле было окружено «радугой», подобной смарагду, камню зелёного цвета, что означало, как и радуга, явившаяся после потопа, вечную милость Божию к человечеству. Самое сидение на престоле означало открытие Суда Божия, имеющего открыться в последние времена. Это ещё не последний Страшный Суд, но суд предварительный, подобный тем судам Божиим, которые совершались неоднократно в истории человечества над согрешившими людьми (Всемирный потоп, гибель Содома и Гоморры, гибель Иерусалима и многие другие). Драгоценные камни яспис и сердоник, а также радуга вокруг престола, являющаяся символом прекращения гнева Божия и обновления мира, обозначают, что суд Божий над миром, то есть огненное истребление его, окончится обновлением его. На

это особенно указывает свойство ясписа исцелять язвы и раны, полученные от меча (ст. 1–3).

Вокруг престола на 24 других престолах восседали 24 старца, облечённых в белые одежды, с золотыми венцами на головах. Существует много самых разнообразных мнений и предположений, кого нужно понимать под этими старцами. Несомненно одно, что это – представители человечества, угодившего Господу. Многие полагают, основываясь на обещании, данном св. апостолам: «сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28), что под этими 24 старцами надо разумеать 12 представителей ветхозаветного человечества – святых патриархов и пророков, и 12 представителей новозаветного человечества, каковыми по праву могут почитаться именно 12 апостолов Христовых. Белые одежды – символ чистоты и вечного празднования, а золотые венцы – знак победы над демонами. От престола «исходили молнии и громы и гласы» – это указывает на то, как страшен и ужасен Бог для нераскаянных грешников, недостойных Его милости и прощения. «И семь светильников огненных горели пред престолом, которые суть семь духов Божиих» – под этими «семью духами» надо понимать или семь главных Ангелов, как объясняет св. Иринеи, или семь даров Святого Духа, перечисляемых св. пророком Исаиею (11:2). «И пред престолом море стеклянное, подобное кристаллу» – кристальное море, как неподвижное и тихое, в противоположность бурному морю, виденному позже св. Иоанном (13:1), должно означать, по мнению многих толкователей, «множество святых сил небесных, чистое и бессмертное» (св. Андрей Кесарийский), это – души людей, не волновавшихся бурями житейского моря, но, подобно кристаллу, отражающие семь радужных цветов, проникнутые семью дарами благодати Духа Святого. «И посреди престола и вокруг престола четыре животных, исполненных очей спереди и сзади» – некоторые думают, что под этими животными разумеются четыре стихии и Божие ими управление и сохранение, или Божие владычество над небесным, земным, морским и преисподним. Но, как ясно из дальнейшего описания вида этих животных, это, без сомнения,

те самые ангельские силы, которые в таинственном видении св. пророка Иезекииля (1:28) на реке Ховар поддерживали таинственную колесницу, на коей, как царь, восседал Господь Бог. Эти 4 животных послужили как бы эмблемами четырёх евангелистов. Множество очей их означает Божественное всеведение, знание всего прошедшего, настоящего и грядущего. Это – верховнейшие и приближённейшие к Богу ангельские существа, непрестанно славящие Бога.

Глава пятая. Продолжение второго видения: запечатанная книга и Агнец, как бы закланный

Господь Вседержитель, Которого увидел св. Иоанн сидящим на престоле, держал в деснице Своей книгу, исписанную снаружи и внутри и запечатанную семью печатями. Книги в древности состояли из кусков пергамента, свёрнутых в трубку или навитых на круглую палку. Внутри такого свитка продевался шнурок, который связывался снаружи и прикрепляем был печатью. Иногда книга состояла из куска пергамента, который складывался в виде веера и был стянут поверх шнурком, припечатанным печатями на каждом сгибе или складе книги. В таком случае раскрытие одной печати давало возможность раскрыть и прочесть только одну часть книги. Писание производилось обыкновенно лишь на одной внутренней стороне пергамента, но в редких случаях писали с обеих сторон. По изъяснению св. Андрея Кесарийского и других, под книгой, виденной св. Иоанном, следует разумеать «премудрую Божию память», в которой вписаны все, а также и глубину Божественных судеб. В этой книге были, следовательно, вписаны все таинственные определения премудрого Промысла Божия о спасении людей. Семь печатей означают или совершенное и всеми незнаемое утверждение книги, или же домостроительство испытующего глубины Божественного Духа, разрешить которое никто из созданных существ не может. Под книгой разумеются и пророчества, о которых Сам Христос сказал, что частью они исполнились в Евангелии (Лк. 24:44), но что остальные исполнятся в последние дни. Один из сильных Ангелов громким голосом взывал, чтобы кто-нибудь раскрыл эту книгу, сняв семь печатей её, но никого не нашлось достойного «ни на небе, ни на земле, ни под землёй», кто бы дерзнул сделать это. Это означает, что никому из сотворённых существ не доступно ведение тайн Божиих. Эту недоступность усиливает ещё выражение «ни посмотреть в неё» (ст. 1–3). Тайновидец много скорбел об этом, но был утешен одним из старцев, который сказал: «Не плачь: вот лев от колена Иудина, корень

Давидов, победил и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей её». Лев здесь означает «сильного», «героя». Этим указывается на пророчество патриарха Иакова о «Лве из колена Иудина», под которым разумелся Мессия – Христос (Быт. 49:9–10). Взглянув, Тайновидец увидел «Агнца, как бы закланного, имеющего семь рогов и семь очей». Этот агнец, носивший в Себе следы того, что Он был принесён в жертву, есть, конечно, «Агнец Божий, который берёт на Себя грех мира» (Ин. 1:29), то есть Господь наш Иисус Христос. Единственно Он оказался достоин раскрыть книгу судеб Божиих, ибо Он, как принёсший Себя в жертву за грехи людей. Сам явился исполнителем определений Божиих о спасении человеческого рода. Дальнейшее вскрытие Им семи печатей книги и обозначает самое исполнение Божественных определений Единородным Сыном Божиим как Спасителем человечества. Семь рогов – это символы Его крепости, (Пс. 74:11), а семь очей означают, как тут же объяснено, «семь духов Божиих, посланных во всю землю», то есть семь даров Святого Духа, почивающих во Христе как помазаннике Божиим, о чём говорили ещё св. пророк Исаия (11:2) и св. пророк Захария (гл. 4). Семь очей символизируют вместе с тем и всеведение Божие. Агнец стоял «посреди престола», то есть там, где и надлежало быть Сыну Божию, – одесную Бога Отца (ст. 4–6). Агнец взял книгу из руки сидящего на престоле, и тотчас же четыре животных – Серафимы – и 24 старца, пав ниц, воздали Ему Божеское поклонение. Гусли, которые они имели в руках, означают гармоничное и благозвучное Божественное славословие, звучное пение их душ; золотые чаши, как тут же объясняется, наполненные фимиамом, – молитвы святых. И воспели они Сыну Божию, Искупителю человечества подлинно «новую песнь», не слыханную от создания мира, о которой предрекал ещё псалмопевец царь Давид (Пс. 97:1). В этой песне прославляется новое Царство Сына Божия, в котором Он воцарился, как Богочеловек, купивший это Царство высокою ценою Своей Крови. Искупление человечества, хотя и относилось собственно только к человечеству, но оно было так удивительно, так величественно, трогательно и священно, что

возбудило живейшее участие во всём небесном сонме, так что все вкупе, и Ангелы и люди, прославили за это дело Бога «и поклонились Живущему во веки веков» (ст. 7–14).

Глава шестая. Вскрытие Агнцем печатей таинственной книги: первая – шестая печати

В шестой главе повествуется о снятии Агнцем поочерёдно первых шести печатей таинственной книги и о том, какими знамениями это сопровождалось. Под самым вскрытием печатей следует понимать исполнение Божественных определений Сыном Божиим, предавшим Себя, как агнца, на заклание. По объяснению св. Андрея Кесарийского, снятие первой печати – это посольство в мир св. апостолов, которые, подобно луку, направивши против демонов евангельскую проповедь, спасительными стрелами привели ко Христу уязвлённых и положили венец за то, что истиной победили начальника тьмы – вот что символизирует собой «конь белый» и «на нём всадник» с луком в руках (ст. 1–2). Снятие второй печати и появление рыжего коня, сидящему на котором «дано взять мир с земли», обозначает возбуждение неверных против верующих, когда евангельской проповедью нарушился мир, во исполнение слов Христовых: «Не мир пришёл Я принести, но меч» (Мф. 10:34) и когда кровью исповедников и мучеников за Христа обильно была полита земля. «Рыжий конь» есть знак или пролития крови, или же сердечной ревности пострадавших за Христа (ст. 3–4). Снятие третьей печати и появление вслед за тем вороного коня со всадником, имевшим «меру в руке своей», обозначает отпадение от Христа не имеющих твёрдой веры в Него. Чёрный цвет коня символизирует «плач об отпавших от веры во Христа по причине тяжести мучений». «Мера пшеницы за динар» означает законно подвизавшихся и тщательно сохранивших данный им Божественный образ; «три меры ячменя» – это те, которые, подобно скотам, по недостатку мужества покорились гонителям из боязни, но после покаялись и слезами омыли осквернённый образ; «еже же и вина не повреждай» означает, что не следует из-за страха отвергать Христово врачевание, оставлять без него уязвлённых и «впадших в разбойники», но приносить им «вино утешения» и

«елей сострадания». Многие под вороным конём понимают бедствия голода (ст. 5–6).

Снятие четвёртой печати и появление бледного коня с всадником, имя коему смерть, означает проявление гнева Божия в отмщение за благочестивых и в наказание грешников – это различные бедствия последних времён, предсказанные Христом Спасителем (Мф. 24:6–7) (ст. 7–8).

Снятие пятой печати – молитва святых мучеников у престола Божия об ускорении кончины мира и наступлении Страшного Суда. Св. Иоанн видит «под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе. Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?». Души праведников, пострадавших за Христа, как видно из этого, находятся под алтарём небесного храма, подобно тому как и на земле со времён мученических вошло в обычай в основание христианских храмов и алтарей полагать частицы мощей св. мучеников. Молитва праведников объясняется, конечно, не желанием их личной мести, а ускорением торжества правды Божией на земле и того воздаяния каждому по делам его, которое должно произойти на Страшном Суде и сделать их причастниками вечного блаженства как отдавших жизнь свою за Христа и Его Божественное учение. Им даны были белые ризы – символ их добродетели – и сказано было потерпеть «ещё малое время», пока и сотрудники их, и братья, которые будут убиты, как и они, дополнят число, дабы всем вместе получить достойную мзду от Бога (ст. 9–11).

Снятие шестой печати символизирует те стихийные бедствия и ужасы, которые будут происходить на земле в последний период её существования, непосредственно перед кончиной мира, вторым Пришествием Христовым и Страшным Судом. Это будут те же самые знамения, о которых предрекал Сам Господь Иисус Христос незадолго до Своих крестных страданий (Мф. 24:29; Лк. 21:25–26). «Произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь, и звезды небесные пали на землю». Эти

знамения вызовут смертельный страх и ужас у людей всех состояний, которые будут жить тогда на земле, начиная от царей, вельмож и тысяченачальников и кончая рабами. Все вострепещут при наступлении дня великого гнева Его и будут молить горы и камни: «Сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца». Подобные ужасы переживали убийцы Христовы при разрушении Иерусалима. В ещё больших размерах постигнут такие ужасы всё человечество перед кончиной мира.

Глава седьмая. Явление после вскрытия шестой печати: 144.000 запечатлённых на земле и облечённые в белые одежды на небе

Вслед за тем св. Тайновидец видит четырёх Ангелов, «стоящих на четырёх углах земли», «которым дано вредить земле и морю». Они явились, очевидно, как исполнители кары Божией над вселенной. Одна из задач, поставленным им: «удержание ветров». Как объясняет св. Андрей Кесарийский, это «явно свидетельствует о разрушении подчинения твари и неизбежности зла, потому что всё растущее на земле прозябает и питается ветрами; при содействии их же плавают и по морю». Но тут же явился и «иной Ангел», который имел «печать Бога живого» для того, чтобы положить эту печать на челах рабов Божиих и этим избавить их от наступающих казней Божиих. Это нечто подобное тому, что было открыто некогда св. пророку Иезекиилю о муже, облечённом в подир, то есть в длинную льняную одежду, и налагающем печать «на лица стнящих» (Иез. 9:4), чтобы с неправедными не погубить и праведных (ибо и Ангелам неизвестны сокровенные добродетели святых). Этот Ангел повелел первым четырём не делать никакого вреда «ни земле, ни морю, ни деревьям», пока он не положит печати на челах рабов Божиих. в чём состоит эта печать, мы не знаем, да и доискиваться этого не нужно. Может быть, это будет знамение Честного Креста Господня, по которому легко будет отличить верующих от неверующих и отступников; может быть, это будет печать мученичества за Христа. Запечатление это начнётся с израильтян, которые перед кончиной мира обратятся ко Христу, как предрекает об этом св. апостол Павел (Рим. 9:27, также главы 10 и 11). В каждом из 12 колен окажется по 12.000 запечатлённых, а всего 144.000. В числе этих колен не упоминается колена Данова, потому что из него, по преданию, произойдёт антихрист. Вместо колена Данова упомянуто священническое колено Левиино, которое не входило прежде в число 12 колен. Такая ограниченная численность выставлена, быть может, для того, чтобы показать, как мало спасшихся

сынов Израилевых по сравнению с неисчислимым множеством возлюбивших Господа Иисуса Христа из всех остальных народов земли, бывших язычниками (ст. 1–8).

Вслед за тем св. Иоанну представляется другое дивное зрелище: «Великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из всех племён и колен, и народов и языков стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих. И восклицали громким голосом, говоря: спасение Богу нашему, сидящему на престоле, и Агнцу!» – по словам св. Андрея Кесарийского, «это суть те, о которых говорит Давид: «стану ли исчислять их, но они многочисленнее песка» (Пс.138:18), – которые прежде мученически пострадали за Христа и из всякого колена и племени имеющие в последние времена с мужеством принять страдания. Излиянием своей крови за Христа одни из них убелили, другие же убелят одежды своих деяний». В руках у них пальмовые ветви – знамения победы над дьяволом. Участь их – вечное ликование перед престолом Божиим. Один из небесных старцев объяснил св. Иоанну, что «это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои кровию Агнца». Все эти признаки указывают явно на них как мучеников за Христа, а выражение, что они «пришли от великой скорби», заставляет некоторых толкователей предполагать, что это христиане, которые будут избиты антихристом в последний период существования мира. Ибо об этой скорби возвестил Сам Христос-Спаситель, говоря: «Тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира и доныне, и не будет» (Мф. 24:21).

Это и будет то дополнение числа мучеников, о котором сказано в Откр. 6:11. В качестве высшей награды, которую они получают, указывается то, что они будут пребывать перед престолом Божиим, служа Богу «день и ночь», чем указывается образно на непрерывность этого служения, ибо, как говорит св. Андрей, «ночи там не будет, но один день, освещаемый не чувственным солнцем, но духоносным Солнцем Правды». Черты блаженства этих праведников выражены ещё в словах: «не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакой зной», то есть не будут больше терпеть

никаких бедствий. Сам «Агнец» будет «пасти их», то есть руководить ими, они сподобятся обильного излияния Духа Святого («животные источники вод»), «и отрёт Бог всякую слезу с очей их» (ст. 9–17).

Глава восьмая. Снятие седьмой печати и гласы труб ангельских: первой – четвёртой

Когда Агнец снял последнюю, седьмую печать, «сделалось безмолвие на небе, как бы на полчасца» – так бывает и в мире физическом: наступлению бури часто предшествует глубокая тишина. Это безмолвие на небесах означало сосредоточение благоговейного внимания предстоящих перед престолом Божиим Ангелов и человек в ожидании страшных знамений гнева Божия перед кончиной века сего и явления Царства Христова. Явилось семь Ангелов, которым дано было семь труб, и другой Ангел, ставший перед жертвенником, со златой кадильницей. «И дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который пред престолом». Прежде чем первые семь Ангелов, как каратели заблудшего человеческого рода, приступят к своему делу, предстательствуют перед Богом за людей святые с Ангелом молитвы во главе. Св. Андрей Кесарийский говорит, что святые будут умолять Бога, дабы «по бедствиям, поражающим при всемирной кончине, были ослаблены мучения нечестивых и беззаконных людей в будущем веке и чтобы Своим пришествием Он наградил потрудившихся». Вместе с тем святые вновь и вновь будут молить Бога, как они молили при снятии пятой печати (Откр. 6:9–11), о том, чтобы Бог явил Своё правосудие над беззаконниками и гонителями Христовой веры и прекратил свирепства мучителей. Описанные вслед за тем казни были, несомненно, следствием этой молитвы. Господь показывает тут, что Он не оставляет без внимания молитв верных рабов Своих. И вот как сильна оказалась эта молитва: «И вознёсся дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога. И взял Ангел кадильницу, и наполнил её огнём с жертвенника, и поверг на землю: и произошли голоса и громы, и молнии и землетрясение. И семь Ангелов, имеющие семь труб, приготовились трубить». Всем этим обозначаются ужасы, которые произойдут при кончине мира.

Вслед за тем следуют трубные звуки одного за другим всех семи Ангелов, которые сопровождаются каждый раз великими бедствиями – казнями для земли и её обитателей (ст. 1–6).

«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зелёная сгорела» – кары Божии следуют постепенно, что указывает на милосердие и долготерпение Божие, призывающее грешников к покаянию. Сначала кара Божия поражает треть деревьев и всю траву. Сгорают на корню хлеба и прочие травы, необходимые для питания человека и скотов. Под «градом, падающим на землю», и истребительным «огнём, смешанным с кровью», многие толкователи понимали истребительную войну. Не воздушная ли это бомбардировка с её бомбами разрушительными и зажигательными? (ст. 7).

«Второй Ангел вострубил, и как бы большая гора, пылающая огнём, низверглась в море; и третья часть моря сделалась кровью, и умерла часть одушевлённых тварей, живущих в море, и третья часть судов погибла» – можно полагать, что на дне одного из океанов откроется вулкан, огненная лава которого наполнит третью часть водных бассейнов земли, неся смерть всему живому. Иные считают, что тут имеются в виду страшные кровопролитные морские сражения с помощью новоизобретённых убийственных орудий (ст. 8–9).

«Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» – некоторые думают, что это метеор упадёт на землю и произведёт отравление водных источников на земле, которые сделаются ядовитыми. А может быть, это тоже один из новоизобретённых способов будущей страшной войны (ст. 10–11).

«Четвёртый Ангел вострубил, и поражена была третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звёзд, так что затмилась третья часть их, и третья часть дня не светла была – так, как и ночи» – понять это нам теперь невозможно; одно

ясно, что это должно будет сопровождаться разными бедствиями для людей – неурожаями, голодом и т. п.

«Третья часть» – указывается на умеренность всех бедствий. «Горе, горе, горе живущим на земле» – этот глас Ангела указывает на человеколюбие и сострадание Божественных Ангелов, сожалеющих о нераскаянных людях, подвергающихся таким бедствиям. Под Ангелами с трубами некоторые понимают христианских проповедников, призывающих к вразумлению и покаянию.

Глава девятая. Гласы пятой и шестой труб ангельских: саранча и конное войско

По трубному гласу пятого Ангела с неба спала звезда, и «дан был ей ключ от кладезя бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя. И из дыма вышла саранча на землю...» Этой саранче, подобной скорпионам, велено было мучить людей, которые не имели на себе печати Божией, «пять месяцев». Св. Андрей Кесарийский под этой звездой понимает Ангела, посланного для наказания людей; под «кладезем бездны» – геенну; «прузи», или саранча, это, – по его мнению, черви, о которых сказал пророк: «Червь их не скончается» (Ис. 66:24); помрачение солнца и воздуха указывает на душевное ослепление людей; пять месяцев означают непродолжительность этой казни, так как «если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть» (Мф. 24:22). Можно видеть тут и соответствие пяти внешним чувствам, через кои грех входит в душу человека. «А что саранча эта не вредит травы земные, но человеки точию, так сие потому, что вся тварь свободится от тления, ради нас которому ныне рабствует». Описание этой чудовищной саранчи, которая с головы походит на человека, носит венцы из поддельного золота, женские волосы, имеет львиные зубы, тело, покрытое чешуёй железной, как бы латами, крылья, производящие шум и треск как бы от множества колесниц, мчащихся на войну, и, наконец, вооружённый жалом хвост, как у скорпионов, – всё это наводит некоторых толкователей на мысль, что эта саранча – не что иное, как аллегорическое изображение человеческих страстей. Каждая из таких страстей, дошедши до известного предела, имеет все признаки этой чудовищной саранчи (см. толкование Ф. Яковлева). «Пять месяцев» указывают на кратковременность порочных наслаждений по сравнению с вечностью мучений, которые затем последуют. Описывая приближение дня Господня, св. пророк Иоиль описывает также появление перед ним губителей,

отчасти напоминающих эту саранчу. Современные толкователи, не без некоторой доли справедливости, находят сходство этой саранчи с аэропланами-бомбардировщиками. Ужасы, которым подвергнутся тогда люди, будут таковы, что они станут искать смерти, но не найдут её: «пожелают умереть, но смерть убежит от них». Этим указывается на мучительность имеющих постигнуть людей страданий. Под царём этой саранчи, носящим имя ангела бездны – «Аввадон», или по-гречески «Аполлион», толкователи понимают дьявола (ст. 1–12).

Когда прозвучала труба шестого Ангела, ему велено было освободить для поражения третьей части людей четырёх Ангелов, связанных при реке Ефрате. Но чтобы поражение это не произошло вдруг и в один приём. Ангелам определено действовать в определённый час, день, месяц и лето. Вслед за тем явилось многочисленное конное войско. Всадники были в огненных латах, гиацинтовых (фиолетового или темно-багрового цвета) и серных (пылающей серы); кони их с львиными головами, выпускающими из челюстей огонь, дым и серу; хвосты коней были подобны змеям, которые жалили. Св. Андрей под этими четырьмя Ангелами понимает «прелукавых демонов», которые освобождаются от уз для наказания людей. Под «конями» он понимает женонеистовых и скотоподобных людей; под «всадниками» – управляющих ими, под «огненными бронями» – пожирающую деятельность лукавых духов, убийственность и зверство которых описывается под видом «львиных голов». «Исходящий из уст их с дымом и серою огонь», коим истреблена будет третья часть людей, означает или грехи, ядовитостью внушений, научений и соблазновжигающие сердечные плоды, или Божиим попущением варварами производимые опустошения городов и кровопролития. «Хвосты» их подобны змеям, имущим головы, ибо конец бесовских сеяний – ядоносный грех и душевная смерть. Иные толкователи понимают под этим изображением аллегорическое представление страшной кровопролитной войны, чудовищной, беспощадной. Редкой по своим ужасам и беспощадности была действительно недавно пережитая нами вторая мировая война. Некоторые и видят, поэтому под этим

страшным конным войском танки, изрыгающие огонь. Весьма характерно также замечание, что уцелевшие от этих ужасов люди «не раскаялись... в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своём, ни в воровстве своём» – таково будет перед кончиной мира всеобщее ожесточение и окамененное нечувствие. Это и теперь уже наблюдается.

Глава десятая. Об облечённом в облако и радугу Ангеле, предвозвещающем о кончине

Это явление имеет вид вводного сказания. Оно останавливает продолжение пророческих иносказаний, но не прерывает их. Перед последним, седьмым трубным звуком св. Иоанн увидел величественного Ангела, сходящего с неба, окружённого облаком, с радугой над головою, с лицом, сияющим, как солнце; пламенные ноги его стали одна на море, другая на земле; в руке его была раскрытая книга. Некоторые думают, что этот Ангел – Сам Господь Иисус Христос или Святой Дух, но св. Иоанн назвал его «Ангелом», и св. Андрей Кесарийский считает, что это именно Ангел, может быть один из Серафимов, украшенный славою Господа. Стояние его на море и на земле означает владычество над стихиями земного мира, по толкованию св. Андрея – «наводимые Ангелом страх и наказания нечестивым, разбойничающим на земле и на море». Книжка, которую держал он в руке, по толкованию св. Андрея, содержала «имена и деяния тех из лукавейших, которые разбойничают или иным образом бесчинствуют на земле и убивают на море», по другим толкованиям, содержала вообще пророчества о дальнейших судьбах мира и человечества. «Ангел воскликнул громким голосом... и когда он воскликнул, тогда семь громов проговорили голосами своими» – но когда св. Иоанн пожелал записать эти громовые слова, ему запрещено было это сделать. Св. Андрей Кесарийский полагает, что это «семь громов» или «семь гласов одного угрожающего Ангела, или семь других Ангелов, предвозвещающих о будущем». То, что они говорили, «теперь неизвестно, но будет потом изъяснено самым опытом и течением вещей». Окончательное познание и разъяснение того, что они возглашали, принадлежит последним временам. Некоторые полагают, что это – семь периодов в истории человечества:

- 1) торжество христианства над язычеством;
- 2) великое переселение народов и крушение Римской империи, на месте которой возникают новые христианские

государства;

3) появление магометанства и крушение Византийской империи;

4) эпоха крестовых походов;

5) падение благочестия в Византии, покорённой исламом, и в древнем Риме, где возобладал дух папизма, результатом чего явилось отступничество от Церкви в виде Реформации;

6) революции и водворение всюду социальной анархии, из которой должен выйти «сын погибели» – антихрист;

7) восстановление Римской, то есть всемирной империи с антихристом во главе и кончина мира.

Изображать вперёд все эти события не было надобности, ибо они развёртываются во времени (10:1–4). Но вот вслед за тем Ангел, подняв руку свою, клялся Живущим во веки веков, что «времени уже не будет», то есть прекратится обычное круговращение стихийного мира, и не будет времени, измеряемого солнцем, а наступит вечность. Здесь важно, что Ангел клялся «Живущим во веки веков», то есть Самим Богом. Следовательно, не правы сектанты, считающие, что никакая клятва вообще не допустима (ст. 5–6). «Но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия, как Он благовествовал рабам Своим пророкам», то есть скоро наступит последняя, седьмая эпоха существования мира, когда вострубит седьмой Ангел, и тогда совершится «тайна Божия», предсказанная пророками, то есть наступит конец мира, и всё, что должно произойти в связи с ней (ст. 7).

Вслед за тем св. Иоанн, по повелению голоса с неба, подошёл к Ангелу, и Ангел дал ему проглотить книжицу, которую держал раскрытой в руке своей. «И она в устах моих была сладка, как мёд; когда же съел её, то горько стало во чреве моём». Здесь указывается на то, что св. Иоанн принял пророческое дарование, наподобие того, как принимали его ветхозаветные пророки, например св. пророк Иезекииль, которому также велено было съесть книжный свиток, прежде чем он был послан Господом проповедовать Дому Израилеву (Иез. 2:8–10; 3:1–4). Сладость и горечь, по объяснению св. Андрея, означают следующее: «Сладко для тебя, говорит,

познание будущего, но вместе и горько для чрева, то есть сердца, – вместилища словесной пищи, из-за сострадания к тем, которые должны претерпевать ниспосланные по Божественному определению наказания». Другой смысл этого: «Поелику св. евангелист не испытал худых дел, поглощением книги, содержащей деяния нечестивых, ему и показывается, что при начале греха бывает сладость, а по совершении – горечь, по причине отмщения и воздаяния». Сострадательное сердце апостола не могло не почувствовать всей горечи скорби, какая ожидала греховное человечество. В заключение св. Иоанн получает повеление пророчествовать (ст. 8–11).

Глава одиннадцатая. Пророчества о храме, о енохе и илии, трубный глас седьмого Ангела

После того апостолу дана была «трость, подобная жезлу, и сказано: встань и измерь храм Божий и жертвенник, и поклоняющихся в нем. А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попираť святой город сорок два месяца». По толкованию св. Андрея, «храм Бога Живаго есть Церковь, в которой приносятся нами словесные жертвы. Внешний двор – общество неверующих и иудеев, недостойных ангельского измерения (то есть определения степени их нравственного совершенства и соответственного блаженства) за своё нечестие». Попрание же святого города Иерусалима или Вселенской Церкви в течение 42 месяцев означает то, что в пришествие антихриста верные будут гонимы в течение трёх с половиною лет. Некоторые толкователи предполагают, что это измерение храма означает предстоящее вскоре разрушение иерусалимского ветхозаветного храма, на место которого будет воздвигнута новозаветная Христианская Церковь, подобно тому как подобное же измерение храма тростью в видении пророка Иезекииля (гл. 40–45) знаменовало собой восстановление разрушенного храма. Иные считают, что внутренний двор, который был измерен апостолом, обозначает собой «Церковь первородных на небесах» (Евр. 12:23), святилище небесное, а внешний двор, оставленный без измерения, это – Церковь Христова на земле, которая должна претерпеть гонение сначала от язычников, а затем, в последние времена, – от антихриста. Бедственное состояние земной Церкви ограничено, однако, сроком в 42 месяца. Исполнение предсказания о 42 месяцах некоторые толкователи видели в гонении Диоклетиана, которое отличалось наибольшей жестокостью и продолжалось с 23 февраля 305 года по 25 июля 308 года, то есть как раз около трёх с половиною лет. Гонение коснётся только внешнего двора, то есть внешней стороны жизни христиан, у которых будут отнимать имущество, будут подвергать их мучениям,

внутреннее же святилище душ их останется неприкосновенным (ст. 1–2).

В течение этого же самого времени, или 1.260 дней, будут проповедовать людям покаяние и отвращать их от обольщения антихриста «два свидетеля Божии», под которыми все свв. отцы и учителя Церкви почти единодушно понимали взятых на небо живыми ветхозаветных праведников Еноха и Илию. Во время своей проповеднической деятельности, обладая могуществом и властью над стихиями для наказания и вразумления нечестивых, сами они будут неуязвимы. И только по окончании их миссии, по истечении трёх с половиною лет, «зверю, выходящему из бездны», то есть антихристу, будет позволено Богом убить проповедников, и трупы их будут брошены на улицах великого города, «который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят», то есть, по-видимому, города Иерусалима, где антихрист оснует своё царство, выдавая себя за Мессию, предсказанного пророками. Обольщённые ложными чудесами антихриста, который при содействии дьявола будет славнейшим из всех волхвов и обольстителей, не позволят предать погребению тела св. пророков и будут радоваться их смерти, «потому что эти два пророка мучили живущих на земле», пробуждая их совесть. Злорадство нечестивых не будет продолжительным. Через три с половиною дня св. пророки будут оживлены Богом и восхищены на небо. При этом произойдёт великое землетрясение, разрушится десятая часть города и погибнет семь тысяч человек, а остальные, объятые страхом, воздадут славу Богу Небесному. Таким образом, делу антихриста будет нанесён решительный удар (ст. 3–13).

Вслед за тем седьмой Ангел вострубил, и раздались на небе радостные восклицания: «Царство мира соделалось Царством Господа нашего Иисуса Христа, и будет царствовать во веки веков», и двадцать четыре старца, пав на лица свои, воздали поклонение Богу, вознося Ему благодарение и хвалу за начало праведного суда Его над человеческим родом. «И отверзся храм Божий на небе, и явился ковчег завета Его в храме Его; и произошли молнии и голоса, и громы и землетрясение и великий град» – через это, по толкованию св.

Андрея, указывается на откровение уготованных святым благ, которые, по апостолу, «все сокрыты во Христе, в Коем обитает вся полнота Божества телесно» (Кол. 2:3, 9). Откроются же они тогда, когда на беззаконных и нечестивых посланы будут страшные гласы, молнии, громы и град, переменой настоящего в землетрясении, принося гееннские мучения.

Глава двенадцатая. Третье видение: борьба царства божия с враждебными ему силами антихриста. Церковь Христова под образом жены в болезнях рождения

«И явилось на небе великое знамение – жена, облечённая в солнце; под ногами её луна, и на главе её венец из двенадцати звёзд». Некоторые толковники видели в этой таинственной жене Пресвятую Богородицу, но такие выдающиеся толкователи Апокалипсиса, как св. Ипполит, св. Мефодий и св. Андрей Кесарийский, находят, что это – «Церковь, облечённая в Слово Отчее, сияющее паче солнца». Этот блеск солнечный означает также, что она обладает истинным познанием Бога, Его законов и содержит Его откровения. Луна под ногами её – в знак того, что она превышает всего изменчивого. Св. Мефодий «луною считает иносказательно веру банею очищаемых от тления, так как от луны зависит влажное естество». На главе её венец из 12 звёзд в знак того, что, будучи первоначально собрана из 12 колен Израилевых, она впоследствии руководима была 12 апостолами, составлявшими её светносную славу. «Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения» – вот из чего видно, что неправильно видеть в этой жене Пресвятую Богородицу, ибо рождение от Нее Сына Божия было безболезненным. Эти муки рождения означают те трудности, которые нужно было преодолеть Церкви Христовой при утверждении её в мире (мученичество, распространение ересей). Вместе с тем это означает, по объяснению св. Андрея, что «Церковь болит о каждом из возрождаемых водою и духом, пока, как сказал Божественный апостол, «не вообразится в них Христос». «Церковь болит, – говорит св. Мефодий, – перерождая душевных в духовных, и видом и образом преображая их по подобию Христову» (ст. 1–2).

«И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим» – в этом образе змия нельзя не видеть «древнего змия, называемого «дьяволом и сатаною», о котором говорится

ниже (ст. 9). Красно-багровый цвет означает кровожадную люто́сть его, семью головами обозначается крайняя хитрость и коварство его (в противоположность семи духам Божиим, или семи дарам Святого Духа); 10 рогов – злая мощь и сила его, направляемые против 10 заповедей Закона Божия; венцы на головах его означают царственную власть дьявола в его мрачном царстве. В приложении к истории Церкви некоторые видят в этих 7 венцах семь царей, восставших против Церкви, а в 10 рогах – 10 гонений на Церковь (ст. 3).

«Хвост его увлѣк с неба третью часть звѣзд и поверг их на землю» – под этими звѣздами, которые увлѣк за собой дьявол к падению, толкователи понимают падших ангелов, или демонов. Под ними понимаются также предстоятели церквей и учителя, совра́щенные сатанинскою силою. «Дракон сей стал пред женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать её младенца» – «дьявол всегда вооружается против Церкви, усиленно помогаясь сделать возрождаемых своею пищею» (св. Андрей) (ст. 4).

«И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным» – образ Иисуса Христа, ибо, как говорит св. Андрей, «в лице крещаемых Церковь непрестанно рождает Христа, как, по апостолу, «в них изображаемого даже до полного возраста Христова» (Еф. 4:13). И св. Ипполит говорит также, что «Церковь не перестанет рождать из сердца Слово, которое гонимо в мире неверными» – Церковь всегда рождает людям Христа, Которого с самого начала ещё, в лице Ирода, стремился пожрать сатана (ст. 5).

«И восхищено было дитя её к Богу, и престолу Его» – так Господь Иисус Христос восхищён был на небо в день славного Вознесения Своего и воссел на престоле Отца Своего, одесную Его; так и все святые, в которых воображается Христос, восхищаются к Богу, чтобы не быть побеждёнными от искушений, превышающих силы их; так и все христиане последних времён восхищены будут «в сретение Господне на воздушех» (1Сол. 4:17) (ст. 5).

«А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для неё место от Бога, чтобы питали её там тысячу двести

шестьдесят дней» – под этим бегством жены в пустыню многие видят бегство христиан из осаждённого римлянами Иерусалима во время великой иудейской войны 66–70 годов в город Пеллу и Заиорданскую пустыню. Война эта действительно продолжалась три с половиной года. Под этой пустыней можно видеть и ту пустыню, где спаслись первые христиане от гонителей, и пустыню, в которой спасались преподобные подвижники от козней дьявола (ст. 6).

«И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его... не устояли... и низвержен был великий дракон, древний змий, называемый дьяволом и сатаной, обольщающий всю вселенную... на землю, и ангелы его низвержены С ним» – по толкованию св. Андрея, эти слова «можно отнести и к первому дьявольскому за гордость и зависть низвержению из ангельского чина, а также и поражению его Владычным крестом, когда, говорит Господь, «князь мира сего был осуждён и изгнан из прежнего владычества (Ин. 12:31). Под образом этой брани видят также победу христианства над язычеством, поскольку дьявол и демоны его всеми силами возбуждали и вооружали язычников на борьбу с Христовой Церковью. В этой победе над дьяволом деятельное участие принимали сами христиане, которые «победиша его кровию агнчею и словом свидетельства своего: и не возлюбиша душ своих даже до смерти», каковы были свв. мученики. Победждённый на двух бранях – с Михаилом Архангелом и небесными воинствами его на небе и с мучениками Христовыми на земле, – сатана сохранил ещё некую видимость власти на земле, ползая по ней, подобно змию. Доживая последние дни свои на земле, сатана замышляет последнюю и решительную брань с Богом и верующими христианами при помощи антихриста и пособника его, лжепророка (ст. 7–12).

«Когда же дракон увидел, что низвержен на землю, начал преследовать жену... и даны были жене два крыла большого орла, чтоб она летела в пустыню в своё место...» – дьявол не перестанет гнать Церковь, но Церковь, имеющая два орлиных крыла – Ветхий и Новый Завет, – скроется от дьявола в

пустыню, под которой можно понимать и духовную, и чувственную пустыню, в которую скрывались и скрываются истинные христиане-подвижники (ст. 13–14).

«И пустил змей из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь её рекою. На земля помогла жене, и разверзла земля уста свои и поглотила реку, которую пустил дракон из пасти своей» – под этой «водой» св. Андрей понимает «множество или злых демонов, или различных искушений», а под землёй, поглотившей эту воду, – «смиреномудрие святых, которые, говоря от сердца: «я прах и пепел» (Быт. 18:27), тем самым расторгают все дьявольские сети, ибо, как открыто Ангелом Божественному Антонию, ничто так не пресекает и не сокрушает силы дьявола, как смирение». Некоторые понимают под этим страшные гонения на Церковь от языческих императоров и реки лившейся тогда христианской крови. Подобно реке, разливающейся по земле и поглощаемой ею, все злобные усилия сатаны разрушились и исчезли без следа, когда христианство восторжествовало над язычеством при императоре Константине Великом (ст. 16).

«И рассвирепел дракон на жену и пошёл, чтобы вступить в брань с прочими от семени её, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» – это та непрерывная и многовековая борьба, которую повёл дьявол против всех истинных сынов Церкви по утверждению христианства на земле, и которую он будет вести всё в возрастающей степени до скончания мира, пока его усилия не истощатся и не окончатся в лице антихриста (ст. 17).

Глава тринадцатая. Зверь-антихрист и его пособник лжепророк

Под этим «зверем, выходящим из моря», почти все толкователи понимают антихриста, выходящего из «моря житейского», то есть из среды волнующегося, подобно морю, рода людского. Отсюда ясно, что антихрист будет не дух какой-либо или демон, а погибельное исчадие человеческого рода, не воплотившийся дьявол, как думали некоторые, а человек. Некоторые под этим «зверем» понимали богоборческое государство, каковым во времена первохристианства была Римская империя, а в последние времена будет всемирное царство антихриста. Мрачными чертами рисует св. Тайновидец образ этого последнего врага Христовой Церкви. Это – зверь, похожий на барса, с ногами, как у медведя, и с пастью льва. Таким образом, в личности антихриста соединятся свойства и качества самых свирепых животных. Голов у него также семь, как и у самого дьявола-дракона, причём головы эти испещрены богохульными именами для наглядного изображения его внутреннего нечестия и презрения ко всему святому. Десять рогов его увенчаны диадемами в знак того, что он будет пользоваться своею богоборною силою со властью царя на земле. Власть эту он получит при помощи дракона, или дьявола, который отдаст ему свой престол (ст. 1–2).

Тайновидец заметил, что одна из голов зверя как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела, и это привело в удивление всю землю, следившую за зверем, и заставило подчиниться уstraшённых людей как дракону, давшему власть зверю, так и самому зверю. Все поклонились ему, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним? Всё это означает, что нелегко достанется антихристу власть над всем человечеством, что сначала придётся вести ему жестокие войны и даже испытать сильное поражение, но потом последуют изумительные победы его и воцарение над миром. Воцарившемуся антихристу будут даны уста, говорящие гордо и богохульно, и власть действовать сорок два месяца.

Таким образом, непродолжительна будет власть его, так как иначе, по слову Спасителя, не спаслась бы никакая плоть (Мф. 24:22). В 6–10 стихах указывается образ действия антихриста: он будет отличаться богохульством, насилиями над людьми, ему не покоряющимися, и «дано ему будет вести войну со святыми и победить их», то есть силою заставить подчиниться себе, конечно чисто внешним образом, ибо поклонятся антихристу лишь те, имена которых не написаны в книге жизни у Агнца. Одним только терпением и верою будут защищаться от антихриста святые, и их утешает Тайновидец уверением, что «кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом», то есть, что антихриста ожидает праведное возмездие (ст. 1–10).

Далее, в 11–17 стихах Тайновидец говорит о пособнике антихриста – лжепророке и его деятельности. Это – тоже «зверь» (по-гречески «Фирион», что значит зверь, у которого особенно резко проявляется его зверская порода, как, например, у диких зверей: гиены, шакала, тигра), но изображается он выходящим не из моря, как первый, а «из земли». Это значит, что все чувства и помышления его будут вполне земного, чувственного характера. Он имеет «два рога, подобных агнчим», по изъяснению св. Андрея для того, «чтобы кожей овцы прикрыть убийственность сокрытого волка, и потому, что вначале постарается иметь образ благочестия». Св. Ириней говорит, что это «оруженосец антихриста и лжепророк. Ему дана власть знамений и чудес, чтобы, предшествуя антихристу, приготовить ему погибельный путь. Исцеление звериной язвы, говорим, есть или кажущееся соединение на короткое время разделённого царства, или скоропреходящее восстановление антихристом господства сатаны, разрушенного крестом Господним, или мнимое воскрешение кого-нибудь умершего из близких ему. Будет же говорить, как змий, ибо соделает и проговорит то, что свойственно начальнику зла – дьяволу». Подражая Господу Иисусу Христу, и он будет употреблять для утверждения власти антихриста две силы: силу слова и силу чудес. Но говорить он будет, «как дракон», то есть богохульно, и плодом его речей будет безбожие и крайнее нечестие. Ради

обольщения людей он станет творить «великие знамения», так что и огонь сможет низводить с неба, а что особенно примечательно, «ему дано будет вложить дух в образ зверя, то есть антихриста, чтобы образ зверя говорил и действовал». Но это будут не истинные чудеса, какие творит лишь Бог, а «чудеса ложные» (2Сол. 2:9). Они будут состоять в ловкости, в обмане чувств и в пользовании естественными, но тайными силами природы с помощью дьявола в пределах могущества его дьявольских сил. Всем, поклонившимся антихристу, будет положено начертание на правую руку их или на чело их, подобно тому, как в древности рабы носили некогда выжженные знаки на лбу, а воины на руках. Владычество антихриста будет столь деспотичным, что «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме тех, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его». Чрезвычайная таинственность связана с именем антихриста и «числом имени его». Об этом так говорит Апокалипсис: «Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». Много было употреблено усилий ещё с древних времён, дабы разгадать значение и смысл этих слов, но они не привели ни к чему положительному. Чаще всего делались попытки подыскать антихристово имя из сложения букв различного числового значения. Например, по догадке св. Иринея, звериное число 666 образуется из сложения цифрового значения букв имени «Латинос» или «Теттиан». Некоторые находили звериное число в имени Юлиана Отступника; позднее – в титуле Римского папы – «Викариус Филии Деи» («Наместник Сына Божия»), в имени Наполеона и т. д. Наши раскольники пытались вывести число 666 из имени патриарха Никона. Рассуждая об имени антихриста, св. Андрей говорит: «Если бы была необходимость знать его имя, Тайновидец открыл бы его, но благодать Божия не соизволила, чтобы это пагубное имя было написано в Божественной книге». Если исследовать слова, то, по мнению св. Ипполита, можно найти множество имён, и собственных и нарицательных, соответствующих этому числу (ст. 18).

Глава четырнадцатая. Приготовительные события перед всеобщим воскресением и страшным судом: хвалебная песнь 144.000 праведников и ангелы, возвещающие судьбы мира

Изобразив высшую ступень торжества дьявола через его слугу антихриста на земле, св. Иоанн обращает взор свой к небу и видит: «Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах». Это те, «которые не осквернились с жёнами, ибо они девственники; это те, которые следуют за Агнцем, куда бы он ни пошёл». В этом видении изображается Церковь, чистая невеста Христова, во время процветания империи зверя. Число 144.000 здесь имеет, по-видимому, то же значение, что и в 7 главе, стихах 2–8. Это – избранники Божии от всех народов земли, представленных образно в виде 12 колен Израилевых. То, что имя Отца агнца написано на челах их, означает отличительные качества их внутренней настроенности – нравственный характер и образ жизни их, всецелое посвящение их служению Богу. К ним присоединяется сонм играющих на гуслях «как бы новую песнь». Это – песнь о новом творении Божиим, песнь об искуплении и обновлении человечества кровью Агнца Божия. Поёт эту песнь только искупленная часть человечества, а потому-то «никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырёх тысяч, искупленных от земли» (ст. 1–5). Некоторые толкователи под «девственниками» понимают здесь не девственников в буквальном смысле слова, а тех, которые были спасены от тины язычества и идолослужения, поскольку в Священном Писании Ветхого Завета идолослужение нередко называется любодейством.

Вслед за тем св. Тайновидцу представилось второе видение: парящие в небе три Ангела. Один возвещал людям «вечное Евангелие» и как бы говорил: «бойтесь Бога и не страшитесь антихриста, который не может погубить с телом и душ ваших, и противьтесь ему с дерзновением, ибо близок суд и воздаяние, а он имеет власть лишь на короткое время» (св.

Андрей Кесарийский). Некоторые под этим «Ангелом» понимают проповедников Евангелия вообще. Другой Ангел возвещал падение Вавилона, под которым понимается обычно царство зла и греха в мире. Некоторые толкователи понимали под этим «Вавилоном» древний языческий Рим, напоявший все народы «вином блуда», или идолопоклонства. Другие видят под этим символом лжехристианскую империю, а под «вином блуда» – ложное учение религии (ср. Иер. 51:7). Третий Ангел угрожал вечными муками всем тем, кто служит зверю и поклоняется ему и образу его, и примет начертание его на челе или руке. Под «вином ярости Божией» надо понимать тяжкие суды Божии, которые приводят людей в исступление и, подобно опьянелым, возмущают дух. В Палестине вино никогда не употребляется цельное, не растворённое водой. Поэтому гнев Божий по своему сильному действию уподобляется здесь нерастворённому вину. Нечестивые будут подвергнуты вечным мучениям, а святые спасутся своим терпением. В то же время св. апостол услышал голос с неба, говоривший: «напиши: отныне блаженны мёртвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними». «Небесный глас, – объясняет это св. Андрей, – не всех ублажает, но тех только, которые, умертвив себя для мира, умирают в Господе, носят в теле своём мертвечу Иисусову и состраждут со Христом. Для сих исход из тела, воистину, есть успокоение от трудов». Тут мы находим также ещё лишнее свидетельство о значении добрых дел для спасения, отрицаемых протестантами (ст. 6–13).

Взглянув на небо, св. апостол увидел сидящего на облаке Сына Божия в золотом венце и с серпом в руке. Ангелы возвестили Ему, что жатва готова и созрел уже виноград. Тогда «поверг сидящий на облаке серп Свой на землю, и земля была пожата». Под этой «жатвой» надо разумеать кончину мира (ср. Мф. 13:39). В то же время Ангел поверг серп свой на землю и обрезал грозды винограда, «и бросил в великое точило гнева Божия». Под «точилом гнева Божия» разумеется место наказания, уготованное дьяволу и его ангелам. По множеству мучимых в нём оно называется «великим». Под «гроздами» разумеются враги Церкви, беззакония которых возросли до

крайности («созрели на нём ягоды»), так что мера преступлений их переполнилась (ст. 14–20).

«И истоптаны ягоды в точиле за городом, и потекла кровь из точила даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий». Здесь намекается на город Иерусалим, вне которого – на масличной горе – много было точил, в которых выжимали маслины и виноград (ср. Иоил. 3:13). Обилие виноградной жатвы определялось тем, что вино вытекало на землю в таком обилии, что достигало до узд конских. Употреблённое здесь св. Тайновидцем гиперболическое выражение показывает, что поражение врагов Божиих будет самым ужасным, так что кровь их будет течь как бы реками. 1600 стадий – число определённое, взятое вместо неопределённого, и означает вообще обширное поле сражения (ст. 20).

Глава пятнадцатая. Четвёртое видение: семь Ангелов, имеющих семь последних язв

Этой главою начинается последнее, четвёртое видение, обнимающее собой восемь последних глав Апокалипсиса (гл. 15–22). Св. Иоанн увидел «как бы стеклянное море, смешанное с огнём; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море» и под аккомпанемент гуслей прославляют Господа и агнца «песнью Моисея, раба Божия» и «песнью Агнца». «Стеклянное море», по толкованию св. Андрея Кесарийского, означает множество спасаемых, чистоту будущего покоя и светлость святых, добродетельными лучами которой они «просветятся, подобно солнцу» (Мф. 13:43). А что там смешан огонь, так сие можно разуместь из написанного апостолом: «огонь испытывает дело каждого, каково оно есть» (1Кор. 3:13). Нисколько он не вредит чистым и нескверным, потому что, по псаломскому изречению (Пс. 28:7), имеет два свойства: одно – опаляющее грешных, другое, как разумел Василий Великий, – просвещающее праведников. Правдоподобно и то, если под огнём разуместь Божественное ведение и благодать Животворящего Духа, ибо в огне открылся Бог Моисею, и в виде огненных языков Дух Святой сошёл на апостолов. То, что праведники поют «песнь Моисея» и «песнь Агнца», указывает, очевидно, на «оправданных до благодати под законом» и на «праведно проживших после пришествия Христова». Песнь Моисея поётся также и как песнь победы: «торжествующим последнюю важнейшую победу над врагом прилично припомнить первые успехи своей борьбы, каковыми в истории избранного народа Божия была победа Моисея над фараоном. Его-то песнь и поют теперь победители-христиане». Песнь эта звучит весьма торжественно: «Поём Господеви, славно бо просла́вился» – и в данном случае вполне уместна (ст. 2–4).

«Гусли» означают гармонию добродетелей в благоустроенной духовной жизни праведников, или согласие, которое наблюдается у них между словом истины и делом

правды. Праведники в песне своей прославляют Бога и за открытие судов Его: «Яко оправдания Твоя явѣшася».

После сего «отверзся храм скинии свидетельства на небе», по образу которой Бог повелел Моисею в Ветхом Завете устроить скинию земную, и «вышли из храма семь Ангелов, имеющие семь язв». Тайновидец говорит, что они были облечены в чистую и светлую льняную одежду в знак чистоты и светлости их добродетели и по персям опоясаны золотыми поясами в знак могущества, чистоты их существа, честности и неограниченности в служении (св. Андрей Кесарийский). От одного из четырёх «животных», то есть старших Ангелов, они получили «семь золотых чаш», «исполненных гнева Бога, живущего во веки веков». Эти «животные» – Херувимы или Серафимы – верховные ревнители славы Божией, исполненные глубочайшего ведения судеб Божиих, как бывших, так и грядущих, на что указывает самый вид этих блаженных существ, исполненных очей спереди и сзади. Они и получают повеление Божие на то, чтобы уполномочить иных семерых Ангелов излить на землю семь чаш гнева Божия перед кончиною мира и окончательным судом над живыми и мёртвыми. «И наполнился храм дымом от славы Божией и от силы Его» – через этот дым, говорит св. Андрей, «мы узнаем, что страшен, ужасен и мучителен гнев Божий, который, наполнив храм, в день суда посещает достойных его и прежде всего покорившихся антихристу и творивших дела отступления». Это подтверждается и последующим, ибо говорит: «И никто не мог войти в храм, доколе не окончились семь язв семи Ангелов» – сперва надлежит окончиться язвам, то есть наказанию грешников, «а потом уже и святым предоставлено будет обитание в вышнем граде» (св. Андрей) (ст. 5–8).

Глава шестнадцатая. Семь Ангелов, изливающих семь чаш гнева божия на землю

В этой главе изображается суд Божий над врагами Церкви под эмблемой семи фиалов, или семи чаш гнева Божия, изливаемых семью Ангелами. Эмблема этих казней взята с казней, поражавших древний Египет, поражение которого было прообразом поражения лжехристианского царства, которое выше (11:8) названо Египтом, а затем Вавилоном.

Когда первый Ангел вылил чашу, «сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его». Эта эмблема взята, видимо, с шестой казни, поразившей Египет. По объяснению некоторых, здесь надо понимать телесную эпидемию. По толкованию св. Андрея Кесарийского, гнойные раны – это происходящая в сердцах отступников скорбь, мучающая их наподобие сердечного нагноения, ибо наказуемые Богом никакого облегчения не получают от обоготворяемого ими антихриста.

Когда второй Ангел вылил свою чашу в море, вода в море сделалась как бы кровью мертвеца и всё одушевлённое умерло в море. Здесь понимаются кровопролитные международные и гражданские войны (ст. 1–3).

Когда третий Ангел вылил чашу свою в реки и источники вод, вода в них обратилась в кровь. «И услышал я, – говорит Тайновидец, – Ангела вод, который говорил: праведен Ты, Господи, Который еси и был, и свят, потому что так судил; за то, что они пролили кровь святых и пророков. Ты дал им пить кровь: они достойны того». «Отсюда видно, – говорит св. Андрей, – что над стихиями поставлены Ангелы». Здесь также идёт речь о страшных кровопролитиях, которые произойдут перед кончиною мира во времена антихриста (ст. 4–7).

Когда четвёртый Ангел вылил чашу свою на солнце, солнцу дано было жечь людей сильным зноем, так что они, не вразумившись этою казнью, в отчаянии хулили Бога. Св. Андрей говорит, что эту казнь можно понимать или буквально, или под

этим зноем надо понимать «зной искушений, чтобы люди через испытание скорбей возненавидели виновника их – грех. Обезумевшие люди, однако, в ожесточении своём будут уже неспособными к покаянию (ст. 8–9).

Пятый Ангел вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания и хулили Бога Небесного от страданий своих и язв своих, и не раскаялись в делах своих. Это напоминает девятую египетскую казнь (Исх. 10:21). Под этой казнью надо понимать значительное уменьшение величия и власти антихриста, блеск которых доселе поражал людей, и вместе с тем упорную нераскаянность почитателей антихриста (ст. 10–11).

Шестой Ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного. Здесь Евфрат представляется как оплот, который препятствовал царям с войском идти для совершения судов Божиих над царством антихриста. Эмблема эта взята с положения древней Римской империи, для которой Евфрат служил оплотом от нападений восточных народов. Вслед за тем из уст дракона, из уст зверя и из уст лжепророка вышли три нечистых духа, подобных жабам; это – бесовские духи, творящие знамения; они выходят к царям земли всей вселенной, чтобы собрать их на брань в оный великий день Бога Вседержителя. Под этими «бесовскими духами» понимают лжеучителей, болтливых, навязчивых, тревоугодников, бесстыдных и надутых, которые будут привлекать к себе народ ложными чудесами. Великим днём Бога Вседержителя называется время, когда Бог проявит Свою славу в наказании врагов Церкви. «Се, иду как тать...» – здесь речь о внезапности второго Пришествия Христова (ср. Мф. 24:43–44). «И собрал их на место, называемое по-еврейски Армагеддон» – это слово означает «рассечение» или «убийство». «В том, полагаем, месте, – говорит св. Андрей, – собранные и предводимые дьяволом народы будут избиты, ибо он утешается кровью человеческою». Название взято с долины Магеддо, на которой пал царь Иосия в сражении с фараоном Нехао (2Пар. 35:22).

Излиянием седьмой чаши окончательно будет поражено царство зверя. В результате страшного землетрясения распался «город великий на три части, и города языческие пали». Под этим «великим городом» св. Андрей понимает столицу антихристового царства, каковой будет Иерусалим. «И всякий остров убежал, и гор не стало» – «из Божественного Писания, – объясняет св. Андрей, – мы научены разуметь под «островами» святые церкви, а под «горами» – в них начальствующих. А что они побегут при наступлении всего предречённого, о сем слышали от Господа, сказавшего: «Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою или в субботу, ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет» (Мф. 24:21). Если в буквальном смысле принять эти слова, то это будет картина страшного разрушения, что в наше время, когда изобретены атомные и водородные бомбы, нетрудно себе представить. Дальше, в 21 стихе, как раз и говорится о падении града с неба на людей «величиною в талант» – «и хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая». Не бомбы ли надо разуметь под этим убийственным градом? И в наше время мы часто наблюдаем такое ожесточение сердец, когда люди ничем не вразумляются, а только хулят Бога (ст. 19–21).

Глава семнадцатая. Суд над великою блудницей, сидящею на водах многих

Один из семи Ангелов предложил св. Иоанну показать ему суд над великой блудницей, сидящей на водах многих, с которой блудодействовали цари земные и вином любодеяния которой упивались живущие на земле. Ангел повел св. Иоанна в духе в пустыню, и он увидел «жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами». Некоторые принимали эту блудницу за древний Рим, как расположенный на семи холмах. Семью главами носящего её зверя считали семь нечестивейших из всех царей, которые от Домициана до Диоклетиана преследовали Церковь. Св. Андрей, приводя это мнение, далее говорит: «Мы же, руководствуясь и сообразуясь с последовательностью происходящего, думаем, что блудницу называется вообще земное царство, как бы в одном теле представляемое, или же город, имеющий царствовать даже до пришествия антихриста». Некоторые толкователи видят в этой блуднице неверную Христу церковь, поклонившуюся антихристу, или богоотступническое общество – ту часть человечества христианского, которая вступит в тесное общение с миром греховным, будет ему служить и опираться всецело на его грубую силу – силу зверя-антихриста, почему жена эта и показана была Тайновидцу сидящей на звере багряном. «И жена облечена была в порфиру и багряницу...» – все это символы её царственной власти и господства; «и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотой блудодействия её» – «чашею показывается сладость лукавых деяний перед вкушением их, а золотом их драгоценность» (св. Андрей). Члены этой неверной Христу Церкви, или богоотступнического общества, будут людьми плотскими, преданными чувственности. Как говорит один из толкователей, «преисполненные наружного благочестия и в то же время не чуждые чувств грубого честолюбия и тщеславного славолюбия, члены неверной церкви будут любить роскошь и

комфорт, станут устраивать пышные церемонии для сильных мира (17:2, 18:3, 9), святых целей достигать грешными средствами, будут проповедовать исключительно мечом и золотом» (17:4) (Н. Виноградов). «И на челе её написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» – «начертание на челе показывает бесстыдство неправды, полноту грехов и сердечное смущение; она мать, ибо в подначальных городах руководит душевным блудодеянием, порождая тем мерзкие перед Богом беззакония» (св. Андрей). Более общее толкование склонно видеть в этой блуднице, носящей имя Вавилона, всю вообще низменно-чувственную и антихристианскую культуру человечества последних времён, которую ожидает страшная всемирная катастрофа при кончине мира и втором Пришествии Христовом. Падение этого «Вавилона» представляется в Апокалипсисе как первый акт победы в мировой борьбе Церкви Христовой с греховным царством дьявола (ст. 1–5). «Я видел, что жена упоена была кровью святых» – здесь имеются в виду все мученики за Христа, пострадавшие в течение всей мировой истории, особенно же во времена антихриста (ст. 6). Далее Ангел, показавший св. Иоанну блудницу, даёт ему объяснение всего видения. «Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны и пойдёт в погибель» – св. Андрей говорит, что этот зверь «сатана, который, быв умерщвлён Крестом Христовым, снова, говорится, при кончине оживёт и ложными знамениями и чудесами будет через антихриста действовать для отвержения Христа. Посему он был и действовал до креста, и нет его, поелику спасительною страстью обессилен и лишён той власти, которую через идолослужение имел над народами». При кончине мира сатана вновь «придёт указанным нам образом, выйдя из бездны или оттуда, куда осуждён и куда изгнанные Христом бесы просили Его не посылать их, но в свиней; или же выйдет из настоящей жизни, которая называется «бездною» иносказательно по причине греховной житейской глубины, обуреваемой и волнуемой ветрами страстей. Отсюда же для погубления людей выйдет и имеющий в себе сатану антихрист, чтобы вскоре получить погибель в будущем веке» (ст. 7–8).

«Семь голов суть семь гор, на которых сидит жена, и семь царей...» – св. Андрей Кесарийский в этих семи главах и семи горах видит семь царств, отличавшихся особенным мировым значением и могуществом. Таковы:

- 1) Ассирийское,
- 2) Мидийское,
- 3) Вавилонское,
- 4) Персидское,
- 5) Македонское,

6) Римское в двух его периодах – периоде республики и периоде империи, или периоде древнеримском и периоде новоримском от императора Константина.

«Под именем «пяти царей», которые пали, св. Ипполит понимает пять прошедших веков, шестой это тот, в который было видение апостолу, а седьмой, который ещё не наступил, но который будет недолго продолжаться (ст. 9–10). «И зверь, который был и которого нет...» – этот зверь – антихрист; он называется «восьмым», потому что «после семи царств восстанет для обольщения и опустошения земли; «из числа семи» же он, как появившийся от одного из сих царств. «И десять рогов, которые ты видел, суть десять царей, которые ещё не получили царства, но примут власть со зверем, как цари, на один час» – тут всякие гадания и предположения ни к чему привести не могут. Некоторые хотели видеть во всех этих царях, как и в звере, римских императоров, но всё это несомненные натяжки. Речь здесь идёт о последних временах, конечно. Все эти цари, единомысленные со зверем, то есть антихристом, будут вести брань с Агнцем, то есть со Христом, и будут побеждены (ст. 11–14).

Примечательно, что жена-любодейца, носящая имя Вавилона, о котором св. Тайновидец в 18 стихе прямо говорит, что это «великий город, царствующий над земными царями», а что «воды», на которых она сидит, «суть люди и народы, племена и языки», – эта будет наказана и уничтожена самим же зверем-антихристом, десять рогов которого «возненавидят её и разорят и обнажат, и плоть её съедят и сожгут её в огне» (ст. 15–18).

Глава восемнадцатая. Падение Вавилона великой блудницы

В этой главе чрезвычайно живо и образно рисуется гибель Вавилона – великой блудницы, которая сопровождалась, с одной стороны, плачем царей земных, блудодействовавших с нею, и купцов земных, продававших ей разного рода драгоценные товары, а с другой – радостью на небе по поводу справедливого суда Божия. Некоторые современные толкователи полагают, что этот Вавилон действительно будет каким-то громадным городом, мировым центром, столицей царства антихриста, который будет отличаться богатством и вместе с тем крайней развращённостью нравов, чем вообще всегда отличались большие и богатые города. В последних стихах этой главы (21–23) указывается на внезапность кары Божией, которая постигнет этот город. Гибель его произойдёт так же быстро, как жернов погружается в море, и гибель эта будет столь поразительна, что от города не останется ни малейших следов, на что образно указывается в словах: «и голоса играющих на гуслях, и поющих, и играющих на свирелях, и трубящих трубами в тебе уже не слышно будет» и т. д. В последнем, 24 стихе указывается ещё как на причину гибели Вавилона то, что в «нем найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле».

Глава девятнадцатая. Брань Слова Божия со зверем и воинством его и погибель последних

В первых 10 стихах этой главы также чрезвычайно образно описывается ликование на небе в среде многочисленных сонмов святых по поводу разрушения враждебного антихристового царства и наступления царства Христова. Последнее изображается под видом «брака Агнца» и участия праведников в «брачной вечери Агнца» (ср. Мф. 22:1–14; также Лк. 14:16–24). Тайновидец услышал на небе «громкий голос как бы многочисленного народа, который говорил: аллилуия: спасение и слава, и честь и сила Господу нашему»!.. Тогда двадцать четыре старца и четыре животных пали и поклонились Богу, сидящему на престоле, говоря: аминь! аллилуия!» – «Аллилуия», по объяснению св. Андрея Кесарийского, означает Божественное прославление; «аминь» – истинно, да будет. Это, говорит, ангельскими силами вместе с равноангельными людьми воспевается Богу «тремякратно», по причине Триипостасности Отца, Сына и Святого Духа, Единого Бога, Который отметил кровь рабов Своих от руки Вавилона, облагодетельствовал наказанием жителей его и пресёк грех. «Аллилуия» – от еврейского «Галлему Яг», значит буквально: «хвалите Бога». «И дым её восходил во веки веков» – это говорится о том, что кара, постигшая Вавилон-блудницу, будет продолжаться вечно. «Возрадуемся и возвеселимся и воздадим Ему славу, ибо наступил брак Агнца» – предмет ликования составляет то, что наступает время празднования брака Агнца. Под «браком», или «брачным пиршеством» разумеется вообще состояние духовного веселия Церкви. Под женихом Церкви разумеется Агнец – Господь Иисус Христос, Глава таинственного Своего Тела; под невестой и женой Агнца разумеется Церковь (см. Еф. 5:25). Самый брак означает тесное соединение Господа Иисуса Христа с Его Церковью, запечатлённое верностью, с той и другой стороны подтверждённое заветом, как бы взаимным договором (ср. Ос. 2:18–20). Брачное пиршество означает наслаждение полнотой

благодати Божией, которая силою искупительных заслуг Христовых обильно будет подаваться всем истинным членам Церкви Христовой, радовать и веселить их неизреченными благами. «И жена Его приготовила себя, и дано было ей облечься в виссон чистый и светлый» – «что Церковь одета в виссон, сие означает светлость её в добродетелях, тонкость в разумении и высоту её в размышлении и созерцании, ибо из сих состоят Божественные оправдания» (св. Андрей Кесарийский). «Блаженны званые на брачную вечерю Агнца» – «Вечеря Христова, как объясняет св. Андрей, есть торжество спасаемых и согласная их радость, которую получают блаженные, когда войдут в вечный чертог со Святым Женихом чистых душ: «сии суть истинные слова Божии». – Как много благ будущего века, превосходящих всякую мысль, так многоразличны и имена, которыми они называются. Называются они иногда Царством Небесным по славе его и честности, иногда – раем по неоскудению трапезы наслаждений, иногда лоном Авраамовым по успокоению в нём усопших, а иногда – чертогом и браком не только по причине бесконечного веселия, но и ради чистого, истинного и неизреченного соединения Бога с Его рабами, – соединения настолько превосходящего телесное общение друг с другом, насколько свет различается от тьмы и мир от зловония». Ангел, которому хотел поклониться св. Иоанн, запретил ему делать это, сказав: «я сослужитель тебе и братьям твоим, имеющим свидетельство Иисусово; Богу поклонись, ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества» – смысл этих слов такой: не кланяйся мне, ибо я всего лишь твой сослужитель. Тот же Дух Святой, Который говорит и действует через апостолов, в частности через св. Иоанна, проповедующего свидетельство об Иисусе, говорит и через Ангелов как через таких же посланников Божиих. «Твоё достоинство таково же, как и моё, – как бы так говорит Ангел, – ты, наделённый дарами Святого Духа, свидетельствуешь о словах и делах Иисуса Христа; а я, от Того же Святого Духа получив откровение будущих событий, сообщаю его тебе и Церкви. Иначе сказать: Дух свидетельства Христова есть Дух и пророчества, то есть того же достоинства и имеющий ту же

цель». Св. Андрей Кесарийский отмечает здесь смирение Ангелов, «которые не присваивают себе, подобно злым демонам. Божественную славу, но приписывают её Владыке» (ст. 1–10).

Следующая часть главы (ст. 11–12) изображает появление Самого Божественного Жениха – Слова Божия, брань Его со зверем и воинством Его и окончательную победу над ним. Св. Иоанн увидел отверстое небо, откуда сошёл в виде всадника на белом коне Господь Иисус Христос, за Которым следовали также на белых конях небесные воинства. «Белый конь, по словам св. Андрея, означает светлость святых, восседая на которых, будет судить народы, испуская из Своих пламенных и огненных очей, то есть из всевидящей силы Своей, огненный пламень, праведных, однако, не опаляющий, но просвещающий, а грешников, наоборот, пожирающий, но не просвещающий». Он появляется, как Царь, со множеством диадим на голове, чем означает, что Ему предоставлена вся власть на небе и на земле (Мф. 28:18) и над всеми царствами мира. «Он имел имя написанное, которого никто не знал, кроме Его Самого» – неизвестность имени указывает на непостижимость Его Божеского существа. Далее, в 13 стихе, это имя названо: Слово Божие. Имя это действительно непостижимо для людей, ибо оно относится к сущности и происхождению Божественного естества Иисуса Христа, которых никто из смертных не может постигнуть. Потому оно и в ветхозаветном Писании называется чудным (Суд. 13:18; Ис. 9:6; Притч. 30:4). «Он был облечён в одежду, обогрётную кровью» – «Одеждою Бога Слова, – говорит св. Андрей, – была пречистая и нетленная плоть Его, обогрётная Его кровью во время вольных страданий». «И воинства небесные следовали за ним на конях белых, облечённые в виссон белый и чистый» – «это небесные силы, отличающиеся тонкостью природы, высотой разума и светлостью добродетелей и почтенные нерасторжимостью крепкого и тесного единения со Христом» (св. Андрей). «Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасёт их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя» – это меч

Христов, в данном случае не столько как учителя (ср. 1:16), а больше как Царя, совершающего Свои суды, как оружие для наказания нечестивых (Ис. 11:4). Они будут пасомы жезлом железным – это выражение взято из Пс. 2:9; Ис. 63:4–5 и объяснено в Откр. 2:27; 12:5. «На одежде и на бедре Его написано имя: царь царей и Господь господствующих» – это имя, свидетельствующее о Божественном достоинстве носителя его, было написано на бедре, то есть на царском плаще, около той части тела, при которой, по обыкновению восточных народов, висел меч на поясе (ст. 11–16).

Далее св. Тайновидец увидел Ангела, стоящего на солнце, который, призывая всех радоваться о наказании грешных и пресечении греха, возопил: «Собирайтесь на великую вечерю Божию, чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных...» – это обращение Ангела к хищным птицам символически обозначает, что поражение врагов Божиих предстоит самое ужасное, как в кровопролитном сражении, когда тела убитых, вследствие их множества, остаются непогребёнными, и птицы пожирают их. «И схвачен был зверь и с ним лжепророк, производивший чудеса пред ним, которыми он обольстил принявших начертание зверя и поклоняющихся его изображению: оба живые брошены в озеро огненное, горящее серою» – таков результат происшедшего сражения. «Быть может, – говорит св. Андрей, – что они не подвергнутся общей смерти, но, умерщвлённые в мгновение ока, будут осуждены на вторую смерть в озере огненном. Как пойдут на суд те, о которых сказал апостол, что они, будучи живы, вдруг, во мгновение ока, изменятся (1Кор. 15:52), так, напротив, сии два противника Бога перейдут не на суд, но на осуждение. Основываясь на словах апостола, что «антихрист будет убит духом Божественных уст» (2Сол. 2:8), и на сказании некоего учителя, что живые будут и по убиении антихриста, некоторые толкуют сие иначе; мы же утверждаем, что живые суть ублажаемые Давидом и что сии два, по пресечении Богом их власти, в неистлевающих телах ввержены будут в огонь гееннский, который и составит для них смерть и убиение Божественным Христовым повелением». Как жизнь блаженная ещё в этой жизни начинается, так и ад ожесточённых и

терзаемых злою совестью начинается ещё в этой жизни, продолжается и усиливается в высшей степени в жизни будущей. «А прочие убиты мечом Сидящего на коне, исходящим из уст Его; и все птицы напитались их трупами», – «Две есть смерти, – поясняет св. Андрей, – одна – разлучение души с телом, другая же – ввержение в геенну. Применяя сие к воинствующим вместе с антихристом, не без основания предполагаем, что мечом или повелением Божиим им нанесена будет первая – телесная, а уже за нею последует вторая; и сие правильно. Если же это не так, то и они вместе с прельстившими их будут участниками второй смерти – вечной муки» (ст. 17–21).

Глава двадцатая. Всеобщее воскресение и страшный суд

Вслед за поражением антихриста св. Иоанн увидел Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Ангел этот «взял дракона, змия древнего, который есть дьявол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его... доколе не окончится тысяча лет; после же сего ему должно быть освобождённым на малое время» – как толкует св. Андрей Кесарийский, под этой «тысячей лет» надо понимать всё время от воплощения Христова до пришествия антихриста. С приходом Воплотившегося Сына Божия на землю и в особенности с момента искупления Им Своею Крестной смертью человечества сатана был связан, язычество низвержено, и наступило на земле тысячелетнее Царство Христово. Под этим тысячелетним Царством Христовым на земле разумеется победа христианства над язычеством и утверждение на земле Церкви Христовой. Число 1.000 определённое – взято здесь вместо неопределённого, означающего вообще длительный период времени до второго Пришествия Христова. «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дело было судить» и проч. – эта картина символически рисует наступившее царство веры христианской после ниспровержения язычества. Восприявшие суд и воссевшие на престолах – это все достигшие спасения христиане, ибо всем им дано обетование царства и славы Христовой (1Сол. 2:12). В сем лике св. Тайновидец выделяет в особенности «обезглавленных за свидетельство Иисуса и за Слово Божие», то есть святых мучеников. «И увидел, – говорит св. Иоанн, – души обезглавленных» – отсюда ясно видно, что эти святые, участвующие в 1.000-летнем Царстве Христовом, царствуют со Христом и «творят суд» не на земле, а на небе, ибо здесь говорится только об их душах, ещё не соединившихся с телами. Из этих слов видно, что святые принимают участие в управлении Церковью Христовой на земле, а потому естественно и правильно обращаться к ним с молитвами, прося

их о заступничестве перед Христом, Которому они соцарствуют. «И ожили и царствовали со Христом тысячу лет» – оживление здесь понимается нравственно-духовным. Св. Тайновидец называет это «первым воскресением» (ст. 5), а о втором, телесном воскресении речь у него идёт дальше. Это соцарствование святых Христу будет продолжаться до окончательной победы над темными силами нечестия при антихристе, когда произойдёт воскресение тел и настанет последний Страшный Суд. Тогда и души святых соединятся с телами и будут царствовать со Христом уже вечно. «Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет; это – первое воскресение» – этим выражением «не ожили» выражается мрачное и тягостное состояние после телесной смерти душ нечестивых грешников. Оно продолжится, «доколе не окончится тысяча лет» – как и во многих других местах Священного Писания, эта частица «доколе» (по-гречески «эос») не означает продолжения действия до известного предела, а напротив, совершенное отрицание его (например, Мф. 1:25). В этих словах, поэтому имеется в виду отрицание навсегда блаженной жизни для умерших нечестивцев. «Блажен и свят, имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти» – вот как объясняет это св. Андрей Кесарийский: «Из Божественного Писания мы знаем, что есть две жизни и два умерщвления, то есть смерти: первая жизнь – за преступление заповедей временная и плотская, вторая же – по соблюдении Божественных заповедей, обещанная святым жизнь вечная. Соответственно сему, есть и два рода смерти: одна плотская и временная, а другая – посылаемая в будущем в наказание за грехи, вечная, то есть геенна огненная. Следовательно, смысл этих слов таков: нечего бояться второй смерти, то есть геенны огненной, тому, кто ещё здесь, на земле, жил о Христе Иисусе и облагодатствованный Им и с горячей верой в Него предстал перед Ним после первой, то есть телесной смерти (ст. 1–6).

Эти первые 6 стихов 20 главы Апокалипсиса послужили поводом к возникновению ложного учения о «тысячелетнем Царстве Христовом на земле», получившем наименование

«хилиазма». Сущность этого учения такова: задолго до кончины мира Христос Спаситель опять придёт на землю, поразит антихриста, воскресит одних праведников и устроит новое царство на земле, в котором праведники, в награду за свои подвиги и страдания, будут царствовать вместе с Ним в продолжение тысячи лет, наслаждаясь всеми благами временной жизни. Затем уже последует второе, всеобщее воскресение мёртвых, всеобщий суд и всеобщее вечное мздовоздаяние. Это учение известно было в двух видах. Одни говорили, что Христос восстановит Иерусалим во всей красе, снова введёт исполнение обрядового закона Моисеева со всеми жертвами и что блаженство праведников будет состоять во всевозможных чувственных удовольствиях. Так учил в первом веке еретик Керинф и другие иудействовавшие еретики: евиониты, монтанисты, а в четвёртом веке Аполлинарий. Другие, напротив, утверждали, что это блаженство будет состоять в чисто духовных наслаждениях. В этом, последнем виде мысли о хилиазме были высказаны впервые Папием Иерапольским; встречаются они затем у св. Иустина Мученика, у Иринея, Ипполита, Мефодия и Лактанция; в позднейшие времена оно возобновлено, с некоторыми особенностями, анабаптистами, последователями Шведенборга, мистиками-иллюминатами и адвентистами. Надо, однако, видеть, что ни в первом, ни во втором виде учение о хилиазме не может быть принято православным христианином, и вот почему:

1) По учению хилиастов, воскресение мёртвых будет двукратное: первое за тысячу лет до кончины мира, когда воскреснут одни праведники, второе – перед самою кончиною мира, когда воскреснут и грешники. Между тем Христос Спаситель ясно учил лишь об одном всеобщем воскресении мёртвых, когда воскреснут и праведники, и грешники, и все примут окончательное мздовоздаяние (Ин. 6:39, 40; Мф. 13:37–43).

2) Слово Божие говорит только о двух пришествиях Христовых в мир: первом, в унижении, когда Он приходил искупить нас, и втором, во славе, когда Он явится судить живых и мёртвых. Хилиазм вводит ещё одно – третье пришествие

Христово за тысячу лет до кончины мира, какового не знает Слово Божие.

3) Слово Божие учит только о двух царствах Христовых: Царстве благодати, которое будет продолжаться до кончины мира (1Кор. 15:23–26), и Царстве славы, которое начнётся после Страшного Суда и не будет иметь конца (Лк. 1:33; 2Пет. 1:11), хилиазм допускает ещё какое-то среднее третье Царство Христово, которое будет продолжаться только 1.000 лет.

4) Учение о чувственном Царстве Христовом явно противно Слову Божию, согласно которому Царство Божие не есть «пища и питье» (Рим. 14:17); в воскресение мёртвых не женятся и не посягают (Мф. 22:30); обрядовый закон Моисеев имел только прообразовательное значение и навсегда отменен совершеннейшим новозаветным законом (Деян. 15:23–30; Рим. 6:14; Гал. 5:6; Евр. 10:1).

5) Некоторые древние учителя Церкви, как Иустин, Ириней и Мефодий, держались хилиазма лишь как частного мнения. В то же время другие решительно восставали против него, каковы: Кай, пресвитер Римский, св. Дионисий Александрийский, Ориген, Евсевий Кесарийский, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Епифаний, блж. Иероним, блж. Августин. С тех же пор, как Церковь на втором Вселенском соборе в 381 году осудила учение еретика Аполлинария о тысячелетии Христовом и для того внесла в Символ веры слова «Егоже Царствию не будет конца», держаться хилиазма, даже как частного мнения, стало уже непозволительно.

Надо знать также, что Апокалипсис – книга глубоко таинственная, а потому понимать и толковать буквально содержащиеся в ней пророчества, особенно если это буквальное понимание явно противоречит другим местам Священного Писания, совершенно противно правилам священной герменевтики. В таких случаях правильно искать иносказательный, аллегорический смысл недоуменных мест.

«Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобождён из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырёх углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской» – под «разрешением сатаны от

темницы своей» разумеется появление перед кончиною мира антихриста. Освобождённый сатана будет в лице антихриста стараться прельстить все народы земли и воздвигнет на брань против Христианской Церкви Гога и Магога. «Некоторые думают, – говорит св. Андрей Кесарийский, – что Гог и Магог суть полунощные и отдалённейшие народы скифские, или, как мы их называем, гунны, самые воинственные и многочисленные из всех земных народов. Только Божественною десницею они удерживаются до освобождения дьявола от завладения всей вселенной. Иные, переводя с еврейского, говорят, что Гог обозначает собирающего или собрание, а Магог – возвышенного или возвышение. Итак, сими именами обозначается или собрание народов, или их превозношение. Надо полагать, что имена эти употреблены в метафорическом смысле для обозначения тех свирепых орд, которые вооружатся перед концом мира против Христовой Церкви под водительством антихриста. «И вышли на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный» – это значит, что враги Христовы распространятся по всей земле, и всюду начнётся гонение на христианство. «И ниспал огонь с неба от Бога и пожрал их» – в таких же чертах изображал поражение свирепых полчищ Гога и св. пророк Иезекииль (38:18–22; 39:1–6). Это – изображение гнева Божия, который прольётся на врагов Божиих при втором Пришествии Христовом. «Дьявол, прельщавший их, ввержен в озеро огненное и серное, где зверь и лжепророк, и будут мучиться день и ночь во веки веков» – такова будет вечная участь дьявола и его слуг – антихриста и лжепророка: они будут обречены на нескончаемые адские муки (ст. 7–10).

За этой окончательной победой над дьяволом последует всеобщее воскресение мёртвых и Страшный Суд.

«И увидел я великий белый престол и Сидящего на нём» – это картина всеобщего суда Божия над человеческим родом. Белизна престола, на котором восседает верховный Судия вселенной, означает святость и правду сего Судии. «От лица Которого (то есть от лица Господа Судии) бежало небо и земля, и не нашлось им места» – этим изображаются великие и страшные перевероты во вселенной, которые произойдут перед

последним Страшным Судом (ср. 2Пет. 3:10). «И увидел я мёртвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мёртвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» – разогнутые книги символически обозначают собой всеведение Божие, которому известны все дела людей. Книга жизни только одна, в знак малого количества избранников Божиих, имеющих наследовать спасение. «Раскрытые книги, – говорит св. Андрей, – означают деяния и совесть каждого. Одна, говорит, из них есть «книга жизни», в которой написаны имена Святых». – «Тогда отдало море мёртвых, бывших в нём, и смерть и ад отдали мёртвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим» – мысль здесь та, что все люди, без всякого исключения, воскреснут и предстанут на Суд Божий. – «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это – смерть вторая. И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное» – это сказано в том смысле, что прославленные и спасённые люди уже не будут более бояться ни ада, ни смерти: для них смерть и ад перестанут существовать навеки. Под «огненным озером» и «вторую смертью» разумеется вечное осуждение грешников, имена которых не оказались записанными у Господа в книге жизни (ст. 11–15).

Глава двадцать первая. Открытие нового неба и новой земли – новый Иерусалим

Вслед за тем св. Иоанну была показана духовная красота и величие нового Иерусалима, то есть Царства Христова, имеющего открыться во всей своей славе во второе Пришествие Христово после победы над дьяволом.

«И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» – здесь говорится не о небытии твари, но о перемене к лучшему, как свидетельствует апостол: «сама тварь освободится от работы нетления в свободу славы чад Божиих» (Рим. 8:21). И Божественный Песнопевец говорит: «как одежду. Ты переменишь их, – и изменятся» (Пс. 101:27). Обновление устаревшего означает не изглаждение и уничтожение, но устранение устарелости и морщин» (св. Андрей Кесарийский). Эта новизна неба и земли будет состоять в преобразовании их огнём и в новизне форм и качеств, но не в изменении самой сущности. Море как непостоянный и волнующийся элемент исчезнет. – «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» – под образом этого «Нового Иерусалима» представляется здесь торжествующая Церковь Христова, украшенная, как бы невеста Господня, чистотой и добродетелями святых. «Сей город, – говорит св. Андрей, – имеющий краеугольным камнем Христа, составляется из святых, о которых написано: «подобно камням в венце, они воссияют на земле Его» (Зах. 9:16). – «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их; И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло» – ветхозаветная скиния была лишь прообразом обитания Бога с человеками, которое начнётся в будущей вечной блаженной жизни и будет источником блаженства для людей, освобождённых от всех скорбей

нынешней земной жизни (ст. 1–4). «И сказал Сидящий на престоле: се, творю всё новое... И сказал мне: совершилось!» – то есть: Я созидаю новую жизнь, совершенно отличную от прежней, исполнено всё, что было обещано. – «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец», то есть всё, что Я обещаю, есть уже как бы исполненное, ибо перед Моими очами будущее и настоящее составляет один и тот же нераздельный момент. «Я жаждущему дам даром от источника воды живой», то есть благодать Св. Духа, образно представляемую в Священном Писании под образом воды живой (ср. Ин. 4:10–14; 7:37–39). «Побеждающий наследует всё, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном» – то есть все эти блага получит побеждающий в брани против невидимых демонов и соделается сыном Божиим. «Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, идолослужителей и всех лжецов – участь в озере, горящем огнём и серой; это – смерть вторая» – боязливые и не имеющие мужества в борьбе с дьяволом, грешники, преданные страстям и порокам, будут осуждены на «вторую смерть», то есть на вечные адские муки (ст. 1–8).

После сего один из семи Ангелов, «у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами», пришёл ко Иоанну «и сказал: пойдй, я покажу тебе жену, невесту Агнца». «Невестой» и «женой Агнца» названа здесь, как видно это и из последующего. Церковь Христова. «Правильно называет, – говорит св. Андрей, – невесту женой Агнца», ибо когда Христос был заклан, как агнец, тогда уневестил её Себе Своею кровью. Как Адаму во время его сна была создана жена через взятие ребра, так и Церковь, составленная изливанием крови из рёбер Христовых во время Его вольного на кресте почивания сном смерти, сочеталась с уязвлённым ради нас». «И вознёс меня в духе, – говорит далее св. Иоанн, – на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога» – невеста Агнца, или Св. Церковь, предстала перед духовным взором св. Тайновидца в виде прекрасного великого города, сходящего с неба Иерусалима. Вся остальная часть главы посвящена подробному описанию этого дивного города. Блистая драгоценными камнями, этот

город имел 12 ворот с именами 12 колен Израилевых и 12 оснований с именами 12 апостолов. Характерной чертой города указывается то, что «светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному» – «Светило Церкви, – говорит св. Андрей, – есть Христос, называемый «ясписом», как всегда растущий, цветущий, жизнеподательный и чистый». Высокая стена окружает город в знак того, что не может войти туда ни один недостойный; сия же мысль выражается тем, что на 12 воротах его содержат стражу Ангелы Божии. Ворота носят имена 12 колен Израилевых, ибо как на земле сии колена составляли общество избранных людей Божиих, так их же имена усвоятся и избранникам небесным – новому Израилю. На 12 стенных основаниях написаны имена 12 апостолов Агнца, конечно в знак того, что апостолы суть основания, на которых утверждена Церковь, как основатели веры христианской у всех народов земли. Здесь нельзя не видеть опровержение ложного догмата латинян, будто Церковь Христова основана на одном апостоле Петре (ст. 9–14).

Город измеряется Ангелом на глазах св. Тайновидца, при помощи золотой трости. «Золотая трость, – говорит св. Андрей, – показывает честность измеряющего Ангела, которого видел в человеческом образе, а также досточестность измеряемого города, под «стеною» которого разумеем Христа». Город имеет вид правильного четырёхугольника, а равномерность высоты, долготы и широты его, по 12.000 стадий, указывает на форму куба, что знаменует твёрдость его и прочность. Высота стены города – 144 локтя. Все эти цифровые выражения употреблены, надо полагать, для обозначения совершенства, твёрдости и удивительной симметрии целостного здания Церкви Божией. Стена города построена из ясписа, символизирующего собой Божественную славу (см. ст. 11) и всегда цветущую и неувядающую жизнь святых. Сам город был из чистого золота, подобного чистому стеклу, в знак честности и светлости обитателей его. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями; собственно каждое из 12 оснований представляло собой сплошной драгоценный камень. Как замечает св. Андрей, из этих 12 дорогих камней восемь были

носимы на нарамнике древнего первосвященника, а четыре иные – чтобы показать согласие Нового Завета с Ветхим и преимущество просиявших в нём. И верно, ибо означаемые драгоценными камнями апостолы украсились всякой добродетелью. По толкованию св. Андрея, значение этих 12 камней таково: основание первое – яспис – камень зеленоватого цвета, означает верховного апостола Петра, носившего в теле мёртвость Христову и показавшего цветущую и неувядаемую любовь к Нему; второе – сапфир – из которого бывает и лазурь, обозначает блаженного Павла, восхищенного даже до третьего неба; третье – халкидон – видимо, то же, что и анфракс, который был в первосвященническом нарамнике, означает блаженного Андрея апостола, подобно углю, возожжённого Духом; четвёртое – смарагд – имеющий зелёный цвет, питающийся елеем и от него получающий блеск и красоту, означает св. евангелиста Иоанна, Божественным елеем умягчающего происходящее в нас от грехов сожаление и уныние и драгоценным даром Богословия дарующего нам никогда не ослабевающую веру; пятое – сардоникс, камень, имеющий цвет блестящего человеческого ногтя, означает Иакова, прежде других претерпевшего за Христа телесное умерщвление; шестое – сердолик – оранжевый по цвету и блестящий камень этот, целебный при опухолях и язвах от железа, обозначает красоту добродетелей блаженного Филиппа, просвещаемую огнём Божественного Духа и врачующую душевные язвы прельщённых; седьмое – хризолит – блестящий, подобно золоту, обозначает, быть может, Варфоломея, блистающего многоценными добродетелями и Божественною проповедью; восьмое – вирилл – имеющий цвет моря и воздуха, обозначает Фому, совершившего дальнейшее путешествие для спасения индийцев; девятое – топаз – чёрный камень, источающий, как говорят, млекообразный сок, целебный для страждущих глазными болезнями, обозначает блаженного Матфея, который врачует Евангелием слепых сердцем и напоет млеком новорождённых в вере; десятое – хризопрас – превосходящий по блеску самое золото, обозначает блаженного Фаддея, который Авгарю, царю эдесскому, благовестил

означаемое золотом Царство Христово и мертвость в нем, знаменуемую прасом; одиннадцатое – гаацинт – лазоревый или небовидный камень, правдоподобно обозначает Симона как ревнителя Христовых дарований, имеющего небесное мудрование; двенадцатое – аметист – багряный по цвету камень, обозначает Матфия, удостоившегося Божественного огня при разделении языков и за пламенное влечение благоугождать Избравшему, заменившего место отпадшего (ст. 15–20).

Двенадцать ворот города были устроены из 12 цельных жемчужин. «Двенадцать ворот, – говорит св. Андрей, – очевидно, суть 12 учеников Христовых, через которых мы узнали дверь и путь жизни». Они же и 12 бисеров, как получившие просвещение и блеск от единственного многоценного бисера – Христа. Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло. Все эти подробности выражают одну и ту же мысль, что в небесной Церкви Божией всё свято, чисто, прекрасно и устойчиво, всё величественно, духовно и драгоценно (ст. 21).

Дальше описывается внутренний быт обитателей этого чудесного небесного города.

Во-первых, в нём нет никакого видимого храма, ибо «Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец» – Господу Богу будет воздаваемо там непосредственное поклонение, а потому не будет нужды ни в материальном храме, ни в каких-либо обрядах и священнодействиях;

во-вторых, этот небесный город не будет нуждаться ни в каком освещении, «ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец» – где мысленное Солнце правды, там нет нужды в чувственном» (св. Андрей);

в-третьих, население этого небесного града будет самое разнообразное и смешанное, ибо «все, увенчавшиеся победой над страстями, принесут в него славу и честь добрых деяний» (св. Андрей);

в-четвёртых, ворота небесного града не будут запираются днём, а ночи там не будет (ср. Ис. 60:11) – это значит, что

Церкви небесной не будет угрожать никакая опасность от нападения каких-либо врагов.

Общий внутренний признак, отличающий эту небесную Церковь от земной, тот, что в то время как в земной Церкви добро уживается со злом и плевелы растут вместе с пшеницей, в небесной Церкви соберётся из всех народов земли одно только доброе, чистое и святое. Всё же злое, скверное и нечистое, накопившееся за всё время мировой истории, отсюда будет выделено и слито как бы в один смрадный водоём, нечистота которого никак не коснётся этого дивного обиталища одних лишь блаженных существ (ст. 22–27).

Глава двадцать вторая. Заключительные черты образа нового Иерусалима.

Удостоверение истинности всего сказанного, заветование соблюдать заповеди божии и ожидать второго пришествия Христова, которое будет скоро

Непрерывность блаженства членов небесной Церкви изображается в ряде символов. Первый символ – это «светлая, как кристалл, чистая река воды жизни. Эта река, непрерывно истекающая от престола Бога и Агнца, символически изображает благодать Животворящего Духа, которая наполняет стогны св. города, то есть всё множество его обитателей, «увеличившееся», по псалмопевцу, «паче песка» (Пс. 138:18). Это – благодать и милость Божия, которая неистощимо будет изливаться всегда на жителей небесного града, наполняя сердца их неизреченным блаженством (ср. Ис. 35:9–10). Вторым символом – это «древо жизни», по подобию того, которое было некогда в земном раю, до грехопадения прародителей. «Древо жизни» в небесном Иерусалиме будет обладать особенными превосходнейшими качествами: оно двенадцать раз в году будет произращать плоды, и листья его будут служить для исцеления народов. Св. Андрей считает, что древо жизни знаменует Христа, понимаемого в Духе и о Духе Святом: ибо в нём Дух, и Он поклоняем в Духе и есть Податель Духа. Через Него же и двенадцать плодов апостольского лика даруют нам неоскудевающий плод Богоразумия. Листья древа жизни, то есть Христа, означают тончайшие, превысшие и пресветлые разумения Божественных судеб, а плоды его – совершеннейшее знание, открываемое в будущем веке. Эти листья будут в исцеление, то есть очищение неведения народов, низших других в совершении добродетелей. Потому что «иная слава солнца, иная слава луны, иная звёзд» (1Кор. 15:41), и «многие обители у Отца» (Ин. 14:2), для того чтобы по характеру дел одного удостоить меньшей, а другого – большей светлости. – «И ничего уже не будет проклятого» – всякое проклятие навсегда будет снято с обитателей этого небесного града, «но престол

Бога и Агнца будет в нём, и рабы Его будут служить Ему, и узрят лицо Его, и имя Его будет на челах их» – сподобившиеся стать обитателями этого города узрят Бога лицом к лицу, «не в гаданиях, но, как свидетельствует великий Дионисий, в том самом виде, в коем был зрим святыми апостолами на горе Святой. Вместо золотой дщицы, которую носил древний первосвященник (Исх. 28:36), будут иметь начертание имени Божьего, и не на челах только, но и в сердцах, то есть твёрдую, непреложную и дерзновенную любовь к Нему. Ибо начертание на челе означает украшение дерзновения» (св. Андрей). «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их, и будут царствовать во веки веков» – всеми этими чертами указывается на непрерывное и самое полное общение членов небесной Церкви со своим Владыкою, соединённое даже с лицезрением Его. Это и будет для них источником неиссякаемого блаженства (ср. Иез. 47:12) (ст. 1–5).

В заключительных стихах Апокалипсиса (ст. 6–21) св. апостол Иоанн удостоверяет истинность и верность всего сказанного и говорит о близости исполнения всего, что было ему показано, а также и о близости второго Пришествия Христова и с ним возмездия для каждого по делам его. «Се, гряду скоро» – эти слова, по объяснению св. Андрея, показывают или кратковременность настоящей жизни в сравнении с будущей, или же внезапность и быстроту кончины каждого, так как преставление отсюда для каждого составляет конец. А поелику не знает, «в кий час приходит тать», то заповедано нам «бодрствовать и иметь чресла препоясанными и светильники горящими» (Лк. 12:35). Надо помнить, что для Бога нашего нет времени, что «один день пред Ним, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2Пет. 3:8). Он грядёт скоро, потому что грядёт неукоснительно – ничто не остановит Его пришествия, как ничто не остановит и не разрушит Его непреложных определений и обетований. Человек считает дни, месяцы и годы, а Господь исчисляет не время, но правды и неправды человеческие и мерою избранных Своих определяет меру приближения того великого и просвещённого дня, когда

«времени больше не будет», а начнётся не вечерний день Царствия Его. Дух и невеста, то есть Церковь Христова, призывают всех прийти и почерпнуть воду жизни даром, дабы сподобиться стать гражданами небесного Иерусалима. Заканчивает св. Иоанн Апокалипсис утешением исполняющих заповеди Божии и строгим предупреждением не искажать слова пророчества под угрозой наложения язв, «написанных в книге сей». В заключение св. Иоанн выражает пожелание скорого пришествия Христова в словах: «Аминь. Ей, гряди. Господи Иисусе!», и преподает обычное апостольское благословение, из чего видно, что Апокалипсис первоначально предназначался в виде послания Малоазийским церквам (см. 1:11).

Содержание Апокалипсиса ясно показывает, что он имеет историческое основание и великое значение для Церкви всех времён. Он представляет собой естественное завершение канона священных книг и, изображая будущие и последние судьбы Церкви и мира, как бы непосредственно поставляет нас перед лицом грядущего Судьи.

Конец, и Богу слава.